АЗБУКА ВЕРЫ

Лондон Джек

Лунная долина

Художественная литература · azbyka.ru

Лунная долина – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/lunnaya-dolina

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Лунная долина

Лондон Джек

Часть первая

Глава первая

Слушай, Саксон, пойдем со мной. А если бы и в «Клуб каменщиков»? Чем плохо? У меня там найдутся знакомые кавалеры, у тебя тоже. И потом оркестр Ола Виста… Ты же знаешь, он чудно играет. А ты любишь потанцевать…

Девушку прервала грузная пожилая женщина, работавшая поодаль. Она стояла спиной к подругам, и эта спина, рыхлая, сутулая и неуклюжая, начала вдруг судорожно вздрагивать.

— Господи! — простонала женщина. — О Го-осподи!

Как затравленный зверь, бросала она вокруг себя яростные взгляды.

В большой комнате, где было жарко, как в пекле, работало несколько десятков гладильщиц, и пар от шипевшего под их утюгами влажного белья густым слоем сырости оседал на выбеленных стенах. Девушки и женщины, работавшие с нею рядом, безостановочно и быстро водили утюгами; услышав крик, они стали озираться, невольно нарушая равномерный ритм своих ловких и быстрых движений, а это не могло не отразиться на их работе, так как гладильщицы тонкого крахмального белья были на сдельщине.

Женщина, наконец, овладев собой, схватила утюг и стала машинально водить им по воздушной блузке с рюшами, лежащей на доске.

— Я уж думала, с ней опять начинается… — сказала девушка.

— Слыханное ли дело! Женщина в ее возрасте, с этакой семьей… — отозвалась Саксон, разглаживая горячим утюгом для плойки кружевную оборку. Трудно было не залюбоваться ее бережными, уверенными и быстрыми движениями. Хотя ее лицо побледнело от усталости и невыносимой жары, движения оставались точными и быстрыми.

— У бедняжки семеро детей, двое из них в исправительной школе, — сочувственно заметила ее подруга. — Но только ты, Саксон, непременно приходи завтра в Визелпарк, — вернулась она к прежнему разговору. — У «Каменщиков» всегда бывает весело: перетягивание каната, бег толстяков, настоящая ирландская джига и… многое другое. И танцевальный зал там отличный.

Однако пожилая женщина снова ее прервала: утюг выскользнул у нее из рук прямо на блузку, женщина попробовала было ухватиться за доску, но колени ее ослабели, и она, как мешок, упала на пол. Протяжный крик раздался в душной комнате, и тут же едко запахло спаленной тканью. Соседки бросились прежде всего к горячему утюгу, чтобы спасти блузку, а затем уже к упавшей. В проходе показалась старшая мастерица, она с грозным видом спешила к месту происшествия. Женщины, стоявшие подальше, продолжали работать, но в их движениях чувствовалась неуверенность. В общей сложности они, должно быть, потеряли не меньше минуты.

— От такой жизни собака околеет, — пробормотала первая гладильщица, решительно ставя

свой утюг на подставку. — А девушке — впору удавиться. Брошу я это, вот и все.

— Мери! — Саксон произнесла имя приятельницы с такой глубокой укоризной, что и ей самой пришлось поставить утюг и потерять еще с десяток движений.

Мери испуганно покосилась на нее.

— Я не то хотела сказать, Саксон, — прошептала она. — Даю честное слово, я бы никогда не пошла по дурной дорожке. Но сама посуди, разве человеческие нервы могут выдержать хотя бы такой день, как сегодня! Нет, ты послушай!

Упавшая женщина, лежа на спине, колотила ногами по полу и выла однообразно и непрерывно, точно заводская сирена. Две работницы, подхватив товарку под руки, поволокли ее вдоль прохода, но она не переставала колотить ногами и кричать. Дверь открылась, ворвавшийся рев и грохот машин заглушили шум и крики еще до того, как она захлопнулась. В комнате от всего этого происшествия остался только едкий запах сожженной ткани.

— Дышать нечем, — сказала Мери.

Потом утюги снова заходили вперед-назад, гладильщицы уже не замедляли темпа, а старшая мастерица прогуливалась между досками и грозно следила, не рухнет ли опять кто-нибудь на пол, не сделается ли еще с кем-нибудь истерика. Иногда то одна, то другая гладильщица останавливалась, чтобы утереть пот и перевести дыхание, затем снова с отчаянной решимостью бралась за утюг, стараясь наверстать потерянное время.

Длинный летний день кончался, но жара не спадала, и работа продолжалась при ослепительном электрическом свете.

Только около девяти часов работницы начали расходиться по домам. Гора крахмального кружевного белья почти исчезла, осталось всего несколько штук на досках, у которых гладильщицы еще заканчивали работу.

Саксон освободилась раньше Мери и перед уходом задержалась у ее доски.

— Вот и суббота, еще одна неделя прошла, — сказала печально Мери; ее бледные щеки впали, усталые черные глаза были обведены синими кругами. — Сколько ты, Саксон, по-твоему, заработала?

— Двенадцать с четвертью, — ответила Саксон не без гордости. — И я бы заработала еще больше, если бы не эти чертовки крахмальщицы.

— Молодчина! Поздравляю, — отозвалась Мери. — За тобой не угонишься, у тебя работа прямо кипит в руках. Я заработала всего десять с половиной, а ведь неделя была очень тяжелая… Ну, приходи к поезду в девять сорок. Да не опоздай. Мы еще успеем погулять до танцев. К вечеру там соберется пропасть знакомой молодежи.

Пройдя два квартала, Саксон увидела на углу под электрическим фонарем группу хулиганов и ускорила шаг. Когда она проходила мимо них, ее лицо невольно приняло суровое выражение. Она не разобрала слов, сказанных ей вслед, но догадалась о их смысле по наглому смеху, которым они сопровождались; кровь хлынула ей в лицо, и щеки разгорелись от гнева. Миновав еще три квартала, она свернула сначала налево, потом направо. Ночь становилась холоднее. По обе стороны улицы тянулись дома, где жили рабочие, — ветхие деревянные хибарки с облупившейся штукатуркой. Дома эти отличались своим убожеством и относительной

дешевизной квартир.

Было очень темно, Саксон сразу нашла знакомые покосившиеся ворота, и их укоризненный скрип, как обычно, приветствовал ее. Она прошла по узкой дорожке к заднему крыльцу, машинально перешагнула через недостающую ступеньку и вошла в кухню, где слабо мерцал одинокий газовый рожок. Саксон насколько возможно прибавила света. Комнатка была маленькая, но в ней царил порядок, ибо для беспорядка здесь стояло слишком мало предметов. Штукатурка позеленела от частых стирок и вся потрескалась — результат сильного землетрясения, случившегося прошлой весной. Пол был неровный, с широкими трещинами, перед печкой он прогорел, и на этом месте был прибит расплющенный пятигалонный бидон из-под керосина, сложенный вдвое. Ушат, грязное полотенце на ролике, несколько стульев, деревянный стол — вот и вся обстановка.

Огрызок яблока хрустнул у нее под ногой, когда она поставила стул к столу. На протертой клеенке ждал ужин. Саксон попробовала холодную фасоль с застывшим салом, но отодвинула ее и намазала маслом ломтик хлеба.

Шаткий пол затрясся от тяжелых медленных шагов, и из внутренней двери вошла в кухню Сара, женщина средних лет, растрепанная, с отвисшей грудью и сердитым лицом, которое постоянные заботы избороздили морщинами.

— А, это ты… — пробурчала она вместо привета. — Ужин остыл, ничего не поделаешь. Ну и денек! Я чуть не умерла от жары. К тому же Гарри ужасно порезал себе губу. Доктор наложил ему четыре шва.

Сара подошла ближе и грузно навалилась на стол.

— Почему это ты не ешь фасоль? — вызывающе спросила она.

— Ничего, просто… — Саксон смолкла, удерживая подступившие рыдания, — просто есть не хочется. Весь день стояла такая жара; в прачечной положительно дышать было нечем.

Саксон храбро отхлебнула холодного чаю, успевшего уже прокиснуть, и, чувствуя на себе взгляд невестки, сделала отчаянное усилие и выпила всю чашку. Она вытерла рот носовым платком, затем поднялась.

— Я, кажется, лягу спать.

— Удивляюсь, как это ты не пошла на танцы, — язвительно заметила Сара. — Странно, ты каждый день приходишь домой полумертвая от усталости — и все-таки готова танцевать все ночи напролет.

Саксон хотела было ответить, но передумала и крепко сжала губы; затем не удержалась и вдруг выпалила:

— Ты, видно, никогда молодой не была! Не дожидаясь ответа, она пошла в свою спальню, смежную с кухней. Это была тесная комнатенка — пять метров в длину и три в ширину; землетрясение и здесь оставило следы на штукатурке. Вся обстановка состояла из дешевой сосновой кровати, стула и старого-престарого комода. Этот комод Саксон помнила с раннего детства, с ним были связаны самые далекие воспоминания. Он еще путешествовал в повозке по прериям вместе с ее родными. Комод был из цельного красного дерева, один его угол треснул, когда повозка опрокинулась в Рок-Кэньон; отверстие от пули в верхнем ящике осталось после стычки с индейцами возле Литтл Мэдоу. Обо всех этих приключениях ей рассказывала мать;

она рассказала ей также, что этот комод был вывезен их предками из Англии очень давно — еще до того, как родился Джордж Вашингтон.

Над комодом висело небольшое зеркальце. За его раму были засунуты фотографии молодых людей и девушек, группы, снятые на пикниках; молодые люди, залихватски сдвинув шляпы на затылок, обнимали своих дам. Рядом висел иллюстрированный календарь и множество цветных реклам и картинок, вырезанных из журналов. На большей части картинок были изображены лошади. Целая коллекция густо исписанных каракулями бальных карточек висела на газовом рожке.

Саксон начала было снимать шляпу, но вдруг опустилась на кровать. Она тихонько заплакала, стараясь, чтобы ее всхлипываний не было слышно. Однако дощатая дверь вдруг бесшумно распахнулась, и девушку испугал голос невестки:

— Ну, чего еще? Если тебе не нравится фасоль…

— Нет, нет, — заверила ее Саксон. — Я очень устала, вот и все; и ноги у меня болят. Я не голодна, Сара, я ужасно устала.

— Пришлось бы тебе возиться с хозяйством, — резко ответила Сара, — да печь, да варить, да стирать — словом, делать все, что я делаю, ты бы знала, что такое усталость. А то живешь, как барыня. Но, подожди, — Сара злорадно засмеялась, — тебе тоже заморочат голову, как и всем девушкам, ты выйдешь замуж: и пойдут у тебя ребята, ребята, ребята, и уже не будет ни танцев, ни шелковых чулок, ни трех пар туфель зараз. Теперь какие у тебя заботы? Только и думаешь о своей драгоценной особе да о молодых лодырях, которые пялят на тебя глаза и напевают тебе про твои прекрасные глазки. Но погоди! В один прекрасный день свяжешься с кем-нибудь из них, и он тебя для разнообразия так разукрасит синяками, что мое почтение!

— Зачем ты это говоришь, Сара, — упрекнула ее Саксон. — Мой брат никогда тебя пальцем не тронул. Ты отлично знаешь!

— Еще бы! Где уж ему! Но во всяком случае он лучше тех лодырей, с которыми ты шляешься, хоть и не может купить жене три пары башмаков сразу; да, получше твоих хулиганов, — порядочной женщине на них плевка жалко. Не понимаю, как ты до сих пор не попала с ними в беду. Может, молодое поколение умнее нас в этих делах, не знаю. Знаю только, что если у молодой девицы три пары башмаков — значит, она ни о чем не думает, кроме своего удовольствия, и допляшется до беды, уж поверь мне. Когда я была девушкой, мы не позволяли себе этого. Мать шкуру бы с меня спустила, кабы я вела себя так, как ты! И она была права. А теперь все идет шиворот-навыворот. Взять хотя бы твоего брата: бегает по митингам социалистов, горячится, болтает там всякий вздор, платит взносы в этот их забастовочный фонд и вырывает у своих детей изо рта последний кусок хлеба, вместо того чтобы поладить с хозяином. Да на эти взносы я могла бы себе купить семнадцать пар башмаков! Но только я не такая дура, чтобы форсить. И, помяни мое слово, добром это не кончится. А что тогда будет с нами? Что я буду делать, если у меня пять ртов и некому их кормить?

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, но все в ней кипело, и она готова была разразиться новой тирадой.

— Сара, прошу тебя, закрой дверь, — попросила Саксон.

Дверь с шумом захлопнулась, и Саксон, перед тем как снова расплакаться, услышала, что Сара гремит чем-то на кухне и сама с собой разговаривает вслух.

Глава вторая

Обе девушки купили себе билеты у входа в Визел-парк, и каждая, выкладывая свои полдоллара, ясно представляла себе, сколько штук крахмального белья надо выгладить, чтобы добыть эту сумму.

Было еще рано, но каменщики, нагруженные объемистыми корзинами с завтраком и неся детей на руках, уже гуляли по парку, — все дюжие молодцы, сытые, с хорошим заработком. Подле них семенили дедушки и бабушки, поменьше ростом и потоньше; несмотря на приличную американскую одежду, было видно, что высохли они не от старости, но от недоедания в молодые годы, от ранних трудов и лишений: большинство из них родилось еще в Ирландии. И сейчас их лица сияли удовольствием и гордостью, когда они ковыляли вслед за своим потомством, выросшим на более сытных хлебах и питавшимся несравненно лучше.

Мери и Саксон чувствовали себя чужими среди этих людей, не знали их, не были ни с кем знакомы. Девушкам было все равно, кто празднует — ирландцы, немцы или словаки, кто устраивает это гулянье — каменщики, конюхи или кузнецы. Подруги принадлежали к тем любительницам потанцевать, благодаря которым на всяких празднествах сборы с входных билетов повышаются на несколько процентов.

Девушки побродили между палатками, где продавцы жарили кукурузные зерна и земляные орехи, затем наведались в павильон для танцев. Саксон, как будто прижимаясь к воображаемому кавалеру, сделала несколько плавных туров вальса. Мери захлопала в ладоши.

— Здорово! — воскликнула она. — Ты чудо как хороша! А чулки твои прямо прелесть!

Саксон поблагодарила ее улыбкой, выставила ногу, обутую в бархатную туфлю на высоком французском каблуке, и слегка приподняла узкую черную юбку, открывая красивую лодыжку и изящную линию икр; ее белая нога просвечивала сквозь самый тонкий и прозрачный черный шелковый чулок, какой можно купить по пятьдесят центов пара. В очертаниях ее стройной, хоть и невысокой фигуры была женственная мягкость. На белой блузке красовалось плиссированное жабо из дешевых кружев, приколотое огромной брошкой из поддельного коралла. Поверх блузки была надета ловко сидящая жакетка с короткими рукавами. Перчатки из поддельной замши доходили до локтя. Зато волосы у нее не были завиты щипцами, а вились от природы, и несколько непокорных локонов выбивалось из-под задорной черной бархатной шляпки, низко надвинутой на лоб.

Черные глаза Мери заблестели от восхищения; подбежав к подруге, она схватила ее в объятия, стиснула что есть силы и поцеловала, а потом тут же отпустила, краснея за свой порыв.

— Мне ты очень нравишься! — воскликнула она, как бы оправдываясь.

— Будь я мужчиной, я не могла бы от тебя оторваться. Я бы съела тебя, честное слово!

Подруги вышли из павильона и стали гулять по солнечным дорожкам, взявшись за руки и весело раскачивая их, наслаждаясь отдыхом после целой недели изнурительного труда. Они постояли около «медвежьей ямы» и, перегнувшись через барьер, с содроганием смотрели на ее огромного одинокого обитателя, а оттуда прошли к клетке с обезьянами и хохотали там добрых десять минут. Обойдя весь парк, они поглядели сверху на беговую дорожку у подножья естественного амфитеатра, где после полудня должны были начаться игры; потом пошли бродить по рощам, по бесчисленным тропинкам, неожиданно приводившим в укромные тенистые уголки с зелеными столами и скамейками, многие из которых уже были заняты

гуляющими и их семьями. В конце концов они выбрали заросший деревьями склон, разложили газету и сели на коротко подстриженную траву, уже порыжевшую под лучами калифорнийского солнца. Им хотелось лениво понежиться после недели напряженной работы и сберечь силы для предстоящих танцев.

— Берт Уонхоп наверняка будет, — болтала Мери. — И он сказал, что непременно приведет Билла Робертса — «Большого Билла», как его зовут товарищи. Это огромный взрослый мальчуган, но с фанаберией. Он боксер, и все девушки бегают за ним. Я прямо боюсь его. Не слишком боек на язык, — скорее вроде того огромного медведя, которого мы только что видели. Бр-р! — возьмет да и откусит тебе голову. На самом деле он не боксер, а возчик, и состоит в союзе. Служит у Корберли и Моррисона. Но когда клубы устраивают боксерские матчи, он иногда участвует в них. Все перед ним трепещут: у него отвратительный характер — его хлебом не корми, а дай кого-нибудь поколотить. Тебе он не понравится, но он отлично танцует. Такой здоровенный, а танцует очень легко — прямо как будто летает. Тебе непременно надо потанцевать с ним хоть разок. И щедрый, не скаред. Но характер — боже упаси!

Разговор, скорее монолог. Мери перешел, как всегда, на Берта Уонхопа.

— Вы, как видно, очень дружите? — осторожно заметила Саксон.

— Да я бы за него хоть завтра пошла, — горячо выпалила та; на мгновенье лицо ее померкло и стало почти суровым в своей откровенной печали, — но он молчит. Он… — И Мери продолжала с внезапно вспыхнувшей! страстью: — Остерегайся его, Саксон, если он вздумает ухаживать за тобой! Берт человек легкомысленный… И все-таки я бы за него вышла хоть завтра. А иначе он меня не получит. — Губы ее приоткрылись, но она ничего не сказала, а только вздохнула. — Чудной этот мир, не правда ли? — неожиданно добавила она. — И какой бестолковый! И звезды — это тоже миры. Хотела бы я знать, где же Бог? Берт Уонхоп уверяет, что никакого Бога нет. Но он ужасный человек и говорит ужасные вещи. Я верю в Бога. А ты? Что ты на этот счет думаешь, Саксон?

Саксон пожала плечами и засмеялась.

— Ведь если мы поступаем дурно, мы будем наказаны, верно? — настаивала Мери, — Так говорят все, кроме Берта. А он говорит, что ему наплевать, как он себя ведет, потому что мертвому все трын-трава. «Уж коли, говорит, я мертвый, хотел бы я посмотреть, каким наказанием меня можно разбудить!» Ну, не ужасный ли человек? Но все это так страшно… Мне иногда становится жутко, когда вспомню, что Бог все время видит меня. Как ты думаешь, Он слышит, что я сейчас говорю тебе? Ну хоть как Он, по-твоему, выглядит?

— Не знаю, — ответила Саксон. — По-моему, Бога нарочно выдумывают, каждый выдумывает по-своему.

— Ой! — ахнула Мери.

— Но, судя по тому, что все говорят о Нем, — Он все-таки существует, — решительно продолжала Саксон. — Мой брат считает, что Он похож на Авраама Линкольна. Сара говорит, что у Него баки.

— А я никак не могу себе представить, что у Бога пробор, — призналась Мери, вздрагивая оттого, что осмелилась высказать вслух столь дерзостную мысль. — Он не может носить пробор, это было бы странно.

— Ты знаешь такого низенького сморщенного мексиканца, который продает игрушки-головоломки? — спросила Саксон. — Так вот Бог, по-моему, чем-то похож на него.

Мери расхохоталась.

— Вот уж ты действительно говоришь странные вещи. Мне никогда ничего подобного в голову не приходило. Чем же он походе?

— Ну, мне кажется, что он, подобно тому коротышке-мексиканцу, каждому задает мудреную головоломку, а люди всю свою жизнь стараются разрешить ее. Но никто с ней не справляется. И я не могу разрешить свою головоломку. Не знаю, с чего и начать. Посмотри, какую головоломку он задал Саре. А сама Сара составляет часть головоломки Тома и только мешает ему. И все они — все, кого я знаю, и ты тоже, — вы все составляете часть моей головоломки.

— Может быть, насчет головоломок и правильно, — согласилась Мери,

— Но только Бог не похож на этого старичка мексиканца. Тут я не согласна. Бог ни на кого не похож. Помнишь, на стене в помещении Армии спасения была надпись: «Бог есть Дух»?

— А это тоже одна из его загадок: ведь никто не знает, как выглядит дух.

— И это верно... — Мери вздрогнула от ужасного воспоминания. — Когда я пытаюсь представить себе, что Бог есть Дух, я вспоминаю Хэна Миллера. Он как-то завернулся в белую простыню и побежал прямо на нас, девушек. Мы не знали, что это он, и до смерти перепугались. Маленькой Мэгги Мэрфи сделалось дурно, а Беатриса Перальта упала и разбила себе лицо. Когда я думаю о духе, то все, что я могу вообразить, — это белая простыня, бегущая в темноте. Но во всяком случае Бог не похож на мексиканца, и нет у него пробора.

Музыка, донесшаяся из танцевального зала, заставила обеих девушек проворно вскочить на ноги.

— Мы можем до обеда протанцевать несколько танцев, — предложила Мери. — А после полудня соберутся все кавалеры. Большинство из них жаднюги и приходят попозже, чтобы не приглашать барышень к обеду. Но Берт не такой и Билл тоже. Они пригласят нас в ресторан, если им кто-нибудь не подвернется раньше. Пойдем скорее, Саксон.

Когда девушки вошли в павильон, там кружилось только несколько пар, и первый вальс они танцевали друг с другом.

— А вот и Берт, — прошептала Саксон, когда они заканчивали второй тур.

— Не смотри на них, — прошептала Мери в ответ. — Будем танцевать, как и раньше. Пусть не думают, будто мы гоняемся за ними.

Но Саксон заметила, что ее подруга покраснела, и услышала ее учащенное дыхание.

— А ты обратила внимание на его товарища? — спросила Мери, увлекая Саксон в фигуре вальса на другой конец зала. — Это и есть Билл Роберте. Берт сказал, что приведет его. Он пригласит обедать тебя, а Берт — меня. Сегодня будет здорово, вот увидишь. Только бы музыка не перестала играть, пока мы вернемся на тот конец.

И обе девушки продолжали кружиться в вальсе, мечтая о кавалерах и об обеде. Молоденькие и хорошенькие, они танцевали с увлечением; когда музыка оборвалась и они очутились в

опасной близости от обоих молодых людей, обе сделали вид, будто приятно удивлены.

Берт и Мери звали друг друга по имени, но Саксон величала Берта: «Мистер Уонхоп» хотя он и называл ее просто Саксон. Оставалось только познакомить ее с Биллом Робертсом. Мери представила их друг другу с напускной небрежностью.

— Мистер Роберте — мисс Браун! Это мой лучший друг. Ее зовут Саксон. Не правда ли, странное имя?

— А мне очень нравится, — ответил Билл, снимая шляпу и протягивая руку. — Рад познакомиться с вами, мисс Браун!

Саксон тоже протянула руку и ощутила мозоли на ладони возчика; впрочем, за одно мгновение она успела рассмотреть еще очень многое. Он же видел только ее глаза; и сначала ему показалось, что они голубые, лишь много позже он разобрал, что они серые. Она-то сразу разглядела цвет его глаз — темно-синие, большие, красивые, а выражение мальчишески-упрямое.

Ей понравился его открытый взгляд, понравилось прикосновение и пожатие его руки. Она разглядела также — правда, не так отчетливо — его короткий прямой нос, здоровый румянец на щеках и решительно вздернутую верхнюю губу; с особенным удовольствием она остановила свой взгляд на красивой линии четко очерченного, хотя довольно большого рта, улыбавшегося алыми губами, за которыми блестели ослепительно белые зубы.

«Мальчуган, огромный, взрослый мальчуган», — подумала она. Они улыбнулись друг другу, и, когда их руки разомкнулись, девушка про себя удивилась цвету его волос — коротких, вьющихся и отливающих золотом, хотя они были светлые, как лен.

Он был так белокур, что напомнил ей виденные на сцене образы какого-нибудь Оле Ольсона или Иона Ионсона; но на том сходство и кончалось. Брови и ресницы его были темнее, взгляд отнюдь не ребяческий, а по-мужски твердый и выразительный. Костюм из хорошего темного сукна явно был сшит у портного. Саксон тотчас одобрила его и решила, что он стоит уж никак не меньше пятидесяти долларов. Кроме того, в Билле не было и тени той неуклюжести, которая присуща выходцам из скандинавских стран. Напротив, он принадлежал к числу тех немногих, в ком грация мощного телосложения чувствуется, несмотря даже на современный неуклюжий мужской костюм. Каждое его движение было гибким, уверенным, неторопливым. Конечно, всего этого Саксон не могла ни заметить сразу, ни осознать. Она видела перед собой лишь хорошо одетого человека, его плавные, гибкие движения и статную фигуру, улавливала спокойную и уверенную игру всех его мышц; чувствовала также, что с ним она обретет покой и отдых, которых так жаждала после целой недели непрерывного и неистового глажения тонкого крахмального белья. И, так же как прикосновением руки, он действовал на нее благотворно всем своим существом — телом и душой.

Когда Билл взял у нее карточку и, как все молодые люди, принялся шутить и перебрасываться с нею остротами, она сразу поняла, как сильно он ей понравился. Никогда еще за всю свою жизнь Саксон не была в таком восхищении от мужчины, и девушка удивленно спрашивала себя: «Неужели это „? «?“

Билл танцевал превосходно, и она почувствовала то удовольствие, какое испытывают хорошие танцоры, найдя подходящего партнера. Его плавные, красивые движения в совершенстве гармонировали с музыкой. Ни колебаний, ни заминок. Она поглядывала на Берта: тот лихо отплясывал с Мери, то и дело налетая на другие пары, число которых все увеличивалось. Берт

— высокий, стройный, гибкий — тоже считался хорошим танцором, но Саксон не помнила, чтобы, танцуя с ним, она когда-нибудь испытывала особенное удовольствие. Мешала какая-то его порывистость, — она сказывалась далеко не всегда, но могла проявиться в любую минуту. В натуре Берта чувствовалось что-то судорожное, торопливое. Он был слишком неуравновешен, и всегда можно было ожидать от него какого-нибудь резкого движения. Казалось, он вечно боится куда-то опоздать. Своим постоянным беспокойством он действовал на нервы.

— Вы замечательно танцуете, — сказал Билл Роберте. — Я это уже от многих слышал.

— Я люблю танцевать, — ответила Саксон.

Но по тому, как она это сказала, он почувствовал, что она предпочитает не разговаривать во время танцев, и продолжал танцевать молча, а у нее стало тепло на душе, — она оценила его внимание. В той жизни, которая окружала, редко можно было встретить бережное и чуткое отношение к женщине. «Неужели это действительно он?» Саксон вспомнила слова Мери относительно Берта: «Я завтра же вышла бы за него» — и поймала себя на мысли, что и сама готова была бы выйти за Билла Робертса хоть завтра, сделай он ей предложение.

Его сильные, властные руки кружили ее в танце, и ей хотелось, грезя, сомкнуть глаза. Боксер! Представив себе, что сказала бы Сара, если бы могла сейчас увидеть ее, Саксон позлорадствовала в душе. Но ведь он не профессиональный боксер, а возчик…

Внезапно движения танцующих стали более плавными, объятия Билла более настойчивыми, и Саксон показалось, что ее подняли и понесли, хотя ее ножки в бархатных туфельках и не отрывались от пола. Затем ритм танца опять изменился, партнер Саксон слегка отпустил ее, и, глядя друг другу в глаза, они рассмеялись над тем, как ловко это у них выходит.

В конце, на последних тактах, оркестр замедлил темп, и они, словно замирая вместе с музыкой, стали медленно скользить по залу и остановились только с последним звуком.

Пробираясь с ней сквозь толпу в поисках Мери и Берта, он сказал:

— Что касается танцев, то мы с вами неплохая парочка!..

— Это был сон, — отвечала она.

Она сказала это так тихо, что ему пришлось наклониться, чтобы расслышать, и он увидел, как пылают ее щеки и этот пламень словно отражается в ее глазах мягким чувственным блеском. Он взял у нее из рук карточку и торжественно написал на ней свое имя огромными буквами через весь листок.

— А теперь, — сказал он задорно, — ее можно бросить. Она уже не нужна.

И он разорвал бумажку.

— Следующий вальс со мной, Саксон, — заявил Берт, когда они встретились. — А ты, Билл, поверти Мери.

— Никак нельзя, Берт, — ответил тот. — Мы с Саксон сговорились танцевать вместе весь день.

— Смотри, Саксон, — лукаво предупредила ее Мери, — он еще влюбится в тебя!

— Что ж, мне кажется, я умею ценить хорошее с первого взгляда, — галантно отвечал Билл.

меньше пятидесяти долларов. Кроме того, в Билле не было и тени той неуклюжести, которая присуща выходцам из скандинавских стран. Напротив, он принадлежал к числу тех немногих, в ком грация мощного телосложения чувствуется, несмотря даже на современный неуклюжий мужской костюм. Каждое его движение было гибким, уверенным, неторопливым. Конечно, всего этого Саксон не могла ни заметить сразу, ни осознать. Она видела перед собой лишь хорошо одетого человека, его плавные, гибкие движения и статную фигуру, улавливала спокойную и уверенную игру всех его мышц; чувствовала также, что с ним она обретет покой и отдых, которых так жаждала после целой недели непрерывного и неистового глажения тонкого крахмального белья. И, так же как прикосновением руки, он действовал на нее благотворно всем своим существом — телом и душой.

Когда Билл взял у нее карточку и, как все молодые люди, принялся шутить и перебрасываться с нею остротами, она сразу поняла, как сильно он ей понравился. Никогда еще за всю свою жизнь Саксон не была в таком восхищении от мужчины, и девушка удивленно спрашивала себя: «Неужели это он?»

Билл танцевал превосходно, и она почувствовала то удовольствие, какое испытывают хорошие танцоры, найдя подходящего партнера. Его плавные, красивые движения в совершенстве гармонировали с музыкой. Ни колебаний, ни заминок. Она поглядывала на Берта: тот лихо отплясывал с Мери, то и дело налетая на другие пары, число которых все увеличивалось. Берт — высокий, стройный, гибкий — тоже считался хорошим танцором, но Саксон не помнила, чтобы, танцуя с ним, она когда-нибудь испытывала особенное удовольствие. Мешала какая-то его порывистость, — она сказывалась далеко не всегда, но могла проявиться в любую минуту. В натуре Берта чувствовалось что-то судорожное, торопливое. Он был слишком неуравновешен, и всегда можно было ожидать от него какого-нибудь резкого движения. Казалось, он вечно боится куда-то опоздать. Своим постоянным беспокойством он действовал на нервы.

— Вы замечательно танцуете, — сказал Билл Роберте. — Я это уже от многих слышал.

— Я люблю танцевать, — ответила Саксон.

Но по тому, как она это сказала, он почувствовал, что она предпочитает не разговаривать во время танцев, и продолжал танцевать молча, а у нее стало тепло на душе, — она оценила его внимание. В той жизни, которая ее окружала, редко можно было встретить бережное и чуткое отношение к женщине. «Неужели это действительно он?» Саксон вспомнила слова Мери относительно Берта: «Я завтра же вышла бы за него» — и поймала себя на мысли, что и сама готова была бы выйти за Билла Робертса хоть завтра, сделай он ей предложение.

Его сильные, властные руки кружили ее в танце, и ей хотелось, грезя, сомкнуть глаза. Боксер! Представив себе, что сказала бы Сара, если бы могла сейчас увидеть ее, Саксон позлорадствовала в душе. Но ведь он не профессиональный боксер, а возчик…

Внезапно движения танцующих стали более плавными, объятия Билла более настойчивыми, и Саксон показалось, что ее подняли и понесли, хотя ее ножки в бархатных туфельках и не отрывались от пола. Затем ритм танца опять изменился, партнер Саксон слегка отпустил ее, и, глядя друг другу в глаза, они рассмеялись над тем, как ловко это у них выходит.

В конце, на последних тактах, оркестр замедлил темп, и они, словно замирая вместе с музыкой, стали медленно скользить по залу и остановились только с последним звуком.

Пробираясь с ней сквозь толпу в поисках Мери и Берта, он сказал:

— Что касается танцев, то мы с вами неплохая парочка!..

— Это был сон, — отвечала она.

Она сказала это так тихо, что ему пришлось наклониться, чтобы расслышать, и он увидел, как пылают ее щеки и этот пламень словно отражается в ее глазах мягким чувственным блеском. Он взял у нее из рук карточку и торжественно написал на ней свое имя огромными буквами через весь листок.

— А теперь, — сказал он задорно, — ее можно бросить. Она уже не нужна.

И он разорвал бумажку.

— Следующий вальс со мной, Саксон, — заявил Берт, когда они встретились. — А ты, Билл, поверти Мери.

— Никак нельзя, Берт, — ответил тот. — Мы с Саксон сговорились танцевать вместе весь день.

— Смотри, Саксон, — лукаво предупредила ее Мери, — он еще влюбится в тебя!

— Что ж, мне кажется, я умею ценить хорошее с первого взгляда, — галантно отвечал Билл.

— И я тоже, — поддержала его Саксон.

— Я бы даже с закрытыми глазами узнал вас, — добавил Билл.

Мери посмотрела на них с притворным ужасом, а Берт добродушно заявил:

— Одним словом, я вижу, вы времени не теряете. Но если вы все-таки можете пожертвовать нам несколько минут после танцев — Мери и я будем очень рады вместе пообедать.

— Совершенно верно! — подтвердила Мери.

— Сами хороши! — отшутился Билл и, обернувшись, заглянул Саксон в глаза. — Не слушайте их. Они злятся, что им приходится танцевать друг с другом. Берт — никудышный танцор, да и Мери не так чтобы очень. Ну, пошли. Слышите, музыка заиграла. Увидимся через два танца.

Глава третья

Они обедали на открытом воздухе, в ресторане, где стенами служили деревья, и Саксон заметила, что по счету за всех четверых платит Билл. Среди молодых людей и женщин, сидевших за другими столиками, у них оказалось много знакомых, и обе пары оживленно перебрасывались с ними приветствиями и шутками. Берт настойчиво и даже грубо подчеркивал свое право на Мери, ловил и сжимал ее руку, клал на нее свою и даже, завладев ее двумя кольцами, долго не хотел отдавать их. Время от времени он обнимал ее за талию, и Мери то порывисто отталкивала его, то с притворной рассеянностью, которая никого, однако, не могла обмануть, делала вид, что не замечает его маневра.

Саксон, говорившая мало, но очень внимательно изучавшая своего спутника, с удовлетворением решила, что Билл стал бы, наверное, делать все это совсем иначе — если бы вообще стал вести себя так. Во всяком случае он никогда бы не облапил девушку, как это позволяет себе Берт, да и многие другие парни. Она невольно остановила взгляд на могучих плечах своего кавалера.

— Почему вас зовут «Большой Билл»? — спросила она. — Вы ведь не такой уж высокий.

— Пожалуй, — согласился он. — Во мне росту только пять футов восемь и три четверти дюйма. Должно быть, из-за моего веса.

— На ринге его вес считается за сто восемьдесят фунтов, — вмешался Берт.

— Ну, хватит, — резко прервал приятеля Билл, и его глаза потемнели. — Я вовсе не боксер. Вот уже полгода, как я не выступаю. Надоело. Игра не стоит свеч.

— Однако за тот вечер, когда ты сокрушил Слэшера из Фриско, ты получил двести долларов, — с гордостью заявил Берт.

— Сказал — хватит! Замолчи! Знаете, Саксон, ведь и вы не бог весть какая громадная, а? Как раз в точку: кругленькая и стройная. Держу пари, что я отгадаю ваш вес.

— Вряд ли. Многие старались, да ничего не вышло, — ответила Саксон; она не знала — радоваться, что он бросил бокс, или жалеть об этом.

— Только не я, — отвечал он, — я на этом собаку съел. Вот погодите, — Билл окинул ее критическим взглядом, и было ясно, что он не просто оценивает ее сложение, но и восхищается ею. — Подождите минутку!

Он перегнулся к ней и пощупал ее бицепс. Девушка почувствовала, что рука, сжавшая ее мышцы, — крепкая и честная рука. И она вздрогнула. В этом полумужчинеполумальчике было что-то обаятельное и влекущее. Если бы ей так сжал руку Берт или другой парень, она бы только рассердилась. Но Билл!.. «Может быть, он и есть тот самый?» — спрашивала она себя. Но тут он прервал ее мысли, высказав свое заключение:

— Ваша одежда весит не больше семи фунтов, а отнять семь от... ну, скажем, от ста двадцати трех, — словом, ваш вес сто шестнадцать фунтов без одежды.

Мери воскликнула с упреком:

— Слушайте, Билл Роберте! О таких вещах не говорят, это не прилично.

Он посмотрел на нее с возрастающим недоумением.

— О каких вещах? — спросил он, наконец.

— Ну вот опять! Бессовестный! Посмотрите, вы заставили Саксон покраснеть.

— Вовсе нет! — возразила Саксон с негодованием.

— А если вы. Мери, будете продолжать в том же духе, — проворчал Билл, — я, пожалуй, покраснею. Мне кажется, я знаю, что хорошо и что дурно! Дело не в том, какие слова мужчина говорит, а что он при этом думает. А я не думаю ни о чем дурном, и Саксон это знает. Ни у нее, ни у меня и в мыслях нет того, о чем думаете вы.

— Ой-ой! — воскликнула Мери. — Час от часу не легче! Я никогда не думаю о гадостях.

— Стой, Мери! Замолчи! — решительно остановил ее Берт. — Зачем говорить зря? Билл себе никогда подобных вещей не позволит.

— Тогда не надо так грубо выражаться, — настаивала она.

— Ну ладно. Мери, перестаньте, не сердитесь, и довольно об этом, — отрезал Билл и повернулся к Саксон. — Ну что, угадал?

— Сто двадцать два, — отвечала она, задумчиво глядя на Мери. — Сто двадцать два с одеждой.

Билл расхохотался, Берт тоже.

— Как хотите, — запротестовала Мери, — но вы ужасны! Вы оба, да и ты тоже, Саксон. Вот уж никогда бы про тебя не подумала.

— Послушай, детка, — вкрадчиво начал Берт, и его рука обвилась вокруг ее талии.

В своем притворном возмущении Мери резко оттолкнула его, но затем, боясь, что ее поклонник обидится, принялась подтрунивать над ним и дразнить его. Она снова пришла в хорошее настроение, его рука вернулась на прежнее место, и, склонившись друг к другу, они зашептались.

Билл степенно продолжал разговаривать с Саксон.

— А знаете, у вас все-таки чудное имя. Я никогда не слышал, чтобы кого-нибудь так звали. Но оно хорошее. Мне нравится.

— Меня мать так назвала. Она была образованная и каких только мудреных слов не знала. И вечно сидела с книгой, чуть не до самой смерти. А сколько она писала! Я нашла ее стихи, напечатанные очень давно в газете, которая издавалась в Сан-Хосе. Саксы — это был такой народ, — она мне все рассказала про них, когда я была маленькой. Они были дикие, как индейцы, только белые. У них были голубые глаза и белокурые волосы, и они были страшно воинственные.

Пока девушка говорила, Билл сосредоточенно слушал, и глаза его не отрывались от ее глаз.

— Никогда про них не слыхал, — сознался он. — Они, что же, жили где-нибудь тут в окрестностях?

Она рассмеялась.

— Нет. Они жили в Англии. Это были первые англичане, а вы ведь знаете, что американцы произошли от англичан. Мы ведь все саксы — вы, я. Мери, Берт. Словом, каждый, если только он настоящий американец, а не какой-нибудь даго[1] или японец.

— Мои предки издавна жили в Америке, — начал Билл, медленно обдумывая все то новое, что она ему о себе рассказала. — По крайней мере предки моей матери. Они высадились в Мэне сотни лет тому назад.

— Мой отец тоже из Мэна, — радостно прервала его Саксон. — А мать родилась в Огайо, вернее — там, где теперь находится Огайо. Она обычно звала это место Великой Западной Резервацией. А кто был ваш отец?

— Не знаю. — Билл пожал плечами. — Он и сам не знал, да и никто не знал, хотя отец был чистокровный американец.

— У вас настоящая староамериканская фамилия, — сказала Саксон. — И сейчас в Англии есть известный генерал по фамилии Роберте. Я в газете читала.

— Но ведь фамилия моего отца не Роберте. Он не знал своих родителей. Роберте — фамилия золотоискателя, который усыновил его. Вот как было дело. Во время войны с индейским племенем модоков очень многие из золотоискателей и поселенцев приняли в ней участие. Роберте командовал таким отрядом. И вот после одного сражения было взято очень много пленных, среди них оказались женщины, дети и даже грудные младенцы. Один из этих малышей и был мой отец. Ему было тогда, вероятно, около пяти лет, и он умел говорить только по-индейски.

Саксон всплеснула руками, и ее глаза заблестели.

— Индейцы держали его в плену!

— Так предполагают. Потом многие припомнили, что это племя за четыре года до того перебило целую партию орегонских поселенцев. Роберте усыновил мальчика, и вот почему я не знаю настоящей фамилии отца. Но уж через прерии-то он прошел, можете быть уверены!

— Мой отец тоже, — сказала Саксон с гордостью.

— И моя мать, — добавил Билл дрогнувшим голосом. — Во всяком случае она родилась в повозке, возле реки Платт, когда ее родители миновали прерии.

— А моей матери, — сказала Саксон, — было восемь лет. Волы выбились из сил, и ей пришлось большую часть дороги идти пешком.

Билл протянул ей руку.

— Давайте вашу лапку, детка, — сказал он. — В судьбе наших родителей очень много сходного, и мы все равно что старые друзья.

Глаза Саксон засияли, она протянула ему руку, и они обменялись торжественным рукопожатием.

— Разве это не чудесно? — пробормотала она. — Мы оба от того же старого американского корня, и если уж вы — с вашими глазами, цветом волос и кожи и так далее — не сакс, то не знаю, кого и назвать саксом! И к тому же вы герой!

— Уж если на то пошло, я думаю, что наши предки были закаленный народ. И это естественно: они, черт побери, были вынуждены бороться, а не то погибли бы!

— О чем это вы так оживленно беседуете? — вмешалась Мери в их разговор.

— Успели уже подружиться, — поддразнил их Берт. — Можно подумать, они знакомы по крайней мере неделю.

— О, мы знали друг друга гораздо раньше, — возразила Саксон. — Нас еще на свете не было, а наши предки уже совершили переход через прерии.

— А ваши, чтобы отправиться в Калифорнию, ждали, пока им построят железную дорогу да перебьют всех индейцев, — словно желая подчеркнуть свою близость к Саксон, заявил Билл, обращаясь к Мери. — Нет! Мы — Саксон и я — коренные жители здесь; так и скажите, если кто-нибудь спросит.

— Ну, не знаю, — надменно и с тайным раздражением возразила Мери.

— Мой отец предпочел остаться в Восточных штатах, он хотел принять участие в Гражданской войне. Он был барабанщиком. Вот отчего он только потом попал в Калифорнию.

— А мой отец вернулся, чтобы участвовать в Гражданской войне, — сказала Саксон.

— И мой, — подхватил Билл.

Они радостно взглянули друг на друга: еще и это их сближало.

— Ну, хорошо, но ведь они все умерли, верно? — желчно заявил Берт.

— Все равно, где умереть, — в бою или в богадельне. Суть-то в том, что их уже нет. А мне вот наплевать, хоть бы моего отца повесили. Кто об этом спросит через тысячу лет? Довольно вам хвастаться своими предками, надоело! Да мой отец и не мог бы тогда сражаться: он родился спустя два года после войны. Зато двое моих дядей были убиты при Геттисберге. Кажется, хватит с нас!

— Еще бы, — поддержала его Мери.

Берт снова обнял ее.

— Зато мы живы. Верно? А это главное. Мертвые — мертвы, и — голову даю на отсечение! — мертвыми и останутся.

Мери зажала ему рот рукой и начала бранить за то, что он говорит такие ужасные вещи, а он поцеловал ее ладонь и придвинулся к ней.

По мере того как ресторан наполнялся публикой, веселый стук тарелок становился все громче. Там и сям сквозь гул голосов прорывалась песня, слышался пронзительный визг и восклицания женщин, взрывы басовитого мужского хохота. Это молодые люди, как всегда, шутили со своими приятельницами. Многие мужчины были заметно навеселе. Какие-то девушки, сидевшие за одним из соседних столиков, стали звать Билла, и Саксон с новым проснувшимся в ней ревнивым чувством отметила, что он всеобщий любимец и эти девушки очень хотели бы его заполучить.

— Какой ужас! — неодобрительно сказала Мери. — Экие нахалки! Ни одна уважающая себя девушка этого себе не позволит! Нет, вы послушайте!

— Билл! Билл! — звала одна из них, пухленькая молоденькая брюнетка. — Надеюсь, ты узнаешь меня, Билл?

— Конечно, цыпленок, — галантно отозвался он.

Но Саксон заметила с радостью, что он морщится, и почувствовала к брюнетке решительную неприязнь.

— Потанцуем? — крикнула брюнетка.

— Может быть, — отвечал он и тут же круто повернулся к Саксон.

— Мы, старые американцы, должны держаться друг друга, правда? Как вы думаете? Ведь нас осталось так мало. К нам сюда валом валят всякие иностранцы…

Он говорил спокойно, вполголоса, в тоне интимной доверчивости, склонив к ней голову и как

бы давая этим понять той девушке, что он занят.

Молодой человек, сидевший за столиком напротив, обратил внимание на Саксон. Одет он был неряшливо и казался грубым, его спутники — мужчина и женщина — тоже. Лицо у него побагровело, глаза дико сверкали.

— Эй, вы! — крикнул он. — Вы там, бархатные туфельки, наше вам!

Девушка, сидевшая рядом с ним, обняла его за шею и пыталась успокоить, но он бормотал из-под ее руки:

— Вот это краля так краля. Увидишь… я пойду туда и отобью ее у этих обормотов!

— Хулиганы из мясных рядов, — презрительно фыркнула Мери.

Саксон встретила взгляд девушки, с ненавистью смотревшей на нее. Потом она посмотрела на Билла и увидела гневные искорки в его взоре. Теперь его голубые глаза были особенно красивы и задумчивы, они то темнели и затуманивались, то вспыхивали, то снова меркли. Ей стало в конце концов казаться, что они таят в себе какую-то бездонную глубину. Он смолк, видимо ему не хотелось говорить.

— Не затевай скандала! — заметил Берт. — Они с того берега и не знают тебя, вот и все.

Вдруг Берт поднялся, подошел к соседнему столику, что-то шепнул сидевшим и вернулся. Все трое сразу же повернулись и посмотрели на Билла. Парень, пристававший к Саксон, поднялся, стряхнул с себя руку девушки, пытавшейся удержать его, и, пошатываясь, подошел к Биллу. Это был широкоплечий малый с жестким, злым лицом и колючим взглядом. Он, видимо, утихомирился.

— Так это вы. Большой Билл Роберте? — спросил он заплетающимся языком и, покачнувшись, уцепился за стол. — В таком случае отступаю… Страшно извиняюсь… Восхищен вашим вкусом по женской части… А уж я в этом деле знаток! Я же не представлял, кто вы, а то бы и глазом не мигнул в вашу сторону… Поняли? Еще раз прошу извинить… Дайте мне вашу руку…

— Ну ладно, — сказал Билл мрачно. — Все в порядке. Забудем это недоразумение. — Он, насупившись, пожал парню руку и медленным мощным толчком пихнул его обратно к столу.

Щеки Саксон пылали. Вот это мужчина, это защитник, на него можно положиться! Достаточно было назвать его имя — и даже такой хулиган оробел!

Глава четвертая

После обеда оркестр сыграл еще два танца, затем музыканты перекочевали на спортивное поле.

Танцоры и вся публика, сидевшая за столиками, а также гулявшая в парке, последовали за ними. Пять тысяч человек разместились на поросших травой склонах естественного амфитеатра, а часть зрителей хлынула на спортивное поле. Первым номером было объявлено перетягивание каната. Состязание происходило между каменщиками Окленда и Сан-Франциско, и участники игры, плечистые, грузные, уже занимали места вдоль каната. Они каблуками вырывали ямки в земле для опоры, натирали землей руки, шутили и балагурили.

Судьи и наблюдатели напрасно старались удержать напиравшую толпу родственников и друзей

— кельтская кровь взыграла и кельтский дух соревнования жаждал победы. Стоял невероятный шум: крики, подбадривания, советы, угрозы. Некоторые из участников одной команды подходили к другой, чтобы предупредить нечестную игру. Среди разгоряченных зрителей было не меньше женщин, чем мужчин. От шаркающих, топающих ног стояла в воздухе неоседающая пыль. Мери кашляла, задыхалась и умоляла Берта увести ее. Но Берт, возбужденный, как подросток, предстоящей свалкой, старался протиснуться еще ближе. Саксон прижалась к Биллу, который медленно и настойчиво пробивал для нее локтями и плечами дорогу.

— Разве здесь место для девушки, — проворчал он, глядя на нее с высоты своего роста, и будто в рассеянности своим могучим локтем так дал под ребра какому-то верзиле ирландцу, что тот сейчас же попятился.

— Как только начнут, страсти, конечно, разгорятся. Ребята слишком здорово выпили, а вы представляете, как в таких случаях могут разойтись этакие буяны.

Саксон чувствовала себя очень неуютно среди обступивших ее коренастых мужчин и женщин. Она казалась рядом с ними совсем девочкой, нежной и хрупкой, словно существо другой породы. Только сила и ловкость Билла спасали ее. Его взгляд то и дело скользил по лицам женщин, затем неизменно возвращался к ней, — и она не могла не заметить, в чью пользу было сравнение.

В нескольких шагах от них произошла какая-то заминка, раздались возмущенные восклицания, посыпались удары. Толпа тревожно всколыхнулась. Какой-то огромный мужчина в толкотне боком налетел на Саксон и притиснул ее к Биллу, тот схватил его за плечо и отшвырнул гораздо решительнее, чем действовал обычно. У жертвы невольно вырвалось рычание, мужчина повернул голову; он оказался загорелым блондином с сердитыми, бесспорно ирландскими глазами.

— Эк тебя, черт… — огрызнулся он.

— Ты чего стоишь, я тебя не держу, — с презрительным спокойствием ответил Билл и толкнул ирландца еще решительнее.

Ирландец опять зарычал и сделал отчаянное усилие, чтобы повернуться, однако, зажатый с двух сторон теснившимися людьми, не смог пошевельнуться.

— А вот я тебе сейчас морду набью! — заорал он с бешенством; но вдруг выражение его лица изменилось — губы распустились в улыбку и в сердитых глазах засветилась радость.

— Так это вот кто! — сказал он. — А я и не знал, что это вы так толкаетесь. Я видел, как вы тогда поколотили «Свирепого Шведа», хотя дело было решено в его пользу.

— Нет, не видели, приятель, — шутливо ответил Билл. — Вы видели, как здорово меня отлупили в тот вечер. И решение было совершенно правильное.

Ирландец совсем просиял. Он намеревался своей ложью польстить Биллу, но тот так горячо опроверг ее, что это только усилило его преклонение перед молодым боксером.

— Что верно, то верно, драка была жестокая, — согласился он, — но и вы в долгу не остались. Как только освобожу руку, я пожму вашу и постараюсь, чтобы вашей даме стало посвободнее.

Потеряв всякую надежду на то, что толпу удастся оттеснить, судья выстрелил в воздух из

револьвера — это был сигнал. И тут начался сущий ад. Саксон, защищенная двумя рослыми мужчинами, стояла достаточно близко, чтобы видеть играющих. Участники двух состязавшихся команд изо всех сил тянули канат, их лица побагровели, суставы затрещали. Канат был новый, руки по нему скользили и жены и дочери, прорвавшись вперед, набирали полные горсти земли и посыпали канат землею, чтобы мужчины могли крепче за него ухватиться.

Какая-то толстуха средних лет в пылу азарта сама ухватилась за канат и стала тянуть вместе с мужем, ободряя его громкими выкриками. Наблюдатель из другой команды оттащил толстуху, несмотря на ее протестующие вопли, но, получив по уху от одного из ее соратников, упал, как бычок, от удара. Не удержался и его противник: сильные мускулистые женщины поспешили на помощь к своим мужьям. Тщетно судьи и наблюдатели просили, уговаривали, кричали, грозили кулаками. Мужчины и женщины из публики бросались к канату и помогали тянуть. Это уже не команда состязалась с командой, а Окленд с Сан-Франциско, это была борьба всех против всех. Руки ложились на руки в три этажа, лишь бы где-нибудь уцепиться за канат. А те, кому никак не удавалось ухватиться, лупили по зубам наблюдателей, силившихся оторвать постороннюю публику от каната.

Берт визжал с упоеньем. Мери в ужасе прижималась к нему. Люди падали, и их топтали ногами. Пыль поднималась тучей, а над толпой стоял бешеный и бессильный рев и крик мужчин и женщин, тщетно рвавшихся к канату.

— Безобразие, форменное безобразие, — бормотал время от времени Билл и, хотя отлично видел, что творится вокруг, продолжал, поддерживаемый ирландцем, спокойно выбираться вместе с Саксон из толпы.

Наконец, одна из команд победила. Побежденных вместе с канатом и добровольцами проволокли по земле, и они исчезли под обрушившейся на них лавиной зрителей.

Выведя Саксон из свалки и оставив ее в более безопасном месте и под защитой ирландца, Билл вновь нырнул в людское месиво. Через несколько минут он вынырнул оттуда с Бергом и Мери: Берт был в крови от удара по уху, хотя по-прежнему весел, а Мери, вся измятая, была, казалось, близка к истерике.

— Разве это спорт? — повторяла она. — Это стыд, стыд и позор!

— Давайте-ка скорей выбираться отсюда, — сказал Билл. — Потеха только начинается.

— Ах, подожди, — просил Берт, — я бы за такое зрелище не пожалел отдать восемь долларов! Да не только восемь, а что хочешь. Я давно не видел столько синяков и разбитых физиономий.

— Ну, лезь обратно и наслаждайся, — отозвался Билл. — Я поведу девочек вон в ту сторону, на холм, оттуда мы отлично все увидим. Только смотри, как бы эти черти тебя не разукрасили, если ты попадешься им в лапы.

Давка кончилась почти мгновенно: с трибуны, расположенной на краю спортивного поля, кто-то прокричал, что начинаются бега для мальчиков, и огорченный Берт присоединился к Биллу и обеим девушкам, расположившимся на склоне холма.

Состоялся бег для мальчиков и для девочек, для молодых женщин и для старых, для толстяков и для толстух, бег в мешках и бег на трех ногах[2]. Бегуны мчались по беговой дорожке под рев аплодирующих зрителей. Недавняя свалка была уже забота, и в толпе опять царило добродушнейшее настроение.

Пять молодых людей присели на корточки, вцепившись кончиками пальцев в землю, и ожидали сигнального выстрела, чтобы сняться со старта. Трое из них были в носках, двое других — в подбитой шипами беговой обуви.

— «Бег молодых людей, — прочел Берт в программе. — Всего один приз

— двадцать пять долларов». Посмотрите на рыжего в башмаках с шипами, — вон тот, второй с краю. На него ставит Сан-Франциско. Это их фаворит, за него держит пропасть народу.

— А кто, по-вашему, выиграет? — спросила Мери, полагавшаяся на исключительные познания Билла в области атлетики и спорта.

— Откуда я знаю? Я их вижу первый раз. По-моему, все хороши. Пусть победит достойнейший, это главное.

Выстрел раздался, и пятеро бегунов ринулись вперед. Трое из них отстали с самого начала. Первым шел рыжий, а за ним, у самого его плеча, черноволосый, и вопрос мог идти только относительно этих двоих.

Но, сделав полкруга, черноволосый обошел рыжего и повел бег, причем было ясно, что он до конца удержит первое место. Он обогнал рыжего на десять шагов, и тому не удавалось ни на дюйм сократить это расстояние.

— Молодец! — обрадовался Билл. — Он еще совсем свеж, а рыжий уже выдыхается.

Держась неизменно на десять шагов впереди рыжего, черный пришел к финишу первым и под оглушительные приветствия коснулся грудью ленточки. Однако слышались и возмущенные возгласы.

Берт ликовал.

— Ага-а! — закричал он, пожирая победителя глазами. — Утерли нос Фриско? Теперь будет потеха! Смотрите! Ему хотят сделать отвод. Судьи не выдают деньги. А вон за ним идет вся его партия. Ого-го! Я уж давно так не веселился!

— Отчего же они ему не платят, Билл? — спросила Саксон.

— Партия Фриско обвиняет его в том, что он профессионал, — ответил Билл, — Вот они и спорят. Но это несправедливо. Каждый из них бежал ради денег — значит, все они профессионалы.

Толпа волновалась, спорила и шумела перед судейской трибуной. Это было ветхое двухэтажное сооружение, причем второй ярус не имел передней стены, и было видно, что находившиеся там судьи пререкаются между собой так же горячо, как и толпа внизу.

— Начинается! — закричал Берт. — Вот нахалы!

В сопровождении десятка приверженцев черноволосый взбирался по наружной лестнице на балкон трибуны.

— Они с казначеем приятели, — сказал Билл, — видите, тот платит ему; некоторые из судей согласны, другие возражают. А вон идет и партия рыжего. — Он повернулся к Саксон с успокаивающей улыбкой. — На этот раз мы во-время убрались оттуда. Там, внизу, через

несколько минут будет жарко!

— Судьи хотят, чтобы он отдал деньги обратно, — пояснил Берт. — А если он не отдаст, «рыжие» отнимут их. Смотрите, они уже до него добираются.

Победитель держал бумажный сверток с двадцатью пятью долларами серебром, высоко подняв его над головой. Приверженцы, окружив его, отшвыривали тех, кто пытался вырвать у него деньги. Драка еще не началась, но возня все усиливалась, и шаткое сооружение, наконец, дрогнуло и покачнулось. Из толпы, окружавшей победителя, раздавались самые разнообразные восклицания:

— Верни деньги, пес!

— Держи их, Тим!

— Ты их честно выиграл, Тим!

— Верни, грязный вор! Дружеские советы перемешались с непечатной бранью. Столкновение грозило перейти в свалку. Сторонники Тима совершенно запарились, приподнимая его так, чтобы тянувшиеся к нему жадные руки не могли достать до свертка. Один раз он на мгновенье опустил руку, затем поднял снова, но бумага все же разорвалась, и Тим последним отчаянным усилием вытряхнул из нее деньги, которые пролились серебряным дождем на головы стоявших внизу людей. Затем начались долгие и скучные споры.

— Скорее бы кончали, мы могли бы хоть разочек еще потанцевать. Тут совсем не весело, — сказала Мери.

Судейскую трибуну с трудом очистили от народа, распорядитель подошел к краю балкона, поднял руку и призвал к молчанию. Сердитый ропот внизу затих.

— Судьи постановили, — прокричал он, — пусть будет этот день днем товарищества и братства…

— Слушайте! Слушайте! Более рассудительные зааплодировали:

— Вот это правильно!

— Долой драку!

— Долой грубость!

— … и поэтому, — стал вновь слышен голос распорядителя, — судьи еще раз назначают приз в двадцать пять долларов, — будет перебежка.

— А Тим? — заревели десятки голосов. — А как же с Тимом? Его ограбили! Долой судей!

Снова распорядитель жестом успокоил толпу:

— Готовые идти навстречу желаниям публики, судьи решили: пусть Тимоти Мак-Манус тоже бежит. Победит — деньги его.

— Разве это справедливо? — проворчал Билл с негодованием. — Если Тим может быть допущен сейчас, он мог быть допущен и в первый раз. А если он мог быть допущен в первый раз, то бесспорно деньги его.

— Ну уж теперь рыжий из кожи будет лезть! — восторженно заявил Берт.

— И Тим тоже, — добавил Билл. — Он, наверное, взбешен и себя не пожалеет.

Еще четверть часа ушли на то, чтобы очистить беговую дорожку от возбужденной толпы, и на этот раз у старта остались только Тим и рыжий. Остальные трое молодых людей выбыли из состязания.

— Я все-таки думаю — он профессионал, и хороший, очень хороший, — заметил Билл. — Вы только посмотрите, как он бежит!

Сделав полукруг, Тим пошел на пятьдесят шагов впереди и, сохраняя это расстояние, легко и красиво понесся по беговой дорожке к финишу. И тут-то, когда он поравнялся с нашей группой на склоне холма, случилось нечто неожиданное и немыслимое. У внутренней стороны беговой дорожки стоял щегольски одетый молодой человек с тонкой, как хлыст, тросточкой. Он казался совершенно не на месте в этой толпе, и его вид говорил о том, что он не имеет никакого отношения к рабочему классу. Впоследствии Берт говорил, что он выглядел как шикарный учитель танцев, а Билл называл его хлюстом.

Но, поскольку дело касалось Тимоти Мак-Мануса, молодой человек сыграл роковую роль: как только Тим поравнялся с ним, хлюст с чрезвычайно независимым видом метнул свою трость Тиму в ноги. Тим перекувырнулся в воздухе и упал лицом вниз, подняв облако пыли.

На миг воцарилась мертвая тишина, у всех перехватило дыхание. Даже сам молодой человек, казалось, был поражен низостью своего поступка. Понадобилось немало времени для того, чтобы и он и зрители поняли, что произошло. Но вот они опомнились, и из тысячи глоток вырвался воинственный рев ирландцев.

Когда рыжий достиг финиша, не раздалось ни одного хлопка. Буря гнева обрушилась на молодого человека с тростью. Услышав рев, он с минуту колебался, затем повернулся и побежал по дорожке.

— Беги, парень! — кричал ему вслед Берт, махая шляпой. — Хорош! Дальше некуда! Что придумал! Нет, что придумал! Скажи, а? Скажи! — повторял он.

— Ну и ну! Такого ловкача поискать надо! — сказал Билл с насмешливым восхищением. — Только зачем это ему понадобилось? Он не каменщик.

Подгоняемый бешеным воем, молодой человек, точно затравленный кролик, несся по дорожке к открытому месту на склоне холма. Тут он вскарабкался наверх и исчез между деревьями. За ним гналась, запыхавшись, сотня жаждущих мести преследователей.

— Экая жалость, он так и не увидит, чем все кончится, — сказал Билл. — Посмотри на эту публику.

Берт был вне себя. Он подпрыгивал и все время кричал:

— Смотри! Смотри! Смотри! Оклендская партия была оскорблена. Ее фаворита дважды лишили выигрыша. То, что произошло сейчас, — было, несомненно, тоже гнусными кознями партии Фриско. Поэтому Окленд грозил Сан-Франциско своими увесистыми кулаками и жаждал крови. И хотя совесть другой партии была чиста, она ничего не имела против того, чтобы помериться силами с противником: обвинение в подобном злодействе не менее чудовищно, чем само злодейство. Кроме того, ирландцы и так уже сдерживали себя в течение стольких

утомительных часов, и теперь пять тысяч мужчин упоенно рвались в драку. К ним присоединились и женщины. Весь амфитеатр был вовлечен в эту потасовку. Шло наступление и отступление, люди бросались в атаку и контратаку. Более слабые отряды были оттеснены на склоны холма. Другие группы хитрили, рассыпались между деревьями, вели партизанскую войну, внезапно набрасываясь на зазевавшихся противников. Десятку полисменов, специально нанятых правлением Визелпарка, обе стороны надавали по загривку, не жалея сил.

— Разве кто любит полицию? — засмеялся Берт, прижимая платок к поврежденному уху, из которого все еще шла кровь.

В кустах за ним раздался треск, он отскочил в сторону, и мимо них под откос покатились двое сцепившихся парней — каждый, как только оказывался наверху, колотил того, кто лежал под ним, — а следом бежала женщина, вопя и осыпая ударами того из противников, который не принадлежал к ее клану.

Во время второй истории с призом судьи на своей вышке мужественно оказывали сопротивление бешеному натиску толпы, пока, наконец, шаткое сооружение не рухнуло.

— Что эта старуха собирается делать? — спросила Саксон, указывая мужчинам на пожилую женщину внизу на дорожке: она села наземь и начала стаскивать с ноги весьма почтенных размеров башмак на резинках.

— Верно, собирается купаться, — засмеялся Берт, когда за башмаком последовал и чулок.

Удивленные, они продолжали наблюдать за женщиной. Башмак был снова надет, но уже на босу ногу. Затем она засунула в снятый чулок камень величиной с кулак и, размахивая этим древним и ужасным оружием, неуклюже переваливаясь, ринулась в свалку.

— Ого! Ого! — вскрикивал Берт при каждом ее ударе. — Ах ты, чертова перечница! Держись! Берегись, а то как бы самой не нарваться! Ловко! Вот прелесть! Видали? Да здравствует старушка! Смотрите, как она взялась за них! Держись, мамаша!.. А... а... ах!..

Он огорченно смолк, когда другая амазонка, подбежав сзади, схватила женщину с чулком за волосы и завертела ее.

Напрасно Мери висла на его руке, трясла его и бранила.

— Неужели ты не уймешься? — кричала она. — Это же ужасно! Говорю тебе, ужасно!

Но Берт был неукротим.

— Так ее! Так, старушка! — поощрял он ту. — Ты победишь! Держу за тебя! Не зевай, теперь тебе повезло! О! Ловко! Прелесть! Прелесть!

— Я, кажется, такой зверской свалки еще не видел, — сказал Билл, обращаясь к Саксон. — На это способны только ирландцы. Но зачем понадобилось этому типу выкинуть сегодня такую штуку, вот чего я никак не пойму! Он во всяком случае не каменщик и даже не рабочий — настоящий хлюст; у него тут в парке ни души знакомой не было. Но если он хотел вызвать драку, то добился своего. Посмотрите-ка, дерутся везде.

Вдруг он рассмеялся так искренне, что на глазах даже выступили слезы.

— Почему вы смеетесь? — спросила Саксон, боясь что-нибудь упустить.

— Да все этот хлюст! — объяснял Билл между приступами смеха. — Нет, зачем ему понадобилось бросать трость? Вот что мне не дает покоя! Зачем?

В кустах опять послышался треск, и оттуда вынырнули две женщины — одна убегала, другая ее преследовала.

Маленькая компания не успела опомниться, как была втянута в эту борьбу, которая охватила если и не весь мир, то во всяком случае все обозримые участки парка.

Огибая садовую скамью, убегавшая женщина споткнулась об нее и, наверное, была бы поймана, но, желая удержать равновесие, схватила Мери за руку и швырнула ее затем прямо в объятия своей преследовательницы; а та — коренастая пожилая женщина, потерявшая от гнева способность соображать, — одной рукой вцепилась Мери в волосы, другую занесла для удара. Однако он не успел обрушиться, так как Билл удержал женщину за руки.

— Хватит, бабушка, довольно, — сказал он рассудительно. — Вы ошиблись. Она тут ни при чем.

Тогда женщина повела себя очень странно. Не сопротивляясь, но и не выпуская волос Мери, она остановилась и преспокойно начала вопить. В этих воплях отвратительно сочетались и ее собственный страх и желание запугать. Однако ее лицо не выражало ни того, ни другого. Она холодно рассматривала Билла, видимо стараясь узнать, как он относится к этим спокойным крикам, которыми она призывала на помощь членов своего клана.

— Ах, да заткнись ты, наконец! Развоевалась! — заорал Берт, схватив ее за плечи и стараясь оттащить от Мери.

Следствием было то, что все четверо закачались на месте, а женщина продолжала кричать. И когда в кустах послышался треск, в ее воплях появились торжествующие нотки.

Вдруг Саксон увидела, что спокойные глаза Билла сверкнули стальным блеском, и он стиснул руки женщины. Женщина отпустила Мери и, отброшенная назад, оказалась на свободе. Но тут появился один из ее защитников. Он не стал расспрашивать и вникать в суть дела: для него было достаточно, что его знакомая, шатаясь, отступает от Билла и притом кричит от боли, скорее воображаемой.

— Это все ошибка, — поспешно крикнул Билл, — недоразумение, приятель!..

Ирландец тяжело замахнулся. Билл, сразу же оборвав свои объяснения, наклонился, — и в ту минуту, когда подобный молоту кулак пронесся над его головой, ударил противника левой рукой в челюсть. Огромный ирландец повалился на бок и упал на край откоса. Едва он попытался встать на ноги, как его настиг кулак Берта, и он покатился вниз по склону, хватаясь за короткую скользкую траву.

Берт был страшен.

— А это тебе, старая ведьма, получай! — крикнул он и спихнул женщину на предательский откос. Из кустов вынырнули еще трое.

Тем временем Билл поставил Саксон позади садового стола, который должен был ей служить прикрытием. Мери, близкая к обмороку, хотела было за него уцепиться, но он посадил ее на стол и толкнул к Саксон.

— Ну-ка, идите сюда, вы, мразь! — кричал Берт своим новым противникам. Он был в азарте.

Его черные глаза сверкали, обычно смуглое лицо стало багровым, кровь так и кипела. — Подходите, мерзавцы! Плевать нам на всякие там Геттисберги! Мы вам покажем, что есть еще на свете американцы!

— Заткни глотку! Мы не можем драться, с нами девушки! — свирепо зарычал на него Билл, не покидая своих позиций перед столом. Он обернулся к трем защитникам, которые недоумевали, не найдя никого, кто бы нуждался в их заступничестве.

— Проваливайте отсюда, друзья. Мы не собираемся ссориться. Это недоразумение. Мы в драке не участвуем. Понимаете?

Они все еще колебались. И Биллу, может быть, удалось бы уговорить их, если бы именно в эту весьма неподходящую минуту скатившийся под откос ирландец не появился снова: он с трудом полз вверх на четвереньках, и по его лицу все еще текла кровь. Берт схватил его и снова швырнул вниз, а трое пришедших с яростным криком бросились на Билла, который ударил одного кулаком, затем переменил позицию, наклонился, ударил другого и снова переменил позицию, прежде чем сделать третий выпад.

Удары, которые он обрушивал на своих противников, были беспощадны, четки, метки, он наносил их по всем правилам искусства, усиливая их тяжестью всего своего тела.

Саксон, неотрывно следившая за ним, в эти минуты узнала его с какой-то новой стороны. Хотя сердце ее замирало от страха, но зрение оставалось зорким, и она была поражена: в его глазах уже не было никакой глубины, никакой светотени, они словно стали стеклянными — жесткие, блестящие, пустые, лишенные всякого выражения, кроме выражения суровой серьезности. У Берта глаза сверкали безумием. В глазах ирландцев была злость и тоже серьезность, но где-то светилась озорная радость по случаю лишней драки. В глазах Билла радости не было. Казалось, он выполняет какую-то трудную работу и твердо решил довести ее до конца, — ничего другого не выражало это лицо, совершенно непохожее на то, которое она видела перед собой в течение всего дня. Все мальчишеское исчезло. Это был вполне зрелый человек, но какой-то безвозрастной страшной зрелостью. Его лицо не было злобным, оно даже не было безжалостным, — на нем как бы застыло то же леденящее спокойствие, какое было и в глазах. Ей вспомнились захватывающие рассказы матери о древних саксах, и Билл показался ей одним из этих людей; где-то в глубине сознания промелькнула тень длинной темной лодки — нос ее напоминает клюв хищной птицы, а в лодке какие-то рослые полуобнаженные мужчины в крылатых шлемах, причем лицо одного удивительно напоминает лицо Билла. Она не выдумала, она ощутила, она действительно увидела эту картину при помощи какого-то непостижимого ясновидения… и тут же удивилась, что бой уже кончен. Он продолжался всего несколько секунд. Берт приплясывал на самом краю скользкого откоса и издевался над побежденными, которые беспомощно катились вниз. Но Билл сразу призвал всех к порядку.

— Ну, девушки, пойдемте, — сказал он. — А ты, Берт, опомнись. Надо выбираться отсюда. Мы не можем биться с целым войском.

Держа Саксон под руку, Билл начал отступление; за ним следовали Берт, продолжавший ликовать и зубоскалить, и возмущенная Мери, которая тщетно изливала на него свое негодование.

Они пробежали между деревьями около ста ярдов, а потом, не обнаружив погони, пошли тише, с видом фланирующих людей. Но Берт, всегда жаждавший приключений, вдруг насторожился — из кустов доносились приглушенные удары и вздохи — и пошел посмотреть, в чем дело.

— О! Идите сюда скорее! — позвал он остальных.

Они догнали его на краю высохшего рва и заглянули вниз. Там, на дне, двое мужчин, видимо отбившихся от общей свалки, все еще крепко держали друг друга и боролись. По их лицам текли беспомощные слезы, и удары, которым они время от времени обменивались, были вялыми и бессильными.

— Эй, ты, приятель, кинь ему песку в глаза, — посоветовал Берт. — Он не будет видеть, и ты его обработаешь!

— Стой! — заорал Билл, увидев, что тот последовал совету Берта. — Или я слезу и сам тебя поколочу! Все уже кончено, и все помирились. Пожмите друг другу руку. Выпивка с обоих. Вот так! А теперь давайте я вас вытащу.

Когда они уходили, противники уже мирились и чистили друг другу платье.

— Все скоро кончится, — усмехаясь, обратился Билл к Саксон. — Я знаю их. Для них подраться первое удовольствие. И благодаря свалке сегодняшний день будет считаться особенно удачным. Что я говорил? Посмотрите на тот вон стол.

Невдалеке кучка еще растрепанных, тяжело дышавших мужчин и женщин дружески пожимали друг другу руки.

— Пойдемте же, давайте потанцуем, — просила Мери, увлекая их к павильону.

Народ рассыпался по всему парку, недавние враги обменивались рукопожатиями, а вокруг баров, торговавших под открытым небом, толпились жаждущие выпить.

Саксон шла рядом с Биллом. Она гордилась им. Он умел драться, но умел и избегать драк. Во время всех сегодняшних событий он только об этом и заботился. И она понимала, что он вел себя так прежде всего ради нее и Мери.

— Вы храбрый, — сказала она ему.

— Какая там храбрость! Это все равно что отнять конфету у ребенка,

— возразил он. — Они просто буяны. Никто из них понятия не имеет о боксе. Они не умеют защищаться, и остается только бить их. Это, знаете ли, не настоящая драка.

Печальным взглядом, совсем как мальчик, посмотрел он на свои в кровь разбитые суставы.

— А мне завтра вот этими руками править надо, — сказал он жалобно.

— Очень невесело, доложу я вам, когда они распухают.

Глава пятая

В восемь часов оркестр заиграл «Дом мой, дом», и, следуя в сумерках за потоком гуляющих, которые спешили на дополнительный поезд, обеим парам удалось занять в вагоне места друг против друга. Когда площадки и проходы оказались набитыми публикой, поезд тронулся в свой недолгий путь — из предместья в Окленд. Пассажиры пели кто во что горазд, и Берт, лежа головой на груди у обнимавшей его Мери, затянул свою любимую «На берегах Уобэша» и допел ее до конца, нимало не смущаясь шумом драки, которая продолжалась на обеих

площадках вагона до тех пор, пока сопровождавшие поезд полисмены, под крики женщин и звон разбитых стекол, не уняли буянов.

Билл спел печальную балладу о ковбое; она была очень длинная, и каждая строфа заканчивалась припевом: «Заройте меня в пустынной степи».

— Этой песни вы никогда не слышали; мой отец часто ее певал, — сообщил он Саксон, которая была рада, когда он кончил.

Наконец-то она открыла в нем недостаток! У него совершенно отсутствовал слух. Он не взял ни одной верной ноты.

— Я пою редко, — прибавил он.

— Еще бы! — воскликнул Берт. — Друзья убили бы его на месте.

— Они все издеваются над моим пением, — обратился он к Саксон. — Ну скажите по совести, разве у меня выходит так уж плохо?

— Вы… вы… может быть… вы берете не совсем в тон… — заметила она нерешительно.

— А мне вот не кажется, что не в тон, — возразил он. — Чудно. Все точно сговорились. И вас, наверно, Берт подучил. Ну, теперь спойте-ка вы, Саксон. Пари держу, что вы поете хорошо! Это сразу видишь по вашему лицу.

Она запела «Когда кончится жатва», Берт и Мери вторили ей. Но едва Билл попытался присоединить к ним свой голос, как Берт толкнул его ногой, и ему пришлось замолчать. Саксон пела чистым, верным сопрано, голос у нее был небольшой, но очень приятный, и она чувствовала, что поет для Билла.

— Вот это пенье так пенье, — заявил он, когда она замолчала, — Спойте еще раз. Да ну же, начинайте! У вас так хорошо выходит, просто замечательно!

Его рука потянулась к ее руке, забрала ее целиком в свою, и когда она опять запела, то почувствовала, как его сила, словно тепло, проникает в нее.

— Посмотрите, они держатся за ручку! — насмешливо сказал Берт. — Чего вы боитесь? Берите с нас пример! Да придвиньтесь же, наконец, друг к другу, мямли! Не то я могу подумать… и уже думаю, вы что-то скрываете!..

Намек был слишком прозрачен» и Саксон почувствовала, как ее щеки вспыхнули.

— Ну, ты не очень-то увлекайся, — укоризненно остановил его Билл.

— Замолчите, — рассердилась и Мери. — Вы ужасно грубы, Берт Уонхоп, я больше не желаю с вами знаться, вот вам!

Она разомкнула объятия и оттолкнула его, но через несколько минут уже простила, и они уселись по-прежнему.

— Пойдемте еще куда-нибудь вчетвером, — не унимался Берт. — Ведь время детское. Кутить так кутить! Сначала к Пабсту в кафе, а там видно будет. Ты как на этот счет, Билл? А вы, Саксон? Мери пойдет.

Саксон ждала, мучительно волнуясь, что ответит этот сидевший рядом с нею юноша, которого она узнала так недавно.

— Нет, — медленно проговорил он. — Мне завтра рано вставать и предстоит тяжелый рабочий день; девушкам, я думаю, тоже.

Тут Саксон простила ему его немузыкальность. Она знала, она чувствовала, что такие люди должны быть на свете. И такого человека она ждала. Теперь ей двадцать два; первое предложение она получила, когда ей было шестнадцать, а последнее — всего месяц назад — от старшего мастера прачечной, человека доброго и порядочного, но уже немолодого. Этот же был силен, добр и молод. Она сама еще слишком молода и не может не тянуться к молодости. Правда, с тем, из прачечной, она жила бы спокойно и отдохнула бы от вечных утюгов, но какая же это безрадостная жизнь! А вот с этим… Саксон поймала себя на том, что чуть не пожала его руку, в которой все еще лежала ее рука.

— Нет, Берт, не приставай, он прав, — сказала Мери. — Надо же поспать. Завтра ведь опять эти крахмальные оборки и весь день на ногах.

Саксон вдруг кольнула мысль, что она, вероятно, старше Билла. Она взглянула украдкой на его свежее лицо с гладкой кожей, и та юность, которой дышало все его существо и которая так нравилась ей, вдруг стала ее раздражать. Конечно, он женится на девушке моложе себя и моложе Саксон. Сколько ему может быть лет? Неужели он действительно слишком молод для нее? Становясь недостижимым, он тем самым становился еще привлекательнее. Он был такой сильный — и в то же время такой мягкий. Девушка вспомнила весь проведенный с ним день. Он не совершил ни одного промаха, относился к ней и Мери с неизменным уважением, он разорвал ее программу и танцевал только с ней одной. Если бы она ему не нравилась, он, конечно, так бы себя не вел.

Она пошевелила пальцами и ощутила его жесткую, покрытую мозолями ладонь. Ощущение это было необыкновенно приятно. Он тоже слегка повернул руку, применяясь к ее движению, и она ждала с трепетом, что теперь будет. Саксон очень не хотелось, чтобы он поступил, как другие мужчины, — она, кажется, возненавидела бы его, если б он воспользовался этим легким движением ее пальцев и обнял ее за талию. Но он не обнял ее, и в сердце Саксон вспыхнуло горячее чувство к нему. Оказывается, в нем есть и деликатность, он не пустоголовый болтун, как Берт, не груб, как другие мужчины, с которыми ей случалось встречаться! Она пережила в этом смысле много неприятного и очень страдала от отсутствия того, что можно было бы назвать рыцарством, хотя Саксон, конечно, и не догадывалась, что это именно так называется.

Кроме того, он был боксером. При одной мысли об этом у нее перехватило дыхание. Правда, он нисколько не подходил к тому представлению о боксерах, которое она себе составила. Ведь он в сущности и не боксер. Он же сказал, что нет. Саксон дала себе слово расспросить его подробнее, если… если он когда-нибудь опять ее пригласит. Да, наверно, так и будет, ведь когда мужчина танцует с девушкой чуть не целый день, он об ней тут же не забывает. Ей даже захотелось, чтобы он все-таки оказался боксером. В этом было что-то манящее и жуткое. Боксеры — страшные, таинственные люди! И поскольку они не принадлежат к числу заурядных рабочих, вроде плотников и прачечников, они, несомненно, фигуры романтические. Они работают не на хозяев, но для публики, в героическом единоборстве своими силами отвоевывают себе у мира, далеко не щедрого, роскошную жизнь. У иных даже собственные автомобили, и путешествуют они с целой свитой тренеров и слуг. Может быть, Билл только из скромности сказал, что он бросил бокс? Однако на его руках мозоли, значит он говорит правду.

Глава шестая

У ворот они простились. При этом Билл смутился, и это Саксон очень понравилось. Он, видно, не из тех парней, которые считают себя вправе фамильярничать с девушкой. Остановившись, оба замолчали, и она сделала вид, что хочет войти в дом, хотя на самом деле с тайным трепетом ждала тех слов, которые так мечтала от него услышать.

— Когда же я опять вас увижу? — спросил он, не выпуская ее руки.

Она радостно засмеялась.

— Я живу в восточной части Окленда, — продолжал он. — Знаете, там, где наша конюшня; и работаем мы больше в тех краях, так что в вашей местности мне бывать почти не приходится. А все-таки, — продолжал он, и его рука крепче сжала ее руку, — все-таки нам непременно нужно еще потанцевать вместе. Я вам вот что предложу: в Ориндорском клубе танцы бывают по средам. Если вы не заняты… Или вы заняты?

— Нет…

— Значит, в среду. В котором часу зайти за вами?

Когда они договорились обо всех подробностях и он согласился, чтобы она танцевала некоторые танцы с другими парнями, они еще раз пожелали друг другу спокойной ночи, его рука сжала ее руку, и он привлек девушку к себе. Она слегка, но твердо воспротивилась: таков был обычай, да она и боялась, что Билл может неверно истолковать ее уступчивость. Но все же ей так хотелось поцеловать его, как ни одного мужчину. И когда она подставила ему свое лицо, она почувствовала, что поцелуй его честен. В нем не было никакого скрытого умысла, скорее что-то целомудренное, непосредственное и доброе, как он сам. Этот поцелуй показал, что Билл не слишком опытен в прощаниях с девицами. «Видно, не все мужчины скоты», — подумала она.

— Спокойной ночи, — прошептала Саксон; калитка скрипнула, и она быстро пошла по узкой дорожке, которая огибала двор и вела к ее дому.

— Так до среды? — вполголоса бросил он ей вслед.

— До среды, — откликнулась она.

Но в сумраке узкого прохода между двумя домами она остановилась, с трепетом прислушиваясь к звуку его шагов, удалявшихся по асфальтовому тротуару, и вошла в дверь, только когда шаги замерли совсем. Саксон поднялась по черной лестнице и прошла через кухню в свою комнату, благодаря судьбу за то, что Сара не проснулась.

Она зажгла газ и, снимая с головы бархатную шляпку, почувствовала, что на ее губах еще горит его поцелуй. А ведь такой поцелуй ровно ничего не доказывает. У молодых людей это принято. Они все так делают. Но их поцелуи при прощании никогда не жгли, а поцелуй Билла жег не только ее губы, но и мозг. Что же произошло? Откуда это? Подчиняясь внезапному порыву, она подошла к зеркалу. Ее глаза сияли счастьем; щеки, обычно чуть окрашенные нежным румянцем, теперь пылали. Из зеркала на нее смотрела прехорошенькая девушка. И Саксон улыбнулась, радостная и довольная своим видом; улыбка эта стала еще шире, когда в зеркале отразился ровный ряд ее крепких белых зубов. «Почему бы это личико не понравилось Биллу?» — задала она себе безмолвный вопрос. Другим мужчинам она ведь нравится. Даже подруги одобряют ее внешность. И, судя по тому, как Чарли Лонг преследует ее и отравляет ей жизнь, можно сказать наверняка, что он считает ее привлекательной.

Она покосилась на край зеркала, — там была засунута за рамку фотография Чарли, — содрогнулась и презрительно надула губки. В его глазах было что-то животное и жестокое. Он и в самом деле порядочное животное. Вот уже год, как он ее преследует. Другие парни и подойти к ней боятся: он всех отпугнул своими угрозами. Удостоив ее вниманием, он сделал ее, рабой этого внимания. Она вспомнила молодого бухгалтера из прачечной, — это был уже не рабочий, а настоящий джентльмен, с мягким голосом и нежными руками; а Чарли избил его втихомолку только за то, что бухгалтер осмелился пригласить ее в театр. А разве она виновата? Из жалости к нему она с тех пор ни разу не решилась принять его приглашение.

И вот в, среду вечером она пойдет с Билли! Билли! Сердце ее забилось. Конечно, будет скандал, но Билл защитит ее от Чарли. Хотела бы она видеть, как Чарли изобьет Билла! Быстрым движением она выхватила карточку из-за рамы и бросила ее на комод лицом вниз. Карточка упала возле небольшого старенького ларчика, обитого темной потертой кожей. Словно оскорбленная таким кощунством, она опять схватила противную карточку и швырнула ее через всю комнату в дальний угол, затем взяла в руки кожаный ларчик. Нажав пружину и открыв его, она долго глядела на дагерротип: перед ней было усталое женское лицо с умными серыми глазами и смело очерченным выразительным ртом; внутри, на бархатной подушечке, золотыми буквами были вытиснены слова: «Карлтону от Дэзи». Она прочла их с благоговением, ибо это было имя ее отца, которого она совсем не знала, и имя матери, которую она знала так недолго, но чьи умные и грустные серые глаза запомнила навсегда.

Саксон, с детства не знавшая религиозных обрядностей, была по природе натурой глубоко религиозной. Но ее мысли о Боге оставались крайне смутными и неопределенными, и тут она откровенно признавала себя бессильной. Она никак не могла представить себе Бога. На дагерротипе же она видела нечто вполне реальное; этот образ так много давал ей и так много обещал в будущем! Саксон не ходила в церковь. Ее алтарь, ее святая святых были здесь. К этому изображению обращалась она, когда ее постигало горе или угнетало одиночество; здесь она искала совета, помощи и утешения. Она чувствовала, что во многом не похожа на знакомых девушек, и, вглядываясь в дорогое лицо, старалась найти в нем черты духовного сходства с собой. Ведь мать ее была тоже не такая, как все. Мать действительно являлась для нее тем, чем для других является Бог. Этому идеалу она стремилась остаться верной, не уронить его, ничем не оскорбить. Саксон не отдавала себе отчета в том, что на самом деле знает о своей матери очень мало, что все это зачастую ее собственные вымыслы и догадки. В течение многих лет создавала она этот миф о своей матери.

Но разве все в этом образе было только мифом?

Она решительно оттолкнула от себя сомнения и, открыв нижний ящик комода, вынула оттуда потертый портфель. Выпали старые пожелтевшие рукописи, повеяло легким, нежным ароматом былого. Почерк был тонкий, изящный, с завитками, — как принято было писать полстолетия назад. Она прочла стансы, обращенные автором к самой себе:

Словно нежная арфа Эола,

Муза поет все нежней…

Калифорнийские долы

Эхом откликнулись ей[3].

Она в тысячу первый раз подивилась тому, что такое Эолова арфа; и все же смутные воспоминания об этой необыкновенной матери будили чувство чего-то невыразимо

прекрасного. Саксон некоторое время стояла задумавшись, затем раскрыла другую рукопись. «Посвящается К. Б. «, — прочла она. Это было любовное стихотворение, которое ее мать посвятила своему мужу, Карлтону Брауну.

И Саксон погрузилась в чтение следующих строк:

От толпы убежала, укрывшись плащом,

И увидела статуй торжественный ряд:

Вакх, увенчанный свежим зеленым плющом,

И Пандора с Психеей недвижно стоят.

Это тоже было выше ее понимания, но она вдыхала в себя невнятную красоту этих строк. Вакх, Пандора, Психея — эти имена звучат как волшебное заклинание! Но увы! — ключ к загадке был только у матери. Странные, бессмысленные слова, таившие вместе с тем какой-то глубокий смысл! Ее волшебница-мать понимала, что они означают. Саксон медленно прочла их, букву за буквой, ибо не смела прочесть целиком, не зная, как они произносятся, и в ее сознании смутно блеснул их величественный смысл, глубокий и непостижимый. Ее мысль замерла и остановилась на сияющих, как звезды, границах некоего мира, где ее мать чувствовала себя так свободно, гораздо более высокого, чем действительность, в которой живет она, Саксон. Задумчиво перечитывала она все вновь и вновь эти четыре строчки. И казалось, что в сравнении с той действительностью, в которой она жила, терзаемая горем и тревогой, мир ее матери был полон света и блеска. Здесь, в этих загадочно-певучих строках, скрывалась нить, ведущая к пониманию всего. Если бы Саксон только могла ухватить ее — все стало бы ясно. В этом она была вполне уверена. И она поняла бы тогда и злые речи Сары, и судьбу своего несчастного брата, и жестокость Чарли Лонга, и то, почему он избил бухгалтера, и почему надо стоять у гладильной доски и работать, не разгибая спины, дни, месяцы, годы.

Она пропустила строфу — увы, совершенно для нее недоступную — и попробовала читать дальше.

В теплице последние краски дрожат,

В них отблеск опала и золота дрожь.

Едва зарумянел далекий закат,

Закат, что с вином упоительным схож,

Наяду, застывшую в зыбкой тени,

Осыпали брызги ей руки и стан,

Блеснув на груди аметистом, они

Дождем осыпаются в светлый фонтан.

— Прекрасно, как прекрасно, — вздохнула она. Смущенная длиной стихотворения, она снова закрыла рукопись и спрятала ее; затем опять стала шарить в комоде, надеясь, что хранящиеся там реликвии дадут ей ключ к неразгаданной душе матери.

На этот раз она вынула маленький сверток в тонкой бумаге, перевязанный ленточкой. Бережно

она развернула его, с благоговейной серьезностью священника, стоящего перед алтарем. Там лежал красный атласный испанский корсаж на китовом усе, напоминавший маленький корсет, — такие корсажи были обычным украшением женщин, которые прошли с пионерами через прерии. Корсаж: был ручной работы и сшит по старинной испано-калифорнийской моде. Даже китовый ус был обработан домашним способом из материала, купленного, вероятно, на китобойном судне, торговавшем кожей и ворванью. Черным кружевом его обшила мать, и стежки на тройной кайме из черных бархатных полос тоже были сделаны ее рукой.

Саксон задумалась над ним, в голове ее проносились бессвязные мысли. Здесь перед ней было нечто реальное. Это она понимала. Этому она поклонялась, как поклонялись люди ими же созданным богам, хотя их вера и опиралась на гораздо менее осязаемые доказательства пребывания Бога на земле.

Корсаж имел в окружности двадцать два дюйма. Саксон уже не раз убеждалась в этом. Она встала и примерила его на себя. Это было частью обычного ритуала. Корсаж почти сходился. В талии он сходился совсем. Если бы снять платье, он пришелся бы как раз по ней. Этот корсаж, овеянный воспоминаниями о пионерской эпопее в Калифорнийской Вентуре, больше всего волновал Саксон: он как бы хранил отпечаток фигуры ее матери. Стало быть, внешностью она похожа на мать. Свою железную выдержку, свою ловкость в работе, изумлявшую всех, она тоже унаследовала от нее. Так же изумлялись люди прошлого поколения, глядя на ее мать — эту куколку, это создание, самое миниатюрное и молодое из целого выводка рослых пионеров, — создание, воспитывавшее, однако, этот выводок. Все обращались к ее необычайному уму, даже сестры и братья, которые были на десяток лет старше ее. Именно она, Дэзи, решительно повелела своим спутникам переменить зараженные лихорадкой низменности Колюзы на здоровый воздух Вентурских гор; это она восстала против старика отца, который считался грозой индейцев, и боролась со всей семьей за то, чтобы Вилла вышла замуж по своему выбору; это она, бросая вызов семье и общепринятой морали, потребовала, чтобы Лаура развелась со своим мужем, безволие которого граничило с преступностью; а с другой стороны — она, и только она, не давала семье распасться, когда взаимное непонимание или человеческие слабости грозили ее разрушить.

Поистине, она была и воином и миротворцем! И перед глазами Саксон воскресали забытые предания. Они были полны живых подробностей, так как она много раз вызывала их в своем воображении, хотя они и касались вещей, которых она никогда не видела. Эти подробности, конечно, были плодом ее собственной фантазии: ей ведь никогда не приходилось встречать ни вола, ни дикого индейца, ни степной повозки. И все же она видела перед собой орды этих жаждущих земли англосаксов, они пересекали материк и шли с востока на запад, они мелькали сквозь поднятую тысячами копыт, пронизанную солнцем пыль и были полны трепета и жизни. Они казались ей частью ее самой. Эти предания старины и рассказы о подлинных событиях она слышала из уст живых свидетелей и участников. Ей отчетливо рисовались длинные вереницы повозок, впереди шагают исхудавшие загорелые мужчины, юноши подгоняют ревущих волов, которые падают от усталости и подымаются, чтобы снова упасть. И во всем этом, как легкий челнок, тянущий золотую лучезарную пряжу, мелькает образ ее матери — ее маленькой непокорной мамы, которой минуло и восемь и девять лет, а поход был еще не кончен, — волшебницы и законодательницы, во всяком деле осуществлявшей свою волю, — причем и дело и воля ее всегда были правильны и хороши.

Саксон видела Панча, крошечного скай-терьера с жесткой шерстью и преданными глазами, — Панча (он с таким трудом следовал за путешественниками в течение долгих месяцев), наконец охромевшего и всеми покинутого; и она видела, как Дэзи, эта крошка, спрятала Панча в повозку; видела, как ее одичавший, истощенный старик отец обнаружил этот дополнительный груз, когда волы и без того выбивались из сил, видела его ярость и как он поднял Панча за

шиворот. Видела потом, как Дэзи стояла между дулом длинноствольного ружья и собачонкой и как после этого девочка много дней тащилась, спотыкаясь, по солончакам среди зноя и пыли, поднимаемой повозками, держа на руках, словно ребенка, больную собаку.

Но живее всего вставала перед Саксон битва при Литтл Мэдоу. Дэзи одета, как на праздник, в белое платье, опоясанное лентой, с лентами и круглой гребенкой в волосах, с маленькими ведерками в руках; вот она выходит из-под прикрытия поставленных полукругом и сцепленных колесами фургонов, где раненые кричат в бреду и грезят о холодных рудниках, шагает по залитой солнцем, поросшей цветами луговине, мимо оцепеневших от изумления вооруженных индейцев, к водоему за сто ярдов и — возвращается обратно.

Саксон с горячим благоговением поцеловала атласный испанский корсаж, торопливо свернула его и с еще влажными глазами решила больше не грезить ни об обожаемой матери, ни о странных загадках жизни.

И все-таки, лежа в постели, она снова вызвала в своем воображении те немногие, но важные для нее сцены, где участвовала ее мать и которые память сохранила ей с детства. Она больше всего любила засыпать именно так — унося с собой в подобную смерти пропасть сна запечатленный в меркнущем сознании образ матери. Но это не была ни Дэзи из прерий, ни Дэзи с дагерротипа. Та Дэзи существовала до Саксон. Мать, с образом которой она засыпала, была намного старше — измученное бессонницей, мужественно-скорбное, бледное, хрупкое и тихое существо, которое держалось только напряжением воли и только напряжением воли не допускало себя до сумасшествия, но чья воля не могла побороть бессонницу, — ни один врач не в силах был дать бедняжке ни минуты сна. И вот она бродила, бродила по дому, от постели к креслу и опять к постели, в течение долгих мучительных дней и месяцев, никогда не жалуясь, хотя ее неизменно улыбавшиеся губы кривились от боли. И ее умные серые глаза — все еще серые, все еще умные — стали огромными и глубоко запали.

В эту ночь Саксон не скоро удалось заснуть; мать, бродившая по дому, появлялась и исчезала, а в промежутках вставал образ Билла с его красивыми и печальными, словно затуманенными глазами и жег ей веки; и еще раз, когда ее уже заливали волны сна, она спросила себя: «Может быть, это он?»

Глава седьмая

Работа в гладильной шла своим чередом, но эти три дня до среды показались Саксон ужасно длинными. Разглаживая тонкие крахмальные вещи, которые так и летали под ее утюгом, Саксон что-то напевала вполголоса.

— Просто не понимаю, как ты ухитряешься! — дивилась Мери. — Этак ты к концу недели заработаешь тринадцать, а то и четырнадцать долларов!

Саксон рассмеялась, и в облачках пара, поднимавшихся из-под утюга, перед ней заплясали золотые буквы, — из них складывалось слово «среда».

— Какого ты мнения о Билле? — спросила Мери.

— Он мне нравится, — откровенно призналась Саксон.

— Только смотри не увлекись им.

— Захочу, так увлекусь, — задорно отозвалась Саксон.

— Лучше не надо, — предостерегающе заметила подруга. — Только неприятности наживешь. Он не женится. Многие девушки уже убедились в Этом, они ведь прямо вешаются ему на шею.

— Я не собираюсь вешаться на шею ни ему, ни другому…

— Ну, я тебя предупредила, — сказала Мери, — имеющие уши да слышат.

Саксон задумалась.

— У него нет…? — и она глазами досказала вопрос, для которого не подобрала слов.

— О, ничего подобного! Хотя я не знаю, что ему мешает? Завидный парень, ничего не скажешь! А просто он не юбочник. Танцует, гуляет, веселится, но насчет прочего — ни-ни! Много девушек по нем с ума сходят. Держу пари, что и сейчас в него влюблены по крайней мере десяток. А он всем дает отставку. Взять хотя бы Лили Сэндерсон. Да ты ее знаешь, ты видела ее прошлым летом на гулянье словаков в Шеллмаунде, — высокая такая интересная блондинка, она еще все время ходила с Бэтчем Виллоу.

— Да, помню, так что же с ней случилось?

— Ну, она дружила с Бэтчем, и у них дело уж совсем налаживалось, да Билл заметил, что она недурно танцует, и давай с ней танцевать на всех вечеринках. Но Бэтч ведь отчаянный. Он подходит к Биллу, отчитывает его при всех и предупреждает. Билл слушает, знаешь, с этим своим полусонным спокойным видом, а Бэтч распаляется, распаляется — и все ждут, вот сейчас будет драка.

Тогда Билл спрашивает: «Все?» — «Да, — отвечает Бэтч. — Я-то все сказал, а вот что ты теперь мне ответишь?» И как ты думаешь, что он сказал, когда все смотрели на него, а у Бэтча глаза даже кровью налились? «Да ничего», говорит… Ты представляешь, как удивился Бэтч? Его можно было, как говорится, пальцем перешибить! «И никогда больше с ней танцевать не будешь?» — говорит Бэтч. «Конечно, нет, раз ты говоришь — нельзя». Так и ответил!

Ну, ты понимаешь, всякого другого, кто бы так отступил перед Бэтчем, стали бы презирать, а Биллу все можно. Он прославился как боксер, и если он посторонился и дал дорогу другому, каждый понимает, что он не струсил и не бьет отбой, — словом, ничего такого. Просто у него не было никакого чувства к Лили Сэндерсон; и всем стало ясно, что это она влюблена в него как кошка.

Рассказ Мери крайне встревожил Саксон. Правда, в ней жила своя женская гордость, однако насчет покорения мужских сердец она вовсе не отличалась излишней самоуверенностью. Билл с удовольствием танцевал с ней, но, может быть, на этом все и кончится? И если Чарли Лонг устроит ему скандал, Билл от нее отступится, как отступился от Лили Сэндерсон? Говорят, он жениться не собирается, — все же Саксон отлично понимала, что жених он весьма завидный. Не мудрено, если девушки за ним бегают. Он и мужчин покоряет так же легко, как женщин. Мужчины любят его. Берт Уонхоп прямо влюблен в него. Она вспомнила случай с хулиганом из мясных рядов, который подошел к их столу и извинился, вспомнила ирландца, который мгновенно отказался от всякой мысли о драке, как только узнал, кто перед ним.

«Наверно, страшно избалованный молодой человек», — не раз мелькало в уме Саксон, но она отгоняла эту мысль, как недостойную. Он был мягок и деликатен, но и при этом сохранял свою несносную медлительность. Несмотря на огромную силу, он никого не задевал и не обижал. Саксон не могла забыть истории с Лили Сэндерсон и то и дело мысленно к ней возвращалась. Он был равнодушен к девушке и поэтому сейчас же отступил, не встал между нею и Бэтчем.

Берт, например, из одного задора и злорадства затеял бы драку, нажил себе врага, и Лили ничего бы при этом не выиграла. Билл поступил именно так, как следовало, и сделал это с присущей ему ленивой невозмутимостью, решительно никого не обидев. От всего этого Билл становился для нее все более желанным и все менее доступным.

В результате она купила себе еще пару шелковых чулок, хотя очень долго не решалась на такую трату, а ночь на среду просидела над шитьем новой блузки, то и дело засыпая от усталости под ворчанье Сары, бранившей ее за безрассудный расход газа.

Удовольствие, полученное ею в среду вечером на ориндорском балу, было далеко не полным. Девушки бессовестно ухаживали за Биллом, и его снисходительность к ним просто злила ее. Все же она должна была признать, что Билл ничем не задевал чувства других кавалеров так, как девушки задевали ее собственные чувства. Они чуть ли не сами просили, чтобы он с ними потанцевал, и их навязчивое ухаживание за ним не могло от нее укрыться. Саксон твердо решила, что она-то уж никогда не кинется ему на шею; поэтому она отказывала ему в одном танце за другим, и вскоре почувствовала, что тактика ее правильная. И если он невольно обнаруживал перед ней свой успех у всех этих девушек, то и она давала ему почувствовать, что нравится другим мужчинам.

И она дождалась награды, когда он спокойно пренебрег ее отказом и потребовал от нее сверх обещанных еще два танца. Ее и рассердили и вместе с тем обрадовали перехваченные ею замечания двух здоровенных девиц с консервного завода. «Противно смотреть, — сказала одна, — как эта пигалица забирает его в руки!» На что другая ответила: «Хоть бы из приличия бегала за кавалерами своего возраста, а не за такими молокососами. Ведь это называется совращением малолетних!» Последние слова кольнули ее больнее всего, и Саксон покраснела от гнева, а девушки уже уходили, даже не подозревая, что их подслушали.

Билл довел ее до ворот и поцеловал, взяв обещание пойти с ним в пятницу на танцы в зал «Германия».

— Я собственно туда не собирался, — сказал он, — но если вы согласны… Берт тоже там будет.

На другой день, стоя у гладильной доски. Мери сообщила ей: они с Бергом сговорились идти в пятницу на вечер.

— А ты пойдешь? — спросила Мери.

Саксон кивнула.

— С Биллом Робертсом?

Опять последовал кивок. И Мери, держа утюг на весу, пристально и с любопытством взглянула на подругу.

— Ну, а что, если вмешается Чарли Лонг? Саксон пожала плечами.

С четверть часа они гладили торопливо и молча.

— Что ж, если он сунется, — решила Мери, — он, может быть, получит по носу. А мне бы очень хотелось на это посмотреть… нахал противный! Все зависит от того, какие чувства у Билли, то есть к тебе…

— Я не Лили Сэндерсон. — с негодованием возразила Саксон, — и никогда у Билли не будет

повода при всех дать мне отставку.

— Придется, если в дело вмешается Чарли Лонг. Поверь мне, Саксон, он все-таки дрянь человек. Помнишь, как он отделал бедного Муди? Избил до полусмерти!.. А что такое мистер Муди? Просто тихий человечек, он и мухи не обидит... Ну а с Биллом Робертсом дело так не кончится!

В тот же вечер Саксон увидела у дверей прачечной Чарли Лонга, он поджидал ее. Когда он подошел поздороваться и зашагал рядом, она почувствовала то мучительное замирание сердца, которое всегда ощущала при его появлении. От страха Саксон сразу побледнела. Она боялась этого рослого, грубого парня с его бычьей силой, боялась тяжелого и наглого взгляда его карих глаз, боялась огромных рук, какие бывают у кузнецов — с толстыми волосатыми пальцами. У него была неприятная наружность, и он ничем не привлекал ее душевно. Не его сила сама по себе оскорбляла ее, а характер этой силы и то, как он применял ее. Она долго потом не могла забыть избиения кроткого Муди; при виде Чарли она всегда с внутренним содроганием вспоминала об этом случае.

А ведь совсем недавно она присутствовала при том, как Билл дрался в Визел-парке, но то было совсем другое. Чем другое — она не могла бы сказать, но чувствовала разницу между Биллом и Лонгом; у Лонга по-звериному грубы и руки и душа.

— Вы сегодня бледная, у вас измученный вид! — заметил он, поздоровавшись. — Какого черта вы не бросите эту канитель? Ведь все равно рано или поздно придется! От меня вы не отделаетесь, малютка!

— Очень жаль, если так, — возразила она.

Он самоуверенно рассмеялся.

— Нет, Саксон, и не старайтесь. Вы прямо созданы быть моей женой. И будете.

— Хотела бы я быть такой уверенной, как вы, — сказала она с насмешкой, которой он, впрочем, даже не заметил.

— Я вам говорю, — продолжал он, — в одном вы можете быть уверены: что я своему слову верен, — и, довольный своей шуткой, которую, видимо, счел весьма остроумной, он захохотал. — Когда я чего-нибудь захочу, так добуду! И лучше мне поперек дороги не становись, не то сшибу. Поняли? Мы с вами пара — и все тут; поэтому нечего волынить, переходите-ка лучше работать ко мне в дом, чем возиться в прачечной. Да и дела-то с воробьиный нос! Какая у меня работа? Денег я зашибаю достаточно, все у вас будет. Я и сейчас удрал с работы и прибежал сюда, чтобы еще раз все это вам напомнить, не то, пожалуй, забудете. Я даже еще не ел сегодня — видите, все время вас в уме держу!

— Нет, лучше уж ступайте пообедайте, — посоветовала она, хотя знала по опыту, как трудно бывает от него отделаться.

Она едва слышала, что он ей говорил. Саксон вдруг почувствовала себя очень усталой, маленькой и слабой рядом с этим великаном. «Неужели он никогда не отстанет?» — спрашивала она себя с тоской, и ей на миг представилось ее будущее, вся ее жизнь, словно длинная дорога, и она идет по ней с этим неуклонно преследующим ее кузнецом.

— Ну, давайте решайте, малютка, — продолжал он. — Теперь как раз золотое летнее времечко, самая пора для свадеб.

— Но я ведь вовсе не собираюсь за вас замуж! — негодующе возразила Саксон. — Я вам уже тысячу раз говорила!

— Ах, бросьте! Выкиньте эти глупости из головы! Конечно, вы за меня пойдете. Это дело решенное. И еще одно — в пятницу мы с вами махнем во Фриско: там кузнецы задают грандиозный вечер.

— Нет, я не поеду, — решительно заявила она.

— Поедете! — ответил он безапелляционно. — Вернемся с последним пароходом, и вы здорово повеселитесь. Познакомлю вас с лучшими танцорами… Я ведь уж не такой жадный. Я знаю, вы потанцевать любите.

— Но я вам говорю, что не могу, — повторила она.

Он подозрительно покосился на нее из-под черных нависших бровей, густо сросшихся на переносице и образовавших как бы одну черту.

— Почему не можете?

— Я уже обещала…

— Кому это?

— Не ваше дело, Чарли Лонг. Обещала… и все тут.

— Не мое дело? Нет, будет мое, коли захочу! Помните вашего обожателя, этого сопляка бухгалтера? Ну так советую не забывать, чем все это кончилось!

— Прошу вас, оставьте меня в покое! — обиженно проговорила она. — Ну хоть один раз не мучьте!

Кузнец язвительно засмеялся.

— Если какой-нибудь сопляк намерен встать между нами, пусть не воображает… я ему вправлю мозги… Так в пятницу вечером? Да? А где?

— Не скажу.

— Где? — повторил он.

Губы девушки были крепко сжаты, на щеках двумя небольшими пятнами вспыхнул гневный румянец.

— Подумаешь! Точно я не отгадаю! В зале «Германия», конечно! Ладно, я там буду и провожу вас домой. Поняли? И уж лучше предупредите своего сопляка, чтобы он убирался подобру-поздорову, если не хотите, чтобы я ему морду набил.

Саксон, чье женское достоинство было оскорблено таким обращением ее поклонника, хотелось бросить ему в лицо имя и подвиги своего нового защитника. Но она тут же испугалась: Чарли — взрослый мужчина, и в сравнении с ним Билл — мальчик. По крайней мере ей он показался таким. Она вспомнила свое первое впечатление от рук Билла и взглянула на руки своего спутника. Они показались ей вдвое больше, а шерсть, которой они обросли, свидетельствовала об его ужасной силе. Нет, не может Билл драться с этаким громадным животным! И вместе с

тем в ней вспыхнула тайная надежда, что благодаря чудесному, баснословному искусству, каким владеют боксеры, Биллу, может быть, удастся проучить этого забияку и избавить ее от преследований. Но когда она опять посмотрела на кузнеца и увидела, как широки его плечи, как морщится сукно костюма на мощных мышцах и рукава приподняты глыбами бицепсов, ее снова охватили сомнения.

— Если вы опять хоть пальцем тронете кого-нибудь, с кем я… — начала она.

— Ему, конечно, не поздоровится, — осклабился кузнец. — И поделом. Всякого, кто становится между парнем и его девушкой, необходимо вздуть.

— Я не ваша девушка и, что бы вы ни говорили, никогда не буду.

— Ладно, злитесь, — кивнул он. — Мне нравится, что вы такая задорная. Нужно, чтобы жена была с огоньком, а то — что в них толку, в этих жирных коровах! Колоды! Вы по крайней мере огонь, злючка!

Она остановилась возле своего дома и положила руку на щеколду калитки.

— Прощайте, — сказала она. — Мне пора.

— Выходите-ка попозднее, прогуляемся в Андорский парк, — предложил он.

— Нет, мне нездоровится. Поужинаю и сразу лягу.

— Понятно, — проговорил он с ехидной усмешкой. — Приберегаете, значит, силы к завтрашнему дню? Да?

Она нетерпеливо толкнула калитку и вошла.

— Я вас предупредил, — продолжал он, — если вы завтра надуете меня, кому-то придется плохо.

— Надеюсь, что вам! — отпарировала она.

Он захохотал, откинул голову, выпятил чугунную грудь и приподнял тяжелые руки. В эту минуту он напоминал Саксон огромную обезьяну, когда-то виденную ею в цирке.

— Ну, до свиданья! — крикнул он ей вслед. — Увидимся завтра вечером в «Германии».

— Я не говорила вам, что буду именно там.

— Но и не отрицали. Я все равно приду. И я вас провожу домой. Смотрите оставьте мне побольше вальсов. Беситесь сколько угодно — это вам идет!

Глава восьмая

Когда вальс кончился и музыка смолкла, Билл и Саксон оказались у главного входа в танцевальный зал. Ее рука слегка опиралась на его руку, и они прогуливались, отыскивая местечко, где бы сесть. Вдруг прямо перед ними вырос Чарли Лонг, который, видимо, только что пришел.

— Так это ты тут отбиваешь девушек? — угрожающе спросил он; лицо его было искажено неистовой злобой.

— Кто? Я? — спокойно спросил Билл. — Ошибаетесь, я никогда этим не занимаюсь.

— А я тебе голову снесу, если ты сию минуту не уберешься!

— Ну, с головой-то мне вроде жалко расстаться. Что ж, пойдемте отсюда, Саксон. Здесь неподходящее для нас соседство.

Он хотел пройти с ней дальше, но Лонг опять загородил ему дорогу.

— Уж очень ты занесся, парень, — прохрипел он, — и тебя следует проучить! Понятно?

Билл почесал затылок и изобразил на своем лице притворное недоумение.

— Нет, непонятно, — ответил он. — Повторите, что вы сказали?

Но огромный кузнец презрительно отвернулся и обратился к Саксон:

— Пойдите-ка сюда. Дайте вашу карточку.

— Вы хотите с ним танцевать? — спросил Билл.

Она отрицательно покачала головой.

— Очень жаль, приятель, ничего не поделаешь, — и Билл опять сделал попытку отойти.

Но кузнец в третий раз надвинулся на них.

— А ну-ка давайте отсюда, — сказал Билл, — я вас не держу.

Лонг чуть не бросился на него; его кулаки сжались. Одну руку он отвел назад, готовясь нанести ею удар, а плечи и грудь выпятил, — но невольно остановился при виде невозмутимого спокойствия Билла и его невозмутимых, как будто затуманенных глаз. В лице Билла не дрогнула ни одна черта, в теле — ни одна мышца. Казалось, он даже не сознает, что ему угрожает нападение. Все это было для кузнеца чем-то совершенно новым.

— Ты, может, не знаешь, кто я? — вызывающе спросил Лонг.

— Отлично знаю, — так же невозмутимо ответил Билл. — Ты первейший хулиган (лицо Лонга выразило удовольствие). Специалист по избиению малолетних. Тебе полицейская газета должна бы дать брильянтовый жетон. Сразу видно, что ни черта не боишься.

— Брось, Чарли, — посоветовал один из обступивших их молодых людей. — Это же Билл Роберте, боксер. Ну, знаешь… Большой Билл…

— Да хоть бы сам Джим Джеффис! Я никому не позволю становиться мне поперек дороги!

Но даже Саксон заметила, что его свирепый пыл сразу угас. Казалось, одно имя Билла уже действует усмиряюще на самых отчаянных скандалистов.

— Вы с ним знакомы? — обратился к ней Билл.

Она ответила только взглядом, хотя ей хотелось громко закричать обо всех обидах, которые ей нанес этот человек, так упорно ее преследовавший. Билл обернулся к кузнецу:

— Осторожнее, приятель, тебе со мной ссориться не стоит. Хуже будет. Да и чего ради, собственно говоря? Ведь в таком деле решать ей, а не нам.

— Нет, не ей. Нам.

Билл медленно покачал головой:

— Нет, ошибаешься. Слово за ней.

— Ну, так скажите его! — зарычал Лонг, обращаясь к Саксон. — С кем вы пойдете? С ним или со мной? Давайте выясним это сейчас же!

Вместо ответа Саксон положила и другую руку на руку Билла.

— Вот и сказала, — заметил Билл.

Лонг злобно посмотрел на Саксон, потом на ее защитника.

— А все-таки я с тобой еще посчитаюсь, — пробурчал он сквозь зубы.

Когда Саксон и Билл отошли, девушку охватила глубокая радость. Нет, ее не постигла судьба Лили Сэндерсон, и этот невозмутимый, неторопливый мужчина-мальчик укротил ужасного кузнеца, ни разуме пригрозив ему и не ударив.

— Он все время прохода мне не дает, — шепнула она Биллу. — Везде меня преследует и избивает каждого, кто только приближается ко мне. Я больше не хочу его видеть! Никогда!

Билл вдруг остановился. Чарли, нехотя удалявшийся остановился тоже.

— Она говорит, — обратился к нему Билл, — что больше не хочет с тобой знаться. А ее слово свято. Если только я услышу, что ты к ней опять пристаешь, я возьмусь за тебя по-настоящему. Понял?

Лонг с ненавистью посмотрел на него и промолчал.

— Ты понял? — сказал Билл еще более решительно.

Кузнец глухо прорычал что-то, означавшее согласие.

— Тогда все в порядке. И смотри — заруби себе на носу. А теперь катись отсюда, не то я тебя сшибу.

Лонг исчез, бормоча несвязные угрозы, а Саксон шла точно во сне. Итак, Чарли Лонг отступил. Он испугался этого мальчика с нежной кожей и голубыми глазами! Билл избавил ее от преследователя; он сделал то, на что до сих пор не решался никто другой. И потом… он отнесся к ней совсем иначе, чем к Лили Сэндерсон.

Два раза Саксон принималась рассказывать своему защитнику подробности знакомства с Лонгом, и каждый раз он останавливал ее.

— Да бросьте вы вспоминать! Все это чепуха, — сказал он во второй раз. — Вы здесь, — а это главное.

Но она настояла на своем, и когда, волнуясь и сердясь, кончила свой рассказ, он ласково

погладил ее руку.

— Пустяки, Саксон. Он просто нахал. Я как взглянул на него, сразу понял, что это за птица. Больше он вас не тронет. Я знаю таких молодцов: это трусливые псы. Драчун? Да, с грудными младенцами он храбр, хоть сотню поколотит.

— Но как это у вас получается? — спросила она с восхищением. — Почему мужчины вас так боятся? Нет, вы просто удивительный!

Он смущенно улыбнулся и переменил разговор.

— Знаете, — сказал он, — мне очень нравятся ваши зубы. Они такие белые, ровные, но и не мелкие, как у детишек. Они… они очень хорошие… и вам идут. Я никогда еще не видел таких ни у одной девушки. Честное слово, я не могу спокойно на них смотреть! Так бы и съел их.

В полночь, покинув Берта и Мери, танцевавших неутомимо, Билл и Саксон отправились домой. Так как именно Билл настоял на раннем уходе, то он счел нужным объяснить ей причину.

— Бокс заставил меня понять одну очень важную штуку, — сказал он,

— надо беречь себя. Нельзя весь день работать, потом всю ночь плясать и оставаться в форме. То же самое и с выпивкой. Я вовсе не ангел. И я напивался, и знаю, что это такое. Я и теперь люблю пиво, — да чтобы пить не по глоточку, а большими кружками. Но я никогда не выпиваю, сколько мне хочется. Пробовал — и убедился, что не стоит. Возьмите хоть этого хулигана, который сегодня приставал к вам. Я бы шутя его взгрел. Конечно, он и так буян, а тут еще пиво бросилось ему в голову. Я с первого взгляда увидел и потому легко бы с ним справился. Все зависит от того, в каком человек состоянии.

— Но ведь он такой большой! — возразила Саксон. — У него кулак вдвое больше вашего.

— Ничего не значит. Важны не кулаки, а то, что за кулаками. Он бы набросился на меня, как зверь. Если бы мне не удалось его сразу сбить, я бы только оборонялся и выжидал. А потом он вдруг выдохся бы, сердце, дыхание — все. И тут уж я бы с ним сделал, что хотел. Главное, он сам это прекрасно знает.

— Я никогда еще не встречалась с боксером, — сказала Саксон, помолчав.

— Да я уже не боксер, — возразил Билл поспешно. — И еще одному научил меня бокс: что надо это дело бросить. Не стоит. Тренируется человек до того, что сделается как огурчик, и кожа атласная и все такое, — ну, словом, в отличной форме, жить бы ему сто лет, и вдруг — нырнул он под канаты и через каких-нибудь двадцать раундов с таким же молодцом все его атласы — к чертям, и еще целый год жизни потеряет! Да что год, иной раз и пять лет, а то и половину жизни… бывает и так, что на месте останется. Я насмотрелся. Я видел боксеров. Иной здоров, как бык, а глядишь — года не пройдет, умирает от чахотки, от болезни почек или еще чего-нибудь. Так что же тут хорошего? Того, что он потерял, ни за какие деньги не купишь. Вот потому-то я это дело и бросил и опять стал возчиком. На здоровье не могу пожаловаться и хочу сохранить его. Вот и все.

— Вы, наверно, гордитесь сознанием своей власти над людьми, — тихо сказала Саксон, чувствуя, что и сама она гордится его силой и ловкостью.

— Пожалуй, — откровенно признался он, — Я рад, что тогда пошел на ринг, и рад теперь, что с него ушел… Да, все-таки я многому там научился: научился глядеть в оба и держать себя в

руках. А какой у меня раньше был характер! Кипяток! Я сам иной раз себя пугался. Чуть что — так вспылю, удержу нет. А бокс научил меня сразу не выпускать пары и не делать того, в чем после каяться будешь.

— Полно! — перебила она его. — Я такого спокойного, мягкого человека еще не встречала.

— А вы не верьте. Вот узнаете меня поближе — увидите, какой я бываю: так разойдусь, что уже ничего не помню. Нет, я ужасно бешеный, стоит только отпустить вожжи!

Этим он как бы выразил желание продолжать их знакомство, и у Саксон радостно екнуло сердце.

— Скажите, — спросил он, когда они уже приближались к ее дому, — что вы делаете в следующее воскресенье? У вас есть какие-нибудь планы?

— Нет, никаких нет.

— Ну… Хотите, возьмем экипаж и поедем на целый день в горы?

Она ответила не сразу — в эту минуту ею овладело ужасное воспоминание о последней поездке с кузнецом; о том, как она его боялась, как под конец выскочила из экипажа и потом бежала, спотыкаясь в темноте, много миль в легких башмаках на тонкой подошве, испытывая при каждом шаге мучительную боль от острых камней. Но затем она почувствовала прилив горячей радости: ведь теперешний ее спутник — совсем другой человек, чем Лонг.

— Я очень люблю лошадей, — сказала она. — Люблю даже больше, чем танцы, только я ничего почти про них не знаю. Мой отец ездил на большой чалой кавалерийской лошади. Он ведь был капитаном кавалерийского полка. Я его никогда не видела, но всегда представляю себе верхом на рослом коне, с длинной саблей и портупеей. Теперь эта сабля у моего брата Джорджа, но второй брат. Том, у которого я живу, говорит, что она моя, потому что мы от разных отцов. Они ведь мои сводные братья. От второго мужа у моей матери родилась только я. Это был ее настоящий брак… я хочу сказать — брак по любви.

Саксон вдруг умолкла, смутившись своей болтливости, но ей так хотелось рассказать этому молодому человеку про себя все, — ведь ей казалось, что эти заветные воспоминания составляют часть ее самой.

— Продолжайте! Рассказывайте! — настаивал Билл. — Я очень люблю слушать про старину и тогдашних людей. Мои родители ведь тоже все это испытали, но почему-то мне кажется, что тогда жилось лучше, чем теперь. Все было проще и естественнее. Я не знаю, как это выразить… словом — не понимаю я теперешней жизни: все эти профсоюзы и компанейские союзы, стачки, кризисы, безработица и прочее; в старину ничего этого не знали. Каждый жил на земле, занимался охотой, добывал себе достаточно пищи, заботился о своих стариках, и каждому хватало. А теперь все пошло вверх дном, ничего не разберешь. Может, я просто дурак — не знаю. Но вы все-таки продолжайте, расскажите про свою мать.

— Видите ли, моя мать была совсем молоденькая, когда они с капитаном Брауном влюбились друг в друга. Он был тогда на военной службе, еще до войны. Когда вспыхнула война, капитана послали в Восточные штаты, а мама уехала к своей больной сестре Лоре и ухаживала за ней. Потом пришло известие, что он убит при Шайлоу, и она вышла замуж за человека, который уже много-много лет любил ее. Он еще мальчиком был в той же партии, что и она, и вместе с нею прошел через прерии. Она уважала его, но по-настоящему не любила. А потом вдруг оказалось, что мой отец жив. Мама загрустила, но не дала горю отравить ей жизнь. Она была

хорошей матерью и хорошей женой, кроткая, ласковая, но всегда печальная, а голос у нее был, по-моему, самый прекрасный на свете.

— Держалась, значит, молодцом, — одобрил Билл.

— А мой отец так и не женился. Он все время продолжал ее любить. У меня хранится очень красивое стихотворение, которое она ему посвятила,

— удивительное, прямо как музыка. И только через много лет, когда, наконец, ее муж умер, они с отцом поженились. Это произошло в тысяча восемьсот восемьдесят втором году, и жилось ей тогда хорошо.

Многое еще рассказала ему Саксон, уже стоя у калитки, и потом уверяла себя, что на этот раз его прощальный поцелуй был более долгим, чем обычно.

— В девять часов не рано? — окликнул ее Билл через калитку. — Ни о завтраке, ни о чем не хлопочите. Я все это устрою. Будьте только готовы ровно в девять.

Глава девятая

В воскресенье утром Саксон оказалась готовой даже раньше девяти, и когда она вернулась из кухни, куда бегала уже второй раз, чтобы посмотреть в окно, не подъехал ли экипаж, Сара, как обычно, на нее накинулась.

— Стыд и срам! Некоторые особы не могут жить без шелковых чулок…

— начала она. — Посмотрите на меня, я день и ночь гну спину, а разве у меня когда-нибудь были шелковые чулки да по три пары туфель? Но я одно говорю: Бог справедлив, и некоторые люди не обрадуются, когда придет расплата и они получат по заслугам.

Том, который в это время покуривал трубку и держал на коленях своего младшего сына, незаметно подмигнул Саксон, что, мол, на Сару опять «наехало». А Саксон тщательно перевязывала лентой волосы одной из девочек и казалась всецело погруженной в свое занятие. Сара грузно шлепала по кухне, перемывая и убирая посуду после завтрака. Наконец, она, охнув, выпрямила спину и, отойдя от раковины, с новым приливом злобы уставилась на Саксон.

— Что? Небось молчишь? А почему молчишь? Потому что еще, должно быть, не совсем стыд потеряла. Хороша! С боксером спуталась! Слышала, слышала я кое-что насчет твоих похождений с этим Робертсом. Тоже гусь! Да подожди, голубушка, дай только Чарли Лонгу до него добраться! Тогда увидишь!

— Ну, не знаю, — вмешался Том. — По всему, что я слышал, Билл Роберте очень хороший парень.

Саксон снисходительно улыбнулась, но Сара, перехватив эту улыбку, окончательно рассвирепела.

— Почему бы тебе не выйти за Чарли Лонга? Он об тебе с ума сходит, не пьяница…

— Насколько мне известно, он пьет гораздо больше, чем следует, — возразила Саксон.

— Это-то верно, — подтвердил брат. — А кроме того, я знаю, что он и дома держит бочонок пива.

— Может, ты сам к нему прикладывался? — съязвила Сара.

— Может, и прикладывался, — спокойно ответил Том, невольно отерев рот рукой.

— А почему бы ему и не держать у себя бочонка, коли ему хочется? — вновь перешла она в наступление, направленное теперь и на мужа. — Он чужого не берет, зарабатывает хорошо, во всяком случае побольше, чем иные прочие.

— Да, но у него нет на руках жены и ребят, — сказал Том.

— И он не платит дурацких взносов во всякие там союзы.

— Ошибаешься. Взносы и он платит, — невозмутимо возразил Том. — Черта с два он работал бы на этом предприятии, да и на любом в Окленде, если бы не был в ладах с союзом кузнецов. Ты ведь, Сара, ничего не понимаешь насчет профсоюзных дел. Коли человек не хочет умереть с голоду, он должен держаться за союз.

— Ну еще бы, — презрительно фыркнула Сара. — Я всегда ничего не понимаю! Где уж мне! Я дура набитая! И ты мне это говоришь при детях?!

— Она с бешенством обернулась к старшему мальчику, который вздрогнул и отскочил. — Слышишь, Билли? Оказывается, твоя мать дура! Понимаешь? Твой отец это ей заявляет в лицо, и при вас — детях! Она круглая дура! Скоро он скажет, что она спятила, и отправит ее в сумасшедший дом. А что ты на это скажешь. Билли? Тебе понравится, если твоя мать будет сидеть взаперти, в халате, в отделении для буйных, без солнца, без света, и ее будут бить, как били негров, когда они были рабами. Билли, как настоящих черномазых негров? Вот какой у тебя папаша! Подумай об этом. Билли! Представь себе свою мать, которая тебя родила, в буйном отделении, среди сумасшедших! Они воют и вопят, а кругом валяются залитые известью трупы тех, кого эти звери сторожа били так, что забили до смерти!..

Она продолжала неутомимо рисовать в самых мрачных красках то ужасное будущее, которое ей готовит ее супруг, а мальчик, охваченный смутным предчувствием какой-то непонятной катастрофы, начал беззвучно плакать, и его нижняя губа судорожно вздрагивала.

Саксон, наконец, вышла из себя.

— Ради Бога! — вспылила она. — Пяти минут мы не можем пробыть вместе, чтобы не ссориться!

Сара тут же забыла о сумасшедшем доме и опять набросилась на Саксон:

— Это кто же ссорится? Я рта не могу раскрыть, вы оба тут же на меня накидываетесь!

Саксон в отчаянии полсала плечами, а Сара повела новую атаку на мужа:

— Уж если сестра тебе дороже жены, так зачем же ты на мне женился? Я тебе детей народила, я работала на тебя, как каторжная, я все руки себе отмотала! Ты и спасибо не скажешь... при детях оскорбляешь меня, кричишь, что я сумасшедшая! А ты для меня хоть что-нибудь сделал? Ты вот что скажи! Я на тебя и стряпала, и твое вонючее белье стирала, и носки чинила, и ночи не спала с твоими щенками, когда они болели! А вот на — посмотри! — И она высунула из-под юбки бесформенную распухшую ногу, обутую в стоптанный, нечищенный потрескавшийся башмак. — На это посмотри! Вот я про что говорю! Полюбуйся! — Ее крик постепенно переходил в хриплый визг. — А ведь других башмаков у меня нет! У твоей жены! И тебе не

стыдно? Уж трех пар ты у меня не найдешь! А чулки? Видишь?..

Вдруг голос ее оборвался, и она рухнула на стул у стола, задыхаясь от нестерпимой обиды и злобы; но тут же опять поднялась, деревянным угловатым движением, как автомат, налила себе чашку остывшего кофе и таким же деревянным движением снова села. Она вылила на блюдце подернутую жиром, противную жидкость, — словно кофе был горяч и мог обжечь ей рот, — и продолжала бессмысленно смотреть перед собой, а грудь ее приподнималась судорожными, короткими вздохами.

— Ну, Сара, успокойся! Пожалуйста, успокойся! — тревожно упрашивал ее Том.

Вместо ответа она медленно, осторожно, словно от этого зависела судьба целого государства, опрокинула блюдечко на стол, — затем подняла правую руку, медленно, тяжело, и так же неторопливо и тяжело ударила Тома ладонью по щеке и тут же истерически завыла — пронзительно, хрипло, все на тех же нотах, как одержимая — села на пол и принялась раскачиваться взад и вперед, словно в порыве безысходного горя.

Тихие всхлипывания Билли перешли в громкий плач; к нему присоединились обе девочки с новыми лентами в волосах.

Лицо Тома вытянулось и побелело, хотя щека его все еще пылала. Саксон очень хотелось ласково обнять его и утешить, но она не решилась.

Он наклонился над женой:

— Сара, ты нездорова. Дай я уложу тебя в постель, а тут уж: сам приберу.

— Не трогай! Не трогай меня! — судорожно завопила она, вырываясь.

— Уведи детей во двор. Том, и погуляй с ними, во всяком случае уведи их отсюда, — сказала Саксон; сердце ее сжималось, она была бледна и дрожала.

— Иди, иди. Том, пожалуйста! Вот твоя шляпа. Я успокою ее. Я знаю, что ей нужно.

Оставшись одна, Саксон с судорожной поспешностью принялась за дело. Всеми силами старалась она казаться спокойной, чтобы успокоить эту раскричавшуюся, обезумевшую женщину, все еще бившуюся на полу. Тонкие дощатые стены дома пропускали малейший звук, и Саксон догадывалась, что шум скандала слышен не только в соседних домах, но и на улице и даже на той стороне. Больше всего она боялась, чтобы именно в эту минуту не появился Билл. Саксон чувствовала себя униженной, оскорбленной до глубины души. Каждый ее нерв трепетал, вид Сары вызывал в ней почти физическую тошноту, и все же она не теряла самообладания и медленным, успокаивающим движением гладила волосы кричавшей женщины, затем обняла ее — и постепенно ужасный, пронзительный визг Сары стал затихать. Еще несколько минут — и та уже лежала в постели, судорожно всхлипывая, с мокрым полотенцем на голове и на глазах.

— Это облегчит головную боль, — сказала Саксон.

Когда на улице раздался топот копыт и затих перед домом, Саксон уже могла оставить Сару и, выскочив на крыльцо, помахала рукою Биллу. В кухне она увидела брата, тревожно ожидавшего дальнейших событий.

— Все в порядке, — сказала она. — За мной приехал Билл Роберте, и мне надо уходить. А ты

поди посиди с ней; может, она заснет. Но только не раздражай ее, пусть себе куражится. Если она позволит тебе подержать ее руку, подержи; во всяком случае — попробуй. Но прежде всего, ничего не говоря, намочи опять полотенце, положи ей на голову и посмотри, как она к этому отнесется.

Том был человек мягкий и покладистый. Но, как большинство жителей Запада, он не привык и не умел выражать свои чувства. Он кивнул, повернулся к двери и нерешительно остановился. Во взгляде, который он бросил на Саксон, была и благодарность и братская любовь. Она это почувствовала и так и потянулась к нему.

— Ничего, ничего, все хорошо! — поспешила она его успокоить.

Том отрицательно покачал головой.

— Нет, не хорошо! Стыдно, гадко, а не хорошо! — Он повел плечами.

— Мне не за себя, а за тебя горько... Ведь ты, сестренка, только начинаешь жить. Молодые годы пройдут так быстро, что и опомниться не успеешь. Вот у тебя уже и день испорчен. Постарайся как можно скорее забыть все это, удирай отсюда со своим приятелем и хорошенько повеселись. — Уже взявшись за дверную ручку, он опять остановился. Лицо его было мрачно. — Черт! Подумать только! Ведь и мы с Сарой когда-то уезжали кататься на целый день! И у нее, наверно, тоже было три пары туфель! Даже не верится!

В своей комнате Саксон, кончая одеваться, влезла на стул, чтобы посмотреть в маленькое стенное зеркальце, как на ней сидит полотняная юбка; эту юбку и жакетку она купила готовыми, сама переделала и даже прострочила двойные швы, чтобы придать костюму такой вид, словно он от портного. Все еще стоя на стуле, она уверенным движением поправила складки и подтянула юбку. Нет, теперь все хорошо. Понравились ей и ее стройные лодыжки над открытыми кожаными туфлями и мягкие, но сильные линии икр, обтянутых новенькими бумажными коричневыми чулками.

Соскочив со стула, она надела, приколов шляпной булавкой, плоскую белую соломенную шляпу с коричневой лентой, под цвет кушака, потом свирепо растерла себе щеки, чтобы вернуть тот румянец, который исчез из-за истории с Сарой, и задержалась еще на минуту, натягивая свои нитяные перчатки: в модном отделе воскресного приложения к газете она прочла, что ни одна уважающая себя дама не надевает перчаток на улице.

Решительно встряхнувшись, она прошла через гостиную, мимо Сариной спальни, откуда сквозь тонкую перегородку доносились тяжелые вздохи и жалобные всхлипывания, и вынуждена была сделать огромное усилие, чтобы щеки ее опять не побледнели и блеск в глазах не померк. И это ей удалось. Глядя на сияющее, жизнерадостное молодое создание, так легко сбежавшее к нему с крыльца, Билл никогда бы не поверил, что девушка сейчас только выдержала мучительную сцену с полубезумной истеричкой. Она же была поражена его освещенной солнцем белокурой красотой. Щеки с гладкой, как у девушки, кожей были чуть тронуты легким румянцем; синева глаз была темнее обычного, а короткие кудрявые волосы больше чем когда-либо напоминали бледное золото. Никогда он не казался ей таким царственно-юным. Здороваясь, он ей улыбнулся, между алыми губами медленно сверкнула белизна зубов, — и она опять почувствовала в этой улыбке обещание покоя и отдыха. Саксон еще находилась под впечатлением полубезумных выкриков невестки, и несокрушимое спокойствие Билла подействовало на нее особенно благотворно; она невольно рассмеялась про себя, вспомнив его уверения, будто бы у него бешеный нрав.

Ей и прежде приходилось кататься, но всегда в одноконном тяжелом, неуклюжем экипаже, нанятом на извозчичьем дворе и рассчитанном главным образом на прочность. А тут она увидела пару красивых лошадок, которые поматывали головами и от нетерпения едва стояли на месте, и каждый золотистый блик на их гнедых шелковистых спинах как бы говорил о том, что они за всю свою молодую и славную жизнь никогда еще не отдавались внаймы. Их разделяло до смешного тонкое дышло, и вся их сбруя казалась легкой и хрупкой. А Билл, точно по праву, как будто являясь главной и неотъемлемой частью всей этой упряжки, сидел в узкой, изящной, до блеска начищенной коляске на резиновом ходу с высокими желтыми колесами, — такой сильный и ловкий, такой бесконечно не похожий на молодых людей, которые возили ее кататься на старых, нескладных клячах. Он держал вожжи в одной руке и уговаривал молодых нервных лошадок своим негромким спокойным голосом, в котором были и ласка и твердость; и они подчинялись его воле и внутренней силе.

Однако времени терять было нечего. Зорким женским взглядом Саксон окинула улицу, и женское чутье не обмануло ее: она увидела, что со всех сторон сбежалась не только любопытная детвора — из окон и дверей высовывались лица взрослых, открывались ставни, откидывались занавески. Свободной рукой Билл отстегнул фартук и помог ей сесть рядом с ним. Роскошное, на пружинах, сиденье с высокой спинкой, обитое темной кожей, оказалось чрезвычайно удобным; но еще приятнее была близость ее спутника, его сильного тела, полного спокойной уверенности.

— Ну как — нравятся они вам? — спросил он, забирая вожжи в обе руки и пуская лошадей, которые сразу стремительно взяли с места, — Это ведь хозяйские. Таких не наймешь. Он мне дает их иногда для проездки. Если их время от времени не объезжать, так потом и не справишься. Посмотрите на Короля, вон того, — видите какой аллюр! Шикарный! Да? Но другой все-таки лучше. Его зовут Принц. Пришлось его взять на мундштук, а то не удержишь. Ах ты! Озоруешь? Видели, Саксон? Вот это лошади! Это лошади!

Им вслед понеслись восторженные возгласы соседских ребят, и Саксон с глубоким и радостным вздохом подумала, что ее счастливый день, наконец, начался.

Глава десятая

— Я ничего не понимаю в лошадях, — сказала Саксон. — Ни разу в жизни не ездила верхом, а если и приходилось править, то всегда какими-то хромыми клячами, которые едва ноги переставляют. Но я лошадей не боюсь. Я их ужасно люблю, — по-моему, это у меня врожденное.

Билл бросил на нее довольный и восхищенный взгляд.

— Это хорошо. Вот это я в женщине люблю — смелость! Мне случалось катать таких девушек, что, поверьте, тошно становилось. Ах, как они меня сердили! Нервничают, дрожат, пищат, трясутся!.. Верно, они и ездили-то не ради катанья, а из-за меня. А мне нравится девушка, которая любит лошадей и не боится… Вот вы такая, Саксон, даю слово. С вами я могу болтать без конца. А с другими — тощища. Молчу, словно в рот воды набрал. Они ничего не знают и не понимают, все время трусят… Ну, мне кажется, вы понимаете, что я имею в виду…

— Я думаю, — сказала она, — что любовь к лошадям — это врожденное. Может, мне так кажется оттого, что я постоянно вспоминаю об отце, как он сидел на своей чалой лошади. Ну в общем, я их люблю. Когда я была ребенком, я постоянно рисовала их. И мать меня в этом поощряла. У меня сохранилась целая тетрадка таких рисунков. И знаете. Билли, я очень часто вижу во сне, что у меня есть лошадь, моя собственная. А сколько раз я видела, что еду верхом

или правлю!

— Я вам дам править немного погодя, когда они успокоятся; теперь вы их не удержите. Возьмитесь-ка за вожжи впереди меня и держите крепче. Чувствуете? Конечно, чувствуете! И это еще что! Я боюсь пустить вас править — уж: очень в вас мало весу.

Ее глаза засияли, когда она ощутила в тугих, напряженных вожаках живую силу прекрасных животных, и Билл, глядя на нее, тоже сиял, разделяя ее восхищение.

— Какой толк в женщине, если она не может быть для мужчины товарищем? — воскликнул он.

— Нам всегда лучше всего с теми, кто любит то же, что и мы, — рассудительно откликнулась она, втайне радуясь тому, что между ними действительно так много общего.

— Знаете, Саксон, сколько раз мне приходилось драться добросовестно, не щадя себя, чтобы победить, перед толпой зрителей — спившихся, прокуренных насквозь, еле живых мозгляков! От одного их вида меня тошнило! И эта мразь, которая не вынесла бы и одного удара в подбородок или под ложечку, подстрекала меня и требовала крови. Заметьте — крови, — а у самих и рыбьей-то нет в жилах! Даю слово, я предпочел бы выйти в бой перед одним зрителем, — хотя бы перед вами, — только пусть это будет кто-нибудь, кто мне приятен. Тогда бы я гордился. Но драться перед этими слабоумными болванами, перед этими слизняками, и чтобы они аплодировали мне? Мне?.. Неужели вы осудите меня за то, что я покончил с этим грязным делом? Да я бы охотнее выступал перед старыми заезженными клячами, которым место только на свалке, чем перед этой мразью, ведь у нее и в жилах-то не кровь, а мутная вода с Контра-Косты в пору дождей.

— Я… я не думала, что бокс… такая вещь, — сказала Саксон упавшим голосом и, невольно выпустив вожаки, опять откинулась на спинку сиденья.

— Не бокс, а публика, которая на него смотрит, — вдруг возразил он ревниво. — Конечно, бокс может повредить здоровью молодого человека, постепенно отнять у него силы и прочее. Но меня больше всего возмущают эти болваны в публике. Даже их восторг и их похвала унизительны. Понимаете? Это меня роняет. Представьте себе, что этакий пьяный дохляк, который больной кошки боится и не достоин даже пальто подать порядочному человеку, становится на дыбы, орет и подзуживает меня — меня!.. Ха-ха! Посмотрите-ка, что он делает! Вот шельма!

Большой бульдог, крадучись перебиравшийся через улицу, прошел слишком близко от Принца, и Принц вдруг оскалил зубы, опустил голову и натянул вожжи, стараясь схватить собаку.

— Вот он — настоящий храбрец, наш Принц, — сказал Билл, — и у него все естественно. Он старается куснуть собаку вовсе не потому, что какой-то бездельник его на пса натравил, — он поступает так по собственному побуждению. И это правильно. Это хорошо. Потому что естественно. Но на ринге, перед публикой — нет, Бог с ними, Саксон!..

И Саксон, поглядывавшая на него сбоку и наблюдавшая, как он уверенно правит лошадьми, проезжая в это воскресное утро по улицам, и как осадил их, когда им попались по пути два мальчика в детской повозке, — Саксон вдруг почувствовала в нем скрытые глубины и порывы, мощное и пленительное сочетание пылкого темперамента и затаенных страстей с далекой и суровой, как звезды, печалью; первобытной дикости, смелой, как у волка, и прекрасной, как у породистой лошади, с гневом карающего ангела и с какой-то неистощимой вневозрастной юностью, полной огня и жизни. Она была испугана и потрясена, по-женски рвалась к нему через все эти пропасти, ибо сердце ее и объятия жаждали его, и она невольно шептала,

отзываясь на это чувство всеми струнами своей души: «Милый… милый!»

— И знаете, Саксон, — продолжал он прерванный разговор, — я иногда так их ненавидел, что мне хотелось перепрыгнуть через канаты, ворваться в эту толпу, надавать им по шее. Я бы им показал, что такое бокс! Был такой вечер, когда мы дрались с Биллом Мэрфи. Ах, если бы вы знали его! Это мой друг. Самый чудесный и веселый парень, когда-либо выходивший на ринг! Мы вместе учились в школе, вместе росли. Его победы были моими победами. Его неудачи — моими неудачами. Оба мы увлекались боксом. Нас выпускали друг против друга, и не раз. Дважды мы кончали вничью; потом раз победил он, другой раз — я. И вот мы вышли в пятый раз. Вы понимаете — в пятый раз должны бороться два человека, которые любят друг друга. Он на три года старше меня. У него есть жена и двое-трое ребят, я их тоже знаю. И он мой друг. Вы представляете себе?

Я на десять фунтов тяжелее его, но для тяжеловесов это неважно. Я лучше чувствую время и дистанцию. И лучше веду нападение. Но он сообразительнее и проворнее меня. Я никогда не отличался проворством. И оба мы одинаково работаем и левой и правой, и у обоих сильный удар. Я знаю его удары, а он мои, и мы друг друга уважаем. У нас равные шансы: две схватки вничью и по одной победе. У меня — говорю по чести

— никакого предчувствия, кто победит, — словом, мы равны!

И вот… начинается бой… Вы не трусиха?

— Нет, нет! — воскликнула она. — Рассказывайте! Я хочу слушать! Вы такой удивительный!

Он как должное принял эту похвалу, не отводя от Саксон спокойных ясных глаз.

— И вот мы начали. Шесть раундов, семь, восемь; и ни у того, ни у другого нет перевеса. Отражая его выпады левой рукой, мне удалось дать ему короткий апперкот правой, но и он двинул меня в челюсть и по уху, да так сильно, что в голове зашумело и загудело. Словом, все шло великолепно, и казалось, дело кончится опять вничью. Матч ведь, как вы знаете, — двадцать раундов.

А потом случилось несчастье. Мы только что вошли в клинч, и он нацелился левым кулаком мне в лицо. Попади он в подбородок — я бы рухнул. Я наклонился вперед, но недостаточно быстро, и удар пришелся по скуле. Даю слово, Саксон, у меня от этого удара посыпались искры из глаз. Но все-таки это не могло мне повредить, потому что тут кости крепкие. А себя он этим погубил, он сильно зашиб себе большой палец, который разбил еще мальчиком, когда боксировал на песках Уоттс-Тракта. И вот этим пальцем он ударил меня по скуле, — а она у меня каменная, — вывихнул его и повредил опять те же мышцы, они уже не были такими крепкими. Но я не хотел этого. Это коварная уловка, хотя в состязаниях и допускается, а состоит она в том, что противник ушибает себе руку о вашу голову. Но не между друзьями. Я бы не сделал этого по отношению к Биллу Мэрфи ни за какие деньги. Несчастье случилось только из-за моей медлительности, — да уж я такой родился.

Вы не знаете, Саксон, что такое ушиб! Это можно понять, только когда ударишься ушибленным местом. Что оставалось делать Биллу Мэрфи? Он уже не мог нападать, пользуясь обеими руками. И он знал это. И я знал. И судья. Но больше никто. И он старался делать вид, что его левая в полном порядке, — но ведь это было не так. Каждое прикосновение причиняло ему такую боль, точно в его тело вонзали нож. Он не мог нанести левой рукой ни одного стоящего удара. И все-таки ему было нестерпимо больно. Двигай не двигай — все равно больно. А тут каждый выпад левой, от которого я и не думал увертываться, так как знал, что ничего за

ним нет, отдавался у него прямо в сердце и вызвал более мучительные страдания, чем тысячи болячек или самых увесистых ударов, — и с каждым разом все хуже и хуже.

Теперь представьте себе, что мы деремся с ним для забавы, где-нибудь во дворе, и он ушиб себе палец. Мы сняли бы перчатки, я мгновенно перевязал бы этот бедный палец и наложил на него холодный компресс, чтобы не было воспаления. Но нет! Это состязание для публики, которая заплатила деньги, чтобы видеть кровь, и она хочет ее увидеть! Разве это люди? Это волки!

Нечего и говорить, что ему уже было не до драки, да и я на него не наседал. Со мной черт знает что творилось, и я не знал, как мне быть дальше. А в публике это заметили и кричат: «Кончай! Жульничество! Обман! Дай ему хорошенько! Держу за тебя, Билл Роберте!» — и тому подобный вздор.

«Бейся, — шепчет мне в бешенстве судья, — а то я объявлю, что ты бьешься нечестно, и дисквалифицирую тебя. Слышишь ты, Билл?» Он сказал мне это и еще ткнул в плечо, чтобы я понял, кого он имеет в виду.

Разве это хорошо? Разве это честно? А знаете, из-за чего мы боролись? Из-за ста долларов. Подумайте только! И нужно было довести борьбу до конца и сделать все, чтобы погубить своего друга, потому что публика на нас ставила! Мило, не правда ли? Ну, это и был мой последний матч, навсегда! Хватит с меня!

«Выходи из игры, — шепнул я Мэрфи во время клинча, — ради Бога, выходи!» А он шепнул мне в ответ: «Не могу, Билл, ты знаешь, что не могу».

Тут судья нас растащил, и публика начала орать и свистать.

«Ну-ка, черт тебя возьми, наддай, Билл Роберте, прикончи его», — говорит мне судья. А я посылаю его к дьяволу, и опять мы с Мэрфи входим в клинч, и он опять ушибает палец, и я вижу — лицо у него скривилось от боли. Спорт? Игра? Да разве это спорт? Видишь муку в глазах того, кого любишь, знаешь, что он любит тебя, и все-таки причиняешь ему боль! Я не мог этого вынести. Но публика поставила на нас свои деньги! А мы сами не в счет. Мы продали себя за сто долларов, и теперь хочешь не хочешь, а доводи дело до конца.

Честное слово, Саксон, мне тогда хотелось нырнуть под канат, избить этих крикунов, которые требовали крови, и показать им, что такое кровь.

«Ради Бога, Билл, — просит он меня во время клинча, — кончай со мной. Я не могу сдаться сам...»

— И знаете что — я там же, на ринге, во время клинча заплакал. «Не могу, Билл», — говорю, — и обнял его, как брата. А судья рычит и расталкивает нас, публика ревет: «Наддай! Бей его! Кончай! Чего ты смотришь? Дай ему в зубы, свали его!»

«Ты должен, Билл, не поступай по-свински», — просит Мэрфи и так ласково глядит мне в глаза, а судья опять растаскивает нас.

А волки все воют: «Жулье! Жулье! Обман!» — и не хотят успокоиться.

Ну что же, я выполнил их требование. Мне ничего другого не оставалось. Я сделал ложный выпад. Он выбросил левую руку, я быстро отклонился вправо, подставил плечо и нанес ему удар справа в челюсть. Он знал этот трюк. Сотни раз он пользовался им сам и защищался от

него плечом. Но теперь он не защищался. Он открылся для удара. Что ж, это был конец. Мой друг повалился на бок, проехал лицом по просмоленному холсту и замер, подогнув голову, будто у него шея сломана. И я — я сделал это ради ста долларов и ради людей, которые плевка моего не стоят! Потом я схватил Мэрфи на руки, унес его и помог привести в чувство. Все эти мозгляки были довольны: они же заплатили свои денежки и видели кровь, видели нокаут! А человек, которого они мизинца не стоят и которого я любил, лежал на матах без чувств, с разбитым лицом…

Билл замолчал, глядя прямо перед собой, на лошадей. Лицо его было сурово и гневно. Затем он вздохнул, посмотрел на Саксон и улыбнулся.

— С тех пор я больше не выступаю. Мэрфи смеется надо мной. Он продолжает участвовать в матчах, но так, между прочим. У него хорошая специальность. А время от времени, когда нужны деньги — крышу покрасить, либо на врача, либо старшему мальчику на велосипед, — Мэрфи выступает в клубах за сотню или полсотни долларов. Я хочу, чтобы вы познакомились, когда это будет удобно. Он, как я вам уже говорил, золото-парень. Но от всей этой истории мне было в тот вечер очень тяжело.

Снова лицо Билла стало жестким и гневным, и Саксон бессознательно сделала то, что женщины, стоящие выше ее на социальной лестнице, делают с притворной непосредственностью: она положила руку на его руку и крепко ее сжала. Наградой была улыбка его глаз и губ, когда он повернулся к ней.

— Чудно! — воскликнул он. — Никогда я ни с кем так много не болтал. Я всегда больше молчу и берегу свои мысли про себя. Но к вам у меня другое отношение — мне почему-то хочется, чтобы вы меня знали и понимали; вот я и делюсь с вами своими мыслями. Танцевать-то может всякий.

Они ехали городскими улицами, миновали ратушу, Четырнадцатую улицу с ее небоскребами и через Бродвей направились к Маунтэн-Вью. Повернув от кладбища направо, они выехали через Пьемонтские холмы к Блэрпарку и углубились в прохладную лесную глушь Джэкхейского ущелья. Саксон не скрывала своего удовольствия и восхищения: лошади мчали их с такой быстротой.

— Какие красавцы! — сказала она. — Мне никогда и не снилось, что я буду кататься на таких лошадях. Боюсь вот-вот проснуться, и все окажется только сном. Я уже говорила вам, как я люблю лошадей. Кажется, отдала бы все на свете, чтобы иметь когда-нибудь собственную лошадь.

— А ведь странно, правда, — отвечал Билл, — что и я люблю лошадей именно вот так? Хозяин уверяет, что у меня на лошадей особый нюх. Сам он болван, ни черта в них не смыслит. Между тем у него, кроме вот этой пары выездных, двести огромных тяжеловозов, а у меня ни одной лошади.

— Но ведь лошадь создал Господь Бог, — сказала Саксон.

— Да уж, конечно, не мой хозяин. Так почему же у него их столько? Двести голов, говорю вам! Уверяет, будто он завзятый лошадник. А я даю слово, Саксон, что все это вранье; вот мне дорога последняя облезлая лошаденка в его конюшне. И все-таки лошади принадлежат ему! Разве это не возмутительно?

Саксон сочувственно засмеялась:

— Еще бы! Я вот, например, ужасно люблю нарядные блузки и целые дни занимаюсь разглаживанием самых очаровательных, какие только можно себе представить, — но блузки-то чужие! И смешно — и несправедливо!

Билл стиснул зубы в новом приступе гнева.

— А какими путями иные женщины добывают эти блузки? Меня зло берет, что вы должны стоять и гладить их. Вы понимаете, что я имею в виду, Саксон. Нечего играть в прятки. Вы знаете. И я знаю. И все знают. А свет устроен так по-дурацки, что мужчины иногда не решаются говорить об этом с женщинами. — Тон у него был смущенный, но в то же время чувствовалось, что он уверен в своей правоте. — С другими девушками я таких вопросов даже не касаюсь: сейчас вообразят, что это неспроста и я чего-то от них хочу добиться. Даже противно, до чего они везде ищут нехорошее. Но вы не такая. С вами я могу говорить обо всем. Я знаю. Вы — как Билл Мэрфи, — словом, как мужчина!

Она вздохнула от избытка счастья и невольно бросила на него сияющий любовью взгляд.

— И я чувствую то же самое, — сказала она. — Я никогда не решилась бы говорить о таких вещах с знакомыми молодыми людьми, они сейчас же этим воспользовались бы. Когда я с ними, мне кажется, что мы друг другу лжем, обманываем, ну… морочим друг друга, как на маскараде. — Она нерешительно помолчала, потом заговорила опять, тихо и доверчиво:

— Я ведь не закрывала глаза на жизнь. Я многое видела и слышала; и меня мучили искушения, когда прачечная, бывало, надоест до того, что, кажется, готова на все пойти. И у меня могли бы быть нарядные блузки и все прочее… может быть, даже верховая лошадь. Был тут один кассир из банка… и заметьте, женатый. Так он прямо предложил мне… Ведь не церемониться же со мной! Он же не считал меня порядочной девушкой, с какими-то чувствами, естественными для девушки, а так — ничтожеством. Разговор между нами был чисто деловой. Тут я узнала, каковы мужчины. Он объяснил мне точно, что он для меня сделает. Он…

Голос ее печально замер, и она слышала, как в наступившей тишине Билл заскрипел зубами.

— Можете не рассказывать! — воскликнул он. — Я знаю. Жизнь грязна, несправедлива, отвратительна! Неужели люди могут так жить? В этом же нет никакого смысла. Женщин — славных, хороших женщин — продают и покупают, как лошадей. И я не понимаю женщин. Но не понимаю и мужчин. Если мужчина покупает женщину, она его, конечно, надует. Это же смешно. Возьмите хотя бы моего хозяина с его лошадьми. У него ведь есть и женщины. Он может, пожалуй, купить и вас, потому что даст хорошую цену. Ах, Саксон, вам, конечно, очень пристали нарядные блузки и всякая мишура, но, даю слово, я не могу допустить и мысли, чтобы вы платили за них такой ценой. Это было бы просто преступлением…

Он вдруг смолк и натянул вожжи. За крутым поворотом дороги показался мчавшийся автомобиль. Шофер резко затормозил машину, и сидевшие в ней пассажиры с любопытством уставились на молодого человека и девушку, легкий экипаж которых мешал им проехать. Билл поднял руку.

— Объезжайте нас с наружной стороны, приятель, — сказал он шоферу.

— И не подумаю, милейший, — отвечал тот, смерив опытным взглядом осыпающийся край дороги и крутизну склона.

— Тогда будем стоять, — весело заявил Билл. — Я правила езды знаю. Эти кони никогда не видели машины, и если вы воображаете, что я позволю им понести и опрокинуть коляску на

крутизне, жестоко ошибаетесь.

Сидевшие в автомобиле шумно и возмущенно запротестовали.

— Не будь нахалом, хоть ты и деревенщина, — сказал шофер, — ничего с твоими лошадьми не случится. Освободи место, и мы проедем. А если ты не…

— Это сделаешь ты, приятель, — ответил Билл. — Разве так разговаривают с товарищем? Со мной спорить бесполезно. Поезжайте-ка обратно вверх по дороге, и все. Доедете до широкого места, и мы прокатим мимо вас. Как же быть, раз влипли? Давай задний ход.

Посоветовавшись с пассажирами, которые начинали нервничать, шофер, наконец, послушался, дал задний ход, и вскоре машина исчезла за поворотом.

— Вот прохвосты! — засмеялся Билл, обращаясь к Саксон. — Если у них есть автомобиль да несколько галлонов бензина, так они уже воображают себя хозяевами всех дорог, которые проложили мои и ваши предки.

— Что ж, до вечера, что ли, будем канителиться? — раздался голос шофера из-за поворота. — Трогайте. Вы можете проехать.

— Заткнись! — презрительно отвечал Билл. — Проеду, когда надо будет. А если вы мне не оставили достаточно места, так я переведу и тебя и твоих дохлых франтов.

Он слегка шевельнул вожжами, и мотавшие головой, неутомимые кони без всякого понукания, легко взяли крутой склон и объехали машину, стоявшую с включенным мотором.

— Так на чем мы остановились? — снова начал Билл, когда перед ними опять потянулась пустынная дорога. — Да взять хотя бы моего хозяина. Почему у него могут быть двести лошадей, сколько хочешь женщин и все прочие блага, а у нас с вами ничего?

— У вас красота и здоровье. Билли, — сказала Саксон мягко.

— И у вас тоже. Но мы этот товар продаем, точно материю за прилавком — по стольку-то за метр. Вы и сами знаете, что сделает из вас прачечная через несколько лет. А посмотрите на меня! Я каждый день продаю понемногу свою силу. Поглядите на мой мизинец. — Он переложил вожжи в одну руку и показал ей другую. — Я не могу его разогнуть, как другие пальцы, и я владею им все хуже и хуже. И вывихнул я его не во время бокса — это от моей работы. Я продал свою силу за прилавком. Видали вы когда-нибудь руки старого возчика, правившего четверкой? Они точно когти — такие же скрюченные и искривленные.

— В старину, когда наши предки шли через прерии, все было по-другому, — заметила Саксон. — Правда, они, наверно, тоже калечили себе руки работой, но зато ни в чем не чувствовали недостатка — и лошади у них были и все.

— Конечно. Ведь они работали на себя. И руки калечили ради себя. А я калечу ради хозяина. Знаете, Саксон, у него руки мягкие, как у женщины, которая никогда не знала труда. А ведь у него есть и лошади и конюшни, но он палец о палец не ударит. Я же с трудом выколачиваю деньги на харчи да на одежду. И меня возмущает: почему все так устроено на свете? И кто так устроил? — вот что я хотел бы знать. Ну хорошо, теперь другие времена. А кто сделал, что они стали другие?

— Да уж, конечно, не Бог.

— Голову готов дать на отсечение, что не Он! И это тоже меня очень занимает: существует Он вообще где-нибудь? И если Он правит миром, — а на что Он нужен, если не правит, — то почему Он допускает, чтобы мой хозяин или такие вот люди, как этот ваш кассир, имели лошадей и покупали женщин — милых девушек, которым бы только любить своих мужей да рожать ребят, и не стыдиться их, и быть счастливыми, как им хочется?..

Глава одиннадцатая

Лошади; хотя Билл и давал им часто передохнуть, были все в мыле после подъема по крутой старой дороге, ведшей в долину Мораги; перевалив через холмы Контра-Коста, экипаж стал по такому же крутому склону спускаться в зеленое, тихое, освещенное солнцем Редвудское ущелье.

— Ну, разве не здорово? — спросил Билл, указывая широким жестом на группы деревьев, под которыми журчала невидимая вода, и на гудящих пчел.

— Мне здесь ужасно нравится, — подтвердила Саксон. — Так и тянет пожить в деревне, а ведь я всю жизнь провела в городе.

— Я тоже, Саксон, никогда не жил в деревне, хотя все мои предки всю жизнь провели в деревне.

— А ведь в старину не было городов. Все жили в деревне.

— Вы, пожалуй, правы, — кивнул Билл. — Им поневоле приходилось жить в деревне.

У легкого экипажа не было тормозов, и Билл все свое внимание обратил теперь на лошадей, сдерживая их при спуске по крутой извилистой дороге. Саксон закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья, отдаваясь чувству невыразимо блаженного отдыха. Время от времени он поглядывал на ее лицо и закрытые глаза.

— Что с вами? — спросил он, наконец, с ласковой тревогой. — Нездоровится?

— Нет, — ответила она, — но все так хорошо, что я боюсь глаза открыть. Хорошо до боли. Все такое честное...

— Честное? Вот чудно!

— А разве нет? По крайней мере мне так кажется — честное! А в городе дома, и улицы, и все — нечестное, фальшивое. Здесь совсем другое. Я не знаю, почему я сказала это слово. Но оно подходит.

— А ведь вы правы! — воскликнул он. — Теперь я и сам вижу, когда вы сказали. Здесь нет ни притворства, ни жульничества, ни лжи, ни надувательства. Деревья стоят, как выросли, — чистые, сильные, точно юноши, когда они первый раз вышли на ринг и еще не знают всех его подлостей, тайных нечестных сговоров, интриг и уловок в пользу тех, кто поставил больше денег для обмана публики. Да, тут действительно все честно. И вы все это понимаете, верно, Саксон?

Он смолк, задумался, долго изучал ее мягким, ласкающим взглядом, и этот взгляд вызвал в ней сладкий трепет.

— Знаете, мне очень хотелось бы как-нибудь драться при вас, только чтобы встреча была

серьезная, когда надо каждое мгновение быть начеку. Я бы до смерти гордился этим. И если бы я знал, что вы смотрите на меня, я бы наверняка победил; это было бы честное состязание, ручаюсь вам. И вот что занятно: за всю мою жизнь мне еще ни разу не хотелось драться на глазах у женщин. Визжат, пищат и ничего не понимают. Но вы бы поняли. Спорю на что угодно, все бы поняли.

Немного спустя, когда они ехали крупной рысью мимо расположенных в долине мелких фермерских участков с золотившимися на солнце зрелыми колосьями, Билл снова обратился к Саксон:

— Слушайте, вы, наверно, уже не раз были влюблены? Расскажите-ка. Что это такое — любовь?

Она медленно покачала головой:

— Я только воображала, что влюблена, да и то не часто это было…

— Значит, все-таки бывало? — воскликнул он.

— В сущности ни разу, — успокоила она его, втайне радуясь его бессознательной ревности. — А по-настоящему я никогда не была влюблена. Иначе я была бы уже замужем. Когда любишь человека, по-моему единственное, что остается — это выйти за него.

— А если он вас не любит — тогда что?

— Ну, не знаю, — отвечала она с улыбкой, шутливой и вместе с тем гордой. — Мне кажется, я заставила бы его полюбить меня.

— Уверен, что заставили бы! — пылко откликнулся Билл.

— Беда в том, — продолжала она, — что тем мужчинам, которые в меня влюблялись, я никогда не отвечала взаимностью… О, посмотрите!

Дорогу перебежал дикий кролик, оставив за собой легкое облачко пыли, которое тянулось по его следу, как дымок. На следующем повороте из-под самых лошадиных копыт выпорхнула стайка перепелок. Билл и Саксон невольно вскрикнули от восхищения.

— Эх, жалко, что я не родился фермером! Люди не затем были созданы, чтобы жить в городах.

— Во всяком случае не такие, как мы, — прибавила она с глубоким вздохом и, помолчав, продолжала: — Здесь все так прекрасно! Прожить всю жизнь среди природы — это похоже на блаженный сон. Иногда я жалею, что не родилась индианкой.

Билл несколько раз пытался что-то сказать, но, видимо, удерживался.

— А насчет этих молодых людей, в которых, вам казалось, что вы влюблены, — начал он, наконец, — вы так и не договорили…

— Вам непременно хочется знать? — спросила она. — Право, они того не стоят.

— Конечно, я хочу знать. Ну же! Валяйте!

— Первым был некий Ол Стэнли…

— Чем он занимался? — строго спросил Билл, точно имел право задавать ей такие вопросы.

— Он был игрок.

Лицо Билла сразу помрачнело, глаза затуманились, и в его быстро брошенном на нее взгляде Саксон прочла внезапное сомнение.

— О, это не так страшно, — засмеялась она. — Мне было всего восемь лет. Видите, я начинаю с самого начала. Я его встретила вскоре после смерти моей матери, когда меня взял на воспитание некто Кэди. Этот Кэди содержал гостиницу и бар в Лос-Анжелосе. Гостиница была маленькая; в ней останавливались главным образом рабочие, даже чернорабочие, а также железнодорожные служащие, и, как я теперь думаю, Ол Стэнли клал себе в карман немалую часть их заработка. Он был такой красивый, тихий; голос ласковый, чудесные глаза и такие мягкие, чистые руки. Как сейчас вижу их. После обеда он иногда играл со мной, угощал конфетами и делал маленькие подарки. Большую часть дня он спал. Я тогда не понимала — почему. Мне казалось, что это переодетый волшебный принц. Его убили тут же в баре, но перед тем он успел убить того, кто нанес ему смертельную рану. Так и кончилась моя первая любовь.

Потом я влюбилась, когда мне минуло тринадцать и я после приюта жила у брата, — я и до сих пор у него живу. Мой герой был мальчишка-булочник, он развозил булки. Почти каждое утро, идя в школу, я встречала его. Он ехал вниз по Вуд-стрит, затем сворачивал на Двенадцатую. Может быть, меня привлекло к нему то, что он правил лошадью. Во всяком случае я любила его месяца два; но он лишился места или с ним еще что-то случилось и хлеб стал развозить другой подросток. Так мы и слова не сказали друг другу.

Потом, уже в шестнадцать, появился бухгалтер. Мне везет на бухгалтеров! Ведь это бухгалтера нашей прачечной избил Чарли Лонг, когда приревновал меня. А с тем я познакомилась, когда работала у Хикмейера на консервном заводе. У него тоже были неясные руки. Но он скоро мне опротивел. Он был… как бы сказать… ну… из того же теста, что и ваш хозяин. И я никогда по-настоящему не любила его, честное слово. Билли. Я сразу почувствовала, что в нем что-то не так. А когда я работала на фабрике картонных коробок, мне показалось, что я полюбила приказчика из «Эмпориума» Кана, — знаете, на Одиннадцатой и на Вашингтон-стрит. Этот был такой приличный. Прямо горе было с ним. Слишком приличный! Никакого огонька, никакой жизни. Он хотел на мне жениться. Но это меня ничуть не соблазняло. Ясно, что я его не любила. Такой узкогрудый, тощий, руки всегда холодные, потные. А уж зато одет

— прямо картинка! Он уверял, что утопится и все такое, однако я порвала с ним.

— А потом… потом ничего больше и не было. Наверно, я стала уж очень разборчивой, мне казалось — никто не стоит любви. Мои отношения с мужчинами были скорее какой-то игрой или борьбой. Но мы не боролись честно и открыто. Всегда казалось, будто мы прячем друг от друга свои карты. Мы никогда не объяснялись начистоту, каждый словно старался другого перехитрить. Чарли Лонг все-таки вел себя честно. И тот кассир из банка — тоже. Но и они возбуждали во мне враждебное чувство. Всегда у меня появлялось такое ощущение, что с мужчинами надо быть начеку. Они меня при случае не пощадят, — это я знала твердо.

Саксон замолчала и посмотрела на четкий профиль Билла, внимательно правившего лошадьми. Он вопросительно взглянул на нее и встретил ее смеющийся взгляд. Она устало потянулась.

— Вот и все! Я вам все рассказала — первому мужчине за всю мою жизнь. Теперь ваша очередь.

— Мне тоже особенно нечего рассказывать, Саксон. Меня к девушкам никогда сильно не тянуло, — то есть настолько, чтобы жениться. Я больше привязывался к мужчинам, к таким парням, как Билл Мэрфи. А потом я слишком увлекался — сначала тренировкой, затем боксом, и возиться с женщинами мне было некогда. Поверьте, Саксон, хоть я и не всегда вел себя безукоризненно, — вы понимаете, про что я говорю, — все же я ни одной девушке еще не объяснился в любви. Не было основания.

— Но ведь девушки все равно вас любили, — поддразнила она его, хотя сердце ее радостно затрепетало от этого признания чистой и нетронутой души.

Он повернулся к лошадям.

— И не одна и не две, а очень, очень многие, — настаивала она.

Он все еще не отвечал.

— Разве не правда?

— Может быть, и правда, да не моя вина, — медленно проговорил он.

— Если им хотелось строить мне глазки, так я тут при чем? Но и я волен был сторониться их, верно? Вы не представляете себе, Саксон, как женщины бегают за боксерами. Иной раз мне казалось, что у всех у них — и у женщин и у девушек — нет ни на столечко стыда, обыкновенного женского стыда. И я вовсе не избегал их, нет, но я и не гонялся за ними. Дурак тот мужчина, который из-за них страдает.

— Может, вы просто не способны любить? — заметила она.

— Может быть, — последовал ответ, повергший ее в уныние. — Во всяком случае я не могу себе представить, чтобы полюбил девушку, которая сама мне вешается на шею. Это хорошо для мальчишек, а настоящему мужчине не нравится, когда женщина за ним бегает.

— Моя мать всегда говорила, что выше любви нет ничего на свете, — заметила Саксон. — И она писала стихи о любви. Некоторые из них были напечатаны в газете «Меркурий в Сан-Хосе».

— А как вы смотрите на любовь?

— О, я не знаю… — уклончиво отвечала она, глядя ему в глаза с неторопливой усмешкой. — Но в такой день, как сегодня, мне кажется, что жить на свете — очень хорошо!

— Несомненно, — поспешно добавил он. — И еще когда такая прогулка…

В час Билл свернул с дороги и остановился на лесной полянке.

— Теперь мы закусим, — сказал он. — Я решил, что будет приятнее позавтракать вдвоем в лесу, чем заезжать в какой-нибудь деревенский трактир. Здесь мы можем расположиться удобно и спокойно, и я прежде всего распрягу лошадей. Спешить нам некуда. А вы займитесь завтраком, выньте все из корзинки и разложите на фартуке от экипажа.

Саксон принялась распаковывать корзину и ужаснулась расточительности Билла. Она извлекла оттуда множество всяких припасов: груду сандвичей с ветчиной и цыплятами, салат из крабов, крутые яйца, свежий студень, маслины и пикули, швейцарский сыр, соленый

миндаль, апельсины и бананы и несколько бутылок пива. Ее смутило и разнообразие закусок и их обилие; казалось, Билл задался целью опустошить целый гастрономический магазин.

— Ну зачем вы истратили столько денег? — упрекнула его Саксон, когда он опустился на траву рядом с ней. — Этим можно артель каменщиков накормить.

— Уж очень все вкусные вещи… верно?

— Ну конечно, — успокоила она его, — только уж очень много, вот в чем беда.

— Тогда все в порядке, — заявил он. — Не люблю, когда в обрез. Возьмите немного пива, промочить горло с дороги. Кстати, осторожнее со стаканами — придется их вернуть.

Когда они позавтракали, Билл лег на спину, закурил папиросу и стал расспрашивать Саксон о ее детстве и юности. Она рассказала про жизнь у брата, — она платит ему четыре с половиной доллара в неделю за свое содержание. Пятнадцати лет она окончила школу и поступила на джутовую фабрику, на четыре доллара в неделю, из которых три приходилось отдавать Саре.

— А тот трактирщик, помните? — спросил Билл. — Почему он взял вас на воспитание?

Саксон пожала плечами.

— Право, не знаю. Может быть, оттого, что всем моим родственникам плохо жилось. Едва на жизнь хватало. Кэди — трактирщик, он был солдатом в роте отца и клялся именем «капитана Кита» — так они его прозвали. Отец не дал хирургам отрезать Кэди ногу, когда его ранили во время войны, и тот навсегда сохранил благодарность к своему старому командиру. Гостиница и бар давали ему хороший доход, и я потом узнала, что он нам очень много помогал, платил врачам и похоронил мою мать рядом с отцом. Я должна была, по желанию мамы, поехать к дяде Виллу, но в Вентурских горах, где находилось его ранчо, произошли беспорядки и были даже убитые. Все вышло из-за гуртовщиков и каких-то там изгородей. Дядя долго просидел в тюрьме, а когда он вышел, ранчо его было продано с молотка по иску адвокатов. Он был тогда уже стариком — нищий, с больной женой на руках; и ему пришлось поступить ночным сторожем за сорок долларов в месяц. Поэтому он ничем не мог мне помочь, и меня взял Кэди.

Кэди был очень хороший человек, хоть и трактирщик.

Жена у него была рослая, красивая такая… Правда, вела она себя не совсем хорошо… Так я потом слышала. Но ко мне она относилась прекрасно, потому мне дела нет до того, что про нее рассказывали, — даже если это и верно. От нее я видела только хорошее. После смерти мужа она совсем сбилась с пути, вот я и попала в сиротский приют. Жилось мне там очень неважно, однако я пробыла в нем три года. А тут Том женился, получил постоянную работу и взял меня к себе. И вот с тех пор я у него и почти все время работаю.

Она устремила вдаль печальный взгляд и остановила его на какой-то изгороди, поднимавшейся среди цветущих маков. Билл все еще лежал на траве, с удовольствием разглядывая снизу вверх чуть заостренный овал ее женственного личика; наконец, он неторопливо коснулся ее и прошептал:

— Бедная детка! При этом его рука ласково обхватила запястье ее обнаженной до локтя руки; и когда, опустив глаза, она посмотрела на него, то прочла на его лице удивление и радость.

— Какая у вас прохладная кожа, — заметил он, — а я всегда горячий. Троньте-ка.

Его рука была теплая и влажная, и она заметила у него на лбу и на чисто выбритой верхней «губе мелкие, как бисер, капельки пота.

— Ой, да вы весь мокрый! Она склонилась над ним и отерла своим платком сначала его лоб и губы, а затем и ладони.

— Я, верно, дышу через кожу, — засмеялся он. — Наши умники в гимнастических школах и тренировочных лагерях уверяют, что это признак здоровья. Но сегодня я почему-то потею больше, чем обычно. Чудно, правда?

Чтобы вытереть ему ладони, ей пришлось снять его руку со своей, но, как только она кончила, пальцы Билла опять легли на прежнее место.

— Нет, на самом деле у вас замечательно прохладная кожа, — повторил он, опять удивившись. — Неясная, как бархат, и гладкая, как шелк… очень приятно.

Рука его осторожно скользнула от кисти к локтю и, возвращаясь, замерла на полпути. Охваченная сладкой истомой и утомленная этим долгим солнечным днем, она призналась себе, что ее волнуют его прикосновения, и в полудремоте решила, что этого человека она могла бы полюбить — его руки и все…

— Ну вот, всю свежесть я себе забрал, — сказал он, не глядя на нее, но она видела лукавую улыбку, тронувшую его губы. — Теперь согрею ладонь.

Он нежно скользнул рукой по ее руке, она же, глядя вниз, на его губы, невольно вспомнила странное и волнующее ощущение от его первого поцелуя.

— Ну говорите, продолжайте, — попросил он после нескольких восхитительных минут молчания. — Я люблю смотреть на ваши губы, когда вы говорите; это очень смешно, но каждое их движение похоже на легкий поцелуй.

Ей так не хотелось нарушать это настроение, однако она сказала:

— Боюсь, вам не понравится то, что я скажу.

— Скажите, — настаивал он, — вы не можете сказать ничего, что бы мне не понравилось.

— Ну, слушайте: вон там, под изгородью, растет красный мак, мне очень хочется сорвать его. А потом… пора возвращаться.

— Я проиграл, — засмеялся он. — А все-таки вы послали в воздух двадцать пять поцелуев. Я сосчитал. И знаете — что? Спойте-ка «Когда кончится жатва»… А пока вы будете петь, дайте мне подержать вашу другую прохладную руку. Тогда и поедем.

Она запела, глядя в его глаза, а он смотрел на ее губы. Когда она кончила, то тихонько сняла его руки со своих и встала. Он хотел было пойти к лошадям, но она протянула ему свою верхнюю кофточку. Несмотря на самостоятельность, естественную для девушки, которая сама зарабатывает себе кусок хлеба, она очень ценила в мужчинах внимание и предупредительность; кроме того, она еще с детства помнила рассказы жен первых американских пионеров о галантности и рыцарских нравах приехавших в Калифорнию испано-калифорнийских кабальеро былых времен.

Солнце уже заходило, когда, описав большой круг к юго-востоку, они перевалили через холмы

Контра-Коста и начали спускаться по пологому склону, мимо Редвудского пика в Фрутвэйл. Внизу под ними простиралась до моря плоская равнина с шахматной доской полей и разбросанными там и сям городками: Элм-Хэрст, Сан-Леандро, Хейуордс. На западе дымы Окленда затянули горизонт туманной пеленой, а дальше, по ту сторону залива, уже загорались первые огни Сан-Франциско.

Но вот спустился мрак, и Биллом овладела странная молчаливость. Он на целых полчаса как будто совсем забыл о существовании Саксон и вспомнил о ней только раз, чтобы плотнее закутать фартуком ноги себе и ей, так как подул холодный вечерний ветер. Саксон раз десять была готова прервать молчание и спросить: «О чем вы думаете? «, но почему-то все не решалась. Она сидела к нему очень близко, почти прижавшись. Их тела грели друг друга, и она испытывала чувство блаженного покоя.

— Слушайте, Саксон, — вдруг сказал он. — Незачем дольше молчать. Весь день, с самого завтрака, это вертится у меня на языке. А почему бы нам не пожениться?

Охваченная тихой радостью, Саксон поняла, что он говорит серьезно. Однако чутье подсказало ей, что лучше помедлить, не соглашаться сразу, пусть он добивается ее, пусть она станет для него еще желаннее, еще дороже. Кроме того, он задел ее женскую мечтательность и гордость. Она никогда не представляла себе, что человек, которому она отдаст себя, сделает ей предложение так спокойно и трезво. Эта простота и прямолинейность почти оскорбили ее. С другой стороны, только теперь, когда он вдруг стал для нее доступен, она поняла, до какой степени он дорог ей.

— Ну, скажите же что-нибудь, Саксон. Да или нет, вы должны мне ответить. Имейте в виду, что я люблю вас. Я черт знает как сильно люблю вас, Саксон. И это наверно так, раз я прошу вас выйти за меня, я еще ни одной девушке этого не предлагал.

Вновь наступило молчание, и Саксон поймала себя на том, что всецело отдается ощущению волнующего тепла под фартуком экипажа, где их колени соприкасались. Когда она поняла, куда ведут эти мысли, она виновато покраснела в темноте.

— Сколько вам лет. Билли? — спросила она с той внезапной расхолаживающей трезвостью, с какой было сделано и его предложение.

— Двадцать два, — ответил он.

— А мне двадцать четыре.

— Разве я не знаю! Вы сказали, сколько вам было, когда вы вышли из приюта, сколько времени проработали на фабриках, на консервном заводе, в прачечной… Что ж, вы думаете, я считать не умею? Конечно, я мог отгадать, сколько вам лет, и чуть ли не день вашего рождения.

— А все-таки факт остается фактом — я на два года старше вас.

— Ну и что же? Если бы это имело какое-нибудь значение, я не любил бы вас, — верно? Ваша мать была совершенно права: очень много значит в жизни любовь. В этом все дело. Разве вы не видите? Я вас люблю и хочу, чтобы вы были моей. Ведь это же естественно. Когда я имею дело с лошадьми, с собаками, да и с людьми, я вижу, что все, что естественно, правильно и хорошо. Тут уж ничего не поделаешь. Саксон, вы мне нужны, и, надеюсь, я вам тоже. Может быть, у меня не такие нежные руки, как у разных там бухгалтеров да приказчиков, но эти руки будут работать для вас и защищать вас черт знает как. А главное, Саксон, они будут вас любить.

Та настороженная враждебность, с какой Саксон обычно относилась к мужчинам, на этот раз как будто исчезла. Она не чувствовала необходимости обороняться. Это была уже не игра. Это было то, о чем она грезила, чего желала. Перед Биллом она чувствовала себя беззащитной, и сознание этого давало ей глубокую радость. Она ни в чем не могла ему отказать, даже если бы он вел себя, как остальные. И из этой потрясшей ее мысли выросла другая, еще более восхитительная: он-то и не будет вести себя, как все.

Она продолжала молчать. Наконец, под влиянием внезапного порыва, охватившего все ее существо, девушка вместо ответа протянула руку и тихонько попыталась оторвать его руку от вожжей. Он не понимал, чего она хочет, но, видя, что она настаивает, забрал вожаки в правую и предоставил ей левую. Она наклонилась, и ее губы прильнули к мозолям на его ладони.

На минуту он ошалел.

— Ты… в самом деле? — пробормотал он.

Она опять поцеловала его руку и прошептала:

— Я люблю твои руки. Билли. Для меня — это самые прекрасные руки на свете, и мне пришлось бы говорить много часов, чтобы рассказать до конца все, что я к ним чувствую.

— Стой! — вдруг осадил он лошадей.

Он успокоил их и обмотал вожаки вокруг кнутовища, потом повернулся к Саксон, обнял ее и прижался губами к ее губам.

— О Билли, я буду тебе хорошей женой, — сказала она, и, когда он ее выпустил, всхлипнула.

Он поцеловал ее влажные от слез глаза и вновь нашел ее губы.

— Теперь ты знаешь, о чем я думал во время завтрака и отчего меня в испарину бросало. Я уже не в силах был молчать. Ты ведь мне понравилась с первой же минуты, как я тебя увидел.

— И я полюбила тебя с той самой встречи, помнишь, Билли? И я ужасно весь день тобой гордилась: ты был такой деликатный, внимательный — и вместе с тем такой сильный; и я видела, что все мужчины уважают тебя, а девушки за тобой бегают. И потом, ты так замечательно дрался с теми тремя ирландцами, когда я стояла позади садового стола. Я бы не могла полюбить или выйти за человека, которым бы не гордилась; а тобой я так горжусь, так горжусь!

— Наверно, меньше, чем я сейчас горжусь собой, — отвечал он, — я ведь добился своей цели и получил тебя. И это так хорошо, что даже не верится. Вдруг через несколько минут зазвонит будильник, я проснусь — и все окажется сном. Ну, а если даже и зазвонит, я воспользуюсь этими двумя-тремя минутами. Смотри, как бы я тебя не съел. Я так по тебе изголодался!

Он обнял ее и прижал к себе крепко-крепко, до боли. После этих мгновений, показавшихся ей годами блаженства, он, с трудом оторвавшись, выпустил ее из своих объятий.

— А будильник-то еще не звонит, — прошептал он, прижавшись щекой к ее щеке, — и вокруг нас темная ночь, а внизу огни Фрутвэйла. И смотри, как смирно Принц и Король стоят посреди дороги. Вот не думал, что настанет время, когда мне не захочется взять в руки вожжи и править парой таких чудесных лошадок. И такое время все-таки настало! Я просто не могу оторваться от тебя, а надо. До смерти не хочется ехать, но пора.

Он усадил ее на прежнее место, укрыл ей ноги фартуком и свистнул лошадям, уже выказывавшим нетерпение.

Через полчаса он снова остановил их.

— Сейчас-то я знаю, что не сплю, но мне надо проверить — не сон ли все, что было?

И, снова замотав вождей, он ее обнял.

Глава двенадцатая

Саксон не замечала, как летят дни. Она усердно работала в прачечной, вырабатывая даже больше, чем обычно, а все свое свободное время посвящала Биллу и предстоящей ей великой перемене в жизни. Он оказался весьма пылким возлюбленным и пожелал обвенчаться на другой же день после своего предложения; с трудом удалось уговорить его на недельную отсрочку, никак не больше.

— Зачем ждать? — спрашивал он. — Молодости это нам, насколько мне известно, не прибавит, а ты подумай — как много мы каждый день теряем!

В конце концов он согласился на отсрочку, и это было очень хорошо, так как спустя две недели его с десятком товарищей перебросили на работу из больших конюшен Корберли и Моррисона в западную часть Окленда. Кончились поиски квартиры в другом конце города, и молодой паре удалось снять на Пайн-стрит, между Четвертой и Пятой улицей, возле самого вокзала Южно-Океанской железной дороги, уютный домик — четыре небольших комнатки — за десять долларов в месяц.

— Это прямо дешевка, если сравнить с тем, что я платил за свои прежние каморки, — сказал Билл. — Моя теперешняя комната не больше самой маленькой из этих, а с меня дерут за нее целых шесть долларов.

— Зато в твоей есть мебель, — напомнила Саксон, — потому и разница.

Но Билл ничего и слушать не хотел.

— Хотя я, Саксон, и неученый, но арифметику знаю. В трудные времена я не раз закладывал часы и отлично высчитывал проценты. Как ты думаешь, сколько будет стоить обставить весь дом — дорожки, линолеум для кухни и прочее?

— Я считаю, что все это можно отлично сделать на триста долларов,

— отвечала Саксон. — Я уже обдумала и уверена, что такой суммы хватит.

— Триста! — пробормотал он, сосредоточенно хмуря брови. — Триста, скажем, из шести процентов… Значит, шесть центов с доллара, шестьдесят с десяти долларов, шесть долларов со ста, восемнадцать с трехсот. Я мастер умножать на десять! А теперь раздели восемнадцать на двенадцать: выходит полтора доллара процентов в месяц.

Он остановился, очень довольный, что удачно решил задачу. Вдруг его лицо озарилось новой мыслью:

— Постой! Это же не все! Это ведь процент за мебель для четырех комнат. А теперь раздели на четыре. Сколько получится, если разделить полтора доллара на четыре?

— Пятнадцать на четыре — три и три в остатке, — быстро начала Саксон подсчитывать. — Тридцать на четыре — семь, двадцать восемь и два в остатке; две четверти составляют половину. Все.

— Молодец! Вот ты умножаешь здорово. — После минутного колебания он продолжал: — Я не следил… какая сумма, ты говоришь, вышла?

— Тридцать семь с половиной центов.

— Ага! Теперь мы посмотрим, сколько лишнего с меня дерут за мою комнату. Если четыре комнаты стоят в месяц десять долларов, то одна стоит два с половиной. Прибавь еще тридцать семь с половиной центов за мебель, — выходит, два доллара восемьдесят семь с половиной центов. Вычти из шести долларов…

— Остается три доллара двенадцать с половиной центов, — тут же подытожила Саксон.

— Видишь, значит, я плачу за комнату лишних три доллара двенадцать с половиной центов. Вот так штука! Выходит, жениться — все равно что копить деньги.

— Но ведь мебель изнашивается. Билли.

— Ах, черт! Об этом я и не подумал. Это тоже нужно принять в расчет. Во всяком случае наш домик — находка! Ты изволь в следующую субботу уйти из прачечной минута в минуту, и мы отправимся покупать мебель. Я заходил вчера к Сэлингеру. Я дам им пятьдесят долларов задатку, а остальные буду выплачивать по десяти долларов в месяц. Через два года и один месяц обстановка будет наша. И помни, Саксон, покупай все, что тебе нужно, сколько бы это ни стоило, слышишь?

Она кивнула головой, ничем не выдавая своих планов относительно бесчисленных крошечных сбережений, которые себе уже наметила. Глаза ее стали влажными.

— Ты такой добрый, — прошептала она, прижимаясь к нему, и мигом очутилась в его объятиях.

— Тебя, кажется, можно поздравить, ты решила выйти замуж? — заметила Мери однажды утром, когда они встретились в прачечной. Не успели они проработать и десяти минут, как она увидела на среднем пальце левой руки у Саксон колечко с топазом. — Кто же счастливец? Чарли Лонг или Билли Роберте?

— Билли, — последовал ответ.

— Гм, берешь себе мальчика на воспитание? По лицу Саксон Мери заметила, что попала в больное место, и тут же пожалела о своих словах.

— Уде и пошутить нельзя! Это замечательно, что он будет твоим мужем. Билли превосходный человек, и я очень за тебя рада. Таких, как он, не скоро найдешь, а если они и есть, так не больно-то их женишь. Вам обоим повезло. Вы на редкость подходящая пара, и лучшей жены, чем ты, ему не найти. Когда же свадьба?

Несколько дней спустя, возвращаясь из прачечной, Саксон встретилась с Чарли Лонгом. Он решительно преградил ей дорогу и вызвал на разговор.

— Значит, вы теперь хороводитесь с боксером? — сказал он презрительно. — Только слепому не видно, чем это кончится!

Впервые она не испугалась стоявшего перед нею огромного парня с мохнатыми бровями и волосатыми пальцами. Она показала ему свою левую руку.

— Видите? При всей вашей силе, вам ни за что бы не удалось надеть мне на палец обручальное кольцо. А Билли Роберте сделал это в одну неделю. Он и вас не побоялся, Чарли Лонг, и со мной сумел поладить.

Лонг только выругался в ответ.

— Он не чета вам, — продолжала Саксон. — Это настоящий мужчина, честный, чистый.

— А ловко он вас обработал! — хрипло заржал Лонг.

— И вас обработает, если нужно, — отрезала она.

— Я бы мог вам кое-что про него рассказать, Саксон… Между нами, он порядочный жулик. Если бы только я…

— Знаете что? Оставьте-ка вы меня в покое, — прервала она его. — А то я скажу Билли, и вы прекрасно понимаете, что вам за это будет, хвастун вы этакий, нахал…

Лонг смущенно потоптался на месте, потом нехотя отошел в сторону.

— Вон, оказывается, какая вы штучка, — пробормотал он с оттенком восхищения.

— И Билли Роберте такой… — засмеялась она и пошла своей дорогой. Однако, пройдя несколько шагов, остановилась. — Послушайте! — крикнула она.

Огромный кузнец быстро обернулся.

— Я тут видела одного хромого. Идите поколотите его, если уж вам очень хочется подраться.

За время своей помолвки Саксон позволила себе только один крупный расход: она истратила целый дневной заработок на полдюжины своих собственных фотографических карточек. Билл уверял, что для него жизнь не в жизнь, если он не сможет каждый вечер любоваться ее изображением, перед тем как заснуть, и утром — как только проснется. Взамен она получила две его карточки, на одной он был в спортивном трико, на другой — в обычном костюме, и украсила ими свое зеркало. Первая карточка почему-то напомнила ей увлекательные рассказы матери о древних саксах и о морских викингах, нападавших на берега Англии. Она вынула из старинного комода, совершившего путь через прерии, еще одну священную реликвию — альбом матери, в котором были наклеены вырезки из газет со стихами о жизни пионеров в Калифорнии, а также копии с картин и старых гравюр, которые помещались в журналах прошлого поколения, а может быть, и в более давних. Саксон перелистывала знакомые страницы и скоро нашла то, что искала. На фоне прибрежных скал и серого неба с мчавшимися облаками были изображены несколько лодок, длинных, темных и узких, с изогнутыми носами, делавшими их похожими на чудовищных птиц; они стояли у кипящего белой пеной песчаного берега. Эти лодки были полны обнаженных сильных белокурых воинов в крылатых шлемах. В руках они держали мечи и копья, некоторые прыгали в воду, доходившую им до пояса, другие уже вылезали на песок. А на берегу, охраняя его, виднелись фигуры голых дикарей, нисколько не похожих, однако, на индейцев. Они стояли кучками, а некоторые — по колено в воде. Туземцы уже обменялись первыми ударами с завоевателями, и тела раненых и убитых омывал прибой. Один из белокурых завоевателей лежал поперек лодки, причем торчавшая в его груди стрела показывала, какое оружие явилось причиной его смерти.

Другой, прыгавший через него в воду, с мечом в руке, был вылитый Билл. Сомненья быть не могло: те же необычно светлые волосы, те же лицо, глаза, губы. Даже выражение было то же, как у Билла в тот день на гулянке, когда он дрался с тремя ирландцами.

Из лона этих двух воинствующих рас, подумала Саксон, вышел ее народ, далекие предки ее и Билли. И с этой мыслью она захлопнула альбом и положила его обратно в ящик. Кто-то из ее предков смастерил этот старинный, уже облезлый комод, который проехал через океан и через прерии и был пробит пулей во время сражения переселенцев с индейцами при Литтл Мэдоу. Ей казалось, она видит перед собой и женщин, державших в его ящиках свои безделушки и домотканые материи, — женщин тех кочующих поколений, к которым принадлежали бабушки и прабабушки ее матери. И она вздохнула. Что ж, иметь таких предков неплохо: крепкий, трудолюбивый народ. А как бы сложилась ее жизнь, родись она китаянкой или итальянкой? Она постоянно встречала их на улицах: приземистые, неловкие, смуглые, в платках и простоволосые, они обычно тащили с набережной, держа на голове, тяжелые охапки прибитых волнами щепок. Но тут она засмеялась над своими мыслями, вспомнила Билли, их домик в четыре комнатки на Пайн-стрит и заснула, в сотый раз представляя себе всю их обстановку до последних мелочей.

Глава тринадцатая

— Скота у нас больше не было, — рассказывала Саксон, — а зима надвигалась, и мы не могли отважиться на путешествие через Великую американскую пустыню, поэтому наш караван остановился в Солт-Лейк-сити. Мормонам в те времена еще жилось неплохо, и они приняли нас сердечно.

— Вы рассказываете так, будто сами были при этом, — заметил Берт.

— Там была моя мать, — ответила Саксон с гордостью. — Ей исполнилось в ту зиму девять лет.

Они сидели вокруг кухонного стола в маленьком домике на Пайн-стрит и завтракали сандвичами и пивом в бутылках. По случаю воскресенья все четверо были свободны, и они собрались спозаранку, так как их ждала работа более тяжелая, чем в любые будни: надо было вымыть стены и окна, выскрести полы, положить дорожки и линолеум, повесить занавески, наладить плиту, расставить мебель, убрать кухонную и столовую посуду.

— Ну, продолжай же, Саксон, — сказала Мери. — До смерти хочется послушать твой рассказ. А ты, Берт, замолчи и не мешай.

— Так вот. В эту зиму объявился у нас Дэл Хэнкок. Он родом из Кентукки, но провел много лет на Западе. Он был разведчиком, как и Кит Карсон, и хорошо знал Карсона. Они с Китом не раз спали под одним одеялом. И оба побывали с генералом Фремонтом в Калифорнии и Орегоне. Итак, Дэл Хэнкок проходил через СолтЛейк-сити, так как собирался повести группу трапперов со Скалистых гор на ловлю бобров в какое-то новое место. Красивый парень: носил длинные волосы, как на картинках, шелковый пояс поверх куртки, как носят испанцы в Калифорнии, а за поясом торчали два револьвера. Все женщины влюблялись в него с первого взгляда. Он увидел Сэди, старшую сестру моей матери, и она, видно, очень приглянулась ему, так как он остановился в Солт-Лейк-сити и дальше шагу не сделал. Он много и успешно сражался с индейцами, и я слышала от своей тети Виллы, когда была еще совсем маленькая, что у него были удивительно черные сверкающие глаза и орлиный взгляд. По обычаю того времени, он не раз дрался на дуэлях и не боялся ничего на свете.

Сэди была настоящая красавица, она кокетничала с ним, и он совсем потерял голову. Может

быть, она еще сама не была уверена в своем чувстве, я не знаю, но только она не дала ему слово так легко, как я, например, дала его Билли. В конце концов он уже не мог выносить неопределенности своего положения, — он прискакал к ней однажды вечером как сумасшедший.

«Сэди, — сказал он, — если вы не обещаете завтра со мной повенчаться, я застрелюсь этой ночью здесь же, позади загона».

Он так бы и сделал. И Сэди знала это и согласилась. Видите, как быстро решались в те дни любовные дела.

— Ну, не знаю, — заметила Мери насмешливо. — Ты тоже дала Биллу слово через неделю после того, как увидела его в первый раз. А разве Билл уверял тебя, что застрелится позади прачечной, если ты ему откажешь?

— Я его не довела до этого, — созналась Саксон. — Во всяком случае Дэл Хэнкок и тетя Сэди поженились на другой же день. И они были потом очень счастливы. Но она скоро умерла, а его убили индейцы вместе с генералом Костером и всеми остальными. Хэнкок был тогда уже стариком, но, наверно, перебил их немало, прежде чем они укокошили его. Люди вроде него всегда умирают сражаясь и дорого продают свою жизнь. В детстве я знавала некоего Ола Стэнли. Игрок, но какой молодец! Однажды, когда он сидел за столом и играл, один железнодорожник выстрелил ему в спину; от этого выстрела он умер через несколько секунд, но успел перед смертью поднять ружье и всадить три пули в своего убийцу.

— Я не люблю ни драк, ни сражений, — заявила Мери. — Это мне действует на нервы. Берт меня ужасно раздражает: он вечно ищет случая подраться. По-моему, все это совершенно ни к чему.

— А для меня наоборот — человек, в котором нет задора, ничего не стоит, — сказала Саксон. — Разве мы с вами были бы здесь, если бы не мужество наших предков?

— Ну, Билл природный воин, — заявил Берт. — Замечательный парень во всех смыслах. Он из племени могикан, настоящий охотник за скальпами, и если рассердится — берегись!

— Вот именно, — подтвердила Мери.

Билл, не участвовавший в их разговоре, встал, заглянул в маленькую комнатку за кухней, затем прошел в гостиную, в спальню, вернулся и, остановившись у двери в эту заднюю комнату, нахмурился.

— Что с тобой, дружище? — спросил Берт. — У тебя такой вид, точно ты что-то потерял или заблудился между трех сосен. Что с тобой? Валяй говори.

— Я все думаю, а где же, черт ее возьми, кровать и прочее для этой комнатки?

— Мы же для нее не заказывали мебель, — пояснила Саксон.

— Так я завтра закажу.

— Зачем вам еще кровать? — спросил Берт. — Разве вам вдвоем мало одной кровати?

— Замолчи, Берт! — воскликнула Мери. — Держись прилично.

— Ну, ну! — засмеялся Берт, — Вечно ты со своими замечаниями.

— У нас эта комната лишняя, — обратилась Саксон к Биллу, — поэтому я и не собиралась покупать для нее мебель, а взяла дорожки и плиту получше.

Билл подошел к ней, поднял со стула и посадил к себе на колени.

— Правильно, девочка! Я очень рад, что ты так сделала. У нас всегда должно быть все самое лучшее. А все-таки завтра вечером мы с тобой сбегаем к Сэлингеру и выберем ковер и мебель и для этой спальни, хорошую мебель! И никаких!

— Но ведь это будет стоить пятьдесят долларов! — возразила она.

— И отлично! Пусть стоит пятьдесят долларов и ни на цент меньше. Зато мебель будет хорошая. А что толку в пустой комнате? Это придает всей квартире какой-то нищенский вид. С тех пор как мы ее сняли, заплатили деньги и получили ключи, я только и думаю о нашем гнездышке и вижу, что оно становится все теплее и уютнее. И пока я работаю и вожусь с лошадьми, я ни на минуту об нем не забываю. Уверен, что, когда мы поженимся, оно мне будет так же мило. Вот я и хочу, чтобы все комнаты были обставлены как следует. Если эта комната будет стоять пустая, с голым полом, я только и буду видеть ее, пустую и неуютную. И выйдет обман. А наш дом не должен лгать. Посмотри, Саксон, вон ты повесила занавески, — пусть, мол, соседи думают, что она обставлена. Эти занавески лгут, и каждый поверит в то, чего нет. Но у нас так не должно быть. Я хочу, чтобы занавески говорили правду.

— Вы можете сдать ее, — предложил Берт. — Вы будете жить совсем близко от железнодорожных мастерских и в двух шагах от ресторана.

— Ни за что! Я не для того женюсь на Саксон, чтобы брать жильцов. Если я увижу, что не могу устроить ее жизнь, — знаешь, что я сделаю? Пойду на Долгую набережную, скажу: «Игра кончена», повешу себе камень на шею и прыгну в воду. Верно, Саксон?

Покупка лишней мебели казалась неразумной, но слова Билла польстили ей. Она обвила руками шею своего жениха и, прежде чем поцеловать его, сказала:

— Ты хозяин. Билли. Как ты захочешь, так и будет. И теперь и всегда.

— Слышала? — насмешливо обратился Берт к Мери. — Вот как женщина должна рассуждать! Саксон свое место знает.

— Я думаю, мы всегда будем советоваться друг с другом, прежде чем что-нибудь решить, — ответил Билл своей невесте.

— Слышал? — торжествующе повторила Мери. — Имей в виду, что человек, который захочет стать моим мужем, тоже должен будет во всем со мной советоваться!

— Билл ей просто очки втирает, — возразил Берт. — Все так говорят, пока не женятся.

Мери презрительно фыркнула:

— А я ручаюсь, что Саксон будет им и потом вертеть. Что касается меня, так я объявляю во всеуслышание, своим мужем хочу вертеть — и буду.

— Нет. Если ты будешь его любить, — заметила Саксон.

— Наоборот. Тем более, — настаивала Мери.

Берт скорчил грустную гримасу.

— Вот видите, поэтому мы с Мери до сих пор и не поженились, — сказал он. — Я — как тот упрямый индеец: черт меня побери, если уж я построю себе вигвам, да не буду в нем хозяином!

— А я не индианка, — возразила Мери, — и не вышла бы замуж за такого упрямого индейца, даже если бы на свете не осталось ни одного мужчины.

— Этот упрямый индеец вас, кажется, еще не сватал!

— Он знает, какой получит ответ.

— Поэтому он, может быть, десять раз подумает, прежде чем сделать предложение.

Саксон, которой хотелось перевести разговор на более приятные темы, всплеснула руками и воскликнула:

— А я и забыла! Я хотела вам кое-что показать. — Она вынула из кошелька гладкое золотое кольцо, и присутствующие передали его друг другу. — Это обручальное кольцо моей матери. Я его всегда носила на шее, как медальон. В приюте я так плакала и умоляла вернуть его, что начальница разрешила мне его носить. И только подумайте! — в следующий вторник оно будет уже у меня на пальце! Посмотри, Билли, что внутри вырезано:

— «Д. от К. 1879», — прочел он.

— Дэзи от Карлтона. Карлтон — имя моего отца. А теперь. Билли, ты должен вырезать на нем наши имена.

Мери была в восторге.

— Замечательно! — воскликнула она. — «С. от Б. 1907».

Билл на минуту задумался.

— Нет, это нехорошо, ведь вовсе не я дарю его Саксон.

— Знаешь что? — предложила Саксон. — Пусть на нем будет просто «Б. и С. «.

— Нет, — Билл покачал головой, — «С. и Б. «, потому что ты для меня на первом месте.

— Если я для тебя на первом месте, то ведь и ты для меня тоже. Билл, милый, пусть будет «Б. и С. «.

— Видишь, — сказала Мери Берту, — она уже теперь из него веревки вьет.

Саксон почувствовала укол в словах Мери.

— Впрочем, как хочешь. Билли, — сдалась она.

Он обнял ее.

— Мы еще об этом потолкуем.

Глава четырнадцатая

Сара была крайне консервативна. С тех пор как кончилась пора ее любви и родился первый ребенок, она словно остановилась на одной точке. Ее душа как будто раз и навсегда приняла определенную форму и так и застыла. В Саре еще жили вкусы и предубеждения ее девической поры и той семьи, в которой она выросла. Малейшее нарушение обычного уклада жизни казалось ей чуть ли не революцией. Том пережил много таких революций. Три из них произошли при перемене квартиры. Третья сломила его, и он решил больше никогда не переезжать.

Поэтому же и Саксон молчала о своей предстоящей свадьбе до тех пор, пока молчать уже было нельзя. Она ждала бурной сцены и не ошиблась.

— Как? Боксер? Хулиган? Драчун? — издевалась Сара после целого потока самых мрачных предсказаний относительно судьбы, ожидающей и ее, Сару, и ее детей без тех четырех с половиной долларов, которые еженедельно платила Саксон. — Не знаю, что сказала бы твоя мать, если бы она дожила до того, что ты свяжешься с таким типом, как этот Билл Роберте. Билл! Она никогда бы не вышла за человека, которого зовут Билл, она была слишком деликатно воспитана. Одно могу сказать, тебе придется распроститься и с шелковыми чулками и с тремя парами туфель. Скоро ты будешь Бога благодарить, что у тебя на ногах старые гетры да бумажные чулки по двадцать пять центов за две пары.

— О!.. Я уверена, что у Билли хватит средств купить мне любые башмаки, — возразила Саксон, гордо откинув голову.

— Ты не знаешь, что говоришь… — Сара злорадно захохотала. — Вот подожди, пойдут ребята… а они родятся гораздо быстрее, чем растет заработная плата.

— Но мы вовсе не собираемся иметь детей… то есть пока. Во всяком случае не раньше, чем выплатим долг за мебель.

— Вот какие вы теперь умные стали! В мое время девушки были поскромнее и понятия не имели о таких неприличностях.

— Это насчет детей? — спросила Саксон с лукавой усмешкой.

— Да, насчет детей.

— В первый раз слышу, что дети — неприличность. А у тебя, Сара, их пять. Значит, как неприлично ты себя вела! Мы с Биллом решили вести себя скромнее. У нас будут только мальчик и девочка.

Том чуть не подавился от смеха, но, чтобы не подливать масла в огонь, спрятал лицо за чашкой с кофе. Сара на минуту опешила оттого, что ее оружие обратилось против нее самой, но она была в этих делах стреляный воробей и не замедлила повести нападение с другой стороны:

— А почему это вам так вдруг загорелось устраивать свадьбу? Очень подозрительно, очень… До чего вы, молодые девушки, дойдете! Срам! Ни стыда, ни совести! И все — от этих ваших воскресных танцулек да праздников. Нынче молодые женщины стали прямо как животные. Такой распущенности я никогда еще не видела.

Саксон была вне себя от гнева, но, пока Сара продолжала обличать современные нравы. Том ухитрился многозначительно подмигнуть сестре, знаками умоляя ее не сердиться и сохранить

мир.

— Ничего, сестренка, — утешал он Саксон, когда они остались одни.

— С Сарой спорить бесполезно. А Билл Роберте парень хороший. Я о нем много слышал. Ты вполне можешь гордиться таким мужем. И наверняка будешь с ним счастлива. — Его голос вдруг сорвался, лицо стало сразу старым и очень усталым. Он продолжал с тревогой: — Только не бери пример с Сары. Не пили его. Что бы ни случилось, не пили. Не читай ему постоянно нравоучений. Дай и ему иногда высказать свой взгляд. Ведь у мужчин тоже есть здравый смысл, даже если Сара этого не признает. И все-таки она меня любит, хотя этого, может быть, и не заметно. А ты должна любить мужа не только про себя, но так, чтобы твою любовь он видел и чувствовал. И он сделает все, что ты захочешь. Пусть иной раз поступит по-своему, — тогда, поверь мне, он и тебе даст больше воли. А главное, люби его и считайся с его мнением, — ведь он же в конце концов не дурак. И жизнь пойдет у вас отлично. Сара все заставляет меня делать из-под палки, а ведь от меня молено этого же добиться лаской.

— Обещаю тебе. Том, я буду делать все, как ты говоришь, — сказала Саксон, улыбаясь сквозь слезы и тронутая сочувствием брата. — Но я прежде всего буду стремиться к другому: я буду стараться, чтобы Билли любил меня и не переставал любить. Тогда не нужны будут и все эти хитрости. Понимаешь? Он сделает то, что я пожелаю, просто из любви ко мне.

— Правильно надумала, сестренка! Держись этого, и вам будет хорошо.

Когда через некоторое время Саксон надела шляпу и отправилась в прачечную, оказалось, что брат поджидает ее за углом.

— Слушай, Саксон, — начал он торопливо и вместе с тем запинаясь, — то, что я сказал насчет Сары… знаешь… ты не подумай чего плохого или что я несправедлив к ней… Она женщина честная, верная. И ведь, право, жизнь у нее очень нелегкая. Я скорее откушу себе язык, чем скажу про нее плохое. У всякого свое. Проклятая бедность — вот в чем дело. Верно?

— Ты всегда так хорошо относился ко мне. Том.

Я этого никогда не забуду. И я знаю, у Сары, несмотря на все, самые лучшие намерения.

— Я не смогу сделать тебе никакого свадебного подарка, — сказал Том виноватым тоном, — Сара и слышать не хочет. Она говорит, — когда мы женились, мои родственники нам тоже ничего не подарили. Но все-таки у меня для тебя есть сюрприз. И ты ни за что не угадаешь, какой.

Саксон посмотрела на него вопросительно.

— Когда ты сказала, что выходишь замуж, мне сразу же пришла одна мысль. Я написал брату Джорджу и попросил его прислать эту вещь для тебя. И он ее прислал. Я ничего тебе не говорил, потому что боялся, не продал ли он ее. Серебряные шпоры он действительно продал — должно быть, деньги были нужны. А эту вещь я просил его выслать мне на мастерскую, чтобы не раздражать Сару, и вчера вечером потихоньку принес ее и спрятал в дровяном сарае.

— Наверно, что-нибудь принадлежавшее отцу? Да? Правда? Скажи скорее, что?

— Его сабля.

— Та, которую он брал с собой, когда ездил на чалом коне? Ах, Том! Ты не мог мне сделать

лучшего подарка! Идем обратно. Я хочу сейчас же ее видеть. Пройдем потихоньку с черного хода. Сара в кухне стирает и раньше чем через час белье развешивать не будет.

— Я говорил с Сарой насчет того, чтобы отдать тебе старый материнский комод, — шептал Том, пробираясь с Саксон по узкому проулку между домами, — но она встала на дыбы и заявила, что Дэзи была не только твоей, но и моей матерью, хоть у нас и разные отцы, что комод этот всегда принадлежал ее роду, а не семейству капитана Кита, и что, значит, он мой, а раз он мой, так она…

— Не беспокойся, — возразила Саксон. — Вчера вечером она мне продала его. Сара ждала меня и была очень возбуждена.

— Странно. Она сердилась на меня весь день после того, как я заговорил с ней об этом. Сколько ты ей отдала за него?

— Шесть долларов.

— Грабеж! Разве он стоит этих денег? — возмутился Том. — Он очень старый и с одного боку треснул!

— Я бы дала и десять. Я не знаю, что бы дала за него, Том. Ведь он мамин, ты же знаешь. Я помню, как он стоял у нее в комнате, когда она еще была жива.

В сарае Том достал спрятанное в дровах сокровище и развернул бумагу, в которую оно было завернуто. Перед ними оказалась ржавая зазубренная тяжелая сабля старинного образца, какую обычно носили кавалерийские офицеры в Гражданскую войну. Она висела на изъеденном молью поясе из плотного малинового шелка, украшенном тяжелыми шелковыми кистями. Саксон в нетерпении почти вырвала ее у брата, вынула из ножен и приложилась к холодной стали губами.

Наступил последний день ее работы в прачечной. Вечером Саксон должна была окончательно с нею распроститься. А на другой день в пять часов пополудни они с Биллом пойдут к судье, и тот их поженит. Берт и Мери будут свидетелями, потом они отправятся вчетвером в ресторан Барнума, и там, в отдельном кабинете, состоится свадебный ужин. После ужина Берт и Мери отправятся на вечеринку в зал Миртл, а Билл и Саксон поедут на трамвае на Пайн-стрит. У рабочих медового месяца не бывает, и Биллу предстояло на другой день в обычный час явиться на работу.

Все женщины в гладильной тонкого крахмального белья знали, что Саксон с ними последний день. Многие за нее радовались, иные завидовали, что она заполучила себе мужа и освободится от каторжной работы у гладильной доски. Ей пришлось выслушать немало шуток по своему адресу, — но такова была участь всех девушек, выходивших замуж из прачечной, да и, кроме того, она чувствовала себя такой счастливой, что не могла обижаться на эти иногда и грубоватые, но всегда добродушные шутки.

Среди облаков пара, на фоне воздушного батиста и кисеи, быстро скользивших под ее руками, перед нею одна за другой вставали картины ее будущей жизни в маленьком домике на Пайн-стрит. И она, не смолкая, мурлыкала себе под нос, переиначивая по-своему припев одной очень известной в то время песенки:

Когда тружусь, когда тружусь,

Тружусь я ради Билли.

К трем часам усталость работниц-сдельщиц в этой душной и сырой комнате достигла крайних пределов. Пожилые женщины тяжело вздыхали, молодые побледнели, их черты заострились, под глазами легли черные тени, — но все продолжали с неослабным усердием водить утюгами. Недремлющее око старшей мастерицы зорко следило за тем, чтобы вовремя предупредить любой истерический припадок. Одна молодая девушка, сутулая и узкогрудая, была тотчас же удалена из комнаты, как только старшая заметила, что она готова потерять сознание.

Вдруг Саксон вздрогнула от дикого, нечеловеческого вопля. Натянутые нервы не выдержали, и десятки женщин разом приостановили работу, — одни замерли, держа утюги на весу, у других они выпали из рук. Этот ужасный вопль издала Мери, и Саксон увидела на ее плече странного черного зверька с большими изогнутыми крыльями. Вскрикнув, Мери в испуге присела, и странный зверь, взлетев над нею, метнулся соседней гладильщице прямо в лицо. Та взвизгнула и лишилась чувств. Летающее существо бросалось туда и сюда, а женщины вопили, визжали, размахивали руками, пытались выбежать из гладильни или прятались под гладильные доски.

— Да это просто летучая мышь! — кричала старшая мастерица в бешенстве. — Что, вы никогда летучей мыши не видели? Съест она вас, что ли?

Но это были женщины из простонародья, и успокоить их оказалось нелегко. Те, кто не мог видеть причины переполоха, но были взвинчены и переутомлены не меньше остальных, тоже поддались панике и закричали: «Пожар!» Давка у дверей усилилась.

Все они выли в один голос — пронзительно, бессмысленно, отчаянно; и в этом вое бесследно утонул увещевающий голос старшей. Саксон сначала просто испугалась, но общая паника захватила и ее. Правда, она не кричала, но бросилась бежать вместе со всеми. Когда орда обезумевших женщин хлынула в соседнее помещение, все работавшие там присоединились к ней и тоже бежали от неизвестной опасности. Через десять минут прачечная опустела, осталось только несколько мужчин бродивших по комнатам с ручными гранатами и тщетно пытавшихся выяснить причину переполоха.

Старшая мастерица, женщина серая, но решительная, была вначале тоже подхвачена толпой, однако она вырвалась, повернула обратно и быстро поймала незрячую нарушительницу спокойствия, накрыв ее бельевой корзиной.

— Я не знаю, как выглядит Бог, но черта я теперь видела, — проговорила, захлебываясь смехом и слезами, взволнованная Мери.

Саксон очень сердилась на себя за то, что так перепугалась и вместе со всеми бессмысленно бежала из прачечной.

— Какие мы дуры! — сказала она. — Ведь это просто летучая мышь. Я слышала о них. Они живут в лесу. Говорят, они совершенно безобидные, а днем они слепые. Вот почему все и случилось. Просто маленькая летучая мышь!

— Ну, ты меня не разуверишь, — отозвалась Мери. — Это, несомненно, был черт. — Она несколько раз всхлипнула, потом снова засмеялась нервным смехом. — Ты видела — миссис Бергстром упала в обморок. А ведь оно едва коснулось ее лица! Мне что-то село на плечо, а потом я почувствовала что-то на шее — точно рука мертвеца. Однако я не упала.

— Она снова засмеялась. — Может быть, я слишком напугалась, и мне было уже не до обморока…

— Вернемся, — предложила Саксон. — Мы и так потеряли полчаса.

— Ни за что! Хоть бы мне расстрелом грозили. Я иду домой. Да разве я могу сейчас гладить? Меня всю трясет.

Одна из женщин сломала себе руку, другая — ногу, у многих оказались ссадины и ушибы. Никакие уговоры и объяснения старшей мастерицы не могли заставить напуганных гладильщиц вернуться к работе. Они слишком переволновались и разнервничались, и только немногие нашли в себе достаточно мужества, чтобы вернуться в помещение прачечной за шляпами и корзинками остальных. Лишь несколько девушек опять взялись за утюги. Среди них была Саксон, и она проработала до шести часов.

Глава пятнадцатая

— Ах, Берт! Ну зачем ты напился? — воскликнула Мери с укором.

Они сидели вчетвером в отдельном кабинете у Барнума. Скромный свадебный ужин, показавшийся Саксон, однако, чересчур роскошным, был съеден. Берт, держа в руке стакан красного калифорнийского вина, которое здесь стоило пятьдесят центов бутылка, поднялся и пожелал произнести речь. Лицо его раскраснелось, черные глаза лихорадочно блестели.

— Ты уже выпил еще до того, как зайти за мной, — продолжала Мери.

— Я это вижу по всему.

— Ошибаетесь, дорогая, разуйте глаза, — возразил он. — Бертрам сегодня в наилучшем виде, — Он встал для того, чтобы пожать руку своему старому товарищу. — Билл! Дружище! Давай лапу! Приходится нам с тобой распрощаться! Здравствуйте и до свидания! Ты теперь человек женатый, Билл, и будешь домоседом. Гулять с парнями уже не придется. Ты должен теперь беречь себя, застраховать свою жизнь от несчастных случаев... вступить в строительный кооператив... сделаться членом кассы взаимопомощи и похоронного бюро...

— Перестань, Берт, — прервала его Мери. — Разве на свадьбе говорят о похоронах? Как тебе самому не стыдно!

— Стой! Подожди, Мери. Я вовсе не хотел... Я сейчас скажу, что я думал... Совсем не про то, про что она говорит... Подождите... Я сказал «похоронное бюро»? Да? Я же не собирался омрачить настроение веселого общества... Наоборот...

Он явно запутался, и Мери торжествующе покачала головой. Но это его снова подстегнуло.

— Подождите, дайте сказать, почему я упомянул... Потому, что ты, друг, подцепил такую зажигательную жену, такую раскрасотку. Все молодые люди от нее без ума, и если они начнут за ней бегать, то что ты сделаешь, Билл? У тебя окажется много работы. И разве тебе не понадобится похоронное бюро, чтобы их всех хоронить? По-моему — да. Я только хотел похвалить твой вкус по части женщин, это Мери мне помешала.

Его блестящие глаза с насмешливым торжеством остановились на Мери.

— Кто говорит, что я нализался? Я? Ничего подобното. Я вижу все совершенно ясно, как днем. Я вижу моего старого друга Билла — и, заметьте, одного, а не двух Биллов. Он от роду не бывал двуличным. Билл! Друг! Когда я вижу тебя теперь в брачном хомуте, мне становится грустно — да, грустно. — Он оборвал свою речь и обратился к Мери. — Не кипятись, старуха! Я знаю, что говорю. Мой дед был сенатором в своем штате и мог с утра и до ночи вести приятные разговоры. Я тоже могу... Так вот, Билл, когда я смотрю на тебя, мне делается грустно. Да,

грустно. — Он вызывающе взглянул на Мери. — Сам-то я разве не вижу, сколько ты забрал себе счастья? Верь моему слову — ты умный парень, черт бы побрал всех женщин! Ты хорошо начал; так и продолжай. Женись, брат, женись хоть на всех! Чокнемся, Билл! Ты могикан и храбрец! А скво у тебя первый сорт. Пью за ваше здоровье, и за вас обоих, и за ваших будущих крикунов. Дай вам Бог!

Он залпом осушил стакан, упал на стул и уставился на молодых, из его глаз медленно катились слезы. Мери тихонько погладила его руку, и он совсем раскис.

— Господи, имею же я право поплакать, — всхлипывал Берт. — Лучшего дружка своего лишаюсь! Прошлого уже не вернешь, нет… никогда… Как подумаю о прежних веселых днях с Биллом, о наших проделках, и вижу, что вот вы, Саксон, теперь сидите с ним и держитесь за ручки, — я возненавидеть вас готов.

— Не грустите, Берт, — ласково улыбнулась Саксон. — Вот и вы с Мери тоже держитесь за руки.

— Ах, он любит нюни распускать, — сказала Мери резко, в то время как ее пальцы нежно перебирали его волосы. — Не грусти, Берт. Пусть теперь Билл ответит на твою замечательную речь.

Берт подкрепился новым стаканом вина.

— Валяй, Билл, — воскликнул он. — Теперь твой черед!

— Я говорить не мастер, — проворчал Билл. — Что мне сказать им, Саксон? Сказать, как мы счастливы? Они и так знают.

— Поблагодари за добрые пожелания и пожелай им от нас того же. Скажи им, что мы всегда будем счастливы. И что мы всегда все четверо будем дружить, как и раньше. И что мы их приглашаем в следующее воскресенье к нам обедать. Пайн-стрит, пятьсот семь. А если ты, Мери, захочешь приехать в субботу с вечера, ты можешь переночевать в комнате для гостей.

— Ты сказала гораздо лучше, чем сказал бы я! — и Билл захлопал в ладоши. — Молодчина, Саксон! Что я могу прибавить к твоим словам? Очень немногое. А все-таки кое-что прибавлю.

Он встал и взял в руку стакан. От темных густых бровей и темных ресниц его голубые глаза казались синими и еще больше оттеняли белокурые волосы и светлую кожу; гладкие юношеские щеки покрылись легким румянцем, но не от вина, — он пил всего второй стакан, — а от здоровья и счастья. Саксон смотрела на него с чувством гордости, радуясь тому, что он так хорошо одет, такой сильный, красивый, опрятный. Он — ее муж-мальчик, и она гордилась собой, своей женской прелестью и желанностью, благодаря которым у нее такой удивительный возлюбленный.

— Так вот, Берт и Мери, — начал он. — Вы сидите с нами за нашим свадебным ужином. Мы приняли к сердцу все ваши добрые пожелания, желаем того же и вам, и, говоря так, мы имеем в виду гораздо больше, чем вы думаете. Мы с Саксон считаем, что долг платежом красен. И хотим, чтобы наступил день, когда мы, наоборот, будем гостями на вашем свадебном ужине! И тогда, если вы соберетесь к нам в воскресенье обедать, вы оба можете ночевать в свободной комнате. Разве зря я обставил ее? Как вы думаете, а?

— Вот уде чего никак от вас не ожидала. Билли! — воскликнула Мери.

— Да вы хуже Берта. Ну, все равно…

Из глаз ее неожиданно брызнули слезы. Голос дрогнул и оборвался; затем, улыбнувшись, она обернулась к Берту, который обнял ее и посадил к себе на колени.

Выйдя из ресторана, все четверо пошли вместе по Восьмой и Бродвею и остановились у трамвайной остановки.

Берт и Билл чувствовали себя неловко и молчали под влиянием какой-то внезапно возникшей между ними отчужденности. Но Мери обняла Саксон с нежной заботливостью.

— Ничего, детка, — шептала Мери. — Ты не пугайся, все обойдется. Подумай обо всех прочих женщинах на свете.

Кондуктор дал звонок, и обе пары расстались, торопливо бормоча всякие пожелания.

— Ах ты, могикан! — крикнул Берт, когда трамвай тронулся. — И вы, могиканша!

— Не забудь того, что я тебе сказала, — напомнила Мери, прощаясь с Саксон.

Трамвай остановился на углу Седьмой и Пайн-стрит, это была конечная остановка. Отсюда до дома молодых оставалось не больше двух кварталов. На крыльце Билл вынул из кармана ключ.

— Правда, чудно? — сказал он, поворачивая ключ в замке. — Ты да я, и больше никого. Одни!

Пока он зажигал в гостиной лампу, Саксон стала снимать шляпу. Затем он прошел в спальню, зажег свет и там, вернулся и остановился в дверях. Саксон, все еще в смущении возившаяся со шпильками от шляпы, украдкой взглянула на него. Он протянул к ней руки.

— Ну? — сказал он.

Она подошла к нему, и он почувствовал, как она задрожала в его объятиях.

Часть вторая

Глава первая

Вечером, на другой день после свадьбы, когда Билл, возвращаясь домой, поднялся на крыльцо, Саксон встретила его в дверях. Поцеловавшись, они пошли рука об руку через гостиную в кухню, и Билл, остановившись на полдороге, с удовольствием потянул носом.

— Послушай, Саксон, у нас в доме ужасно хорошо пахнет! Это не только запах кофе, хотя я различаю и его. Пахнет во всех комнатах, пахнет… ну я не знаю чем, просто хорошо пахнет!

Пока он мылся над раковиной, она поставила на плиту сковородку. Вытирая руки и наблюдая за женой, он издал одобрительное восклицание, когда она положила на сковородку бифштекс.

— Где это ты научилась жарить бифштекс на раскаленной сковородке без масла? Это лучший способ, но почему-то женщины его не признают.

Когда она сняла крышку со второй сковородки, чтобы помешать кухонным ножом какое-то аппетитное кушанье, он подошел к Саксон сзади, просунул руки под ее опущенные локти, обхватил грудь и склонил голову ей на плечо, так что его щека коснулась ее щеки.

— М-м-м!.. Жареная картошка с луком, как, бывало, готовила моя мать. Чудесная штука! И до чего хорошо пахнет!

Он отпустил жену, и его щека ласково скользнула вдоль ее щеки. Но затем он снова обнял ее; она почувствовала его губы на своих волосах и слышала, как он вдыхает их запах.

— М-м-м!.. А как хорошо пахнет от тебя самой! Я раньше никак не мог понять, когда говорили про женщину, что она упоительная. А теперь понимаю. Но такой упоительной, как ты, я еще не встречал.

Он был несказанно счастлив. Причесавшись в спальне, он сел против нее за маленький столик и, уже взяв в руки нож и вилку, сказал:

— Знаешь, быть женатым очень приятно, а послушаешь всех этих женатых людей… Даю слово, Саксон, мы могли бы их кое-чему научить. Мы можем дать им много очков вперед и все-таки выиграть. Одним только я недоволен.

Мгновенно вспыхнувший в ее глазах испуг заставил его рассмеяться.

— Тем, что мы не поженились раньше. Подумай, сколько дней я потерял!

Ее глаза засияли счастьем и благодарностью, и она поклялась себе, что так будет в течение всей их супружеской жизни.

Они кончили ужинать, она убрала со стола и принялась мыть над раковиной посуду. Когда он сделал попытку перетирать ее, Саксон схватила его за полу пиджака и толкнула обратно на стул.

— Сиди и радуйся, что можешь отдохнуть. Нет, нет, изволь слушаться! Выкури сигару. Нечего следить за тем, что я делаю. Вот тебе сегодняшняя газета. И если ты не очень спешишь прочесть ее, ты оглянуться не успеешь, как я кончу с посудой.

Пока он курил и читал газету, она то и дело украдкой на него поглядывала. Еще одного не хватает для полного уюта — туфель.

Через несколько минут Билл со вздохом отодвинул от себя газету.

— Бесполезно, — сказал он. — Я все равно не могу читать.

— Почему? — лукаво спросила она. — Глаза болят?

— Да нет. Что-то застилает их; это пройдет, если я буду смотреть на тебя.

— Сейчас, мой мальчик. Я освобожусь через минутку.

Прополоскав кухонное полотенце и вычистив раковину, она сняла с себя фартук, подошла к Биллу и поцеловала его сначала в один глаз, потом в другой.

— Ну, теперь лучше?

— Немножко получше.

Она повторила свое лечение.

— А теперь?

— Еще лучше.

— А теперь?

— Совсем хорошо.

Однако, подумав, он заявил, что правый глаз еще немного болит.

Во время лечения этого глаза она вдруг вскрикнула, словно от боли.

— Что с тобой? Тебе больно?

— Глаза. Они тоже ужасно заболели.

Тут они поменялись ролями, и Билл стал врачом, а она пациенткой. Когда оба вылечились, она повела его в гостиную, где они ухитрились усесться вдвоем в большом мягком кресле, стоявшем у открытого окна. Это была самая дорогая вещь в доме. Кресло стоило семь с половиной долларов, и Саксон, даже не мечтавшая о таком великолепии, ощущала в течение всего дня легкие уколы совести.

В комнату лился свежий соленый запах моря, который по вечерам так радует жителей приморских городов. На железнодорожных путях пыхтели паровозы и слышался грохот поездов, замедлявших ход между молом и Оклендским вокзалом; доносились крики детей, обычно игравших на улице в летние вечера, и негромкие голоса хозяек из соседнего дома, вышедших посидеть на крылечке и посудачить.

— Что может быть лучше этого? — прошептал Билл. — Как вспомню о своей меблированной комнатенке за шесть долларов, так даже грустно становится! Сколько времени я зря потерял. Одно только меня утешает: если бы я оттуда съехал раньше, я бы не встретил тебя. Ведь я еще месяц назад даже не подозревал, что ты живешь на свете.

Его рука скользнула вверх по ее обнаженной руке и пробралась под рукав.

— Какая у тебя свежая кожа, — сказал он. — Не холодная, а именно свежая. Так приятно ее касаться.

— Ты скоро сделаешь из меня холодильник! — засмеялась она.

— И голос у тебя какой-то свежий, — продолжал он. — Когда я слышу его, у меня такое чувство, будто ты кладешь мне руку на лоб. Очень странно. Я не знаю, как объяснить, но твой голос словно проходит через всего меня — чистый и свежий. Как ветерок — такой приятный, знаешь, когда он подует с моря после — жаркого, душного дня. А если ты говоришь тихо, твой голос звучит мягко и певуче, точно виолончель в оркестре театра Макдоноу. И никогда у тебя он не доходит до высоких нот, никогда не бывает резким, визгливым, не дерет слух, как голоса иных женщин, если они сердятся или возбуждены; они напоминают мне заигранную граммофонную пластинку. А твой голос так и льется в душу, я даже дрожать начинаю, будто от свежести. Просто наслажденье. Мне кажется, у ангелов, если только они существуют, должен быть такой голос.

Несколько минут прошло в молчании; она чувствовала такое невыразимое счастье, что только провела рукой по его волосам и без слов прижалась к нему. Затем Билл продолжал:

— Хочешь знать, кого ты мне напоминаешь? Видела ты когда-нибудь молодую породистую кобылу с блестящей атласной шерстью и до того нежной кожей, что на ней остается след от малейшего прикосновения хлыста? Она такая чуткая, нервная, а может превзойти выносливостью самую крепкую необъезженную лошадь, — и в один миг разорвать себе сухожилия или простудиться насмерть, если проведет ночь без попоны. Такие лошади — самые прекрасные создания на свете; они стройные, сильные, неясные, и обращаться с ними нужно очень бережно. Знаешь, как со стеклянной посудой: «Осторожно, бьется, не переворачивать, не бросать наземь!» Ты напоминаешь мне такую лошадку. И мое дело присмотреть, чтобы обращение с тобой было самое аккуратное. Ты так же не похожа на других женщин, как породистая кобыла на рабочих кляч. Знаешь, ты кто? Ты чистокровка. Ты и стройна по-особому и порывиста… А уж сложена… Знаешь, какая у тебя фигура? Да, да, куда до тебя Анетте Келлерман. Она австралийка, ты американка. Но разве американки такие?.. Ты особенная. Ты — первый класс… Нет, я не знаю, как объяснить… Остальные женщины сложены не так. Ты будто из другой страны. Прямо француженка. И сложением и тем, как ты ходишь, садишься, встаешь, просто ничего не делаешь, — всем ты напоминаешь француженку, и даже лучше…

Билл, никогда не выезжавший из Калифорнии и не ночевавший ни одной ночи вдали от своего родного Окленда, не ошибся. Саксон была прекрасным цветком на англосаксонском дереве; необычайно маленькие руки и ноги, узкие кости, пластичность тела и движений — все в ней напоминало одну из тех женщин давнего прошлого, которые произошли от смешения французов-норманнов с крепким племенем саксов.

— А как на тебе сидит платье! Ты точно срослась с ним. Оно такая же часть тебя, как свежесть твоего голоса и твоей кожи. И всегда ты так хорошо одета, что, кажется, лучше и быть не может. А ведь ты знаешь: мужчине очень приятно показываться с женщиной, когда она одета, как картинка, и слышать, как другие парни говорят: «С кем это сегодня Билл? Правда, прелесть? И я бы от такой не отказался!» Ну, и все в таком роде.

И Саксон, прижавшись к его щеке, чувствовала, что она вполне вознаграждена за долгие часы ночного бдения, когда после мучительного трудового дня ее голова невольно клонилась над шитьем: она старалась восстановить в памяти и украдкой перенять фасоны тех нарядных вещей, которые каждый день разглаживала.

— Знаешь, Саксон? Я придумал тебе новое имя. Ты мой Эликсир Жизни. Вот ты кто!

— И я тебе никогда не надоем? — спросила она.

— Надоешь? Да мы же созданы друг для друга!

— Разве не удивительно, что мы встретились. Билли?

Ведь мы могли никогда и не встретиться. Это чистая случайность…

— Значит, такие уж мы счастливцы! — воскликнул он. — Так нам было на роду написано!

— А может, наша встреча больше, чем счастливая случайность, — задумчиво проговорила она.

— Наверняка. Мы должны были встретиться. Мы не могли не найти друг друга.

Они замолчали и сидели в тишине, не замечая времени, отдавшись любви, невыразимой словами. Затем она почувствовала, как он привлек ее ближе, и его губы прошептали у самого ее уха:

— А не пойти ли нам спать? Много вечеров провели они так вдвоем; а случалось, они вносили в них некоторое разнообразие — ходили на танцы, в кинематограф, в театр Орфей или театр Белла, либо на музыку, которая играла вечером по пятницам в городском парке. Порой по воскресеньям Саксон брала с собой завтрак, и они уезжали в горы в коляске, запряженной Принцем и Королем, которых хозяин по-прежнему охотно давал Биллу для проездки.

Каждое утро Саксон просыпалась от звонка будильника. В первый день их совместной жизни Билл настоял на том, чтобы встать вместе с ней и развести огонь в плите. В этот раз Саксон уступила ему, но затем стала накладывать дрова с вечера, так что утром оставалось только поднести к ним спичку. И она убедила его, что можно еще подремать в постели, пока завтрак не будет готов. Первое время она готовила ему завтрак, затем с неделю он ходил домой обедать. А потом был принужден брать что-нибудь с собой. Все зависело от того, в какой части города он работал.

— Ты неправильно себя поставила с мужем, — заявила ей однажды Мери. — Ты так ухаживаешь за ним, что окончательно его избалуешь. Это ему за тобой ухаживать надо, а не тебе за ним…

— Да ведь зарабатывает он, — возразила Саксон. — Его труд гораздо тяжелее моего, а у меня свободного времени хоть отбавляй. И потом — мне хочется ухаживать за ним, потому что я его люблю… Ну и… просто… мне хочется.

Глава вторая

Несмотря на то, что Саксон вела хозяйство крайне тщательно, вскоре, когда она распределила все свои ежедневные обязанности, оказалось, что у нее остается много свободного времени. Особенно в те дни, когда Билл брал с собой завтрак и ей не нужно было готовить полдник, Саксон имела в своем распоряжении несколько свободных часов. Привыкнув годами работать на фабрике или в прачечной, она тяготилась этой неожиданной праздностью. Ей было трудно сидеть без дела, но и ходить в гости к своим проясним подругам она не могла, — те были весь день на работе. С соседками же она еще не успела свести знакомство, кроме одной старухи, которая жила рядом; с этой женщиной они иногда перекидывались несколькими словами через забор, разделявший их дворы.

Одним из любимейших ее занятий стало купанье, и она имела возможность наслаждаться этим неограниченно. В приюте и у Сары она привыкла брать ванну только раз в неделю. Когда она подросла, ей захотелось мыться чаще. Но такое желание вызвало сначала насмешки со стороны Сары, а затем и ее гнев. Сама Сара выросла в те годы, когда было в обычае купаться только по субботам, и в поползновении Саксон мыться больше чем раз в неделю она усматривала нечто высокомерное и оскорбительное для своей личной чистоплотности. По ее мнению, это значило попусту переводить дрова и прибавлять к семейной стирке лишние полотенца. Но теперь у Саксон была собственная плита, ванна, полотенца и мыло, и никто не мог ничего ей запретить, — поэтому она ежедневно наслаждалась купаньем. Правда, ванной ей служил просто большой бак для стирки, она ставила его в кухне на пол и наливала воду ведром, но все же это была роскошь, и возможность пользоваться ею она получила только в двадцать четыре года. Старуха соседка открыла ей в случайном разговоре главную прелесть такого купания: оказывается, совсем простая штука — нужно влить в воду несколько капель нашатырного спирта. Саксон никогда раньше об этом не слышала.

Ей вообще было суждено узнать от этой странной женщины еще очень многое. Они познакомились ближе, когда Саксон однажды развешивала во дворе свои выстиранные лифчики и несколько штук самого тонкого белья. Старуха стояла, облокотившись на перила

своего крыльца, и, поймав взгляд молодой женщины, кивнула ей, причем Саксон показалось, что этот кивок предназначается не столько ей самой, сколько ее развешанному белью.

— Вы только что замуж вышли? Верно? — спросила женщина. — Меня зовут миссис Хиггинс. Но я предпочитаю, чтобы меня звали по имени — Мерседес.

— Меня зовут миссис Роберте, — ответила Саксон, испытывая радостное волнение оттого, что может называться этой новой фамилией. — А имя мое Саксон.

— Странное имя для янки, — заметила собеседница.

— О, я не янки, я из Калифорнии, — воскликнула Саксон.

— О-ля-ля! — засмеялась миссис Хиггинс. — Я забыла, что мы в Америке. В других странах всех американцев зовут янки. Значит, вы недавно вышли замуж?

Саксон кивнула с радостным вздохом. Мерседес тоже вздохнула.

— Ах вы, счастливое, нежное молодое создание!.. Я готова вам бешено завидовать! Перед вами вся жизнь, и вы можете любого мужчину обернуть вокруг своего хорошенького пальчика. Но вы даже не понимаете своего счастья. Ни одна женщина его не понимает, а потом уже слишком поздно.

Саксон была смущена и удивлена этим заявлением, однако ответила с готовностью:

— О, я знаю, что я счастливая. Мой муж лучше всех на свете.

Мерседес Хиггинс снова вздохнула и перевела разговор на другое. Она кивком указала на белье.

— Вы, я вижу, любите красивые вещи. Очень похвально, молодой женщине так и следует. Это прекрасная приманка для мужчин, — от тряпок зависит половина дела. Такими вещами их завоевывают, а потом удерживают… Вы ведь хотите удержать своего мужа, чтобы он был с вами всегда-всегда?

— Конечно. И я сделаю так, что он будет всегда-всегда любить меня.

Саксон умолкла, смущенная своей неожиданной откровенностью с этой чужой женщиной.

— Странная штука — любовь мужчины, — продолжала Мерседес. — И ошибка всех женщин в том, что они воображают, будто мужчина для них — открытая книга. Именно по незнанию мужчин большинство женщин и становятся несчастными, но все-таки продолжают верить, что они мужчин прекрасно понимают. Ах, дурочки, дурочки! Значит, вы, маленькая женщина, надеетесь, что заставите мужа всю жизнь любить вас? Так все говорят, думая, что знают и причуды мужского сердца и их самих. Но, уверяю вас, легче получить главный выигрыш в лотерее «Литтл Луизиана», чем достигнуть этого, и бедные молодые женщины всегда слишком поздно убеждаются в своей ошибке. Хотя вы — вы начали хорошо. Следите за собой и носите изящное белье. Чем вы мужа покорили — тем и удержите. Но это далеко не все. Когда-нибудь мы поговорим с вами, и я расскажу вам то, что, к сожалению, очень немногие женщины хотят знать, а узнают только исключения. Саксон! Какое энергичное и красивое имя. Но оно к вам не подходит. Не думайте, я наблюдала за вами, вы скорее француженка. Да, в вас есть что-то французское, несомненно. Передайте мистеру Робертсу, что я поздравляю его с таким удачным выбором. — Она замолчала и взялась за ручку кухонной двери. — Заходите ко мне

как-нибудь. Не пожалеете. Я многому могу вас научить. Приходите вечерком. Мой муж служит ночным сторожем на вокзале и днем отсыпается. Вот и сейчас он спит.

Саксон вернулась к себе задумчивая и заинтригованная. Эта худая смуглая женщина, с лицом поблекшим и словно опаленным зноем, с большими черными глазами, сверкающими и горящими каким-то неугасимым внутренним пламенем, казалась ей необыкновенной. Она, конечно, стара — так между пятым и седьмым десятком. В ее волосах, когда-то черных, как вороново крыло, уже белеет немало седых прядей. Особенно удивила Саксон чистота ее речи. Язык Мерседес был гораздо лучше того, к какому Саксон привыкла. Однако Мерседес не американка. С другой стороны, она говорит без всякого акцента. И налет чего-то иностранного в ее речи настолько неуловим, что трудно определить его.

— Ага, — отозвался Билл, когда она рассказала ему вечером о своем знакомстве. — Так вот она какая — миссис Хиггинс! Да, ее муж — ночной сторож. У него нет руки. Оба они — занятная парочка! Есть такие, что даже боятся ее. Некоторые старушки ирландки и даго считают ее колдуньей и не хотят иметь с ней никакого дела. Берт рассказывал мне. Есть и такие, что твердо верят, будто, если она разозлится или ей не понравится чья-нибудь физиономия или еще что-нибудь, достаточно ей посмотреть на того человека, и он — хлоп наземь и умер. Один из наших конюхов — да ты видала его, Гендерсон, он живет тут за углом на Пятой,

— уверяет, что у нее не все дома.

— Не знаю, право, — отозвалась Саксон, желая вступиться за свою новую знакомую. — Может быть, она и сумасшедшая, но говорит она то же самое, что и ты: будто я похожа на француженку, а не на американку.

— В таком случае я начинаю уважать ее, — ответил Билл. — Значит, котелок у нее варит.

— И она говорит на таком правильном английском языке. Билли, прямо как учитель в школе… мне кажется, так говорила моя мама. Она образованная.

— Уж, наверное, она не сумасшедшая, раз так тебе понравилась.

— Она велела поздравить тебя, что ты выбрал меня. «У вашего мужа хороший вкус», говорит… — засмеялась Саксон.

— Да? Тогда передай ей от меня сердечный привет; она, как видно, умеет ценить хорошее, и ей следовало бы собственно поздравить и тебя с выбором хорошего мужа!

Несколько дней спустя Саксон опять встретилась с соседкой, и Мерседес Хиггинс снова кивнула головой не то молодой женщине, не то белью, которое та развешивала для просушки.

— Я смотрю, как вы стираете, маленькая женщина, — приветствовала ее старуха. — Смотрю и огорчаюсь.

— Что вы! Я четыре года работала в прачечной, — поспешно ответила Саксон.

Мерседес презрительно засмеялась:

— Паровая прачечная? Подумаешь, стирка!.. Дурацкая работа. В паровую прачечную должно было бы попадать только самое обыкновенное белье, — на то оно и обыкновенное. Но изящные вещи, кружевные, легкие

— о-ля-ля, милочка, они требуют особой стирки, это целое искусство! Тут нужен ум, талант, осторожность и такое же деликатное обращение, как деликатны сами эти вещицы. Я вам дам рецепт домашнего мыла. Оно не портит ткани, оно придает ей мягкость, белизну и оживляет ее. Вы будете носить такие вещи очень долго, ведь белое никогда не надоедает. Да, стирка — дело тонкое, настоящее искусство! Стирать нужно так, как рисуют картину или пишут стихотворение, — с любовью, благоговейно; это своего рода священнодействие.

Я научу вас, милочка, всяким занятным штукам, о каких янки и понятия не имеют. Я научу вас новой красоте! — Она опять кивнула на белье. — Вы вяжете кружева? Я знаю все виды кружев: бельгийские, мальтийские, мехельнские — все, все сорта кружев, самых восхитительных! И я научу вас плести те, которые попроще, чтобы вы могли делать их сами и ваш милый муж любил вас всегда, всегда.

В первое свое посещение старухи Хиггинс молодая женщина получила от нее рецепт, как изготовлять домашнее мыло, и самые подробные наставления относительно стирки тонкого белья. Кроме того, Саксон была потрясена и взволнована всеми странностями и причудами, таившимися в этой увядшей женщине, от рассказов которой веяло дыханием далеких стран и чуждых морей.

— Вы испанка? — решилась спросить Саксон.

— И да и нет, как говорится — ни то ни се. Мой отец — ирландец, моя мать — испанка из Перу. На нее я походка лицом и цветом кожи, но похожа чем-то и на отца — голубоглазого мечтательного кельта с песней на устах, неутомимыми ногами и роковой страстью к путешествиям, — она и погубила его. Эта страсть передалась и мне и увела меня в такие же дали, как увлекла когда-то и его.

Саксон вспомнила школьную географию, и ей смутно представилась географическая карта с материками и изломанной линией их берегов.

— О! — воскликнула она. — Значит, вы из Южной Америки!

Мерседес пожала плечами.

— Человеку надо где-то родиться. У моей матери было огромное ранчо. Весь Окленд поместился бы на самом маленьком из ее пастбищ.

Старуха, улыбаясь, вздохнула и на некоторое время погрузилась в свои воспоминания. Саксон очень хотелось узнать как можно больше об этой женщине, которая, вероятно, прожила свою юность так, как жили когда-то в испанской Калифорнии.

— Вы, должно быть, получили хорошее образование? — начала Саксон вопросительно. — Вы так безукоризненно говорите по-английски.

— Ах, английский — ему я научилась потом, не в школе. Да, я получила хорошее образование и знала многое, только не знала главного

— мужчин. Это тоже пришло потом. Моей матери, конечно, никогда и не снилось, — она была страшно богатой леди, тем, что вы называете «королевой пастбищ», — ей, конечно, и не снилось, что я, несмотря на свое образование, окажусь в конце концов женой ночного сторожа. — Она засмеялась над нелепостью этого предположения. — У нас дома были сотни, даже тысячи ночных сторожей и рабочих, и все они нам служили. Были и пеоны — это, по здешним понятиям, почти что рабы — и ковбои, которым приходилось делать двести миль

верхом, чтобы проехать ранчо из конца в конец. А уж слуг в доме нельзя было и сосчитать. Да, да, у моей матери их были десятки.

Мерседес Хиггинс, болтливая, как гречанка, продолжала делиться с Саксон своими воспоминаниями.

— Но все они были ужасно грязные и ленивые. Вот китайцы, как правило, — превосходные слуги. Японцы тоже, если попадутся надежные; хотя китайцы все-таки лучше. Служанки-японки — хорошенькие и веселые, но в любую минуту могут все бросить и уйти от вас. Индусы слабосильны, но очень послушны. Их сагибы и мэмсагибы для них прямо какие-то божества! Я была для них мэмсагиб, потому что я женщина. У меня был однажды повар, русский, — так он всегда плевал в плиту — «на счастье». Очень смешно. Но мы мирились с этим. Таков обычай.

— Вы, наверно, много путешествовали, раз у вас были такие странные слуги? — спросила Саксон, чтобы старуха продолжала свой рассказ.

Мерседес засмеялась и кивнула.

— Но чуднее всего — это черные рабы в Океании: маленькие, курчавые, с костяными украшениями, продетыми через нос. Когда они лодырничали или крали, их привязывали к стволу кокосовой пальмы за оградой и стегали кнутами из кожи носорога. Они были с острова людоедов и охотников за головами и никогда не издали ни одного стона. Этого требовала их гордость. Я помню маленького Виби — ему было всего двенадцать лет, — он прислуживал мне; и когда ему исполосовали всю спину и я плакала над ним, он только смеялся и говорил: «Подожди еще чуточку, и я отрежу голову большому белому хозяину». Он имел в виду Брюса Анстея, англичанина, который его избил. Но маленькому Виби так и не досталась голова хозяина. Он убежал, и дикари ему самому отрезали голову и съели его начисто.

У Саксон пробежал мороз по коже, лицо ее потемнело, а Мерседес Хиггинс продолжала трещать:

— Ах, какие это были веселые, бурные и дикие времена! Вы не поверите, дорогая, эти англичане с плантаций выпили за три года целое море шампанского и шотландского виски и истратили тридцать тысяч фунтов. Заметьте, не долларов, а фунтов, а это составляет сто пятьдесят тысяч долларов. Но пока было что тратить, они жили, как короли. Это была великолепная, сказочная и безумная, совершенно безумная жизнь.

Чтобы уехать, мне пришлось продать в Новой Зеландии половину моих замечательных драгоценностей. В конце концов Брюс Анстей застрелился. Роджер поступил штурманом на торговое судно с черной командой, за восемь фунтов в месяц. А Джэк Гилбрайт был самый чудной из всех. Он происходил из богатой и знатной семьи. Вернувшись в Англию, он стал торговать мясом для кошек в окрестностях своего родового замка и делал это до тех пор, пока родственники не дали ему денег на покупку каучуковой плантации, и он уехал не то в Индию, не то на Суматру, а может быть на Новую Гвинею… Не помню.

Вернувшись домой и стряпая в кухне обед для Билла, Саксон долго думала о том, какие неистовые желания и страсти заставили эту старуху с обожженным солнцем лицом совершить весь огромный путь — от роскошного перуанского ранчо до Окленда и — до Барри Хиггинса. Старик Хиггинс не принадлежал к числу тех, кто выбросил бы деньги на шампанское, да у него, вероятно, и случая такого не было. В своих рассказах она упоминала имена других мужчин, но не его.

Еще не раз Мерседес пускалась в воспоминания; о многом она говорила лишь отрывочно,

намеками. Не было, кажется, ни одной страны, ни одного большого города в Старом и Новом Свете, где бы она не побывала. Она посетила десять лет тому назад даже Клондайк и несколькими яркими штрихами обрисовала своей слушательнице закутанных в меха и обутых в мокасины золотоискателей, которые сорили в барах золотым песком, стоившим не одну тысячу долларов. Казалось, миссис Хиггинс всегда имела дело только с такими мужчинами, для которых деньги — все равно что вода.

Глава третья

Саксон, занятая тем, как удержать любовь Билла, сохранить свежесть их взаимного чувства и никогда не спускаться с тех вершин, которых они сейчас достигли, охотно встречалась с миссис Хиггинс и слушала ее рассказы. Ведь та знала, должна была знать, секрет вечного счастья. Недаром Мерседес сама не раз делала намеки на то, что ей ведомо больше, чем заурядным женщинам.

В течение ближайших недель молодая женщина часто бывала у нее, но старуха говорила о чем угодно, только не об интересовавших Саксон предметах. Она учила ее плести кружева, стирать тонкое белье и закупать провизию. Однажды Саксон нашла Мерседес более оживленной, чем обычно. Журчащая речь старухи лилась особенно торопливо. Глаза пылали, пылали и щеки. И слова жгли, точно пламя. В комнате пахло спиртом, и Саксон поняла, что Мерседес напилась. Испуганная и оробевшая, Саксон все же уселась рядом с ней и, подрубая носовой платок для Билла, стала слушать ее беспорядочную, отрывистую речь.

— Так вот, милочка. Я вам расскажу про мужчин. Не будьте такой глупой, как другие, которые считают, что я сумасшедшая, колдунья, что у меня дурной глаз. Ха-ха! Как вспомню эту дурочку Мэгги Донэхью, — она всегда закрывает платком своего ребенка, когда мы встречаемся на улице, — а мне просто смешно. Да, я была колдуньей, но я околдовывала мужчин. О, я мудра, очень, очень мудра, дорогая моя! Я расскажу вам, как женщины любят мужчин и как мужчины любят женщин — все равно: и хорошие мужчины и дурные. О том, какое животное сидит в каждом мужчине, и о некоторых их странностях, разбивающих сердца женщинам, которые не понимают того, что нужно понимать, — ибо все женщины дуры. Но я не дура. Да, да, послушайте.

Я сейчас старуха; как женщина, я не скажу вам, сколько мне лет, — но я и до сих пор сохранила власть над мужчинами. И я могла бы ее сохранить, будь я даже столетней и беззубой. Не над молодыми, конечно,

— те были моими рабами в мои молодые годы, — нет, над старыми, как и подобает моему возрасту. И хорошо, что я обладаю этой властью. У меня нет ни денег, ни родных, никого в целом мире, — у меня есть только моя мудрость и мои воспоминания; один пепел, но пепел царственный и драгоценный. Такие старухи, как я, обычно или нищенствуют и умирают с голоду, или идут в богадельню, но не я. Я добыла себе мужа. Правда, это только Барри Хиггинс… старик Барри, грузный, как бык; но, дорогая моя, он все же мужчина, и притом со странностями, как и все они. Правда, у него одна рука, — Она пожала плечами. — Зато он не может меня бить, а ведь старые косточки становятся особенно чувствительными, когда мясо на них высыхает и теряет свою упругость.

Но я вспоминаю моих молодых любовников, безумцев, одержимых безумием юности… Да, я жила. С меня хватит! И я ни о чем не жалею. А со стариком Барри мне спокойно, — я знаю, что у меня есть кусок хлеба, кров и угол у огня. А почему? Да потому, что я умею обходиться с мужчинами и никогда не разучусь. Такое знание и горько и сладостно, — нет, скорее сладостно. Ах, мужчины, мужчины! Конечно, не тупицы, не жирные свиньи-дельцы, а мужчины

с темпераментом, с огнем, — может быть, безумцы, но особое, стоящее вне закона племя безумцев.

Маленькая женщина, я хочу вас научить мудрости! Разнообразие — вот в чем тайна этой магии, вот ее золотой ключ, вот игрушка, которая забавляет мужчин. Если муж этого не найдет в жене, он будет вести себя, как турок; а если найдет — он ее раб, верный раб. Жена должна воплощать в себе многих женщин. И если вы хотите, чтобы ваш муж: вас любил, вы должны воплотить в себе всех женщин на свете. Будьте всегда новой, иной. Пусть на вас всегда сверкает утренняя роса новизны, будьте ярким цветком, который никогда не раскрывается вполне и поэтому никогда не вянет. Будьте целым садом, полным всегда новых, всегда свежих, всегда неожиданных цветов, и пусть мужчина не воображает, что в этом саду он сорвал последний.

Слушайте меня, маленькая женщина! В саду любви живет змея. Имя ей

— пошлость. Наступите ей на голову, иначе она погубит ваш сад. Запомните это слово: пошлость. Никогда слишком не откровенничайте. Мужчины только кажутся грубыми. На самом деле женщины гораздо грубее… Нет, милочка, не спорьте; вы еще девочка. Женщины менее деликатны, чем мужчины. Неужели я не знаю? Они рассказывают друг другу самые интимные вещи о своих отношениях с мужьями; мужчины же о женах никогда не рассказывают. Чем объяснить такую откровенность? По-моему, только одним: во всем, что касается любви, женщины менее деликатны, чем мужчины. В этом и состоит их ошибка. Тут-то и кроется начало всякой пошлости. Пошлость — отвратительный слизняк, который оскверняет и разрушает любовь.

Будьте деликатны, маленькая женщина. Будьте всегда под покрывалом, под многими покрывалами. Закутывайтесь в тысячи радужных сверкающих оболочек, в прекрасные ткани, украшенные драгоценными камнями. И никогда не давайте сорвать с себя последнего покрывала. Каждый раз набрасывайте на себя все новые, и так — без конца. Но не давайте мужу это заметить. Пусть жаждущий вас возлюбленный будет уверен, что вас отделяет от него только одно, последнее, покрывало, что каждый раз именно его-то он и срывает. Пусть он будет в этом уверен. На самом деле должно быть иначе: пусть наутро он убедится, что последний покров все же ускользнул у него из рук, — и тогда он не узнает пресыщения.

Помните, каждое покрывало должно казаться последним и единственным. Пусть он всегда думает, что вы оставили последнее в его руках; новое приберегите на завтра; и на все будущие завтра оставляйте больше того, что вы открыли. Тогда вы каждый день будете казаться мужу новой и неожиданной, и он станет искать эту новизну не у других женщин, а у вас. Ведь и к вам вашего мужа привлекли свежесть и новизна вашей красоты, ваша тайна. Когда мужчина сорвал цветок и вдохнул всю сладость его аромата, он ищет других цветов. В этом его особенность. Вы всегда должны оставаться для него цветком, который почти сорван и все же не дается в руки, источником сладости, который так и останется неизведанным до конца.

Глупы те женщины, — впрочем, они все глупы, — которые воображают, будто, завоевав мужчину, они достигли окончательной победы. А потом успокаиваются, жиреют, вянут, киснут и становятся несчастными. Увы, они, к сожалению, слишком глупы. Но вы, маленькая женщина, пусть ваша первая победа в любви превратится в бесконечный ряд побед. Каждый день вы должны заново покорять своего мужа. А когда вы выиграете последнюю битву и увидите, что завоевывать уже нечего, — любовь умрет. Конец настанет неизбежно, — но пока его нет, пусть ваш муж бродит по волшебным садам. Запомните, что любовь должна оставаться ненасытной. Пусть она возбуждает голод, острый, как лезвие ножа, он никогда не должен быть утолен вполне. Следует хорошо кормить своего возлюбленного; насыщайте, насыщайте его, но

отпускайте несытым, — и он вернется к вам еще более голодным.

Миссис Хиггинс внезапно встала и вышла из комнаты. Саксон не могла не заметить, какая легкость и грация были в ее исхудавшем, увядшем теле.

Когда старуха вернулась, молодая женщина еще раз проверила свое впечатление: нет, грация и легкость ей не померещились.

— Я вам показала только первые буквы в азбуке любви, — сказала та, снова усаживаясь.

Она держала в руках небольшой музыкальный инструмент из на диво отполированного драгоценного дерева, напоминавший четырехструнную гитару. Мерседес стала ритмически перебирать струны и запела тонким, но приятным голосом какую-то мелодию, какую-то странную песнь на чужом языке, состоявшую только из чередования гласных, звучавших с особой тягучей и страстной мягкостью. И в голосе и в звуках аккомпанемента слышалась трепетная дрожь; они то нарастали в каком-то чувственном порыве, то гасли, переходя в ласкающий шепот, и словно замирали в сладостном изнеможении, затем вновь поднимались до воплей бешеного, всепокоряющего желания, и опять нежные жалобы сплетались с безумным лепетом, обещавшим любовь. Это пение настолько захватило Саксон, что она скоро почувствовала себя самое каким-то напряженно и страстно звучащим инструментом. Ей казалось, что все это сон; и когда Мерседес кончила, голова у нее кружилась.

— Если муж к вам охладеет и все в вас покажется ему давно известным, как старый знакомый рассказ, спойте ему эту песню, как я спела, и его объятия снова для вас раскроются и в глазах вспыхнет прежнее безумие. Видите, в чем тут дело, дорогая? Понимаете?

Саксон только молча кивнула головой. Ее губы пересохли, она не могла произнести ни слова.

— Это золотое коа, король лесов, — задумчиво бормотала Мерседес, склоняясь над инструментом. — Укулеле — как этот инструмент называют на Гавайе, что означает: «прыгающая блоха». У гавайцев золотистая кожа; это племя любовников, покорное чарам теплых и освежающих тропических ночей, насыщенных дыханием муссонов.

И снова она ударила по струнам и запела на другом языке. Саксон решила, что это по-французски. То была лукавая, задорная, жгучая песенка. Большие глаза Мерседес расширялись и начинали сверкать, затем сужались, как у хищника, и становились коварными. Кончив, она обернулась к Саксон, ожидая ее одобрения.

— Мне эта песня нравится меньше, — отозвалась Саксон.

Мерседес пожала плечами.

— Каждая из них по-своему хороша, маленькая женщина, — вам еще многому надо научиться. Иногда мужчин покоряют вином, а иногда их можно привлечь хмельной песней. Вот они какие чудные. Да, да, способов много, очень много. Тут действуют и наша наружность и наши наряды. Это волшебная сеть. Ни один рыбак так успешно не ловит рыбу в море своими сетями, как мы — мужчин всеми этими нашими финтифлюшками. Вы на верной дороге. Я видела мужчин, плененных вот такими же лифчиками, как ваши,

— там, на веревке, — они не были ни роскошнее, ни изящнее.

Я назвала стирку тонкого белья — искусством, но важно оно не само по себе. Высшее искусство в мире — это искусство покорять мужчин. Любовь — конечная цель всех искусств, и

она же их первооснова.

Слушайте: во все века и времена живали великие мудрые женщины. Им незачем было быть красивыми, — их мудрость была выше всякой красоты. Принцы и монархи склонялись перед ними, из-за них сражались народы, гибли целые государства, ради них основывались религии. Афродита, Астарта — владычица ночи… Слушайте, маленькая женщина, о великих женщинах, покорявших мужчин целых стран.

И тогда Саксон, потрясенная, услышала какую-то невероятную смесь всяких историй, в которой отдельные фразы, казалось, были полны сокровенного значения. Перед нею мелькали просветы каких-то невообразимых и непостижимых бездн, таивших в себе ужасы и преступления. Речь этой женщины текла, как лава, все сжигая и испепеляя на своем пути. Щеки, лоб и шея Саксон были залиты румянцем, пылавшим все жарче. Она трепетала от страха, минутами подступала тошнота, ей казалось, что она сейчас потеряет сознание, — такой вихрь подхватил и перепутал все ее мысли. Однако она не могла оторваться от этих рассказов и слушала, слушала, уронив на колени забытое шитье и вперяясь внутренним взором в мелькавшие перед нею чудовищные картины, превосходившие всякое воображение. И когда ей уже казалось, что она больше не выдержит, и она, облизывая сухие губы, хотела крикнуть, чтобы Мерседес замолчала, та вдруг действительно умолкла.

— На этом я кончаю первый урок, — сказала она хрипло, затем рассмеялась каким-то вызывающим сатанинским смехом. — Что с вами? Вы шокированы?

— Мне страшно, — пробормотала Саксон прерывающимся голосом и судорожно всхлипнула. — Вы меня напугали. Я такая глупая, ничего не знаю, я даже вообразить не могла… что это… бывает…

Мерседес кивнула.

— Да, можно действительно испугаться, — сказала она. — Это чудовищно, это величественно, это великолепно!

Глава четвертая

Саксон не привыкла закрывать глаза на жизнь, хотя ее кругозор и был крайне ограниченным. С детства, проведенного у трактирщика Кэди и его добродушной, хотя не слишком добродетельной супруги, она многое видела, наблюдала за отношениями между мужчиной и женщиной и в более зрелые годы сделала из всего этого соответствующие выводы. Лишь немногие женщины, к какому бы сословию они ни принадлежали, задумывались с такой серьезностью над тем, как удержать любовь мужа после первой брачной ночи, и лишь немногие девушки из рабочего класса придавали такое значение выбору подходящего мужа.

Саксон создала себе свою, очень разумную, философию любви. Ее — и сознательно и инстинктивно — тянуло ко всему утонченному, она избегала всякой пошлости и банальности. Она прекрасно понимала, что, роняя себя, она роняет любовь. За все эти месяцы их брака Билл ни разу не видел ее безвкусно одетой, раздражительной, вялой. Она распространила и на весь дом присущую ей самой атмосферу свежести, спокойствия и сдержанности. Она понимала также значение маленьких неожиданностей, сюрпризов и очаровательных мелочей. У нее было живое воображение и деятельный ум. Она знала, что Билл — находка; она ценила его пылкость любовника и гордилась ею. Его щедрость, его желание, чтобы у них было все самое лучшее, его чистоплотность и привычка к опрятности ставили его в ее глазах значительно выше большинства мужчин. Он никогда не позволял себе быть грубым, на деликатность он отвечал

деликатностью, — хотя она понимала, что почин исходит от нее и должен всегда от нее исходить. Билл действовал чаще всего бессознательно, сам не зная, отчего и почему. Зато она ясно и трезво судила обо всем — и считала его идеальным мужем.

Разговоры с Мерседес Хиггинс заставили Саксон не только осознать до конца, что ее главная задача — удержать любовь. Билла, они не только обогатили ее знаниями и опытом, но и значительно расширили ее жизненный кругозор. Старуха помогла Саксон проверить ее собственные выводы, пробудила в ней новые мысли, прояснила прежние, подчеркнула трагическую важность всей проблемы брака в целом. Многое из ее безумных речей Саксон запомнила, многое она и прежде угадывала и чувствовала, а многое так и осталось за пределами ее понимания. Однако смысл всех этих покрывал и цветов и правило о том, что, одаряя, надо всегда что-то утаивать, она очень хорошо усвоила, и ей казалось, что более глубокой и мудрой философии любви и быть не может. Все предстало перед ней в новом свете. Саксон перебрала в памяти все браки, какие знала, и увидела совершенно отчетливо, как и почему они оказались неудачными.

С удвоенным жаром отдалась Саксон хозяйству, нарядам, заботам о своей наружности. Провизию она покупала самую лучшую, хотя никогда не забывала о необходимости экономить. Из воскресных приложений и женских журналов в ближайшей читальне она почерпнула много полезного относительно того, как ухаживать за собой. Она систематически занималась гимнастикой, а также массажем, чтобы сохранить силу и упругость мышц, свежий, здоровый цвет кожи. Билл ни о чем не догадывался. Да и незачем ему было все это знать. Его касались только результаты. В библиотеке Карнеги она доставала книги по физиологии и гигиене и узнала множество таких вещей о самой себе и о здоровье женщины, о которых ей не говорили ни Сара, ни приютские воспитательницы, ни миссис Кэди.

После долгих обсуждений Саксон, наконец, подписалась на женский журнал, выкройки и советы которого больше всего отвечали ее вкусам и средствам. Другие журналы получала читальня, и Саксон унесла с собой оттуда не один тщательно срисованный узор кружева или вышивки. Подолгу простаивая перед витринами магазинов льняных изделий, она изучала выставленные в них образцы, а делая мелкие покупки, не могла удержаться от того, чтобы не полюбоваться какими-нибудь модными вышивками в отделе дамского белья. Она даже соблазнилась как-то чайным сервизом, разрисованным от руки, но пришлось отказаться от мысли его купить, так как он стоил слишком дорого.

Постепенно она заменила свое простенькое девичье белье новым, хотя и скромным, но отделанным прекрасной французской вышивкой, складочками и ажуром. Она обвязала кружевами дешевенькое трикотажное белье, которое носила зимой. Сделала себе лифчики и рубашки из тонкого, хоть и недорогого полотна, а ее ночные сорочки благодаря вышитым на них цветам и искусной стирке выглядели всегда свежими и нарядными. В одном журнале она прочитала, что в Париже только что начали носить за утренним завтраком очаровательные ночные чепчики с гофрированными оборками. Ее нисколько не смущало то, что ей в ее положении приходится сначала самой приготовлять этот завтрак. Тотчас же был куплен ярд швейцарского батиста, вышитого белым горошком, и Саксон погрузилась в выбор фасона для чепчика и в пересмотр всяких кружевных обрезков, годных для отделки. Сшитый ею прелестный чепчик заслужил живейшее одобрение Мерседес Хиггинс.

Для дома она сшила себе простенькие капоты из хорошенького ситца, с отложным воротом, открывавшим ее свежую точеную шейку. Она навязала целые ярды кружев для белья и нашила массу салфеточек и дорожек для обеденного стола и шифоньерки. Особенно радовался Билл приобретению афганского покрывала на постель. Саксон даже отважилась расстелить перед кроватью ковер из лоскутков, так как вычитала в женских журналах, что такие ковры стали

опять входить в моду. Кроме того, она приобрела все столовое и постельное белье из самого лучшего полотна, какое им позволяли их средства, и отделала его ажурной строчкой.

В эти счастливые месяцы их супружеской жизни она ни одной минуты не сидела сложа руки. Не забывала она и о Билле. С наступлением зимы связала ему напульсники, и он каждое утро, выходя из дому, благоговейно натягивал их, а затем, дойдя до угла, клал в карман. Два свитера ее изделия удостоились лучшей участи, так же как и туфли, которые она заставляла Билла надевать по вечерам, если они оставались дома.

Мерседес Хиггинс с ее трезвым практическим умом оказывала ей огромную помощь, и Саксон усердно старалась раздобывать все самое лучшее и вместе с тем откладывать деньги. И тут ей пришлось столкнуться с современной экономической и финансовой проблемой ведения хозяйства при таком социальном строе, когда цены растут быстрее, чем заработная плата. Однако Мерседес научила ее, где и как закупать провизию, чтобы та обходилась ей вдвое дешевле, чем соседкам.

По субботам Билл неизменно высыпал ей в передник весь свой недельный заработок. Он ни разу не потребовал у нее отчета в ее тратах и постоянно уверял, что никогда так хорошо не питался. Еще не притронувшись к деньгам, она обычно просила его оставить себе столько, сколько ему понадобится на этой неделе. И не только это: она требовала, чтобы он в любое время брал сверх того, сколько ему захочется, на экстренные расходы. Пусть он даже не объясняет ей, для чего ему нужна эта сумма.

— Ты ведь привык всегда при себе иметь деньги, — говорила она. — Почему же ты, женившись, должен стеснять себя? Нет, нет, а то я пожалею, что вышла за тебя. Разве я не знаю: когда мужчины бывают вместе, они любят угощать друг друга. Сначала один, потом другой… и тут нужны деньги. Если ты не сможешь тратить так же свободно, как они,

— я ведь знаю тебя, — ты будешь держаться в стороне. А это совсем не годится, как мне кажется. Я хочу, чтобы у тебя были товарищи, — мужчине нужно иметь товарищей.

Тогда Билл сжимал ее в объятиях и клялся, что она самая замечательная маленькая женщина, какая когда-либо существовала на свете.

— Подумай! — радостно восклицал он, — Я не только лучше ем, живу с большим комфортом и могу угощать приятелей, я теперь даже откладываю деньги — вернее, ты! И за мебель выплачиваю аккуратно, и женушка у меня такая, что я по ней с ума схожу, и в довершение всего — даже есть деньги в сберегательной кассе. Сколько у нас теперь?

— Шестьдесят два доллара, — заявила она. — Не так плохо на черный день! Ты можешь заболеть, расшибиться, мало ли что…

Однажды, в середине зимы, Билл, явно смущенный, заговорил о деньгах. Его старинный друг Билл Мэрфи схватил грипп, а один из его мальчиков, играя на улице, попал под экипаж, и его здорово помяло. Билл Мэрфи еще не оправился после двух недель лежания в постели, и он просил Робертса одолжить ему пятьдесят долларов.

— Тут мы ничем не рискуем, он отдаст, — уверял Билл. — Я знаю его с детства, вместе в школу ходили. Он парень надежный.

— Дело совсем не в том, — отозвалась Саксон, — ведь если бы ты был холост, ты бы ему сейчас же одолжил эти деньги, верно?

Билл кивнул.

— Ну и ничего не изменилось оттого, что ты женат. Деньги-то ведь твои, Билл.

— Вовсе нет, черт возьми! — воскликнул он. — Не только мои. Наши! Я бы никому на свете их не одолжил, не поговорив с тобой.

— Надеюсь, ты ему этого не сказал? — озабоченно спросила Саксон.

— Да нет, — рассмеялся Билл. — Я ведь знаю, что ты бы рассердилась. Я сказал ему, что постараюсь раздобыть. В душе я ведь был уверен, что ты согласишься, раз деньги есть.

— О, Билли, — прошептала она голосом, трепещущим от любви. — Ты, может быть, не знаешь, но это самое приятное, что ты мне сказал за все время нашего брака.

Чем чаще Саксон виделась с Мерседес Хиггинс, тем меньше ее понимала. Что старуха ужасно скупа, молодая женщина заметила очень скоро, и эта черта никак не вязалась с рассказами Мерседес о своей былой расточительности. С другой стороны, Саксон поражало, что для себя Мерседес ничего не жалеет. Ее белье — конечно, с ручной вышивкой

— стоило очень дорого. Мужа она кормила хорошо, но сама питалась несравненно лучше. Ели они вместе, но если Барри довольствовался куском бифштекса, она кушала самое нежное белое мясо, и если на тарелке Барри лежал огромный кусок баранины, то Мерседес ожидали деликатные отбивные котлеты. Даже чай и кофе заваривались для каждого отдельно: Барри пил из огромной тяжелой кружки двадцатипятицентовый чай, а Мерседес тянула душистый трехдолларовый напиток из маленькой бледно-розовой фарфоровой чашечки, хрупкой, точно яичная скорлупа. Так же и с кофе: двадцатипятицентовый с молоком готовился для Барри, а турецкий, в восемьдесят центов, со сливками, — для Мерседес.

— Старик и так доволен, — говорила она Саксон. — Он все равно ничего лучшего не видел, и было бы просто грешно тратить на него такое добро.

Между женщинами началось нечто вроде меновой торговли. Научив Саксон игре на укулеле, старуха заявила, что ей уже не по возрасту столь игривый инструмент и не обменяет ли его Саксон на тот чепчик, который вышел у нее так удачно.

— Укулеле все же стоит несколько долларов. Я за него заплатила двадцать, правда, давно. Но уж чепчика-то он стоит. Играть на укулеле

— это легкомыслие.

— А разве чепчик — не легкомыслие? — спросила Саксон, очень, однако, довольная предложением соседки.

— Он не для моих седых волос, — откровенно призналась Мерседес. — Я его продам. Очень многое из того, что я делаю, когда ревматизм не терзает мне пальцев, я продаю. Неужели вы, моя дорогая, воображаете, что пятидесяти долларов моего старика хватало бы на мои потребности и нужды? Недостающую сумму подрабатываю я. Старикам нужно гораздо больше, чем молодежи. Когда-нибудь вы это испытаете на себе.

— Я очень довольна вашим предложением, — сказала Саксон. — А как только накоплю денег на материал, сделаю себе новый чепчик.

— Знаете что, сделайте несколько, — посоветовала Мерседес. — Я их продам, — разумеется, я оставлю себе небольшой процент за комиссию. А вам я могу дать по шести долларов за штуку. Выберем вместе фасоны. И у вас будет оставаться денег больше, чем надо, на материал для ваших собственных чепчиков.

Глава пятая

За эту зиму произошли четыре события: Берт и Мери поженились и сняли домик по соседству. Биллу, как и всем возчикам в Окленде, сбавили зарплату; Билл начал бриться безопасной бритвой; и, наконец, сбылось предсказание Сары, а Саксон ошиблась в своих планах на будущее.

Она сообщила мужу великую новость только тогда, когда сомнений уже быть не могло. Вначале, при первой шевельнувшейся в ней догадке, ее сердце мучительно сжалось и ее охватил страх перед тем, что было для нее так ново и неведомо. К тому же ее пугали неизбежные расходы. Но прошло время, и когда она окончательно убедилась в своих предположениях, волна горячей радости поглотила все страхи. «Мой и Билли — наш! — беспрестанно повторяла она про себя, и каждый раз эта мысль отдавалась у нее в груди каким-то почти физически ощутимым сладостным толчком.

В тот вечер, когда она сказала об этом Биллу, он скрыл от нее свою новость относительно заработной платы и только порадовался вместе с нею, что у них будет малыш.

— Как нам отпраздновать такое событие? Пойти в театр? — спросил он, разжимая объятия, чтобы дать ей возможность говорить. — Или просто посидим дома вдвоем, нет… втроем?

— Лучше посидим, — решила она. — Я хочу только одного: чтобы ты вот так держал меня, держал всегда.

— Мне тоже хотелось остаться дома, но я думал, что ты и так весь день была дома и, может быть, тебе приятнее пройтись.

На улице морозило. Билл принес кресло в кухню и поставил его к самому огню. Саксон свернулась комочком в его объятиях и положила голову к нему на плечо, так что ее волосы щекотали его щеку.

— Мы правильно сделали, что поженились сразу же после недавнего знакомства, — размышлял он вслух. — Ведь я и теперь еще на тебя не нагляжусь, точно жених на невесту. А потом твоя новость! Боже мой, Саксон, все это так хорошо, что просто не верится. Только подумай! Собственный! И нас будет трое! Держу пари, что родится мальчик. Ты увидишь, как быстро я научу его действовать кулачками и защищаться. И плавать тоже. Я не я, если к шести годам он не выучится…

— А если он будет девочка?

— Нет, она будет мальчиком, — возразил Билл, подхватывая ее шутку.

И они стали целоваться, смеясь и вздыхая от счастья.

— Но теперь я сделаюсь скупердяем, — объявил он вдруг, помолчав. — Больше никаких выпивок с приятелями! Перехожу на воду. Затем надо подсократить курение. Гм! А почему бы мне самому не свертывать себе папиросы? Это выйдет в десять раз дешевле, чем покупать готовые. Потом я могу отпустить себе бороду. На то, что с нас дерут за год парикмахеры,

можно прокормить ребенка.

— Если вы себе отпустите бороду, мистер Роберте, я с вами разведусь, — пригрозила Саксон. — Ты так красив и молод без бороды! Я слишком люблю твое лицо, чтобы ты закрыл его бородой. Ах, Билли, милый, милый! Я понятия не имела, что такое счастье, пока не вышла за тебя!

— И я тоже.

— И так будет всегда?

— Уверен, — отвечал он.

— Правда, мне почему-то всегда казалось, что я буду счастлива в браке, — продолжала она. — Но никогда и не снилось, что будет так хорошо.

Она повернула голову и поцеловала его в щеку.

— Билли, это даже нельзя назвать счастьем, это блаженство.

И Билл дал себе слово пока не говорить об урезке заработной платы. И только через две недели, когда постановление стало фактом и ему пришлось высыпать ей в передник меньше, чем обычно, он сказал. На другой день к обеду пришли Берт и Мери, которые были женаты уже целый месяц, и разговор зашел об этом больном для всех вопросе. Берт смотрел на дело особенно пессимистически и намекал на забастовку, ожидавшуюся в железнодорожных мастерских.

— Если бы вы все помалкивали, лучше было бы, — заметила Мери. — Это профсоюзные агитаторы мутят. Я прямо из себя выхожу, когда вижу, как они во все встревают и подзуживают рабочих. Будь я хозяином, я бы каждому, кто их слушает, сбавляла зарплату.

— Но ведь и ты состояла в союзе прачек, — мягко возразила Саксон.

— Потому что иначе я бы не получила работы. А что он мне дал, твой союз?

— Ну вот, посмотри на Билла, — возразил Берт. — Возчики сидели смирно, рта не раскрывали, ни в чем не участвовали, и вдруг — раз! Нате вам, пожалуйста! Как обухом по голове! Десять процентов сбавки. То ли еще будет! В этой стране, которую создали своими руками наши отцы и матери, на нашу долю не осталось ничего. Нам остались только рожки да ножки. И скоро нам совсем будет крышка, нам — потомкам тех людей, которые бросили Англию, вывезли тут весь навоз, освободили рабов, сражались с индейцами, создали Запад! Всякий дурак видит, куда мы идем!

— А что же нам делать? — с тревогой спросила Саксон.

— Бороться! Только одно! Страна в руках шайки разбойников! Возьмите хотя бы Южную Тихоокеанскую дорогу: разве она не управляет Калифорнией?

— Глупости, Берт, — прервал его Билл. — Ты просто несешь чепуху. Железная дорога не может управлять Калифорнией.

— Эх ты, простофиля! — насмешливо воскликнул Берт. — Подожди, придет время — и все вы, дуралеи, окажетесь перед совершившимся фактом, да будет поздно! Все прогнило насквозь! Воняет! Помилуй, нет ни одного человека, который мог бы попасть в законодательное

собрание, если он не съездит в Сан-Франциско да не побывает в главном управлении Южной Тихоокеанской дороги и там не поклонится тому, кому следует. Почему в губернаторы Калифорнии попадают всегда только бывшие директора дороги? Так повелось, когда нас с тобой еще на свете не было. Да, нам крышка! Мы побиты. Но сердце мое взыграло бы в груди, если бы мне удалось перед смертью вздернуть хоть кого-нибудь из этих гнусных воров. Ты знаешь — кто мы? Те — что бились на полях сражений, и вспахали землю, и создали все, что вокруг нас. Мы — последние могикане.

— Я его до смерти боюсь, он прямо себя не помнит, — сказала Мери, и в ее тоне чувствовалась враждебность. — Если он, наконец, не заткнет свою глотку, его наверняка выставят из мастерских. А что мы тогда будем делать? Обо мне он не думает. Но одно я вам скажу: в прачечную я не вернусь! — Она подняла руку и произнесла торжественно, словно клятву: — Никогда и ни за что на свете!

— Знаю я, куда ты метишь, — возразил Берт гневно. — Все равно, сдохну я или буду жив, попаду в переделку или нет, — если ты захочешь идти по дурной дорожке, ты пойдешь; со мной или без меня — не важно.

— Кажется, я вела себя вполне прилично до встречи с тобой, — возразила Мери, закинув головку, — да и сейчас никто не скажет про меня плохого.

Берт хотел ей ответить какой-то резкостью, но вмешалась Саксон и восстановила мир. Она очень тревожилась за их брачную жизнь. Оба вспыльчивые, несдержанные, раздражительные, и их постоянные стычки не сулят ничего хорошего.

Покупка безопасной бритвы была для Саксон серьезным шагом. Сначала она посоветовалась со знакомым приказчиком из магазина Пирса и уже тогда решилась на это приобретение. В одно воскресное утро, после завтрака, когда Билл собирался в парикмахерскую, Саксон позвала его в спальню и, приподняв полотенце, показала ему приготовленные бритвенные ножи, мыло, кисточку и все необходимое для бритья. Билл, удивленный, попятился, потом снова подошел и принялся рассматривать покупку. Огорченно уставился он на безопасную бритву.

— Ну, это не для мужчины!

— И такая бритва сделает свое дело, — сказала Саксон. — Сотни людей бреются ею каждый день.

Но Билл отрицательно покачал головой.

— Ты же ходишь к парикмахеру три раза в неделю, и бритье стоит тебе каждый раз сорок пять центов. Считай — полдоллара, а в году пятьдесят две недели. Двадцать шесть долларов в год на бритье! Не возмущайся, милый, попробуй. Сколько мужчин бреются таким способом!

Он опять покачал непокорной головой, и туманные глубины его глаз еще больше потемнели. Она так любила в нем эту хмурость, которая делала его по-мальчишески красивым. Саксон, смеясь, обняла его, толкнула на стул, сняла с него пиджак, расстегнула воротник верхней и нижней рубашки и подвернула их.

— Если ты будешь ругаться, — сказала она, покрывая его щеки мыльной пеной, — то получишь в рот вот это.

— Подожди минутку, — удержала она его, когда он хотел взяться за бритву. — Я видела, как

орудуют парикмахеры. Они начинают брить, когда пена впитается.

И она стала втирать ему в кожу мыльную пену.

— Вот, — сказала она, вторично намыливая ему щеки. — Теперь можешь начинать. Только помни, что я не всегда буду это делать вместо тебя. Только пока ты учишься.

Всячески подчеркивая свое шутливое негодование, Билл попытался несколько раз провести бритвой по лицу, потом схватился за щеку и сердито воскликнул:

— Ах, черт проклятый! Он стал разглядывать в зеркало свое лицо и увидел полоску крови, алевшую среди мыльной пены.

— Порезался! Безопасной бритвой! Черт! Наверно, мужчины клянут эти бритвы. И правы! Порезался! Хороша безопасность!

— Да подожди минутку, — уговаривала его Саксон. — Нужно сначала ее наладить. Приказчик мне говорил… Вот посмотри, тут маленькие винтики. Они… Поверни их… вот так…

Билл снова принялся за бритье. Через несколько минут он внимательно поглядел на себя в зеркало, ухмыльнулся и продолжал свою операцию. Легко и быстро соскреб он с лица всю пену. Саксон захлопала в ладоши.

— Здорово! — сказал Билл. — Великолепно! Дай лапку. Посмотри, как хорошо получилось.

Он продолжал тереть ее руку о свою щеку. Вдруг Саксон издала легкое восклицание, притянула его к себе и стала огорченно рассматривать его лицо.

— Да она совсем не бреет.

— В общем, надувательство! Твоя бритва режет кожу, но не волос. Я все-таки предпочитаю парикмахера.

Но Саксон стояла на своем:

— Ты еще недостаточно приспособился. Ты ее слишком подвинтил. Дай я попробую. Вот так! Не очень сильно и не очень слабо. Теперь намылься еще раз, и попробуем.

На этот раз было слышно, как бритва соскабливает волос.

— Ну как? — спросила она с тревогой.

— Рвет… ой! рвет… волосы, — рычал Билл, делая гримасы. — Да… рвет… тянет, ой!.. Как черт!

— Ну, ну, продолжай, — подбадривала его Саксон. — Не сдавайся! Будь смел, как охотник за скальпами, как последний могикан… Помнишь, что сказал Берт?

Через четверть часа он вымыл и вытер лицо и облегченно вздохнул.

— Конечно, так можно в конце концов побриться, но я не очень стою за этот способ. Он всю душу из меня вымотал.

Вдруг он застонал, сделав новое открытие.

— Что еще стряслось? — спросила она.

— А затылок-то? Ну как же я буду брить затылок? Уж за этим-то придется идти к парикмахеру.

На лице Саксон появилось огорченное выражение, но лишь на миг. Она взяла в руки кисточку.

— Сядь, Билли!

— Как? Ты хочешь сама? — спросил он возмущенно.

— Ну да! Если это может сделать парикмахер, то могу и я.

Билл ворчал и охал, он чувствовал себя униженным, но все же ему пришлось уступить.

— Видишь, как чисто, — сказала она. — Ничего нет легче. А кроме того, двадцать шесть долларов в год останутся в кармане. Ты на них купишь и колыбель, и коляску, и пеленки, и кучу всяких мелочей. А теперь потерпи еще немного. — Она обмыла и вытерла ему затылок, затем припудрила. — Теперь ты чист и мил, как настоящий младенец, мальчик Билли!

Несмотря на его недовольство, долгий поцелуй в шею, которым она неожиданно наградила его, был ему очень приятен.

Хотя Билл и клялся, что он больше в руки не возьмет этой чертовой бритвы, через два дня он все же разрешил Саксон помогать ему и еще раз попробовал.

На этот раз дело пошло гораздо лучше.

— В общем, не так уж плохо, — снисходительно заметил он. — Я начинаю привыкать. Все дело в том, как ее отрегулировать. Тогда можно сбривать волосы дочиста и все-таки не порезаться. У парикмахера это не выходит, он нет-нет да и порежет меня.

Третий сеанс удался на славу, и оба были на верху блаженства, когда Саксон поднесла ему бутылку квасцов. Он стал убежденным сторонником безопасных бритв, не мог дождаться прихода Берта, сам понес ему показывать приобретение своей жены и продемонстрировал способ употребления.

— Ведь надо же быть такими дураками — бегать по парикмахерским, транжирить деньги, — заявил он. — Посмотри на эту штуку! Как берет! И легко, точно по гладкому месту. Смотри — шесть минут по часам! Каково? Когда я набью себе руку, то обойдусь и тремя! Этими ножами можно бриться и в темноте и под водой. Хотел бы зарезаться, да не можешь! И потом — сбережешь двадцать шесть долларов в год. Это придумала Саксон. Ты знаешь — она прямо гений!

Глава шестая

Торговля между Саксон и Мерседес продолжала развиваться. Мерседес тотчас же сбывала все те изящные вещицы, которые делала Саксон, а Саксон занималась работой с увлечением. Будущий ребенок и сокращение заработной платы заставляли ее относиться к материальной стороне жизни серьезнее, чем когда-либо. В сберегательную кассу было в сущности отложено очень мало, Саксон теперь частенько корила себя за то, что расходует деньги на всякие пустяки для себя и для дома. Впервые тратила она чужой заработок, — ведь она привыкла с самых юных лет жить только на свои средства; к счастью, благодаря Мерседес теперь Саксон получила снова возможность зарабатывать и с тем большим удовольствием расходовала деньги

на покупку нового, более дорогого белья.

Мерседес делала ей указания, а Саксон следовала им, иногда привнося кое-что от себя, и изготовляла всевозможные легкие красивые кружевные вещицы: гофрированные батистовые рубашки с ажурной строчкой и французской вышивкой на плечах и груди, нарядные комбинации из тонкого полотна, обшитые ирландским кружевом, похожие на паутинки ночные сорочки. По указаниям Мерседес она сделала восхитительный чепчик, и та заплатила ей, за вычетом комиссионных, двенадцать долларов.

Саксон с радостью отдавала этой работе каждую свободную минуту, не забывая притом и о приданом для ребенка.

Единственное, что она купила, были три нарядные вязаные фуфаечки. Все остальное, до самых мелочей, она сделала сама: вышитые елочкой пеленки, вязанные крючком кофточку и капор, варежки, вышитые чепчики, крошечные пинетки, длинные крестильные платьица, рубашечки на крошечных бретельках, кажется годные только для куклы, расшитые шелком белые фланелевые юбочки, чулочки и вязаные сапожки, которые она видела уже на брыкающихся розовых ножках с пухлыми пальчиками и толстенькими икрами, множество мягких полотняных простынок. Однако венцом всего явилось маленькое вышитое пальтецо из белого шелка. И в каждую вещицу, в каждый стежок Саксон вкладывала свою любовь. Но когда она отдавала себе отчет в характере этой постоянно наполнявшей ее любви, то не могла не признаться, что любовь эта скорее относится к Биллу, чем к тому туманному и неопределенному живому комочку, которого, при всей своей неясности к нему, она еще не могла себе представить.

— Гм... — сказал Билл, пересмотрев весь этот маленький гардероб и возвращаясь к фуфаечкам. — Из всех твоих смешных финтифлюшек вот это больше всего помогает мне представить себе нашего малыша. Я прямо вижу его в этих настоящих мужских фуфаечках.

И Саксон, охваченная внезапным порывом счастья, от которого у нее на глазах выступили слезы, поднесла одну из фуфаечек к его губам. Он торжественно поцеловал ее, не сводя глаз с жены.

— Это и мальчику, но больше всего тебе.

Однако заработок Саксон вдруг прекратился самым неожиданным и трагическим образом. Однажды, узнав о дешевой распродаже, она переправилась на пароме в Сан-Франциско. Проходя по Сатер-стрит, она обратила внимание на выставку в витрине небольшого магазинчика. Сначала она глазам своим не поверила — там на почетном месте красовался тот самый восхитительный утренний чепчик, за который Мерседес ей заплатила двенадцать долларов и на котором теперь стояла цена: двадцать восемь. Саксон вошла в магазин и обратилась к хозяйке, худой пожилой женщине с проницательными глазами, по-видимому иностранке.

— Нет, я ничего покупать не собираюсь, — сказала Саксон. — Я сама делаю такие же вещи, какие у вас тут продаются, и хотела бы только знать, сколько вы платите за них, ну хотя бы вон за тот выставленный в витрине чепчик?

Женщина бросила пристальный взгляд на руку Саксон, большой и указательный пальцы которой носили на себе бесчисленные следы уколов, затем осмотрела ее с головы до ног.

— А вы умеете делать такие вещи? Саксон кивнула головой?

— Я заплатила за него женщине, которая его сделала, двадцать долларов.

Саксон подавила невольный возглас изумления и с минуту помолчала, размышляя. Мерседес заплатила ей всего двенадцать — значит, восемь она положила себе в карман ни за что ни про что, тогда как Саксон затратила и свой материал и свой труд!

— Будьте добры, покажите мне другие вещи ручной работы — сорочки и вообще белье и скажите, сколько вы за них дали?

— Так, значит, вы умеете делать такие вещи?

— Умею.

— И согласны мне их продавать?

— Конечно, — сказала Саксон. — Я затем сюда и вошла.

— Мы набавляем при продаже очень немного, — продолжала женщина. — Но вы понимаете — плата за помещение, электричество и прочее, да надо же немного и подработать. Без этой прибавки мы не могли бы торговать.

— Ну ясно, — кивнула Саксон.

Разглядывая восхитительное белье, Саксон нашла еще ночную рубашку и комбинацию своего изделия. За первую она получила от Мерседес восемь долларов, — здесь она продавалась за восемнадцать, а хозяйка за нее заплатила четырнадцать; за вторую Саксон получила шесть, цена на ней стояла — пятнадцать, а хозяйке она обошлась в одиннадцать.

— Благодарю вас, — сказала Саксон, надевая перчатки. — Я с удовольствием принесу вам свою работу по этим ценам.

— А я с удовольствием куплю… если вещи будут так же хорошо сделаны. — Хозяйка строго на нее посмотрела. — Не забудьте, что качество должно быть не хуже. Я часто получаю специальные заказы, и если я буду довольна вашей работой, то дело для вас найдется.

Мерседес и бровью не повела, когда Саксон обрушилась на нее с упреками:

— Вы же говорили, что берете только за комиссию!

— Говорила. Так я и делала.

— Но ведь я покупала весь материал и я работала, а вы получали львиную долю платы.

— А почему бы мне ее и не получать, милочка? Я же была посредницей. Посредникам обычно достается львиная доля. Так уж заведено.

— А по-моему, это очень несправедливо, — сказала Саксон скорее печально, чем сердито.

— Ну, уж это вы на жизнь обижайтесь, а не на меня, — возразила Мерседес язвительно, однако тон ее внезапно смягчился, — настроения у нее быстро менялись. — Но зачем нам, милочка, ссориться? Я ведь вас так люблю. Все это пустяки при вашей молодости и здоровье да еще с таким сильным молодым мужем. А я старуха, и мой старик тоже может сделать для меня очень мало, он и так уж не жилец на этом свете. Ведь у него больные ноги, хоронить-то его мне придется. И я оказываю ему честь: спать вечным сном он будет рядом со мной! Правда, он

глупый, тупой, неуклюжий старик; но, несмотря на глупость, в нем нет ни капли злобы. Я уже купила места на кладбище и заплатила за них — частью из тех комиссионных, которые брала с вас. Но остаются еще похороны. Все должно быть сделано как следует. Мне еще нужно накопить не мало, а Барри может протянуть ноги в любую минуту.

Саксон осторожно понюхала воздух и догадалась, что старуха опять пьяна.

— Пойдемте, дорогая, я вам кое-что покажу. — Она повела Саксон в свою спальню и приподняла крышку большого сундука. На Саксон повеяло тонким ароматом розовых лепестков. — Смотрите, вот мое погребальное приданое. В этом платье я обвенчаюсь с могилой.

Удивление Саксон все росло, по мере того как старуха показывала ей вещь за вещью, изящное, нарядное и роскошное приданое, которое годилось бы для самой богатой невесты. Наконец, Мерседес извлекла на свет веер из слоновой кости.

— Это мне подарили в Венеции, дорогая. А вот, смотрите, черепаховый гребень; его заказал для меня Брюс Анстей за неделю до того, как выпил свой последний бокал и прострелил свою сумасбродную голову из кольта. А этот шарф! Да, да, этот шарф из либерти…

— И все это уйдет с вами в могилу? — воскликнула Саксон. — Какое безумие!

Мерседес рассмеялась:

— А почему бы и нет? Умру, как жила. В этом моя радость. Я сойду в могилу невестой. Я не могу лежать в холодном и тесном гробу, мне хотелось бы, чтобы вместо него меня ждало широкое ложе, все покрытое мягкими восточными тканями и заваленное грудами подушек.

— Но ведь на ваше приданое можно было бы устроить двадцать похорон и купить двадцать мест! — возразила Саксон, задетая этим кощунственным разговором о смерти.

— Пусть моя смерть будет такой же, как моя жизнь, — самодовольно заявила Мерседес. — Старик Барри ляжет рядом с шикарной невестой! — Она закрыла глаза и вздохнула. — Хотя я предпочла бы, чтобы рядом со мной во мраке великой ночи лежал Брюс Анстей или еще кто-нибудь из моих возлюбленных и вместе со мной обратился в прах, потому что это и есть настоящая смерть. — Она посмотрела на Саксон; в глазах ее был пьяный блеск и вместе с тем холодное презрение. — В древности, когда погребали великих людей, с ними вместе зарывали живьем их рабов. Я же, моя дорогая, беру с собой только свои тряпки!

— Значит, вы… совсем не боитесь смерти? Ни чуточки?

Мерседес покачала головой и торжественно ответила:

— Смерть честна, добра и справедлива. Я не боюсь смерти. Я людей боюсь и того, как они со мной поступят после моей смерти. Потому-то я все и приготовляю заранее. Нет, когда я умру, они меня не получат.

Саксон была смущена.

— А на что же вы им будете нужны?

— Им нужно много мертвецов, — последовал ответ. — Вы знаете, какая судьба постигает стариков и старух, которых не на что хоронить? Их не хоронят вовсе. Вот послушайте.

Однажды мы стояли перед высокими дверями. Меня сопровождал профессор — странный человек, которому следовало быть пиратом, или осаждать города, или грабить банки, но отнюдь не читать лекции. Стройный, как Дон Жуан, руки стальные… Так же силен был и его дух. И он был сумасшедший, как и все мои кавалеры, чуть-чуть сумасшедший. «Пойдем, Мерседес, — сказал он, — посмотрим на наших ближних, проникнемся смирением и возвеличимся духом оттого, что мы не похожи на них — пока не похожи. А потом поужинаем с особым, дьявольским аппетитом и выпьем за их здоровье золотого вина, которое засверкает еще жарче после всего, что мы видели. Пойдем же. Мерседес».

Он распахнул двери и, взяв меня за руку, заставил войти. Мы оказались в печальной компании. На мраморных столах лежали и полусидели, опираясь на подпорки, двадцать четыре тела, а множество молодых людей с блестящими глазами и блестящими ножичками в руках склонились над этими столами. При нашем появлении они подняли головы и принялись с любопытством меня разглядывать.

— Они были мертвы, эти тела? — спросила Саксон с трепетом.

— Это были трупы бедняков, милочка. «Пойдем, Мерседес, — снова позвал он меня. — Я покажу вам кое-что, от чего наша радость, что мы живы, станет еще сильнее». И он повел меня вниз, туда, где находились чаны — чаны с засолом, милочка. Мне было страшно, но когда я заглянула в них, я невольно подумала о том, что будет со мной, когда я умру. Мертвецы лежали в этих чанах, как свинина в рассоле. В это время сверху потребовали женщину, непременно старуху. И служитель, приставленный к чанам, стал вылавливать старуху. Сначала он выудил мужчину… опять пошарил — еще мужчина… Он торопился и принялся ворчать. Наконец, он вытащил из этой каши женщину, и так как, судя по лицу, это была старуха, он остался доволен.

— Неправда! Этого не может быть! — закричала Саксон.

— Я видела все это своими собственными глазами, милочка, и знаю, что говорю. И я вам повторяю: не бойтесь кары Божьей, — бойтесь только этих чанов с рассолом! И когда я стояла и смотрела, а тот, кто привел меня туда, смотрел на меня и улыбался, и просил, и завораживал меня своими черными сумасшедшими глазами усталого ученого, — я решила, что подобная судьба не может и не должна постичь мою земную оболочку… Потому что она ведь мила мне — моя оболочка, моя плоть; и была мила многим в течение моей жизни. Нет, нет, чаны с рассолом не место для моих губ, знавших столько поцелуев, не место для моего тела, расточавшего столько любви!

Мерседес опять приподняла крышку сундука и полюбовалась на свои похоронные наряды.

— Вот я и приготовила себе все для вечного сна. В этом я буду лежать на смертном ложе. Некоторые философы говорят: «Люди знают, что непременно умрут, а все равно не верят этому». Но старики верят. И я верю.

Вспомните, дорогая, о чанах с рассолом и не сердитесь на меня за большие комиссионные. Чтобы избежать такой участи, я бы ни перед чем не остановилась! Украла бы лепту вдовицы, сухую корку сироты, медяки, положенные на глаза умершего!

— А вы в Бога верите? — отрывисто спросила Саксон, силясь сдержать себя, несмотря на овладевший ею холодный ужас.

Мерседес опустила глаза и пожала плечами.

— Кто знает — есть он или нет? Во всяком случае, я буду отдыхать спокойно.

— А наказание? — И Саксон вспомнила жизнь Мерседес, представлявшуюся ей какой-то чудовищной сказкой.

— Никакого наказания быть не может, моя дорогая. Бог, как выразился один старый поэт, «в общем добрый малый». Когда-нибудь мы с вами потолкуем о Боге. Но вы его не бойтесь. Бойтесь только чанов с рассолом и того, что люди могут сделать после вашей смерти с вашим прекрасным телом.

Глава седьмая

Билла начал смущать их образ жизни. Ему стало казаться, что на его заработок нельзя жить так, как живут они с Саксон. Ведь они и в сберегательную кассу откладывают, и выплачивают ежемесячно за обстановку, и хорошо питаются; у него всегда есть карманные деньги, а Саксон еще находит возможным при всех этих расходах покупать материал для своего шитья. Он несколько раз пытался выяснить беспокоившие его обстоятельства, но Саксон только загадочно посмеивалась.

— Я не понимаю, как ты устраиваешься с деньгами, — начал он однажды вечером.

Он хотел продолжать, но вдруг смолк и минут пять размышлял, нахмурившись.

— Скажи, пожалуйста, куда девался тот нарядный чепчик, над которым ты так трудилась? Ты его ни разу не надела, а ведь для маленького он, наверное, велик.

Саксон, видимо, колебалась; надув губки, она задорно смотрела на него.

Ложь ей всегда давалась нелегко. Солгать же Биллу она была решительно не в силах. По его потемневшим глазам и суровому выражению лица она поняла, что он оскорблен ее молчанием.

— Скажи, Саксон, ты… ты… не продаешь своих изделий?

Тут Саксон не удержалась и все выложила. Она рассказала и о посредничестве Мерседес и о ее замечательном похоронном приданом. Но Билл не дал себя отвлечь от того, что ему было важно. Решительным тоном он заявил жене, чтобы она и не думала работать ради денег.

— Билли, дорогой мой, но ведь у меня остается так много свободного времени! — взмолилась она.

Он покачал головой.

— Мало ли что. И слушать не хочу! Раз я на тебе женился, я должен о тебе и заботиться. Пусть никто не посмеет сказать, что жена Билла Робертса вынуждена работать. Я этого не хочу. Да и надобности нет никакой.

— Но, Билли… — начала она опять.

— Нет. Тут я не уступлю, Саксон. И не потому, что я не люблю женского рукоделия. Напротив, очень люблю. Каждый пустяк, который ты делаешь, мне нравится до черта, но я хочу, чтобы все сшитое тобой было надето на тебе; и ты не стесняйся, шей себе наряды, сколько хочешь, а за материал заплачу я. На работе я весь день в отличном настроении — посвистываю себе и думаю о мальчике, представляю, как ты тут сидишь и шьешь все эти красивые штучки, —

потому что знаю, тебе приятно их шить. Но, даю слово, Саксон, все удовольствие будет мне испорчено, если окажется, что ты работаешь для продажи. Жене Билла Робертса незачем зарабатывать. Я горжусь этим — конечно, перед собой. А кроме того, это вообще лишнее.

— Дорогой мой, — прошептала она, чувствуя себя счастливой, несмотря на огорчение, вызванное его отказом.

— Я хочу, чтобы у тебя было все, чего бы ты ни пожелала, — продолжал он. — И ты будешь все иметь, пока у меня есть здоровые, крепкие руки. Я ведь вижу, как красиво ты всегда одета, и мне это тоже нравится. Я уже не молокосос, и до знакомства с тобой я, может быть, узнал кое-что, чего мне знать и не следовало бы. Но могу тебя уверить, что никогда я не видел ни одной женщины, которая бы так следила не только за своими платьями, но и за бельем.

Он поднял руки, пытаясь выразить в этом жесте то, что думал и чувствовал и на что у него не хватило слов, затем продолжал:

— Дело не в одной только чистоплотности, хотя и это очень важно. Многие женщины чистоплотны. Дело не в том... Ну, словом, каждая вещь на тебе ласкает взгляд... все такое беленькое, красивое, со вкусом. Это действует на воображение, это неотделимо от мысли о тебе. Есть сотни мужчин, на которых и смотреть противно, когда они разденутся, да и женщин тоже. Но ты — ты чудо, вот и все! И никогда мне твои наряды не надоедят, и мне хочется, чтобы ты была одета все лучше и лучше. Знаешь, собственно говоря, тебе незачем стеснять себя в деньгах. Деньги можно заработать очень легко и сколько хочешь. Вот Билл Мэрфи заработал на прошлой неделе не больше не меньше, как семьдесят кругленьких долларов за то, что победил молодца по прозванию «Гордость Севера». Из этих денег он и отдал нам долг.

На этот раз запротестовала Саксон, но Билл прервал ее.

— Подожди, — продолжал он. — Есть еще такой Карл Гансен — «Второй Шарки», как об нем пишут в серьезных спортивных журналах; сам он называет себя чемпионом американского флота. Так вот, я прекрасно знаю ему цену: просто огромная дубина! Я видел его на ринге, и, право же, я могу его побить. Секретарь спортивного клуба предлагал мне вызвать его. Победитель получит сто долларов. И все эти деньги я отдам тебе: можешь их истратить как тебе угодно. Ну, что ты на это скажешь?

— Если ты не хочешь, чтобы я шила, то ты не должен участвовать в матчах, — решительно сказала Саксон. — Но мы с тобой не заключали никаких условий. Даже если бы ты разрешил мне зарабатывать, я бы все равно не позволила тебе выступать на ринге. Я никогда не забуду твоего рассказа о боксе и о том, как боксеры губят свое здоровье. А я не хочу, чтобы ты губил свое. Твое здоровье теперь — все равно что мое. Если ты откажешься от матчей, я не буду работать и, кроме того, никогда не сделаю ничего, что бы тебе было неприятно.

— Ну, ладно, — согласился Билл. — Хотя мне, по правде сказать, до смерти хочется проучить этого балду Гансена. — Он даже улыбнулся такой мысли. — Знаешь что, давай бросим все это. Спой-ка мне лучше «Когда кончится жатва» и поаккомпанируй на этой бренчалке... ну как ты ее там зовешь...

Исполнив его просьбу и спев под аккомпанемент укулеле, она предложила ему самому спеть «Жалобу ковбоя». Из любви к нему она все же ухитрилась полюбить единственную песню, которую пел ее муж. И так как ее пел именно Билл, ей нравилось и заунывное однообразие этой песни и даже то, что он безнадежно фальшивил на каждой ноте. Она научилась сама подпевать ему, добросовестно фальшивя вместе с ним. Она никогда и не пыталась убедить его,

что пение не его дело.

— Теперь я вижу, что Берт и другие ребята попросту дурачили меня,

— сказал он.

— А мы с тобою очень хорошо спелись! — ловко обошла она этот щекотливый вопрос, ибо в подобных случаях не считала отклонение от правды грехом.

Весной в железнодорожных мастерских вспыхнула забастовка. В воскресенье, накануне стачки, Билл и Саксон обедали у Берта. Пришел и брат Саксон, но без Сары, которая категорически отказалась, — у нее, как всегда, было много дел по дому. Берт был настроен крайне мрачно и распевал с язвительной усмешкой:

Противен нам мил-ли-онер,

Наживший много денег,

Всем подает дурной пример

Отъявленный мошенник.

Ведь скупость воровству под стать,

А деньги только бремя,

Их, право, стоит промотать,

Такое нынче время!

Мери, выражая всем своим видом крайнее возмущение, готовила обед. Саксон решила ей помочь: засучив рукава и надев фартук, она начала перемывать посуду, оставшуюся от завтрака. Берт принес из соседней пивной кувшин пенящегося пива, и мужчины, усевшись втроем и закурив, стали обсуждать события.

— Такую забастовку надо было объявить уже много лет назад, — говорил Берт, — и сейчас нечего тянуть, чем скорее, тем лучше; но вообще-то мы опоздали. Можно сказать заранее, что мы проиграем. Вот когда последние могикане действительно получат по шеям, но так им и надо!

— Ну, не знаю, — степенно отвечал Том, медленно раскуривая свою трубку. — Рабочие организации становятся с каждым днем сильнее. Я помню время, когда в Калифорнии не было никаких союзов. А теперь, смотрите — нормированная заработная плата, рабочий день и все прочее...

— Ты рассуждаешь, как профсоюзный организатор, — насмешливо отозвался Берт, — заладил одно! Но это для дураков: мы-то знаем, как обстоит на деле. Теперь на нормированную зарплату того не купишь, что прежде на ненормированную. Надули вас ваши профсоюзные деятели. Посмотри, что делается во Фриско. Рабочие лидеры проводят более грязную политику, чем даже представители старых партий; они спорят и ссорятся, но никак не поделят взятки и то и дело садятся в тюрьму. А каково положение плотников во Фриско? Конечно, Том Браун, если ты развесишь уши и будешь слушать всякую брехню, то тебе, пожалуй, скажут, будто каждый тамошний плотник — член профсоюза и получает зарплату полностью, как

требует союз. И ты, может быть, поверишь. Все это вранье! Нет ни одного плотника, который в субботу вечером не отдавал бы часть своего заработка подрядчику. Вот тебе и хваленые союзы строительных рабочих в Сан-Франциско! А их руководители либо катаются по Европе на доходы с увеселительных учреждений, либо суют эти деньги юристам, чтобы избежать тюрьмы.

— Верно, — согласился Том. — Никто этого и не отрицает. Беда в том, что рабочие еще не вполне прозрели. Профсоюзы должны заниматься политикой, но только политика-то должна быть правильная.

— Социализм? Да! — насмешливо подхватил Берт. — А не продадут они нас, как всякие Руэфы и Шмидты?

— Выбирайте честных людей, — сказал Билл. — Все дело в этом. Я не говорю, что я за социализм. Вовсе нет. Наши предки слишком давно живут в Америке, и я совсем не желаю, чтобы какие-то толстопузые немцы или оборванцы из русских евреев объясняли мне, как нужно править моей родиной, а сами двух слов по-английски связать не умеют!

— Твоя родина! — воскликнул Берт. — Да у тебя, дуралей, нет никакой родины. Этой басней тебе взяточники морочат голову каждый раз, когда хотят тебя ограбить.

— Так не голосуй за взяточников, — сказал Билл. — Если мы выберем честных людей, к нам и относиться будут по-честному.

— Очень жаль, что ты не бываешь на наших собраниях, Билл, — с огорчением заметил Том. — У тебя открылись бы глаза, и ты при следующих выборах голосовал бы за социалистов.

— Не будет этого! — воскликнул Билл. — Тебе только тогда удастся залучить меня на социалистический митинг, когда они научатся разговаривать по-человечески.

И Берт замурлыкал себе под нос:

А деньги только бремя,

Их, право, стоит промотать!

Мери была так зла на мужа за его сочувствие стачечникам и его зажигательные речи, что не поддерживала разговор с Саксон, а озадаченная всем этим Саксон тоже молчала, прислушиваясь к спору мужчин.

— Ну, как дела? — бодро спросила она, стараясь скрыть свою тревогу.

— Никак! — отвечал Берт резко. — Нам крышка!

— Мясо и масло опять поднялись в цене, — волнуясь, продолжала Саксон. — Зарплату Билли урезали, а железнодорожникам — еще в прошлом году. Нужно же что-нибудь предпринять!

— Сделать можно только одно — бороться, как дьяволы, — ответил Берт, — и в борьбе погибнуть. Вот и все. Мы будем разбиты, это ясно, но надо хоть напоследок доставить себе удовольствие.

— Разве можно так говорить! — остановил его Том.

— Теперь уже не до разговоров, старина, — возразил Берт, — теперь надо бороться.

— Не много ты сделаешь против регулярных войск и пулеметов! — вмешался Билл.

— О, я не об этом! — возразил Берт. — Но ведь есть такие короткие палочки, которые очень громко взрываются и делают большие дыры; есть порошок, который…

— Ах, так! — накинулась на него Мери, подбоченившись. — Вот в чем дело! Вот какую гадость я нашла у тебя в кармане!

Берт сделал вид, что не слышит. Том курил с озабоченным видом. Лицо Билла выражало тревогу.

— Но ведь не станешь же ты заниматься такими делами, Берт? — спросил он, видимо, надеясь услышать отрицательный ответ.

— Стану наверняка, если хочешь знать. Я бы их всех отправил к чертям в ад, прежде чем сам подохну!

— Он настоящий кровожадный анархист, — заохала Мери. — Вот такие, как он, убили Мак-Кинли и Гарфилда[4] и… и… всех других. Его повесят. Увидите. Попомните мои слова! Хорошо, что у нас пока хоть детей не предвидится.

— Да он только так, болтает, — попытался ее успокоить Билл.

— Он просто дразнит тебя, — сказала Саксон. — Берт ведь любит пошутить.

Но Мери покачала головой.

— Нет, уж позвольте мне знать. Я слышу, что он бормочет во сне. Ругается, клянется, скрипит зубами. Вот опять!

Берт с ухарским выражением на красивом лице откачнул свой стул к стене и снова запел:

Противен нам мил-ли-о-нер…

Том снова заговорил было о благоразумии и справедливости, но Берт, оборвав пение, опять наскочил на него:

— Справедливость? Очередная дурацкая выдумка! Я вам скажу, какая для рабочего класса существует справедливость. Помните Форбса? Аллистона Форбса, еще он довел калифорнийский Альта-трест до банкротства и спокойно положил себе в карман два миллиончика чистоганом! Так вот, я видел его вчера в шикарном автомобиле. А ведь он был под судом и получил восемь лет. Сколько же он просидел? Меньше двух — и был прощен по слабости здоровья. Это он-то — по слабости здоровья! Мы и умрем и сгнить успеем, пока он подохнет. А вот посмотрите-ка в окно. Видите задний фасад того дома со сломанными перилами у крыльца? Там живет миссис Дэнэкер. Она занимается стиркой. Ее мужа раздавило поездом, а вознаграждения от дороги — ни шиша! Все дело обернули так, что будто он сам виноват, — небрежность и прочий вздор. Суд так и постановил. Ее сыну Арчи было шестнадцать, он совсем от рук отбился — настоящий маленький бродяга, удрал во Фресно и обокрал пьяного. И знаете, сколько он украл! Два доллара восемьдесят центов. Понимаете? Два восемьдесят! А к чему его приговорил судья? К пятидесяти годам. Восемь он уже отсидел в Сен-Квентине. И будет сидеть, пока не околеет. Миссис Дэнэкер говорит, что у него развивается скоротечная чахотка, — заразился в тюрьме, — но у нее нет протекции, и она не может добиться его освобождения. Арчи, мальчик, стибрил у пьяного два доллара восемьдесят

центов и получил пятьдесят лет тюрьмы, а Аллистон Форбс нагревает Альта-трест на два миллиона — и сидит меньше двух лет! Так вот, скажите, для кого эта страна — мать? Для вас и маленького Арчи? Нет, простите! Для Аллистона Форбса — вот для кого, а нам она — мачеха! О!..

Никто не любит мил-ли-о-неров…

Подойдя к раковине, у которой Саксон домывала посуду, Мери сняла с нее фартук и поцеловала с той особой нежностью, какую каждая женщина питает к той, которая ожидает ребенка.

— Ты теперь посиди, милочка, тебе нельзя утомляться; они еще не скоро кончат. Я принесу тебе твою работу, и можешь шить и слушать их разговоры. Только не слушай Берта. Он сумасшедший.

Саксон стала шить и слушать, а на лице Берта, когда он увидел детские вещицы, разложенные у нее на коленях, появилось выражение горечи и злости.

— Ну вот, — сказал он, — рожаете детей, а как вы их прокормите — неизвестно!

— Ты, должно быть, вчера вечером здорово хватил, — добродушно осклабился Том.

Берт покачал головой.

— Да будет тебе ворчать, — добродушно заметил Билл. — Все-таки Америка — хорошая страна.

— Была, — возразил Берт, — и очень хорошая, когда все мы были могиканами. Но теперь? Нас скрутили в бараний рог, нас предали и загнали в тупик. Мои предки боролись за этот край с оружием в руках и ваши тоже, мы освободили негров, перебили индейцев, голодали, мерзли, сражались. Здешняя земля понравилась нам. Мы ее очистили от лесов, мы вспахали ее, провели дороги, построили города. И всем хватало с избытком. И мы продолжали сражаться за нее. У меня убили двух дядей при Геттисберге; все мы так или иначе участвовали в той войне. Послушайте, что Саксон рассказывает про своих предков, через какие трудности они прошли, пока, наконец, не обзавелись усадьбами, скотом, лошадьми и прочим. И они всего этого добились. Мои предки тоже и предки Мери…

— И удержали бы и свои усадьбы и остальное, кабы поумнее были, — вставила она.

— Несомненно, — продолжал Берт, — в этом вся соль. А мы все упустили, позволили себя ограбить. Мы не умели играть краплеными картами и подтасовывать их, как делали другие. Мы те белые люди, которые дали себя надуть — и остались ни с чем. Да и времена уже стали не те. Люди разделились на львов и кляч. Клячи только работали, львы — пожирали. Они захватили фермы, копи, фабрики и заводы, а теперь захватили и правительственную власть. Мы — те белые, вернее мы потомки тех белых, которые остались честными себе в убыток. И мы проиграли. С нас содрали шкуру. Понимаете?

— Ты был бы хорошим оратором на митингах, — заметил Том, — если бы отказался от кое-каких заскоков.

— Все это как будто и так, Берт, — заметил Билл, — да не совсем. Нынче каждый может стать богатым.

— И президентом Соединенных Штатов! — насмешливо подхватил Берт. — Спору нет, если он

ловкач. Только что-то не слышно, чтобы ты стал миллионером или президентом. А почему? Да потому, что ты не ловкач. Ты дуралей. Ты кляча. Ну и пропади ты пропадом! Да и всем нам туда же дорога!

За обедом, во время еды. Том рассказывал о радостях деревенской жизни, памятной ему с юных дней, и признался, что у него одна мечта: взять себе где-нибудь участок казенной земли, как делали его деды. Но, к несчастью, объяснил он, Сара против, поэтому его мечта останется мечтой.

— Такова уж игра, которую мы зовем жизнью, — вздохнул Билл. — У нее свои правила, кто-нибудь непременно должен потерпеть поражение.

Немного спустя, когда Берт снова увлекся и начал произносить обличительные речи, Билл поймал себя на ряде невольных сравнений. Этот дом был не похож на его дом. Здесь не чувствовалось той приятной атмосферы, к какой он привык у себя. Все, казалось, идет как-то негладко. Он вспомнил, что, когда они пришли, посуда от завтрака была еще не вымыта. Как мужчина, он, конечно, многих хозяйственных недочетов не заметил, но все утро размышлял и сравнивал и по тысячам примет убеждался, что Мери не такая хорошая хозяйка, как его Саксон. Он с гордостью поглядел на жену, и ему захотелось встать со стула, подойти и обнять ее. Да, вот это настоящая жена! Он вспомнил ее нарядное белье. Но в ту минуту, когда он мысленно любовался ею, голос Берта грубо нарушил его раздумье.

— Ты, Билл, видно, думаешь, что я просто обозлился. И это верно. Я злюсь. Ты не пережил того, что я. Ты всегда только и делал, что правил своими лошадьми да зарабатывал легкие денежки боксом. Ты не знаешь, что такое безработица, ты не участвовал в больших забастовках. У тебя не было старухи матери, тебе не приходилось получать плевки и ради нее смиряться и молчать. Только после ее смерти я поднял голову и почувствовал себя свободным.

Возьми хотя бы то, как со мной поступили в Найлской электрической компании, как там обращаются с нашим братом. Пришел я, управляющий оглядел меня с головы до ног, закидал нелепыми вопросами и дал, наконец, бланк для подачи заявления. Я заполнил его и истратил доллар на доктора, чтобы получить свидетельство о том, что я здоров. Затем пошел к фотографу и снял свою рожу для их портретной галереи. Отдал еще доллар. Потом управляющий берет у меня заявление, медицинское свидетельство, фотокарточку и опять задает вопросы. Прежде всего — принадлежал ли я когда-нибудь к какому-нибудь рабочему союзу? Это я-то! Конечно, я не мог ему ответить правду — работа была нужна до зарезу, в лавочке больше в долг не давали, а тут мать…

«Ну, — подумал я, — наконец-то мне подвезло. Теперь я вагоновожатый. Стой себе на передней площадке да перемигивайся с хорошенькими девочками». Однако ничего подобного! Плати еще два доллара — два доллара за дрянной оловянный значок! Потом за форменную куртку, — здесь за нее надо было отдать девятнадцать с половиной долларов, а в другом месте я бы купил точно такую же за пятнадцать. Правда; они соглашались подождать до первой получки. Кроме того, оказывается, надо иметь в кармане пять собственных долларов мелочью. Я занял их у знакомого полисмена Тома Донована. А потом? Потом они заставили меня работать две недели бесплатно, пока я будто бы обучался.

— Девушки-то хоть интересные попадались? — смеясь, спросила Саксон.

Берт мрачно покачал головой.

— Я проработал там всего месяц. Мы сорганизовались в союз, и всех нас вышвырнули вон.

— Если вы в мастерских объявите забастовку, с вами поступят так же, — вмешалась Мери.

— Вот это я тебе все время и твержу, — ответил Берт. — У нас нет ни одного шанса на успех.

— Зачем же тогда затевать? — удивилась Саксон.

Он несколько мгновений смотрел на нее потухшим взором, потом ответил:

— А зачем мои дяди были убиты при Геттисберге?

Глава восьмая

Саксон с тяжелым сердцем теперь вела хозяйство. Она уже не занималась шитьем изящных вещиц: материал стоил денег, а она не решалась их тратить. Стрела, пущенная Бертом, попала в цель, она засела в ней, колола и не давала покоя. Ведь они с Билли несут ответственность за жизнь их будущего ребенка! Разве они уверены, что смогут его прокормить, одеть и подготовить к жизненной борьбе? Где ручательство? Ей смутно вспоминались тяжелые времена, пережитые в детстве, и жалобы матерей и отцов приобретали для нее новый смысл. Теперь ей становилось понятным даже постоянное нытье Сары.

По соседству, у забастовавших рабочих железнодорожных мастерских, началась нужда. Владельцы лавчонок, куда Саксон бегала по утрам за провизией, уже впадали в уныние. Все ходили мрачные. Особенно угрюмы были лица женщин-матерей. Когда они по вечерам болтали на своих крылечках или у калиток, их голоса звучали подавленно и смех раздавался все реже.

Мэгги Донэхью, бравшая обычно у молочника три пинты молока, теперь ограничивалась одной. Люди уже не ходили целыми семьями в кинематограф, и стало труднее доставать мясные обрезки. Нора Дилэйни, жившая за три дома от Саксон, перестала покупать по пятницам свежую рыбу; теперь она подавала на стол соленую треску, да и то не первого сорта. Румяные ребятишки, выбегавшие прежде на улицу между обедом и ужином с огромными ломтями хлеба, густо намазанными маслом и посыпанными сахаром, теперь выходили с маленькими ломтиками, на которых было очень мало масла, а сахара не было совсем. Даже самый обычай этот постепенно отмирал, и многие дети уже ничего не получали в неурочное время.

Везде сказывалось стремление сократить расходы, сжаться, урезать себя во всем до последней возможности. И всеобщее раздражение росло. Женщины стали гораздо чаще ссориться между собой и обращаться с детьми гораздо грубее, чем раньше. Саксон знала, что Мери и Берт бранятся целыми днями.

— Надо, чтобы она хоть когда-нибудь поняла, что у меня есть свои заботы и огорчения, — жаловался он Саксон.

Она пристально взглянула на него и почувствовала вдруг какой-то смутный, неопределенный страх за него. В его черных глазах, казалось, тлел огонь безумия. Смуглое лицо исхудало, и резче выступили скулы; губы слегка кривились, словно на них застыла горькая усмешка. В том, как он лихо сдвигал шляпу на затылок, и во всей его манере держаться чувствовался еще более бесшабашный вызов, чем обычно.

Иногда, сидя в долгие послеобеденные часы без дела у окна, Саксон рисовала в своем воображении великий переход ее предков через степи, горы и пустыни к обетованной земле у Западного моря. И она представляла себе то идиллическое время, когда они жили простой жизнью, близкой к природе, и никто понятия не имел ни о каких рабочих союзах и

объединениях предпринимателей. Она вспоминала рассказы стариков о том, как они сами добывали себе все нужное для жизни: охота и домашний скот давали мясо, каждый выращивал овощи на своем огороде, каждый был сам себе кузнецом и плотником, сам шил себе обувь и одежду и даже ткал ткань для этой одежды. И глядя на брата, она понимала, о чем он тоскует и почему мечтает взять участок казенной земли и поселиться в деревне.

А хорошо, вероятно, быть фермером, думала она. И зачем людям понадобилось непременно жить в городах? Почему времена изменились? И если раньше всем хватало, то почему не хватает теперь? Зачем людям спорить и ссориться, бороться и бастовать — и все только для того, чтобы получить работу? Почему работы не хватает на всех? Еще сегодня утром у нее на глазах стачечники поколотили двух штрейкбрехеров, которые шли в мастерские, — рабочих этих она знала, кого в лицо, кого по фамилии, они жили неподалеку. Начали дети — они принялись кидать в штрейкбрехеров камнями и выкрикивали такие слова, каких детям и знать-то не следует. На шум драки прибежали полисмены с револьверами, и забастовщики попрятались в домах и узких проходах между домами. Одного штрейкбрехера унесли в амбулаторию — он был без сознания; другой под охраной железнодорожной полиции все же добрался до мастерских. Мэгги Донэхью, стоявшая на своем крылечке с ребенком на руках, проводила штрейкбрехера таким потоком брани, что Саксон сгорела от стыда. Когда побоище было в разгаре, Саксон увидела на крыльце соседнего дома Мерседес, — старуха смотрела на эту сцену с загадочной усмешкой; она жадно следила за всем происходившим на улице, и ее ноздри вздрагивали и раздувались. Однако Саксон была поражена ее полным спокойствием, — в старухе говорило только любопытство.

И к ней-то, столь мудрой в любви, Саксон пришла за разрешением мучивших ее вопросов о жизни. Но оказалось, что и на экономику и на рабочий вопрос Мерседес смотрит как-то дико и странно.

— О-ля-ля, дорогая, все это очень просто. Люди в большинстве прирожденные дураки, — это и есть рабы. Ум дан только очень немногим, — это и есть господа. Мне кажется, сам Бог создал людей такими.

— А как же Бог допустил эту ужасную драку сегодня утром?

— Боюсь, что Он такими вещами не интересуется, — улыбнулась Мерседес. — Едва ли Он даже знал о ней.

— Я перепугалась до смерти, — сказала Саксон, — мне чуть дурно не сделалось. А вы… я ведь смотрела на вас, — вы глядели на эту драку так равнодушно, точно на какое-то представление.

— Это и было представление!

— О! Как вы можете…

— Ну, знаете, у меня на глазах людей убивали. Ничего особенного. Все люди умирают. Дураки умирают, как скот, не зная почему. Даже смешно. Колотят друг друга дубинками и кулаками, проламывают друг другу головы, грызутся, точно собаки из-за кости. Ведь работа, из-за которой они бьются, — это та же кость. Если бы они еще убивали друг друга из-за женщин, из-за идей, золота, сказочных брильянтов! Но нет — они только голодны и дерутся ради каких-то крох, лишь бы набить желудок!

— О, если бы только я могла понять, — прошептала Саксон, стиснув руки. Ее томила тоска неведения и жажда знания.

— Тут нечего и понимать. Все ясно, как день. Всегда существовали дураки и умники, рабы и господа, мужики и принцы. И всегда будут существовать.

— Но почему же?

— Почему мужик — мужик, моя дорогая? Потому, что он мужик! Почему блоха — блоха?

Саксон огорченно качала головой.

— Но я же вам ответила, милочка. Ни один философ в мире не даст вам более ясного ответа. Почему вы выбрали себе в мужья именно этого мужчину, а не другого? Потому что именно он вам понравился. А почему? Понравился, и все! Почему огонь жжет, а мороз морозит? Почему есть дураки и умные? Хозяева и рабы? Предприниматели и рабочие? Почему черное — черно? Ответьте на это — и вы ответите на все.

— Но разве правильно, что люди голодают и не имеют работы, когда они только и хотят работать, лишь бы их труд оплачивался по справедливости, — возразила Саксон.

— Это так же правильно, как то, что камень не горит, что морской песок не сахар, что терновник колется, а вода мокрая, что дым поднимается кверху, а вещи падают вниз.

Но такое объяснение действительности не убедило Саксон. Откровенно говоря, она просто не постигала смысла того, что говорила Мерседес. Это казалось ей нелепым.

— Тогда, значит, у нас нет ни свободы, ни независимости! — пылко воскликнула она. — Люди неравны, и мой ребенок не имеет права жить так, как живет дитя богатой матери!

— Конечно, нет, — отозвалась Мерседес.

— Но ведь весь мой народ именно за это и боролся, — возразила Саксон, вспоминая уроки истории и саблю отца.

— Демократия — мечта глупцов. Ах, милочка, поверьте, демократия — такая же ложь, такой же дурман, как религия, и служит лишь для того, чтобы рабочие — этот вьюченный скот — не бунтовали. Когда они стонали под бременем нужды и непосильного труда, их уговаривали терпеть и нужду и труд и кормили баснями о царстве небесном, где бедные будут счастливы и сыты, а богатые и умные — гореть в вечном огне. Ох, как умные смеялись! А когда эта ложь выдохлась и у людей возникла мечта о демократии, умные постарались, чтобы она так и осталась мечтой, только мечтой. Миром владеют сильные и умные.

— Но ведь вы же сами принадлежите к рабочему люду, — заметила Саксон.

Старуха почти гневно выпрямилась.

— Я? К рабочему люду? Да, но только потому, что я неудачно поместила деньги, что я стара и уже не могу покорять смелых молодых людей, потому что я пережила всех друзей моей молодости и у меня никого не осталось, потому что я живу здесь, в этом рабочем квартале, с Барри Хиггинсом и готовлюсь к смерти. Но я родилась, дорогая моя, среди господ и всю жизнь топтала ногами дураков. Я пила редчайшие вина, я веселилась на празднествах, которые стоили столько, что на эти деньги можно было бы прокормить наших соседей в течение всей их жизни. Мы с Диком Голденом — правда, эти деньги принадлежали ему, но они были все равно что мои, — мы спустили за неделю в Монте-Карло четыреста тысяч франков. Он был еврей и мот отчаянный. В Индии я носила такие драгоценные камни, что, продав их, можно было бы

спасти жизнь десяти тысячам семейств, умиравшим у меня на глазах.

— Вы видели, как они умирают, и… ничего для них не сделали? — спросила Саксон задыхаясь.

— Я сберегла свои драгоценности… да, а в том же году их у меня украл русский офицер… такая скотина!

— И вы дали этим людям умереть?.. — снова повторила Саксон.

— Это жалкое людское отребье, они гниют и размножаются, как черви. Просто ничтожество, ничтожество, ничтожество, моя дорогая, как и ваши здешние рабочие, самая непростительная глупость которых состоит в том, что они беспрерывно плодят такое же глупое потомство и поставляют рабов для господ.

И вот Саксон, жаждавшая получить от других хоть какое-нибудь объяснение окружавшей ее действительности и слышавшая так мало вразумительного от этой страшной старухи, так и не получила ничего. Теперь она поняла, что и многое другое, о чем рассказывала Мерседес, лишь игра ее воспаленного воображения.

По мере того как проходили недели, забастовка в железнодорожных мастерских принимала все более острый и угрожающий характер. Билл только качал головой и сознавался, что он просто голову теряет, когда думает о том, что ждет рабочих.

— Никак я не разберусь во всем этом, — жаловался он Саксон. — Все как-то перепуталось. Точно драка в полной темноте. Взять хотя бы нас, возчиков. Ведь — и у нас уже поговаривают о том, чтобы объявить забастовку из сочувствия заводским рабочим. Они не работают больше недели, многие из них уже уволены, и если мы не прекратим работать для их завода, они проиграют дело наверняка.

— Однако вы и не подумали бастовать, когда вам самим урезали заработную плату, — заметила Саксон, нахмурившись.

— О, тогда мы были не готовы. А теперь нас поддержат и возчики из Фриско и союз портовых рабочих. Но это пока только разговоры. Конечно, если уж мы решимся, то непременно попытаемся вернуть и те десять процентов, которые у нас отняли.

— А все эти негодяи политиканы, — сказал он ей как-то в другой раз, — нет ни одного порядочного. Хоть бы мы, рабочие, когда-нибудь поумнели и сговорились выбирать только честных людей!

— Но если даже вы трое — ты, Берт и Том — не можете сговориться, то как же вы надеетесь, что сговорятся все остальные? — спросила Саксон.

— Сам не знаю, — сознался Билл. — Начнешь думать — и голова идет кругом. А вместе с тем ведь ясно, как дважды два: найти честных людей

— и все пойдет как следует. Честные люди создадут честные законы, и тогда каждый честный человек получит то, что ему причитается. Но Берт хочет все разрушить, а Том покуривает себе трубочку и мечтает, мечтает, как люди помаленьку да полегоньку придут в конце концов к таким же взглядам, как у него, и будут голосовать за его программу. Но с этим «помаленьку да полегоньку» ничего не добьешься. Нам надо, чтобы хорошо было уже сейчас. Том говорит, что мы пока ничего не добьемся, а Берт — что не добьемся никогда. Ну, как тут быть, если у каждого свой взгляд? Посмотри, даже социалисты вечно спорят, откалываются, выставляют

друг друга из партии. Прямо сумасшедший дом, я сам теряю разум, когда об этом думаю. Одно мне ясно: нужно, чтобы уже сейчас жить стало легче.

Вдруг он остановился и взглянул на Саксон.

— Что с тобой? — спросил он прерывающимся от волнения голосом. — Ты… больна или… или… это…

Она прижала руку к сердцу; внезапный испуг в ее глазах постепенно перешел в выражение скрытой радости, а на губах заиграла легкая загадочная улыбка. Казалось, она не видит стоящего перед ней мужа и прислушивается к чему-то идущему издалека, что ему слышать не дано! Но вот ее лицо просияло радостью и удивлением, она взглянула на него и протянула ему руку.

— Это жизнь! — прошептала она. — Это — он!.. Я так счастлива, так рада!

Когда Билл на следующий день вернулся домой с работы, Саксон заставила его серьезнее, чем когда-либо, задуматься над его родительскими обязанностями.

— Я все решила. Билли, — начала она. — Я такая здоровая и крепкая, что особых расходов не потребуется. Можно позвать Марту Скелтон. Она хорошая акушерка.

Но Билл покачал головой.

— Нет, Саксон, это невозможно. Мы позовем доктора Гентли. Он принимал у жены Билла Мэрфи, и Билл за него ручается. Правда, он старый ворчун, но в своем деле собаку съел.

— А она принимала у Мэгги Донэхью, — возразила Саксон, — и посмотри, какие здоровые и мать и ребенок.

— Нет, уж одна она во всяком случае у тебя принимать не будет.

— Но ведь доктору придется заплатить двадцать долларов, — продолжала Саксон, — и он заставит меня, кроме того, взять сиделку, ведь у меня нет родственницы, чтобы побыть у нас. А Марта сделает все, и выйдет гораздо дешевле.

Билл нежно обнял ее, однако настоял на своем:

— Послушай меня, моя милая женушка. Мы, Робертсы, за дешевизной не гонимся. Запомни это раз навсегда. Ты должна родить ребенка. Это твое дело — и хватит с тебя. Мое дело достать денег и заботиться о тебе. В таких случаях излишняя осторожность не помешает. Я и за мильон долларов не соглашусь на малейший риск для тебя. Все дело в тебе. А деньги что? Деньги — мусор. Как по-твоему, разве я уже не люблю малыша? Конечно, люблю. Он у меня целыми днями не выходит из головы. Если меня прогонят, то по его милости. Я совсем дурею от мысли о нем. И все-таки, даю слово, Саксон, я бы лучше согласился видеть его мертвым, чем допустить, чтобы ты повредила себе хотя бы мизинчик. Теперь ты понимаешь, как ты мне дорога?

Прежде я думал, что, когда люди женятся, — это они просто хотят зажить своим домом. Проходит какое-то время, и им в пору только думать о том, чтобы кое-как друг с другом поладить; да так оно и бывает у других. Но не у нас с тобой. Я с каждым днем люблю тебя сильнее. И вот сейчас, например, я люблю тебя сильнее, чем когда говорил с тобой пять минут назад. И сиделку тебе брать незачем. Доктор Гентли будет приходить каждый день, а Мери

присмотрит и за хозяйством и за тобой — словом, сделает все, что сделаешь для нее ты, если она окажется в твоем положении.

По мере того как проходили недели и грудь у Саксон наливалась, молодую женщину все больше охватывала гордость материнства. Она была созданием настолько нормальным и здоровым, что материнство давало ей лишь горячую радость и внутреннее удовлетворение. Правда, и на нее минутами находила тревога, но так редко и мимолетно, что только обостряла ее счастье.

Одно продолжало ее смущать: все осложнявшееся положение рабочих, в котором, кажется, никто не мог разобраться, и меньше всего она сама…

— Вот все уверяют, что благодаря машинам товаров производится гораздо больше, чем в прежние времена, — говорила она брату. — Тогда почему же теперь, когда машин так много, мы нисколько не богаче прежнего?

— Ты ставишь вопрос совершенно правильно, — отвечал он. — Этак ты скоро к социализму придешь!

Но Саксон смотрела на вещи практически:

— Том, ты давно социалист?

— Лет восемь.

— А много это тебе дало?

— Даст… со временем.

— Ты, пожалуй, раньше умрешь.

Том вздохнул:

— Боюсь, что ты права. Все развивается так медленно.

Он снова вздохнул. Она с грустью отметила терпеливое и усталое выражение его лица, сутулые плечи, натруженные руки, — все это как бы подтверждало бессилие его социальных воззрений.

Глава девятая

Началось с пустяков, как часто начинается непредвиденное и роковое. Дети всех возрастов играли на Пайн-стрит, а Саксон сидела у открытого окна и, глядя на них, грезила о своем ребенке, который должен был скоро родиться на свет. Мягко светило солнце; и у свежего ветерка, дувшего с моря, был легкий привкус соли. Вдруг кто-то из детей указал в сторону Седьмой улицы. Все бросили игру и стали смотреть, показывая пальцами в том же направлении. Затем они разбились на кучки: более взрослые мальчики, от десяти до двенадцати лет, образовали особую группу, а девочки постарше испуганно привлекали к себе самых маленьких или брали их на руки.

Саксон не могла видеть того, что так встревожило ребят, но, заметив, с какой поспешностью старшие мальчики бросились к канаве и, набрав камней попрятались в проходах между домами, догадалась о причине их волнения. Мальчики поменьше подражали им. Девочки потащили малышей в дома, они скрипели калитками и шумно взбегали на крылечки убогих

хибарок. Двери захлопали, улица опустела, хотя там и сям из-за приоткрытых ставней выглянули встревоженные женские лица. Саксон услышала шипение и пыхтение поезда городской железной дороги, отходившего с Центральной улицы. Затем со стороны Седьмой раздался хриплый рев множества мужских голосов. Ей все еще ничего не было видно, но, услыхав эти крики, она невольно вспомнила слова Мерседес: «Они грызутся, точно собаки из-за кости. Ведь работа, из-за которой они дерутся, — это та же кость».

Рев приближался, и Саксон, высунувшись в окно, увидела с десяток штрейкбрехеров в сопровождении и под охраной десятка полицейских и сыщиков. Они шли сомкнутым строем вдоль улицы, как раз по той стороне, где стоял ее дом, а за ними, крича и ежеминутно нагибаясь за камнями, бежала беспорядочная толпа, состоявшая примерно из сотни бастующих рабочих. Саксон почувствовала дрожь, но, зная, что волнение ей вредно, постаралась овладеть собой. В этом ей отчасти помогла Мерседес Хиггинс: вытащив стул, старуха поставила его на высокое крыльцо и преспокойно уселась.

В руках у полисменов были дубинки. Сыщики казались невооруженными. Забастовщики, все время следуя сзади, видимо, пока довольствовались бранью и угрозами. Ускорили события дети. Из прохода между домом Олсена и домом Айшэма вдруг полетели камни. Большинство не долетело, но одному из штрейкбрехеров угодило в голову, — его отделяло от Саксон не больше двадцати шагов. Спотыкаясь, он подошел к ее воротам и выхватил из кармана револьвер. Одной рукой он отер с лица кровь, заливавшую ему глаза, другой спустил курок и выстрелил в дом Айшэма. Сыщик схватил его за руку, чтобы удержать от второго выстрела, и потащил за собой. Тут в толпе забастовщиков послышались еще более угрожающие крики, и из прохода между домом Саксон и домом Мэгги Донэхью полетел град камней. Штрейкбрехеры и их защитники остановились и вытащили револьверы. И Саксон поняла, глядя на жесткие, решительные лица этих людей, для которых драка была профессией, что от них можно ждать только кровопролития и смерти. Какой-то пожилой человек, по-видимому их предводитель, снял мягкую фетровую шляпу и отер потную лысую голову. Он был большого роста, рыхлый и тучный и с виду довольно беспомощный. Он курил сигару, и его седые бакенбарды местами пожелтели от табачной жвачки. Саксон заметила, что его покатые плечи сутулятся, а воротник осыпан перхотью.

Один из сыщиков указал на что-то рукой, и его спутники засмеялись. Причиной тому был четырехлетний маленький Олсен: он каким-то образом ускользнул от матери и теперь ковылял на кривых ножонках к своим классовым врагам; в правой руке он тащил самый большой камень, какой был в силах поднять, и тоже лепетал угрозы. Розовое личико было искажено гневом, и малыш не переставая кричал штрейкбрехерам: «Пошли к черту! Пошли к черту! К черту!» Смех, которым они отвечали на его крик, еще больше обозлил мальчугана. Он подбежал к ним, переваливаясь, и изо всех своих силенок бросил камень, упавший тут же, в пяти шагах от него.

Все это Саксон видела; видела и миссис Олсен, которая кинулась на улицу за ребенком. Треск револьверных выстрелов, донесшийся из толпы забастовщиков, заставил Саксон обратить внимание на людей под ее окном. Один из них свирепо бранился, разглядывая бицепс своей бессильно повисшей левой руки. Она видела, как кровь стекает по его пальцам на землю. Саксон понимала, что ей не следует тут оставаться и смотреть на улицу, но в ней пробудилась отвага — наследие воинственных предков — и заглушила остатки естественного женского страха. В пылу сражения, неожиданно разыгравшегося на ее тихой улице, она забыла о своем ребенке, а при виде того, что случилось с курившим сигару толстяком, забыла и о забастовщиках и обо всем. Каким-то странным, непонятным образом его голова оказалась втиснутой между кольями забора; тело свисало на улицу, колени почти касались земли. Шляпа свалилась, и лысое темя лоснилось на солнце. Сигара тоже исчезла. Она видела, что он

смотрит на нее, одна из его рук, застрявшая между кольями, казалось, делала ей знаки, — он даже как будто игриво подмигивал ей, хотя она понимала, что это была судорога отчаянной боли.

Саксон смотрела на него секунду, может быть две, и вдруг услышала голос Берта. Он бежал по мостовой, как раз мимо ее дома; за ним неслось несколько забастовщиков, которым он кричал: «Сюда, могикане, сюда! Мы им покажем!»

В левой руке он держал кирку, в правой револьвер, уже без пуль, и на бегу щелкал пустой обоймой. Вдруг Берт остановился и, выронив кирку, повернулся лицом к Саксон. Он стал медленно оседать, потом на мгновение выпрямился, швырнул револьвер в лицо подскочившему штрейкбрехеру. И тут же пошатнулся. Колени его опять начали подгибаться. Медленно, с неимоверным усилием, ухватился он правой рукой за столб калитки и все так же медленно стал опускаться, точно хотел сесть на землю; между тем толпа забастовщиков пронеслась мимо него.

Битва была беспощадной, настоящее побоище. Окруженные рабочими, штрейкбрехеры и их охрана, прислонившись спинами к забору Саксон, защищались, как загнанные в угол крысы, но не могли устоять против напора ста человек. Мелькали дубинки и кирки, щелкали сухие револьверные выстрелы, булыжники летели с расстояния в два шага и разбивали головы. Саксон видела, как молодой парень Фрэнк Дэвис, друг Берта и отец полугодовалого ребенка, приставил дуло револьвера к животу штрейкбрехера и выстрелил. Она слышала хриплые угрозы и проклятья, крики ужаса и боли. Да, Мерседес права. Это уже не люди. Это звери, грызущиеся из-за кости, убивающие из-за нее друг друга.

«Работа — это кость, работа — это кость...» — повторяла про себя Саксон. И, как бы она ни хотела, она была уже не в силах отойти от окна. Ей казалось, что она парализована. Мозг больше не работал. Она сидела онемев, с широко раскрытыми глазами, и следила не отрываясь за всеми этими ужасами, проносившимися перед ней подобно киноленте, пущенной с сумасшедшей скоростью. Она видела, как падают сыщики, полисмены, забастовщики. Один тяжело раненный штрейкбрехер на коленях молил о пощаде, его пнули ногой в лицо. Когда он повалился назад, другой рабочий, склонившись над ним, стал стрелять ему в грудь — торопливо и беспрерывно — раз, раз, пока не расстрелял всю обойму. Другому штрейкбрехеру стиснули горло, перекинули его головой через ограду и стали бить по лицу стволом револьвера. Рабочий бил ожесточенно, не останавливаясь. Саксон знала его. Это был Честер Джонсон. Она встречалась с ним до замужества и не раз танцевала. Он всегда казался ей мягким и добродушным. Она вспомнила, как однажды в пятницу, после обычного концерта в городской ратуше, он повел ее и еще двух девушек в ресторанчик к Тони Тэмельгротту на Тринадцатой улице, а затем они отправились в кафе Пабста и выпили по стакану пива, перед тем как идти домой. И теперь она не могла поверить, что это тот самый Честер Джонсон. Вдруг она увидела, как толстяк, голова которого все еще торчала между кольями забора, свободной рукой достал револьвер и, зверски скосив глаза, прижал дуло к боку Честера. Она сделала усилие, чтобы вскрикнуть и предупредить его. Она действительно вскрикнула, — он поднял голову и увидел ее. В ту же секунду толстяк выстрелил, и Честер упал на труп штрейкбрехера. На заборе остались висеть три тела.

Теперь уже ничто не могло ее поразить. Она смотрела почти равнодушно на то, как стачечники перескочили в ее палисадник, растоптали скудные кустики герани и виол и скрылись в проходе между ее домом и домом Мерседес. По Пайн-стрит, со стороны вокзала, приближался отряд железнодорожной полиции и сыщиков, стрелявших на ходу. А с другого конца со звоном и грохотом неслись три машины, набитые полисменами. Рабочие оказались в ловушке, бежать можно было только через проходы между домами, а затем через заборы

задних дворов. Но в одном из проходов произошла давка и помешала многим спастись. С десяток рабочих оказались зажатыми между крыльцом Саксон и стеной дома, и полицейские этим воспользовались. Забастовщиков даже не пытались арестовать. Взбешенные стражи порядка повалили их наземь и перестреляли всех до единого.

Когда расправа кончилась, Саксон, хватаясь за перила, как в полусне, сошла с крыльца. Толстяк все еще подмигивал ей и размахивал рукой, хотя два дюжих полисмена старались освободить его. Калитка оказалась сорванной с петель, и Саксон очень удивилась, что не заметила, когда это произошло.

Глаза Берта были закрыты, губы в крови, в горле у него клокотало, и казалось, он хочет что-то сказать.

Когда она наклонилась над ним, вытирая платком кровь со щеки, на которую кто-то наступил, он открыл глаза. В них горела все та же ненависть. Он не узнал ее. Губы его зашевелились, и он едва слышно прошептал, словно припоминая что-то:

— Последние могикане, последние могикане…

Потом он застонал, и его веки снова сомкнулись. Он был еще жив. Она знала это. Его грудь бурно вздымалась, в ней по-прежнему клокотало.

Она подняла глаза. Рядом с ней стояла Мерседес, — ее глаза блестели, на морщинистых щеках пылал румянец.

— Вы поможете мне перенести его в дом? — спросила Саксон.

Мерседес кивнула и, обратившись к бывшему тут же полисмену, попросила его помочь. Тот бросил быстрый взгляд на Берта, и в его глазах сверкнула зверская злоба.

— К черту! Мы будем заботиться о своих.

— Может быть, мы одни справимся? — сказала Саксон.

— Не будьте дурочкой! — И Мерседес поманила к себе миссис Олсен. — А вы уходите-ка скорее в дом, маленькая мамаша. Вам тут нечего делать. Мы внесем его. Вон идет миссис Олсен, и я еще позову Мэгги Донэхью.

Саксон повела их в комнату за кухней, обставленную мебелью, по настоянию Билла. Когда она открыла дверь, первое, что ей бросилось в глаза, был ковер, лежавший на полу; она вспомнила, как Берт помогал им устраиваться. А когда Берта положили на кровать, она опять вспомнила, что именно с ним устанавливала в одно воскресное утро эту кровать.

Затем она почувствовала себя очень странно и увидела устремленный на нее встревоженный и вопрошающий взгляд Мерседес. Вскоре ей стало еще худее, и начались те особые нестерпимые боли, которые дано испытывать только женщинам. Почти на руках ее отнесли в спальню. Вокруг она видела многих — Мерседес, миссис Олсен, Мэгги Донэхью. Ей все хотелось спросить миссис Олсен, удалось ли той увести маленького Эмиля с улицы, но Мерседес послала ее к Берту, а Мэгги Донэхью пошла посмотреть, кто стучится в парадную дверь. С улицы доносились громкий гул голосов, крики, брань, приказания и время от времени звонки санитарных и полицейских автомобилей.

Потом Саксон увидела полное доброе лицо Марты Скелтон, затем явился и доктор Гентли.

Один раз, когда схватки на миг прекратились, Саксон услышала сквозь тонкую стенку отчаянные крики Мери, а через некоторое время ее уже более спокойный голос, повторявший все вновь и вновь:

— Я ни за что не вернусь в прачечную. Никогда! Никогда!

Глава десятая

Билл никак не мог привыкнуть к той перемене, которая произошла с Саксон. Каждое утро перед уходом на работу и каждый вечер по возвращении домой он должен был, входя к ней в комнату, делать героические усилия, чтобы скрыть свои чувства и придать себе веселый и беспечный вид. Она лежала на постели такая маленькая-маленькая, худая и измученная, что действительно напоминала девочку. Он садился возле нее, брал ее бледную, худую, прозрачную руку, неясно гладил и удивлялся тонкости и хрупкости ее костей.

Первый вопрос Саксон, вначале очень удививший и Билла и Мери, был:

— Удалось ли спасти маленького Эмиля Олсена? И когда она рассказала им, как мальчуган один напал на двадцать пять вооруженных людей, лицо Билла засияло восхищением.

— Ах, мошенник! — сказал он. — Таким ребенком можно гордиться!

Вдруг он растерянно смолк, и его страх причинить ей боль этим замечанием тронул Саксон. Она протянула ему руку.

— Билли, — начала она и, подождав, пока Мери вышла из комнаты, продолжала: — Я тебя до сих пор не спрашивала… Теперь ведь уж все равно… Я ждала, что ты сам скажешь… Это был…

Он покачал головой:

— Нет, девочка. Чудесная девочка… Только… роды были преждевременные.

Она пожала его руку, как будто он теперь больше нуждался в утешении и поддержке, чем она.

— Я тебе никогда не говорила. Билли… ты ведь так хотел мальчика; но я все равно решила, если будет девочка, назвать ее Дэзи. Помнишь, так звали мою мать…

Он сочувственно кивнул головой.

— Знаешь, Саксон, я ведь до чертиков хотел мальчика… А теперь… мне все равно. Я так же любил бы и девочку… И я надеюсь, что следующую мы назовем… Ты ничего не будешь иметь против, если…

— Что?

— Если мы и ее назовем Дэзи?

— О Билли! Я бы тоже хотела…

Его лицо вдруг омрачилось, и он продолжал:

— Только следующего не будет. Я раньше понятия не имел, каково это иметь детей. Ты больше не должна подвергаться такому риску.

— И это говорит большой, сильный, бесстрашный мужчина! — пошутила она со слабой улыбкой. — Ничего ты в этих делах не понимаешь, да и где тебе! Я здоровая, нормальная женщина. И все бы обошлось отлично, если бы не… не это побоище. Где похоронили Берта?

— Ты знала, что он умер?

— Да, с тех самых пор. А где Мерседес? Она не заходит вот уже два дня.

— Старик Барри заболел. Она ухаживает за ним.

Он не сказал ей, что старик лежит при смерти там, в нескольких шагах от нее, за тонкими стенами этого дома.

Губы Саксон дрогнули, и она тихонько заплакала, сжимая обеими руками руку Билла.

— Я… я не могу… — всхлипывала она. — Это сейчас пройдет… Наша девочка. Билли! Подумай! Я никогда ее не увижу!..

Однажды вечером, когда Саксон еще лежала в постели, Мери вдруг с горечью заявила: она-де благодарит судьбу за то, что хоть избежала тех страданий, которые выпали на долю Саксон.

— Ах, что вы говорите! — воскликнул Билл. — Вы же выйдете еще раз замуж, пари держу на что хотите.

— Ни за что! — возразила Мери. — Да и незачем. На свете и так слишком много народу, на каждое место по двое, по трое безработных. А потом — рожать это так ужасно.

Саксон с выражением какой-то страдальческой мудрости, словно засиявшей на ее лице, возразила:

— Хотя я многое пережила, я отказываюсь тебя понимать. Несмотря на все страдания, которые я испытала и еще продолжаю испытывать, несмотря на горе и боль, я утверждаю, что иметь детей — это самая прекрасная, самая чудесная вещь на свете.

Когда силы к ней вернулись и доктор Гентли заверил Билла, что она теперь как новенький доллар, Саксон сама заговорила о трагедии рабочих, разыгравшейся перед ее окном. Билл рассказал ей, что тогда же немедленно были вызваны войска, которые и заняли пустырь возле железнодорожных мастерских, в конце Пайн-стрит. Что же касается забастовщиков, то пятнадцать из них сидят в тюрьме. Полиция обшарила по соседству каждый дом и таким образом нашла их. Почти все оказались ранеными.

— Им плохо придется, — закончил Билл.

Газеты требовали крови за кровь, и во всех церквах Окленда священники произносили свирепые проповеди, клеймя забастовщиков. Все места в железнодорожных мастерских были заняты другими, и было объявлено, что участники стачки никогда не будут приняты ни в эти, ни в какие-либо иные железнодорожные мастерские в США, их имена занесли на черную доску. Постепенно они разъехались: некоторые отправились на Панамский перешеек, четверо собирались в Эквадор, чтобы поступить в мастерские при железной дороге, идущей через Анды в Кито.

Тщательно скрывая свою тревогу, Саксон старалась узнать, как смотрит Билл на все случившееся.

— Вот и видно, к чему приводят насильственные меры, которых требовал Берт, — начала она.

Билл медленно и задумчиво покачал головой.

— Честера Джонсона безусловно повесят, — заметил он, уклоняясь от прямого ответа. — Ты ведь знаешь его. Помнишь, ты говорила, что не раз с ним танцевала. Его нашли лежащим на трупе штрейкбрехера, которого он убил, и взяли на месте преступления. Этот старый толстяк Трясучье Пузо, по-видимому, останется жив, хотя в нем и сидят три пули, и он теперь все припомнит Честеру. Именно его показания и позволят им повесить Честера. Вся эта история была в газетах. Трясучье Пузо сам и подстрелил его, когда висел на нашем заборе.

Саксон содрогнулась: Трясучье Пузо — это, наверно, и есть тот лысый толстяк.

— Да, — сказала она. — Я видела. Толстяк очень долго провисел под нашим окном, наверно несколько часов.

— Все продолжалось не больше пяти минут.

— А мне казалось, что прошли годы.

— Наверно, так казалось и Пузу, когда он висел на заборе, — мрачно усмехнулся Билл. — Но он живучий, черт… Уж сколько в него стреляли и били его, а все ничего. Говорят, теперь он на всю жизнь останется калекой, придется ходить на костылях… или ездить в колясочке. По крайней мере уже не сможет делать рабочим всякие пакости. У железнодорожной компании он был одним из их главных бандитов; как где потасовка, он тут как тут. Ему было на всех наплевать… Эта история ему очень полезна.

— А где он живет? — спросила Саксон.

— На Аделайн-стрит, недалеко от Десятой, в богатом квартале и в отличном двухэтажном доме. Он платит за него, наверное, не меньше тридцати долларов в месяц. Я думаю, что он здорово получал с правления железной дороги.

— Он, наверно, женат?

— Да. Жены его я никогда не видал, но знал сына Джека, инженера. Хороший был боксер, хотя никогда не выступал. А другой его сын преподает в школе. Этого зовут Паулем. Мы примерно сверстники. Он отлично играл в бейсбол. Мы встречались еще мальчишками. На школьных состязаниях он три раза мне забил гол.

Саксон откинулась на спинку качалки и задумалась. Дело, оказывается, гораздо сложнее: у этого старого, лысого и пузатого разбойника есть жена и дети. А тут еще Фрэнк Дэвис, женатый меньше года и с грудным ребенком… Может быть, есть семья и у того штрейкбрехера, которому он выстрелил в живот… Все они так или иначе знают друг друга, все — точно члены одной большой семьи; и вместе с тем каждый, спасая свою собственную семью, дрался и убивал остальных. Она видела, как Честер Джонсон убил штрейкбрехера, а теперь они собираются повесить Честера Джонсона, женатого на Китти Брэнди, с которой она работала несколько лет на картонажной фабрике.

Но тщетно Саксон ждала от Билла чего-нибудь, что показывало бы его отношение к убийству штрейкбрехеров.

— Рабочие поступили нехорошо, — рискнула она, наконец, заметить.

— А те убили Берта, — возразил он, — и многих других. Между прочим, и Фрэнка Дэвиса. Ты не знала, что он умер? Ему всю нижнюю челюсть оторвало пулей, не успели даже отправить в больницу. Никогда еще в Окленде не было перебито зараз столько народу.

— Но рабочие сами виноваты, — сказала она. — Они начали первые. Они убивали.

Билл только хрипло что-то пробурчал себе под нос, и она поняла, что он говорит: «Черта с два!» Но когда она переспросила его: «Что?» — он не ответил. Его взор стал сумрачным, лицо решительным, возле рта легли суровые складки.

Для нее это было ударом. Неужели и он такой же, как все, и способен убивать людей, у которых есть семьи, как убивали Берт, Фрэнк Дэвис и Честер Джонсон? Неужели и он дикий зверь, дерущийся из-за добычи?

Она тяжело вздохнула. Жизнь — такая загадка! Может быть. Мерседес права в своих жестоких оценках?

— Ну, так что же? — с недоброй усмешкой сказал Билл, как бы в ответ на ее немые вопросы. — Собака грызет собаку. И, насколько я знаю, в мире так было испокон веков. Возьми хотя бы эту драку у нашего забора: они убивали друг друга так же, как северяне и южане в Гражданскую войну.

— Но рабочие таким способом ничего не добьются, Билли. Ты же сам говорил: они этим только навредили себе.

— Может быть, и не добьются… — неохотно согласился он. — Но разве у них есть возможность победить другим способом? Что-то я не вижу. Взять хотя бы нас. Теперь очередь за нами.

— Как, возчики? — воскликнула она.

Он мрачно кивнул головой.

— Давно пора! Хозяева совсем распоясались, нарушают все нормы. Они говорят, что заставят нас на коленях умолять о прежних местах. После той свалки они особенно почувствовали свою силу и власть. За ними ведь стоят войска, а это уже полдела, не говоря о том, что их поддерживает и печать, и духовенство, и общественное мнение. Они уже сейчас хвастают предстоящей расправой и прямо-таки подбивают нас на беспорядки. Прежде всего они вздернут Честера Джонсона и как можно больше из тех пятнадцати. Об этом говорится совершенно открыто, об этом трубят каждый день и «Трибюн», и «Тайме», и «Энкуайрер». Профсоюзам объявлена война. Долой закрытые мастерские! К чертям рабочие организации! Эта грязная газетка «Интеллидженсер» сегодня утром уже заявляет, что всех профсоюзных вожаков Окленда надо либо выгнать из города, либо вздернуть. Здорово, а? Ловко придумали!

То же самое и у нас. Мы объявим забастовку уже не из сочувствия заводским рабочим, — у нас свои заботы. Они уволили четверых лучших наших товарищей, которые были нашими уполномоченными в согласительных комиссиях. Уволили без всякого повода. Говорю тебе, хозяева сами вызывают беспорядки, и они их добьются, если будут себя так вести. Мы уже договорились с союзом портовых рабочих Сан-Франциско. Если они нас поддержат, это уже кое-что.

— Значит… вы решили бастовать? — спросила Саксон.

Он кивнул.

— Но ведь ты же говоришь, что хозяевам это на руку?

— Не все ли равно? — пожал Билл плечами и продолжал: — Лучше забастовка, чем ждать, чтобы тебя выкинули на улицу. Главное — выиграть время и начать, пока они еще не подготовились. Разве мы не знаем, что они сейчас делают? Они набирают штрейкбрехеров по всему штату, всяких конюхов, живодеров и прочий сброд. Они уже набрали человек сорок, поместили их в гостинице в Стоктоне, кормят и содержат, а затем выпустят их на нас; но уже не сорок, а несколько сотен. Так что я в эту субботу, должно быть, последний раз принесу заработную плату… на некоторое время.

Саксон закрыла глаза и несколько минут молча обдумывала создавшееся положение. Не в ее натуре было сразу впадать в панику. Та спокойная уравновешенность, которая в ней так нравилась Биллу, никогда не покидала ее в критические минуты. Саксон понимала, что и она только ничтожная мошка, попавшая вместе со многими другими мошками в паутину всех этих непонятных и запутанных событий.

— Что ж, придется взять из сберегательной кассы, чтобы заплатить за квартиру, — спокойно сказала она.

Лицо Билла вытянулось.

— У нас в кассе не так много, как ты думаешь, — признался он. — Надо было хоронить Берта, и я, знаешь ли, доплатил, сколько не хватало.

— Сколько же?

— Сорок долларов. Я надеялся, что мясник и другие потерпят. Они же знают, что за мной деньги не пропадут. Но они сказали мне прямо: все это время они давали бастовавшим рабочим в долг, — они же сочувствуют нам, — а теперь, когда забастовка провалилась, они сами сели на мель. И я взял, сколько надо было, в кассе. Я был уверен, что ты не рассердишься. Ведь правда?

Саксон храбро улыбнулась и храбро подавила страх, сжавший ей сердце.

— Только так и можно было поступить. Билли. Если бы ты лежал больной, я поступила бы совершенно так же; и то же самое сделал бы для нас с тобой Берт, если бы ты оказался на его месте.

Его лицо просияло.

— Молодец, Саксон! Ты настоящий товарищ, и на тебя всегда можно положиться. Ты для меня — все равно что правая рука. Вот почему я говорю: не надо больше ребят. Если я потеряю тебя, то останусь на всю жизнь вроде калеки.

Саксон ласково кивнула ему.

— Надо будет экономить, — задумчиво сказала она. — Сколько у нас осталось?

— Что-то около — тридцати долларов. Мне, видишь ли, пришлось еще заплатить Марте Скелтон и за… ну и за другое. А тут еще союз решил приготовиться на всякий случай и обложил каждого экстренным взносом в четыре доллара. Доктор Гентли подождет; так он сказал мне. Вот настоящий человек, Саксон, даю слово! Понравился он тебе?

— Да, очень. Но ведь я ничего в докторах не понимаю. Я ни разу к ним не обращалась, — только когда мне прививали оспу, и то это делал городской врач.

— Похоже, что скоро выступят и трамвайщики. Говорят, в городе появился Дэн Фэллон. Он прямехонько из Нью-Йорка. Думал пробраться тайком, а рабочие узнали, когда он выехал из Нью-Йорка, и следили за ним все время. Да и как не следить! Он всегда тут как тут, раз дело касается трамвайщиков. И сколько стачек он сорвал! У него есть в запасе целая армия штрейкбрехеров, и он по мере надобности перебрасывает их с места на место в особых поездах. Окленд еще не видел таких рабочих беспорядков, как теперешние. А что еще будет! Небу жарко станет!

— В таком случае береги себя. Билли. А то я и тебя потеряю.

— Ах, пустяки! Я умею быть осторожным. Да к тому же не думаю, чтобы мы проиграли. У нас есть некоторые шансы на успех.

— Но вы их потеряете, если начнете убивать людей.

— Да. Мы постараемся этого избежать.

— Не нужно насилия.

— Револьверов и динамита мы в ход пускать не будем, — сказал он, — но многим из этих мерзавцев штрейкбрехеров мы морды разукрасим. Без этого не обойдется.

— Но ты, Билли, ничего такого делать не будешь, правда?

— Во всяком случае не так, чтобы какой-нибудь подлец мог потом доказать на меня в суде. — Он быстро перешел на другое: — Знаешь, Барри-то умер. Я не хотел тебе говорить, пока ты совсем не поправишься. Его похоронили на прошлой неделе. А старуха уезжает во Фриско. Она сказала, что зайдет попрощаться. Первые несколько дней твоей болезни она очень хорошо за тобой ухаживала, но потом довела Марту Скелтон до белого каления; та уж и не знала, как от нее отделаться.

Глава одиннадцатая

С тех пор как Билл бастовал и часто уходил дежурить в пикетах. Мерседес уехала и умер Берт, Саксон оказалась в таком одиночестве, которое не могло не повлиять даже на ее здоровую натуру. Мери тоже уехала, — она будто бы получила место экономки в другом городе.

Билл мало что мог сделать для Саксон в ее теперешнем состоянии. Он смутно чувствовал, что она страдает, но не понимал причины и глубины этих страданий. Его практическая, чисто мужская натура была слишком далека от той душевной драмы, какую переживала она. Он, в лучшем случае, присутствовал при этой драме как свидетель, — правда, благожелательный свидетель, но видевший очень мало. Для нее ребенок был живым и реальным; таким она чувствовала его и до сих пор. В этом и состояла ее мука. Никаким усилием воли не могла она заглушить ощущения гнетущей пустоты. Реальность этого ребенка доводила ее иногда до галлюцинаций. Ей казалось, что где-то он все же существует и она должна найти его. Она ловила себя на том, что прислушивается, напрягая слух, к его детскому крику, которого на самом деле не слышала ни разу, но слышала в своем воображении тысячи раз в счастливые месяцы беременности. Дважды она вставала во сне с постели и бродила, разыскивая его, и просыпалась перед комодом своей матери, где хранилось приданое ребенка. В такие минуты Саксон говорила себе: «И у меня был когда-то ребенок». Она повторяла это вслух и днем, сидя

у открытого окна и глядя на игравших ребят.

Однажды, когда она проезжала в трамвае по Восьмой улице, около нее села молодая мать с лепечущим малышом на руках. И Саксон сказала ей:

— У меня тоже был ребенок. Он умер.

Мать испуганно взглянула на нее и невольно крепче прижала к себе ребенка; но затем выражение ее лица смягчилось, и она ласково сказала:

— Бедненькая!

— Да, — повторила Саксон. — Он умер.

Глаза ее наполнились слезами, но то, что она сказала вслух о своем горе, принесло ей как бы некоторое облегчение. Весь день потом ее преследовало настойчивое желание поведать о нем всем и каждому — и кассиру в банке, и пожилому приказчику в магазине Сэлингера, и слепой женщине, которую водил маленький мальчик, игравший на концертино, — всем, кроме полисмена. Полисмены стали теперь для нее какими-то новыми, страшными существами. Она видела, как беспощадно они убивали забастовщиков, не менее беспощадно, чем те — штрейкбрехеров. Но они убивали не из-за куска хлеба, не из-за работы, это были профессиональные убийцы. Убивать было их обязанностью. В тот день, когда они загнали кучку рабочих в угол у ее крыльца, они могли просто взять и арестовать их, но они этого не сделали. И с тех пор, завидев полисмена, она сходила с тротуара, стараясь обойти его как можно дальше. Она чувствовала в нем чуждую силу, в корне враждебную ей и ее близким.

Как-то, когда она ждала трамвая на углу Восьмой улицы и Бродвея, стоявший на углу полисмен узнал ее и поклонился. Она страшно побледнела, и сердце ее мучительно забилось. Но ведь это был просто-напросто Нэд Германманн, ее старый знакомый, толстый, мордастый малый, и он казался сейчас добродушнее, чем когда-либо. В школе они были с ним в течение трех полугодий соседями; потом оба они целых полгода выдавали в классе книги перед письменной работой по литературе. В тот день, когда в Пиноле взлетели на воздух пороховые заводы и в окнах школы не осталось ни одного целого стекла, только они одни не поддались общей панике и не бросились, подобно другим ученикам, бежать на улицу. Они остались в школе, и рассерженный директор потом водил их из класса в класс, показывая струсившим ученикам, а затем отпустил домой, наградив за смелость месячными каникулами. Окончив ученье, Нэд Германманн поступил в полицию, женился на Лине Хайлэнд, и Саксон слышала, что у них уже пятеро детей.

И все-таки он был теперь полисменом, а Билл забастовщиком. Разве тот же Нэд Германманн не может в один прекрасный день броситься на Билла и бить его и стрелять в него, как это делали перед ее крыльцом так недавно другие полисмены?

— Что с тобою, Саксон? — спросил Нэд. — Больна?

Она покачала головой и, не будучи в силах произнести ни слова, поспешила к трамваю, который как раз остановился.

— Давай я помогу тебе, — предложил он, когда она хотела подняться на подножку.

В испуге она отшатнулась и отрывисто пробормотала:

— Нет, я сама… я не поеду на нем; я забыла одну вещь.

И она поспешно свернула с Бродвея на Девятую улицу, Пройдя несколько шагов по Девятой, она вернулась по Кэли-стрит обратно на Восьмую и села в другой трамвай.

По мере того как проходили летние месяцы, положение в Окленде все обострялось. Можно было подумать, что капиталисты выбрали именно этот город для борьбы с рабочим движением. В результате забастовок, локаутов, а также свертывания производства во многих смежных отраслях, появилось столько безработных, что поступить куда-нибудь даже чернорабочим стало очень трудно. Билл иной раз доставал поденную работу, но сводить концы с концами они все же не могли, несмотря на небольшое пособие, выдаваемое вначале стачечным комитетом, и суровую бережливость Саксон.

Их питание совсем не походило на то, какое они позволяли себе в первый год после свадьбы. Не только все продукты были худшего качества, но от многого пришлось совсем отказаться. Мясо, даже самое плохое, подавалось очень редко. Свежее молоко они заменили сгущенным, но и его теперь уже не покупали. Масло, если оно было, съедалось в пять раз медленнее, чем раньше. Билл, привыкший выпивать за завтраком три чашки кофе, ограничивался теперь одной. А Саксон каждый раз кипятила этот кофе невероятно долго, и стоил он всего двадцать центов за фунт.

Безработица наложила свой отпечаток и на всех окрестных жителей. Рабочие, не участвовавшие в забастовке непосредственно, вовлекались в нее косвенно или лишались работы, оттого что предприятие свертывалось. Многие холостые молодые люди съезжали с квартир, где они снимали комнаты, и квартирная плата ложилась еще большим бременем на плечи их хозяев.

— Господи, боже мой! — жаловался мясник в разговоре с Саксон. — Мы, рабочий люд, все страдаем! Моей жене не на что пойти к зубному врачу. А мне скоро грозит банкротство.

Однажды, когда Билл хотел заложить часы, Саксон посоветовала ему занять денег у Билла Мэрфи.

— Я и сам об этом думал, — возразил Билл. — Но теперь просить у него невозможно. Я не рассказал тебе, что произошло во вторник вечером в спортивном клубе? Ты помнишь этого болвана, чемпиона флота Соединенных Штатов? Билл должен был бороться с ним и считал, что деньги у него в кармане. К концу шестого раунда тот уж совсем выбился из сил, и Билл надеялся на седьмом покончить с ним. А тут, как назло,

— такое уде его счастье, ведь он тоже сидит без работы, — Билл неизвестно каким образом ломает себе правую руку и ключицу. Разумеется, этот дурак бросается на него, и — плакали его денежки! Да! Вот уж можно сказать, нам, могиканам, теперь как-то особенно не везет.

— Не надо! — воскликнула Саксон, невольно вздрогнув.

— Чего не надо? — спросил Билл, разинув рот от удивления.

— Не повторяй этого. Так всегда говорил Берт.

— Ах, могикане! Ладно, не буду. Ты, надеюсь, не суеверна?

— Нет, но это очень меткое слово, и я боюсь его.

Иногда мне кажется — Берт был прав. Да, все изменилось.

Даже со времени моего детства. Мы перешли через прерии и открыли эту страну, а теперь мы даже не можем получить работу, чтобы прожить в ней. И ни ты, ни я в этом не повинны. Будем мы жить хорошо или плохо — оказывается, только дело случая. Иначе всего этого никак не объяснишь.

— Меня что поражает, — отозвался Билл. — Вспомни, как я прошлый год работал! Ни одного дня не пропустил. И в этом году не собирался пропускать, а теперь вот проходят недели и месяцы, а я палец о палец не ударю.

Саксон перестала выписывать газету, но сын Мэгги Донэхью, газетчик, нередко забрасывал ей экстренный выпуск «Трибьюн». В передовицах говорилось о том, что профсоюзы пытаются управлять страной и только сбивают народ с толку и вредят. «Во всем виноват восставший рабочий класс», — изо дня в день твердили передовицы. А Саксон и верила и не верила: социальная загадка была слишком запутанна и сложна.

Забастовка возчиков, поддерживаемая возчиками Сан-Франциско и союзом портовых рабочих, обещала затянуться надолго, даже вне зависимости от ее исхода.

Оклендские конюхи и их помощники, за немногими исключениями, также примкнули к забастовщикам. Транспортные фирмы не могли и наполовину справиться со своими обязательствами, но им помогал оклендский союз предпринимателей. А большая часть предпринимательских объединений Тихоокеанского побережья поддерживала оклендских предпринимателей.

Саксон уже месяц не платила за квартиру, а так как платить надо было вперед, то это равнялось двум месяцам. В течение двух месяцев она не вносила и за мебель. Однако Сэлингер пока терпел и не слишком нажимал с деньгами.

— Мы готовы всячески идти вам навстречу, — сказал ей представитель фирмы. — Моя задача — получить с вас все, что только возможно, но притом не слишком вас притесняя. Сэлингеры стараются поступать по справедливости, но ведь и хозяевам приходится туго. Вы понятия не имеете, сколько у них теперь таких должников, как вы! Рано или поздно им придется принять меры, а то они сами сядут на мель. А вы пока постарайтесь набрать к будущей неделе хоть пять долларов, чтобы их успокоить.

Один из конюхов по фамилии Гендерсон, работавший там же, где и Билл, не примкнул к забастовке. Несмотря на требование хозяев, чтобы штрейкбрехеры и ели и ночевали в конюшнях, он, не в пример прочим, каждый вечер уходил в свой маленький домик. Гендерсон жил тут же за углом, недалеко от Саксон. Она нередко видела, как он отправляется на работу, с независимым видом помахивая своим обеденным судком, а соседские ребята бегут за ним на почтительном расстоянии и хором кричат ему вслед, что он штрейкбрехер и негодяй.

Но однажды вечером, словно бросая всем вызов, он рискнул зайти в бар «Приют плотников», находившийся на углу Седьмой и Пайн-стрит. На свое несчастье, он встретился там с Отто Фрэнком, предадим товарищем по конюшне, участвовавшим в забастовке. Не прошло и нескольких минут, как карета скорой помощи уже во весь дух везла его с разбитой головой в больницу, а полицейский автомобиль мчал с неменьшей скоростью Фрэнка в городскую тюрьму.

Мэгги Донэхью рассказала об этом Саксон, и лицо ее сияло.

— Так ему и надо, подлецу штрейкбрехеру, — закончила она.

— Ну, а его бедная жена? — воскликнула Саксон. — У нее плохое здоровье! А дети? Ей ни за что не прокормить их, если он умрет.

— И ей тоже поделом, мерзавке!

Саксон была огорчена и возмущена жестокостью ирландки. Но Мэгги оставалась непреклонной.

— Ни она, ни другие женщины ничего лучшего не заслуживают, раз они продолжают жить с мужем штрейкбрехером… А ребята? Пусть передохнут,

— ведь их отец отнимает кусок хлеба у наших детей.

Другое дело миссис Олсен. Та пожалела бедных детей и жену Гендерсона, но только поохала, а все свое внимание обратила на семью Отто Фрэнка, — его жена была ее родной сестрой.

— Если Гендерсон умрет, — сказала она, — Отто повесят. А что тогда ждет бедную Гильду? У нее же расширение вен, и она не в состоянии работать целый день стоя… А я — я тоже не могу ей помочь. Ведь и мой Карл сидит без работы.

Билла это беспокоило еще и с другой стороны.

— Это плохо для всего нашего дела, в особенности если Гендерсон подохнет, — огорченно пояснил он, придя домой. — Фрэнка немедленно повесят. Кроме того, придется нанимать защитника, а они дерут, как дьяволы! Эти юристы прогрызут в нашем бюджете такую дыру, что проезжай хоть на четверке. Если бы не водка, Фрэнк никогда бы этого не сделал. Трезвый — он самый смирный и кроткий человек на свете.

В тот вечер Билл два раза ходил справляться, жив Гендерсон или умер. Утренние газеты подавали мало надежды на его выздоровление, а в вечерних уже было извещение о его смерти. Отто Фрэнк сидел в тюрьме, и на поруки его не отпустили. Газета «Трибьон» требовала немедленного суда и казни, призывая присяжных мужественно выполнить свой долг, и подробно распространялась о том, какое моральное воздействие это окажет на преступный рабочий класс. Далее газета подчеркивала, что еще более благотворное влияние на чернь, схватившую Окленд за горло, оказали бы пулеметы.

Все эти события не могли не затрагивать Саксон. Она чувствовала, что совершенно одинока, муж был единственный близкий ей человек, а происходившее угрожало их жизни и их взаимной любви. С той минуты, как он уходил из дому, и до его возвращения она не знала покоя. Иногда она видела на его руках свежие ссадины и, хотя он ничего не говорил ей, угадывала, что и он участвует в драках. В такие дни он бывал обычно особенно мрачен и молчалив и либо сидел, о чем-то размышляя, либо тут же ложился спать. Она стала бояться, как бы его мрачная скрытность не перешла в привычку, и смело решилась вызвать его на откровенность. Однажды она взобралась к нему на колени, одной рукой обвила его шею, а другой откинула ему волосы и стала разглаживать на его лбу морщинки.

— Билли, милый, послушай, — начала она шутливо. — Ты поступаешь нечестно, я так больше не согласна! — Она зажала ему рукой рот. — Нет, теперь дай уж мне сказать, раз ты сам молчишь. Помнишь наш уговор — все друг другу рассказывать и вместе обсуждать. Правда, я первая нарушила этот договор, когда стала продавать свои вещицы миссис Хиггинс и все от тебя скрыла. И мне очень жаль, что я так поступила. До сих пор жаль. Но потом это больше не повторялось. А теперь ты нарушаешь наше условие: ты мне о своих делах ничего не говоришь.

Билли, ты же мне дороже всего на свете. Ты это знаешь. И всегда мы делили друг с другом и радость и горе, но теперь ты что-то скрываешь. Каждый раз, когда у тебя разбиты пальцы, ты что-то не договариваешь. Если ты мне не можешь довериться, то уж не знаю — кому. А ведь я так сильно люблю тебя, что, как бы ты ни поступал, все равно буду любить.

Билл ласково, но с недоверием посмотрел на нее.

— Не скрытничай, — настаивала она. — Помни, ты всегда можешь на меня опереться.

— А ты бранить меня не станешь? — спросил он.

— Ну как я могу? Разве я твой хозяин. Билли? Я ни за что на свете не стала бы тобой командовать. Если бы ты позволил собой командовать, я бы любила тебя гораздо меньше.

Он медленно обдумывал ее слова и, наконец, кивнул головой.

— Так ты не рассердишься?

— На тебя-то? А ты меня видел сердитой? Ну, будь умницей, расскажи, отчего у тебя в кровь разбиты суставы? Сегодня ссадины совсем свежие. Сразу видно.

— Ну, ладно. Я расскажу тебе… — Он смолк и, что-то вспомнив, рассмеялся с мальчишеским задором. — Вот как было дело. Нет, ты в самом деле не рассердишься? Мы это делаем, чтобы отстоять свои интересы. Прямо кинематограф, только с разговорами! Идет этакий здоровенный дылда, сразу видно, что деревенщина, — руки как окорока, ноги как колоды, вдвое больше меня ростом и совсем молодой. Рожа самая невинная, насчет стачек ему и невдомек. Ну, невинный, как… не знаю что. Идет через заставу и наскочил на наши сторожевые пикеты. Не настоящий, понимаешь, штрейкбрехер, а просто так — деревенский парень, прочел объявление компании и потащился в город за длинным долларом.

А тут идем мы: я и Бэд Стродзерс. Мы всегда ходим по двое, а иногда и целыми кучками. Я окликаю парня. «Эй, послушай! — говорю я. — Ищешь работы?» — «Ага», — отвечает. — «Править умеешь?» — «Умею». — «Четверкой?» — «Давай их сюда!» — «Без шуток, — говорю я, — ты на самом деле ищешь работы?» — «Затем и в город приехал». — «Нам как раз такого и нужно; пойдем с нами, мы тебя живо пристроим».

Видишь ли, Саксон, разделаться с ним тут же было неудобно: кварталом выше от нас стоял полисмен — знаешь, тот рыжий. Том Скэнлон,

— и следил за нами во все глаза, хоть и не узнавал. Поэтому мы с Бэдом и увели этого молодца, который хотел отнять у нас работу. Свернули в переулок, — знаешь, за лавкой Кэмпуэлла, — никого нет. Тут Бэд остановился, и мы тоже.

«Я не думаю, чтобы он хотел получить место возчика», — начал Бэд, будто сомневаясь. А парень на это живо отвечает: «Нет, конечно хочу».

— «Будто уж так в самом деле хочешь?» — говорю. Да, да, несомненно хочет, готов побожиться. Ничто его не может удержать. Ведь он за этим приехал в город, и чем скорее мы отведем его на место, тем лучше.

«В таком случае, друг мой, — заявляю я ему, — мой долг сказать тебе, что ты сильно ошибся». — «Как так?» — спрашивает. А я ему вдруг: «Ну чего ты стоишь, я тебя не держу». И представь, Саксон, этот дуралей, подвинулся. «Не понимаю», — говорит. «А вот мы тебе сейчас

все разъясним».

И тогда я ему показал: раз! раз! справа! слева! Хлоп! еще! еще! Прямо фейерверк! Четвертое июля! Второе пришествие! У него из глаз искры посыпались, небо показалось с овчинку, ну прямо в ад попал! Все это, если ты изучил бокс, дело нескольких секунд. Только, конечно, рукам без перчаток больно. Но если бы ты видела парня до этой встречи и после, ты бы подумала, что он актер-трансформатор, так я перекроил ему рожу. Ты бы лопнула со смеху!

Билл разразился новым взрывом хохота. Саксон заставила себя тоже рассмеяться, но ее охватил ужас. Да, Мерседес была права. Дуралеи рабочие ссорились и грызлись из-за работы. Умные хозяева разъезжали в автомобилях; они не ссорились и не грызлись, — они натравливали дураков, чтобы те дрались и грызлись вместо них — таких людей, как Берт и Фрэнк Дэвис, Честер Джонсон, и Отто Фрэнк, Трясучье Пузо, и сыщиков, и всех штрейкбрехеров. И этих дураков колотили и убивали, арестовывали и вешали. О, умные знали, что они делают! Они оставались целы и невредимы. Они только разъезжали в автомобилях.

Тем временем Билл продолжал:

— «Ах вы хулиган», — скулит парень, с трудом поднимаясь на ноги. «Ну что, — спрашиваю я, — ты все еще желаешь получить эту работу?» Он только помотал головой. Тогда я его хорошенько пробрал. «Теперь тебе, парень, одно остается — удирай! Понимаешь? Убирайся отсюда. Твое место в деревне. А если ты опять покажешь в городе свой нос, мы за тебя возьмемся как следует. Сейчас мы только с тобой поиграли. Но попадись ты нам еще раз, мы тебя так разукрасим, что родная мать не узнает».

И посмотрела бы ты, как он улепетывал! Откуда только прыть взялась! Наверно, и теперь еще бежит! А когда он вернется в какой-нибудь свой Милпитас или другую сонную дыру и расскажет, как его отделали парни в Окленде, так вряд ли найдется какой-нибудь охотник занять наши места, предложи ему хоть десять долларов в час.

— А все-таки это ужасно! — сказала Саксон и снова насильственно засмеялась.

— Но это ничего, — продолжал Билл, все более увлекаясь. — Сегодня утром наши парнишки поймали еще одного. Уж и обработали же они его! Мать честная! Через две минуты они его привели в такой вид, что в госпитале ужаснулись. Вечерние газеты поместили об этом отчет: нос сломан, на голове три глубокие раны, все передние зубы выбиты, два ребра и ключица сломаны. Словом, получил все, что ему причиталось. Но и это еще пустяки. А знаешь, как возчики из Фриско расправлялись со штрейкбрехерами во время большой забастовки перед землетрясением? Они хватали их и каждому ломом перебивали обе руки, чтобы он не мог править. Больницы были полны. И в этой забастовке возчики победили.

— Но разве непременно нужны такие жестокости, Билли? Я понимаю: они штрейкбрехеры, они отнимают хлеб у детей забастовщиков, чтобы отдать его своим детям, — и все это очень дурно… Но… неужели с ними все-таки надо расправляться так… ужасно?

— Непременно, — отвечал Билл убежденно. — Мы должны пользоваться каждым случаем, чтобы нагнать на них страх божий, лишь бы была уверенность, что при этом не попадешься.

— А если попадешься?

— Ну, тогда союз наймет тебе защитников, хотя, по правде сказать, пользы от этого никакой, потому что судьи не больно нас любят, а газеты подзуживают их выносить все более суровые приговоры. И все-таки и в эту забастовку, как бы она там ни кончилась, немало подлецов

проклянут себя за то, что стали штрейкбрехерами.

Саксон в течение получаса старалась осторожно выпытать у мужа, как он относится к тем насилиям, которые себе позволяют и он и его товарищи возчики. Но Билл был глубоко и непоколебимо уверен в своей и их правоте! Ему никогда и в ум не приходило, что он, быть может, не совсем прав. Таковы были условия игры. И, став ее участником, он не мог добиваться выигрыша иными путями, чем все остальные. Правда, ни динамита, ни убийства из-за угла он не одобрял. Впрочем, не одобряли этих способов борьбы и союзы. Однако и здесь его мотивировка была весьма проста. Не нужно потому, что не достигает цели; подобные способы восстанавливают общественное мнение и способствуют провалу стачки; зато хорошенько поколотить такого парня и нагнать на него «страх божий», как выражался Билл, это единственно правильный и необходимый образ действия.

— Однако нашим отцам никогда не приходилось так поступать, — сказала Саксон. — В те времена не было ни забастовщиков, ни штрейкбрехеров.

— Ну, еще бы, — согласился Билл. — Доброе старое время! Эх, жить бы нам тогда! — Он глубоко и горестно вздохнул. — Да ведь прошлого не воротишь.

— А ты бы хотел жить в деревне? — спросила Саксон.

— Конечно!

— Теперь очень многие живут в деревне.

— А я замечаю, что очень многие лезут в город на наши места, — отвечал он.

Глава двенадцатая

Билл нанялся к подрядчикам, строившим большой мост в Найлсе, и в жизни молодой пары настал некоторый просвет. Прежде чем взять это место, он предварительно убедился, что все рабочие — члены союза. Но через два дня бетонщики побросали свои инструменты. Подрядчики, видимо ожидавшие этого, тотчас же взяли на их место итальянцев, не членов союза. Тогда ушли и плотники, каркасники, возчики. Биллу, у которого не было ни гроша, пришлось идти пешком. И он только к вечеру добрался домой.

— Не мог же я стать штрейкбрехером, — закончил он свой рассказ.

— Нет, конечно не мог, — согласилась Саксон.

Но в душе она недоумевала: почему, если человек хочет работать и работа есть, он должен ее бросать, как только ему прикажет союз? И для чего существуют союзы? А если уже без союзов нельзя, то почему не все рабочие в них входят? Тогда не было бы штрейкбрехеров и Билл мог бы работать каждый день. Раздумывала она также и о том, где ей взять мешок муки, — они уже давно отказались от роскоши покупать печеный хлеб. И столько хозяек по соседству поступали так же, что валлиец-булочник вынужден был прикрыть лавочку и уехать, прихватив с собой жену и двух маленьких дочек. Куда Саксон ни обращала взгляд, она всюду видела разрушительные следы промышленного конфликта.

Как-то раз, после полудня, к ним зашел незнакомый человек, а вечером Билл принес очень странную новость: ему, как он рассказал Саксон, предложили работу; стоило дать согласие, и он мог вернуться к прежнему хозяину старшим по конюшне, на сто долларов в месяц.

Возможность получить такую сумму подействовала на Саксон почти ошеломляюще. Они сидели за ужином, состоявшим из вареной картошки, разогретых бобов и маленькой сырой луковицы. У них не было ни хлеба, ни кофе, ни масла. Луковицу Билл вытащил из кармана, — он нашел ее на улице. А тут вдруг — сто долларов в месяц! Она облизнула сухие губы, но постаралась быть спокойной.

— Почему они тебе это предложили? — спросила она.

— Очень просто. Причин немало. Во-первых, парень, которому хозяин доверил проезжать Принца и Короля, оказался ослом: Король захромал. А потом они, вероятно, догадываются, что я вывел из строя немало их штрейкбрехеров. У них служил старшим по конюшне некий Маклин (я был еще совсем мальчишкой, когда он к ним поступил). А теперь он болен, и им нужен кто-нибудь на его место. Кроме того, я долго работал у них, а главное — я именно тот человек, какой там необходим. Они знают, что я в этом деле собаку съел. Единственное, на что я способен, кроме мордобоя.

— Подумай только, — сказала Саксон, и сердце у нее забилось. — Сто долларов в месяц! Сто долларов!

— И предать товарищей… — подсказал он.

Это был не вопрос, но и не утверждение. Саксон предоставлялось понять его ответ как угодно. Они взглянули друг на друга. Она ждала, чтобы он заговорил. Он же продолжал молча смотреть на нее. И вдруг она почувствовала, что наступила одна из самых критических минут в ее жизни, и собрала все свои силы, чтобы встретить ее с возможным самообладанием. Она понимала, что Билл не протянет ей руку помощи; как бы он ни относился к этому делу, он сидел перед ней с равнодушным видом. Он скрыл от нее свои мысли. Его глаза не говорили ничего. Он просто смотрел и ждал.

— Нет, ты… ты не можешь вернуться туда. Билли, — проговорила она, наконец. — Ты не можешь предать товарищей.

Он порывисто протянул ей руку, его лицо мгновенно озарилось радостью.

— Давай! — воскликнул он, схватив руку Саксон и стискивая ее. — Ты самая лучшая, самая преданная жена на свете! Будь у всех рабочих такие жены, мы победили бы в любой забастовке.

— Как бы ты поступил, если бы не был женат. Билли?

— Послал бы это место к черту, конечно!

— Но это ничего не меняет. Я должна всегда и во всем тебя поддерживать. Иначе какая же я жена?

Она вспомнила приходившего в тот день незнакомца; минута была благоприятная.

— Билли, — начала она, — сегодня заходил один человек. Ему нужна комната. Я сказала, что поговорю с тобой. Он согласен платить за нашу комнату за кухней шесть долларов в месяц. Мы могли бы отдать половину месячного взноса за мебель и купили бы мешок муки, а то у нас совсем нет муки.

Но в Билли снова заговорила его мужская гордость. Ухон с тревогой следила за выражением

его лица.

— Наверно, какой-нибудь штрейкбрехер?

— Нет, он служит кочегаром на товарном поезде, который ходит в Сан-Хосе, его зовут Джеймс Гармон. Он только что переведен сюда из Траки. Говорит, что днем почти всегда отсыпается и потому ищет тихий дом, без детей.

Билл долго колебался, а она настаивала. Наконец, ей удалось убедить его, что с жильцом у нее не будет больших хлопот, и получить согласие на сдачу комнаты; однако он все еще продолжал возражать и, наконец, заявил:

— Только ты ни одному мужчине на свете не должна прибирать постель. Это не годится, Саксон. Я обязан оберегать тебя от этого.

— А тогда, мой милый, — живо возразила она, — надо было принять предложение насчет работы. Но ведь ты не можешь. Это тоже было бы нехорошо. Раз ты считаешь меня своей помощницей, не мешай мне помогать тебе, чем я могу.

Однако Джеймс Гармон доставил Саксон меньше хлопот, чем она ожидала. Для кочегара он был необычайно чистоплотен и всегда, прежде чем идти домой после работы, тщательно мылся. Он брал ключ от кухни, уходил и приходил с черного хода. Он едва успевал сказать Саксон «здравствуйте» и «спокойной ночи», — днем спал, ночью работал. И прошла целая неделя, прежде чем Билл впервые его увидел.

Сам Билл стал теперь являться домой все позднее и часто исчезал куда-то даже после ужина. Куда — он не говорил. А Саксон не спрашивала. Да и не много нужно было проницательности, чтобы угадать. В таких случаях от него пахло виски. Его неторопливые, степенные движения делались еще неторопливее — виски не действовало ему на ноги; он шагал твердо и уверенно, как совершенно трезвый человек; его мышцы не становились вялыми и слабыми. Виски ударяло ему только в голову, веки тяжелели, взгляд еще больше затуманивался. Он не делался ни легкомысленнее, ни оживленнее, ни раздражительнее. Наоборот, вино придавало его мыслям и суждениям особую вескость и почти торжественное глубокомыслие. Говорил он мало, но если уж изрекал что-нибудь, то с непреложностью оракула. Он не допускал ни споров, ни возражений, и всякая его мысль, казалось, внушена ему самим Господом Богом, — можно было подумать, что она плод глубочайших размышлений и вынашивалась им с такой же обстоятельностью, с какой выражалась вслух.

Саксон впервые сталкивалась с этой чертой его характера, и она ей не нравилась; иногда ей чудилось, что в их доме поселился совершенно чужой человек, и она невольно стала отдаляться от мужа. Мысль о том, что это не его настоящее «я», служила плохим утешением: с тем большей грустью вспоминала она его былую деликатность, внимательность и душевную тонкость. Раньше он всячески старался избегать какого бы то ни было повода для ссор и драк. Теперь, наоборот, прямо-таки искал случая подраться, словно находил в этом удовольствие. Изменилось и его лицо, — оно уже не было приветливым и по-мальчишески красивым. И улыбался он редко. Черты его стали чертами мужчины. Рот, глаза, все лицо казалось огрубевшим, как и его мысли.

С Саксон он не был резок, но и ласковым бывал редко. Стена отчужденности между ними вырастала с каждым часом. Он относился теперь к жене с каким-то безучастием, словно она перестала для него существовать; хотя она делила с ним все тяготы забастовки, в его мыслях она занимала очень мало места. Когда он бывал с ней мягок, в этом чувствовалось что-то

автоматическое, и всякий раз, как он называл ее нежными именами и ласкал, ей казалось, что это делается по привычке. Непосредственность и теплота исчезли. В минуты протрезвления в нем еще вспыхивали проблески прежнего Билла, но эти проблески мелькали все реже. Он становился все более озабоченным и угрюмым. Нужда и тяготы разраставшейся экономической борьбы сделали из него другого человека. Особенно это было заметно ночью, когда Билл под влиянием мучительных сновидений стонал и сжимал кулаки, скрежетал зубами: мышцы его тела напрягались, лицо искажалось бешенством, с губ срывались брань и проклятия. Саксон, лежа рядом с ним, просто боялась этого чуждого ей человека и невольно вспоминала то, что Мери рассказывала о Берте: он тоже сжимал во сне кулаки и скрежетал зубами, переживая ночью те схватки, в которых участвовал днем.

Однако Саксон прекрасно понимала, что не по своей воле Билл становится другим, неприятным ей человеком. Не будь этой беспощадной борьбы из-за куска хлеба, он остался бы прежним Биллом, тем самым, которого она так беспредельно любила. Дремлющие в нем черты его характера так бы и не получили развития. А теперь что-то новое пробуждалось в нем, словно жестокие, безобразные и преступные картины действительности породили в его душе свое отражение. И Саксон не без оснований боялась, что, если стачка еще продлится, этот другой, страшный Билл разовьется и окрепнет. Тогда, — она ясно это видела, — наступит конец их любви. Такого Билла она любить не могла; такой Билл не мог по самой сущности своей ни любить, ни вызывать любовь. Она теперь содрогалась при мысли о возможности иметь детей. Это было бы слишком страшно. В минуты этих печальных размышлений из ее души вырывался неизбежный, жалобный и вечный человеческий вопрос: отчего? отчего? отчего?

У Билла тоже были свои вопросы, остававшиеся без ответа.

— Отчего строительные рабочие до сих пор не выступают? — спрашивал он, негодуя на тот туман, который застилал перед ним жизнь людей и их поступки. — О'Брайен — противник стачек, а совет союза пляшет под его дудку. Но почему они его не прогонят и не решат вопрос самостоятельно? Мы бы тогда получили поддержку по всей линии. Но нет, О'Брайен сидит крепко, а сам по горло увяз в грязной политике и интригах, продажная душа! Черт бы побрал эту Федерацию труда! Если бы все железнодорожники объединились, разве рабочие мастерских не победили бы? А теперь их стерли в порошок!.. Господи! Я уже забыл вкус приличного табака и хорошего кофе, забыл, что такое сытный обед! Вчера я взвесился: оказывается, я потерял за время стачки пятнадцать фунтов. Если так будет продолжаться, я сделаюсь боксером в среднем весе. Разве я для этого столько лет платил взносы в союз? Я не могу заработать на обед, а моя жена стелет постели чужим мужчинам. Просто зло берет! Вот рассержусь когда-нибудь и выкину вон этого — жильца.

— Но ведь он же ни в чем не виноват, Билл, — как-то раз запротестовала Саксон.

— А я разве говорю, что виноват? — грубо огрызнулся Билл. — Неужели уж нельзя и поворчать, если хочется? Он меня раздражает. Какой толк от рабочих организаций, когда все действуют врозь? Я бы, кажется, на все это плюнул и перешел на сторону предпринимателя. Да только не хочу, черт бы их побрал! Если они воображают, что нас можно поставить на колени, пусть попробуют! Мне надоело все на свете. Все бессмысленно. К чему поддерживать союз, раз он даже не может выиграть забастовки? Какой смысл проламывать головы штрейкбрехерам, если они лезут отовсюду, точно клопы? Куда ни повернешься, везде какой-то сумасшедший дом; да и я сам, кажется, тоже рехнулся.

Вспышка Билла была настолько необычной, что Саксон другой такой и не помнила. Обычно он сердито и упрямо молчал, а виски делало его еще самоувереннее и мрачнее.

Однажды Билл вернулся домой лишь после полуночи. Саксон тем более тревожилась, что в этот день, как стало известно, произошли кровопролитные столкновения рабочих с полицией. Вид Билла только подтвердил это известие: рукава пиджака почти оторваны, галстук исчез, отложной воротничок расстегнут, на рубашке не осталось ни одной пуговицы. Когда он снял шляпу, она ужаснулась огромной, чуть не с яблоко, шишке, вскочившей у него на голове.

— Знаешь, кто это сделал? Этот идиот Германманн дубинкой! Ну, уж я ему отплачу! Света не взвидит! А потом разделаюсь еще с одним молодчиком, когда вся эта история кончится. Его зовут Бланшар, Рой Бланшар.

— Не из фирмы Бланшар, Перкинс и Компания? — спросила Саксон, обмывая мужу голову и, как всегда, стараясь его успокоить.

— Ну да, сын старика. Всю жизнь свою он только и делал, что проматывал денежки папаши, а теперь, видишь, пошел в штрейкбрехеры. Пофорсить захотелось, вот как я это называю! Желает, чтобы об нем написали в газетах и чтобы бабы, за которыми он бегает, шептали: «Ну, и молодец, этот Рой Бланшар, вот молодец!» Когда-нибудь я посчитаюсь с этим молодцом!.. Руки чешутся дать ему по морде!

А с немчурой полицейским, так и быть, не стану связываться. Он уже свое получил. Кто-то ему расшиб башку куском угля величиной с лохань,

— как раз в то время, когда повозки поворачивали с Восьмой на Франклин-стрит, возле старой гостиницы Галиндо. Там была свирепая драка, и кто-то швырнул эту глыбу угля из окна второго этажа.

Они дрались за каждый квартал, пустили в ход все кирпичи, булыжники, полицейские дубинки. Однако войска побоялись вызвать, да и сами стрелять не решились. Ну, мы полицейских потрепали основательно, так что и кареты скорой помощи и полицейские машины поработали как следует. На углу Бродвея и Четырнадцатой, как раз против ратуши, мы загородили дорогу всей их процессии, набросились на задние повозки, выпрягли из пяти повозок лошадей, а студентикам хорошенько наклали по шее. Только полицейские резервы и спасли их от больницы. Но все равно мы задержали их на целый час. Посмотрела бы ты, сколько трамваев остановилось на Бродвее, и на Четырнадцатой, и на улице святого Павла! Прямо без конца…

— А что же все-таки сделал Бланшар? — напомнила Саксон.

— Он ехал на первой повозке и правил моей упряжкой. И все упряжки были из моей конюшни. Он набрал своих товарищей студентов — членов братства, как это у них называется, — таких же маменькиных сынков, которые только и умеют спускать родительские денежки. Они приехали в конюшню на туристских автомобилях, вытащили и запрягли повозки, а провожать их явилась чуть не половина всех полисменов Окленда. Да, уж и денек! Камни летели градом. Ты послушала бы, как дубинки ходили по нашим головам: ра-та-тат-тат, ра-та-тат-тат! А начальник полиции сидел в полицейском автомобиле, прямо всемогущий Бог Саваоф! В одном месте, как раз возле Перальт-стрит, произошла драка с полицией, и какая-то старуха из-за своей калитки швырнула начальнику прямо в лицо дохлую кошку. Да! Было слышно, как та шлепнулась об его голову. «Арестовать эту бабу!» — орет он и вытирается платком. Но рабочие окружили ее и спасли от полиции. Ну уж и денек! Ближайший приемный пункт был так переполнен, что раненых стали потом уж отправлять и в госпиталь святой Марии, и в больницу Фабиолы, и не знаю еще куда. Задержали восемь человек наших да еще человек двенадцать возчиков из Сан-Франциско; они приехали на подмогу. Вот уж ребята, доложу тебе, — огонь!

Кажется, нам помогала половина всех оклендских рабочих; в тюрьме, наверно, сидит целая рота! Придется нашим юристам взять на себя все их дела.

Но уж: поверь мне, что ни Бланшар, ни его приятели больше к нам не сунутся. Мы им показали, что такое футбол! Ты знаешь кирпичный дом, который строится на набережной? Вот тут-то мы и запаслись!.. Как только они выехали из конюшен, мы так забросали их кирпичами, что ни их самих, ни повозок не было видно. Бланшар правил первым; в него пустили кирпичом, и он свалился с козел, а все-таки поехал дальше!

— Он, верно, храбрый, — заметила Саксон.

— Храбрый? — возмутился Билл. — Будешь храбрым, когда за тобой стоят и полиция, и войска, и флот! Ты, кажется, скоро перейдешь на их сторону! Храбрый на то, чтобы отнимать хлеб у наших ясен и детей! А ты знаешь, что вчера у Джонсов умер малыш? Молоко у матери пропало, потому что ей было нечего есть! И ты не хуже меня знаешь, сколько старых теток и свояченицы пришлось отправить в богадельню, потому что родственники больше не могли прокормить их.

В утренней газете Саксон прочла сенсационное сообщение о неудавшейся попытке сорвать забастовку возчиков. Бланшара объявили героем и выставляли его как образец капиталиста, доблестно выполнившего свой гражданский долг. И Саксон не могла не признать его храбрости. В том, как он встретил лицом к лицу эту рычащую толпу, она видела что-то особенно благородное. В газете приводилось также мнение одного бригадного генерала, сожалевшего, что власти не вызвали войска, которые бы хорошенько проучили эту чернь и показали бы ей ее место. «Теперь как раз пора сделать небольшое и весьма полезное кровопускание, — заявил генерал в заключение, пожалев о миролюбии полиции, — у нас до тех пор не восстановится спокойствие в промышленности, пока чернь не узнает, что такое дубинка и власть».

В тот вечер Билл, вернувшись домой и не найдя никакой еды, взял Саксон под руку, перекинул пальто через другую руку и отправился с ней в город. Пальто заложили в ломбарде и скромно пообедали в японском ресторанчике, умудрявшемся кормить довольно приличным обедом за десять центов; они решили истратить еще по пять центов на кинематограф.

У здания Центрального банка к Биллу подошли два бастующих возчика и увели с собой. Саксон осталась ждать его, и когда он через три четверти часа возвратился, она заметила, что он выпил.

Пройдя кафе «Форум», он вдруг остановился. На углу стоял лимузин, и какой-то молодой человек усаживал в него несколько роскошно разодетых женщин. Шофер сидел на своем месте. Билл тронул молодого человека за рукав. Молодой человек был такой же широкоплечий, как Билл, только немного выше ростом, голубоглазый, стройный. Он показался Саксон очень красивым.

— На одно слово… приятеле — сказал Билл неторопливо и вполголоса.

Молодой человек быстро окинул взглядом Билла и Саксон.

— Ну, в чем дело? — нетерпеливо обратился он к ним.

— Вы Бланшар, — начал Билл. — Я видел, как вы вчера ехали впереди всех.

— А что, я все же неплохо справился? — весело спросил тот, метнув взгляд на Саксон.

— Неплохо. Но я не об этом собираюсь говорить.

— А вы кто? — спросил тот, вдруг насторожившись.

— Забастовщик. Вы правили как раз моей упряжкой. Вот и все... Стоп, не вынимайте револьвер! (Бланшар потянулся было к карману.) Я здесь вас не трону, но хочу сказать вам одну вещь.

— Ну, тогда говорите скорее.

Бланшар уже занес ногу, чтобы сесть в автомобиль.

— Сейчас, — ответил Билл, не изменяя своей обычной несносной медлительности. — Я хотел сказать, что я вам этого не спущу — не теперь, а когда забастовка кончится. Я вас найду, где бы вы ни были, и вздую так, что вы будете помнить всю жизнь.

Бланшар с интересом окинул Билла взглядом и, видимо, одобрил.

— Я вижу, вы и сами не промах. А вы уверены, что вам удастся выполнить ваше намерение?

— Уверен. Это моя цель.

— Отлично, друг мой! Разыщите меня после забастовки, и я вам дам возможность помериться со мной силами.

— Так помните, это дело решенное.

Бланшар кивнул, весело улыбнулся им обоим, поклонился Саксон и сел в машину.

Глава тринадцатая

С этого дня жизнь казалась Саксон уже вовсе лишенной порядка и смысла. Хуже того — она стала нелепой, кошмарной. Каждое мгновение могло принести с собой все что угодно. В этой анархии событий не было ничего устойчивого и надежного, и ей чудилось, что она несется навстречу какой-то катастрофе. Если бы на Билла можно было положиться, она не стала, бы унывать. С ним она бы все вынесла легко и бесстрашно. Но общее безумие захватило и его и умчало далеко. Совершившиеся в нем перемены были настолько глубоки, что он казался чужим в собственном доме. Он и был чужим. И глаза его стали чужими: глаза человека, у которого на уме только насилие и ненависть, который всюду видит одно дурное и служит злу, царящему везде и во всем. Этот человек уже не считал, что Берт не прав, но и сам бормотал что-то о динамите, саботаже и революции.

Саксон всеми силами старалась сохранить ту бодрость и свежесть души и тела, которыми Билл когда-то так восхищался.

Один только раз она не выдержала. Он был в этот день особенно мрачно настроен и вывел ее из себя какой-то уж слишком грубой и недостойной выходкой.

— С кем ты говоришь? — вспылила она, обращаясь к нему.

Он стоял перед ней пристыженный и молча смотрел на ее побледневшее от гнева лицо.

— Никогда не смей так со мной говорить. Билли, — решительно заявила она.

— Неужели нельзя уж и потерпеть, если человек не в духе? — пробормотал он виноватым и вместе обиженным тоном. — У меня столько неприятностей, что можно рехнуться!

Когда он ушел, Саксон упала на кровать и в глубоком отчаянии разрыдалась. Она, которая так умела смиряться в любви, была в сущности женщиной гордой, ибо только сильному дается истинная кротость и только гордый знает подлинное смирение. Но зачем ей ее храбрость и гордость, если единственный в мире человек, который ей близок, потерял и гордость и ясность духа и взвалил на ее плечи тяжелейшую долю их общих невзгод?

И так же, как ей пришлось пережить наедине с собой глубокую, почти физическую боль от утраты ребенка, несла она теперь одна свое личное горе, может быть, еще более мучительное. И если даже она продолжала любить Билла не меньше, чем прежде, то эта любовь уже не была ни гордой, ни радостной, ни доверчивой. Она была проникнута жалостью — той жалостью, которая граничит со снисхождением. Ее верность готова была заколебаться, и она с ужасом ощущала, как к ней в душу закрадывается презрение.

Саксон призвала на помощь все свои силы, чтобы мужественно встретить случившееся. Наконец, она почувствовала, что может простить, и на время ей стало легче, пока в ее сознании вдруг не вспыхнула мысль, что в подлинной, высокой любви прощению места нет. И снова она начала плакать, и ее внутренняя борьба продолжалась. Одно казалось несомненным: этот Билл не тот человек, которого она любила. Это другой человек, он не в себе и столь же мало ответствен за свои поступки, как горячечный больной за свой бред. Она просто должна стать его нянькой, его сиделкой, для которой не существует ни гордости, ни всяких там презрении и прощений. К тому же он действительно несет на себе всю тяжесть борьбы, он в самой гуще ее и совершенно обезумел от ударов, которые получает и наносит. Если здесь и есть чья-то вина, то ее надо искать не в нем, а в тех непонятных законах жизни, которые заставляют людей грызться друг с другом, как собаки грызутся из-за кости.

Так Саксон вооружилась для труднейшей в мире борьбы — для борьбы одинокой женщины. Она отбросила всякое сомнение и недоверие. Она ничего не прощала, потому что и прощать было нечего. Она требовала от себя твердой веры в то, что их любовь все так же незапятнана, светла и нерушима и такой же останется, когда он к ней вернется и жизнь войдет в какую-то разумную колею.

Вечером, в разговоре с Биллом, она сказала, что готова — в виде экстренной меры, пока забастовка не кончится, — вновь заняться шитьем, чтобы подрабатывать на питание. Но Билл и слышать об этом не хотел.

— Все в порядке, — заявил он. — Тебе совершенно незачем работать. На этой неделе я получу кое-какие деньте. И все тебе отдам. А в субботу мы пойдем в театр — в настоящий театр, не в кинематограф. В город приезжают негритянские певцы из труппы Гарвея, и мы пойдем непременно. Деньги у меня будут, головой ручаюсь.

В пятницу вечером Билл к ужину не вернулся. Саксон очень жалела об этом, так как Мэгги Донэхью отдала ей занятые на прошлой неделе мерку картофеля и два килограмма муки и его ждал хороший ужин. Она не гасила плиту до девяти часов, потом с большой неохотой легла спать. Она бы предпочла дождаться его, но боялась, зная, как ему будет неприятно, если он вернется домой нетрезвый.

В час ночи скрипнула калитка. Она слышала, как он медленным, тяжелым шагом поднимается по лестнице и шарит ключом у замка. Он вошел в спальню, сел и тяжело вздохнул. Она лежала не шевелясь, зная его особую раздражительность, когда он бывал навеселе, и стараясь даже не

подать виду, что она не спит из-за него. Однако это было нелегко. Она так стиснула руки, что ногти впились в ладони и тело одеревенело от напряженной неподвижности. Он еще ни разу не возвращался домой в таком виде.

— Саксон, — с трудом проговорил он, — Саксон! Она шевельнулась и зевнула.

— В чем дело? — спросила она.

— Зажги-ка лампу. Я руками не владею.

Не глядя на него, она исполнила его просьбу; но пальцы ее так дрожали, что стекло со звоном ударилось о колпак, и спичка погасла.

— Я же не пьян, Саксон, — сказал он, все так же едва ворочая языком; и в его осипшем голосе прозвучала добродушная насмешка. — Просто я получил два-три очень основательных удара… Очень…

Наконец, ей удалось зажечь лампу. Она обернулась к нему — и вскрикнула от ужаса: только что она слышала его голос и не сомневалась, что это Билл, а теперь далее не узнавала его. Лицо его казалось ей совершенно незнакомым, — опухшее, избитое, все в ссадинах и синяках, оно было до того изувечено, что не осталось ни одной знакомой черты. Один глаз совсем закрылся, другой едва поблескивал между распухшими веками; ухо было почти все ободрано, лицо обратилось в распухший комок сырого мяса; правая скула казалась вдвое больше левой.

«Немудрено, что он едва говорит», — подумала она, глядя на его разбитые, опухшие губы, из которых все еще шла кровь. Ей чуть не сделалось дурно от испуга, и сердце рванулось к нему в порыве нежности. Ей хотелось обнять его, приласкать, утешить… Но трезвый рассудок подсказывал другое.

— Ах ты бедный, бедный мальчик! — воскликнула она. — Скажи скорее, что нужно сделать? Я ведь не знаю!

— Если бы ты помогла мне раздеться, — попросил он хрипло и робко.

— Я весь распух… уже после того, как надел куртку.

— И потом горячей воды, правда? — сказала она и бережно начала стягивать рукав с его беспомощно повисшей, отекшей руки.

— Говорю тебе, что они не действуют, — сказал он, морщась, поднимая руки и разглядывая их уголком заплывшего глаза.

— Сиди и жди, сейчас я разведу огонь и поставлю воду, — отозвалась она. — Это минутное дело. А потом кончу тебя раздевать.

Из кухни она услышала его бормотанье, и, когда вернулась в комнату, он все еще повторял:

— Ведь нам деньги нужны были, Саксон, деньги…

Теперь она видела, что он не пьян, и по его бормотанью поняла, что он бредит.

— Все случилось так неожиданно, — продолжал он, раздеваясь.

И постепенно из его бессвязных слов ей удалось в общих чертах восстановить картину того,

что произошло.

— Приехал боксер из Чикаго, никому не известный; они его выставили против меня. Секретарь клуба меня предупредил, что справиться с ним будет трудно. Я бы все-таки победил, будь я в спортивной форме… но я потерял пятнадцать фунтов и не тренировался. Потом я здорово выпивал, а от этого бывает одышка…

Саксон, снимавшая с него рубашку, уже перестала его слушать. Как она не узнала его лица, так не узнавала теперь его великолепной мускулистой спины. Белый покров шелковистой колеи был весь иссечен и окровавлен. Большинство ссадин шли поперек тела, хотя были и продольные.

— Кто это тебя так обработал? — спросила она.

— Канаты. Я уже даже не помню, сколько раз я на них налетал. Да, мне здорово досталось. Но все-таки я водил его за нос… Никак ему не удавалось прикончить меня… Я выдержал все двадцать раундов и ему тоже оставил памятку о себе. Держу пари, что у него перебито несколько суставов на левой руке… Пощупай мою голову, вот здесь! Чувствуешь, как распухла? Теперь небось жалеет, что все время лупил меня по этому месту. Ну и колотил же он меня! Ну и колотил! Никогда я не испытывал ничего подобного. Его прозвали «Гроза Чикаго». Но я уважаю его. Молодец!.. А все-таки счет был бы другой, будь я в спортивной форме! Ох! Ох! Осторожней! Это прямо как нарыв!

Расстегивая пояс, Саксон нечаянно коснулась багровой опухоли на спине величиной с тарелку.

— Это от ударов в почки… Его специальность… — пояснил Билл. — В каждой схватке он меня непременно угощал таким ударом. Я от них в конце концов совсем обалдел, даже ноги ослабели, ничего уж не соображал. Это, конечно, не нокаут, но ужасно изнуряет, когда матч затягивается. Совсем силы теряешь…

Саксон увидела его колени, они тоже были в ссадинах.

— Никакая кожа не выдержит, если такой тяжелый парень, как я, то и дело грохается на колени, — пошутил он. — А смола на холсте — знаешь, как щиплет!..

В глазах Саксон стояли слезы, она готова была зарыдать при виде изувеченного тела своего красавца, своего дорогого мальчика!

Когда она взяла брюки и понесла их через комнату, чтобы повесить, в кармане звякнули деньги. Билл окликнул ее и вынул горсть серебра.

— Нам нужны были деньги, нам нужны были деньги, — забормотал он, тщетно стараясь их сосчитать; видимо, его мысли опять начали путаться.

Ее как ножом резануло воспоминание о том, как она всю неделю про себя бранила его и осуждала. В конце концов Билл — этот большой великолепный мужчина — был только мальчиком, ее мальчиком! И он пошел на все эти мучения и перенес их ради нее, ради дома и обстановки, которые были их домом и их обстановкой. И теперь, в бреду, он высказал это. Он же сказал: «Нам нужны были деньги». Значит, он вовсе не забывал о ней, как она полагала. Там, в глубинах его души, бессознательно и упорно жила одна мысль о ней: «Нам нужны деньги. Нам!»

Когда она склонилась над ним, по ее щекам текли слезы; и, кажется, еще никогда она его так

сильно не любила, как в эти минуты.

— На, сосчитай ты… — сказал он, отчаявшись и передавая ей деньги. — Сколько тут?..

— Девятнадцать долларов тридцать пять центов.

— Верно… Проигравший… получает… двадцать долларов. Пришлось угостить товарищей… потом трамвай… Если бы я выиграл, я бы принес сто… Ради них я и дрался. Хоть немножко поправил бы наши дела… Возьми их себе, спрячь. Все-таки лучше, чем ничего.

Он не мог заснуть от боли, и Саксон сидела над ним долгие ночные часы, сменяя компрессы на ушибах и бережно смазывая ссадины настоем квасцов и кольдкремом. Его бормотанье прерывалось тяжелыми стонами, — он переживал снова все перипетии боя, искал облегчения в рассказе о своих невзгодах, сетовал на потерю денег, вскрикивал от оскорбленной гордости. От нее он страдал больше, чем от физической боли.

— И все-таки он не мог меня прикончить! Временами я так слабел, что уже рук поднять не мог, и он бил меня почем зря. Публика с ума сходила: она видела, какой я живучий. Иногда я только пошатывался под его ударами, — ведь и он порядком выдохся, ему здорово досталось от меня в первых раундах. Несколько раз он меня швырял. Все было как сон… К концу он уже стал у меня в глазах троиться, и я не знал, которого бить, от которого увертываться…

А все-таки я провел и его и публику. Когда я уже ничего не видел и не слышал, и мои колени дрожали, и в голове все вертелось, как карусель, — я не выпускал его из клинча… Судьи, наверное, устали нас растаскивать…

Но как он меня лупил! Как лупил! Саксон, ты… где ты?! А… здесь… Да, я думал, что все это мне снится. Пусть это будет тебе уроком. Я нарушил свое обещание не выступать — и вот что вышло. Не вздумай и ты сделать тоже самое — не начни продавать свое шитье…

А все-таки я их провел всех! Вначале на нас ставили одинаково. С шестого раунда ставки на него удвоились. Собственно, все было ясно уже с первой минуты, только слепой мог этого не заметить… Но ему очень долго не удавалось меня прикончить. На десятом раунде стали спорить: продержусь ли я этот раунд; на одиннадцатом — продержусь ли до пятнадцатого… А я выдержал все двадцать…

В течение четырех раундов я был как во сне… а на ногах все-таки держусь и отражаю его удары, а уж если упаду — стараюсь досчитать до восьми и потом встаю; опять наступаю, отступаю, наступаю…

Я не помню, что я делал, но, должно быть, именно так и было. С тринадцатого, когда он швырнул меня на ковер вверх тормашками, по восемнадцатый я вообще ничего не сознавал…

… Так о чем же я рассказывал?.. Я открыл глаза, вернее — один глаз: один глаз у меня только и открывался, — и вижу, лежу я в моем углу, меня обмахивают полотенцами, дают нюхать нашатырь. Билли Мэрфи держит у меня лед на затылке. А на другом конце ринга стоит «Гроза Чикаго». И я даже не мог сразу вспомнить, что дрался именно с ним, — точно я где-то был и только что вернулся. «Который сейчас раунд?» — спрашиваю Билла. «Восемнадцатый», — говорит. «Вот черт, — говорю я, — а куда же девались остальные? Последний был, по-моему, тринадцатый». — «Ты прямо какое-то чудо, — говорит Мэрфи. — Четыре раунда ты был без сознания, только никто этого, кроме меня, не заметил. Я все время уговаривал тебя кончать». В это время звонит гонг, и я видку, что «Гроза Чикаго) ко мне приближается. „Кончай!“ — говорит мне Билл; и я вижу, что он уже собирается бросить полотенце. „Ни за что!“ — говорю

я. „Оставь, Билл!“ Он продолжал меня убеждать. В это время „Гроза Чикаго“ подошел к моему углу. Вижу — стоит, опустив руки, и смотрит на меня. Судьи тоже смотрят. А публика замерла; слышно, как муха пролетит. Голова моя прояснилась, но не очень. „Ты все равно не выиграешь“, — говорит мне Билл. „А вот посмотрим“, — говорю я и неожиданно бросаюсь на противника, пользуясь тем, что он этого не ждал. Я так шатаюсь, что не могу стоять, а все-таки гоню его через арену в его угол; но вдруг он поскользнулся и падает, и я падаю на него. Публика прямо взбесилась…

… Что я хотел сказать? У меня все еще голова идет кругом, и в ней точно пчелиный рой гудит.

— Ты рассказывал, как упал на него в его углу… — напомнила Саксон.

— Да… Ну вот, как только мы встали на ноги, — я-то уж не стою, — я опять загнал его в мой угол и опять на него упал. Это было счастье, мы встали, я непременно упал бы, но я вошел в клинч и держусь за противника. «Ну, конец тебе, говорю, я сейчас тебя прикончу!»

Однако я не мог его прикончить… но я, конечно, не сдаюсь. Как раз когда судьи разнимали нас, мне удалось нанести ему такой удар в живот, что он одурел… и тут он стал осторожнее, даже слишком. Он воображал, что у меня сил осталось больше, чем их было на самом деле, и боялся войти со мною в клинч. Так что, как видишь, я все-таки его обманул!.. И он не мог меня прикончить, никак не мог…

А в двадцатом раунде мы стояли посреди ринга и обменивались ударами с одинаковыми шансами. При моем состоянии я все же очень хорошо держал себя в руках… но ему присудили приз, и это совершенно справедливо… А все-таки я провел его… Он меня не прикончил… И я провел этих болванов, которые держали пари, что он со мной мигом справится…

Наконец, уже на рассвете Билл заснул. Он охал и стонал, его лицо подергивалось от боли, он метался и никак не мог лечь удобно.

«Так вот что такое быть боксером», — думала Саксон. Это было гораздо хуже, чем она себе представляла. Ей и в голову не приходило, что боксерскими перчатками можно так изувечить человека. Нет, нет, он больше никогда не будет выступать. Уж пусть уличные свалки — все-таки лучше! Она размышляла о том, насколько серьезны полученные им повреждения, когда он что-то забормотал и открыл глаза.

— Чего ты хочешь? — спросила она и только потом заметила, что он смотрит перед собой отсутствующим взглядом и бредит.

— Саксон!.. Саксон!.. — звал он ее.

— Я здесь. Билли. Что такое?

Его рука потянулась к тому месту на кровати, где обычно лежала она.

Опять он стал звать ее, и она закричала ему на ухо, что она здесь. Тогда он облегченно вздохнул и пробормотал:

— Я не мог отказаться… Ведь нам нужны были деньги…

Его глаза снова закрылись, сон стал как будто более глубоким, хотя он все еще продолжал бормотать. Она слышала, что бывает сотрясение мозга, и очень испугалась. Потом вспомнила, что Мэрфи прикладывал ему лед к затылку.

Саксон накинула платок и побежала в ближайший бар «Приют плотников» на Седьмой. Хозяин только что открыл свое заведение и подметал пол. Он дал ей столько льда из холодильника, сколько она могла захватить с собой, расколов его на куски, чтобы ей удобнее было нести. Вернувшись домой, она приложила лед к затылку Билла, к ногам поставила горячие утюги и стала смачивать голову настоем квасцов, предварительно остудив его на льду.

В комнате были завешены окна, и Билл проспал почти до вечера; проснувшись, он, к ужасу Саксон, вдруг заявил, что должен встать и выйти.

— Я хочу показаться им, — пояснил он. — Я не желаю, чтобы надо мной смеялись.

Одолев при помощи Саксон мучительный процесс одевания, он с трудом встал и вышел из дома: он хотел всем показать, что не так уж сильно избит и не слег в постель.

Это была тоже своего рода гордость, хотя и непохожая на женскую. Но Саксон не знала, которая из них заслуживает большего уважения.

Глава четырнадцатая

Опухоль на лице Билла опала, и ссадины зажили удивительно скоро — в ближайшие же дни. Столь быстрое заживление говорило об исключительной силе и крепости его организма. Остались только синяки под глазами, — они держались около двух недель и особенно подозрительно выделялись на его белом лице. А за эти две недели произошло немало важных событий.

Суд над Отто Фрэнком тянулся недолго. Присяжные, состоявшие преимущественно из купцов и промышленников, признали, конечно, его виновным и приговорили к смертной казни; для исполнения приговора его перевели в сен-квентинскую тюрьму.

Разбор дела Честера Джонсона и остальных четырнадцати хоть и продолжался несколько дольше, но и он был закончен к концу той же недели. Джонсона приговорили к повешению, двоих — к пожизненному заключению, троих — к двадцати годам; оправданы были только двое, остальные семь получили от двух до десяти лет.

Все это повергло Саксон в глубокое уныние. Билл стал еще мрачнее, но его воинственный пыл не угас.

— Конечно, в сражении всегда есть убитые, — сказал он, — иначе и быть не может. Но меня поражает приговор. Или все виновны в убийстве, или никто. Если все — то и надо было вынести всем одинаковый приговор и всех повесить, как Джонсона, или не вешать никого. Хотел бы я знать, как судья додумался до такого решения? Наверно, гадал на лотерейных билетах или на пальцах, кому сколько лет назначить. Ну почему Джонни Блэк получил четыре, а Кол Хэтчинс — двадцать? Точно он выбирал наудачу, и Кол Хэтчинс мог бы с таким же успехом получить четыре, а Джонни двадцать.

Я их обоих знаю еще с детства. Они водились с мальчиками с Десятой и с Киркхэм-стрит, а также и с моей компанией. После уроков мы ходили купаться на Песчаную отмель и к плавучим докам, где, как говорят, шестьдесят футов глубины, — но только это вранье. Как-то в четверг мы нашли кучу ракушек и в пятницу прогуляли уроки, чтобы распродать их. Мы ходили к Каменной стене и ловили там треску. Однажды, как раз во время затмения, Кол поймал морского окуня с целую дверь. Я никогда такой рыбины не видал… А вот теперь он будет гнить в тюрьме двадцать лет! Хорошо еще, что он не женат. Если не умрет от чахотки,

так выйдет совсем стариком… Его мать ужасно боялась, чтобы он не утонул: как заподозрит, что он купался, сейчас лизнет его волосы; если окажется, что волосы соленые, тут же отстегает его ремнем. Но он был малый не промах: возвращаясь домой, непременно перелезет в чей-нибудь двор и сунет голову под кран…

— Я с Честером Джонсоном много раз танцевала, — сказала Саксон. — И с женой его встречалась, с Китти Брэйди, — давным-давно; мы работали вместе на картонажной фабрике. Она уехала в Сан-Франциско к замужней сестре. Китти ждет ребенка. Она была удивительно хорошенькая, и за ней всегда увивалась целая толпа поклонников.

Суровые приговоры и казни произвели на забастовщиков совсем иное впечатление, чем ожидали власти. Приговоры их не обескуражили, а, напротив, еще больше озлобили. Нежность и любовь, опять вспыхнувшие между Саксон и Биллом в то время, когда она за ним ухаживала, и его раскаяние в том, что он участвовал в матче, уступили место прежним настроениям. Дома он хмурился и ворчал, а если и говорил, то его речи чрезвычайно напоминали речи Берта — в последние дни перед смертью этого могикана. И опять его целыми днями не было дома — он снова запил.

Саксон потеряла всякую надежду. Она невольно готовилась к той ужасной и неизбежной трагедии, которую ее воображение рисовало ей в тысяче картин. Чаще всего ей представлялось, что Билла приносят домой на носилках. Или ей казалось, что ее вот-вот позовут к телефону в лавочке на углу и незнакомый голос сообщит о том, что ее муж в больнице или в морге. А когда произошли загадочные отравления лошадей и дом одного из магнатов гужевого транспорта был наполовину разрушен взрывом динамита, она уже видела Билла в тюрьме, в полосатой куртке каторжника, или всходящим на виселицу в Сен-Квентине, а их домик на Пайн-стрит осажденным репортерами и фотографами.

Но беда пришла неожиданно и не с той стороны, откуда она могла грозить. Их жилец Гармон, как-то проходя через кухню на работу, остановился, чтобы рассказать ей о крушении, происшедшем накануне возле болот Элвайзо, и о том, как машинист, лежавший под опрокинувшимся паровозом, хотя и остался цел и невредим, но не имел возможности спастись от надвигавшегося прилива и умолял пристрелить его. В это время в кухню вошел Билл, и по мрачному блеску его глаз, по опухшим векам она поняла, что он опять сильно выпил. Он злобно посмотрел на Гармона и, не поздоровавшись ни с ним, ни с женой, привалился плечом к стене.

Гармон почувствовал создавшуюся неловкость, но сделал вид, будто ничего не замечает.

— Я только что рассказывал вашей жене… — начал он.

Но Билл тотчас с бешенством прервал его:

— А мне наплевать, что вы ей рассказывали! Но я хочу кое-что сказать вам, мистер! Моей жене приходится убирать вашу постель, и это мне не нравится.

— Билли! — воскликнула Саксон, побагровев от гнева, обиды и стыда.

Билл сделал вид, что не слышит.

Гармон пробормотал:

— Я не понимаю…

— Ну, мне просто не нравится твоя рожа! — крикнул Билл. — Одним словом, проваливай, я тебя не держу!

Вон! Чтобы духу твоего здесь не было! Понял?

— Не знаю, что это на него нашло, — задыхаясь, шепнула Саксон кочегару. — Он не в себе. Господи, как мне стыдно, как стыдно!

Билл повернулся к ней:

— А ты заткни глотку и не суйся не в свое дело!

— Но, Билли, подумай только, что ты говоришь! — пыталась она его урезонить.

— Убирайтесь, говорю вам! А ты пошла в свою комнату.

— Послушайте, — вмешался, наконец, Гармон, — разве так с человеком разговаривают?

— Я и то вас слишком долго терпел! — огрызнулся Билл.

— Платил я, кажется, исправно. Верно?

— А мне давно следовало пробить тебе башку, да и теперь еще не поздно.

— Билли, если ты позволишь себе… — начала Саксон.

— А ты все еще тут? Сейчас же уходи в другую комнату, не то я заставлю тебя…

Он схватил ее за локоть. Она уперлась. Но это продолжалось мгновенье: его пальцы так больно стиснули ее мышцы, что она поняла, как бесполезно противиться такой силе. В гостиной она упала в кресло, рыдая и прислушиваясь к тому, что происходит в кухне.

— Во всяком случае я доживу до конца недели, — заявил кочегар, — Я заплатил вперед.

— Берегись, если хочешь остаться цел… ты и твое барахло! — Голос Билла дрожал от ярости, хотя он говорил очень медленно, почти нараспев. — Мое терпение может каждую минуту лопнуть…

— Да я знаю, вы известный скандалист… — начал опять кочегар.

Но тут раздался звук — несомненно, звук удара, затем звон разбитого стекла, шум свалки на крыльце и глухой стук тела, катящегося по ступенькам. Саксон слышала, как Билл вернулся в кухню, повозился там и начал заметать битое стекло у кухонной двери. Потом он вымылся под краном, посвистывая, вытер лицо и руки полотенцем и вошел к ней в комнату. Она даже на него не взглянула; ей было слишком тяжело и больно. Он постоял в нерешительности, словно что-то обдумывал.

— Пойду в город, — сказал он, наконец. — Там митинг нашего союза. Если я не вернусь, значит, этот негодяй подал на меня жалобу.

Он открыл дверь в прихожую и остановился. Она знала, что он смотрит на нее. Потом дверь закрылась, и она слышала, как он спустился по ступенькам.

Саксон была ошеломлена. Она ни о чем не думала, ничего не понимала. Все случившееся

казалось ей невероятным, невозможным. Оцепенев, с закрытыми глазами, лежала она в кресле, голова ее была пуста; нестерпимо угнетала и томила уверенность, что теперь всему, всему конец.

Ее привели в себя голоса детей, игравших на улице. Уже совсем стемнело. Она ощупью нашла лампу и зажгла ее. В кухне она долго смотрела остановившимся взглядом на жалкий недоварившийся ужин, и губы ее дрожали. Огонь в плите потух, из кастрюли с картошкой вода вся выкипела; когда она подняла крышку, в лицо ей пахнуло пригоревшим. Она машинально опорожнила и вычистила кастрюлю, привела кухню в порядок, почистила и нарезала картошку на завтра. Так же машинально легла в постель. Это спокойствие, это равнодушие не были естественными, но они так сильно овладели ею, что едва она закрыла глаза, как тотчас заснула. Она проснулась, когда солнце ярким светом уже заливало комнату.

Миновала первая ночь, которую она провела в разлуке с Биллом. Саксон была поражена: как это она могла спать и не беспокоиться о нем? Она лежала с широко открытыми глазами, почти без мыслей, пока не обратила внимание на какую-то боль в руке. Оказалось, что болит то место, которое стиснул Билл. Осмотрев руку, она обнаружила кровоподтек и огромный синяк. И она удивилась не тому, что это с ней сделал тот, кого она любила больше всего на свете, но тому, что можно, сжав руку на миг, так повредить ее. Да, мужская сила — страшная штука. И совершенно безучастно, как будто это ее вовсе не касалось, она задумалась над вопросом: кто же сильнее, Чарли Лонг или Билл?

Только одевшись и разведя огонь, она стала размышлять о более насущных вещах. Билл не вернулся. Значит, он арестован. Что ей делать? Оставить его в тюрьме? Уйти и начать жизнь сначала? Конечно, немыслимо продолжать жизнь с человеком, который мог так поступить. «Но, — подумала она, — с другой стороны, разве это уж так немыслимо? Все же он ее муж». «На горе и на радость» — эти слова не переставали звучать в ее сознании, как однообразный аккомпанемент к ее мыслям. Бросить его

— значило сдаться. Она попыталась представить себе, как бы решила этот вопрос ее мать. Нет, Дэзи никогда бы не сдалась. Значит, и она, Саксон, должна бороться. И кроме того, нельзя не признать, — правда, она думала об этом теперь холодно и равнодушно, — что Билл все-таки лучше многих мужей; действительно, он был лучше всех, о ком она когда-либо слыхала, и ей невольно вспомнились его былая мягкость и деликатность, а особенно его постоянная поговорка: «Нет, нам подавай самое лучшее. Робертсы не скряги».

В одиннадцать часов к ней зашел товарищ Билла — Бэд Стродзерс, несший вместе с ним обязанность пикетчика. Он сообщил ей, что Билл отказался от того, чтобы его взяли на поруки, отказался от защитника, просил, чтобы его дело разбиралось в суде, признал себя виновным и приговорен к шестидесяти долларам штрафа или к месяцу тюрьмы. Кроме того, он не пожелал, чтобы товарищи внесли за него этот штраф.

— Он ничего и слышать не хочет, — закончил Стродзерс, — он прямо как полоумный. «Отсижу, говорит, сколько положено». По-моему, он немножко рехнулся. Вот он написал вам записку. Как только вам что-нибудь понадобится, пошлите за мной. Мы все поможем жене Билла. Как у вас насчет денег?

Она гордо отказалась от всяких денег и только после ухода Стродзерса прочла записку Билла:

«Дорогая Саксон, Бэд Стродзерс передаст тебе эту записку. Не горюй обо мне. Я решил принять горькое лекарство. Я заслужил его, ты знаешь. Вероятно, я спятил. Но я все равно очень сожалею о том, что натворил. Не приходи меня навещать. Я не хочу. Если тебе нужны

деньги, обратись в союз, он даст; тамошний секретарь очень хороший человек. Я выйду через месяц. Помни, Саксон, я люблю тебя, и скажи себе, что на этот раз ты меня прощаешь. Поверь, тебе никогда больше не придется меня прощать».

После Стродзерса явились Мэгги Донэхью и миссис Олсен, они пришли, как добрые соседки, навестить ее и развлечь и, предлагая ей свою помощь, были настолько тактичны, что почти не коснулись неприятной истории, в которую попал Билл.

Под вечер явился Джеймс Гармон. Он слегка прихрамывал, но Саксон видела, что кочегар изо всех сил старается скрыть это явное доказательство самоуправства Билла. Она начала извиняться, однако он и слушать ее не хотел.

— Я вас и не виню, миссис Роберте. Я знаю, что вы тут ни при чем. Ваш муж был, видно, не в себе. У него много всяких неприятностей, и я, к несчастью, попался ему под руку. Вот и все.

— Да, но…

Кочегар покачал головой.

— Я все это очень хорошо понимаю. Я и сам прежде частенько напивался и тоже куролесил порядочно. Зря я подал на него жалобу. Но уж очень я в ту минуту был обижен, вот и погорячился. Теперь-то я поостыл и жалею, что не сдержался и затеял всю эту историю.

— Вы очень милый и добрый… — сказала Саксон и замялась, но потом все же решилась высказать то, что ее тревожило: — … Вы… вам теперь неудобно оставаться у нас… раз его нет дома… Вы же понимаете…

— Ну конечно. Я сейчас переоденусь и уложусь, а к шести часам пришлю лошадь за вещами. Вот ключ от кухонной двери.

Как он ни отказывался, она заставила его взять обратно уплаченные вперед деньги. Он крепко и сердечно пожал ей на прощанье руку и взял обещание, что в случае необходимости она непременно займет у него денег.

— Тут ничего плохого нет, — уверял он ее. — Я ведь женат, у меня два мальчика. У одного из них легкие не в порядке, вот они и живут с матерью в Аризоне, на свежем воздухе. Правление дороги устроило им проезд со скидкой.

И когда он спускался с крыльца, она подивилась, что в этом злом и жестоком мире нашелся такой добрый человек.

В этот вечер малыш Донэхью забросил ей газету, — в ней полстолбца были посвящены Биллу. Читать было очень невесело. Газета отмечала тот факт, что Билл предстал на суде весь в синяках, полученных, очевидно, в какой-то другой драке. Он был изображен буяном, озорником и бездельником, который не должен состоять в союзе, ибо только позорит организованных рабочих. Его нападение на кочегара — безобразное и ничем не вызванное хулиганство, и если, возмущалась газета, бастующие возчики все на него похожи, то единственная разумная мера — это разогнать весь союз и выселить его членов из города. В заключение автор статьи жаловался на излишнюю мягкость приговора. Преступника следовало закатать по крайней мере на полгода. Приводились слова судьи, будто бы высказавшего сожаление по поводу того, что он не мог посадить его на шесть месяцев, так как тюрьмы переполнены по случаю многочисленных эксцессов, имевших место во время последних забастовок.

В эту ночь Саксон, ледка в постели, впервые почувствовала свое одиночество. Ее мучили кошмары, она то и дело просыпалась, ей все чудилось, что она видит смутные очертания лежащего рядом Билла, и она тщетно шарила по кровати. Наконец, она зажгла лампу и продолжала лежать с широко открытыми глазами, глядя в потолок и все вновь и вновь перебирая в уме подробности постигшего ее несчастья. Она и прощала Билла — и не могла простить вполне. Удар, нанесенный ее любви, был слишком внезапен, слишком жесток. Ее гордость была оскорблена, и она не могла забыть о теперешнем Билле и вспоминать только о том, которого когда-то любила. Напрасно она повторяла себе, что с пьяного какой спрос: это не могло оправдать поведение того, кто спал рядом с ней, кому она отдала себя, отдала целиком. И она плакала от одиночества на своей чересчур широкой постели, стараясь забыть его непонятную жестокость и прижимаясь щекой к зашибленному им локтю даже с какой-то неясностью. И все-таки в ней кипело возмущение против Билла и всего, что он натворил. Горло у нее пересохло, в груди была ноющая боль, сердце мучительно замирало, в мозгу неотвязно стучало: отчего? Отчего? Но она не находила ответа.

Утром к ней пришла Сара, — второй раз после ее замужества, — и Саксон без труда отгадала причину этого посещения. В ее душе мгновенно пробудилась вся былая гордость. Она не стала защищаться. Она держалась так, словно и не нужно было никаких объяснений или оправданий. Все в порядке, да и ее дела никого не касаются. Но такой тон только оскорбил Сару.

— Я ведь предупреждала тебя! — начала она свою атаку. — Этого ты отрицать не можешь. Я всегда говорила, что он негодяй, хулиган, что место ему только в тюрьме. У меня душа ушла в пятки, когда я узнала, что ты хороводишься с боксером. И я тебе тогда же прямо сказала. Так нет! Ты и слушать не хотела! Как же! С твоими фанабериями да с дюжиной туфель, каких не бывает ни у одной порядочной женщины! Но ведь тебе нельзя слова сказать! И я тогда же предупредила Тома: «Ну, говорю, теперь Саксон погибла!» Вот этими самыми словами! Коготок увяз, всей птичке пропасть! Почему ты не вышла за Чарли Лонга? Хоть семью-то не позорила бы! И помни, это только начало! Только начало! Чем он кончит — одному Богу известно! Он еще убьет кого-нибудь, этот твой негодяй. Ты дождешься, что его повесят! Погоди! Придет время, вспомнишь мои слова. Как постелешь, так и поспишь!

— Лучшей постели у меня никогда не было! — возразила Саксон.

— Да уж конечно, конечно! — издевалась Сара.

— Я не променяла бы ее на королевское ложе, — прибавила молодая женщина.

— Все равно каторжник, как ни защищай! — продолжала кипятиться Сара.

— Ничего, теперь это модно! — беспечно возразила Саксон. — С каждым может приключиться. Ведь Том, кажется, тоже был арестован на каком-то уличном митинге социалистов? Теперь не шутка попасть в тюрьму!..

Напоминание о Томе достигло цели.

— Но Тома оправдали, — поспешно отозвалась Сара.

— Все равно он провел ночь в тюрьме, даже на поруки не отпустили.

На это Саре возразить было нечего, и она, по своему обыкновению, повела атаку с другой стороны:

— Тоже, хороша эта история с кочегаром! Есть с чем поздравить особу, воспитанную так

деликатно, как ты! Спутаться с жильцом!

— Кто смеет это говорить? — вспылила Саксон, но тотчас же овладела собой.

— Ну, есть вещи, которые даже слепой увидит! Жилец, молодая женщина, потерявшая всякое уважение к себе, и муж — боксер!.. Спрашивается, из-за чего же они могли подраться?

— Мало ли из-за чего ссорятся добрые супруги, — лукаво улыбнулась Саксон.

Сара онемела и в первую минуту даже не нашлась, что ответить.

— Я хочу, чтобы ты поняла меня, — продолжала Саксон. — Женщина должна гордиться, если из-за нее дерутся мужчины. И я горжусь! Слышишь? Горжусь! Так и скажи! Всем своим соседям скажи! Я не корова. Я нравлюсь мужчинам. Мужчины из-за меня дерутся! Идут в тюрьму из-за меня! Зачем женщине и жить на свете, как не для того, чтобы нравиться мужчинам? А теперь ступай, Сара! Ступай и расскажи всем о том, что «увидит даже слепой»… Поди и скажи, что Билл каторжник, а я дурная женщина, за которой гоняются все мужчины. Кричи об этом на всех перекрестках, желаю тебе удачи… Но из моего дома уходи. И чтобы твоей ноги здесь больше не было! Ты слишком порядочная женщина, и тебе у нас не место! Ты можешь испортить свою репутацию! Подумай о своих детях. Уходи!

Только когда пораженная и возмущенная Сара ушла, Саксон бросилась на постель и судорожно разрыдалась. До сих пор ей было стыдно только оттого, что Билл так грубо и несправедливо обошелся с их жильцом, но теперь она поняла, как смотрят на дело посторонние. Ей самой и в голову не приходило такое объяснение. Она была уверена, что ничего подобного не приходило в голову и Биллу. Она знала его отношение к этому вопросу: он не хотел пускать жильца из гордости, чтобы не обременять жену лишней работой; только нужда заставила его согласиться. И, оглядываясь назад, Саксон вспомнила, что с трудом уговорила его пустить кочегара.

Но все это не меняло точки зрения соседей и всех, кто ее знал. И здесь опять-таки виноват Билл. Положение, в которое он ее поставил, ужаснее, чем все его проступки. Теперь она никому не сможет смотреть в глаза. Правда, и Мэгги Донэхью и миссис Олсен были к ней очень добры. Но о чем они все время думали, беседуя с ней, когда сюда приходили? И что они друг другу говорили, уйдя от нее? Что говорили все, выходя к своим калиткам, на свои крылечки? Что говорили мужчины, стоя на углу и выпивая в барах?

Позднее, когда она уже устала от своего горя и выплакала все свои слезы, она постаралась взглянуть на дело со стороны, представив себе, что должны были пережить сотни женщин с тех пор, как начались стачка и беспорядки, — особенно такие, как жена Отто Фрэнка, Гендерсона, Мери, хорошенькая Китти Брэйди и вообще жены тех, кто теперь сидел в сен-квентинской тюрьме. Привычный мир рушился вокруг нее. Судьба никого не пощадила, не пощадила и ее, — наоборот, к ее бедствиям прибавился еще позор. С отчаянием старалась она внушить себе, что просто спит, что все это только дурной сон… вот-вот затрещит будильник, и она встанет, примется готовить завтрак и Билл уйдет на работу. Весь этот день она провела в постели, но так и не уснула. Все у нее в голове кружилось и путалось; возбужденное воображение то рисовало ей снова ряд постигших ее несчастий и ее позор, как она его называла, а также множество самых фантастических подробностей, — то уносило к воспоминаниям детских лет, развертывая перед ней все новые и новые будничные картины: она выполняла опять всю работу, какой когда-либо в жизни занималась, мысленно повторяя сделанные ею некогда бесчисленные автоматические движения: резала и клеила картон в картонажной мастерской, гладила белье в прачечной, сучила нитки на джутовой фабрике,

перебирала фрукты на консервном заводе и заготовляла тысячи банок с очищенными томатами. Она снова танцевала на балах и веселилась на прогулках; она вспоминала вновь свои школьные годы, лица и имена товарищей и где кто сидел, тяжелые мрачные времена приюта, рассказы матери о былом и, наконец, свою жизнь с Биллом. Но всякий раз

— и это было самое мучительное — от всех этих далеких воспоминаний ее словно отрывала чья-то злая рука, неумолимо возвращая к действительности. И тогда она опять чувствовала, как у нее пересохло горло, как болит сердце, какая во всем теле пустота и мучительная слабость.

Глава пятнадцатая

Всю ночь Саксон не спала и даже не раздевалась, а когда утром встала, умылась и причесала волосы, то ощутила в руках и в ногах странное онемение, голова была точно стиснута тяжелым железным обручем. Она заболевала, хотя и не догадывалась об этом, и только чувствовала, что с ней творится что-то странное. Не лихорадка и не простуда, — физически она была совсем здорова, и потому решила, что все дело в нервах, а, по ее понятиям и понятиям людей ее класса, нервы

— это не болезнь.

У нее было странное ощущение, словно она потеряла себя, словно она чужда самой себе, а окружающий мир казался ей каким-то тусклым и мглистым, — он утратил определенность своих очертаний, стал неживым. В ее памяти появились какие-то провалы, она все время ловила себя на том, что делает то, что вовсе не собиралась делать. Так, к своему удивлению, она вдруг застала себя на заднем дворе, развешивающей белье после еженедельной стирки. Но она не помнила, чтобы занималась стиркой, хотя все было выполнено ею в точности, как полагалось: она прокипятила простыни, наволочки и столовое белье; шерстяные вещи Билла выстирала в теплой воде домашним мылом, изготовленным по рецепту Мерседес. Далее выяснилось, что за завтраком она съела баранью котлету. Очевидно, она ходила в мясную за мясом, но совершенно этого не помнила. С любопытством вошла она в спальню. Постель была прибрана, и все оказалось в полном порядке.

В сумерки она нашла себя сидящей в кресле у окна и плачущей от какой-то великой радости. Сначала она не знала, что это за радость, но потом поняла, что радуется смерти своего ребенка.

— Счастье! Счастье! — повторяла она нараспев, ломая руки, но ломая их от радости, — она была уверена, что от радости.

Дни приходили и уходили. Она почти не замечала времени. Иногда ей казалось, что прошли века с тех пор, как Билла посадили в тюрьму; а иногда — что это произошло только прошлой ночью. Но две мысли не выходили у нее из головы: что не нужно навещать Билла и что смерть ее ребенка — счастье.

Однажды ее навестил Бэд Стродзерс. Она сидела с ним в гостиной и разговаривала, но почему-то не могла отвести глаз от его обтрепанных брюк. В другой раз приходил секретарь союза. Ему, так же как и Стродзерсу, она сказала, что все в порядке, деньги ей не нужны, она отлично доживет до того, как муж выйдет на волю.

Временами ее охватывал ужас. «Выйдет на волю!» Нет! Этого не может быть, не должно быть! Не нужно другого ребенка! А вдруг он будет жить? Нет, тысячу раз нет! Лучше убежать из дому. Лучше никогда не видеть Билла. Только не это. Только не это!

Ее страх не проходил. В сновидениях, полных кошмаров, это опасение становилось фактом; она вскрикивала и просыпалась, дрожа, в холодном поту. Саксон начала страдать бессонницей. Иногда ей казалось, что она совсем разучилась спать, — и тут она вспомнила, что ее мать умерла от бессонницы.

В один прекрасный день молодая женщина очнулась в кабинете доктора Гентли. Он озабоченно смотрел на нее.

— Питаетесь вы хорошо? — спросил он.

Она кивнула.

— Серьезные неприятности? Она покачала головой.

— Все в порядке, доктор… Кроме…

— Ну? Ну? — поддержал он ее.

Тогда она поняла, зачем пришла сюда. Она рассказала ему все — ясно и просто. Он медленно покачал головой.

— Этого нельзя, маленькая женщина, — сказал он.

— Нет! Я знаю, что можно! — воскликнула она.

— Не в этом дело, — возразил он. — Я не могу дать вам никакого средства. Я не имею права… Это запрещено законом. Сейчас один врач как раз за это сидит в ливенуортской тюрьме.

Напрасно она умоляла его. Он отказывался: у него жена и дети, он не может рисковать.

— И потом — пока нет никаких данных, что это случится.

— Случится, непременно случится.

В ответ он только грустно покачал головой.

— Зачем вам нужно такое средство? Тогда Саксон излила ему всю свою душу. Она рассказала о первых месяцах счастья с Биллом, о тяжелых временах, вызванных стачкой и беспорядками, о мучительной перемене в Билле и о своем глубоком и непреодолимом ужасе перед новой беременностью. Не смерти ребенка боится она теперь: она перенесла бы ее, — она боится, что он будет жить. Скоро Билл вернется домой, и тогда ей опять будет угрожать опасность. Пусть доктор скажет только несколько слов. Никто не узнает. Никакими пытками из нее не вытянут этого секрета.

Но доктор продолжал покачивать головой.

— Не могу, маленькая женщина. Мне очень стыдно, но я не вправе рисковать. У меня связаны руки. Наши законы отстали от жизни. Но я должен беречь судьбу тех, кто мне дорог.

Он сдался лишь, когда она встала, чтобы уходить.

— Подите сюда, — позвал он ее. — Сядьте поближе.

Он наклонился к ее уху, но потом еще раз встал, быстро подошел к двери, из

предосторожности открыл ее и выглянул наружу.

Когда он снова сел, то придвинул к ней свой стул так близко, что их локти соприкасались и его борода щекотала ей ухо.

— Нет, нет, — прервал он ее в ответ на слова благодарности. — Я вам ничего не сказал. Вы пришли за советом насчет общего состояния своего здоровья. Вы потеряли много сил и чувствуете себя плохо...

С этими словами он проводил Саксон до двери. Когда он открыл ее, в приемной стоял другой пациент, он ожидал зубного врача, принимавшего в соседнем кабинете. Доктор Гентли проговорил очень громко:

— Пейте лекарство, которое я вам прописал; а главное, налегайте на еду, когда аппетит вернется. Ешьте здоровую, питательную пищу, как можно больше бифштексов, и притом не пережаривайте их. До свиданья!

Иногда Саксон становилось невыносимо в ее молчаливом доме; она накидывала шарф и уходила на Оклендский мол или, миновав железнодорожные мастерские и болота, отправлялась на Песчаную отмель, где, как ей рассказывал Билл, он любил купаться. Ходила она и к докам, спускалась со свай по вбитым в них железным костылям и по настилу пробиралась к Каменной стене, которая далеко выдавалась в море и отделяла илистые отмели от устья реки Окленд, наполнявшегося водой во время прилива. Здесь дул свежий морской ветер; позади нее Окленд тонул в мглистом облаке дыма, а по ту сторону бухты — перед ней — таким же мглистым пятном лежал Сан-Франциско. Мимо нее по устью реки проплывали буксирные пароходики, таща за собой большие суда и яхты с высокими мачтами.

Саксон смотрела на эти суда и на сновавших матросов и думала о том, в какие дальние странствия, к каким неведомым свободным берегам они уходят. Или жизнь там так же несправедлива и жестока, как в Окленде! И люди поступают со своими товарищами так же грубо, гадко и бесчестно? Ей казалось почему-то, что это не так, и хотелось пуститься в дальнее плавание, почувствовать себя совершенно свободной и плыть неизвестно куда — все равно, лишь бы уйти от этой жизни, которой она отдала лучшее, что у нее было, а жизнь в ответ растоптала ее душу.

Она часто не замечала, что уходит из дома, и не знала, куда пойдет. Однажды она очнулась в какой-то странной, незнакомой ей части города. Перед ней тянулась широкая улица, обсаженная ровными рядами тенистых деревьев. Бархатистые лужайки, пересеченные асфальтовыми тротуарами, спускались к водостокам. Большие дома не теснились друг к другу. Они ей казались прямо замками. На углу стоял автомобиль, и ее привел в себя вид молодого человека, сидевшего на шоферском месте. Молодой человек с любопытством смотрел на нее, и она узнала в нем Роя Бланшара, того самого, которого тогда, у «Форума», Билл обещал хорошенько проучить. Подле автомобиля стоял без шляпы другой молодой человек. Его она тоже узнала: это он когда-то на пикнике, где она впервые встретилась с Биллом, бросил свою трость в ноги бегущему Тиму и вызвал этим всеобщую свалку. Он тоже смотрел на нее с удивлением. И она вдруг поняла, что разговаривает вслух сама с собой, — она еще слышала свои последние слова. Саксон смутилась, горячий румянец стыда окрасил ее щеки, и она ускорила шаг. Бланшар выскочил из автомобиля и подошел к ней, держа шляпу в руке.

— С вами что-нибудь случилось? — спросил он.

Она покачала головой и приостановилась, всем своим видом показывая, что хочет идти дальше.

— Я знаю вас, — сказал он, всматриваясь в ее лицо. — Вы были тогда с тем парнем, который обещал меня поколотить.

— Это мой муж, — сказала она.

— А-а. Ну и Бог с ним!.. — Он смотрел на нее веселым и открытым взглядом. — Но что с вами? Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? Я вижу, что-то у вас неладно.

— Нет, все в порядке, просто я была больна, — солгала она; вернее, она думала, что солгала, ибо ей не приходило в голову объяснить свое странное поведение болезнью.

— Но у вас очень усталый вид, — настаивал он. — Я могу посадить вас в машину и отвезти, куда вы захотите. У меня есть время.

Саксон покачала головой.

— Нет… Пожалуйста, скажите мне только, где здесь трамвай, который идет на Восьмую улицу? Я редко бываю в этой части города.

Он сказал ей, где трамвайная остановка и какие нужны пересадки, и она удивилась тому, как далеко зашла.

— Благодарю вас, — проговорила она. — Прощайте.

— Я действительно ничем вам не могу помочь?

— Действительно ничем.

— Ну, тогда до свиданья, — приветливо улыбнулся он. — И скажите вашему мужу, чтобы он хорошенько тренировался. Ему это очень пригодится при нашей встрече.

— Но вы не должны драться с ним, — поспешила она предостеречь его.

— Не деритесь… Не деритесь… Ничего хорошего для вас из этого не выйдет.

— Однако вы молодец, — удивился он. — Вот как надо защищать честь своего мужа! Другая женщина испугалась бы, что его поколотят…

— Но я боюсь… не за него. За вас. Он боксер и чудовищно силен. У вас нет никакой надежды на победу. Избить вас — ему все равно что… что…

— Отнять у ребенка конфету? — подсказал Бланшар.

— Да, да, — кивнула она. — Он так бы и выразился.

И если он скажет вам: «Что ты стоишь, я не держу тебя», — берегитесь… А теперь мне пора. До свиданья и еще раз спасибо.

Она пошла дальше по улице, и его приветливое «до свиданья» все еще звучало у нее в ушах. Он, по-видимому, не злой, надо это честно признать. А все-таки он не из «глупцов», он из класса господ, которые, по словам Билла, виноваты и в угнетении женщин и в тех жестоких карах, которым подвергались рабочие, брошенные на долгие годы в тюрьму или томившиеся в камерах смертников в ожидании казни. И подумать только, что он показался ей добрым, мягким, чистым! Она читала это в каждой черте его лица. Но как это могло быть, раз он нес

ответственность за такие преступления? Саксон печально покачала головой. Ответа не было, и не было объяснения этому миру, где гибли дети и разбивались сердца матерей.

Это дальнее путешествие, которое неожиданно завело ее в кварталы богачей, нисколько не удивило ее. Она забрела сюда в особом состоянии. Она делала теперь множество вещей, совершенно не зная, зачем она их делает.

Однако надо быть поосторожнее. Лучше уж ограничить свои прогулки болотами и Каменной стеной.

Больше всего полюбилась ей Каменная стена. Здесь был такой простор, такое приволье! Она инстинктивно старалась дышать как можно глубже и протягивала руки, словно желая обнять всю природу и слиться с ней. Этот мир казался ей и более естественным и более разумным. Его она понимала: понимала зеленых крабов с беловатыми клешнями, которые удирали от нее, а в часы отлива паслись на скалах, поросших зелеными водорослями; здесь, несмотря на возведенную человеческими руками стену, не было ничего искусственного, здесь не было людей с их жестокими законами, с их борьбой. Прилив сменялся отливом; солнце вставало и садилось. Каждый вечер в Золотые ворота врывался смелый западный ветер, рябил воду, вздымал небольшие волны и подгонял легкие парусные суда. Все совершалось по строго заведенному порядку. И все здесь было свободно. Кругом валялись сучья для топлива, его никто не продавал — бери сколько хочешь. Мальчишки ловили со скал самодельными удочками рыбу, и никто их за это не преследовал; так ловил когда-то рыбу и Билл и Кол Хэтчинс. Билл рассказывал ей про громадного окуня, которого Хэтчинс поймал в день солнечного затмения. Наверно, Колу тогда и не грезилось, что свои лучшие годы он проведет в тюрьме.

Здесь можно было найти пищу — даровую пищу. Однажды, когда она пришла сюда совсем голодная, она стала наблюдать за мальчишками и решила последовать их примеру: набрала ракушек, оставленных на скалах приливом, и зажарила их на углях костра, который тут же развела. Они ей показались необыкновенно вкусными. Потом она научилась отдирать от камней мелких устриц, а однажды нашла связку только что пойманной рыбы, которую забыл какой-то мальчуган.

Однако волны иногда выносили на берег предметы, напоминавшие ей и о зловредной людской деятельности там, в городах. Раз во время прилива она увидела, что всюду на воде плавают дыни; они подпрыгивали на волнах, тысячами подплывали к берегу; и когда их выбрасывало на скалы, она легко могла их достать. Но все — хотя она терпеливо пересмотрела несколько десятков — не годились для еды: на каждой был длинный надрез, из которого сочилась соленая вода. Она не могла понять, зачем понадобилось делать эти надрезы, и спросила старуху португалку, собиравшую выброшенные морем щепки.

— Это делают люди, у которых слишком много всего, — пояснила старуха, выпрямляя одеревеневшую от работы спину с таким усилием, что Саксон казалось, она слышит, как трещат ее кости. Черные глаза старухи гневно сверкнули, и горькая улыбка растянула морщинистые губы над беззубыми деснами. — Да, люди, у которых всего хоть завались. Они делают это, чтобы цены стояли высокие. Эти дыни, наверно, выкинуты в воду с судов в Сан-Франциско.

— Но почему же их не раздадут беднякам? — спросила Саксон.

— Чтобы не упали цены.

— Да ведь бедняки все равно их покупать не могут, — возразила Саксон. — При чем же тут цена?

Старуха пожала плечами:

— Не знаю. Почему-то так делается. Они взрезают каждую дыню, чтобы бедняки не могли их вылавливать и есть. То же самое они делают и с яблоками и с апельсинами. А рыбаки!.. Теперь всем у них заправляет трест. Когда улов слишком велик, трест вываливает рыбу с Рыбацкой пристани прямо в море, лодку за лодкой, полные доверху чудной рыбой. И эта рыба пропадает даром и никому не достается, хотя она уже мертвая и годится только для еды. А рыба — вещь очень вкусная.

И опять Саксон не понимала, что это за мир, где происходят такие дела, где у одних столько еды, что они ее выбрасывают, да еще платят за то, чтобы ее портили; а в то же время так много, так бесконечно много голодных, и дети мрут оттого, что пьют молоко истощенных матерей, и мужчины убивают друг друга, чтобы как-нибудь добыть работу, и старики и старухи вынуждены уходить в богадельню, потому что в жалких лачугах, которые они, плача, покидают, их уже не могут прокормить. «Неужели везде на земле одинаково?» — спрашивала она себя, вспоминая рассказы Мерседес. Да, видно, мир так устроен! Разве Мерседес не была свидетельницей того, как в далекой Индии десять тысяч семейств умирали от голода, в то время как брильянты, которые она носила, могли бы их всех спасти? Да, для глупцов — богадельня и чаны с рассолом, а для умных — автомобили и брильянты.

Она принадлежит к «глупцам». Так оно и есть. По всему видно. Однако Саксон не хотела с этим соглашаться. Она — не глупая. И мать и ее предки-пионеры отнюдь не были глупыми. А все-таки выходило, что так. Ведь вот она сидит тут, дома есть нечего, любимый муж огрубел, озверел и томится в тюрьме, а из ее объятий, из ее сердца вырван ребенок, который мог бы лежать там, если бы глупцы, сражаясь из-за работы, не превратили ее палисадника в поле боя.

И вот она сидела, терзаясь этими вопросами. Позади тусклым пятном маячил Окленд; впереди, по ту сторону бухты, тусклым пятном лежал Сан-Франциско. А между тем солнце было доброе, и ветер был добр, и чист соленый свежий воздух, овевавший ей лицо, и добрым было голубое небо с белыми облачками. Природа дышала правдой, красотой и лаской. И только мир человека нес в себе ложь, безумие и жестокость.

Но почему же глупцы — глупы? Что это — закон, данный Богом? Нет, не может быть — Бог создал ветер, воздух, солнце. Человеческий мир создан человеком. И какой же он никудышный. Однако она очень хорошо помнит, ее учили этому в сиротском приюте, что Бог создал все. Ее мать тоже верила в это, верила в такого Бога. Другим мир и не мог быть. Это было предрешено.

Некоторое время Саксон сидела подавленная и беспомощная. Но вдруг в ней проснулся мятежный дух. Тщетно вопрошала она, почему Господь Бог к ней так несправедлив. Что она совершила, чтобы заслужить такую участь? Она торопливо пересмотрела свою жизнь и не нашла в ней никаких смертных грехов. Она слушалась матери, слушалась трактирщика Кэди и его жены, слушалась надзирательницы и других женщин в приюте. Слушалась Тома, когда переехала к нему жить, и никогда не шаталась по улицам с подругами, потому что он был против. В школе она исправно переходила из класса в класс и вела себя безукоризненно. С первого же дня по окончании школы она работала не покладая рук до дня своего замужества. Работницей она тоже считалась хорошей. Владелец картонажной фабрики, маленький еврей, чуть не плакал, узнав, что она уходит. Так же было и на консервном заводе. Она была одной из лучших ткачих, когда ткацкая фабрика закрылась. И она оставалась честной девушкой — не

потому, что была уродлива и непривлекательна. нет, — она тоже изведала и соблазны и опасности. Парни с ума сходили по ней. Они бегали за ней и дрались за нее с таким азартом, что большинству девушек это бы вскружило голову. Но она не поддалась. А затем появился Билли — ее награда. Она всем существом предалась ему, его дому, всему, что поддерживало бы и питало его любовь. А теперь и ее и Билли втягивало в водоворот бессмысленной нужды и горестей, созданных людьми в этом безумном мире.

Нет, не Бог устроил все это. Она и то устроила бы мир лучше, справедливее. А значит — Бога нет. Не мог Он так все запутать. Значит, ошибалась ее мать, ошибалась заведующая приютом — и никакого бессмертия нет; и прав был Берт, павший у ее калитки с неистовым предсмертным воплем. Человек бывает мертв задолго до своей смерти.

Так, размышляя о жизни, лишенной сверхчувственного ореола, Саксон впала в угрюмый пессимизм. Нигде во всей вселенной нельзя было найти оправдания добру, и ниоткуда нельзя было ждать справедливой награды — ни ей, которая как-никак заслужила награду, ни тем миллионам несчастных, которые работали, как вьючные животные, умирали, как животные, и уже при жизни обречены были на вечную смерть. Подобно многим, жившим до нее и гораздо более образованным мыслителям, она пришла к заключению, что мир равнодушен к добру и ему нет дела до человека.

Теперь Саксон чувствовала себя еще более подавленной и беспомощной, чем тогда, когда включала Бога в систему общей несправедливости. Пока был Бог, всегда оставалась надежда на какое-то чудо, на сверхъестественное вмешательство, на загробную награду в виде несказанного блаженства. А без Бога мир — это просто западня. Жизнь — западня. И сама она — как пойманная мальчишками коноплянка в железной клетке. Душа ее трепещет и бьется о железную беспощадность фактов, точно коноплянка о железные прутья клетки. Но она не глупая. Она вырвется из западни. Ей там не место. Выход должен быть. Если какие-нибудь угольщики и дровосеки, последние из глупцов, могли выбиться, как говорилось в учебнике истории, если они становились президентами и правили всеми умными с их богатствами и автомобилями, то неужели она не найдет пути хотя бы к маленькой награде, о которой так мучительно грезит, — к Билли, — не добьется чуточки любви и счастья? Ей все равно, что мир равнодушен к добру, что нет ни Бога, ни бессмертия. Она согласна лечь в могилу и остаться в ее мраке навеки, согласна на чаны с рассолом и на то, чтобы молодые люди кромсали инструментами ее тело, — но пусть ей дадут сначала хоть немножко счастья.

Как бы она стала работать ради этого счастья! Как ценила бы каждую крупицу! Но где оно? Где к нему дорога? Этого она не знала, не могла себе представить. Она видела только мглу Сан-Франциско и мглу Окленда, там люди проламывали друг другу головы и убивали, там умирали младенцы, рожденные и не рожденные, там рыдали женщины о своем разбитом сердце.

Глава шестнадцатая

Это призрачное, как бы нереальное существование продолжалось. Саксон чудилось, что Билли ушел от нее во время какой-то другой жизни и что должна наступить новая жизнь, прежде чем он снова появится. Ее все еще мучила бессонница. Бывали ночи, много ночей, когда она ни на минуту не смыкала глаз. Случалось и так, что она засыпала на долгие часы и приходила в себя совершенно разбитая, не в силах открыть отяжелевшие веки. Ощущение железного обруча, сжимавшего голову, так и не проходило. Она очень плохо питалась, — денег у нее не было ни гроша. Иногда она не ела целыми днями. Однажды провела трое суток без пищи. Чтобы не умереть с голоду, она выкапывала из ила моллюсков, отдирала от скал маленьких устриц, собирала ракушки.

И все-таки, когда Бэд Стродзерс заходил проведать ее, она уверяла, что ни в чем не нуждается. Однажды вечером, после работы, ее навестил Том и почти насильно сунул два доллара. Он был ужасно измучен. Охотно дал бы он ей больше, да Сара опять ждет ребенка, а в его работе наступило затишье — в результате забастовок на других производствах. Он положительно не знает, куда страна идет. А дело, в сущности, очень просто: нужно только смотреть на вещи так, как он на них смотрит, и голосовать за тех, за кого он голосует. Тогда каждый получал бы по справедливости.

— Христос был социалист, — сказал Том.

— Но Христос умер две тысячи лет назад, — заметила Саксон.

— Ну и что же? — спросил Том, недоумевая.

— А ты подумай, — продолжала она, — подумай обо всех мужчинах и женщинах, которые успели умереть за эти два тысячелетия, — а социализм все еще не наступил. Как знать, быть может, пройдет еще две тысячи лет, а мы будем все так же далеки от него. Твой социализм. Том, тебе никогда не дал ничего хорошего. Это мечта.

— Он не был бы мечтой, если бы… — начал он с гневом.

— Если бы все верили в него, как ты. А вот не верят.

И тебе никак не удается убедить их.

— Но мы с каждым годом становимся сильнее, — возразил Том.

— Две тысячи лет — очень долгий срок, — проговорила она вполголоса.

На усталом лице брата появилось печальное выражение, он кивнул.

— Что ж, Саксон, если это и мечта, то прекрасная мечта.

— А я не хочу мечтать, — последовал ответ. — Я хочу, чтобы это в жизни было. И хочу, чтобы теперь же.

В ее воображении пронеслись бесчисленные поколения обездоленных глупцов, всех этих Биллов и Саксон, Бергов и Мери, Томов и Сар. К чему вся их жизнь? Впереди только чаны с рассолом да могилы. Мерседес злая и жестокая женщина, но она права: дуралеи и глупцы всегда окажутся под пятою умных. Только она, Саксон, дочь Дэзи, женщины, писавшей стихи, и храброго солдата на кавалерийской лошади, дочь тех мощных поколений, которые отвоевали полмира у первобытной природы и у дикарей, — только она не глупая. Это бесспорно. И она найдет выход.

На данные ей Томом два доллара Саксон купила мешок муки и полмешка картофеля. Это внесло некоторое разнообразие в ее питание устрицами и ракушками. Следуя примеру итальянок и португалок, она собирала щепки и относила домой, однако из гордости старалась выбрать время, когда уже становилось темно. Однажды, сидя на низкой илистой отмели возле Каменной стены, она увидала рыбачью лодку, которую вытащили на песок, нанесенный из канала. Со своего места Саксон могла отчетливо разглядеть рыбаков итальянцев, собравшихся вокруг яркого костра; они ели поджаристый итальянский хлеб и рагу из мяса и овощей, запивая все это большими глотками дешевого красного вина. И она позавидовала их свободе, их аппетиту, их оживленному смеху и болтовне, в которых сказывалось влияние вольной

кочевой жизни; позавидовала их лодке, которая не была привязана к одному месту, а несла их, куда они пожелают. Поужинав, они закинули сети на илистую отмель и, вытянув невод на песок, выбрали из него только самую крупную рыбу. Когда они, наконец, отплыли от берега, на песке остались издыхать тысячи мелких рыбешек, таких, как, например, сардины. Саксон набрала целый мешок этих рыбешек, отнесла их в два приема домой и посолила в кадке.

По-прежнему она страдала провалами памяти. Самый странный свой поступок она совершила на Песчаной отмели. Однажды, после обеда, — было очень ветрено, — она вдруг оказалась лежащей в выкопанной ею яме; мешки служили ей одеялом. Она устроила над ямой даже нечто вроде крыши, смастерив ее из щепок и морской травы, а сверху еще насыпала песку.

В другой раз она опомнилась, когда шла по болотам с вязанкой щепок за спиной. Рядом с ней шагал Чарли Лонг. Она видела его лицо при свете звезд и спрашивала себя, давно ли он тут и что он ей сказал. Несмотря на темноту и одиночество, несмотря на его силу и дикий нрав, она не боялась.

— И такой женщине приходится собирать щепки. Какой позор! — говорил он, видимо, повторяя не раз уже сказанное. — Ведь вам стоит произнести только одно слово, Саксон, одно слово…

Саксон остановилась и спокойно посмотрела на него.

— Слушайте, Чарли Лонг. Билли приговорен к месяцу тюрьмы, и скоро его срок истекает. Когда я ему расскажу, с чем вы ко мне приставали, считайте, что вам больше не жить. Слушайте, если вы сейчас уйдете и не будете мне больше надоедать, — так и быть, я ему ничего не скажу. Вот и все, что я могу вам ответить.

Огромный кузнец стоял перед ней в угрюмой нерешительности. Его лицо горело страстным желанием, руки бессознательно сжимались и разжимались.

— Но вы такая маленькая, такая крошка… — сказал он с отчаянием,

— я мог бы вас одной рукой переломить. Я мог бы… да, я мог бы сделать с вами все, что захочу. Но я не желаю причинять вам зло, Саксон, вы знаете… Скажите одно только слово…

— Я уже все вам сказала.

— Удивительно! — пробормотал он с невольным восхищением. — Вы не боитесь. Вы совсем не боитесь…

Они долго смотрели друг на друга в молчании.

— Почему вы не боитесь? — спросил он, наконец, вглядываясь в окружающую темноту, словно отыскивая там ее защитников.

— Потому что вышла замуж за настоящего мужчину, — коротко ответила Саксон. — А теперь лучше уходите.

Когда он ушел, она перекинула вязанку на другое плечо и отправилась домой с чувством горделивой радости. Хотя Билл и отделен от нее тюремными решетками, она все же находит поддержку в его силе. Одного его имени оказалось достаточно, чтобы укротить такое животное, как Чарли Лонг.

В тот день, когда повесили Отто Фрэнка, она не выходила из дому. Вечерние газеты поместили

подробный отчет. Приговоренному не дали даже времени для обжалования. В Сакраменто проживал железнодорожный магнат, который мог при желании отсрочить или даже отменить приговор любому грабителю или преступнику, — но в защиту рабочего и он не смел шевельнуть пальцем. Так говорили соседи, и то же она слышала от Билла и от Берта.

На другой день Саксон отправилась к Каменной стене; рядом с ней шел призрак повешенного, а за ним — еще более смутный и жуткий — призрак Билла. Неужели и ему угрожает такой же страшный конец? Несомненно, если кровопролитие и вражда будут продолжаться! Билли — бесстрашный борец и боксер. Он считает, что обязан бороться. А убить человека при подобных обстоятельствах так нетрудно, далее не желая этого, — если он, например, начнет колотить штрейкбрехера, а тот ударится о камень или о тротуар и раскроит себе голову. И тогда Билла повесят. Ведь повесили же за это Отто Фрэнка. Он тоже не собирался убивать Гендерсона. Чистая случайность, что у Гендерсона череп оказался поврежденным. А все-таки Фрэнка повесили.

Саксон шла, спотыкаясь о камни, плакала и ломала руки. Часы проходили незаметно, а она все еще предавалась своему горю. Она опомнилась лишь на дальнем конце стены, выступавшей в море между Оклендом и Аламида-Моле. Но самой стены она уже не видела. Было время полнолуния, и высокие волны прилива покрыли камни. Саксон стояла по колена в воде, а вокруг нее плавали десятки крупных крыс; они визжали, барахтались и карабкались по ней, стараясь спастись от воды. Саксон закричала от страха и отвращения и попыталась их сбросить. Некоторые нырнули и исчезли под водой, другие продолжали плавать возле нее, готовые напасть, а одна огромная крыса вонзила зубы в ее башмак. Саксон наступила на нее другой ногой и раздавила. Наконец-то она, все еще дрожа от ужаса, могла оглядеться более спокойно. Она схватила большой сук, плававший неподалеку, и быстро отогнала крыс. В это время к стене подъехал какой-то мальчуган в маленьком, ярко раскрашенном ялике. Он распустил парус, и ветер играл им.

— Хотите в лодку? — крикнул он.

— Да, — отозвалась Саксон, — здесь тысячи огромных крыс. Я их очень боюсь.

Он кивнул и направил к ней лодку, подгоняемую легким ветром.

— Отпихните нос, — приказал он. — Вот так. Я боюсь поломать выдвижной киль… А теперь прыгайте скорее на корму, рядом со мной!

Она послушалась, легко прыгнула в лодку и встала рядом с ним. Он придержал локтем румпель, и когда парус слегка надулся, лодка легко понеслась по водной ряби.

— Видно, что вы не новичок, — сказал мальчик одобрительно.

Это был стройный худенький подросток, лет двенадцати-тринадцати, но довольно крепкий на вид, с загорелым веснушчатым лицом и большими серыми глазами, ясными и задумчивыми. Несмотря на то, что у него был нарядный ялик, Саксон сразу почувствовала, что он, так же как и она, дитя народа.

— А ведь я никогда не каталась на лодке, только на пароме ездила,

— засмеялась Саксон.

Мальчик с любопытством взглянул на нее.

— Этого не скажешь. Вы на лодке как дома. Куда вы хотите, чтобы я вас отвез?

— Все равно.

Он открыл рот, желая что-то сказать, но еще внимательнее на нее посмотрел и спросил через мгновение:

— У вас есть свободное время? Она кивнула.

— Весь день? Она кивнула опять.

— Видите ли, в чем дело: я хочу воспользоваться отливом. Еду на Козий остров за треской и вернусь обратно только вечером, с приливом. У меня с собой много удочек и приманки. Хотите поехать со мной? Будем вместе удить, и что поймаете — ваше.

Саксон колебалась. Независимость и быстрота маленькой лодки привлекали ее. Этот ялик, как и те суда, на которые Саксон столько раз любовалась, уходил в море.

— А может, вы меня утопите? — спросила она шутливо.

Мальчик гордо тряхнул головой:

— Не первый раз я выезжаю один и, как видите, до сих пор не утонул.

— Ну, ладно, — согласилась она. — Только помните, грести я не умею.

— Неважно. Сейчас поверну. И как только крикну: «Нагнись!» — вы должны наклонить голову и пересесть к другому борту, а то вас заденет канатом.

Он сделал то, о чем говорил. Саксон наклонила голову и оказалась сидящей рядом с ним на другой стороне лодки, тогда как сама лодка, изменив направление, понеслась к Долгой набережной, где находились угольные склады. Саксон была в восхищении, тем более что ничего не понимала в искусстве управления парусом, и оно казалось ей загадочным и сложным.

— Где вы научились? — спросила она.

— Научился сам по себе. Это дело мне всегда нравилось, а когда какое-нибудь дело нравится, так ему легко и научишься. Это моя вторая лодка. Первая была без выдвижного киля. Я купил ее за два доллара и научился на ней очень многому, хотя она вечно текла. А как вы думаете, сколько я заплатил за эту? Теперь за нее дают двадцать пять.

— Не знаю, — сказала Саксон. — Ну, сколько?

— Шесть долларов! Подумайте только — за такой ялик! Конечно, с ним пришлось повозиться; два доллара стоил парус, весла — доллар сорок центов, и семьдесят пять центов краска. Но все равно получить такую штуку за одиннадцать долларов пятнадцать центов — это прямо дешевка. Я очень долго копил деньги на лодку. Обыкновенно я утром и вечером разношу газеты; сегодня за меня пошел другой мальчик, — я ему плачу десять центов, и все экстренные номера он продает в свою пользу. Я бы уже давно купил лодку, если бы не пришлось тратить деньги на уроки стенографии. Моя мать хочет, чтобы я стал стенографом при суде; они иной раз зарабатывают до двадцати долларов в день. Но это мне совсем не по душе. Где же это видано — тратить деньги на уроки!

— А кем же вы хотели бы стать? — спросила Саксон, отчасти от нечего делать, отчасти из любопытства.

— Кем стать? — повторил он.

Медленно повернув голову, он обвел глазами горизонт, остановил свой взгляд на коричневой линии холмов Контра-Коста, затем устремил его к океану, мимо Алькатраса, — туда, где были Золотые ворота. И столько затаенной грусти было в этом взгляде, что ее сердце сжалось.

— Вот, — сказал он, сделав рукой широкое движение, как будто охватывая весь горизонт.

— Что вот?.. — спросила она.

Он посмотрел на нее, удивленный тем, что она не поняла.

— Разве вы никогда… — начал он, точно ища сочувствия своим любимым грезам, — разве вам никогда не кажется, что вы просто умрете с тоски, если не узнаете, что за теми холмами, за следующими и за следующими? А Золотые ворота! За ними Тихий океан, Китай, Япония, Индия и… и Коралловые острова. Вы можете через Золотые ворота поплыть куда угодно: в Австралию, в Африку, на лежбища котиков, на Северный полюс, к мысу Горн. И вот мне кажется, что все эти места только и ждут, чтобы я приехал на них посмотреть. Все детство я прожил в Окленде, но я вовсе не хочу прожить здесь всю жизнь. Нет уж, спасибо! Я уеду отсюда далеко-далеко…

И опять, бессильный передать в словах всю безмерность своих желаний, он сделал рукой широкий жест, точно охватывая весь мир.

Его волнение передалось Саксон. Она тоже, кроме своих ранних детских лет, прожила всю жизнь в Окленде. И здесь ей было не плохо… до сих пор. А теперь, после всех этих ужасов, ей неудержимо захотелось уехать отсюда, как хотелось когда-то ее предкам уйти с Востока на Запад. И почему бы не уехать? Мир звал ее, она чувствовала, что мечты мальчика находят отзвук в ее сердце. И потом — ведь ее родичи тоже никогда долго не сидели на одном месте, они постоянно передвигались. Саксон вспомнила рассказы матери, вспомнила хранившуюся у нее гравюру, на которой ее полуобнаженные предки с мечом в руках прыгали со своих узких остроносых лодок и бросались в битву на окровавленных песках Англии.

— Ты когда-нибудь слышал об англосаксах? — спросила она мальчика.

— Еще бы! — воскликнул он; его глаза заблестели, и он посмотрел на нее с новым интересом. — Я самый настоящий англосакс, до мозга костей. Посмотрите на мои глаза, на мою кожу. Я совсем белый, где нет загара. А когда я был маленький, у меня были белокурые волосы. Моя мать говорит, что, когда я вырасту, они, к сожалению, потемнеют. Но все равно я англосакс. Я из племени воинов. Мы ничего не боимся! Вы думаете, я боюсь этого залива? — И он с презрением посмотрел на волны.

— Я пересекал его в такую бурю, что матросы с шаланды мне потом не верили и говорили, будто я вру. Дураки! Мы таких колотили еще сотни лет назад. Мы побеждали все и всех, кто становился нам поперек дороги. Мы прошли через мир победителями и на море и на суше — везде. Вспомните лорда Нелсона, Дэви Крокета, вспомните Поля Джонса, и Клайва, и Китченера, и Фремонта, и Кита Керсона, и всех других.

Он продолжал говорить, а Саксон кивала; ее глаза блестели, и она думала о радости иметь такого сына, как этот мужественный мальчик. Все ее существо напрягалось, словно в ней уже трепетала новая жизнь. Да, крепкое племя, крепкое племя! Ее мысли вернулись к ней самой и

к Биллу: они тоже здоровые отпрыски того же корня, но обречены на бездетность; оба попали в число «глупых» и сидят в западне, в которую люди обратили этот мир.

И снова она заслушалась своего маленького спутника.

— Мой отец был солдатом в Гражданскую войну, — рассказывал он, — скаутом и лазутчиком. Южане дважды ловили его как шпиона и чуть не повесили. Во время сражения при Вилсон-крик он бежал полмили, унося на спине своего раненого капитана. У него и сейчас еще в ноге сидит пуля повыше колена. Так он с ней и ходил все эти годы и как-то даже давал мне пощупать. А до войны он охотился на бизонов и ставил капканы на диких зверей. Когда ему минуло двадцать лет, он стал шерифом в своей провинции. А после войны сделался начальником полиции в Силвер-Сити и выгнал оттуда всех хулиганов и драчунов. Кажется, нет штата, где бы он не побывал. Во время набора он мог в те годы справиться с любым солдатом и еще подростком был грозой плотовщиков Сусквеханны. Его отец в драке убил человека ударом кулака, а ведь ему в то время уже исполнилось шестьдесят лет. Когда ему было семьдесят четыре, его вторая жена родила двойню, а умер он девяноста девяти лет от роду, — в поле, когда пахал на волах. Он только что выпряг их, сел отдыхать под деревом — и так и умер сидя. Мой отец такой же. Он уже очень стар, а все еще ничего не боится. Как видите, настоящий англосакс! Он служит в заводской полиции, но до сих пор пальцем не тронул ни одного забастовщика. Ему разбили все лицо камнями, а он просто взял да и переломил свою дубинку над головой какого-то буяна.

Мальчик остановился, чтобы перевести дух.

— Не хотел бы я быть на месте этого парня!

— Меня зовут Саксон, — сказала она.

— Это ваше имя?

— Да, мое имя.

— Здорово! — воскликнул он. — Счастливица! Вот если бы меня звали Эрлинг! Понимаете, Эрлинг Смелый, или Вольф, или Свен, или Ярл!

— А как лее вас зовут? — спросила она.

— Просто Джон, — печально признался он. — Но я никому не позволяю звать меня Джоном. Все должны звать меня Джек. Я уже отлупил с десяток ребят за то, что они вздумали звать меня Джон, даже Джонни. Ну разве это не отвратительно — Джонни!

Они миновали угольные склады Долгой набережной, и мальчик взял курс на Сан-Франциско. Их вынесло в открытый залив. Западный ветер усилился, и на крутых волнах вскакивали гребешки белой пены. Лодка весело неслась вперед. Иногда их окатывали брызги. Саксон смеялась, и мальчик одобрительно поглядывал на нее. Когда они проезжали мимо парома, пассажиры на верхней палубе столпились у борта, чтобы посмотреть на них. Попав в кильватерную волну, лодка зачерпнула воды на четверть. Саксон взяла со дна пустую жестянку и вопросительно посмотрела на мальчугана.

— Правильно, — сказал он. — Валяйте вычерпывайте! — А когда она кончила, заявил: — Скоро мы будем на Козьем острове. Я ловлю рыбу обычно возле Торпедной станции, на глубине в пятьдесят футов, — там очень сильно чувствуется прилив и отлив. Вы, кажется, насквозь промокли, и ничего? Молодчина! Недаром у вас такое имя: ведь Саксон — это значит: из

племени саксов? Вы замужем?

Саксон кивнула, и мальчик нахмурился.

— Жаль! Теперь вам уже нельзя будет странствовать по свету, как буду странствовать я. Вы отдали якорь. Вы навсегда пришвартовались к берегу.

— Все-таки быть замужем очень хорошо, — улыбнулась она.

— Ну конечно, все женятся. Но с этим не стоит торопиться. Почему вы не подождали, как я? Я тоже думаю жениться, но не раньше, чем стану стариком и сначала побываю повсюду.

Они подходили к Козьему острову с подветренной стороны. Саксон послушно сидела не двигаясь, мальчик убрал парус и, когда лодку отнесло к намеченному им месту, бросил маленький якорь; затем достал удочки и показал Саксон, как насаживать на крючки соленых колюшек в виде приманки. Они закинули удочки на дно и, глядя на поплавки, которые трепетали в быстром течении, стали ждать, когда рыба клюнет.

— Поклевки скоро начнутся, — подбадривал он молодую женщину. — Я всегда увожу отсюда кучу рыбы. Только два раза мне не повезло. Как вы думаете, не перекусить ли нам пока?

Напрасно она уверяла его, что не голодна: он поделил свой завтрак, как и полагается добрым товарищам, аккуратно разрезав пополам даже крутое яйцо и большое румяное яблоко.

Однако рыба все еще не брала. Тогда он достал из кормовой части лодки какую-то книгу в холщовом переплете.

— Это из бесплатной библиотеки, — вежливо пояснил он Саксон и углубился в чтение, придерживая одной рукой страницу, а другой лесу, чтобы не упустить мгновение, когда рыба клюнет.

Саксон прочла заглавие: «В затопленном лесу».

— Вот послушайте, — сказал он немного погодя и прочел ей вслух несколько страниц, где описывался огромный, затопленный паводком тропический лес, по которому какие-то мальчики плыли на плоту.

— Вы только представьте себе, — воскликнул он, — вот что делается с Амазонкой во время разлива! Это в Южной Америке. И в мире страшно много интересных мест. Везде есть на что посмотреть, кроме Окленда. По-моему, Окленд — это такое место, откуда надо отправляться в странствия; он только начало пути. А вот они пережили настоящие приключения, скажу я вам! Подумайте, как этим мальчикам повезло! Ну, ничего! Я тоже когда-нибудь перейду Анды у верховьев Амазонки, сяду на лодку и проеду через всю страну каучука, а там спущусь по реке на много тысяч миль до самого устья, где она так широка, что с одного берега не виден другой, и где вы за сотни миль от земли можете черпать из океана чудесную пресную воду.

Но Саксон не слушала его. Одна магическая фраза засела у нее в мозгу: Окленд — это только начало пути. Она никогда не смотрела на свой родной город с такой точки зрения. Она принимала его как конечную цель, как место, где ей придется прожить всю жизнь, но не как место, откуда надо отправляться в путь. А почему бы и нет? Почему не считать его просто железнодорожной станцией или пароходной пристанью? При настоящем положении вещей оставаться здесь, конечно, нет смысла; мальчик прав. Отсюда надо уезжать. Но куда? Тут ее мысль перебил сильный рывок, и леса задергалась у нее между пальцами. Она быстро начала

тащить ее, перебирая руками, а мальчик подбадривал свою спутницу, пока, наконец, на дно лодки не шлепнулась, задыхаясь, большая треска. Сняв рыбу, Саксон насадила новую приманку и опять закинула удочку, а он отметил в книге место, на котором остановился, и захлопнул ее.

— Скоро клев начнется такой, что только поворачивайся, — сказал мальчик.

Однако рыба все еще не шла.

— Вы когда-нибудь читали капитана Майн-Рида? — спросил он. — Или капитана Марриета? Или Беллентайна?

Она покачала головой.

— А еще из племени англосаксов! — воскликнул он презрительно. — Да таких книг пропасть в бесплатной библиотеке! У меня два абонемента — мамин и мой, и я всегда меняю книги после школы, прежде чем разносить газеты. Я засовываю их спереди под рубашку, за помочи, и они держатся. Как-то раз, когда я разносил газеты в районе Второй улицы и Маркет-плейс — знаете, какие там хулиганы! — я подрался с их главарем. Он было размахнулся что есть силы и метил мне прямо под ложечку, а напоролся на книжку. Вы бы видели его рожу! И уж тут я залепил ему! На меня хотела наброситься вся шайка. Спасибо, в дело вмешались двое рабочих-литейшиков и потребовали, чтобы все делалось по правилам. Я дал им подержать мои книжки.

— Кто же победил? — спросила Саксон.

— Да никто, — неохотно признался мальчик. — По-моему, победить должен был я, но литейщики решили, что вничью, потому что дежурный полицейский разнял нас, когда мы дрались всего только полчаса. Но вы бы видели, какая собралась толпа! Пари держу, что там было человек пятьсот, не меньше!

Он резко оборвал свой рассказ и стал подсекать лесу. У Саксон тоже клевало, и в течение ближайших двух часов они поймали вдвоем около двадцати фунтов рыбы.

Вечером, когда уже давно стемнело, маленькая лодочка возвращалась в Окленд. Дул свежий, но слабый ветер, и лодка плыла медленно, таща за собой огромную сваю, которую мальчик выловил и привязал к корме, заявив, что она пойдет вместо дров, — «за нее кто хочешь три доллара даст». Воды прилива тихо поднимались в сиянии полной луны, и Саксон узнавала все места, мимо которых они проплывали: ремонтные доки. Песчаную отмель, корабельные верфи, гвоздильные заводы, причал Маркет-стрит.

Мальчик направил лодку к ободранной лодочной пристани в начале Кастро-стрит, где дремали пришвартованные к берегу шаланды с песком и гравием. Он настоял на разделе улова поровну, так как Саксон помогала вытаскивать рыбу, но самым подробным образом объяснил ей права и обязанности лиц, вылавливающих из воды бесхозяйственное имущество, — в доказательство того, что свая целиком принадлежит ему.

На углу Седьмой и Поплар-стрит они расстались, и Саксон со своей ношей одна пошла домой на Пайн-стрит. Несмотря на то, что она очень устала за этот долгий день, она испытывала странное чувство бодрости. Она вычистила рыбу и легла в постель. Засыпая, она думала о том, что непременно попросит Билла, когда жизнь опять наладится, купить лодку, и они будут вдвоем выезжать на ней по воскресеньям в море, как Саксон ездила сегодня.

Глава семнадцатая

Саксон спала эту ночь спокойно, без сновидений и впервые за много дней проснулась освеженная и отдохнувшая. Она чувствовала, что стала опять самой собой, словно с нее сняли давящую тяжесть или убрали тень, застилавшую от нее солнце. Мысли были ясны. Железный обруч, сжимавший так туго ее голову, распался. Какое-то радостное чувство владело ею. Она даже поймала себя на том, что напевает вслух, деля рыбу на три равные части: себе, миссис Олсен и Мэгги Донэхью. Она с удовольствием поболтала с каждой из них и, вернувшись домой, весело принялась прибирать свой запущенный дом. За работой она пела, и в звуках мелодии ей все время слышались магические слова: Окленд — это только начало пути.

Все было совершенно ясно. Поставленная перед ней и Биллом задача так же проста, как школьная арифметическая задача: какой величины требуется ковер, чтобы покрыть пол в столько-то футов длиной и столько-то шириной? Сколько обоев потребуется, чтобы оклеить комнату таких-то размеров. Все это время голова у нее плохо работала, она наделала много ошибок, она была невменяема. Верно. Но ведь это от трудностей. И в этих трудностях она была неповинна. То же самое, что произошло с Биллом, произошло и с ней. Он вел себя так странно потому, что был невменяем. И все их трудности были трудностями людей, попавших в западню. Окленд и есть западня. Окленд — это такое место, откуда надо уезжать!

Она перебрала в памяти все события своей замужней жизни. Всему были причиной забастовка и тяжелые времена. Не будь забастовки и побоища перед их домом, она не лишилась бы своего ребенка. Не будь Билл доведен до отчаяния вынужденным бездельем и безнадежной борьбою возчиков, он бы не запил. Если бы им не пришлось так туго, они бы не взяли жильца и Билл не попал бы в тюрьму.

И вот она приняла решение: город не место для нее и Билла, не место для любви и маленьких детей. Выход очень прост. Они уедут из Окленда. Сидят дома и покоряются судьбе только глупцы. Нет, она и Билл не глупцы. Они не покорятся. Они уедут отсюда и будут бороться с судьбой. Куда уедут, она не знала. Там видно будет. Мир велик. Где-нибудь, за окружающими город холмами, за Золотыми воротами, они найдут то, что им нужно. В одном мальчик ошибся: несмотря на замужество, ничто не связывает ее с Оклендом. Мир открыт для нее и Билла, как он был открыт для предшествующих поколений, которые тоже отправлялись в странствия. Одни лишь глупцы всегда оставались позади, когда целые народы пускались в путь. Сильные всегда шли вперед. А они с Биллом сильные. Они пойдут вдаль за коричневые холмы Контра-Коста либо через Золотые ворота.

Накануне выхода Билла из тюрьмы Саксон закончила скромные приготовления к его встрече. Денег у нее не было, и если бы не боязнь опять рассердить мужа, она перехватила бы у Мэгги Донэхью на билет до Сан-Франциско, а там бы продала кое-что из своих хорошеньких вещиц. Дома у нее были только хлеб, картофель и соленые сардины, и она под вечер, в часы отлива, пошла на берег набрать ракушек. Она собрала принесенные морем щепки и куски дерева и в девять вечера отправилась домой с вязанкой топлива и лопаткой на плече, неся в руке ведро, полное ракушек. Дойдя до угла, она поспешила перейти на более темную сторону улицы и быстро пересекла освещенное электрическими фонарями пространство, чтобы избежать взора любопытных соседей. Но навстречу ей шла какая-то женщина, она пристально взглянула на Саксон и остановилась. Это была Мери.

— Боже мой, Саксон! — воскликнула она. — Неужели ты дошла до этого?

Саксон посмотрела на свою прежнюю подругу, и ей достаточно было беглого взгляда, чтобы понять всю трагедию этой женщины. Мери похудела, щеки ее были румянее, чем когда-то, —

однако этот румянец не обманул Саксон. Большие глаза ее прежней подруги стали еще красивее и больше, — они были, пожалуй, слишком большие, слишком яркие и тревожные. Она была хорошо одета, но чересчур нарядно, и Саксон чудилась во всем ее облике какая-то болезненная нервность. Мери боязливо оглянулась назад, в темноту.

— Господи! — прошептала Саксон. — Ты... — Она сжала губы, потом заговорила снова: — Пойдем ко мне.

— Если тебе стыдно, что тебя увидят со мной... — резко прервала ее Мери, вспылив, как прежде.

— Нет, нет! — успокоила ее Саксон. — Эта вязанка и ракушки... Я не хочу, чтобы соседи знали. Идем.

— Нет, не могу, Саксон. И рада бы, да не могу. Мне нужно попасть на ближайший поезд в Фриско. Я тебя давно поджидаю, стучалась с черного хода. У вас везде темно. Билл все еще сидит, верно?

— Да, он выйдет завтра.

— Я узнала обо всем из газет, — торопливо продолжала Мери. — Сама я была в Стоктоне, когда это случилось. Ты-то, надеюсь, не осуждаешь меня? — чуть не со злобой накинулась она на Саксон. — Я просто была не в силах пойти работать после того, как пожила своим домом. Работа мне осточертела, она, видно, совсем меня измотала, и я уже ни на что не гожусь. Если бы ты знала, как я возненавидела прачечную еще до замужества! А теперь эта жизнь — какой ужас! Ты и представить себе не можешь. Честное слово, Саксон, ты и сотой доли не подозреваешь! О, если бы мне умереть, если бы умереть и освободиться от всего. Послушай... нет, не сейчас, сейчас я не могу. Слышишь, поезд уже подходит к Эделайн-стрит, надо спешить. Можно мне прийти к тебе?

— Ну, поторапливайся, заболталась! — прервал ее мужской голос.

Позади нее из темноты вынырнул человек. Не рабочий, — Саксон сразу определила. Несмотря на свой хороший костюм, этот человек стоял на общественной лестнице ниже любого рабочего.

— Иду, одну минуточку! — взмолилась Мери.

По словам и по тону подруги Саксон поняла, что та боится этого парня, который предпочитает держаться подальше от освещенной части тротуара.

Мери опять повернулась к ней.

— Ну, мне пора, прощай, — сказала она, доставая что-то из перчатки.

Она схватила руку Саксон, и та почувствовала в своей ладони небольшую горячую монетку. Она ни за что не хотела ее взять и совала обратно.

— Нет, нет! — умоляла Мери. — Вспомни прошлое. В другой раз ты мне поможешь. Скоро увидимся. Прощай.

Зарыдав, она внезапно обняла Саксон и припала к ее груди, ломая о вязанку щепок перья своей шляпы. Затем вырвалась, отступила на шаг и, вся дрожа, вперила в подругу горящий взгляд.

— Ну, пошли, пошли! — послышался из темноты повелительный мужской голос.

— О Саксон… — всхлипнула Мери и исчезла.

Придя домой, Саксон зажгла свет и вынула деньги. Это была монета в пять долларов, для нее — целое состояние! Потом она стала думать о Мери и о человеке, которого Мери так боялась. Саксон и эту трагедию поставила в вину Окленду. Вот еще одна из погубленных им. Саксон где-то слышала, что средняя продолжительность жизни этих несчастных женщин около пяти лет. Она поглядела на монету и бросила ее в раковину. Занявшись чисткой ракушек, она слышала, как монета со звоном катится вниз по трубе.

Только мысль о Билле заставила ее на следующее утро полезть под раковину, развинтить трубу и вытащить монету из ловушки. Ей говорили, что заключенных плохо кормят, и перспектива встретить мужа после тридцатидневной тюремной кормежки тарелкой креветок и куском черствого хлеба казалась ей ужасной. Она знала, как он любит густо намазывать масло на хлеб, с каким удовольствием уплетает толстый мягкий бифштекс, поджаренный на сухой раскаленной сковородке, и как радуется кофе, когда он настоящий, крепкий и пить его можно сколько захочешь.

Билл пришел уже в десятом часу, и она встретила его в своем самом хорошеньком домашнем платьице. Она следила глазами за мужем, пока он медленно поднимался на крыльцо, и выбежала бы ему навстречу, если бы не соседские дети, пялившие на него глаза с противоположного тротуара. Зато едва он коснулся ручки двери, как она широко перед ним распахнулась, им затворить ее пришлось спиной, потому что руки его уже крепко обхватили Саксон. Нет, он не завтракал и не хочет есть теперь, когда он с ней. Он только задержался у парикмахера, чтобы побриться, а затем прошел всю дорогу пешком, потому что у него не было денег. Но ему ужасно хочется помыться и переодеться. Пусть она не подходит к нему, пока он не приведет себя в порядок.

Покончив с мытьем и переодеванием, он уселся в кухне и стал смотреть, как она готовит завтрак. Он сразу же заметил, чем она топит, и спросил, откуда это у нее. Собирая на стол, она рассказывала ему, как добывала себе топливо, как ухитрилась прожить, ничем не затрудняя союз, а когда они сели завтракать, упомянула о вчерашней встрече с Мери, но о пяти долларах не обмолвилась ни словом.

Билл, жевавший первый кусок бифштекса, вдруг остановился. Выражение его лица испугало ее. Он тут же выплюнул кусок на тарелку.

— Это ты на ее деньги купила мясо? — грозно спросил он. — У тебя не было ни денег, ни кредита в мясной, откуда же мясо? Скажи, я угадал?

Саксон только опустила голову.

Его лицо стало страшным, в глазах появилось то же выражение леденящего спокойствия, которое она впервые увидела в Визел-парке, когда он один дрался с тремя ирландцами.

— Что еще ты купила? — спросил он не грубо, не раздраженно, но с той страшной холодной яростью, которая не находит себе выражения в словах.

Однако Саксон, как ни странно, успокоилась. Разве все это имеет значение? Чего же ждать от Окленда? Ведь и это останется позади, когда Окленд отступит в прошлое, станет только началом пути.

— Кофе и масло, — отвечала она.

Он вывалил содержимое своей и ее тарелки на сковороду, положил сверху масло и намазанный ломоть хлеба и высыпал туда же кофе из жестянки. Все это он вынес во двор и бросил в мусорный ящик. Кофе он вылил в раковину.

— Сколько у тебя осталось? — спросил он затем.

— Три доллара восемьдесят центов. — Она сосчитала и протянула ему деньги. — Я заплатила сорок пять центов за мясо.

Он посмотрел на деньги, пересчитал и пошел с ними к двери. Она слышала, как дверь открылась и закрылась, и поняла, что он выбросил деньги на улицу. Когда он вернулся в кухню, Саксон уже подавала ему на чистой тарелке жареный картофель.

— У Робертсов должно быть всегда все самое лучшее, — сказал он. — Но, даю слово, от таких деликатесов с души воротит. Они прямо воняют.

Билл поглядел на жареный картофель, на вновь отрезанный ломоть сухого хлеба и стакан воды, который она ставила у его прибора.

— Все в порядке, — улыбнулась она, видя его колебания. — В доме не осталось ничего нечистого.

Он быстро взглянул на нее, словно опасаясь увидеть на ее лице насмешку, вздохнул и сел. Затем тут же вскочил и привлек ее к себе.

— Сейчас я буду есть, но сначала нам необходимо поговорить, — заявил он, усаживаясь и обнимая ее. — Да и вода ведь не кофе — если и остынет, то не станет худее. Так вот слушай! Ты — это все, что у меня есть на свете. Ты не испугалась меня и того, что я только что сделал; и я очень рад. Давай забудем теперь о Мери. И у меня сердце не камень: мне тоже ее жаль, как и тебе. Я готов все для нее сделать, что в моих силах, готов ей ноги мыть, как делал Христос. Пусть бы кормилась за моим столом и спала под моей крышей. Но все это не причина для того, чтобы я позволил себе дотронуться до денег, которые она заработала. А теперь забудь ее. Сейчас есть только ты да я, Саксон, — только ты да я, и пропади они все пропадом! Остальное не важно. Тебе никогда больше не придется меня бояться. Виски и я — мы не ладим друг с другом; и я решил забыть о виски. Я был не я и с тобою обращался плохо. Но это все прошло и никогда больше не повторится. Я хочу начать все сначала.

Теперь послушай: мне не следовало действовать так опрометчиво. А я действовал. Надо было раньше все обсудить с тобой. А я не обсудил. Моя проклятая вспыльчивость подвела меня, — ты ведь знаешь мой характер. Но если человек способен сохранять хладнокровие на ринге, значит, он может сохранить его и в своей семейной жизни. У меня просто не было времени подумать. Есть вещи, которых я не выношу и никогда не выносил. И ты также не захочешь, чтобы я от этого страдал, как и я не хочу, чтобы ты мирилась с чем-нибудь, что тебе противно.

Сидя у него на коленях, она выпрямилась и поглядела ему прямо в лицо, захваченная одной мыслью.

— Ты серьезно, Билл?

— Ну конечно.

— Тогда я скажу тебе, чего я больше не могу выносить. Для меня это хуже смерти.

— Что же? — спросил он после некоторого молчания.

— И все зависит от тебя, — сказала она.

— Ну, тогда выкладывай.

— Ты не знаешь, что ты берешь на себя, — предупредила она. — Может, тебе лучше отступить, пока не поздно?

Он упрямо покачал головой.

— Того, чего ты не в силах выносить, тебе и не придется выносить. Валяй.

— Во-первых, — начала она, — довольно этой охоты на штрейкбрехеров.

Он было открыл рот, но подавил невольный протест.

— А во-вторых, хватит с нас Окленда.

— Вот этого я не понимаю.

— Хватит с нас Окленда. Довольно. Для меня эта жизнь хуже смерти. Бросим все — и прочь отсюда.

Он медленно взвешивал ее предложение.

— Куда же? — спросил он, наконец.

— Куда-нибудь. Куда угодно. Давай-ка закури и подумай.

Он покачал головой, пристально глядя на нее.

— Ты это серьезно? — спросил он после долгой паузы.

— Вполне. Мне так же хочется покончить с Оклендом, как тебе хотелось выбросить бифштекс, кофе и масло.

Она видела, что, прежде чем ответить, он весь собрался, даже мышцы его напряглись.

— В таком случае — ладно, раз тебе так хочется. Мы уедем из Окленда. Навсегда. Черт с ним, с этим Оклендом! Я здесь ничего хорошего не видел. Надеюсь, у меня хватит сил заработать на нас обоих где угодно. А теперь, когда это решено, расскажи мне, за что ты так его возненавидела?

И она рассказала ему все, что передумала в последнее время, привела все факты, сделавшие для нее этот город ненавистным, не упустила ничего, даже своего недавнего визита к доктору Гентли и пьянства Билла. Он только сильнее прижал ее к себе и снова повторил свое обещание. Время шло. Жареный картофель остыл, и печка погасла.

Наконец, она замолчала. Билл встал, не выпуская ее из своих объятий. Он покосился на жареный картофель.

— Холодный, как лед, — сказал он, затем повернулся к ней: — Оденься понаряднее. Давай выйдем. Поедем в город, где-нибудь поедим и отпразднуем мое возвращение. Полагаю, что нам нужно его отпраздновать, раз мы собираемся все бросить и сняться с якоря. Пешком нам идти не придется. Я займу десять центов у парикмахера, и у меня найдутся кое-какие побрякушки, которые можно заложить и кутнуть напоследок.

«Побрякушками» оказались несколько золотых медалей, полученных им в былые дни на состязаниях любителей.

Дядюшка Сэм, закладчик, не мало перевидал таких медалей, и, когда они выходили из ссудной кассы, у Билла позвякивала в кармане целая пригоршня серебра.

Билл был весел, как мальчик, и она тоже. Он остановился на углу у табачного киоска, чтобы купить пачку табаку, но передумал и купил папирос.

— Кутить так кутить! — засмеялся он. — Сегодня все должно быть самое лучшее, — даже курить я буду готовые папиросы. И никаких столовок и японских ресторанчиков. Сегодня мы идем к Барнуму.

И они направились к ресторану на углу Седьмой улицы и Бродвея, где когда-то состоялся их свадебный ужин.

— Давай сделаем вид, будто мы не женаты, — предложила Саксон.

— Ладно, — согласился он, — возьмем отдельный кабинет, и пусть лакей каждый раз стучит, перед тем как войти.

Но Саксон была против отдельного кабинета.

— Это обойдется слишком дорого. Билли. За стук надо давать чаевые. Лучше пойдем в общий зал.

— Заказывай все, что тебе вздумается, — щедро предложил он, когда они уселись. — Вот бифштекс по-домашнему, полтора доллара порция. Хочешь?

— Только поджаристый, — заявила она. — И потом черный кофе. Но сначала устрицы, — интересно сравнить их с теми, которые я собирала.

Билл кивнул головой и поднял глаза от меню.

— Здесь есть и ракушки. Закажи себе порцию и посмотри, лучше ли они твоих с Каменной стены.

— Отлично! — воскликнула Саксон, и глаза ее заблестели. — Мир принадлежит нам! Мы путешественники и в этом городе проездом.

— Да, вот именно, — рассеянно пробормотал Билл (он читал столбец театральных объявлений), затем поднял глаза: — Дневное представление у Бэлла. Мы можем получить места по двадцать пять центов… Эх, не повезло! Ошибся я!

Его голос прозвучал вдруг так горестно и гневно, что она с тревогой посмотрела на него.

— Если бы я вовремя сообразил, — пожаловался он, — мы могли бы поесть в «Форуме». Это шикарный притон, где днюют и ночуют разные типы вроде Роя Бланшара и просаживают там

денежки, которые мы добываем для них своим горбом.

Они купили билеты в театр Бэлла, но было еще рано, и, чтобы скоротать время, они прошлись по Бродвею и заглянули в кинематограф. Первой шла картина из жизни ковбоев, за ней французская комическая, а под конец — сельская драма, действие которой происходило где-то в Центральных штатах. Начиналась она сценой во дворе фермы. Перед зрителями был ярко освещенный солнцем угол сарая и изгородь, на земле лежала кружевная тень от высоких развесистых деревьев. Двор был полон кур, уток, индеек, они бродили, переваливаясь, и разгребали ногами землю; огромная свинья в сопровождении целого выводка — семь толстеньких поросят — торжественно выступала среди кур, бесцеремонно расталкивая их. Куры, в свою очередь, вымещали обиду на поросятах и клевали их, как только те отставали от матери. Из-за ограды сонно поглядывала лошадь и то и дело равномерно и лениво взмахивала хвостом, который вспыхивал на солнце шелковистым блеском.

— Чувствуешь, какой жаркий день и как лошади надоедают мухи? — шепнула Саксон.

— Конечно, чувствую. А хвост у нее какой! Самый настоящий. Уверен, что она им бьет по вожжам, когда что-нибудь не по ней; я бы ничуть не удивился, если бы узнал, что ее зовут «Железный Хвост».

Пробежала собака. Свинья испугалась, коротким смешным галопом стала удирать вместе со своим потомством, и все они, преследуемые собакой, скрылись. Из дома вышла молодая девушка, за спиной ее висела широкая шляпа, передник был полон зерна, которое она принялась бросать сбежавшейся к ней птице. Откуда-то сверху слетели голуби и смешались с курами. Собака вернулась и бродила незамеченная среди всех этих представителей пернатого царства, она виляла хвостом и улыбалась девушке. А позади, высунувшись из-за ограды, лошадь сонно махала хвостом и кивала головой.

Во двор вошел молодой человек, и воспитанная на кинематографе публика сразу поняла, в чем тут дело. Но Саксон не интересовала любовная сцена, страстные мольбы юноши и робкое сопротивление девушки,

— ее взгляд то и дело возвращался к цыплятам, к кружевной тени деревьев, к нагретой солнцем стене сарая и к сонной лошади, неустанно махавшей хвостом.

Саксон теснее прижалась к Биллу и, продев руку под его локоть, сжала его пальцы.

— О Билли, — вздохнула она. — Я, кажется, чувствовала бы себя на седьмом небе. — И когда фильм кончился, она сказала: — У нас много времени до начала представления! Останемся и посмотрим еще раз эту картину.

Они опять просмотрели всю программу, и когда на экране появилась ферма, Саксон глядела на нее с возрастающим волнением. Теперь она заметила новые подробности. Она увидела раскинувшиеся за фермой поля, волнистую линию холмов на горизонте и небо в светлых барашках. Она уже выделяла несколько кур из общей массы, особенно одну — озабоченную старую наседку, которая больше всех негодовала на свинью, расталкивавшую кур своим рылом. Эта наседка яростно клевала поросят и набрасывалась на зерно, которое дождем сыпалось сверху. Саксон смотрела на холмы за полями, на небо: все здесь дышало простором, привольем и довольством. Слезы выступили у нее на глазах, и она беззвучно заплакала от переполнявшей ее радости.

— Я знаю, как отучить такую лошадь, если она вздумает хлестнуть меня своим хвостом, — прошептал Билл.

— А я знаю, куда мы направимся, когда уедем из Окленда, — объявила она.

— Куда же?

— Да вот туда…

Он посмотрел на нее и последовал за ее взглядом, устремленным на экран.

— О!.. — сказал он и задумчиво прибавил: — А почему бы и нет?

— Билли, ты согласен? Ее губы дрожали от волнения, голос не повиновался ей, она шептала что-то невнятное.

— Ну конечно, — сказал он: в этот день он был щедр, как король. — Ты получишь все, что захочешь. Я буду из кожи лезть… Меня самого всегда тянуло в деревню. Знаешь, я видел, как таких вот лошадей отдавали за полцены… а отучить их от дурных повадок я сумею.

Глава восемнадцатая

Было еще рано, когда Билл и Саксон возвращались домой и вышли из трамвая на углу Седьмой и Пайн-стрит. Они вместе сделали покупки и расстались. Саксон пошла домой готовить ужин, а Билл отправился навестить своих ребят-возчиков, бастовавших весь месяц, пока он сидел в тюрьме.

— Будь осторожен. Билли, — крикнула она ему вслед.

— Не бойся, — отвечал он, обернувшись к ней через плечо.

Ее сердце забилось от его улыбки. Это была прежняя улыбка Билла, чистая, полная любви. Эту любовь ей хотелось бы видеть на его лице всегда, и за нее Саксон, умудренная личным опытом и опытом Мерседес, готова была бороться всеми доступными женщине средствами. Радостная мысль об этом промелькнула у нее в голове, и она с горделивой усмешкой вспомнила обо всех нарядных вещицах, лежавших дома в ящиках комода.

Спустя три четверти часа ужин был готов, и Саксон только ждала, когда раздадутся шаги Билла на лестнице, чтобы положить приготовленные бараньи котлеты на горячую сковороду. Калитка скрипнула, захлопнулась, но вместо шагов Билла она услыхала странное, беспорядочное шарканье многих ног. Она кинулась к двери. Перед ней стоял Билл, но совершенно не похожий на того Билла, с которым она только что рассталась на улице. Он был без шляпы, ее держал в руках какой-то мальчик. Лицо Билла было только что вымыто, вернее — залито водой, плечи и рубашка совсем мокрые, влажные светлые волосы потемнели от сочившейся крови и прилипли ко лбу, руки неподвижно висели вдоль тела. Но лицо было спокойно, и он даже усмехался.

— Ничего, все в порядке, — успокоил он Саксон. — На этот раз мне не повезло. Маленько пощипали, ну да мы еще покажем себя. — Он осторожно переступил через порог. — Входите, ребята. Все мы болваны.

За ним вошли в комнату мальчик с шляпой, Бэд Стродзерс, еще один возчик, которого она знала, и двое незнакомцев. Это были рослые, кряжистые парни. Они виновато поглядывали на Саксон, словно боялись ее.

— Все в порядке, Саксон, — снова начал Билл, но Бэд прервал его:

— Первым делом надо уложить его в постель и разрезать на нем одежду. У него обе руки сломаны, а вот и молодцы, которые обработали его.

Он указал на незнакомых парней, те смущенно переминались с ноги на ногу с весьма виноватым видом.

Билл сел на кровать, Саксон держала лампу, а Бэд и незнакомцы разрезали и сняли с него куртку, рубашку и нижнюю рубаху.

— Не захотел пойти на приемный пункт, — обратился Бэд к Саксон.

— Ни за что на свете, — отозвался Билл. — Я послал за доктором Гентли. Он будет здесь сию минуту. Вот эти две руки — мое единственное достояние. Они мне честно служили, и я должен отплатить им той же монетой. Не позволю я студентам учиться на них.

— Но как же это случилось? — спросила Саксон, переводя взгляд с Билла на незнакомцев; ее сбивали с толку дружелюбные чувства, которые все они явно питали друг к другу.

— Они ни в чем не виноваты, — торопливо вмешался Билл. — Тут произошла ошибка. Это возчики из Фриско, они пришли оттуда, чтобы помочь нам, — их много сейчас в Окленде.

При этих словах возчики слегка приободрились и кивнули.

— Правильно, миссис… — хрипло пробасил один из них. — Ошибка вышла… Ну, словом, черт попутал!

— А главное — выпили… — усмехнулся Билл.

Саксон не только не волновалась — она словно ждала этого. Это должно было случиться. Ничего другого от Окленда и ждать нельзя — еще одна неприятность ко всем тем, которые он уже причинил ей и ее близким; кроме того, увечья Билла не были особенно опасными. Переломы рук и рана на голове заживут. Она принесла стулья и всех усадила.

— Теперь расскажите, как это произошло, — спокойно повторила она.

— Я не возьму в толк, зачем эти парни переломали моему мужу руки, а потом привели его домой и сидят тут, словно они его лучшие друзья.

— Вы совершенно правы, — заверил Бэд Стродзерс. — Видите ли, случилось это…

— Заткнись, Бэд, — прервал его Билл. — Ты же ничего не видел.

Саксон с удивлением смотрела на возчиков из Сан-Франциско.

— Дело в том, что мы приехали сюда на подмогу, — заговорил один из них, — мы знали, что оклендским ребятам приходится туго. И некоторым штрейкбрехерам уже показали, что на свете есть и другие занятия, кроме перевозки грузов. Ну вот мы с Джексоном и бродили да караулили, не попадется ли нам какая птичка, а тут видим, ваш муж торопится — удирает. Когда он…

— Постой, — перебил его Джексон. — Говори все по порядку. Мы всех своих ребят знаем в лицо, а вашего мужа никогда раньше не видали, он ведь…

— Как говорится, временно был изъят, — продолжал свой рассказ первый возчик. — И вот

когда мы увидели его, то и приняли за штрейкбрехера, который улепетывает от нас кратчайшим путем через проулок…

— Проулок за лавкой Кэмбела, — добавил Билл.

— Да, за Кэмбелом, — продолжал первый возчик. — Мы были уверены, что это один из мерзавцев, нанятых агентством Мюррея и Рэди, и что он намерен прошмыгнуть задворками в конюшни.

— Мы с Биллом как-то поймали там одного, — вставил Бэд.

— И, конечно, мы не стали терять времени, — продолжал Джексон, обращаясь прямо к Саксон. — Нам не раз приходилось вправлять мозги штрейкбрехерам, и они у нас становились шелковые. Вашего мужа мы накрыли как раз в этом проулке.

— А я искал Бэда, — пояснил Билл. — Ребята сказали, что я найду его на том конце проулка. Тут ко мне подошел Джексон и попросил огонька.

— И я сразу принялся за работу, — заключил первый.

— Какую работу? — спросила Саксон.

— Вот какую. — И он указал на голову Билла. — Я оглушил его. Он упал, как бык на бойне, потом поднялся на колени и что-то начал бормотать: что вы там стоите, — проваливайте, я вас не держу. Тогда мы и сделали вот это…

Парень замолчал, полагая, что все ясно.

— Перебили ему обе руки ломом, — пояснил Бэд.

— Когда кости затрещали, я очухался, — подтвердил Билл. — А они оба стоят надо мной да зубы скалят: «Придется тебе отдохнуть маленько», — говорит Джексон. А Энсон говорит: «Посмотрел бы я, как ты этими руками да вожжи держать будешь». Тут Джексон снова начал: «Дадим-ка ему еще разок на счастье!» — и как даст мне в зубы.

— Нет, — поправил его Энсон, — это я дал тебе разочек.

— Все равно, я опять повалился без памяти, — вздохнул Билл. — А когда пришел в себя, то оказалось, что и Бэд, и Энсон, и Джексон — все втроем обливают меня водой у колонки. А затем мы все удрали от репортера и вместе пошли домой.

Бэд Стродзерс поднял кулак и показал свежие ссадины.

— Репортер здорово наседал, так ему хотелось узнать, в чем дело! — Он обратился к Биллу: — Потому-то я и свернул с Девятой и нагнал вас только на Шестой.

Спустя несколько минут явился доктор Гентли и выпроводил всех мужчин из комнаты. Они дождались, пока Билла перевязали, так как хотели убедиться, что он чувствует себя хорошо, а затем ушли. Доктор Гентли, моя в кухне руки, давал Саксон последние указания. Вытирая их, он потянул носом и поглядел на плиту, где кипел котелок.

— Ракушки, — сказал он. — Где вы их купили?

— Я их не купила, — отвечала Саксон. — Я сама их набрала.

— На болоте? — спросил он с внезапным интересом.

— Да.

— Выбросьте! Выбросьте их подальше! В них смерть и гибель! У меня было три случая тифа, а виною — эти самые ракушки и болото.

Когда он ушел, Саксон выполнила его приказ: «Еще одно обвинение против Окленда, — подумала она. — Окленд — западня, он отравляет тех, кого не удается уморить голодом».

— Тут, пожалуй, запьешь, — простонал Билл, когда Саксон вернулась к нему. — Ну можно ли было вообразить такое несчастье? Сколько я ни дрался на ринге, ни одной кости не сломал, а тут раз-раз — и обе руки к черту!

— О, могло быть и хуже, — сказала Саксон, улыбаясь.

— Хотел бы я знать — что?

— Они могли сломать тебе шею.

— Может, оно и лучше было бы. Нет, Саксон, ты мне скажи, что могло бы быть хуже?

— Пожалуйста, — уверенно отозвалась она.

— Ну?

— А разве не хуже было бы, если бы ты все-таки решил остаться в Окленде, где такая история всегда может повториться?

— Воображаю, какой из меня теперь получится фермер и как я буду пахать землю вот такими поленьями вместо рук, — упорствовал Билл.

— Доктор Гентли уверяет, что в месте перелома они будут еще крепче, чем раньше. Ты сам знаешь, так всегда бывает с простыми переломами. А теперь, закрой-ка глаза и постарайся уснуть. Ты измучен, тебе пора успокоиться и перестать думать.

Он послушно закрыл глаза. Она подложила прохладную руку ему под затылок и сидела не шевелясь.

— Как хорошо, — пробормотал он. — Ты такая прохладная, Саксон. И твоя рука, и ты, вся ты. Побыть с тобою — это все равно что после танцев в душной комнате выйти на свежий ночной воздух.

Пролежав несколько минут спокойно, он вдруг тихонько засмеялся.

— Что такое? — спросила она.

— Ничего. Я только представил себе, как эти болваны расправлялись со мной — со мной, который на своем веку обработал столько штрейкбрехеров, что и не запомнишь!

На следующее утро, когда Билл проснулся, от вчерашних мрачных мыслей не осталось и следа. Саксон из кухни услышала, что он старательно выделывал голосом какие-то странные фиоритуры.

— Я выучил новую песню, ты ее еще не знаешь, — пояснил он, когда она вошла к нему с чашкой кофе. — Я запомнил только припев. Старик наставляет парня-батрака, который хочет жениться на его дочери. Мэми, подружка Билла Мэрфи, с которой он гулял до женитьбы, постоянно напевала ее. Это очень грустная песенка. Мэми всегда ревела от нее. Вот, слушай припев, — и помни, что это поет старик.

Отчаянно фальшивя, Билл с величайшей торжественностью затянул:

Будь добр к моей дочурке,

Не обижай ее!

Когда умру, и дом и ферму -

Я вам оставлю все,

Коня и плуг, овцу, корову

И всех моих кур во дворе…

— Меня эти куры пронзили, — объяснил он. — Я и песню-то вспомнил из-за вчерашних кур в кинематографе. Когда-нибудь и у нас с тобой будут куры во дворе! Верно, старушка?

— И дочка, — дополнила картину Саксон.

— А я, как тот старикан, скажу эти самые слова батраку, который к ней посватается, — продолжал фантазировать Билл. — Ведь дочь вырастить недолго, если не спешишь.

Саксон извлекла из футляра давно забытое укулеле и настроила его.

— У меня тоже есть для тебя новая песенка, Билл. Ее всегда напевает Том. Ему до смерти хочется взять казенную землю и хозяйничать на ней, да Сара об этом и слышать не хочет. Вот эта песенка:

И будет у нас ферма,

Скотина, сад, гумно,

Пахать я буду землю,

А ты возить зерно.

— Только полагаю, что пахать землю буду я, — заметил Билл. — Спой мне, Саксон, «Жатву». Это тоже фермерская песня.

Исполнив его просьбу, она заявила, что кофе наверняка остынет, и заставила Билла приняться за еду. Он был совершенно беспомощен, ей пришлось кормить его, как ребенка, и они болтали.

— Я хочу сказать тебе одну вещь, — обратился к ней Билл между двумя глотками кофе. — Дай нам только устроиться в деревне, и ты получишь лошадь, о которой мечтала всю жизнь. Она будет твоей полной собственностью, можешь кататься на ней верхом, запрягать ее или продать — словом, делать с ней все, что захочешь.

Подумав немного, он начал снова:

— Мне в деревне здорово пригодится мое знание лошадей; это большой козырь. Я всегда найду себе работу при лошадях, хотя бы и не по союзным ставкам. А другим полевым работам я живо научусь. Скажи, ты помнишь день, когда ты первый раз сказала мне, что всю жизнь мечтаешь иметь верховую лошадь?

Да, Саксон помнила, и ей стоило больших усилий сдержать навертывающиеся слезы. Радость охватила ее, и ей пришло на память многое — все светлые надежды на счастливую жизнь с Биллом, окрылявшие ее, до того как наступили тяжелые времена. Теперь эти надежды воскресли. Если счастье обмануло, что ж — она и Билл сами отправятся на поиски нового счастья, претворят мечту в действительность, и этот фильм станет для них самой жизнью.

Под влиянием внезапного — впрочем, скорее притворного — страха она прокралась в комнату, где умер Берт, чтобы внимательно разглядеть себя в зеркале. Нет, она почти не изменилась. Она все еще вооружена для битвы за любовь. Красавицей ее не назовешь, и она знала это, — но разве Мерседес не говорила ей, что знаменитые женщины, покорявшие мужчин, отнюдь не были красавицами? И все-таки, глядя на себя в зеркало, Саксон не могла не признать, что она очаровательна. Вот ее большие глаза такого чудесного серого цвета, они всегда оживлены и блестят, на их поверхности и в глубине то и дело всплывают невысказанные мысли, мелькают и тонут, уступая место все новым и новым. Вот ее брови, они безупречны, с этим нельзя не согласиться: чудесного рисунка, чуть темнее светлорусых волос; и они удивительно гармонируют с формой ее носа, слегка неправильного, женственного, но отнюдь не выражающего слабость характера, наоборот — задорного и, пожалуй, даже дерзкого.

Она заметила также, что лицо ее слегка осунулось, губы не так алы, как прежде, живой румянец на щеках не так ярок. Но все это вернется. Рот у нее не похож на рот красавиц в иллюстрированных журналах, не рот-бутончик, — она уделила ему особое внимание, — но это хороший рот, на него приятно смотреть, он создан для того, чтобы смеяться и заражать своим смехом других. Она тут же заулыбалась, и в углах рта появились ямочки. Она знала, что, когда улыбается, люди невольно отвечают ей улыбкой. Саксон засмеялась: сначала одними глазами, — она сама придумала этот фокус, — потом откинула голову и засмеялась и глазами и ртом, обнажая ряд ровных и крепких белых зубов.

Она вспомнила, как Билл расхваливал их в тот вечер в «Германии», после того как он отшил Чарли Лонга.

«Они и не крупные, но в то же время и не мелкие, как у детишек, — сказал тогда Билл. — Они очень хороши и вам идут». А затем прибавил: «Они так хороши, что хочется съесть их».

Ей пришли на память все комплименты, какие она когда-либо слыхала от Билла. Его ласковые слова и похвалы, его восхищение были ей дороже всех сокровищ мира. Он говорил, что кожа у нее прохладная, нежная, как бархат, и гладкая, как шелк. Она завернула рукав до плеча и потерлась щекой о белую кожу руки, придирчиво проверяя ее нежность. Он называл ее «упоительной», говорил, что раньше не понимал значения этого слова, когда другие парни так выражались про девушек, пока не узнал ее. Затем он говорил, что у нее свежий голос и что его звук действует на него так же, как ее рука, лежащая у него на лбу. Этот голос глубоко проникает в него, прохладный и трепетный, как легкий ветерок. И он сравнивал его с первым вечерним дыханием моря после знойного дня. А когда она говорит тихо, ее голос бархатист и нежен, точно виолончель в оркестре.

Он называл ее своим «Жизненным Эликсиром», чистокровной лошадкой, живой и смелой, тонко чувствующей, нежной и чуткой. Ему нравилось, как она носит одежду. По его мнению, любое платье на ней — прямо мечта, — оно кажется неотъемлемой ее частью, как прохлада ее

голоса и кожи и аромат ее волос.

А фигура! Она встала на стул и наклонила зеркало, чтобы видеть себя от бедер до кончика туфель. Она разгладила на талии юбку и слегка приподняла ее: щиколотки все так же стройны, икры не утратили своей женственной и зрелой полноты. Она окинула критическим взглядом свои бедра, талию, грудь, проверила изгиб шеи и постановку головы и удовлетворенно вздохнула. Билл, должно быть, прав, когда уверяет, что она сложена, как француженка, и что в отношении линий и форм она может дать сто очков вперед Анетте Келлерман.

Сколько же хорошего он наговорил когда-то, — думала она, вспоминая все это. Ее губы! В то воскресенье, когда он просил Саксон быть его женой, он сказал: «Я люблю смотреть на ваши губы, когда вы говорите. Это очень смешно, но каждое их движение похоже на легкий поцелуй». И позже, в тот же день: «Ты ведь мне понравилась с первой же минуты, как я тебя увидел». Он хвалил ее хозяйственность; говорил, что, живя с ней, питается лучше, пользуется большим комфортом, угощает товарищей и еще откладывает. Она вспомнила и тот день, когда он сжал ее в объятиях и заявил, что она самая восхитительная женщина из всех, когда-либо живших на этом свете.

Саксон снова оглядела себя в зеркале с головы до ног, как бы охватывая все в целом. Вот она какая — крепкая, ладная! Да, она прелестна. И она победит. Если Билл великолепен своей мужественностью, то и она ему под стать своей женственностью. Она знала, что они отличная пара и она вполне заслужила многое, все лучшее, что он может дать ей. Но любование собой не ослепило ее; честно оценивая себя, она так же честно оценивала и его. Когда он был самим собой, не терзался заботами, не мучился безвыходностью положения, не был одурманен алкоголем — он, ее муж и возлюбленный, тоже заслуживал всего, что она ему давала и могла дать.

Саксон окинула себя прощальным взглядом. Нет! Она еще полна жизни, как еще жива любовь Билла и ее любовь. Нужна только благоприятная почва, и их любовь расцветет пышным цветом. Они покинут Окленд и пойдут искать эту благоприятную почву.

— О Билли! — крикнула она ему через перегородку, все еще стоя на стуле и то поднимая, то опуская зеркало, чтобы видеть свое отражение от щиколоток до зардевшегося теплым румянцем задорного и оживленного лица.

— Что случилось? — спросил он в ответ.

— Я влюблена в себя, — крикнула она.

— Это еще что за игра? — послышался его недоумевающий голос. — Что это тебе вздумалось в себя влюбляться?

— Потому, что ты меня любишь, — ответила она. — Я люблю себя всю, Билли, каждую жилку, потому что… потому что… ну, потому что и ты все это любишь.

Глава девятнадцатая

Дни летели для Саксон незаметно: она ухаживала за Биллом, работала по дому, строила бесконечные планы на будущее и распродавала свои запасы вышитых вещиц. Нелегко было Саксон добиться от Билла согласия на эту продажу, но в конце концов она уломала его.

— Я расстанусь только с теми вещами, которые не носила, — настаивала она. — Мне нетрудно будет вышить новые, когда мы прочно где-нибудь устроимся.

Все, что ей не удалось продать, а также часть столового и постельного белья и лишнюю одежду, свою и Билла, она оставила на хранение у Тома.

— Ладно, — сказал Билл. — Сегодня на твоей улице праздник. Все будет, как тебе хочется. Ты — Робинзон Крузо, а я — твой Пятница. Ты уже решила, куда мы двинемся?

Саксон покачала головой.

— А каким способом мы будем путешествовать? Она подняла одну ногу, потом другую, — на ногах были грубые дорожные башмаки, которые она надела лишь в это утро, чтобы они немного разносились.

— На своих на двоих, да?

— Так наши предки пришли на Запад, — ответила она с гордостью.

— Значит, мы пойдем пешедралом, как настоящие бродяги? Я еще не слыхал о женщинах-бродягах!

— Такая женщина перед тобой. И потом. Билли, идти пешедралом вовсе не позор. Моя мать прошла пешком большую часть пути через прерии. В те времена матери почти всех американцев отправлялись в дальние странствия. Мне нет никакого дела до того, что скажут люди. По-моему, наше племя странствует испокон веков, и так же пойдем странствовать мы, отыскивая клочок земли, который бы нам приглянулся для постоянного житья.

Через несколько дней, когда рану на голове Билла затянуло и кости рук начали срастаться, он уже мог вставать и двигаться по дому. Но обе руки еще лежали в лубках, и он был по-прежнему беспомощен.

Доктор Гентли не только согласился, но сам предложил, чтобы они оплатили его услуги позже, когда для них настанут лучшие времена. Относительно казенной земли, которая так интересовала Саксон, он ничего не знал. Но, по его мнению, времена раздачи казенных земель прошли.

Том, напротив, утверждал, что казенной земли сколько хочешь. Он рассказывал о Медовом озере, об округе Шаста и Гумбольдта.

— Но в это время года вам нечего туда и соваться, ведь зима на носу, — старался он отговорить Саксон. — Вам надо двинуться на юг, в теплые края, — скажем, вдоль побережья. Там не бывает снега. Вот что я вам скажу: идите на Сан-Хосе и Салинас и выбирайтесь на побережье у Монтери. К югу от Монтери вы найдете участки казенной земли вперемежку с лесными заповедниками и мексиканскими ранчо. Местность там очень дикая, даже дорог настоящих нет. Все жители занимаются только скотоводством. Но вы увидите прекрасные каньоны, поросшие секвойями, и плодородные земли, они тянутся до самого океана. Я прошлый год как-то толковал с одним парнем, который побывал в этих местах и все там излазил. С какой бы охотой я ушел из города, как и вы, да Сара слышать об этом не хочет. А там и золото сейчас найдено. Туда уже понаехало немало золотоискателей, и открылись два-три прииска, будто бы очень богатые. Но это гораздо дальше и в сторону от побережья. Вы могли бы наведаться туда.

Саксон покачала головой:

— Мы ищем не золото, а место, где разводить кур и выращивать овощи. Наши предки имели когда-то полную возможность искать золото, а что осталось от всего их богатства?

— Ты права, — согласился Том. — Они вечно гонялись за журавлями в небе и упускали тысячи синиц у себя под носом. Взять хотя бы твоего отца. Он рассказывал, что продал три участка на Маркет-стрит в Сан-Франциско по пятидесяти долларов. Теперь им цена пятьсот тысяч. А дядя Билл? У него было этих ранчо без счета. Удовлетворился он этим? Нет. Он непременно хотел стать скотоводческим магнатом, настоящим Миллером и Люксом. А умер ночным сторожем в Лос-Анжелосе, получая сорок долларов в месяц. Не забывай о духе времени — он сейчас совсем другой. Сейчас везде царят большие дела, а мы с тобой мелкие сошки. По рассказам наших родичей, они жили в Западном заповеднике, это примерно те места, где теперь штат Огайо. В те годы каждый мог получить участок, нужно было только запрячь волов и идти за повозками тысячи миль на запад, вплоть до Тихого океана. Эти тысячи миль и земельных участков только и ждали тех, кто их обработает. Сто шестьдесят акров — это нее пустяк! В те ранние годы в Орегоне не было участков меньше, чем по шестьсот сорок акров.

— Таков был тогда дух времени: перед тобою нетронутые земли, бери, сколько хочешь. Но когда мы дошли до Тихого океана — времена изменились: тут пошли большие дела. А крупные дела требуют крупных дельцов; и на каждого крупного дельца приходятся тысячи маленьких людей, которым остается одно — работать на богачей. Маленькие люди — это те, кто проигрывает, понимаешь? А если это им не нравится — пожалуйста, пусть бросают, но легче им не станет. Они уже не могут запрячь волов и ехать дальше: ехать-то больше некуда! Китай далеко, а между Китаем и нами порядочное пространство соленой воды, ее ведь не вспашешь.

— Это все очень понятно, — заметила Саксон.

— Да, — продолжал брат, — но мы поняли, когда все кончилось и было уже поздно.

— Крупные дельцы — это те, что поумнее, — заметила Саксон.

— Нет, им просто повезло, — возразил Том. — Кое-кто победил, но большинство было побеждено, хотя побежденные ни в чем не уступали победителям. Ну, вроде драки мальчишек, которые сцепились на улице из-за брошенной им мелочи. И нельзя сказать, чтобы все они были так уж недальновидны. Но возьмем хотя бы твоего отца: он родился в Новой Англии, крепкая семья, у его предков был деловой нюх, они умели приумножать свое состояние. А представь, что у твоего отца оказалась бы больная печень или почки или что он подцепил бы ревматизм и не имел бы сил рыскать по свету в поисках счастья и сражаться, покорять женские сердца и обследовать на Западе каждый уголок? Тогда он поселился бы в Сан-Франциско, застроил бы свои три участка на Маркет-стрит, стал бы прикупать новые владения, сделался бы акционером пароходных компаний, спекулировал бы недвижимостью и прокладывал железнодорожные пути и туннели.

Ну чем, скажи, не крупный делец! Это был энергичнейший человек, он мгновенно принимал самые рискованные решения, был холоден, как лед, и неукротим, как индеец из племени команчей. И он, конечно, пробил бы себе дорогу среди всех этих беззастенчивых дельцов и бандитов тех времен так же, как находил путь к сердцам прекрасных леди, когда проносился мимо них галопом на своем здоровенном коне, — сабля гремит, шпоры звенят, длинные волосы развеваются по ветру, а сам он строен, как индеец, и изящен, как голубоглазый принц из волшебной сказки или как мексиканский кабальеро. Удалось же ему в дни Гражданской войны с небольшим отрядом совершить рейд в тыл мятежников и вернуться обратно, непрерывно отстреливаясь и крича, как дикарь, и требуя от своих людей новых подвигов. Кэди рассказывал мне об этом; он воевал вместе с твоим отцом.

Если бы только твой отец поселился в Сан-Франциско, он стал бы наверняка одним из первых богачей Запада. И ты была бы тогда богатой молодой особой, разъезжала бы по Европе,

построила себе целый дворец на Ноб-Хилле, где живут все эти Флуды и Крокеры, и владела бы большей частью акций Фэйрмаунт-отеля и еще нескольких таких же концернов.

А почему этого нет? Разве твой отец был недостаточно умен? Ничего подобного: его ум действовал, как стальной капкан. Но ему не давал покоя дух времени, все в нем бродило, кипело, он не мог усидеть на месте. Просто тебе повезло меньше, чем всем этим молодым женщинам из семейств Флудов или Крокеров. Твой отец не догадался подцепить ревматизм — вот и все!

Саксон вздохнула, затем улыбнулась.

— Все равно я их всех за пояс заткнула! — сказала она. — Девушки из этих семейств не могут выйти замуж за боксера, а я вышла.

Том поглядел на нее сначала растерянно, затем с все возрастающим восхищением.

— Ну, одно я могу сказать, — заявил он торжественно, — Биллу повезло — он даже не подозревает, как здорово ему повезло!

Наконец-то доктор Гентли разрешил снять лубки с рук Билла. Саксон потребовала, чтобы он отдыхал еще две недели, тогда уж никакого риска не будет. К тому времени опять подойдет срок уплаты за квартиру, и они будут должны уже за два месяца, но домовладелец соглашался подождать, пока Билл встанет на ноги.

В назначенный Саксон день Сэлингер прислал за мебелью, и агент вернул Биллу семьдесят долларов.

— Все остальное мы засчитали за прокат, — пояснил агент. — Теперь уж ваша мебель пойдет как подержанная. Для Сэлингера это чистейший убыток, и он не обязан был брать все обратно, сами понимаете. Запомните же: он благородно поступил с вами, и если будете снова устраиваться, не забывайте его.

Благодаря этой сумме и деньгам, вырученным за продажу рукоделий Саксон, они уплатили все мелкие долги, и у них осталось еще несколько долларов.

— Для меня долги — хуже яда, — сказал Билл, обращаясь к Саксон. — А теперь мы не должны ни одной душе, кроме домовладельца и доктора Гентли.

— И ни того, ни другого не следует заставлять ждать слишком долго. Это им не по карману, — сказала она.

— Они и не будут ждать, — спокойно отвечал Билл.

Она одобрительно улыбнулась: как и Билл, она ненавидела долги; так же ненавидели их первые пионеры Запада, воспитанные в духе строгой пуританской морали.

Воспользовавшись отсутствием Билла, Саксон разобрала вещи в комоде, пересекшем в свое время Атлантический океан на борту парусного судна и прерии — в повозке, запряженной волами. Она поцеловала дырку, пробитую пулей в сражении при Литтл Мэдоу, поцеловала саблю отца — и перед ней, как всегда, встал его образ: он сидел на чалом боевом коне. Она благоговейно перечла стихи своей матери в альбоме и — на прощание

— обвила свою талию атласным алым испанским корсажем, затем снова раскрыла альбом,

чтобы в последний раз полюбоваться на гравюру, где были изображены викинги, которые с мечами в руках выскакивают на песчаный берег Англии. И опять Билл представился ей викингом, и она задумалась над удивительными странствиями ее родного племени. Ее народ всегда жаждал земли, и Саксон была счастлива, чувствуя, что она — истинная дочь своего народа! Разве, несмотря на жизнь в большом городе, она не ощутила в себе ту же тягу к земле? И разве она, побуждаемая этой тягой, не собирается пуститься в далекий путь, как это делали в старину ее предки, как это сделали ее отец и мать? Она вспомнила рассказ матери о том, какой волшебной показалась им обетованная земля, когда их разбитые повозки и измученные волы спустились по раннему снегу Сиерры в широкие долины цветущей, солнечной Калифорнии. Саксон часто представлялось, что она — девятилетняя девочка и смотрит с покрытых снегом вершин вниз, в долину, как смотрела некогда ее мать. Она вспомнила и прочла вслух стансы матери:

Словно нежная арфа Эола,

Муза поет все нежней…

Калифорнийские долы

Эхом откликнулись ей.

Саксон блаженно вздохнула и отерла глаза. Быть может, тяжелые времена миновали? Быть может, это был ее переход через прерии и они с Биллом благополучно его совершили, а сейчас взбираются на вершины Сиерры, чтобы потом спуститься на цветущую равнину?..

Утром, в день отъезда, повозка Сэлингера подъехала к дому, чтобы забрать мебель. Домовладелец, стоявший у калитки, взял у них ключи, пожал им руки и пожелал удачи.

— Вы правильно делаете, — заявил он одобрительно. — Ведь и я сорок лет назад пришел в Окленд пешком, со скаткой за плечами. Покупайте дешевую землю, как покупал я. На старости лет она спасет вас от богадельни. Теперь новые города вырастают как грибы, — начинайте и вы с малого. Ваши руки всегда вас прокормят и дадут крышу над головой, а земля принесет вам достаток. Мой адрес вы знаете. Когда скопите много денег, пришлите мне ваш должок. Ну, желаю удачи! И не обращайте внимания на то, что скажут люди. Кто ищет — тот находит!

Когда Билл и Саксон тронулись в путь, соседи с любопытством смотрели на них из-за полуоткрытых ставен, а ребята изумленно таращили глаза. Билл нес за плечами одеяла и подушки в чехле из просмоленного брезента. Кроме одеял, там лежало белье и другие необходимые в дороге вещи. Снаружи к ремням были привязаны сковородка и котелок. Билл держал в руке кофейник. Саксон несла небольшую складную корзинку, обтянутую черной клеенкой; за спиной у нее висел маленький футляр с укулеле.

— Мы, наверно, похожи на огородные пугала, — ворчал Билл, ежась от каждого брошенного на него взгляда.

— Представь себе, что мы отправляемся на экскурсию, — успокаивала его Саксон.

— Но ведь мы идем не на экскурсию…

— Никто же этого не знает, — возразила она. — Это знаешь только ты. А если ты думаешь, будто они это думают, так они на самом деле вовсе этого не думают. По всей вероятности, они говорят себе: люди отправляются на экскурсию. А самое лучшее — что ведь оно так и есть! Так

и есть! Правда!

Тут и Билл воспрянул духом, но на всякий случай пробормотал, что он голову оторвет первому негодяю, который захочет над ним посмеяться. Он украдкой взглянул на Саксон. Ее щеки горели, глаза сияли.

— Знаешь, Саксон, — вдруг начал он, — я видел как-то раз оперу, там ребята странствовали с гитарой за плечами, как ты со своей музыкой. Ты мне их напомнила. Они все время пели песни.

— Поэтому я и взяла с собой укулеле, — ответила Саксон. — Мы будем петь на проселочных дорогах и у костров на привалах. Мы с тобой отправляемся на экскурсию — вот и все. У нас каникулы, и мы решили посмотреть окрестности. Увидишь, как будет весело! Мы даже не знаем, где нам придется сегодня ночевать, — да и вообще ничего не знаем. Подумай, как забавно!

— Верно, верно, это своего рода спортивное задание, — согласился Билл. — А все-таки давай свернем, чтобы не идти этой улицей. На том углу стоят несколько знакомых ребят, и мне совсем не хочется с ними драться.

Часть третья

Глава первая

Трамвай доходил до Хейуордса, но Саксон предложила выйти у Сан-Леандро.

— Не все ли равно, откуда мы начнем свой поход, — сказала она, — ведь идти пешком нам все равно придется. Раз мы решили подыскать себе земельный участок и хотим хорошенько разузнать, что и как, то чем скорее мы примемся за дело, тем лучше. И потом нам же надо ознакомиться с разного рода участками — и пригородными и расположенными далеко в горах.

— Это верно штаб-квартира португалов, — неизменно, как припев, повторял Билл, когда они проходили по Сан-Леандро.

— Похоже, что они совсем вытеснили наших, — решила Саксон.

— Их тут полным-полно! — ворчал Билл. — Видно, для свободного американца уже нет места в его собственной стране.

— Значит, он сам виноват, — сердито отозвалась Саксон, болезненно воспринимавшая все эти обстоятельства, над которыми ей впервые пришлось задуматься.

— Не знаю, по-моему — американец, если захочет, ни в чем не уступит португалу. Но только он, слава Богу, этого не хочет. Он не способен жить, как свинья.

— В деревне, может быть, и нет, — возразила Саксон. — А в городе я видела множество американцев, живущих, как свиньи.

Билл нехотя согласился с ней:

— Вероятно, они бросают фермы и убегают в город в поисках лучшего, а там им тоже приходится несладко.

— Погляди, сколько ребятишек! — воскликнула Саксон. — Это они идут из школы. Почти все — португальцы; заметь. Билли: португальцы, а не португалы, — Мерседес научила меня правильно произносить это слово.

— Небось у себя дома не бегали такими франтами, — усмехнулся Билл.

— Пришлось тащиться в этакую даль, чтобы раздобыть порядочную одежду и порядочную жратву. А какие кругленькие, прямо масляные шарики!

Саксон утвердительно кивнула.

— В том-то и дело. Билли, — обрадовалась Саксон, словно сделала очень важное для себя открытие. — Эти люди обрабатывают землю, — им не мешают забастовки.

— И это, по-твоему, называется обрабатывать? — возразил он, указывая на участок, размерами не больше акра, мимо которого они проходили.

— Да, у тебя размах широкий, — засмеялась она. — Ты вроде дяди Билла: он имел тысячи акров, мечтал о миллионе, а кончил тем, что стал ночным сторожем. Это-то и губит нас, американцев. Нам подавай большие масштабы! Об участке меньше ста шестидесяти акров мы и слышать не хотим.

— Все равно, — упрямился Билл. — Большие масштабы куда лучше, чем маленькие, вроде этих дурацких садиков.

Саксон вздохнула.

— Уде не знаю, что хуже, — сказала она, помолчав, — обрабатывать несколько акров собственной земли собственной упряжкой или не иметь ни кола ни двора, работать на чужих лошадях и получать жалованье.

Билл поморщился.

— Продолжай в том же духе, Робинзон Крузо, — добродушно пробурчал он. — Хорошенько прочисть мне мозги. Как ни грустно, а все это истинная правда. Черта лысого! Какой же я был свободный американец, если, чтобы жить, мне приходилось править чужими лошадьми, бастовать, лупить штрейкбрехеров, а после всего этого я оказался даже не в состоянии выплатить деньги за какие-то несчастные столы и стулья. Что ни говори, ужасно обидно было отдавать наше кресло, — тебе оно так нравилось. Немало хороших часов провели мы в нем.

Сан-Леандро давно остался позади. Теперь они брели по местности, где вся земля была разбита на маленькие участки; Билл называл их «хуторками». Саксон вынула свое укулеле, чтобы развлечь его песней. Для начала она спела «Будь добр к моей дочурке», а затем перешла к старинным негритянским духовным песням, одна из которых начиналась словами:

О страшный суд, последний час

Все ближе, ближе, ближе,

Уже я слышу трубный глас…

Все ближе, ближе, ближе!

Большой дорожный автомобиль, пролетев мимо, поднял облако пыли. Саксон пришлось

прервать песню, и она воспользовалась этим для того, чтобы изложить Биллу свои последние соображения:

— Запомни, Билли, мы ни в коем случае не должны хвататься за первый же участок, который нам попадется. Мы должны решать это дело с открытыми глазами.

— Да, они пока у нас закрыты, — согласился он.

— А нам необходимо их открыть. Кто ищет — тот находит. У нас сколько угодно времени, чтобы всему научиться. Неважно, если на это потребуется несколько месяцев; мы ведь ничем не связаны. Как говорится, семь раз отмерь, один раз отрежь! Надо как можно больше беседовать с людьми и все разузнать. Мы должны заговаривать с каждым встречным и расспрашивать. Всех расспрашивать. Это единственный способ узнать все, что надо.

— Не очень-то я умею расспрашивать, — смущенно отозвался Билл.

— Тогда я возьму это на себя, — воскликнула Саксон. — Нам нужно выиграть эту игру, а потому необходимо все знать. Погляди, как живут португальцы! Куда девались все американцы? Ведь после мексиканцев они первые завладели этой землей. Почему же они ушли отсюда? Как португальцы добились таких успехов? Видишь, нам придется задавать миллион вопросов.

Она ударила по струнам, и снова весело зазвенел ее чистый голос:

Я возвращаюсь в Дикси,

Я возвращаюсь в Дикси,

К цветущим апельсинам в глухом саду,

А здесь уже морозы,

А здесь тоска и слезы…

Вновь потянуло в Дикси,

И я иду!

Саксон оборвала пение и воскликнула:

— Какой чудесный уголок! Погляди вон на ту беседку, она вся увита виноградом!

Все вновь и вновь восхищалась она маленькими владениями, мимо которых они шли. Саксон то и дело останавливала Билла словами: «Посмотри, какие цветы! „, или: «Вот так овощи! «, или: «Гляди-ка, у них и корова есть!“

Мужчины-американцы, проезжавшие мимо них в колясках или в легковых машинах, с любопытством поглядывали на Саксон и Билла. Саксон относилась к этому гораздо спокойнее, чем Билл, который то и дело недовольно ворчал. Они увидели монтера телефонной компании, сидевшего у обочины дороги и уплетавшего свой завтрак.

— Давай остановимся и расспросим его, — шепнула Саксон.

— А что толку? Это же телефонист. Что он смыслит в сельском хозяйстве?

— Как знать! Во всяком случае, это свой парень, рабочий. Пойди, Билли, и заговори с ним. Он сейчас отдыхает и будет рад поболтать с нами. Видишь дерево за калиткой? Как странно срослись его ветви. Прямо чудо какое-то! Спроси про это дерево — это хорошее начало, а там разговоритесь.

Поравнявшись с монтером, Билл остановился.

— Добрый день! — буркнул он.

Монтер, совсем молодой парень, который только что собирался разбить крутое яйцо, помедлил и взглянул на них.

— Добрый день, — откликнулся он.

Билл сбросил с плеч поклажу, а Саксон поставила наземь корзинку.

— Торгуете? — спросил парень, не решаясь адресоваться прямо к Саксон и обращаясь сразу к обоим; при этом он покосился на обшитую клеенкой корзинку.

— Нет, — поспешно ответила она. — Мы присматриваем для себя участок. Вы не слыхали о хорошем свободном участке в этих краях?

Он снова отложил яйцо и окинул их пристальным взглядом, словно оценивая их денежные возможности.

— А вы знаете, сколько в этих краях стоит земля? — спросил он.

— Нет, — отвечала Саксон. — А вы?

— Еще бы мне не знать! Я здесь родился. Участки вроде этого идут от двух и трех до четырех и пяти сот долларов за акр.

— Фью-ю! — свистнул Билл. — Нет, нам такой земли не надо.

— Но почему такая дороговизна? Разве это городские участки? — допытывалась Саксон.

— Нет. Португальцы взвинтили цены на землю.

— А я думал, хорошая, плодородная земля идет по сто долларов за акр, — сказал Билл.

— О, эти времена давно прошли. Верно, когда-то ее отдавали за эту цену, а иной раз, если покупатель попадался солидный, то и со всем скотом в придачу.

— А как тут насчет казенной земли? — осведомился Билл.

— Казенной тут нет и никогда не было. Все это раньше принадлежало мексиканцам. Мой дед купил тысячу шестьсот акров лучшей здешней земли за тысячу пятьсот долларов — пятьсот сразу, остальные в рассрочку на пять лет, без процентов. Но это было давно. Он пришел с Запада в сорок восьмом году, так как искал мягкий и здоровый климат.

— Что ж, места здесь хорошие, — согласился Билл.

— Да, конечно. Если бы он и отец удержали эту землю, она бы кормила их лучше всякого золотого прииска и мне бы не пришлось работать из-за куска хлеба. А вы чем занимаетесь?

— Я возчик.

— В оклендской забастовке участвовали?

— А как же! Я всю жизнь проработал в Окленде.

Тут оба пустились в рассуждения о профсоюзных делах и ходе забастовки, но Саксон не позволила им уклониться в сторону и снова вернулась к разговору о земле.

— Каким образом португальцы взвинтили цену на землю? — спросила она.

Парень с трудом оторвался от профсоюзных дел и некоторое время недоуменно смотрел на нее, пока, наконец, вопрос дошел до его сознания.

— Потому что они работают до седьмого пота. Они работают утром, днем, вечером, причем все выходят в поле — и женщины и дети. Потому что они из двадцати акров извлекают больше дохода, чем мы из ста шестидесяти. Посмотрите на старика Сильву, Антонио Сильву. Я помню его, когда сам еще вот такой был. У него денег на обед не хватало, когда он попал в наши края и снял в аренду землю у моих родных. А теперь у него двести пятьдесят тысяч долларов чистоганом, да и кредита наберется почитай что на миллион. Я уж не говорю про имущество всех остальных членов его семьи.

— И он добыл все это из земли, которая принадлежала вашей семье? — спросила Саксон.

Парень нехотя кивнул.

— Так почему же они сами не сделали этого? Монтер пожал плечами:

— Почем я знаю?

— Деньги ведь лежали в земле, — настаивала она.

— Черта с два они там лежали! — ответил он с раздражением. — Мы и не догадывались, что она может дать такие деньги. Полагаю, что деньги были в голове у португальцев: они знали больше нашего, вот и все.

Однако Саксон была так явно неудовлетворена его объяснением, что задетый за живое монтер сорвался с места.

— Пойдемте, я покажу вам, — сказал он, — я покажу вам, почему должен работать на других, хотя мог быть миллионером, если б мои родичи не оказались растяпами. Мы, природные американцы, всегда были растяпами! Растяпами с большой буквы!

Он провел их в сад — к дереву, которое с первой же минуты привлекло внимание Саксон. От ствола отходили четыре ветви; двумя футами выше ветви снова сходились, скрепленные друг с другом живой древесиной.

— Вы думаете, оно само так выросло? Его заставил так вырасти старик Сильва: он связал молодые побеги, пока дерево было молодым. Ловко, а? Вот видите! Это дерево не боится бури: естественные скрепы сильнее железных. Поглядите на ряды деревьев. Тут они все такие. Видите? И это только один из их фокусов. А у них этих выдумок — миллион!

Сами посудите: таким деревьям не нужны подпорки, когда ветви гнутся от плодов. А у нас бывали годы, когда к каждому дереву приставляли до пяти подпорок. Представьте себе

десятки акров плодовых деревьев: для них понадобится несколько тысяч подпорок. Подпорки стоят денег, а какая возня их ставить и потом убирать! Естественные же скрепы не требуют никаких хлопот, они всегда на месте. Да, португальцы здорово нас обогнали! Идемте, я все покажу вам.

Билл с его городскими понятиями о нарушении границ чужих владений был смущен свободой, с какой они разгуливали по чужому участку.

— Не беда, лишь бы мы ничего не потоптали, — успокоил его монтер.

— А потом ведь это бывшая земля моего деда. Здесь все меня знают. Сорок лет назад старик Сильва приехал с Азорских островов. Годика два-три он пас овец в горах, затем появился у нас в Сан-Леандро. Эти пять акров — первая земля, которую он арендовал. С этого началось. Потом он брал в аренду участки уже по сотне и больше акров. А тут с Азорских островов к нему так и повалили всякие дяди, тетки, сестры — все они, как вам известно, там между собой в родстве, — и очень скоро Сан-Леандро превратился в португальский поселок.

Сильва купил эти пять акров у деда. Мой отец к тому времени совсем влез в долги, и Сильва стал покупать у него участки в сто и в сто шестьдесят акров. Да и родственники старика не зевали — Отец, сколько я его помню, всегда собирался быстро разбогатеть — и в конце концов не оставил своим наследникам ничего, кроме долгов. А старик Сильва не гнушался самым мелким дельцем, лишь бы оно обещало ему барыш. И все они такие. Видите там, за изгородью на дороге, конские бобы посажены до самой колеи. Мы бы с вами постыдились заниматься такой чепухой. А Сильва не постыдился! Потому-то он и построил дом в Сан-Леандро и разъезжает на автомобиле, который стоит четыре тысячи долларов. И все равно засадил луком даже площадку перед городским домом, до самого тротуара. Один этот клочок земли дает ему триста долларов в год. Он и прошлый год сторговал участок в десять акров, — я это случайно знаю, — с него взяли по тысяче за акр, а он и глазом не моргнул. Он знал, что не прогадает, — вот и все. Знал, что земля все ему вернет сторицей. В горах у него есть ранчо в пятьсот восемьдесят акров, оно досталось ему прямо даром; уверяю вас, я мог бы каждый день разъезжать на автомобиле только на то, что он выручает с этого ранчо, продавая лошадей всех пород — от тяжеловозов до рысаков.

— Но как? Как это ему удалось? — воскликнула Саксон.

— Умеет хозяйничать. Да и вся его семья работает. Никто из них не стыдится, засучив рукава, взяться за мотыгу, — будь то сын, дочь, невестка, старик, старуха, ребенок. У них считается, что если четырехлетний карапуз не способен пасти корову на проселочной дороге и доглядеть, чтобы она сыта была, то он не стоит той соли, которую съедает. Сильва и все его сородичи держат сотню акров под горохом, восемьдесят под помидорами, тридцать под спаржей, десять под ревенем, сорок под огурцами — да всего не перечтешь.

— Но как это им удалось? — допытывалась Саксон. — Мы тоже никогда не стыдились работы. Мы гнули спину всю свою жизнь. Я могу за пояс заткнуть любую португальскую девушку. И сколько раз так бывало на джутовой фабрике: у нас на ткацких станках работало очень много португальских девушек, и мне всегда удавалось соткать больше любой из них. Нет, тут дело не в работе… Так в чем?

Монтер смущенно посмотрел на нее.

— Я много раз спрашивал себя о том же. «Мы ведь гораздо лучше этих дохлых эмигрантов, — говорил я себе. — Мы пришли сюда первые, и эта земля принадлежала нам. Я могу дать сто

очков вперед любому даго с Азорских островов. И я образованнее его. Так каким же образом, черт их дери, они взяли над нами верх, прибрали к рукам нашу землю, завели текущие счета в банках?» Я могу объяснить это только одним: нет у нас смекалки, котелок не варит! Нам чего-то не хватает. Во всяком случае, как фермеры мы провалились. Мы никогда серьезно на это не смотрели. Показать вам, как обрабатывают землю Сильва и его сородичи? Я вас затем и привел сюда. Поглядите на эту ферму. Один из его родственников только что приехал с Азорских островов и начал с этого клочка, причем вносит Сильве весьма приличную арендную плату. Очень скоро он осмотрится и купит себе участок у какого-нибудь захудалого фермера-американца.

Вот посмотрите, — хоть сейчас и не время, здесь главная работа летом, — у него не пропадает ни дюйма земли. Там, где мы собираем один тощий урожай, они собирают четыре, да еще каких! И обратите внимание, как он все рассадил: между деревьями — ряды смородинных кустов, между кустами смородины — фасоль; фасоль растет везде, на каждом свободном местечке. Теперь Сильва не продал бы этого участка и по пятьсот долларов за акр наличными, а когда-то он заплатил моему деду по пятьдесят за акр. И вот я работаю в телефонной компании и ставлю телефон родственнику старика Сильвы, который только что приехал с Азорских островов и еще двух слов по-английски связать не умеет.

Ведь надо же! Посадить конские бобы вдоль дороги! Но благодаря этой затее Сильва больше получил доходу со своих свиней, чем мой дед со всей своей фермы. Дед нос воротил от конских бобов. Так с отвороченным носом и умер, а закладных оставил больше, чем волос на голове! Вы слыхали когда-нибудь, чтобы помидоры завертывали в бумагу? Отец только презрительно фыркнул, когда впервые увидел, что португальцы это делают. Он только и знал, что фыркать. Но они собрали богатейший урожай, а помидоры отца были поедены жуком. У нас нет смекалки, нет настоящей хватки или как там говорят. Посмотрите на этот клочок земли — он приносит четыре урожая в год, и каждый дюйм использован до отказа. Здесь, в Сан-Леандро, есть такие участки, где один акр приносит больше, чем приносили в прежнее время пятьдесят акров. Португальцы — прирожденные фермеры, в этом весь секрет. А мы ничего в земледелии не смыслим и никогда не смыслили.

Саксон проболтала с монтером до часу дня, разгуливая с ним по участку. Спохватившись, что уже поздно, молодой человек тут же попрощался и снова принялся за установку телефона для только что приехавшего эмигранта с Азорских островов.

Шагая по городским улицам, Саксон несла свою корзинку в руке, но к корзинке были приделаны петли, и за городом она продевала в них руки и несла ее на спине. Тогда маленький футляр с укулеле сдвигался в сторону и висел у нее через левое плечо.

Расставшись с монтером, они прошли около мили и остановились у протекавшего в тени кустов ручейка. Билл готов был удовольствоваться завтраком, который Саксон захватила с собой еще из дому, но она предпочла развести костер и сварить кофе. Сама она вполне обошлась бы бутербродами, но ей казалось чрезвычайно важным, чтобы в начале их замечательного путешествия Билл не терпел никаких лишений. Стремясь пробудить в нем такой же энтузиазм, как у нее, она боялась, что столь скучное угощение, как холодный завтрак, погасит и те скупые искры, которые в нем тлели.

— Нам раз и навсегда. Билли, надо выкинуть из головы мысль, что мы куда-то торопимся. Мы никуда не торопимся, и нам все равно, начались занятия в школе или нет. Мы пустились в путь для собственного удовольствия. Это такое же приключение, как те, которые описываются в книгах. Вот если бы меня теперь увидел тот мальчуган, с которым мы ездили удить рыбу на Козий остров! «Окленд — это такое место, откуда надо отправляться в странствия, — говорил

он. — Это только начало пути». Вот мы с тобой и двинулись в путь, не правда ли? А сейчас мы сделаем привал и сварим кофе. Ты разведи огонь, а я принесу воду и приготовлю все, что нужно.

— Послушай, — заметил Билл, пока они ждали, чтобы закипела вода, — знаешь, что это мне напоминает?

Саксон была уверена, что знает, но покачала головой. Пусть сам скажет.

— Нашу поездку в долину Мораги на Принце и Короле во второе воскресенье после нашего знакомства. Ты тогда тоже готовила завтрак.

— Только завтрак был более роскошный, — прибавила она со счастливой улыбкой.

— Но почему мы тогда не догадались сварить кофе? — спросил он.

— Это было бы слишком по-семейному, — засмеялась она. — Мери сочла бы это нескромным…

— Или «неприличным», — вставил Билл. — Это было ее любимое словечко.

— И вот как она кончила…

— Они все так кончают, — сердито проворчал Билл. — В тихом омуте черти водятся, я давно это заметил. Такие притворщицы строят из себя недотрог, а на деле им сам черт не брат.

Саксон молчала: упоминание о вдове Берта навеяло на нее смутную, щемящую печаль.

— А я знаю еще что-то, что случилось в тот день, а ты и не догадываешься, — вспоминал Билл. — Пари держу, что не догадываешься.

— Нет, не помню, — прошептала Саксон, хотя глаза ее говорили другое.

В ответ на ее взгляд его глаза засияли, и, повинуясь безотчетному порыву, он взял руку жены и ласковым движением прижал к своей щеке.

— Маленькая, а какая сильная! — сказал он, обращаясь к захваченной в плен руке; затем посмотрел на Саксон, и сердце ее радостно забилось от его слов. — Мы начинаем нашу любовь сначала, верно?

Они плотно закусили, и Билл выпил целых три чашки кофе.

— Да, ничего не скажешь, на свежем воздухе аппетит зверский, — пробормотал он, запуская зубы в пятый бутерброд с мясом. — Я, кажется, мог бы целого быка съесть и выпить столько кофе, что бык утонул бы в нем с головой и рогами.

Саксон нет-нет да и вспоминала свой недавний разговор с монтером и, как бы подводя итог всему, что ей пришлось услышать, воскликнула:

— Да! Чего мы только не узнали сегодня. Билли!

— Одно-то мы узнали наверняка, — сказал Билл. — Не про нас это место, где земля стоит тысячу долларов за акр, а у нас в кармане всего-навсего двадцать долларов.

— Но ведь мы и не собираемся здесь остаться, — поспешила она его успокоить. — Важно то,

что благодаря этим португальцам земля поднялась в цене. И посмотри, как они живут: посылают детей в школу и... позволяют себе иметь их; ты сам сказал, что у них ребята кругленькие, как масляные шарики.

— Что ж, честь и слава им за это, — отвечал Билл. — Но все-таки я бы предпочел купить сорок акров по сто долларов, чем четыре акра по тысяче. Мне было бы тесновато на четырех акрах, того и гляди свалишься.

Она была с ним согласна. Сорок акров больше говорили ее душе, чем четыре. Хотя она принадлежала к другому поколению, но так же тосковала по широким просторам, как некогда тосковал ее дядя Билл.

— Но мы же не собираемся здесь оставаться, — убеждала она Билла. — Наша цель — не сорок акров, а участок казенной земли в сто шестьдесят акров.

— И я полагаю, что правительство обязано их дать нам, — хотя бы за то, что сделали наши матери и отцы. Право же, Саксон, когда женщина прошла через прерии, как прошла твоя мать, или когда муж и жена убиты индейцами, как убиты мой дед и бабушка, — правительство в долгу перед их детьми.

— Что ж, нам остается только потребовать с него должок!

— И потребуем! Где-нибудь подальше, в лесистых горах к югу от Монтери.

Глава вторая

До Найлса, через город Хейуордс, было добрых полдня пути. Все же Саксон и Билл свернули с большой дороги, предпочитая идти проселками, среди тщательно обработанных участков, где вся земля была использована до самой дорожной колеи. Саксон с удивлением разглядывала низкорослых смуглых переселенцев, которые пришли на эту землю с пустыми руками и сумели поднять ее стоимость до двухсот, пятисот и даже тысячи долларов за акр.

Всюду кипела работа. В поле бок о бок с мужчинами трудились женщины и дети. Они неустанно ворошили землю, казалось, они ни на минуту не давали ей покоя. И земля вознаграждала их за труд, несомненно, вознаграждала, иначе дети не могли бы учиться в школе, а сколько взрослых разъезжает тут в старых рыдванах, подержанных колясках и ладных, новеньких шарабанчиках.

— Погляди на них, — говорила Саксон. — Они счастливы и довольны. Разве такие лица были у наших соседей, когда началась забастовка?

— Ясное дело, им повезло, — согласился Билл. — Это у них на роже написано. Но передо мной им нечего нос задирать: не слишком велика заслуга выжить нас из нашей страны и пустить по миру!

— Но они, кажется, и не собираются задирать нос, — возразила Саксон.

— Нет, конечно, нет, это я и сам понимаю. И все-таки не так уж они умны, как ты воображаешь. Ручаюсь, что по части лошадей они многому могли бы у меня поучиться.

Солнце садилось, когда они вошли в маленький городишко Найлс. Билл, который шел последние полмили молча, нерешительно предложил жене:

— Послушай, Саксон, отчего бы нам не переночевать в гостинице? Как ты на этот счет, а?

Но Саксон решительно тряхнула головой.

— Ты думаешь, нам надолго хватит наших двадцати долларов, если мы будем так роскошествовать? Нет, уж начинать, так по-настоящему. Мы ведь не рассчитывали на ночлеги в гостиницах.

— Ладно, — согласился он. — Я-то все могу. Я думал только о тебе…

— Запомни раз и навсегда, что я тоже все могу, — наставительно заметила она. — А теперь нам надо поискать чего-нибудь на ужин.

Они купили кусок мяса, картофель, лук, десяток хороших яблок и, выйдя из города, направились к ручью, окаймленному деревьями и кустами. Путешественники расположились на песчаном берегу в тени деревьев. Кругом было сколько угодно валежника, и Билл, весело насвистывая, принялся собирать и рубить его. Саксон, внимательно следившая за его настроением, втихомолку радовалась этому безнадежно фальшивому свисту и про себя улыбалась. Скатертью ей послужили одеяла, разостланные на брезенте, из-под которого она предварительно убрала все сучья. Она только еще училась готовить пищу на костре, и первым ее открытием было то, что лучше поддерживать огонь непрерывно, чем развести сразу большой костер. Когда кофе вскипел, она влила в кофейник немного холодной воды, чтобы осела гуща, и поставила его с краю на угли: так он и не остынет и не будет зря выкипать.

Картофель ломтиками и лук она поджарила на одной сковородке, но отдельно, и, переложив их в свою оловянную тарелку, поставила на кофейник, накрыв сверху перевернутой тарелкой Билла; затем поджарила мясо по любимому способу Билла на сухой горячей сковороде. Покончив с этим, она подала мясо и, пока Билл разливал кофе, положила лук и картофель на сковородку и с минуту подержала на огне, чтобы хорошенько подогреть.

— Что еще нужно человеку! — воскликнул Билл, чрезвычайно довольный, свертывая папиросу после кофе.

Он лежал на боку, вытянувшись во весь рост и опершись на локоть. Костер жарко пылал, и щеки Саксон казались еще румянее от алых отблесков пламени.

— Что только не угрожало нашим предкам в их странствиях — и индейцы, и дикие звери, да мало ли!.. А нам с тобой здесь хорошо и спокойно, как дома за печкой. Посмотри на этот песок: о лучшей постели и мечтать нечего. На нем мягко, как на перине. А уж ты, милая моя индианочка, такая хорошенькая, просто прелесть! Бьюсь об заклад, что сейчас моей «девочке в лесу» никто не даст больше шестнадцати лет.

— Будто бы! — оживилась она, тряхнув головой и поблескивая белыми зубами. — А если бы вы сейчас не курили, я бы спросила: знает ли ваша мама, что вы ушли из дому, мистер «мальчик, играющий в песочек»?

— Скажите, пожалуйста… — начал он с напускной торжественностью.

— Мне хочется вас кое о чем спросить, если только вы не против. Я, конечно, не намерен задевать ваши чувства, но мне все-таки чрезвычайно важно получить ответ.

— Что такое? — осведомилась она, так как разъяснении не последовало.

— А вот что, Саксон. Вы мне ужасно нравитесь и так далее, но наступает ночь, мы чуть не за тысячу миль от человеческого жилья и… словом, я хотел бы знать: мы на самом деле, по-настоящему женаты, мы действительно муж и жена?

— Да, на самом деле и по-настоящему, — успокоила его Саксон. — А почему ты спрашиваешь?

— Не важно. Я что-то запамятовал, и мне стало неловко: сами понимаете, при том воспитании, какое я получил, мне было бы неудобно оставаться с вами в такой час…

— Ну, хватит болтать! — строго перебила она его. — Прошелся бы лучше да набрал сучьев на утро, пока я вымою посуду и приведу кухню в порядок.

Он вскочил, чтобы выполнить приказание, но остановился, обнял ее и привлек к себе. Оба молчали, но когда он отошел от нее, грудь ее радостно вздымалась и с уст просилась благодарственная песнь.

Наступила ночь — темная, едва озаренная слабым мерцанием звезд, да и те скоро скрылись за неизвестно откуда надвинувшимися тучами. Калифорнийское «бабье лето» еще только началось. Погода стояла теплая, вечерняя прохлада едва давала себя знать, в воздухе не чувствовалось ни ветерка.

— У меня такое ощущение, как будто наша жизнь начинается сначала,

— сказала Саксон, когда Билл, набрав сучьев, опустился рядом с ней на одеяло у костра. — Я за сегодняшний день узнала больше, чем за десять лет жизни в Окленде. — Она глубоко вздохнула и откинула голову. — Оказывается, обрабатывать землю гораздо более сложная штука, чем я думала.

Билл не ответил. Он пристально смотрел в огонь, явно что-то обдумывая.

— Ну, что такое? — спросила она, увидев, что он пришел к какому-то решению, и положила руку на руку мужа.

— Да я все прикидываю насчет нашего ранчо, — ответил он. — Они не плохи, эти игрушечные фермы. Как раз для иностранцев. А нам, американцам, нужен простор. Я хочу видеть холм и знать, что весь он мой, до самой вершины, что и другой его склон и вся земля до вершины соседнего холма — тоже мои, и что за этими холмами вдоль ручья спокойно пасутся мои кобылы, и рядом с ними пасутся или резвятся мои жеребята. Знаешь, разводить лошадей очень выгодно, особенно крупных рабочих лошадей, весом от тысячи восьмисот до двух тысяч фунтов, — на них большой спрос. За пару четырехлеток одинаковой масти в любое время получишь до семисот — восьмисот долларов. Хороший подножный корм — больше им в этом климате ничего не нужно, разве что какой-нибудь навес да немного сена на случай затяжной непогоды. Раньше мне это и в голову не приходило; но, признаться, чем больше я думаю о таком ранчо, тем больше наша затея мне нравится.

Саксон была в восторге! Вот и еще новые доводы в пользу ее плана! А особенно хорошо то, что они исходят от такого авторитета, как Билл. А главное: Билл и сам увлекся возможностью заняться сельским хозяйством.

— На казенном участке хватит места и для лошадей и для всего остального, — подбадривала она его.

— Конечно. Вокруг дома у нас будут грядки, фруктовые деревья, куры

— словом, все что нужно, как у португальцев; а кроме того, будет достаточно места и для пастбищ и для наших прогулок.

— Но разве жеребята не обойдутся нам слишком дорого, Билли?

— Нет, не обойдутся. На городских мостовых лошади очень скоро разбивают ноги. Вот из таких-то непригодных для города кобыл я и подберу себе племенных маток, — я знаю, как за это взяться. Их продают с аукциона; и потом они еще служат много лет — только по мостовой больше не могут ходить.

Наступило молчание. В угасающих отблесках костра оба старались представить себе свою будущую ферму.

— Как здесь тихо, верно? — наконец, очнулся Билл и посмотрел вокруг. — И темно, хоть глаз выколи. — Зябко вздрагивая, он застегнул куртку, подбросил сучьев в огонь. — А все-таки лучше нашего климата нет на всем свете. — Помню, — я еще малышом был, — мой отец всегда говорил, что климат в Калифорнии райский. Он как-то ездил на Восток, проторчал там лето и зиму и натерпелся. «Меня теперь туда ничем не заманишь», — говаривал он после.

— И моя мать считала, что нигде в мире нет такого климата. Воображаю, каким чудесным им все показалось здесь после перехода через пустыни и горы! Они называли Калифорнию страной молока и меда. Земля оказалась настолько плодородной, что, как говорил Кэди, достаточно ее поковырять — и она принесет богатый урожай.

— И тут сколько хочешь дичи, — добавил Билл. — Мистер Роберте — тот, который усыновил моего отца, — гонял скот от Сан-Хоакино до реки Колумбия. У него работало сорок человек, и они брали с собой только соль и порох: всю дорогу кормились дичью.

— Горы кишели оленями, а моя мать видела в окрестностях Санта-Росы целые стада лосей. Мы когда-нибудь отправимся туда. Билли. Я всегда мечтала об этом.

— Когда мой отец был еще молодым, у ручья Каш-Слоу, севернее Сакраменто, водились в зарослях медведи. Он частенько охотился на них. Если удавалось застигнуть их на открытом месте, отец и мексиканцы охотились верхами, набрасывая на них аркан, — ты ведь знаешь, как это делается. Он всегда говорил, что лошадь, которая не боится медведей, стоит в десять раз больше всякой другой. А пантеры! Наши отцы принимали их за пум, за рысей, за лисиц. Конечно, мы с тобой проберемся и в Санта-Росу. Может быть, земля на побережье нам не подойдет и придется продолжить наши странствия.

Тем временем костер погас, и Саксон кончила расчесывать и заплетать на ночь свои косы. Приготовления ко сну были несложны, и очень скоро они улеглись рядом под одеялом. Саксон закрыла глаза, но уснуть не могла. Никогда еще сон не был от нее так далек. Ей впервые приходилось ночевать под открытым небом, и сколько она ни старалась забыться в этой непривычной обстановке — все ее усилия были напрасны. К тому же она устала от долгой ходьбы, а песок, к ее удивлению, оказался вовсе не так мягок. Прошел час. Саксон убеждала себя, что Билл заснул, хотя чувствовала, что ему так же не спится, как и ей. Потрескивание тлеющего уголька заставило ее вздрогнуть. Билл тоже зашевелился.

— Билли, — шепнула она, — ты не спишь?

— Нет, — послышался тихий ответ. — Я все ледку и думаю: а ведь этот проклятый песок тверже, чем цементный пол. Мне-то все равно, но вот уж никогда не думал!

Оба улеглись поудобнее, но это не помогало, — их лодке оставалось по-прежнему мучительно жестким.

Вдруг где-то поблизости пронзительно резко затрещал кузнечик, и Саксон снова вздрогнула. Несколько минут она сдерживалась. Билл первым подал голос:

— Знаешь, что-то мне эта штука не нравится.

— Ты думаешь, не гремучая ли это змея? — спросила она, стараясь не выдать голосом своего волнения.

— Да, я как раз это и подумал.

— Я видела двух змей в витрине аптекарского магазина Баумана. Знаешь, Билл, у них ведь один зуб пустой, и когда они укусят, яд по дуплу стекает в ранку.

— Бр-р-р! — повел плечами Билл, но его шутливый тон показался ей не очень искренним. — Все говорят, это верная смерть, разве что ты второй Боско. Помнишь Боско?

— «Боско глотает змей живьем! Боско глотает змей живьем!» — отозвалась Саксон, подражая крику ярмарочного зазывалы.

— Не беспокойся: у змей Боско мешочки с ядом были предусмотрительно вырезаны, иначе у него бы ничего не вышло. И почему я никак не могу уснуть? Хоть бы эта проклятая трещотка замолчала. Интересно, змея это или не змея?

— Никакая не змея, — решила Саксон. — Все гремучие змеи давно уничтожены.

— А откуда же Боско достает своих? — вполне резонно заметил Билл.

— Ты-то почему не спишь?

— Наверно, оттого, что мне это все в диковинку, — отвечала она. — Ведь я же никогда не ночевала под открытым небом.

— Я тоже. До сих пор я думал, что это большое удовольствие. — Он повернулся на другой бок и тяжело вздохнул. — Но, по-моему, мы со временем привыкнем. Что могут другие, то сможем и мы, а ночевать под открытым небом приходится очень многим. Значит, все в порядке. Нам и здесь хорошо! Мы свободны и независимы, никому ничего не платим, сами себе хозяева…

Он внезапно замолк. Из кустов время от времени доносился какой-то шорох. Когда они пытались определить, откуда он, шорох почему-то затихал, но как только ими овладевала дремота, он столь же таинственно возобновлялся.

— Кажется, кто-то подползает к нам, — прошептала Саксон, теснее прижимаясь к Биллу.

— Во всяком случае, не дикий индеец, — попытался он ее утешить, — Это было все, что он мог придумать для ее успокоения; затем он притворно зевнул. — Чепуха! Чего нам бояться! А ты вспомни, что приходилось переживать первым пионерам!

Несколько минут спустя у Билла затряслись плечи, и Саксон поняла, что он смеется.

— Я вспомнил одну историю, которую частенько рассказывал отец, — пояснил он. — О старухе Сюзен Клегхорн, одной из орегонских пионерок. У нее было бельмо на глазу, и прозвали ее

«Кривая Сюзен», но стрелок она была отличный, с нею никто не мог сравниться. Однажды, когда пионеры шли через прерии, на обоз напали индейцы. Пионеры живо поставили повозки в круг, люди и волы укрылись внутри круга. Это дало им возможность отразить нападение и убить много врагов. Индейцы ничего с ними не могли поделать, и тогда они придумали вот какую штуку: чтобы выманить белых на открытое место, они взяли двух девушек, захваченных из другой партии переселенцев, и начали пытать их. Проделывалось это у всех на виду, но на таком расстоянии, что пули не могли их достать. Индейцы рассчитывали, что белые не утерпят, выскочат из-за своих фургонов — и тут-то они их и прикончат.

Белые не знали, как быть: если они бросятся на выручку девушек, индейцы всех их перебьют, а затем нападут и на обоз. И все до одного погибнут. Что же делает старуха Сюзен? Она приволакивает откуда-то старое длинноствольное кентуккийское ружье, загоняет в него тройной заряд пороха, прицеливается в громадного индейца, особенно усердно хлопотавшего около девушек, и как бабахнет! Ее отбросило назад, и плечо у нее отнялось — она не владела им до самого Орегона, — но этого индейца уложила на месте. Он так и не узнал, откуда его стукнули.

Но я, собственно, не эту историю хотел рассказать. Старуха Сюзен весьма уважала Джона Ячменное Зерно. Она только и ждала случая, как бы нализаться, так что ее сыновьям, дочерям и старику вечно приходилось прятать его подальше.

— Кого прятать? — спросила Саксон.

— Джона Ячменное Зерно. Ах, да, ты, конечно, не знаешь! Это старинное название виски. Ладно. Вот в один прекрасный день вся семья собралась куда-то уйти, — это было в местности, называвшейся Бодега; они перебрались туда уже из Орегона. Сюзен уверяла, будто у нее ревматизм так разыгрался, что она шагу ступить не может, и осталась дома. Но ее родственники были тоже не дураки. В доме имелась большая бутыль виски, галлона на два. Они ничего не сказали Сюзен, а перед уходом велели одному из ее внуков влезть на высокое дерево во дворе за коровником и привязать бутыль на высоте шестидесяти футов над землей. Однако и это не помогло: когда они вечером вернулись домой, то нашли Сюзен в кухне на полу мертвецки пьяной.

— Неужели она влезла на дерево? — удивленно спросила Саксон, когда увидела, что Билл не намерен продолжать.

— Ничего подобного! — весело засмеялся он. — Она поставила под бутылью большую лохань, затем извлекла на свет свое старое ружье и вдребезги разнесла бутыль, вот и все. После этого она просто начала лакать виски прямо из лохани.

И опять, едва Саксон задремала, шорох возобновился, на этот раз еще ближе. Ей казалось, будто кто-то крадется, и ее возбужденному воображению представился подползающий к ним хищный зверь.

— Билли, — шепнула она.

— Да я и сам прислушиваюсь, — отозвался Билл; голос его звучал удивительно бодро.

— Может быть, это пантера или… дикая кошка?

— Нет, не может быть. Все дикие звери здесь давно перебиты. Это мирный фермерский район.

Легкий ветерок тронул листья и заставил Саксон вздрогнуть. Загадочный треск сверчка

оборвался с подозрительной внезапностью. Затем вместе с шорохом послышался глухой, но тяжелый удар, от которого Саксон и Билл сразу вскочили и сели на своем ложе. Все стихло, и они снова улеглись, но теперь даже тишина казалась им зловещей.

— У-уф! — вдруг с облегчением вздохнул Билл. — Будто бы я не знаю, что это такое. Самый обыкновенный кролик. Я же слышал, как ручные кролики стучат задними лапками об пол, когда прыгают.

Саксон изо всех сил старалась заснуть. Но песок как будто становился все жестче, суставы ныли от лежания на нем. И хотя рассудок решительно отвергал возможность настоящей опасности, воображение не уставало рисовать их яркими красками.

Послышались новые звуки. Они уже не были похожи ни на треск, ни на шорох; видимо, какое-то крупное животное продиралось сквозь кусты. Сучья трещали и ломались под ним, а один раз путешественники ясно услышали, как ветки раздвинулись, чтобы пропустить кого-то, а затем снова сомкнулись.

— Если раньше была пантера, то теперь это, наверное, слон, — уныло заметил Билл. — Ух, какой тяжеленный! Прислушайся-ка. Сюда подходит!

Звуки по временам смолкали, потом раздавались снова, все громче и ближе. Билл опять приподнялся, сел и обнял рукой Саксон, которая тоже села.

— Я сегодня еще ни на минуту не заснул, — пожаловался он. — Тс-с! Опять начинается. Хотелось бы мне разглядеть, что это за зверь.

— Шум от него такой, будто лезет медведь, — прошептала Саксон; у нее зуб на зуб не попадал — то ли от нервного возбуждения, то ли от ночной свежести.

— Да уж, конечно, не кузнечик.

Билл хотел было встать, но Саксон схватила его за руку.

— Что ты хочешь делать?

— Я ничуть не боюсь, — ответил он. — Но, даю слово, это действует мне на нервы. Если я не выясню, в чем дело, я могу, пожалуй, испугаться. Уж: лучше я пойду на разведку. Не беспокойся, я буду осторожен.

Ночь была так темна, что едва Билл отполз на расстояние вытянутой руки, как его уже не стало видно. Саксон сидела и ждала. Загадочные звуки прекратились, но можно было следить за продвижением Билла по треску сухих веточек и сучков. Спустя несколько минут он вернулся и забрался под одеяло.

— Видно, я его спугнул. У него, должно быть, хороший слух: услышал, что я к нему подбираюсь, и махнул куда-то в кусты. А я уж: так старался ступать как можно тише…

Господи, опять!

Они снова сели. Саксон подтолкнула Билла.

— Тут он, — беззвучно прошептала она. — Слышно, как дышит… Вот сейчас фыркнул…

Сухая ветка обломилась с таким треском и так близко от них, что оба, уже не стыдясь друг

друга, в тревоге вскочили на ноги.

— Я больше не позволю ему нас дурачить! — рассердился Билл. — Он нам этак скоро на голову полезет.

— Что же ты намерен делать? — тревожно спросила она.

— Орать буду во всю глотку. Как-нибудь да заставлю его показаться.

И, набрав воздуху в легкие, он закричал что есть мочи.

Результат далеко превзошел все их ожидания, и у Саксон сердце заколотилось от страха. Окружавшая их темнота мгновенно наполнилась шумом и движением, кусты трещали и ломались, слышался тяжелый топот разбегающихся животных. К великому облегчению Билла и Саксон, звуки все удалялись и, наконец, замерли вдали.

— Ну, что ты на это скажешь? — нарушил Билл наступившую тишину. — Про меня в свое время говорили, что на ринге я ни черта не боюсь. Хорошо, что они не видели меня сегодня. — Он застонал. — Мне этот проклятый песок до смерти надоел. Лучше я встану и разведу огонь.

Это было нетрудно: под золою еще тлели угольки, и скоро костер запылал. Несколько звездочек проглянули в туманном небе. Билл посмотрел на них, подумал и собрался идти.

— Куда ты? — окликнула его Саксон.

— Мне кое-что пришло в голову, — уклончиво ответил Билл и решительно вышел из освещенного костром круга.

А Саксон сидела, плотно закутавшись в одеяло, и восхищалась его смелостью. Он даже топора не взял с собой, а пошел в ту сторону, в которую удалились загадочные животные.

Минут десять спустя он вернулся, посмеиваясь.

— Здорово надули меня мерзкие твари! Скоро я, кажется, собственной тени испугаюсь! Что это было? Уф! Ты ни за что на свете не угадаешь. Стадо телят! И они перепугались больше нашего.

Он закурил папироску, а затем тоже лег под одеяло рядом с Саксон.

— Хороший из меня фермер получится, — бурчал он, — если десяток сопливых телят может напугать меня до смерти. Ручаюсь, что твой отец или мой и глазом бы не моргнули. Измельчал нынче народ, вот что.

— Неправда, — возмутилась Саксон. — Народ такой же, как и был. И мы не отступим перед тем, перед чем не отступили бы наши отцы, мы даже куда крепче их. Только мы по-другому воспитывались, вот и все. Всю жизнь прожили в городе, привыкли к городским звукам и к городским условиям и не знаем деревенских. Мы выросли вдали от природы, вот тебе и все объяснение. А теперь мы с тобой собираемся стать детьми природы. Дай срок, и мы будем так же крепко спать под открытым небом, как спал твой отец или мой.

— Но только, пожалуйста, не на песке, — взмолился Билл.

— Об этом не может быть и речи. Это мы сегодня поняли раз и навсегда. А теперь молчи и попытайся заснуть.

Страхи рассеялись, но сейчас песок особенно раздражал их, и лежать на нем казалось невыносимым. Билл задремал первым, глаза Саксон сомкнулись только тогда, когда где-то в отдалении запели петухи. Однако песок все время давал себя знать, и сон путников был неспокоен.

Как только начало светать, Билл выполз из-под одеяла и развел яркий костер. Саксон, дрожа, подсела к нему. У них был измученный вид, глаза ввалились. И все-таки первой рассмеялась она. Билл нехотя присоединился к ней, но, увидев кофейник, просиял и немедленно поставил его на огонь.

Глава третья

От Окленда до Сан-Хосе сорок миль, и Саксон с Биллом легко прошли это расстояние за три дня. Они больше не встречали словоохотливых и сердитых на весь свет монтеров, и им вообще редко представлялся случай побеседовать со встречными. Иногда попадались бродяги со скатками через плечо, — они шли кто на север, кто на юг; из разговоров с ними Саксон скоро поняла, что они очень мало, а подчас и совсем ничего не понимают в сельском хозяйстве. В большинстве случаев это были старики, изможденные и отупевшие, у них на уме была только работа да где хорошо платят или когда-то хорошо платили, причем всегда оказывалось, что это очень далеко отсюда. От них ей удалось узнать одно: что местность, через которую они проходили, была областью мелких хозяйств, наемный труд здесь применялся редко, а если это и бывало, то приглашались рабочие-португальцы.

Фермеры были неприветливы; они обгоняли Билла и Саксон на своих повозках, часто порожняком, но ни разу никто не предложил подвезти их. Если при случае Саксон обращалась к одному из них с вопросом, он с любопытством или подозрительно оглядывал ее и отвечал шуткой, а то и вовсе уклонялся от ответа.

— Разве это американцы, черт бы их побрал! — возмущался Билл, — В старину люди были добрее, общительнее.

Но Саксон помнила свой последний разговор с братом.

— Это дух времени. Билли. Он изменился. А кроме того, они живут слишком близко к городу. Подожди судить, пока мы не будем далеко от городов, — там они, наверное, окажутся приветливее.

— Нет, до чего же здесь народ вредный! — не унимался Билл.

— Может быть, они по-своему правы, — засмеялась Саксон. — Почем знать, а вдруг это ближайшие родственники тех самых штрейкбрехеров, которым пришлось иметь дело с тобой?

— Если бы еще это было так! — горячо воскликнул Билл. — Но все равно, будь у меня хоть десять тысяч акров, это не помешало бы мне твердо знать, что любой человек, который идет по дороге со скаткой через плечо, ничем не хуже меня, а может быть, и лучше. Во всяком случае, я бы отнесся к нему с полным уважением.

Поначалу Билл спрашивал насчет работы на каждой ферме, а потом только на больших. Ответ всегда был один — работы нет. Некоторые фермеры говорили, что после первых дождей понадобятся рабочие руки для пахоты. То здесь, то там понемногу начиналась сухая вспашка, но большая часть фермеров выжидала.

— Ты же не умеешь пахать, — сказала Саксон.

— Нет, но я полагаю, что это дело нехитрое. А кроме того, я поучусь у первого, кого увижу за плугом.

Возможность поучиться представилась Биллу на следующее же утро. Он влез на изгородь, окаймлявшую небольшое поле, и стал наблюдать, что делает идущий за плугом старик.

— Пустяки, ничего не может быть легче, — пренебрежительно заметил он, — Если такой старый хрыч справляется с одним плугом, я справлюсь с двумя.

— А ты пойди попробуй, — стала его подзадоривать Саксон.

— Зачем?

— Трусишка! — накинулась она на него, хотя с лица ее не сходила улыбка. — Ну что тебе стоит, попроси! В крайнем случае он откажет. Подумаешь! Ты выстоял двадцать раундов против «Грозы Чикаго» — и не дрогнул!

— Нашла с чем сравнивать, — возразил он, однако перескочил через изгородь. — Ставлю два доллара против одного, что старикашка меня вытурит.

— Ничего он тебя не вытурит! Скажи, что хочешь поучиться, и попроси разрешения пройти два-три раза за плугом. Объясни, что это ему ничего не будет стоить.

— Ладно! А если он заупрямится, я у него просто отберу его проклятый плуг.

Саксон, сидя на изгороди, следила за переговорами, хотя ничего не могла расслышать. Через несколько минут вожжи были перекинуты за шею Билла, а руки его легли на рукоятки плуга. Лошади двинулись, старик поплелся рядом, и на Билла посыпались указания. Сделав несколько поворотов по вспаханному полю, старик подошел к Саксон.

— Он и прежде пахал малость, а? Саксон покачала головой.

— Нет, ни разу в жизни. Но он умеет править лошадьми.

— Да, видно, что он не совсем новичок в деле и смекалка есть. — Старик усмехнулся и отрезал себе кусок жевательного табаку, — Думаю, что засидеться с вами он мне не даст.

Невспаханная площадь все уменьшалась, но Билл не обнаруживал желания бросить работу, а Саксон и старик, наблюдавшие за ним, понемногу разговорились. Саксон немедленно повела на него атаку и скоро убедилась в том, что старик фермер чрезвычайно подходит под то описание, какое дал монтер своему отцу.

Билл кончил вспашку всего поля, и старик пригласил их к себе переночевать, — в усадьбе имеется пустой домик с маленькой плитой, и он даст им парного молока. А если Саксон хочет испытать свои таланты, она может подоить корову.

Урок доения прошел не так успешно, как урок пахоты, но когда Билл исчерпал, весь запас своего остроумия, Саксон предложила ему попробовать, и он не менее позорно провалился. Саксон неутомимо наблюдала и выспрашивала и очень скоро поняла, что эта усадьба совсем непохожа на ту, которую она видела в Сан-Леандро. И усадьба и фермер безнадежно устарели. Здесь и не слыхали о новой системе интенсивного земледелия. Участок непомерно велик и очень плохо обрабатывается. В доме, в конюшнях, в амбарах — всюду полное запустение, все разваливается. Двор перед домом зарос сорной травой. Огорода нет. Небольшой фруктовый сад

заглох и одичал: деревья зачахли, стали сучковатыми и поросли серым мхом. Саксон узнала, что сыновья и дочери фермера разъехались по разным городам. Одна дочь замужем за врачом, другая преподает в педагогическом училище штата; один сын служит машинистом на железной дороге, другой — архитектор, третий — репортер уголовного суда в Сан-Франциско. Время от времени они посылают родителям немного денег.

— Что ты на это скажешь? — спросила Саксон Билла, курившего после ужина папиросу.

Он выразительно пожал плечами.

— Что ж, здесь все яснее ясного. Старый чудак оброс мохом, как и его деревья. После Сан-Леандро и слепому видно, что он ни черта не смыслит. А его клячи! Для них было бы благодеянием, а для него чистой экономией, если бы кто-нибудь взял да пристрелил их. Ручаюсь, что у португальцев таких лошадей не увидишь. И тут дело вовсе не в чванстве и не в желании щегольнуть хорошими лошадьми. Это просто правильный подход. Это выгоднее. Само хозяйство это подсказывает. Старые лошади и больше корма требуют, чем молодые, и так работать не могут. А подковывать что молодых, что старых — цена одна. Его клячи совсем не годятся, они только разоряют его. Достаточно поглядеть на их работу и вспомнить, сколько работают лошади в городах.

Саксон и Билл спали как убитые и после раннего завтрака собрались идти дальше.

— Я бы охотно оставил вас на несколько дней, — с сожалением говорил, расставаясь с ними, старик, — да никак не выйдет. Теперь, когда дети разбрелись, ферма только-только кормит нас со старухой, и то не всегда. Вот как нынче затянулись плохие времена. С самого Гровера Кливленда[5] светлого дня не видали.

Вскоре после полудня они вошли в предместье Сан-Хосе, и Саксон предложила передохнуть.

— Я хочу зайти к этим людям и поговорить с ними, — объявила она, — если только они на меня собак не спустят. Это самое красивое местечко, какое мы видели. Верно?

Билл, мечтавший о холмах и обширных выгонах для своих будущих лошадей, согласился без особого энтузиазма.

— А какие у них овощи! Погляди только! И все грядки обсажены цветами. Это почище помидоров, завернутых в папиросную бумагу.

— Не пойму, зачем им понадобились цветы? — заметил Билл с недоумением. — Какой в них толк? Они только занимают место, где могли бы расти отличные овощи.

— Вот это-то мне и хочется узнать. — Она указала на женщину, которая склонилась над клумбой, разбитой возле самого дома. — Яне знаю, кто она, но в худшем случае она наговорит нам грубостей. Видишь, она смотрит на нас. Положи-ка свою ношу рядом с моей и пойдем.

Билл сбросил тюк с одеялом на землю, но предпочел подождать. Когда Саксон пошла по узкой, окаймленной цветами дорожке, она заметила двух работавших на огороде мужчин: один из них был старик китаец, другой — тоже старик, темноглазый и тоже иностранец неизвестно какой национальности. Здесь все радовало глаз своей чистотой и порядком, каждый клочок земли был возделан так образцово, что это заметил бы даже неопытный взгляд. Женщина выпрямилась и повернулась к Саксон. Она была средних лет, стройна и очень просто, но мило одета. Она смотрела на Саксон через очки, и лицо у нее было доброе, но какое-то нервное.

— Мне сегодня ничего не понадобится, — сказала она, смягчая отказ приветливой улыбкой.

Саксон в душе застыдилась своей клеенчатой корзинки. Очевидно, эта женщина видела, как она поставила ее на землю.

— Мы не разносчики, — торопливо пояснила она.

— Ах, простите! Незнакомка улыбнулась еще приветливее, ожидая дальнейших объяснений.

Саксон, не чинясь, выложила, в чем ее дело.

— Мы хотели бы купить землю. Понимаете, мы решили стать фермерами, но, прежде чем взять участок, надо же осмотреться и выяснить, какая земля тебе нужна. Когда я увидела ваш чудесный уголок, мне захотелось задать вам сотни вопросов. Видите ли, мы ничего не смыслим в сельском хозяйстве. Всю нашу жизнь мы прожили в городе, а теперь решили навсегда поселиться в деревне и найти здесь свое счастье.

Она умолкла. Лицо женщины оставалось таким же приветливым, но в нем как будто появилась легкая ирония.

— А почему вы решили, что найдете свое счастье в деревне? — спросила она.

— Сама не знаю. Я только знаю, что для бедняков нет жизни в городе, где эти вечные рабочие беспорядки. Если бедняки даже в деревне не могут быть счастливы, значит, счастья вообще нет. А это же очень несправедливо, правда?

— Вы рассуждаете правильно, милочка, но только вы забыли об одном, что и в деревне сколько угодно бедняков и несчастных людей.

— Вы не кажетесь мне ни бедной, ни несчастной, — возразила Саксон.

— Ах вы, душечка моя! Саксон заметила, что лицо ее собеседницы вспыхнуло от удовольствия.

— А может быть, я просто создана для деревенской жизни, — продолжала женщина. — Вы же сами говорите, что вы коренные горожане и решительно ничего не знаете о деревне. А вдруг вы здесь погибнете?

Саксон вспомнила ужасные месяцы, проведенные в домике на Пайн-стрит.

— В городе я наверняка погибну! Может быть, мне и в деревне будет тяжело, но, видите ли, это единственный выход. Или деревня — или ничего! Да и наши отцы и матери всегда жили в деревне. Наконец, я недаром стою здесь, перед вами: это доказывает, что меня всегда тянуло прочь из города, и я, вероятно, тоже, как вы сказали, создана для деревенской жизни, — иначе бы я не была здесь.

Собеседница одобрительно кивнула, она смотрела на Саксон с все возраставшим интересом.

— Этот молодой человек… — начала она.

— Мой муж. Он был возчиком до того, как началась большая забастовка. Моя фамилия Роберте, Саксон Роберте, а мужа зовут Вильям Роберте.

— Меня зовут миссис Мортимер, — сказала собеседница с легким поклоном. — Я вдова. А теперь, если вы позовете вашего мужа, я постараюсь ответить на некоторые из ваших

многочисленных вопросов. Пусть он внесет вещи сюда. Так о чем же именно вам хотелось меня спросить?

— О, обо всем сразу. Приносит ли вам ферма доход? Как вы со всем управляетесь? Сколько стоила ваша земля? Сами ли вы построили этот хорошенький домик? Сколько вы платите вашим рабочим? Как вы научились всему и как узнали, что лучше сажать и что выгоднее? Где выгоднее продавать овощи? Как вы их продаете? — Тут Саксон остановилась и рассмеялась. — О, я, собственно, даже еще не начала спрашивать. Почему вы посадили цветы по краям грядок? Я видела участки португальцев в окрестностях Сан-Леандро, они никогда не сажают на одной грядке цветы и овощи.

Миссис Мортимер остановила ее движением руки.

— Дайте мне сначала ответить на ваш последний вопрос. Это, можно сказать, ключ ко всему остальному.

Но тут подошел Билл, и объяснение пришлось отложить. Саксон представила его миссис Мортимер.

— Не правда ли, милочка, цветы вам сразу бросились в глаза? — продолжала та. — Они-то и заставили вас войти в мой сад и заговорить со мной. Вот поэтому-то они и посажены вместе с овощами, чтобы привлекать внимание. Вы и представить себе не можете, сколько людей обращает на них внимание и скольких они заманили сюда, ко мне. Дорога эта крайне оживленная, горожане, часто катаются по ней. Нет... с автомобилями мне не везет. Людям, сидящим в автомобилях, ничего из-за пыли не видно. Но когда я начинала, почти все еще ездили на лошадях. Мимо меня постоянно проезжали городские дамы. Мои цветы, да и весь участок бросались им в глаза; они останавливали свои экипажи. А я — я всегда оказывалась здесь, перед домом, и меня можно было окликнуть. Обычно мне удавалось зазвать их к себе, чтобы показать цветы — и, понятно, овощи. Все у меня было красиво, опрятно, в образцовом порядке. Это привлекает людей. И... — миссис Мортимер пожала плечами,

— вы же знаете, соблазняют человека глаза его. Овощи, растущие среди цветов, прельщали их. Им хотелось моих овощей, непременно моих. И они получали их по цене вдвое против рыночной и платили с большим удовольствием. Я в некотором роде вошла в моду, стала предметом увлечения этих дам. И никто не был внакладе. Овощи были прекрасные, ничуть не хуже других овощей на рынке, а подчас и гораздо свежее. Не забывайте, что мои покупатели одним ударом убивали двух зайцев: помимо всего прочего, они совершали доброе дело — они не только получали самые лучшие и самые свежие овощи прямо с грядки, но и гордились сознанием, что помогают достойной вдове. Стало даже признаком хорошего тона покупать овощи у миссис Мортимер. Но не стоит вдаваться в эту тему, она завела бы нас слишком далеко. Короче говоря, моя маленькая усадьба стала излюбленным местом, куда ездили прокатиться или просто убить время. Стало известно, кто я такая, кем был мой муж и что я делала раньше. С некоторыми из дам я была знакома в лучшие времена. Они всячески старались содействовать мне. К тому же я завела обычай угощать своих клиентов чаем. Таким образом, покупательницы становились как бы моими гостями. Я и теперь подаю чай, когда они приезжают, желая похвастать мною перед своими приятельницами. Итак, вы видите, что цветы сослужили мне немалую службу.

Саксон с увлечением выслушала этот рассказ, зато Билл явно не разделял ее восторга. Его синие глаза словно затуманились.

— Ну, говорите, не стесняйтесь, — обратилась к нему миссис Мортимер. — С чем вы не

согласны?

К удивлению Саксон, он ответил прямо и — к еще большему ее удивлению — выдвинул против миссис Мортимер такие доводы, какие ей самой и в голову бы не пришли.

— Все это ловкие фокусы, — сказал он. — Вот что я увидел из ваших слов…

— Да, но эти фокусы достигают цели, — прервала его миссис Мортимер, и ее живые глаза весело сверкнули за стеклами очков.

— И да, и нет, — упрямо отозвался Билл со своей обычной внушительной неторопливостью. — Если бы каждый хозяин сажал овощи на одной грядке с цветами, то каждый хозяин получал бы за свои овощи двойную цену против рыночной, и тогда никаких двойных рыночных цен уже не было бы. Значит, ничего бы не изменилось.

— Это теория, а я говорю о фактах, — настаивала миссис Мортимер. — А факт тот, что другие хозяева этого не делают. И факт, что я получаю двойные цены. С этим-то вы спорить не можете.

Ей, видимо, не удалось переубедить Билла. Но и он затруднялся ей ответить.

— Все равно, — пробормотал он, медленно покачивая головой. — Я в этом смысла не вижу. Я хочу сказать: нам это не годится — моей жене и мне. Может быть, погодя я как-нибудь разберусь, где закавыка.

— А пока давайте пройдемся по моим — владениям, — предложила миссис Мортимер. — Я хочу, чтобы вы все видели, и я расскажу, как и что я делаю. Потом мы присядем, и вы узнаете, с чего я начинала. Видите ли, — она посмотрела на Саксон, — мне хочется хорошенько втолковать вам, что в сельском хозяйстве главное — как взяться за дело. Я ведь сперва ничего не понимала, и у меня не было такого славного, сильного муженька, как у вас. Я была совсем одна. Но это я вам расскажу потом.

За час, проведенный среди овощей, ягодных кустов и фруктовых деревьев, на Саксон обрушилось столько новых сведений, что она лишь старалась их запомнить, с тем чтобы разобраться после, на досуге. Билл тоже смотрел и слушал с интересом, но он предоставил Саксон беседовать с хозяйкой, а сам лишь изредка задавал вопросы. Во дворе, где все было так же чисто и благоустроенно, как перед домом, хозяйка показала им птичий двор. Здесь, в особых вольерах, разгуливало несколько сот мелких белоснежных курочек.

— Белые леггорны, — пояснила миссис Мортимер. — Вы не представляете, какой доход они мне дали в этом году. Я никогда не держу курицу после того, как она перестает нестись.

— То же самое говорил я тебе, Саксон, насчет лошадей, — прервал ее Билл.

— И только благодаря тому, что я вывожу цыплят в те сроки, какие мне нужны, — что у нас пока делают разве какие-нибудь единицы из десятков тысяч, — куры у меня несутся зимой, когда птица обычно перестает нестись и когда цена на яйца особенно высока. У меня свои постоянные покупатели. Они платят мне за дюжину на десять центов больше рыночной цены, потому что я поставляю только однодневные яйца.

Она мельком взглянула на Билла и увидела, что он все еще хмурится и занят своими мыслями.

— Ну как, не согласны? — спросила она.

Он помотал головой:

— Нет, не согласен. Если бы каждый хозяин продавал однодневные яйца, вам не удалось бы продавать ваши на десять центов дороже рыночной цены, и все опять осталось бы по-прежнему.

— Но тогда все яйца были бы однодневные, не забывайте этого! Все решительно, — настаивала миссис Мортимер.

— А нам с Саксон это ни к чему, — возразил он. — Вот в этом-то я все время и старался разобраться и, наконец, разобрался. Вы говорите о теории и о фактах. Десять центов выше рыночной цены — это для Саксон и для меня теория. А факт — что у нас нет ни яиц, ни кур, нет земли, на которой эти куры могли бы разгуливать, и места, где бы они могли нестись.

Хозяйка сочувственно кивнула головой.

— И еще что-то тут есть, с чем я не согласен. Я чувствую, но пока мне трудно сказать, что именно, — продолжал он. — Но есть, есть…

Они осмотрели коровник, свинарник и псарню. Все было невелико, но все приносило доход, уверяла миссис Мортимер и тут же подсчитывала свои барыши. У них дух захватывало от цен, которые она платила и получала за породистых персидских кошек, свиней, шотландских колли и джерсейских коров. И для молока джерсейских коров у нее был особый рынок сбыта, причем она получала за кварту на пять центов больше, чем стоило молоко коров лучших местных пород. Билл сразу отметил разницу между ее фруктовым садом и тем, который они осматривали накануне, а миссис Мортимер указала ему на ряд дополнительных преимуществ; многое из ее объяснений Билл так и не понял и вынужден был принять на веру.

Затем она познакомила их еще с одной отраслью своего хозяйства — изготовлением домашнего варенья и джемов, которые она поставляла заказчикам по совершенно несуразным ценам. Саксон и Билл сидели в удобных плетеных креслах на веранде и слушали рассказы миссис Мортимер о том, как она подняла цену на свои варенья и джемы, сбывая их только лучшему ресторану и самому аристократическому клубу в Сан-Хосе. Начиная это дело, она отправилась с образцами к владельцу ресторана и буфетчику клуба и после долгих споров убедила их создать себе из ее товаров «специальность», всячески рекламируя их посетителям, а главное

— резко повысив цену на все блюда, в состав которых они входят.

Пока она говорила, глаза Билла снова затуманились. Миссис Мортимер увидела это, смолкла и стала ждать, что последует.

— А теперь начните сначала, — попросила Саксон.

Миссис Мортимер согласилась только при условии, если они останутся на ужин. Несмотря на явную неохоту Билла, Саксон приняла приглашение.

— Итак, — продолжала свой рассказ миссис Мортимер, — вначале я ничего не понимала в сельском хозяйстве, ведь я родилась и выросла в городе. О деревне я знала лишь, что туда ездят отдыхать, но я всегда предпочитала курорты, горы или море. Я много лет была старшим библиотекарем донкастерской библиотеки и почти всю свою жизнь провела среди книг; потом вышла замуж за мистера Мортимера. Он тоже имел дело только с книгами, — мой муж был профессором Санмигельского университета. Он долго болел, а когда умер, я осталась без всяких средств. Даже его страховка была истрачена до того, как я могла развязаться с

кредиторами. Что касается меня, то я была совершенно измучена, нервы сдали окончательно, я ни на что больше не годилась. Но у меня еще оставалось пять тысяч долларов, и я, недолго думая, решила заняться сельским хозяйством. Климат здесь превосходный, участок этот недалеко от Сан-Хосе — конечная остановка трамвая всего в четверти мили отсюда, — и я купила его. Две тысячи заплатила наличными, а на остальные две дала закладную. Таким образом, земля обошлась мне по двести долларов за акр.

— Двадцать акров! — воскликнула Саксон.

— Это ведь ужасно мало, — заметил Билл.

— Много, даже слишком много! Прежде всего я сдала десять акров в аренду, и до сих пор сдаю их. Даже с теми десятью акрами, которые я себе оставила, я долго не знала, что делать. И только сейчас я чувствую, что мне стало тесновато.

— И эти десять акров кормят вас и двух работников? — удивился Билл.

Миссис Мортимер всплеснула руками и засмеялась.

— А вы слушайте! Я же много лет была библиотекарем и умею разбираться в книгах. И вот я прежде всего перечитала почти все, что написано по этому вопросу, и подписалась на лучшие сельскохозяйственные журналы и газеты, И вы еще спрашиваете, как это десять акров могут прокормить меня и моих двух работников! Я вам расскажу. У меня работают не два, а четыре человека. Десять акров должны прокормить и кормят не только их, а еще и Анну, — это шведка, вдова, она ведет у меня домашнее хозяйство и положительно незаменима в сезон варений и джемов, — да еще ее дочку, которая ходит в школу и помогает ей, да моего племянника, взятого мною на воспитание. Таким образом, десять вполне заменяют мне все двадцать и дают возможность содержать и дом, и службы, и весь мой племенной скот.

Саксон вспомнила, что монтер говорил о португальцах.

— Десять акров здесь ни при чем! — воскликнула она. — Все это вы сделали благодаря вашим знаниям, и вы это прекрасно понимаете.

— В том-то и дело, милочка. Это доказывает, что человек с головой может преуспеть в сельском хозяйстве. Помните всегда, что земля щедра. Но и она требует щедрости, а старозаветному американскому фермеру это невдомек. Соображать надо, вот в чем суть. Когда такой допотопный хозяин и догадывается, что его истощенная земля нуждается в удобрении, он не желает видеть разницу между дешевыми — плохими, и хорошими — дорогими удобрениями.

— Как бы мне хотелось все это узнать! — воскликнула Саксон.

— Я поделюсь с вами всем, что знаю сама. Но вы, наверно, очень устали; по-моему, вы даже прихрамываете. Войдемте в дом. А о вещах не беспокойтесь — я пошлю за ними Чанга.

Для Саксон, при ее врожденной любви к красоте и изяществу, внутреннее убранство домика оказалось своего рода откровением. Ей еще не приходилось бывать у людей среднего достатка, и то, что она увидела, не только превзошло все, что она могла себе представить, но и сильно отличалось от тех картин, какие она себе рисовала. Подметив, как заблестели глаза молодой женщины, как она внимательно разглядывает все вокруг, миссис Мортимер с величайшей готовностью стала показывать ей дом. Будто бы для того, чтобы похвастать перед гостями, она рассказала, как все сделала своими руками, не забывая упомянуть, что сама красила полы,

сколачивала книжные полки и собирала присланное ей антикваром старинное кресло. Билл, осторожно ступая, следовал за женщинами. Хотя он держался свободно и независимо, ему удалось избежать слишком явных промахов даже за столом, а ведь им с Саксон впервые пришлось обедать в частном доме, где во время еды прислуживают.

— Если бы вы пожаловали ко мне в будущем году, — с сожалением сказала миссис Мортимер, — я бы поместила вас в комнате для гостей, которая у меня к тому времени будет готова.

— Ничего, не беда, — отозвался Билл, — и так большое вам спасибо. Мы доедем до Сан-Хосе, а там переночуем в гостинице.

Видя, что миссис Мортимер все еще очень огорчена тем, что ей негде уложить их, Саксон перевела разговор на другое и попросила рассказать еще о себе и своем хозяйстве.

— Помните, я говорила вам, что земля обошлась мне всего две тысячи наличными, — продолжала миссис Мортимер. — У меня оставалось три тысячи на все мои начинания. Конечно, друзья и родственники предсказывали мне полную неудачу. И, конечно, я натворила кучу ошибок. Но их было бы еще больше, если бы я не продолжала расширять свои познания по сельскому хозяйству. Я делаю это и до сих пор. — Она указала на тянувшиеся вдоль стен полки с книгами и журналами. — Я все время не переставала учиться. Я твердо решила быть в курсе всего нового и выписала себе отчеты опытных станций. Скоро я пришла к выводу, что наши фермеры, которые хозяйничают по старинке, делают все шиворот-навыворот, — и, знаете ли, была недалека от истины. Вы не можете себе представить, до чего доходит их тупость. Я и советовалась с ними, и обсуждала разные новшества, и критиковала их устаревшие методы, и требовала, чтобы они хоть как-то обосновали свою нетерпимость, свои предвзятые мнения. Но результат был всегда один: они говорили, что я сумасшедшая и сама себе яму рою.

— Но ведь вы победили! Вы победили! Миссис Мортимер благодарно улыбнулась Саксон.

— Иногда мне и самой удивительно, как я не провалилась. Но мои предки были люди упорные, и мы так долго были оторваны от земли, что сумели увидеть вещи по-новому. Если мне что-нибудь представлялось правильным, я тут же применяла это на практике, каким бы нелепым оно ни казалось. Возьмем хотя бы прежний фруктовый сад. Он никуда не годился. Ну никуда! Старик Кэлкинс чуть не умер от разрыва сердца, когда увидел, что я с ним сделала. А поглядите на этот сад сейчас! Вместо дома стояла какая-то старая развалина. На время я поселилась в нем, но сразу же снесла коровник, свиной хлев, курятник, все подчистую. Соседи только головой покачивали да вздыхали, глядя, как безрассудно хозяйничает бедная вдова, которой в пору только прокормиться. Но худшее было впереди. Они просто остолбенели, узнав, сколько я заплатила за трех прекрасных свиней улучшенной честерской породы, — шестьдесят долларов за трех маленьких, только что отнятых от матки поросят. Затем я отправила всех непородных кур на рынок и заменила их белыми леггорнами. Обе старые коровы, которые перешли ко мне вместе с усадьбой, были проданы мяснику по тридцать долларов каждая, а за двести пятьдесят я купила двух чистокровных джерсейских телок — и получила на этом прибыль, между тем как тот же Кэлкинс и остальные фермеры продолжали возиться с лядащими коровенками, дававшими так мало молока, что оно не окупало даже кормов.

Билл одобрительно кивнул.

— Помнишь, что я тебе говорил о лошадях, — опять обратился он к Саксон; и, поощренный вниманием хозяйки, очень толково рассказал о лошадях — с деловой точки зрения.

Когда он после ужина вышел покурить, миссис Мортимер вызвала Саксон на разговор о ней самой и Билле и не обнаружила ни малейшего смущения, узнав о его склонности к боксу и к избиению штрейкбрехеров.

— Красивый молодой человек, и очень порядочный, — сказала она Саксон. — Это видно по его лицу. А уж как любит вас и гордится вами! Я прямо сказать не могу, до чего мне понравилось, как он смотрит на вас, особенно когда вы говорите. Он очень считается с вашим мнением, иначе он бы не отправился с вами в это странствие, — ведь это же ваша затея.

— Миссис Мортимер вздохнула. — Вы счастливица, дорогое дитя, действительно счастливица. И вы еще не знаете, что такое мужской ум. Посмотрите, что будет, когда он проникнется вашими планами. Вы будете поражены, как он примется за дело. Тогда уж вы за ним не угонитесь. Но пока — ваше дело руководить им. Не забудьте, что он дитя города. Нелегко будет отучить его от привычного образа жизни.

— О… ему город тоже опротивел… — начала Саксон.

— Не так, как вам. Любовь не заполняет целиком существования мужчины. Город причинил вам больше зла, чем ему. Ребеночка ведь вы потеряли. А его интерес к ребенку и чувство к нему были довольно мимолетны, и их нельзя сравнить с глубиной и живостью ваших чувств!

Миссис Мортимер повернулась к входившему в комнату Биллу.

— Ну что, поняли, наконец, чем вам не нравится моя система?

— Кажется, понял, — ответил он, усаживаясь в указанное ему миссис Мортимер большое кресло, — Дело в том…

— Минуточку, — прервала она его, — это отличное, большое и крепкое кресло, и вы тоже большой и сильный, а ваша женушка очень устала… Нет, нет, сидите, — ей нужна ваша сила. Да, да, прошу вас, дайте и ей местечко.

Она подвела Саксон к мужу и посадила к нему на колени.

— Вот так, сэр! Вместе вы прямо картинка. А теперь выкладывайте ваши возражения против моего способа пробивать себе дорогу в жизни.

— Дело не в вашем способе, — быстро возразил Билл. — Он совершенно правильный. Он замечательный. Я только хочу сказать, что для нас-то он не годится. У нас ничего бы не вышло. У вас было много преимуществ — богатые знакомые, люди, знавшие, что вы были библиотекарем, а ваш муж

— профессором. У вас… — Тут он запнулся, не находя слов, которые могли бы выразить мысли, еще неясные ему самому. — У вас были возможности, каких у нас нет. Вы образованная, и… как бы это сказать… умеете держаться и знаете, как надо вести дела. Все это не для нашего брата.

— Но, голубчик, и вы можете этому научиться, — убежденно заявила она.

Билл покачал головой.

— Нет. Вы меня не поняли. Ну вот, представьте себе, что я, к примеру, являюсь со своим вареньем и джемом в этот шикарный ресторан,

— как явились вы, — и хочу поговорить с главным метрдотелем. Так вот, я с первой минуты оказался бы не к месту в его конторе. Да я и сам чувствовал бы себя не на месте и от этого обиделся бы и тут же полез бы на стену, а так дела не делаются. А потом я бы вообразил, будто он считает меня неотесанным дикарем, — где уме мне вареньем торговать! А дальше? Меня взорвало бы от любого пустяка: «Пусть не думает, что я задаюсь, это он задается», и так далее. Понимаете? Уж я так воспитан. Либо принимайте, какой я есть, либо ничего не надо, а варенье я так бы и не продал.

— Все, что вы сказали, — правда, — весело подхватила миссис Мортимер. — Но у вас есть жена. Поглядите на нее. Она произведет самое выгодное впечатление на любого дельца. Каждый из них с удовольствием выслушает ее.

Билл выпрямился, в его глазах вспыхнул опасный огонек.

— В чем я еще провинилась? — смеясь, спросила хозяйка.

— Я пока еще не собираюсь пользоваться для таких дел красотой моей жены, — сердито пробурчал он.

— И вы совершенно правы. Вся беда в том, что вы оба отстали лет на пятьдесят от современности. Вы — американцы старого покроя. И то, что вы очутились в самой гуще современной жизни, просто чудо. Вы — Рип Ван Вникли[6]. Где это видано в наш век упадка, чтобы молодая пара из большого города, взвалив на плечи тюки с одеялами, пешком отправилась искать себе землю? В вас живет все тот же дух наших аргонавтов! Вы принадлежите к той же породе людей, которые некогда запрягали своих волов и держали путь на Запад, к странам, лежащим по ту сторону заходящего солнца. Держу пари, что это были ваши отцы и матери, деды и бабушки!

Глаза Саксон засияли, а глаза Билла снова стали приветливыми.

— Я сама принадлежу к этой старой породе, — горделиво продолжала миссис Мортимер. — Моя бабушка была одной из немногих уцелевших участниц партии Доннера. Мой дед, Язон Уитни, обогнул мыс Горн и участвовал в восстании на Сономе. Он находился в Монтери, когда Джон Маршалл нашел золото в Сэттери. Одна из улиц в Сан-Франциско названа его именем.

— Я знаю эту улицу, — вставил Билл. — Это Уитни-стрит. Она вблизи Рашин-Хилл. Мать Саксон тоже прошла через прерии.

— А дедушку и бабушку Билла убили индейцы, — добавила Саксон. — Его отец был совсем малышом и жил у индейцев, пока белые его не освободили. Он даже не знал своего имени и был усыновлен неким мистером Робертсом.

— Да что вы говорите! Значит, мы с вами, дорогие дети, почти что родственники, — радостно воскликнула миссис Мортимер. — На меня так и повеяло былыми временами! Теперь они, в наше столь быстротечное время, увы, забыты. Я особенно интересовалась нашим прошлым, потому что составляла каталог для библиотеки, и прочла все, что касается тех лет.

— Вы, — указала она на Билла, — вошли в историю, или, вернее, ваш отец. Я теперь вспоминаю. Все это описано в «Истории» Бенкрофта. На партию пионеров, в которой находился ваш отец, напало племя модоков. В обозе было восемнадцать повозок. В живых остался только ваш отец; он был еще совсем крошкой и не понимал, что произошло. Его потом усыновил начальник отряда белых.

— Совершенно верно, — отозвался Билл. — Это были модоки. Партия белых, вероятно, направлялась в Орегон. Все они были перебиты. Интересно, не знаете ли вы чего-нибудь о матери Саксон? Она в те времена писала стихи.

— Они где-нибудь печатались?

— Да, — отвечала Саксон, — в старых газетах Сан-Хосе.

— А вы помните наизусть какое-нибудь стихотворение?

— Помню. Одно из них начиналось так:

Словно неясная арфа Эола,

Муза поет все нежней…

Калифорнийские долы

Эхом откликнулись ей.

— Мне почему-то знакомы эти строки, — задумчиво сказала миссис Мортимер.

— Там было еще другое. Оно начиналось так:

От толпы убежала туда, где лучом

Озарен изваянии торжественный ряд;

Вакх, увенчанный свежим зеленым плющом,

И Психея с Пандорой недвижно стоят… И дальше в том же роде. Я не все понимаю в этих стихах. Они были посвящены моему отцу…

— Это любовное стихотворение, — прервала ее миссис Мортимер. — Я помню его. Подождите минуточку… та-та-та, та-та-та, та-та-та, та-та!..

Осыпали брызги ей руки и стан,

Блеснув на груди аметистом, они

Дождем осыпаются в светлый фонтан.

— У меня так и остались в памяти эти «брызги аметистов», хотя имени вашей матушки я не припомню.

— Ее звали Дэзи, — начала Саксон.

— Нет, Дэйелл, — внезапно вспомнив, поправила ее миссис Мортимер.

— Ее так никто не называл!

— Но она подписывалась этим именем. А как дальше?

— Дэзи Уилей Браун.

Миссис Мортимер подошла к книжным полкам и скоро вернулась с большой книгой в простом холщовом переплете.

— Это сборник «Из архивов прошлого», — пояснила она. — Между прочим, здесь собраны и все лучшие стихи, печатавшиеся в газетах того времени. — Она быстро пробежала глазами оглавление; вдруг ее взгляд на чем-то остановился. — Я была права: Дэйелл Уилей Браун. Вот она. Десять стихотворений: «Поход викинга», «За золотом», «Верность», «Кабальеро», «Могилы Литтл Мэдоу»...

— Мы отбивались там от индейцев, — взволнованно перебила ее Саксон. — И моя мать, она была тогда еще совсем девочкой, вышла из лагеря и принесла воды для раненых. И индейцы не стали стрелять в нее. Все говорили, что это было настоящее чудо. — Она вскочила с колен Билла и, протянув руки к книге, воскликнула: — Дайте мне взглянуть на эти стихотворения! Дайте взглянуть! Это для меня новые стихи. Я их не знаю. Можно мне переписать их? Я выучу их наизусть. Подумать только — стихи моей матери!

Миссис Мортимер стала усиленно протирать очки; и в течение целого получаса, пока Саксон жадно читала дорогие строки, написанные ее матерью, миссис Мортимер и Билл сидели молча. Кончив, Саксон заложила пальцем знаменательные страницы; не сводя глаз с книги, она несколько раз благоговейно повторила:

— И я не знала, ничего не знала! За последние полчаса миссис Мортимер, видимо, что-то усиленно обдумывала. Потом она изложила свой план. Она уже на опыте убедилась в преимуществе интенсивного метода как в земледелии, так и в молочном хозяйстве и поэтому намерена по истечении срока аренды устроить на остальных десяти акрах молочную ферму. Ферма, как и все ее начинания, должна стать образцовой, что потребует дополнительных рабочих рук. Билл и Саксон именно те люди, какие ей подойдут. Будущим летом она сможет поселить их в домике, который собирается выстроить. А пока что она так или иначе достанет Биллу работу на зиму, она гарантирует ему работу, а у конечной остановки трамвая есть маленький домик, который сдается внаем. Под ее наблюдением Билл мог бы сразу же взять на себя руководство постройкой. Таким образом, они будут кое-что зарабатывать, готовясь самостоятельно вести хозяйство, и у них будет время хорошенько осмотреться.

Но напрасно она их уговаривала. В конце концов Сак сон высказала за себя и Билла их общую точку зрения:

— Мы не можем остановиться на первом же месте, хотя бы даже таком красивом и приветливом, как ваша долина. Мы даже еще не уяснили себе, чего мы хотим. Мы должны идти дальше, посмотреть всякие места и всякие способы вести хозяйство — и тогда уже решить, что нам нужно. И нельзя спешить с таким решением. Все это надо делать основательно. А кроме того... — она заколебалась, — кроме того, нам не нравится плоская равнина. Биллу хочется, чтобы на нашем участке были холмы. И мне тоже.

Когда они собрались уходить, миссис Мортимер решила подарить Саксон сборник «Из архивов прошлого», но молодая женщина покачала головой и взяла у Билла деньги.

— Там указано, что сборник стоит два доллара, — сказала она. — Не можете ли вы купить мне такую книгу и оставить ее у себя? Когда мы устроимся, я напишу вам, и вы мне перешлете.

— Ох уж эти американцы! — пожурила ее миссис Мортимер, принимая деньги. — Но обещайте мне писать время от времени, как у вас идут дела.

Она проводила их до большой дороги.

— Вы молодчины, — сказала она, прощаясь. — Как бы и мне хотелось пойти вместе с вами, — вот так, с мешком за спиной. Вы оба чудесные ребята. Если я смогу чем-нибудь вам помочь — дайте мне знать. Я уверена, что вас ждет удача, и мне хотелось бы приложить к этому руку. Напишите, если у вас выйдет с казенной землей, хотя, предупреждаю, я не очень-то в это верю. Как бы она не оказалась слишком далеко от рынков сбыта.

Миссис Мортимер пожала руку Биллу, крепко обняла и поцеловала Саксон.

— Ничего не бойтесь, — серьезно сказала она на ухо Саксон. — Вы победите. Вы стоите на верном пути, и вы были совершенно правы, отказавшись от моего предложения. Но помните, что это предложение, а может быть, и более заманчивое, никуда от вас не уйдет. Вы оба еще очень молоды. Не спешите. Где бы вы ни остановились, хотя на время, давайте мне знать, и я вам пришлю всякие сельскохозяйственные отчеты и материалы. До свидания. Желаю вам больших, больших, больших успехов!

Глава четвертая

В этот вечер Билл неподвижно сидел на краю кровати в маленьком номере гостиницы; он глубоко задумался.

— Что ж, — заметил он, наконец, с протяжным вздохом. — Можно сказать одно: на свете еще есть хорошие люди. Возьмем миссис Мортимер. Чудесный человек, настоящая американка старого закала.

— Умная, образованная женщина, — согласилась Саксон, — и ничуть не стыдится такой работы. Все наладила сама, своими силами.

— На двадцати акрах — нет, на десяти! И заплатила за них, и ввела всякие усовершенствования, и себя кормит, и четырех работников, кухарку-шведку с дочерью, своего племянника! Просто не верится. Десять акров! Мой отец не признавал участка меньше ста шестидесяти акров. Даже твой братец Том и тот все на мили мерит... А ведь она женщина, и притом совершенно одинокая! Нам повезло, что мы с ней встретились.

— Чем не приключение! — воскликнула Саксон. — В пути именно так и бывает. Никогда не знаешь, что тебя ждет завтра. Мы встретились с ней как раз в то время, когда ужасно устали, и все спрашивали себя, скоро ли будет этот Сан-Хосе. Мы и не мечтали с такой встрече. И обошлась она с нами вовсе не как с бродягами. А какой дом у нее — чистый, красивый. На полу ни пылинки. Я и не думала, что комнаты могут быть обставлены так уютно и изящно.

— И пахнет в них так хорошо, — добавил Билл.

— Да-да! В журнале для женщин это называется «создать атмосферу». Я раньше не понимала, что это значит. А про дом миссис Мортимер действительно скажешь, что в нем царит атмосфера красоты и уюта.

— Это вроде твоих вышитых вещиц, — сказал Билл.

— И это следующий шаг после того, как человек научился держать свое тело чистым, свежим и красивым; нужно, чтобы и его дом был свежим, чистым и красивым.

— Но так не может быть в помещении, которое сдается жильцам, а только в собственном доме, Саксон. Для сдачи внаем таких домов не строят. Одно мне ясно: дом миссис Мортимер в конце концов стоил недорого. Дело не в цене, — дело в том, как он построен. Лес-то самый

обыкновенный, его можно купить на любом лесном складе. И наш домик на Пайн-стрит из такого же точно леса, но построен он совсем по-другому. Я не умею объяснить, но ты сама понимаешь, что я хочу сказать.

Саксон, занятая воспоминаниями о только что оставленных уютных комнатах, рассеянно повторила:

— Да, все дело в том — как…

На следующее утро они рано двинулись в путь и принялись отыскивать в предместье Сан-Хосе дорогу на Сан-Хуан и Монтери. Саксон хромала все сильнее. Началось с водяной мозоли на пятке, затем волдырь лопнул, и теперь башмак мучительно натирал ногу. Билл вспомнил советы отца относительно ухода за ногами и зашел в мясную лавку, чтобы купить на пять центов бараньего сала.

— Вот что тебе нужно, — сказал он Саксон: — иметь удобную обувь и хорошенько смазывать ноги салом. Как только мы выберемся из города, мы все это наладим. Хорошо бы прервать наше путешествие. Хорошо бы мне раздобыть работу и дать тебе несколько дней передохнуть. Уж я постараюсь.

Когда они достигли городской окраины, он оставил Саксон на шоссе и, свернув в длинную подъездную аллею, направился к видневшейся вдали большой ферме. Он возвратился сияющий.

— Все в порядке! — воскликнул он, подходя ближе. — Дойдем вон до тех деревьев — там есть ручеек, и мы раскинем лагерь. Я начну работать завтра с утра. Два доллара в день на моих харчах. А если на его харчах, так полтора. Я ему сказал, что предпочитаю первое и что все мое хозяйство при мне. Погода прекрасная, и мы тут отлично перебудем несколько дней, пока твоя нога не заживет. Идем. Устроим настоящий, заправский лагерь.

— Как ты достал работу? — спросила Саксон, когда они бродили по берегу ручья, выбирая место для лагеря.

— Подожди, устроимся, тогда и расскажу. Все это было прямо как сон.

Только когда были сделаны постели, разведен костер и в котелке закипели бобы, Билл, бросив у костра последнюю охапку хвороста, начал:

— Во-первых, Бенсон — отнюдь не старозаветный старикашка. По виду и не скажешь, что фермер. Современный тип, крепкой хватки, говорит и действует как настоящий делец. Я понял это сразу, когда попал на ферму, хотя еще не видел его самого. А он меня в пятнадцать секунд раскусил.

— Пахать умеете? — спрашивает.

— Конечно, — отвечаю.

— А насчет лошадей как?

— Я вырос в конюшне, говорю. И тогда — помнишь, за мной ехала фура с машинами, запряженная четверкой? Только я это сказал, она как раз во двор и въехала.

— И с четверкой справитесь? — роняет будто так, мимоходом.

— Еще бы! Можете их запрячь хоть в плуг, хоть в швейную машину, хоть в карусель.

— Ну-ка, садитесь на козлы, берите вожжи, — говорит он тут же, не теряя ни секунды. — Видите сарай! Объезжайте-ка его справа и станьте задом для разгрузки. А надо тебе сказать, что не так просто объехать этот сарай. Я сразу по следам колес заметил, что все объезжают его слева. Ну, а мне предстояло сделать двойной поворот, вроде восьмерки — с одной стороны угол загона, с другой — угол сарая. Вот тут и обогни! Да еще кучи навоза набросаны на самой дороге, их не успели убрать. Но я стою себе как ни в чем не бывало. Возчик передал мне вожжи, и я вижу, что он про себя ухмыляется: думает, где уж ему! Пари держу, что сам он бы с этим не справился! Я и виду не подал, когда поехали, а ведь я и лошадей-то хорошенько не разглядел. Ты бы посмотрела, как я погнал их прямехонько на кучу навоза: левая чуть не задела стенку сарая, а ступица правого колеса прошла дюймов на шесть от углового столба загона! Иначе никак не получалось. А лошади у него — красота! Передние чуть наземь не сели, когда я их осадил, дал тормоз и остановился как раз там, где было велено.

— Ладно, я вас беру, — говорит Бенсон. — Вы мастер.

— Ерунда, — говорю с этаким ледяным равнодушием. — Вы мне по-настоящему трудную работу дайте. — Он улыбнулся, — должно быть, понял.

— Вы здорово знаете свое дело, — говорит. — Я не всякому лошадей доверю. Большая дорога не место для вас. Вы хороший работник, да, верно, с пути сбились. Ладно, будете пахать на моих лошадях, начнете завтра с утра. — Вот и видно, что умен парень, да не совсем. Он ведь не узнал, умею я пахать или нет.

Когда Саксон подала бобы, а Билл — кофе, она задержалась, осматривая все, что стояло на разостланном одеяле — сахар в жестянке, сгущенное молоко, нарезанную солонину, салат-латук, помидоры, ломти свежего хлеба, тарелки с бобами, от которых шел пар, и кружки с кофе.

— Совсем не то, что вчерашний ужин! — воскликнула она, всплеснув руками. — Вчера у нас было настоящее приключение, прямо из книжки. Прав был тот мальчуган, с которым мы ловили рыбу. Помнишь, как красиво был вчера сервирован стол и как красив был дом, а теперь погляди на это. Мы с тобой могли бы тысячу лет прожить в Окленде и никогда не встретить такую женщину, как миссис Мортимер, и мы не подозревали бы даже, что бывают на свете такие дома. Подумай, Билли, а мы ведь только начали наше путешествие.

Билл проработал в поле три дня. Он уверял, что отлично справляется с плугом и что пахать, пожалуй, гораздо интереснее, чем он предполагал. Узнав, что ему это дело нравится, Саксон потихоньку радовалась.

— Вот уж не думал, что это мне доставит удовольствие, — заметил он. — Пахать — замечательное занятие. И здорово укрепляет мышцы ног; возчику этого особенно недостает. Если бы мне когда-нибудь опять пришлось тренироваться для бокса, я бы непременно занялся вспашкой. И знаешь, как хорошо пахнет земля, когда ее переворачиваешь! Страшно вкусный запах! Идешь себе весь день, поднимаешь толстые пласты земли, свежей, жирной! А лошади — умницы! Знают свое дело не хуже людей. Да, уж у Бенсона во всей усадьбе не найдешь плохой лошади.

В последний день небо покрылось тучами, воздух стал влажным, с юго-востока подул сильный ветер — словом, появились все признаки того, что надвигаются зимние дожди. Когда Билл пришел вечером с работы, он принес небольшой сверток старого брезента и натянул его на

раму, чтобы защитить их постель от дождя. Несколько раз он жаловался на боль в мизинце левой руки. Этот палец мучил его весь день, признался он Саксон; по правде сказать, уже несколько дней: боль как при нарыве, — по всей вероятности, заноза; но где она сидит, он никак не найдет.

Билл продолжал готовиться к непогоде. Он подложил под одеяло несколько старых досок, которые выломал из стен заброшенного, развалившегося сарая на другом берегу ручья; вместо матраца навалил на доски кучу сухих листьев; брезент укрепил при помощи обрывков веревок и проволоки.

Когда брызнули первые капли дождя, Саксон пришла в восторг. Билл остался равнодушен. «Слишком болит палец», — заявил он. Однако ни он, ни Саксон не могли ничем помочь этой беде и все острили, а вдруг будет нарыв.

— А может, ногтееда? — сказала Саксон.

— Это что за штука?

— Право, не знаю. Помню, то же самое случилось с миссис Кэди, — но я была тогда еще слишком мала, — и тоже на мизинце. Кажется, она прикладывала вытяжной пластырь и потом мазала какой-то мазью. Нарывало все сильнее, и под конец сошел ноготь. А после этого палец очень скоро зажил, и вырос новый ноготь. Давай я тебе сделаю пластырь из горячего хлеба.

Но от пластыря Билл отказался, — он уверял, что к утру боль затихнет. Саксон очень встревожилась. Невольно поддаваясь дремоте, она чувствовала, что Билл не спит. Через несколько минут ее разбудил бурный порыв ветра и потоки дождя, хлеставшие по брезенту, и она услышала, что Билл тихонько стонет. Она приподнялась на локте и свободной рукой стала растирать ему лоб и виски, как делала не раз, когда он не мог заснуть.

Потом она опять задремала, и опять ее разбудили, — но на этот раз не буря. Было совершенно темно, однако она сразу почувствовала, что Билла нет рядом. Оказалось, что он стоит на коленях, упершись лбом в доски, и плечи у него сводит от нестерпимой боли, хотя он и силится ее подавить.

— Всю руку дергает, черт этакий! — сказал он, услышав ее голос. — Во сто раз худее всякой зубной боли. Но это все пустяки. Только бы брезент не сорвало. Подумай, каково было нашим отцам! — говорил он, пересиливая боль. — Отцу как-то пришлось быть в горах с одним товарищем, и тому медведь ногу ободрал почитай что до самой кости. Жратва у них вся вышла, и надо было двигаться дальше. Отец сажает его на лошадь, а с тем — обморок, и так два-три раза. Пришлось его к лошади привязать. Они ехали пять недель… И отец все это вынес. А Джек Кингли? У него ружье разорвалось, и всю правую руку отхватило к черту, а охотничий щенок возьми да и сожри на его глазах три пальца! Джек был один-одинешенек на болоте, и…

Саксон не пришлось услышать продолжение рассказа о Джеке Кингли: внезапно налетел ветер, сорвал веревки, сломал деревянную раму и на одно мгновенье прикрыл их обоих брезентом. В следующий миг брезент, раму и веревку унесло в темноту, и Саксон с Биллом залило дождем.

— Делать нечего, — крикнул он ей в ухо, — бери вещи и пошли в тот сарай.

Они перебрались в сарай под проливным дождем и в полной темноте, два раза им пришлось переходить по камням через ручей по колено в воде. Старый сарай протекал, как решето, но в конце концов им удалось найти сухое местечко и расстелить там мокрые насквозь одеяла.

Страдания Билла терзали Саксон. Ей понадобился целый час, чтобы заставить его уснуть, — но едва она переставала поглаживать ему лоб, как он просыпался. Хотя и ее пробирали холод и сырость, она охотно примирилась бы с бессонной ночью, лишь бы он забылся и не страдал.

Когда, по ее расчетам, было уже за полночь, кто-то вдруг вошел в сарай. В открытую дверь блеснул свет электрического фонаря, точно луч миниатюрного прожектора обежал все помещение и остановился на ней и Билле.

Послышался грубый голос:

— Ага, попались! Ну-ка, вылезайте! Билл сел, ослепленный светом. Человек с фонарем приближался, повторяя свое требование.

— Кто здесь? — раздался голос Билла.

— Это я, — последовал ответ, — и я вам покажу, как тут валяться!

Голос звучал совсем рядом, на расстоянии ярда, не больше, но они ничего не могли разглядеть из-за света, который то вспыхивал, то гас, когда владелец фонаря уставал нажимать на кнопку.

— Ну, пошевеливайтесь! Выходите! — продолжал голос. — Свертывайте-ка ваше барахло и топайте за мной. Некогда мне с вами канителиться.

— Да кто вы такой, черт вас возьми! — раздраженно прервал его Билл.

— Я здешний констебль. Пошли!

— Что же вам от нас нужно?

— Вы мне нужны. Вы оба.

— По какому случаю?

— Бродяжничество! А теперь — живо! Не торчать же мне тут всю ночь из-за вас!

— Ах, проваливай откуда пришел! — огрызнулся Билл, — Я не бродяга. Я рабочий.

— Может, да, а может, и нет, — заявил констебль. — Это ты уж сам расскажешь утром судье Ньюсбаумеру.

— И ты, грязная скотина, воображаешь, что я пойду с тобой? — начал Билл. — Поверни-ка свет на себя, я хочу взглянуть на твою рожу. Забрать меня? Меня? Да я из тебя котлету сделаю…

— Успокойся, Билл, — умоляла его Саксон. — Не поднимай истории. Так и в тюрьму угодишь.

— Правильно, — одобрил ее констебль. — Слушайся своей барышни.

— Это моя жена, и потрудись обращаться с ней повежливее, — с угрозой сказал Билл. — А теперь катись отсюда, если хочешь остаться цел.

— Видал я таких молодцов! — отозвался констебль. — У меня найдется чем тебя убедить. Видал?

Луч света скользнул в сторону, и из темноты выступила зловеще освещенная рука, державшая

револьвер. Эта рука казалась самостоятельным существом, не имеющим никакой телесной опоры. Она исчезала, точно рука привидения, и снова появлялась, когда палец нажимал кнопку фонаря. То они на миг видели перед собой руку с револьвером, то все окутывалось непроницаемой темнотой, а затем из нее опять выступала рука с револьвером.

— Полагаю, что теперь вы со мной пойдете? — издевался констебль.

— Как бы тебе не пришлось пойти в другое место… — начал Билл.

Но тут свет опять погас. Они услышали, как полицейский сделал какое-то движение, и фонарь упал наземь. И Билл и констебль стали торопливо шарить по полу, но Билл первый нашел фонарь и в свою очередь направил свет на констебля. Они увидели седобородого старика в клеенчатом плаще, с которого ручьями стекала вода. Саксон не раз видела таких стариков ветеранов среди участников процессий в День возложения венков[7].

— Отдай фонарь! — рявкнул констебль.

Билл только усмехнулся в ответ.

— Тогда я продырявлю твою шкуру насквозь! Он направил револьвер прямо на Билла, который не спускал пальца с кнопки фонарика; блеснули кончики пуль в барабане.

— Эй ты, старая бородатая вонючка, да у тебя духу не хватит выстрелить в кислое яблоко! — воскликнул Билл. — Знаем мы вашего брата! Когда надо забрать какого-нибудь несчастного, забитого бедняка, так вы храбры, как львы, а когда перед вами настоящий мужчина, вы чуть что — ив кусты, как последние трусы! Ну, чего же ты не стреляешь, мразь ты этакая? Ведь поджав хвост побежишь, если на тебя хорошенько цыкнуть!

И, переходя от слов к делу, Билл заорал:

— Вон отсюда!..

Саксон невольно рассмеялась испугу констебля.

— В последний раз говорю тебе, — процедил он сквозь зубы, — отдай фонарь и ступай со мной, не то я уложу тебя на месте.

Саксон испугалась за Билла, но не очень: она была уверена, что констебль не посмеет выстрелить, — и, как в былое время, почувствовала трепет восхищения перед мужеством Билла — Лица его она не могла видеть, но была уверена, что оно такое же леденяще-бесстрастное, как и в тот день, когда он дрался с тремя ирландцами.

— Мне не впервой убивать людей, — угрожающе продолжал констебль. — Я старый солдат и не боюсь крови.

— Постыдились бы, — перебила его Саксон, — срамить да поносить мирных людей, которые не сделали ничего дурного!

— Вы не имеете права ночевать здесь, — заявил он, наконец, — этот сарай не ваш, вы нарушаете закон. А те, кто нарушает закон, должны сидеть в тюрьме. Я уже немало бродяг засадил на месяц за ночевку в этом сарае. Это прямо ловушка для них. Я хорошо разглядел вас, и вижу, что вы люди опасные. — Он повернулся к Биллу. — Ну, довольно я тут с вами прохлаждался. Вы когда-нибудь подчинитесь и пойдете со мной по доброй воле?!

— Я тебе, старая кляча, вот что скажу, — ответил Билл. — Забрать тебе нас не удастся — это раз. А два — эту ночь мы доспим здесь.

— Отдай фонарь! — решительно потребовал констебль.

— Брось, борода! Ты мне надоел! Проваливай! А что касается твоей коптилки, то ты найдешь ее вон там, в грязи.

Билл направил луч света на дверь, потом зашвырнул фонарь, как мяч. Теперь их окружал полный мрак, и было слышно, как констебль в бешенстве заскрежетал зубами.

— Ну-ка, выстрели — посмотришь, что с тобой будет! — прорычал Билл.

Саксон нашла его руку и с гордостью пожала ее. Констебль буркнул какую-то угрозу.

— Это что? — строго прикрикнул на него Билл. — Ты еще тут? Послушай-ка, борода! Надоела мне твоя болтовня. Убирайся, не то я тебя отсюда выброшу. А если ты опять явишься, я тебе покажу! Вон!

За ревом бури они ничего не слышали. Билл свернул себе папиросу. Когда он стал закуривать, они увидели, что в сарае пусто. Билл засмеялся:

— Знаешь, я так взбесился, что даже забыл про палец.

Он только теперь опять заныл.

Саксон уложила его и снова принялась поглаживать ему лоб.

— До утра нам двигаться не стоит, — сказала она, — А как только рассветет, мы поедем в Сан-Хосе, возьмем комнату, закажем горячий завтрак и достанем в аптеке все, что нужно для компресса.

— А Бенсон? — нерешительно напомнил Билл.

— Я позвоню ему из города. Это стоит всего пять центов. Я видела, что у него есть телефон. Даже если бы палец не болел, ты все равно не мог бы пахать из-за дождя. Мы с тобой оба полечимся. Пока погода прояснится, моя пятка заживет окончательно, и мы двинемся дальше.

Глава пятая

Три дня спустя, в понедельник, Саксон и Билл рано утром сели в трамвай, чтобы доехать до конечной остановки и оттуда вторично направиться в Сан-Хуан. На дорогах стояли лужи, но небо было голубое, солнце сияло, повсюду виднелась молодая трава. Саксон поджидала Билла возле усадьбы Бенсона, пока он ходил получать свои шесть долларов за три дня пахоты.

— Он ногами затопал и взревел, как бык, когда узнал, что я ухожу,

— сказал Билл, выйдя от Бенсона. — Сначала и слушать не хотел. Уверял, что через несколько дней переведет меня к лошадям и что не так легко найти человека, который умеет править четверкой, поэтому нельзя упускать такого работника, как я.

— А ты что ответил?

— Что мне пора двигаться. А когда он пытался уговорить меня, я объяснил, что со мною жена и

что она меня торопит.

— Но ведь и тебе хочется идти дальше. Билли?

— Да, конечно, детка; а все-таки у меня пылу меньше, чем у тебя. Черт побери, мне даже начала нравиться работа в поле. Теперь уж я не буду бояться, если придется пахать. Я понял, в чем тут загвоздка, и могу поспорить в этом деле с любым фермером.

Спустя час, пройдя добрых три мили, они услыхали за собой шум мотора и отошли на обочину дороги. Однако машина не обогнала их. В ней сидел Бенсон и, поравнявшись с ними, остановился.

— Куда же вы направляетесь? — спросил он Билла, окинув Саксон быстрым, внимательным взглядом.

— В Монтери, если вы туда едете, — с усмешкой ответил Билл.

— Могу подвезти вас до Уотсонвиля. На своих на двоих, да с грузом, вы будете тащиться туда несколько дней. Влезайте-ка, — обратился он прямо к Саксон. — Хотите сесть впереди?

Саксон посмотрела на Билла.

— Валяй, — одобрил тот. — Впереди очень хорошо.

Это моя жена, мистер Бенсон, — миссис Роберте.

— Ого, так это вы похитили у меня вашего мужа, — добродушно напал на нее Бенсон, закрывая ее фартуком.

Саксон охотно приняла вину на себя и стала внимательно наблюдать, как он правит машиной.

— Н-да, не богат был бы я, если бы имел столько земли, сколько вы вспахали, перед тем как попасть ко мне, — через плечо насмешливо бросил он Биллу, и глаза его заискрились.

— Я всего раз в жизни имел дело с плугом, — признался Билл. — Но ведь человеку надо и поучиться.

— За два доллара в день?

— Раз нашелся любитель платить за учебу… — отпарировал Билл.

Бенсон добродушно расхохотался.

— Вы способный ученик. А я ведь сразу заметил, что вы с плугом не очень-то дружите. Но вы правильно взялись за дело. Из десяти человек, нанятых на большой дороге, ни один не освоился бы так быстро, как вы,

— уже на третий день. А главный ваш козырь в том, что вы знаете лошадей. Я больше в шутку велел вам в то утро править моей четверкой. Сразу видно, что у вас большой опыт и, кроме того, это у вас врожденное.

— Он очень ласков с лошадьми, — сказала Саксон.

— Да, но одной ласки мало, — возразил Бенсон. — Ваш муж: понимает, как надо обходиться с

ними. Этого не объяснишь. А в том-то и вся суть

— в понимании. Это качество почти прирожденное. Доброта необходима, но твердая хватка важнее. Ваш муж сразу забирает коней в руки. Вот я, чтобы испытать его, и задал ему задачу с фурой, запряженной четверкой. Выполнить ее было очень сложно и трудно. Тут лаской не возьмешь, тут нужна твердость. И я сразу увидел, что она у него есть, как только он взял в руки вожжи. Он не обнаружил ни малейшего колебания. И лошади тоже. Они сразу почувствовали его волю. Они поняли, что эту задачу надо выполнить и что именно они должны ее выполнить. Они нисколько его не боялись, но твердо знали, что хозяин положения — он. Взяв в руки вождей, он взял в руки и лошадей. Он держал их, как в тисках. Он заставил их тронуться и погнал, куда хотел — вперед, назад, направо, налево, — то натянет вожжи, то ослабит их, то вдруг сразу осадит, — и они ощущали, что все идет правильно, как надо. О, может быть, у лошадей нет разума, но они многое понимают. Они сразу чувствуют, когда к ним подходит настоящий лошадник; хотя, почему они это чувствуют, я не скажу вам.

Бенсон замолчал, слегка смущенный своей болтливостью, и посмотрел на Саксон — слушает она или нет. Выражение ее лица и глаз успокоило его, и он с коротким смешком добавил:

— Лошади — моя страсть. И если я веду эту вонючую машину, то это ничего не доказывает. Я бы гораздо охотнее прокатил вас на парочке рысаков. Но я бы потерял много времени и — что еще хуже — не переставал бы за них тревожиться. А эта штука — что же, у нее нет ни нервов, ни хрупких суставов, ни сухожилий; гони ее что есть мочи, и все.

Миля проносилась за милей, и Саксон скоро увлеклась беседой с Бенсоном. Она сразу поняла, что перед ней еще один тип современного фермера. Она многое узнала за последние дни и теперь сама поражалась тому, что понимает решительно все, о чем он говорит. В ответ на его прямой вопрос она подробно рассказала ему о своих планах и в общих чертах обрисовала жизнь в Окленде.

Когда они миновали питомники у Морган-Хилла, выяснилось, что позади уже двадцать миль, — время пролетело незаметно. Пешком им бы и за день столько не пройти. А машина все продолжала жужжать, пожирая бежавшее им навстречу пространство.

— Я все удивлялся, почему такой отличный работник, как ваш муж, очутился на большой дороге? — сказал Бенсон.

— Да, — улыбнулась она, — он говорил мне. Вы решили, что он на чем-то споткнулся… Он хороший работник.

— Ведь я тогда ничего не знал о вас. Теперь-то я все понял. Хотя, должен признаться, в наши дни это очень необычно, чтобы молодая парочка, вроде вас, собрала свои пожитки и отправилась искать себе землю. И пока я не забыл, я хочу сказать вам кое-что. — Он повернулся к Биллу. — Я как раз говорил вашей жене, что у меня для вас всегда найдется постоянная работа; найдется и хорошенький домик в три комнаты, где вы отлично могли бы устроиться. Не забудьте.

Саксон узнала, что Бенсон кончил агрономическую школу при Калифорнийском университете (она и не подозревала, что существует такая отрасль знания). Относительно казенной земли он не стал ее обнадеживать.

— Остались только те участки, — пояснил он, — которые по той или иной причине не годятся для обработки. А если там, куда вы направляетесь, и найдется хорошая земля, значит, оттуда до рынка не добраться. Я что-то не слыхал, чтобы в тех местах проводили железную дорогу.

— Подождите, сейчас мы въедем в Пахарскую долину, — сказал он, когда они миновали Гилрой и мчались к Сарджент у. — Я покажу вам, что можно сделать с почвой; и этого добились не ученые агрономы, а люди неученые, иностранцы, над которыми так насмехаются зазнавшиеся американцы. Вот увидите. Это одно из главных достопримечательностей нашего штата.

В Сарджент е он на несколько минут оставил их в машине, пока заходил куда-то по делу.

— Здорово! Это тебе не пешее хождение! — сказал Билл. — И посмотри, как рано… Когда он нас высадит, мы сможем пройти еще несколько миль пешком. И все-таки, если нам с тобой повезет, мы купим лошадей. Лошадок я ни на что не променяю.

— Машина хороша, только когда спешишь, — согласилась Саксон. — Конечно, если мы с тобой будем очень, очень богаты…

— Послушай, Саксон, — прервал ее Билл, пораженный мыслью, внезапно пришедшей ему в голову, — насчет одного я теперь спокоен: я больше не боюсь остаться в деревне без работы. Вначале я боялся, только тебе не говорил. И когда мы вышли из Сан-Леандро, я совсем было приуныл. А видишь, мне уже два места предложили — миссис Мортимер и Бенсон; и к тому же постоянные. Видно, в деревне человек всегда может получить работу.

— Нет, — поправила его с горделивой улыбкой Саксон, — ты ошибаешься. Хороший работник всегда может получить работу. Крупные фермеры не станут нанимать людей из одного великодушия.

— Да уж конечно, они заботятся о себе, не о других, — усмехнулся Билл.

— За тебя-то они сразу хватаются. А потому, что ты хороший работник. Они видят это с первого взгляда. Вспомни, Билл, всех рабочих, которых мы встречали на дороге. Ни одного нельзя сравнить с тобой. Я к ним присматривалась очень внимательно. Все они какие-то слабосильные, и телом и духом, какие-то ненадежные во всех отношениях.

— Да, никудышные ребята, — скромно согласился Билл.

— Сейчас неподходящее время года для осмотра Пахарской долины, — сказал Бенсон, когда снова уселся рядом с Саксон и Сарджент был уже далеко позади. — А все-таки ее стоит посмотреть. Подумайте, двенадцать тысяч акров под яблоками! Знаете, как ее теперь зовут? Новой Далмацией. Нас отовсюду выживают. Мы, янки, воображали, что мы дельцы, а вот появились эти парни из Далмации и утерли нам нос. Когда они приехали сюда, это были просто жалкие эмигранты, нищие, как церковные мыши. И вначале они просто нанимались на поденную во время сбора фруктов. Затем понемногу начали скупать яблоки на корню. Чем больше становились их доходы, тем решительнее они расширяли свои операции. Очень скоро они стали брать сады в долгосрочную аренду. А за последнее время они скупают землю и не сегодня-завтра окажутся владельцами всей долины, и последним американцам придется убираться оттуда.

Ох, уж эти наши янки! Какие-то нищие славяне, при первых же мелких сделках с ними получали две-три тысячи процентов барыша. Теперь они довольствуются стопроцентными прибылями. А когда их доходы падают до двадцати пяти — пятидесяти процентов, они считают это катастрофой.

— Все равно, как в Сан-Леандро, — заметила Саксон, — первые землевладельцы почти исчезли. Теперь там интенсивное земледелие. — Саксон очень гордилась этой фразой. — Дело не в том, сколько у тебя земли, а в том, сколько ты выжимаешь из каждого акра.

— Да, но это еще не все, — отозвался Бенсон, многозначительно закивав головой. — Многие из них, как, например, Люк Скурич, ведут дело на широкую ногу. Некоторые уже стоят до четверти миллиона долларов. И я знаю по меньшей мере с десяток фермеров, из которых каждый уже имеет капитал в среднем в сто пятьдесят тысяч. Дело в том, что они умеют выращивать яблони. Это у них врожденное. Они чувствуют деревья, как ваш муж чувствует лошадей. Каждое дерево для них живое существо, как для меня лошадь. И они знают каждое дерево, его историю, все, что с ним когда-либо случалось, все, чего оно не выносит. Они как будто слышат его пульс и могут сказать вам, так же ли хорошо оно чувствует себя сегодня, как вчера. А если нет, то они сразу поймут, какая у него хворь, и будут лечить его. Они посмотрят на дерево в цвету и точнейшим образом предскажут вам, сколько ящиков яблок оно принесет и какого качества и величины будут эти яблоки. Они знают каждое яблочко и снимают его бережно и любовно, чтобы не повредить, бережно и любовно укладывают его и отправляют в путь; когда такие яблоки доходят на рынок — они не побиты и не подгнили и идут по самой высокой цене.

Да, это больше, чем интенсивное хозяйство. Адриатические славяне — большие деляги. Они не только умеют вырастить яблоки, они умеют и продать их. Нет рынка? Подумаешь! Создайте рынок! Так они и поступают, а у наших под деревьями груды яблок гниют. Возьмите хотя бы Петра Монгола. Он каждый год ездит в Англию и отвозит туда сотни вагонов яблок. Эти далматинцы возят яблоки из Пахарской долины на южноафриканские рынки и сколачивают громадные капиталы.

— Куда они девают деньги? — спросила Саксон.

— Выкупают у американцев Пахарскую долину; и уже немалую часть ее выкупили.

— А что будет потом? — продолжала она свои расспросы.

Бенсон кинул на нее быстрый взгляд.

— Потом они начнут выживать американцев из какой-нибудь другой долины. Американцы же быстро спустят полученные за землю денежки, и следующее поколение будет погибать в городах, как погибли бы вы и ваш муж, если бы вовремя не ушли оттуда.

Саксон невольно содрогнулась. «Как погибла Мери, — подумала она, — как погиб Берт и еще многие; как погибает Том и все остальные».

— Да, страна у нас великая, — продолжал Бенсон. — Но мы не великий народ. Прав Киплинг: нас выгнали из нашего дома, и мы сидим на крылечке. Сколько нас учили и учат! Ведь к нашим услугам и сельскохозяйственные школы, и опытные станции, и передвижные выставки, но наука не идет нам впрок, и чужаки, которые прошли тяжелую школу жизни, отовсюду вытесняют нас. Знаете, когда я кончил учиться, — тогда еще был жив отец, а он придерживался старых взглядов и смеялся над тем, что называл моими бреднями, — я несколько лет путешествовал. Мне хотелось посмотреть, как ведут хозяйство в более старых странах. Ну и нагляделся же я!

… Сейчас мы въедем в долину… Да, я нагляделся. Первым делом я увидел в Японии горные склоны в виде террас. Представьте себе гору, такую крутую, что и лошади не взобраться. Но японцам на это наплевать. Они строят террасы: поставят крепкую подпорную стену футов в шесть высотой да шириною шесть футов и засыпают землей; все выше и выше. Стены и террасы по всей горе, стены над стенами, террасы над террасами. Я видел на стенах в десять футов террасы в три фута, и на стенах в двадцать футов площадки в четыре-пять футов, лишь

бы только вырастить что-нибудь. А землю они таскают наверх на спине, в корзинах.

То же я видел всюду — ив Греции, и в Ирландии, и в Далмации, — я видел и там был. Люди ходят и подбирают каждый комочек земли, какой им удается найти, воруют землю лопатами, даже горстями, копят ее, а потом тащат на спине в гору и создают поля, — создают из ничего, на голых скалах. А во Франции я видел больше того: там крестьяне горных районов берут землю из русла ручьев, как наши отцы копали русла рек в Калифорнии в поисках золота. Только наше золото уплыло, а крестьянская земля осталась; ее перепахивают из года в год, обрабатывают и что-нибудь на ней да выращивают. Ну, я сказал достаточно, пора мне и помолчать.

— Боже мой, — пробормотал Билл, пораженный. — Наши отцы ничего подобного не делали. Не мудрено, что они все растеряли.

— Вот и долина, — сказал Бенсон. — Взгляните на деревья, на склоны холмов... Вот она. Новая Далмация! Взгляните повнимательнее. Это же яблочный рай! А какая почва! Как она обработана!

Долина, открывшаяся перед Саксон, была невелика. Но и в низинах и на пологих склонах — повсюду бросались в глаза результаты усердия и настойчивости трудившихся здесь далматинцев. Саксон смотрела по сторонам, в то же время внимательно прислушиваясь к словам Бенсона.

— Вы знаете, что делали прежние поселенцы с этой богатейшей землей? В долинах они сеяли пшеницу, а на холмах пасли стада. Теперь же двенадцать тысяч акров засажены яблонями. Из Восточных штатов люди приезжают в своих автомобилях в Дель-Монте, чтобы полюбоваться на цветущие или осыпанные яблоками деревья. Возьмем Маттео Летунича, — он был одним из первых поселенцев, — он начал с того, что мыл в здешнем кабачке посуду. Но когда увидел эту долину, он сразу понял, что это его Клондайк. Теперь он семьсот акров арендует да сто тридцать ему принадлежат; у него лучший плодовый сад во всей округе, и он экспортирует от сорока до пятидесяти тысяч ящиков яблок в год. И ни одному человеку не позволит он сорвать хоть яблочко с дерева, кроме далматинца. Я как-то в шутку спросил его, за сколько он продал бы свои сто тридцать акров. Летунич ответил вполне серьезно. Он назвал мне цифру доходов, которые получает с них из года в год, и вывел среднюю сумму, затем предложил мне определить стоимость акра, считая доход из шести процентов с капитала. Так я и сделал. Оказалось, свыше трех тысяч долларов за акр!

— А что китайцы тут делают? — обратился к нему Билл. — Тоже выращивают яблоки?

Бенсон покачал головой:

— Нет, но есть еще одно дело, которое мы, американцы, тоже прозевали. Тут в долине ничего не пропадает, ни сердцевина яблок, ни кожура; да только не мы, американцы, их используем. Здесь построено пятьдесят семь сушилен для яблок, не говоря уж: о фабриках консервов, уксуса и сидра, и все они принадлежат китайцам. Они ежегодно вывозят пятнадцать тысяч бочонков сидра и уксуса.

— Подумать только, что этот край создан руками наших отцов, — размышлял Билл вслух, — они боролись за него, исследовали его — словом, сделали все...

— Но ничего не развивали, — прервал его Бенсон. — Напротив, мы сделали все, что могли, чтобы разорить его, как уже разорили и истощили почву в Новой Англии. — Он махнул рукой, указывая куда-то за холмы. — В той стороне лежит Салинас. Если бы вы побывали там, вам

показалось бы, что вы в Японии. Да, немало хороших плодородных долин в Калифонии попало в руки японцев. Они действуют несколько иначе, чем далматинцы. Сначала они нанимаются поденно собирать фрукты; они работают лучше американских рабочих, и янки охотно берут их. Затем, когда их наберется достаточно, они объединяются в союз и вытесняют рабочих-американцев. Владельцы садов пока не возражают. Но за этим следует вот что: японцы не хотят работать, а рабочие-американцы все ушли, — и владельцы оказываются в совершенно беспомощном положении: урожай должен погибнуть. Тогда появляются на сцене их профсоюзные главари. Они скупают весь урожай; хозяева-садоводы всецело зависят от них. А через короткий срок уже вся долина оказывается в руках японцев. Владельцы земли сдают ее в аренду, а сами либо перебираются в город, где быстро спускают свои деньги, или уезжают путешествовать по Европе. Остается сделать последний шаг: японцы скупают землю. Владельцам поневоле приходится продавать, потому что контроль над рабочей силой принадлежит японцам и они могут довести любого хозяина до полного разорения.

— Но если так будет продолжаться, какая же судьба ждет нас? — спросила Саксон.

— Вы же видите, какая. Те из нас, у кого ничего нет, погибают в городах. Те, у кого есть земля, продают ее и тоже уходят в город. Иные наживают большие капиталы, иные учатся какому-нибудь ремеслу, а остальные проживают свои денежки и, истратив их, гибнут, а если денег на их век хватает, то вместо них гибнут их дети.

Поездка приближалась к концу, и на прощанье Бенсон напомнил Биллу о том, что его в любое время ждет на ферме постоянная работа, — достаточно черкнуть слово.

— Надо сначала посмотреть ее, эту самую казенную землю, — отозвался Билл. — Уж не знаю, на чем мы остановимся, но одним делом мы наверняка заниматься не будем.

— Каким же?

— Не купим фруктовый сад по три тысячи за акр.

Билл и Саксон, неся за спиной свои тюки, прошли около ста ярдов. Первым нарушил молчание Билл.

— И еще одно я скажу тебе, Саксон. Мы с тобой никогда не будем бродить и вынюхивать, где бы стащить горсточку земли и потом волочь ее в корзине на вершину горы. В Соединенных Штатах земли еще хватит. Пусть Бенсон и другие болтают сколько им угодно, будто Соединенные Штаты прогорели и их песенка спета. Миллионы акров стоят нетронутыми и ждут нас — наше дело их найти.

— А я скажу тебе другое, — заметила Саксон. — Мы с тобой проходим хорошую школу. Том вырос на ферме, а он знает о сельском хозяйстве куда меньше нашего. И потом вот еще что: чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что эта самая казенная земля никак нас не устроит.

— Охота тебе верить всему, что люди болтают, — запротестовал Билл.

— Нет, дело не в этом. Дело в том, что и я так думаю. Сам посуди! Земля здесь стоит три тысячи за акр; так почему же казенная земля, совсем рядом отсюда, будет ждать, чтобы ее взяли задаром, если «только она чего-нибудь стоит!

Следующие четверть мили Билл размышлял над этим вопросом, но не пришел ни к какому заключению. В конце концов он откашлялся и заметил:

— Что ж, подождем судить, сначала посмотрим, какая она. Верно?

— Ладно, — согласилась Саксон. — Подождем и сначала посмотрим.

Глава шестая

Вместо того чтобы идти по дороге, которая тянется вдоль берега на семнадцать миль, они свернули от Монтери на проселок, ведущий прямо через холмы, и бухта Кармел совершенно неожиданно предстала перед ними во всей своей красе. Они спустились через сосновую рощу, миновали окруженные деревьями причудливые и живописные сельские домики художников и писателей, перебрались через сыпучие песчаные холмы, укрепленные цепким лупином и поросшие бледными цветами калифорнийского мака. Саксон вскрикнула от восторга и замерла, любуясь открывшимся перед нею зрелищем: пронизанные золотом солнечных лучей ослепительно синие валы прибоя, длиною с милю, величавым изгибом мощно обрушивались на берег, и кайма белой пены с грохотом рвалась, оставляя клочья на столь же белом песке покатого берега.

Саксон не помнила, сколько они простояли, наблюдая торжественное шествие валов, вздымавшихся из глубин взволнованного моря, чтобы с грохотом разбиться у их ног. Она очнулась, когда Билл, смеясь, стал стаскивать с ее плеч корзинку.

— Ты, видно, собираешься здесь отдохнуть, — заметил он, — так давай хоть устроимся поудобней.

— Я даже представить себе не могла… представить не могла, что есть такая красота!.. — повторяла она, сжимая руки. — Я… я думала, что прибой у маяка в Окленде великолепен, но куда уж там… Посмотри! Нет, посмотри! Ты когда-нибудь видел такой невероятный цвет? А солнце так и сверкает сквозь волны! Замечательно!

Наконец она оторвалась от зрелища прибоя и взглянула вдаль, на линию горизонта, где над глубокой лазурью моря клубились облака, затем на южную излучину бухты с зазубренными скалами и на громаду гор, синеющих за пологими холмами, обступившими Кармелскую долину.

— Давай-ка лучше присядем, — сказал Билл, идя навстречу ее желанию, — никто нас не гонит. Здесь слишком хорошо, нечего сразу же уходить отсюда.

Саксон согласилась и тут же принялась расшнуровывать башмаки.

— Хочешь побегать босиком? — и Билл с восторгом последовал ее примеру.

Но не успели они разуться, чтобы ринуться к той белесой и влажной кромке песка, где грозный океан встречался с землей, как их вниманье было привлечено новым удивительным явлением: из-под темных сосен выбежал человек, совершенно голый, в одних трусах, и помчался вниз по песчаным холмам. Кожа у него была нежная и розовая, лицо — как у херувима, кудрявые волосы цвета ржи, но тело мускулистое и сильное, как у Геркулеса.

— Смотри! Это, верно, Сэндоу! — тихо прошептал Билл.

А Саксон вспомнилась гравюра в альбоме матери: викинги на влажном песчаном взморье Англии.

Человек пронесся мимо них на расстоянии нескольких шагов, пересек полоску мокрого песка и

остановился, лишь когда пена дошла ему до колен, а перед ним выросла стена готовой обрушиться на него воды, высотой по крайней мере в десять футов. Даже его громадное, сильное тело казалось нежным и хрупким перед вздыбившейся грозной стихией. Саксон замерла от страха и, украдкой взглянув на Билла, увидела, что и он напряженно следит за купальщиком.

Незнакомец бросился навстречу водной стене и, в то мгновенье, когда, казалось, она должна была раздавить его, нырнул под нее и исчез. Мощные массы воды с грохотом обрушились на берег, но из волн показалась белокурая голова, затем рука и часть плеча; всего несколько взмахов, и ему снова пришлось нырнуть под следующий вал. Это была настоящая борьба человека, плывущего в открытое море, с рвущимися к берегу, напирающими волнами. И всякий раз, когда он нырял и пропадал из виду, у Саксон замирало сердце и она судорожно стискивала руки. Иногда они не могли найти его за прокатившейся волной, но потом оказывалось, что он отброшен бородатым буруном, игравшим с ним, как со щепкой. Не раз они решали, что он будет побежден и вышвырнут обратно на берег, но уже через полчаса он оказался за линией прибоя и продолжал быстро плыть вперед, уже не ныряя, а вскидываясь на гребни волн. Скоро он уплыл так далеко, что лишь временами в воде мелькало небольшое пятнышко, а там и оно скрылось. Саксон и Билл переглянулись, она — пораженная отвагою пловца, он — полный восхищения и зависти.

— Вот это пловец, это пловец! — восторгался Билл. — Какой смельчак! Знаешь, я плавал только в бассейне и в бухте, но теперь я хочу научиться плавать в океане. Если бы я мог плавать, как он, я бы так загордился, что ко мне и не подступись. Даю слово, Саксон, я предпочел бы плавать вот так, чем иметь тысячу ферм! Нет, конечно, я умею плавать, уверяю тебя; я плаваю, как рыба. Однажды в воскресенье я проплыл от причала Нэрроу Годж до бассейна Сешенс, — а это несколько миль. Но такого пловца, как этот парень, я в жизни не видел. Нет, я отсюда не уйду, пока он не вернется… И ведь совсем один среди этих водяных гор, подумай только! Да, это выдержка! Молодец! Молодец!

Саксон и Билл бегали босиком по берегу, размахивая длинными змеевидными водорослями, догоняли друг друга и резвились в течение часа, как дети. Только когда они стали обуваться, они увидали приближавшуюся к берегу белокурую голову. Билл подошел к самой воде, чтобы встретить смельчака. Когда тот вынырнул из воды, его кожа от потасовки с морем из бело-розовой стала багровой.

— Вы молодчина, и я не могу удержаться, чтобы вам этого не сказать, — приветствовал его с чистосердечным восхищением Билл.

— Да, сегодня прибой в самом деле свирепый, — отвечал молодой человек, признательно кивнув головой.

— Уж не боксер ли вы? Может быть, я просто о вас не слышал? — Осведомился Билл, пытаясь определить, кто это чудо природы.

Тот засмеялся и покачал головой, а Билл, конечно, никак не мог догадаться, что незнакомец раньше был капитаном университетской футбольной команды, а в настоящее время — он отец семейства и автор многих книг. Он окинул Билла с головы до ног испытующим взглядом человека, привыкшего иметь дело с новичками, мечтающими о футбольном поле.

— Вы прекрасно сложены, — одобрил он. — И можете поспорить с лучшими спортсменами. Я не ошибусь, если скажу, что вы не новичок на ринге?

Билл кивнул.

— Мое имя Роберте.

Пловец нахмурился, тщетно стараясь припомнить, кто же это.

— Билл… Билл Роберте, — прибавил Билл.

— О-о! Неужто Большой Билл Роберте? Я же видел вас на ринге в Павильоне механиков, еще до землетрясения. После вас вышел Эдди Хенлон. Как же, я помню: вы одинаково ловко работаете обеими руками, у вас удар страшной силы, только вы очень медлительны. Да, я отлично помню, вы слишком затянули схватку в тот вечер, но в конце концов победили. — Он протянул Биллу свою мокрую руку. — Мое имя Хэзард, Джим Хэзард.

— Так это вы были футбольным тренером года два назад? Верно? Я читал про вас в газетах.

Они обменялись сердечным рукопожатием. И Саксон тоже была представлена Хэзарду. Она казалась себе очень ничтожной рядом с этими юными великанами, но в душе гордилась тем, что принадлежит к тому же крепкому корню, как и они. Ей оставалось только слушать их разговор.

— Я бы охотно занимался с вами боксом полчаса в день, — сказал Хэзард, — и у вас многому научился бы. Вы пробудете некоторое время в наших краях?

— Нет. Мы бродим по побережью — землю ищем. Но я готов заняться с вами, а меня вы могли бы научить плавать при высокой волне.

— Готов в любое время обменяться с вами уроками, — заявил Хэзард; затем обернулся к Саксон. — Почему бы вам не пожить некоторое время в Кармеле? Здесь совсем неплохо.

— Здесь чудесно, — отозвалась она с благодарной улыбкой. — Но… — она повернулась и указала на их вещи, лежавшие поблизости, среди лупинов. — Мы странствуем и ищем казенную землю.

— Не вздумайте искать ее вдоль берега к югу, вы ее там не скоро найдете, — засмеялся он. — Ну, мне пора бежать, надо одеться. Если будете возвращаться этой дорогой, загляните ко мне. Вам здесь всякий скажет, где я живу. До свиданья!

И он тем же аллюром пустился обратно через песчаные холмы.

Билл следил за ним восторженным взглядом.

— Молодец, молодец, — бормотал он. — Знаешь, Саксон, ведь он знаменитость. Я тысячу раз видел его портрет в газетах. И он ничуть не загордился. Говорит как человек с человеком. Послушай… я снова начинаю верить в наше крепкое племя.

Они повернули прочь от берега и на узенькой Главной улице купили мяса, овощей и пяток яиц. Биллу едва удалось оттащить Саксон от витрины, где заманчиво сверкали изделия из перламутра и жемчуг в оправе и без оправы.

— Здесь вдоль всего берега можно было найти раковины-жемчужницы, — убеждал ее Билл. — Я тебе достану сколько хочешь. Их надо искать во время отлива.

— У моего отца были перламутровые запонки, — сказала она. — Они были в оправе из чистого

золота. Вот уже много лет, как я не вспоминала о них. Интересно, у кого они сейчас?

Они повернули на юг. Всюду между соснами виднелись красивые и оригинальные домики художников. Но особенно путники были поражены, когда при спуске дороги к реке Карм ел их глазам открылось совсем необычное здание.

— Я знаю, что это такое, — чуть не шепотом сказала Саксон: — Старинная испанская миссия. Очевидно, это и есть миссия кармелитов. Именно этой дорогой испанцы шли из Мексики; они строили на своем пути миссии и обращали индейцев в христианство…

— Пока мы всех не выгнали — и испанцев и индейцев, — спокойно докончил Билл.

— Все равно, здание чудесное, — задумчиво проговорила Саксон, глядя на громадный полуразвалившийся глинобитный храм. — В Сан-Франциско есть миссия Долорес, но она меньше этой и не такая древняя.

Защищенная со стороны океана грядой низких холмов и, казалось, забытая и покинутая людьми, стояла церковь, построенная из высушенной на солнце глины, смешанной с соломой и известняком; а ее окружали остатки глинобитных хижин, в которых некогда ютились тысячи ее прихожан. Пустынность этих мест и тишина так подействовали на Саксон и Билла, что они старались ступать неслышно, говорили шепотом и почти со страхом решились войти в храм, портал которого был открыт. В храме не было ни священника, ни молящихся, но все указывало на то, что он посещается верующими, хотя их, как заметил Билл, бывает, судя по числу скамеек, очень немного. Потом они взобрались на треснувшую во время землетрясения колокольню и увидели, что ее балки обтесаны вручную. А когда они оказались на хорах, Саксон, заметив, как музыкально звучат их голоса, тихонько запела, трепеща от своей смелости, первые такты псалма «О возлюбленный Христос».

Восхищенная чистотою звуков она облокотилась на перила и продолжала, причем ее голос постепенно достиг своей полной силы:

О возлюбленный Христос,
Дай припасть к твоей груди!
В час свирепствующих гроз
Защити и огради!

Ах, укрой меня, укрой!
Дай мне выдержать искус,
В Царстве Божьем упокой
Душу грешную, Иисус!

Билл прислонился к древней стене и с любовью смотрел на нее; когда она кончила, он прошептал:

— Замечательно, просто замечательно! Жаль, что ты не видела своего лица, пока ты пела. Оно было так же прекрасно, как твой голос. Вот странно! Я думаю о религии, только когда думаю о тебе.

Расположившись в поросшей ивами лощине, они приготовили обед и провели весь день на выступе низкой скалы к северу от устья реки. Они не собирались оставаться здесь весь день, но все вокруг пленяло их, и они были не в силах оторваться от бьющегося о скалы прибоя и от разнообразных и многокрасочных обитателей моря — морских звезд, крабов, моллюсков и морских анемон; потом они увидели в лужице, оставшейся после прилива, маленькую «рыбу-

черт» и начали бросать ей крошечных крабов, невольно содрогаясь всякий раз, когда она обвивалась вокруг них своим колючим телом. Начался отлив, и они набрали кучу раковин, среди них были прямо громадины — в пять-шесть дюймов, бородатые, как патриархи. А пока Билл расхаживал вдоль берега, пытаясь найти жемчужницы, Саксон прилегла неподалеку от лужи, которую оставил после себя прилив, и, плескаясь в ее кристально-чистой воде, извлекала из нее пригоршни сверкающих драгоценностей: обломки раковин и камешки, отливавшие розовым, синим, зеленым, фиолетовым. Билл вернулся и вытянулся рядом с женой. Нежась в лучах солнца, жар которых смягчался морской прохладой, они следили, как оно погружалось в густую синеву океана.

Саксон нашла руку Билла, сжала и вздохнула от переполнявшего ее чувства радости и покоя. Ей казалось, что никогда еще в ее жизни не было такого чудесного дня, — словно воплотились все ее былые мечты. А что мир может быть настолько прекрасен — этого она не представляла себе даже в своих самых пылких грезах. Билл в ответ неясно пожал ее руку.

— О чем ты думала? — спросил он, когда они, наконец, встали.

— Право, не знаю, Билл. Может быть, о том, что один такой день лучше, чем десять тысяч лет, проведенных в Окленде.

Глава седьмая

Они расстались с рекой и с долиной Кармел и, едва взошло солнце, направились к югу — через холмы, отделяющие горы от океана. Дорога была размыта и вся в выбоинах, — видимо, ею мало пользовались.

— А дальше она совсем пропадает, — сказал Билл, — есть только следы подков. Но я что-то не вижу изгородей, — должно быть, почва тут не такая уж плодородная: одни пастбища, и почти нет обработанной земли.

Голые холмы поросли только травой. Лишь в каньонах виднелись деревья, а более высокие и более отдаленные холмы были покрыты кустарником. Один раз путники увидели скользнувшего в кусты койота, а в другой раз Билл пожалел, что у него нет ружья: крупная дикая кошка ехидно уставилась на них и не пожелала сойти с места до тех пор, пока метко пущенный ком земли не разлетелся, подобно шрапнели, над ее головой.

Они прошли уже несколько миль, и Саксон все время мучилась жаждой. Когда они достигли того места, где дорога, спускаясь почти до уровня моря, пересекала узкое ущелье, Билл стал искать воду; в ущелье было сыро от влаги, выступавшей каплями на стенах. Оставив жену отдыхать, Билл отправился посмотреть, нет ли где-нибудь поблизости родника.

— Эй! — крикнул он несколько минут спустя. — Иди сюда, Саксон! Скорее! Здесь удивительно! Дух захватывает!

Саксон стала спускаться по узенькой крутой тропинке, извивавшейся среди зарослей кустарника. На полпути от того места, где над выходом ущелья к морю было поставлено высокое заграждение из колючей проволоки, укрепленное тяжелыми каменными глыбами, она увидела небольшой пляжик. Только подъезжая с моря, можно было догадаться о существовании этого заливчика, так тщательно был он закрыт с трех сторон отвесными скалами и замаскирован кустарником. Перед пляжем тянулась примерно на четверть мили гряда скал; прибой с ревом разбивался об них и, укрощенный, набегал на берег лишь небольшими волнами. А за этой грядой в море были разбросаны отдельные утесы, и на них-то и

обрушивались волны со всей своей силой, взметывая лохмотья пены и фонтаны брызг. Эти скалы, то и дело выступавшие из волн, были черны от множества раковин. На верхушках лежали, растянувшись, огромные морские львы, поблескивая в солнечных лучах мокрой шкурой, и громко ревели, а над ними с пронзительным криком реяло и кружилось множество морских птиц.

От загородки из колючей проволоки спускался откос, высотой футов в двенадцать и настолько крутой, что Саксон сидя съехала на мягкий сухой песок.

— Ну вот! Замечательное местечко! — взволнованно встретил ее Билл.

— Прямо создано для стоянки. Здесь, под деревьями, ты увидишь самый восхитительный родник. А сколько тут отличного хвороста, а сколько…

— он осмотрелся вокруг, потом его глаза обратились к морю, где они видели то, что не выразить никакими словами, — … ну, словом, всего, чего хочешь! Мы могли бы пожить здесь. Видишь, какая пропасть ракушек. Я уверен, что можно было бы и рыбы наловить. Что, если мы остановимся здесь на несколько дней? У нас с тобой ведь каникулы… А я бы сбегал обратно в Кармел за удочками и крючками…

Внимательно всматриваясь в его разгоревшееся лицо, Саксон поняла, что он с городом действительно покончил.

— И ветра нет, — продолжал он расхваливать бухточку. — Совсем тихо. А посмотри, какая дичь и глушь! Будто мы с тобой за тысячу миль от всякого жилья!

Действительно, резкий и свежий ветер, проносившийся над обнаженными холмами, не достигал этого уединенного местечка. Здесь было тепло и тихо и воздух был напоен ароматом цветущих кустов. То там, то здесь среди кустарников виднелись низкорослые дубки и другие незнакомые Саксон деревца. Она восхищалась всем этим не меньше, чем Билл, и, держась за руку, они принялись осматривать бухту.

— Вот здесь мы действительно можем играть в Робинзона Крузо, — воскликнул Билл, когда они переходили полосу плотного песка, заливаемого во время прилива. — Давай, Робинзон, останемся здесь. Я, конечно, буду твоим Пятницей, и твои желания будут для меня законом.

— А что нам делать с Субботой? — с комическим ужасом воскликнула она, указывая на свежий отпечаток человеческой ноги на песке. — А вдруг это свирепый людоед?

— Никакой надежды. Это не босая нога, а теннисная туфля.

— Но ведь людоед мог снять туфлю с ноги утонувшего и съеденного им матроса, не правда ли? — возразила она.

— Матросы же не носят теннисных туфель, — быстро отпарировал Билл.

— Что-то ты больно много знаешь для Пятницы, — пожурила она его. — Ну да все равно, доставай-ка вещи и расположимся поудобнее. А потом — мог быть съеден вовсе не матрос… предположим, что это пассажир.

Через час был разбит уютный лагерь: одеяла разостланы, запас топлива из принесенных морем и высохших на солнце щепок приготовлен, и подвешенный над костром кофейник уже мурлыкал свою песенку. Саксон позвала Билла, мастерившего стол из прибитой волнами

доски, и показала в сторону моря: на дальнем конце каменной гряды стоял человек в купальных трусах. Он смотрел в их сторону, и они видели длинные, развевающиеся на ветру черные пряди волос. Когда он начал карабкаться по скалам, приближаясь к берегу, Билл обратил внимание Саксон на то, что незнакомец в теннисных туфлях. Через несколько минут он соскочил наземь и направился прямо к ним.

— Смотри-ка! — шепнул Билл. — Сам тощий, а какие мускулы! Видно, все они здесь здорово тренируются.

Незнакомец приблизился, и его лицо сразу напомнило Саксон первых пионеров или тот тип людей, какие часто встречаются среди старых солдат. Хотя он был еще молод, — она решила, что ему не более тридцати лет, — у него было такое же длинное узкое лицо, выступающие скулы, высокий лоб, длинный крючковатый нос и тонкие выразительные губы. Но глаза отличались от глаз пионеров, ветеранов и вообще от всех когда-либо виденных ею глаз: они были серые, но настолько темные, что казались почти черными; они смотрели вдаль зорко и настороженно, словно исследовали глубины пространства. У Саксон было такое ощущение, будто она когда-то видела его.

— Алло! — приветствовал он их. — Вы здесь удобно расположились! — Он бросил на землю до половины наполненный мешок. — Ракушки. Все, что удалось достать. Отлив еще только начался.

Билл что-то пробормотал, и его лицо выразило крайнее изумление.

— Как я рад, что встретился с вами, даю слово! — выпалил он. — Здравствуйте! Я всегда говорил, что, если мне удастся вас увидеть, я непременно пожму вашу руку. Ну кто бы мог подумать!

Билл радовался от всей души. Его смех перешел в бурное веселье. Они все еще держались за руки.

Незнакомец с любопытством разглядывал его, затем вопросительно посмотрел на Саксон.

— Вы уж меня извините, — прерывающимся от смеха голосом продолжал Билл, раскачивая его руку. — Но я не могу не смеяться. Даю слово, я по ночам иной раз проснусь, вспомню, нахохочусь — и опять засыпаю. Неужто ты не узнаешь его, Саксон? Да это тот самый хлюст… Скажите, дружок, вы, верно, здорово наловчились орудовать битой?..

Тут и Саксон вдруг вспомнила, где она видела его раньше: это он стоял рядом с Роем Бланшаром возле автомобиля в тот день, когда она, больная, бессознательно блуждала по незнакомым улицам. Но и тогда она видела его не в первый раз.

— Вы помните праздник каменщиков в Визел-парке? — воскликнул Билл.

— А состязание в беге? Да я вас узнал бы в какой хочешь толпе! Ведь это вы тот тип, который швырнул тросточку под ноги Тимоти Мак-Манусу и вызвал такой скандал, какого еще не бывало ни в Визел-парке, ни в каком-либо парке вообще!

Теперь засмеялся и незнакомец. Он хохотал все громче и от смеха переступал с ноги на ногу. В конце концов он уселся на выкинутое морем бревно.

— И вы тоже там были? — выговорил он, наконец. — И видели, все видели? — Он обратился к Саксон. — А вы?

Она кивнула.

— Скажите, — снова начал Билл, когда оба немного успокоились, — мне все время хотелось узнать, на кой черт вам это понадобилось? Вы можете объяснить, зачем вы это сделали? Я много раз себя спрашивал…

— И я тоже, — последовал ответ.

— Вы ведь не были знакомы с Тимоти Мак-Манусом? Нет, никогда не видел его до того, не видел и после.

— Так почему же вы это сделали? — настаивал Билл.

Молодой человек рассмеялся, но тут же лицо его стало серьезным.

— Хоть убейте, не знаю! У меня есть приятель, очень умный парень, пишет серьезные научные книги, — так вот ему всегда до смерти хочется бросить яйцо в электрический вентилятор и посмотреть, что из этого выйдет. Вероятно, то же произошло и со мной, только у меня никаких мучений не было. Когда я увидел мелькавшие передо мной ноги, я просто сунул между ними свою трость, — я за секунду не знал, что сделаю это. Просто сунул трость — и все. Я был поражен не меньше, чем Тимоти Мак-Манус.

— Они вас поймали? — спросил Билл.

— Разве я похож на человека, которого можно поймать? Никогда в жизни не был я так перепуган, как в тот раз. Сам Тимоти Мак-Манус не догнал бы меня. А что было потом? Я слышал, как началась свалка, но не мог остановиться, чтобы поглядеть.

Прошло с добрых четверть часа, пока Билл описал завязавшуюся тогда драку, и лишь после этого начались взаимные представления. Молодого человека звали Марк Холл, и жил он в одном из домиков среди кармелских сосен.

— Но каким образом вы попали в бухту Бирса? — полюбопытствовал он.

— Проходящие наверху по дороге и не подозревают о ее существовании.

— Ах, вот как называется это место, — заметила Саксон.

— Да, мы так назвали его. Один из нашей компании прожил здесь все лето и дал бухте свое имя. Я с удовольствием выпью чашку кофе, если разрешите, — обратился он к Саксон. — А после кофе покажу тут все вашему мужу. Мы очень гордимся нашей бухтой. Здесь никого, кроме нас, не бывает.

— Но эти мускулы вы едва ли нажили, удирая от Мак-Мануса, — заметил, попивая кофе, Билл.

— Это результат массажа мускулов, когда они напряжены, — последовал загадочный ответ.

— Так… — рассеянно отозвался Билл. — А с чем это едят?

Холл рассмеялся.

— Я сейчас покажу вам. Напрягите любой мускул, хотя бы вот этот, а затем хорошенько разминайте его — вот так и так…

— И вы одним этим добились таких результатов? — усомнился Билл.

— Да, этим, — горделиво заявил Холл. — На каждый мускул, который вы видите, приходится пять мускулов, которых не видно, но он ими управляет. Троньте пальцем любое место на моем теле…

Билл послушно коснулся правой стороны груди.

— Вы, видно, хорошо знаете анатомию, коли выбираете такое место, где мускулов нет, — проворчал Холл.

Билл торжествующе улыбнулся, но, к его удивлению, под его пальцем начал набухать мускул. Он нажал на него, и мускул оказался твердым, как сталь.

— Это сделал массаж напряженных мускулов, — торжествующе заявил Холл, — Валяйте дальше, где хотите.

Какой бы точки Билл ни касался, всюду под его пальцами проступали все мускулы и, вздрагивая, исчезали; наконец, все тело Холла затрепетало этой искусственно пробужденной жизнью мышц.

— Ничего подобного не представлял себе, — говорил пораженный Билл.

— Уж я ли не перевидал на своем веку крепких ребят. А вы весь — живая сила!

— Это все результат такого массажа, дружок. Доктора от меня отказались. Друзья называли меня дохлой крысой, тощим поэтом и прочими милыми прозвищами. Тогда я удрал из города и поселился в Кармеле, — и вот вам что сделала жизнь на свежем воздухе и массаж мускулов, когда они напряжены.

— Но Джим Хэзард нарастил себе мускулы ведь не этим способом! — скептически отозвался Билл.

— Конечно, нет. Он счастливчик, этот подлец! Он уж таким родился. А мои я сам создал, вот в чем разница. Я — произведение искусства. А он — пещерный медведь. Ну, пойдемте, я покажу вам наши места. Снимите-ка лишнюю одежду; оставайтесь в башмаках и брюках, пока у вас нет трусов.

— Моя мать была поэтессой, — говорила Саксон, пока Билл разоблачался в кустах; она слышала, что Холл назвал себя поэтом.

Он равнодушно промолчал, и она решила продолжать:

— Некоторые из ее стихотворений были напечатаны.

— А как ее звали? — рассеянно спросил Холл.

— Дэйелл Уилей Браун. Она написала «Поход викинга», «Золотые годы», «Верность», «Кабальеро», «Могилы Литтл Мэдоу» и много других стихотворений. Десять из них были помещены в сборнике «Из архивов прошлого».

— У меня дома есть эта книга, — отозвался он, видимо, наконец, заинтересовавшись. — Дэйелл Браун была одним из первых пионеров. Конечно, это было еще до меня. Я поищу ее стихи, когда вернусь домой. Мои родители тоже были пионерами. Они в пятидесятых годах прибыли

сюда с Лонг-Айленда через Панаму. Мой отец был врачом, но потом занялся коммерцией в Сан-Франциско и так грабил своих ближних, что до сих пор нам хватает на жизнь — и мне и всем, кто остался от нашей большой семьи... А скажите, куда собственно вы оба направляетесь?

Когда Саксон рассказала ему об их уходе из Окленда и о поисках подходящей земли, он одобрил первое, но относительно второго недоверчиво покачал головой.

— К югу от Сура чудесно, — заметил он. — Я побывал во всех этих лесистых каньонах, в них так и кишит дичью. Есть и казенные земли. Но жить в тех краях — безумие. Это от всего слишком далеко. Да и земля не годится для обработки, разве что участки в каньонах. Я знаю там одного мексиканца, который мечтает продать свои пятьсот акров за полторы тысячи долларов. По три доллара за акр! Что это означает? Да что они большего не стоят. А может быть, даже этого не стоят, потому что он никак не найдет покупателя. Земля, знаете ли, всегда стоит той цены, за какую ее продают и покупают.

Тут из кустов вышел Билл, в одних башмаках и брюках, закатанных до колен, и их разговор прервался. Саксон смотрела, как эти два человека, столь разные по внешности, карабкаются на скалы, чтобы выбраться на южную сторону бухты. Сначала ее взгляд рассеянно следил за ними, но вскоре она заинтересовалась, а потом встревожилась. Стремясь достичь гребня скалы. Холл вел Билла по краю утеса, казавшегося совершенно отвесным. Билл следовал за ним с величайшей осторожностью, дважды она видела, как он поскользнулся, — выветрившийся камень рассыпался у него под рукой и скатился вниз, на пляж. Когда Холл добрался до вершины, поднимавшейся футов на сто над морем, он выпрямился и уверенно и непринужденно стал разгуливать по острому, как лезвие, гребню скалы, которая, как Саксон знала, обрывалась отвесно и с другой стороны. Билл же, добравшись доверху, удовольствовался тем, что опустился на колени и на руки. Холл продолжал путь с такой легкостью, словно шел по ровному полю. Билл встал с колен, последовал за ним, прижимаясь к скале и цепляясь за камни руками.

Острый скалистый гребень состоял из нескольких зубцов, и когда они скрылись в одной из расселин, Саксон надолго потеряла обоих из виду. Она не могла отделаться от беспокойства и поднялась на скалы с северной стороны бухты, где они были менее суровы и обрывисты и взбираться на них было легче. Все же непривычная высота, осыпавшаяся под ногами почва и резкие порывы ветра пугали ее. Вскоре она увидела обоих мужчин. Они только что перепрыгнули через узкую щель и теперь взбирались на следующий выступ. Билл двигался уже смелее, но его проводник по-прежнему часто задерживался, поджидая его. Путь становился все труднее; им несколько раз приходилось перебираться через трещины, стены которых спускались прямо в воду, — и тогда ревущие волны, врывавшиеся в них, обдавали путников пенными брызгами. Иногда же, чтобы перебросить тело через глубокие узкие трещины, они выпрямлялись и падали вперед, вытянув руки, пока их ладони не упирались в противоположную стену пропасти. Впиваясь в камень пальцами, они подтягивались и шли дальше.

Приближаясь к концу гряды. Холл и Билл скрылись за гребнем. Когда же Саксон вновь увидела их, они уже обходили край хребта и возвращались к берегу со стороны бухты. Тут дорога, казалось, прерывалась. Широкая расщелина, похожая на раскрытую пасть, возносила в небо свои совершенно отвесные скалы; они поднимались из недр пенящегося водоворота, разъяренные волны которого то вздымались на двенадцать футов ввысь, то внезапно обрушивались в черную пучину, полную камней и извивающихся водорослей.

Осторожно цепляясь за выступы, мужчины спустились до того места, куда долетали брызги

волн; здесь они остановились. Саксон видела, как Холл показал вниз, на ту сторону, и подумала, что он обращает внимание Билла на что-то любопытное, но она никак не ожидала того, что последовало. Волны отхлынули, и Холл спрыгнул на узенький выступ, где секунду назад бешено бурлила вода. Не задерживаясь, так как водяной вал снова возвращался, он быстро обогнул острый край и, цепляясь руками и ногами, пополз вверх, спасаясь от настигающих его волн. Теперь Билл остался один. Он даже не мог видеть Холла, а тем более получить от него указания, и Саксон следила за ним с таким напряжением, что боль в кончиках пальцев, которыми она держалась за камни, заставила ее опустить руки. Билл выжидал подходящей минуты, дважды готовился к прыжку и отступал, потом все-таки спрыгнул на узкий, мгновенно открывшийся выступ, метнулся за угол и пополз вверх за Холлом, причем волна окатила его по самую грудь, но не смыла.

Саксон успокоилась, только когда они вернулись к костру. Взглянув на Билла, она увидела, что он ужасно недоволен собой.

— Для начала вы вели себя молодцом, — воскликнул Холл, весело похлопывая его по голому плечу. — Эта прогулка — мой коронный номер. Немало храбрецов пускались в путь вместе со мной — и на полпути выдыхались. Я раз десять дрейфил на этом большом прыжке, пока не научился. Он удается только атлетам.

— Мне ничуть не совестно признаться, что я струсил, — сердито пробурчал Билл, — А вы лазаете, как горный козел; и я уверен, что вы здорово сердились на меня. Но теперь я не успокоюсь. Здесь все дело в тренировке, и я тут останусь и буду тренироваться до тех пор, пока не смогу вызвать вас на состязание: кто кого обгонит — наверх, кругом и обратно к берегу.

— Идет, — сказал Холл, протягивая руку в подкрепление договора. — А когда-нибудь, когда мы встретимся в Сан-Франциско, я сведу вас с Бирсом — с тем, в честь кого мы назвали бухту. Его любимый фокус — если он только не собирает гремучих змей — дождаться, когда подует ветер со скоростью сорока миль в час, влезть на крышу небоскреба и прогуливаться по перилам с подветренной стороны, — заметьте, с подветренной, — так что если он сверзится, то уж прямехонько на мостовую. Он как-то предложил мне сделать то же самое.

— Ну и что же? — нетерпеливо осведомился Билл.

— Без подготовки я бы, конечно, не мог. Но я целую неделю тайком тренировался, выиграл пари и получил с него двадцать долларов.

Море достаточно далеко отошло от берега, и можно было собирать ракушки. Саксон сопровождала мужчин за северную гряду скал. Холлу предстояло набрать несколько мешков; днем должна была прийти лошадь, чтобы доставить ракушки в Кармел. Когда мешки были наполнены, они принялись обшаривать все впадины и расщелины и были вознаграждены: они нашли три раковины жемчужниц, а Саксон обнаружила между створками одной из них притаившуюся жемчужину. Холл посвятил их в таинство приготовления мяса жемчужниц-абелонов[8].

Саксон казалось, что они давным-давно знакомы. Это напомнило ей прежние времена, когда с ними был Берт, распевавший куплеты или остривший насчет последних могикан.

— А теперь слушайте! Мне надо вас кое-чему научить, — скомандовал Холл, занося большой круглый камень над белой массой. — Никогда, никогда не разбивайте мясо абелонов без песни, которую я вам сейчас спою. И никогда не пойте этой песни по какому-нибудь другому случаю. Это было бы самым низким святотатством. Абелоны — пища богов. Их приготовление — целая

религиозная церемония. Итак, слушайте, подпевайте и помните, что мы священнодействуем.

Холл опустил камень, издавший глухой стук, на белую массу абелона. Потом еще и еще, и казалось, это там-там аккомпанирует песне поэта:

Кто любит плов, перепелов,

Еще бы! Ужин тонный,

А мне бы денежки считать,

Смакуя абелоны.

Сойдется ль вдруг знакомых круг,

И крабы там — персоны!

Но все ж милей душе моей

На блюде абелоны!

В морях живут, с волной всплывут

На берег оголенный,

Потом взгрустнут и запоют -

Заплачут абелоны.

Кто любит Джейн, кто тянет джин

На побережье Коней,

Но, черт возьми, в Кармеле мы

Глотаем абелоны!

Он смолк с открытым ртом и занесенным камнем. Послышался шум колес и чей-то голос, окликавший его сверху — оттуда, куда они отнесли мешки с ракушками. Он опустил руку, ударил камнем в последний раз и встал.

— Таких строф наберется еще тысячи, — сказал он. — Я очень жалею, что у меня нет времени разучить их с вами. — Он вытянул руки ладонями вниз. — А теперь, дети мои, благословляю вас, отныне вы члены Племени Пожирателей Абелонов, и я торжественно приказываю вам никогда и ни при каких обстоятельствах не разбивать мясо абелонов, не распевая при этом священных слов, которым я вас научил.

— Но нам не запомнить с одного раза все слова, — возразила Саксон.

— Этому горю мы поможем. В следующее воскресенье все Племя Пожирателей Абелонов спустится к вам в бухту Бирса, и вы увидите все наши обряды и отряды наших поэтов и поэтесс, увидите даже Железного Человека с глазами василиска, известного в просторечье под именем Король Священных Ящериц.

— А Джим Хэзард будет? — крикнул Билл вслед Холлу, уже исчезнувшему в кустах.

— Конечно, будет, — отозвался тот. — Разве он не Пещерный Медведь и Орясина, самый бесстрашный и, после меня, самый древний член Племени Пожирателей Абелонов?

Саксон и Билл только молча смотрели друг на друга, пока не смолк вдали шум колес.

— Ах, черт меня побери! — наконец, вырвалось у Билла. — Вот это парень! Ничуть не задается. Вроде Джима Хэзарда. Приходит и ведет себя, как дома, — наше вам! — ты ничем не хуже его, а он ничем не хуже тебя, и все мы между собой приятели…

— Он тоже из старого племени поселенцев, — сказала Саксон. — Он рассказал мне, пока ты раздевался. Его родители попали сюда через Панаму еще до постройки железной дороги, и из его слов я поняла, что у него денег сколько хочешь.

— Но он ведет себя совсем не как богач.

— А какой он веселый! — добавила Саксон.

— Настоящий весельчак! И подумать, что он поэт!

— Не знаю, правда ли, но я слыхала, что многие поэты ужасные чудаки.

— Да, это правда. Я вспоминаю. Взять хотя бы Хоакина Миллера — он живет в горах за Фрутвейлом. Конечно, он чудак. Помнишь, как раз возле его ранчо я сделал тебе предложение… Но все-таки я думал, что поэты носят бакенбарды и очки, и не могут давать бегунам подножку на воскресных гуляньях, и не ходят в таком голом виде, как только можно, не нарушая закона, и не собирают раковин, и не лазают по скалам, точно козы.

В эту ночь, ледка под одеялом, Саксон никак не могла уснуть; она смотрела на звезды, вдыхала опьяняющее благоухание цветущих зарослей, прислушивалась к отдаленному рокоту прибоя и к журчанью струй в защищенной бухте, всего в нескольких шагах от нее. Билл завозился, и она поняла, что он тоже не спит.

— Ты рад, что мы ушли из Окленда, Билли? — шепнула она, прижимаясь к нему.

— Гм, — послышалось в ответ, — спроси рыбу: хорошо ли ей в воде?

Глава восьмая

Как только море в часы отлива уходило достаточно далеко, Билл взбирался на южные скалы и проделывал весь тот опасный путь, по которому он прошел с Холлом; и каждый раз это требовало все меньше времени.

— Подожди до воскресенья, — говорил он Саксон, — я заставлю этого поэта побегать за свои денежки! Теперь для меня уже нет ни одного трудного места, я чувствую себя вполне уверенно. И там, где я в первый раз полз на четвереньках, я теперь прохожу бегом. А знаешь, как я этого добился? Я говорил себе: вообрази, что и по ту и по другую сторону ты можешь упасть не больше как с высоты одного фута, и то на мягкое сено. И тогда ничуть не страшно, и ни за что не свалишься, а помчишься во всю прыть. И тебе все равно, если даже с каждой стороны будет обрыв глубиною в милю. Тебя это не должно касаться. Тебе важно одно — оставаться наверху и бежать во всю прыть. Знаешь, Саксон, когда я до этого додумался, то совершенно перестал бояться. Пусть он теперь приезжает со своей компанией в воскресенье —

я готов к встрече.

— Интересно, какая у него компания? — задумчиво сказала Саксон.

— Наверно, такие же славные ребята, как и он. Рыбы ходят стаями. Никто из них не станет важничать, вот увидишь.

Холл прислал им удочки и купальные костюмы с мексиканским ковбоем, который ехал на свое ранчо, и от него они узнали многое о казенных землях и о том, как получить участок. Неделя пролетела незаметно. Каждый вечер Саксон счастливым вздохом провожала заход солнца; каждое утро они встречали его возвращение радостным смехом, приветствуя начало нового блаженного дня. Они не строили никаких планов, а просто удили рыбу, собирали ракушки и абелоны и лазали, когда им хотелось, по скалам. Они разбивали абелонов с благоговением, сопровождая церемонию немудрящими виршами, сочиненными Саксон. Билл блаженствовал. Саксон никогда еще не видела его таким здоровым и сильным. Что касается ее, то незачем и глядеться в зеркальце, — она знала и без того, что никогда, со времени ранней юности, ее щеки не горели таким румянцем и оживлением.

— У меня первый раз за всю мою жизнь настоящий праздник, — как-то сказал Билл. — Ведь у нас с тобой, с тех пор как мы женаты, никогда не было праздника. А теперь — миллионеры и те позавидовали бы нам.

— Никаких гудков в семь утра на работу, — торжествовала Саксон. — Я бы нарочно валялась по утрам в постели, — только здесь так хорошо, что даже обидно валяться. А теперь, мой Пятница, ступай поиграй в сбор хвороста и поймай крупного окуня, если ты рассчитываешь получить обед.

Билл, который лежал ничком, зарывшись в песок пальцами босых ног, вскочил и взял топор.

— Но долго так продолжаться не может, — сказал он с глубоким сожалением. — В любую минуту могут начаться дожди. Прямо чудо, что ясная погода все еще держится.

Когда он в субботу утром вернулся со своей прогулки по гребню южных скал, Саксон на месте не оказалось. Громко позвав ее несколько раз и не получив ответа, он выбрался наверх, на дорогу, и увидел ее в полумиле, — она сидела верхом на неоседланной, невзнузданной лошади, которая неохотно тащилась по луговине.

— Твое счастье, что это старая кобыла, ходившая под седлом, — видишь, вот и следы от него, — проворчал он, когда Саксон, наконец, остановилась около него и он снял ее с лошади.

— О Билли! — она сияла от радости. — Я же никогда не ездила верхом. Это было замечательно! Я и растерялась — и была полна отваги.

— Я просто горжусь тобой, — отозвался он еще более сердито, — не всякая замужняя женщина полезет на чужую лошадь, да еще если она ни разу не ездила верхом.

И я помню, что обещал тебе хорошую верховую лошадь в полное твое распоряжение, — лошадка будет первый сорт!

Пожиратели абелонов приехали в двух экипажах, а часть — верхом, и спустились в бухту Бирса. Среди них было человек десять мужчин и почти столько же женщин. Все молодые — между двадцатью и сорока годами, — и все, видимо, добрые друзья. Большинство были женаты. Они подняли веселый шум, толкали друг друга на скользкой тропинке и сразу создали вокруг

Саксон и Билла товарищескую атмосферу, искреннюю и теплую. Дамы окружили Саксон, — она никак не могла поверить, что это замужние женщины, — они очень ласково отнеслись к ней, расхваливали ее лагерное и дорожное снаряжение, засыпали ее вопросами. Саксон сразу поняла, что и сами они опытные туристки, — достаточно было взглянуть на их котелки, сковороды и бак для раковин.

Между тем мужчины разделись и отправились искать ракушки и абелоны. Женщины же, увидев укулеле, решили, что это страшно интересно, и Саксон не помогли никакие отговорки — ей пришлось играть и петь. Некоторые из них побывали в Гонолулу, и этот инструмент был им знаком; они подтвердили, что да. Мерседес правильно назвала укулеле «скачущей блохой». Они также знали те гавайские песенки, которым ее научила Мерседес, и очень скоро под аккомпанемент Саксон все пели хором «Алоха Оэ», «Сорванец из Гонолулу» и «Прелестная Леи Легуа». Саксон искренне смутилась, когда некоторые из них, даже наименее молодые, стали плясать на песке «алу».

Наконец, мужчины вернулись, нагруженные мешками с ракушками, и Марк Холл, в качестве первосвященника, приступил к торжественному обряду племени. Он взмахнул рукой, и камни сразу опустились на белое мясо жемчужниц, а все голоса слились в гимне абелонам. Старые, знакомые куплеты пелись всеми, а время от времени кто-нибудь один исполнял новый, который затем подхватывался хором. Вилл выдал Саксон: он вполголоса попросил ее спеть стихи, сочиненные ею самою; и она робко начала своим чистым, приятным голоском:

Сидим кругом и камнем бьем,

Для нас ведь нет законов.

Ведь все мы — о! — хотим давно

Покушать абелонов.

— Замечательно! — воскликнул поэт, слегка поморщившись от рифмы «о! — давно». — Она заговорила на языке племени! Ну, пойте, дети мои, все разом!

И все пропели стихи Саксон. Затем были исполнены новые строфы, сочиненные Хэзардом, одной из девушек и Железным Человеком с зеленовато-серыми глазами василиска, которого Саксон сразу узнала по описанию Холла. Но самой ей казалось, что лицом он похож на священника.

Кто любит шпик, а кто язык,

Кто просто макароны.

А я, простак, тяну коньяк,

Когда есть абелоны.

Пьют за столом коньяк и ром,

Ликер и пунш с лимоном.

Мне подавай лишь каравай

Впридачу к абелонам!

Кому дурман сулит обман,

А кто творит законы,

Но хитрый кот навагу жрет,

А с нею абелоны.

Черноволосый и черноглазый человек с озорным лицом сатира, — Саксон узнала, что он художник и продает свои картины по пятьсот долларов за штуку, — вызвал всеобщее возмущение, пропев:

Их всех не съесть, не перечесть,

На дне их — миллионы:

Ведь как-никак вступают в брак,

Плодятся абелоны.

Пенье продолжалось, и без конца чередовались старые и новые строфы в честь сочного кармелского моллюска. Саксон веселилась вовсю, и ей было трудно уверить себя, что все это происходит на самом деле. Казалось — это волшебная сказка или воплотившийся в жизнь рассказ из книжки. Напоминало это и театр, где приезжие были актерами, причем она и Билл каким-то непонятным образом тоже попали на сцену. Смысл многих услышанных ею острот ускользнул от нее, многое она поняла, — впервые она присутствовала при том, что называют «игрой ума». И тут сказалось полученное ею пуританское воспитание: иные вольности удивляли ее и смущали, но она чувствовала, что не может судить этих людей. Они, эти легкомысленные художники, все же казались ей хорошими, и, конечно, в них не чувствовалось такой грубости и вульгарности, как во многих мужчинах, с которыми она когда-то встречалась на воскресных гуляньях. Ни один из мужчин не напился, хотя в термосах были коктейли, а в большой оплетенной бутыли — красное вино.

Особенно ее поразило их бьющее через край веселье, чисто ребячья жизнерадостность и ребяческие шутки. Это впечатление еще усиливалось тем, что перед нею были писатели и художники, поэты и критики, скульпторы и музыканты. Один из мужчин, с тонкими выразительными чертами лица, — ей сказали, что это театральный критик известной газеты, выходящей в Сан-Франциско, — показал номер, который после него пытались повторить остальные мужчины, но самым смехотворным образом проваливались. На берегу, на равном расстоянии, поставили доски — они служили как бы барьерами, и театральный критик, встав на четвереньки, пустился галопом по песку, в совершенстве подражая лошади и перескакивая через одну доску за другой, как лошадь, когда она берет препятствия.

Затем все с увлечением занялись метанием колец. После этого перешли к прыжкам. Словом, игра сменялась игрой. Билл принимал участие во всех состязаниях, но выигрывать ему приходилось не так часто, как он хотел бы. Один писатель англичанин метнул копье на двенадцать футов дальше, чем Билл, Джим Хэзард победил его при метании камня, Марк Холл

— в прыжках с места и с разбега. Но в прыжке назад взял верх Билл. Несмотря на больший вес, он вышел на первое место благодаря великолепной мускулатуре спины и живота. И тут же, после этого триумфа, сестра Марка Холла, рослая юная амазонка в мужском костюме для верховой езды, три раза позорно перекувырнула его в индейской борьбе.

— С вами не надорвешься, — рассмеялся Железный Человек; потом они узнали, что его имя Пит Бидо. — Я тоже могу вас положить на обе лопатки, и мигом!

Билл принял вызов и вскоре убедился, что его противник вполне заслужил свое прозвище. На тренировках Биллу приходилось участвовать в вольном бое с такими прославленными боксерами, как Джим Джеффрис и Джек Джонсон, и испытать на себе их чудовищную силу, но никогда еще не встречал он равного Железному Человеку. Как Билл ни сопротивлялся, все было напрасно, противник дважды вдавил его плечи в песок.

— Вы можете взять реванш, — сказал ему на ухо Хэзард, — я привез с собой перчатки. Понятно, что в борьбе вы не могли с ним справиться: он боролся в лондонских мюзик-холлах с Хакеншмидтом. Пока молчите, а мы, как будто случайно, предложим бокс. Он о вас ничего не знает.

Вскоре метавший копье англичанин стал упражняться в вольном бое с театральным критиком, Хэзард и Холл разыграли карикатуру на бокс, а затем, держа в руках перчатки, стали искать следующую подходящую пару. Было ясно, что выбор падет на Бидо и Билла.

— Он может страшно обозлиться, если вы его прижмете! — предостерег Билла Хэзард, завязывая на его руке перчатку. — Бидо по происхождению американский француз, и нрав у него бешеный. Но вы не теряйте хладнокровия и, знай, щелкайте его, не давайте ему передышки.

«Потише, Бидо! „, «Без грубости, Бидо! «, «Не очень увлекайся, знаешь!“ — сыпались со всех сторон предостережения в адрес Железного Человека.

— Погодите минуточку, — обратился он к Биллу, опустив руки. — После первой взбучки я начинаю горячиться. Но не обращайте внимания. Я ничего не могу с собой поделать. Это сейчас же пройдет. Я сам потом не рад.

Саксон очень встревожилась, перед ней возникли все кровавые драки Билла и все штрейкбрехеры, над которыми он чинил расправу. Но она ни разу не видела, как ее муж боксирует, и нескольких секунд было достаточно, чтобы она успокоилась: Железному Человеку с ним не справиться. Билл сразу оказался хозяином положения: он ловко избегал ударов и, словно играя, беспрерывно наносил противнику удары по лицу и по телу. Эти удары не были тяжелы, они казались легкими, звонкими щелчками, но он осыпал ими противника, и их меткость раздражала Железного Человека. Зрители напрасно кричали ему, чтобы он не увлекался. Его лицо побагровело от злости, и удары становились все яростнее, а Билл продолжал обрабатывать его — раз, раз, раз, спокойно, точно, невозмутимо. Железный Человек окончательно потерял самообладание, в бешенстве бросался на Билла, нанося ему суинги и апперкоты убийственной силы. Билл уклонялся, отскакивал в сторону, парировал, увертывался и искусно избегал его ударов. В неизбежных клинчах Билл лишал Железного Человека возможности двигать руками, тот начинал смеяться и приносить свои извинения, но, освободившись, при первом же ударе вновь терял голову и еще яростнее кидался на противника.

А когда матч был окончен и инкогнито Билла раскрыто, Железный Человек вместе со всеми добродушно подтрунивал над тем, как его провели. Билл показал себя с наилучшей стороны. Его высокое спортивное мастерство, его выдержка произвели большое впечатление на всю компанию, и Саксон, гордая успехами своего мужа-мальчика, с радостью читала на всех лицах восхищение.

Но и она не ударила лицом в грязь. Когда усталые и разгоряченные спортсмены улеглись на песок, чтобы остыть, ее упросили аккомпанировать на укулеле их шуточным песням. Вскоре она сама приняла участие в пении и стала учить своих новых приятельниц смешным и милым песенкам былых времен, которым ее в раннем детстве обучил Кэди, Кэди-трактирщик, пионер и бывший кавалерист, который в те дни, когда еще не существовало железных дорог, был мясником и одним ударом валил быков на Солтлейкской тропе. Его любимая песенка имела особенный успех:

Горький ручей… Никогда не позабыть тех времен,

«Выдержи или умри» — переселенцев закон,

Горло забито песком, пыль застилает глаза.

Выдержи или умри, но отступать нельзя.

После того как были пропеты несколько строф этой песни, Марк Холл заявил, что ему особенно нравится строфа:

Обадии приснился сон:

Десятком мулов правит он…

Проснувшись, тяжело вздохнул,

Ведь коренник его лягнул.

Потом Марк Холл завел разговор о состязании с Биллом на скорость пробега по южной гряде скал, окружавших бухту, но как о чем-то предстоявшем в весьма отдаленном будущем. Он был очень удивлен, когда Билл сказал, что готов в любую минуту. И все тотчас же шумно потребовали состязания. Холл хотел с кем-нибудь поспорить, что добежит быстрее, однако охотников не нашлось. Он предложил два против одного Джиму Хэзарду, но тот покачал головой и заявил, что согласится лишь на три против одного. Билл услышал это и заскрипел зубами.

— Поспорим на пять долларов, — обратился он к Холлу, — но не на таких условиях. Ставлю один против одного.

— Мне ваши деньги не нужны; мне нужны деньги Хэзарда, — ответил Холл. — Хотя я готов держать пари с каждым из вас на три против одного.

— Или на равных условиях, или совсем не надо, — упрямо настаивал Билл.

В конце концов Холл держал пари с обоими — на равных условиях с Биллом и на три против одного с Хэзардом.

Тропинка, извивавшаяся по острому гребню скал, была настолько узка, что состязавшиеся не могли обгонять друг друга, поэтому решили выпустить их одного за другим. Холл должен был бежать первым, а Билл через полминуты после него.

Провели черту, и по сигналу Холл помчался, как настоящий спринтер. У Саксон замерло сердце. Она знала, что Билл никогда не пробегал с такой скоростью эту песчаную полосу. Билл ринулся вперед на тридцать секунд позже и достиг подножья скал, когда Холл был уже на

полпути к гребню. Оба вскоре оказались наверху и понеслись от одного зубца к другому. Тогда Железный Человек заявил, что они взобрались на скалу за то же самое время, секунда в секунду.

— Я пока за свои деньги не беспокоюсь, — заметил Хэзард, — и надеюсь, что ни один из них не свернет себе шею. Лично я ни за какие деньги не рискнул бы на такой пробег.

— Но ты подвергаешь себя гораздо большей опасности, когда плаваешь в Кармелской бухте при шторме, — с упреком заметила его жена.

— Право, не знаю, — ответил он. — В воде не упадешь с такой высоты.

Билл и Холл исчезли из глаз, они огибали конец гряды. Стоящие на берегу были убеждены, что поэт обгонит Билла в этом головокружительном беге по гребню, острому как лезвие ножа. Даже Хэзард допускал эту возможность.

— Сколько вы даете за мой выигрыш? — воскликнул он в азарте, приплясывая от нетерпенья.

Показался Холл, сделал решительный прыжок и побежал к берегу. Но Билл не отставал. Он несся за ним по пятам и так, вплотную, пробежал всю дорогу вниз, вплоть до отметки на берегу. Биллу удалось совершить весь пробег на полминуты быстрее Холла.

— Это только по часам так выходит, — тяжело дыша, заявил он. — Между нами все время были те же полминуты. Я не отставал, как я и думал, но он проворнее. Он мчится, как спринтер. Он легко может обогнать меня в любую минуту, разве что помешает какая-нибудь случайность. Тут его на прыжке задержал прибой. Вот я его и нагнал. Я прыгнул сразу за ним, не дожидаясь следующей волны, а затем он пошел к финишу, и мне оставалось только пристроиться к нему в затылок.

— Так, — сказал Холл. — Но вы сделали кое-что потруднее, чем обогнать меня. В первый раз за всю историю бухты Бирса двое прыгнули на тот же выступ и в тот же промежуток между двумя волнами. Весь риск выпал на вашу долю — ведь вы прыгнули вторым.

— Мне просто повезло, — настаивал Билл.

Саксон прекратила эту борьбу великодушии. Она ударила по струнам укулеле и, вызвав всеобщий смех, затянула, подражая негритянским духовным песнопениям:

Господь ведет его дорогою греха,

Чтоб спотыкался он и падал…

После полудня Джим Хэзард и Холл пошли купаться и, нырнув в высокие валы прибоя, поплыли к отдаленным скалам, согнали с них негодующих морских львов и овладели одной из белых от пены твердынь. Билл с такой нескрываемой завистью следил за пловцами загоревшимся взором, что миссис Холл сказала:

— Отчего бы вам не провести эту зиму в Кармеле? Джим вас научит плавать при высокой волне. А он мечтает заняться с вами боксом. Он часами сидит за письменным столом, и ему необходимо поразмяться.

Лишь после заката веселая компания собрала свои котелки и сковородки, вытащила все это на дорогу и уехала. Саксон и Билл смотрели им вслед, пока те не скрылись за первым холмом, и

пешие и всадники, — а затем, взявшись за руки, спустились через кусты к своей стоянке. Билл бросился на песок и потянулся.

— Кажется, никогда еще так не уставал, — заметил он, зевая. — Одно я знаю наверно: никогда еще мне не было так весело. За один такой день стоит отдать двадцать лет жизни, а то и больше.

Он протянул руку к лежавшей рядом Саксон.

— Я так гордилась тобой. Билли, — сказала она. — Я ведь никогда не видела, как ты боксируешь. И я совсем не представляла себе что это такое. Железный Человек был все время в твоей власти, а ты не допустил в борьбе ни насилия, ни жестокости. Все это видели и восхищались тобой.

— А ты, скажу тебе, была очень мила. Ты им всем очень понравилась. Даю слово, Саксон, ты пела лучше всех под свое укулеле, и женщинам очень понравилось, а это чего-нибудь да стоит!

Таков был их первый успех в обществе, и они наслаждались им.

— Мистер Холл сказал, что просматривал сборник «Из архивов прошлого», — начала Саксон, — и что моя мать настоящий поэт. Он сказал, что просто удивительно, какие замечательные люди совершили переход через прерии. И очень много говорил о тех временах и о людях, о которых я до сих пор ничего не знала. Оказывается, он прочел все о сражении при Литтл Мэдоу, у него дома есть такая книга. И когда мы вернемся в Кармел, он мне покажет ее.

— А ему в самом деле хочется, чтобы мы вернулись. Знаешь, Саксон, он дал мне письмо к одному человеку, у которого есть клочок казенной земли; этот парень — поэт и хозяйничает на небольшом участке. Мы у него сможем остановиться, и это будет очень кстати, если нас застигнут дожди. И… вот к чему я веду… Холл говорит, что у него есть хибарка; он жил в ней, пока строился его дом. Сейчас ее занимает Железный Человек, но он скоро уедет в какой-то католический колледж, он хочет стать священником, и Холл предлагает нам эту хибарку на сколько мы захотим. И он сказал еще, что я могу делать то же, что делал Железный Человек, и тем же способом заработать себе на жизнь. Холл совсем смутился, когда предлагал мне работу. Он говорит, что работа будет нерегулярная, но мы, мол, поладим. Я помогу ему сажать картофель, сказал он, а потом ужасно обозлился и заявил, что дрова колоть я не буду, это уже его специальность; видно было, что он прямо ревнует, никого к этому делу и подпустить не хочет.

— Миссис Холл говорила мне то же самое, слово в слово. Провести дождливое лето в Кармеле не так уж плохо. А затем ты бы поплавал с мистером Хэзардом.

— Выходит, мы с тобой можем устроиться, где нам только захочется,

— отозвался Билл. — Кармел — уже третье место, где нам предлагают остаться. Теперь я вижу, что не страшно уходить из города, — в деревне каждый найдет работу.

— Каждый хороший работник, — поправила его Саксон.

— Вероятно, ты права, — ответил Билл после некоторого раздумья. — Но все равно — даже дурню легче устроиться в деревне, чем в городе.

— Кто бы мог подумать, что на свете есть такие милые люди, — размышляла вслух Саксон, — даже удивительно.

— Ничего не удивительно, — пустился в рассуждения Билл, — он богач и поэт, он способен дать подножку бегуну на ирландском празднике. Этакий парень и компанию ведет только с такими же, как он сам. Либо он их всех обратил в свою веру. А уж сестрица у него — только что на морском льве не катается! И борется она здорово, она прямо создана для этой индейской борьбы. И жена у него прехорошенькая, верно?

Некоторое время они молча лежали на теплом песке. Билл первый нарушил тишину, и его слова, казалось, явились плодом глубокого размышления:

— Знаешь, Саксон, теперь мне наплевать — попаду я еще хоть раз в жизни в кино или нет.

Глава девятая

Саксон и Билл в течение нескольких недель шли все на юг, но в конце концов вернулись обратно в Кармел. Они остановились у Хэфлера, поэта, жившего в мраморном доме, который он построил своими собственными руками. В этом причудливом жилище имелась всего одна комната, стены которой почти целиком были из белого мрамора. Хэфлер готовил себе пищу словно на бивачном костре — в громадном мраморном камине, которым он обычно пользовался для стряпни. Вдоль стен тянулись полки с книгами, и эти полки, как и остальную массивную мебель, он сделал сам из красного дерева и сам обтесал балки потолка. Саксон устроила себе уголок, отделив его одеялами. Поэт собирался уезжать в Сан-Франциско и Нью-Йорк, но задержался на денек, чтобы показать Виллу окрестности и участки казенной земли. В то утро (таксой хотела сопровождать их, но Хэфлер насмешливо заявил, что у нее ноги коротки для таких прогулок. И когда вечером мужчины вернулись, Билл чуть не падал от усталости. Он признался, что Хэфлер прямо загнал его и что с первого же часа он, Билл, бегал за ним высунув язык. Хэфлер считал, что они прошли пятьдесят пять миль.

— Да, но какие мили! — принялся объяснять Билл. — Полдня то в гору, то под гору и почти все время без дорог. А каким шагом! Он был совершенно прав, когда говорил, что у тебя ноги коротки, Саксон, ты бы и первой мили не одолела. А какие места! Мы до сих пор ничего подобного не видели!

Хэфлер ушел на следующий день в Монтери, чтобы сесть в поезд, идущий на Сан-Франциско. Он предоставил им свой мраморный дом — пусть живут всю зиму, если захочется. В день отъезда Хэфлера Билл вознамерился побродить вокруг дома и отдохнуть от вчерашнего путешествия. Он был разбит, все тело ломило, и он поражался выносливости поэта.

— Похоже, в этих местах что ни человек, то рекордсмен, — удивлялся он. — Возьмем к примеру Хэфлера. Он крупнее меня и весит больше, — а вес мешает при ходьбе. Но ему все нипочем. Он говорил мне, что за сутки прошел восемьдесят миль, а за три дня сто семьдесят. Ну и смеялся же он надо мной! Я себя чувствовал прямо мальчишкой перед ним!

— Не забывай. Билли, — утешала его Саксон, — что каждому свое. Уж кто-кто, а ты побиваешь все рекорды. Когда коснется бокса, никому из них не справиться с тобой.

— Ты, должно быть, права, — согласился он. — Но все равно обидно, что поэт оказался лучшим ходоком, чем я, понимаешь ты — поэт!

Они целыми днями бродили по окрестностям, осматривая казенные земли, и в конце концов скрепя сердце решили не брать их. Лесистые каньоны и гигантские утесы хребта Санта-Лучиа пленили Саксон, но она помнила то, что Хэфлер рассказывал ей о летних туманах, которые закрывают солнце на целую неделю или две и держатся здесь месяцами. И потом — отсюда не

доберешься ни до какого рынка. До почты, где начинается проезжая дорога, и то много миль, а проезд по ней через Пойнт Сур до Кармела труден и опасен. Билл своим опытным глазом возчика сразу определил, что возить тяжелые грузы по этой дороге — небольшое удовольствие. На участке Хэфлера имелась каменоломня с превосходным мрамором. Он говорил, что, будь поблизости железная дорога, каменоломня представляла бы собою целое состояние, но при данных условиях он готов им подарить это сокровище, если только они пожелают.

Билл мечтал именно о таких поросших травой склонах, на которых бы паслись его лошади и скот, и он не без сожаления покидал эти места, но охотно прислушивался к доводам Саксон в пользу фермы, какую они видели в оклендском кинематографе. Да, он согласен, им нужна именно такая ферма, и они найдут ее, если бы даже им пришлось проискать целых сорок лет.

— Но там непременно должны быть секвойи, — не сдавалась Саксон. — Я просто влюблена в них. И мы прекрасно обойдемся без туманов. А поблизости должно быть хорошее шоссе и железная дорога, не дальше чем за тысячу миль.

Непрерывные зимние дожди продержали их в течение двух недель пленниками в мраморном доме. Саксон рылась в книгах Хэфлера, хотя большая их часть доводила ее до отчаяния своей непонятностью, а Билл отправлялся на охоту с дробовиком поэта. Но он оказался неважным стрелком и еще худшим охотником. Его единственной добычей были кролики, которых ему удавалось убивать в тех случаях, когда они сидели смирно. Еще хуже он владел винтовкой, а ведь ему раз шесть довелось стрелять в оленей и один раз даже в какую-то громадную кошку с длинным хвостом, — он был уверен, что это горный лев. Хотя он и ругал себя за неудачи, Саксон видела, что это новое занятие доставляет ему огромное удовольствие. Несколько запоздалое пробуждение охотничьего инстинкта как будто преобразило его. Он пропадал с раннего утра до поздней ночи, взбирался на отвесные кручи и делал громадные концы, однажды дошел даже до золотых приисков, о которых им рассказывал Том, и отсутствовал двое суток.

— Как можно целую неделю гнуть спину в городе, а по воскресеньям ходить в кинематограф и на гулянье, — возмущался он. — Понять не могу, какого черта я тянул эту лямку. Мне следовало жить здесь или в каком-нибудь другом таком же месте.

Он был увлечен своим новым образом жизни и то и дело рассказывал Саксон давнишние охотничьи истории, которые слышал от отца.

— Знаешь, у меня больше не ломит ноги, даже если я проброжу целый день, — торжествовал он. — Втянулся! Если я когда-нибудь встречу Хэфлера, то уж я его позову на прогулку, и он у меня походит!

— Вот сумасшедший, вечно тебе не дают спать чужие успехи, ты хочешь перещеголять каждого, будь он хоть бог знает какой специалист, — радостно смеялась Саксон.

— Что ж, может оно и так, — проворчал он. — Нет, с Хэфлером мне будет трудно тягаться. Он создан для ходьбы. Но все равно в один прекрасный день, если только я его встречу, я предложу ему надеть перчатки… хотя я и не позволю себе такой низости и не буду мучить его так, как он мучил меня…

Когда они возвращались в Кармел, состояние дороги убедило их в том, что они поступили весьма благоразумно, отказавшись от мысли о казенных землях. Им попалась опрокинутая повозка, потом другая — со сломанной осью, а подальше на откосе, ярдов на сто ниже, видна была яма, куда вместе с обвалившейся дорогой рухнула почтовая карета, пассажиры, лошади

— все.

— Думаю, что зимой они здесь ездить не будут, — сказал Билл. — Эта дорога — смерть для лошадей и для людей. Нечего сказать, хорошо бы тут выглядели повозки с мрамором!

Устроиться в Кармеле было нетрудно. Железный Человек уже уехал в католический колледж, а «хибарка» оказалась очень удобным и уютно обставленным домиком в три комнаты. Холл дал Биллу работу на картофельном поле, — у него было три акра под картофелем, и он, к величайшему удовольствию всей компании, обрабатывал их самым необыкновенным образом. Он сажал картофель во всякое время года, и жители Кармела были уверены, что картофель, который не успевал сгнить в земле, делят между собою суслики и забредающие на его огород коровы. Холл взял у кого-то плуг, нанял упряжку лошадей, и Билл принялся за работу. Он обнес поле изгородью, а затем выкрасил гонтовую крышу своего домика. Холл влез к Биллу на конек крыши и снова предупредил, чтобы тот не касался его дров. Однажды утром он пришел и стал наблюдать, как Билл колет дрова для Саксон. Поэт ревниво следил за работой Билла и в конце концов не выдержал:

— Мне совершенно ясно, что вы не умеете взять в руки топор, — насмешливо заявил он. — Давайте я покажу вам.

Он проработал с час, непрерывно рассуждая об искусстве колки дров.

— Хватит! — наконец, воскликнул Билл, отбирая у Холла топор. — Мне теперь придется наколоть вам целый штабель, чтоб сосчитаться с вами!

Холл неохотно отдал ему топор.

— Смотрите не попадайтесь около моих дров, — пригрозил он. — Мои дрова неприкосновенны, зарубите это себе на носу.

С деньгами все обстояло благополучно, Саксон и Билл даже откладывали. За квартиру они не платили, простая пища стоила дешево, а Билл получал работы столько, сколько хотел. Все члены этой веселой компании словно сговорились не давать ему бездельничать. Работа была самая разная и случайная, но это было удобно, ибо давало возможность согласовывать свои свободные часы с Джимом Хэзардом: они ежедневно занимались боксом и долго плавали в море. Утром Хэзард писал, потом выходил в сосны и издавал призывный клич, а Билл тут же бросал любое дело и бежал на его зов. После купанья они принимали душ в доме у Хэзарда и массировали друг друга по всем правилам науки и, только покончив с этим, обедали. Во второй половине дня Хэзард возвращался к письменному столу, а Билл к работе на свежем воздухе. Частенько они отправлялись на прогулку в горы и делали несколько миль. Они постоянно тренировались. Хэзард, семь лет подряд занимавшийся футболом, отлично знал, какая участь ожидает спортсмена, сразу оборвавшего тренировку, и был вынужден продолжать ее. Она являлась для него не только необходимостью, он полюбил физические упражнения. Билл тоже любил их, ему было приятно чувствовать себя в форме.

Ранним утром, захватив ружье, он частенько уходил на охоту с Холлом, учившим его стрелять. Холл бродил с дробовиком по лесам, когда еще носил короткие штанишки, и его зоркая наблюдательность, а также близкое знакомство с жизнью природы являлись для Билла прямо-таки откровением. Места здесь были густо населены и крупные хищники в лесах не водились, но Билл усердно снабжал Саксон белками, перепелками, одичавшими кроликами, зайцами, бекасами и дикими утками. Они скоро научились жарить дикую утку по-калифорнийски, за шестнадцать минут в горячей печке. Билл, наконец, овладел искусством стрельбы из

дробовика и винтовки и теперь горько жалел об упущенных за Суром горном льве и оленях; ко всем требованиям, которым должна была удовлетворять их будущая усадьба, он прибавил еще обилие дичи в окружающих лесах.

Но не все было игрою в Кармеле. Та часть колонии, которую Билл и Саксон знали как «теплую компанию», очень много работала. Одни работали регулярно, по утрам или ночью. Другие работали запоем, по примеру неистового ирландского драматурга, который иногда запирался на целую неделю, а потом выходил изнуренный и похудевший и веселился как сумасшедший до следующего запоя.

Бледный и моложавый отец семейства, похожий лицом на Шелли, писал для заработка водевили, а для души — трагедии в белых стихах и циклы сонетов, которые наводили страх на антрепренеров и издателей, и прятался от людей в бетонной келье со стенами толщиной в три фута. Эта келья была оборудована такой системой труб, что достаточно было хозяину повернуть кран, и струи воды заливали назойливого посетителя. Но обычно каждый считался с рабочим временем другого. Они заходили друг к другу, когда им хотелось, но если видели, что хозяин работает, то тихонько уходили. Так относились ко всем, кроме Марка Холла, которому не нужно было писать ради денег; и чтобы спокойно работать, он, спасаясь от гостей, нередко взбирался на дерево.

«Теплая компания» выгодно отличалась своим демократизмом и царившей между его членами солидарностью. Ее участники мало общались с остальным здравомыслящим и добронравным населением Кармела. То были аристократы от искусства и литераторы, и их звали «буржуями». А они, в свою очередь, осуждали «компанию», считая ее неисправимой богемой. Табу распространялось также на Билла и Саксон. Билл держался своих и не искал работы в другом лагере. Да ему и не предлагали ее.

У Холла был открытый дом. Местом для сборищ служила большая комната, — там был огромный очаг, диваны, книжные полки и столы, на которых были навалены книги и журналы. Здесь Саксон и Билл встречали не менее радушный прием, чем остальные члены компании, и чувствовали себя, как дома. Здесь, когда смолкали споры решительно обо всем на свете, Билл играл в педро, пятерку, бридж, бунк и другие игры. Саксон, ставшая любимицей всех молодых женщин, шила с ними, учила их делать красивые вещицы и, в свою очередь, училась у них новым вышивкам.

Не прошло и нескольких дней их жизни в Кармеле, как Билл робко заметил, обращаясь к Саксон:

— Знаешь, Саксон, ты себе и представить не можешь, насколько мне недостает всех этих твоих нарядных финтифлюшек. Отчего бы тебе не написать Тому, чтобы он их выслал срочной почтой? А когда мы опять тронемся в путь, мы их отошлем обратно.

Саксон написала Тому, и весь этот день ее сердце радовалось. Значит, муж все еще остался ее любовником, в его глазах опять вспыхивали прежние огни, которые угасли в кошмарные дни забастовки.

— Тут много хорошеньких мордочек, но ты лучше всех, или я ничего в женщинах не понимаю, — рассуждал Билл.

И в другой раз:

— Я тебя люблю до смерти. Но если твоих вещиц не пришлют, будет чертовски обидно.

У Холла и его жены были две верховые лошади, стоявшие в платных конюшнях, и Билла, конечно, тянуло к этим конюшням. Владелец лошадей обслуживал всю местность и возил почту между Кармелом и Монтери, а также давал напрокат коляски и линейки на девять мест. К экипажу полагался и кучер. Кучеров часто не хватало, и в таких случаях призывали на помощь Билла; он стал запасным кучером. Когда он ездил, то получал три доллара в день, и не раз приходилось ему возить компании туристов по Семнадцатимильной дороге в Кармелскую долину и вдоль побережья, к различным живописным местам и пляжам.

— Ну уж и публика эти туристы, такие кривляки! — рассказывал он потом Саксон. — Мистер Роберте то да мистер Роберте ее — всякие китайские церемонии, — не забывай, мол, что мы поблагороднее тебя. Дело в том, что я ведь хоть и не слуга, а все-таки им не ровня. Я кучер — нечто среднее между батраком и шофером. Уф! Если они кушают, то дают мне мою порцию отдельно, либо когда уже сами наедятся. Нет того, чтобы обедать всей семьей, как у Холла и у его ребят. А сегодняшняя компания просто-напросто не позаботилась о завтраке для меня. Теперь уж ты, пожалуйста, давай мне завтрак с собой, я ничем не желаю быть обязанным этим проклятым зазнайкам. Ты бы видела, как один из них пытался дать мне на чай. Я ничего не сказал, только поглядел на него так, точно он пустое место, и через минуту будто случайно повернулся к нему спиной. Он прямо опешил.

И все-таки Биллу приятно было работать с лошадьми. Ему нравилось держать в руках вожжи и вместо четверки тяжелых битюгов править четверкой рысаков; нравилось, поставив ногу на мощный тормоз, делать опасные повороты над головокружительной пропастью или на узкой горной дороге, под испуганные крики дам. А когда приходилось выбирать лошадей и определять их качества или лечить их болезни и увечья, то даже хозяин конюшни уступал первенство Биллу.

— Я могу в любое время получить здесь постоянную работу, — хвастался он Саксон. — В деревне всегда найдется пропасть дела для мало-мальски смышленого парня.

Держу пари на что хочешь: стоит мне только заикнуться, что я требую шестьдесят долларов в месяц и готов работать постоянно, — хозяин прямо ухватится за меня. Он уже не раз закидывал удочку. Послушай, Саксон! А ты понимаешь, что твой благоверный научился новому ремеслу? Право же, научился! Я теперь мог бы получить работу и на почте, — в Озерной области почтовые кареты запрягают шестеркой. Если мы с тобой попадем туда, я подружусь с каким-нибудь кучером и поучусь править шестеркой. А ты сядешь рядом со мной на козлы. Вот будет потеха! Вот потеха!

Билл мало интересовался спорами, происходившими в большой комнате Холла. Он называл их «переливаньем из пустого в порожнее» и считал это занятие потерей драгоценного времени, которое можно употребить на игру в «педро», плавание или борьбу на песке. Напротив, Саксон с удовольствием слушала эти словопрения; правда, понимала она далеко не все, и только чутье помогало ей время от времени улавливать какие-то новые мысли.

Но чего она никак не могла понять, так это пессимизма, который порой овладевал этими людьми. Ирландский драматург был натурой неуравновешенной, и на него находили приступы самой тяжелой ипохондрии. «Шелли», писавший в своей бетонной келье водевили, тоже оказался безнадежным меланхоликом. Сент-Джон, молодой журналист; считал себя анархистом и последователем Ницше. Художник Мэзон уверял, что все в мире повторяется, и делал отсюда самые убийственные выводы. Холл же, обычно такой веселый, способен был перещеголять их всех, когда пускался в рассуждения о космическом пафосе религии и нелепом антропоморфизме тех, кто боится смерти. В такие минуты эти сыны искусства подавляли Саксон своей мрачностью. Бедной женщине трудно было понять, почему из всех

людей на свете именно они почитают себя самыми несчастными.

Однажды вечером Холл внезапно повернулся к Биллу, который рассеянно следил за разговором; он понимал только одно: этим людям решительно все в жизни кажется несправедливостью и ложью.

— Слушайте, вы — язычник, вы — флегматичный вол, убойное животное, вы — чудовищный образец кичливого здоровья и жизнерадостности! Что вы думаете на этот счет? — обратился к нему Холл.

— О, и у меня были свои горести, — отозвался Билл с обычной неторопливостью. — Я пережил тяжелые времена, участвовал в безнадежной забастовке, заложил часы, не имел гроша в кармане, голодал, задолжал за квартиру, колотил штрейкбрехеров и меня колотили, сидел в тюрьме за то, что свалял дурака. Но если я вас верно понял, то лучше быть жирным, тупым боровом, которого откармливают на продажу, чем человеком, который готов повеситься оттого, что он не понимает, почему так устроен мир и какой во всем этом смысл.

— Ну что ж, этот ваш жирный боров — прелесть! — засмеялся Холл. — Ни возмущения, ни усилий — компромисс между нирваной и жизнью! Это же идеальное существование. Медуза, которая плавает в тепловатых тихих водах, в сумеречной глубине.

— Но вы забываете, что в жизни все-таки много хорошего, — заметил Билл.

— Назовите, что именно? — последовал вызывающий вопрос.

Билл помолчал. Жизнь представлялась ему чем-то большим и щедрым. У него прямо руки ныли оттого, что он не мог обнять ими весь мир; и, вначале запинаясь, он начал говорить о том, что чувствовал так ясно.

— Если бы вам пришлось стоять на ринге после двадцати раундов, когда вы победили боксера, который ничем не хуже вас, вы бы поняли, что я имею в виду. Джим Хэзард и я знаем это ощущение, когда мы выплываем в море и смеемся в лицо высоченным валам или когда выходим из душа: разотрешься, оденешься, вся кожа и мышцы словно силой наливаются, тело и душа играют…

Он смолк от неуменья выразить свои мысли, смутно вставшие в его сознании, ибо это были на самом деле только воспоминания об испытанных ощущениях.

— Ну, когда все тело наливается силой, это же чудесно! — пробормотал он, чувствуя, что не способен найти подходящих слов, и смущенный вниманием своих слушателей.

— Это мы все испытали, — возразил Холл. — Это самообман плоти. А потом приходит ревматизм и диабет. Вино жизни опьяняет, но оно слишком скоро превращается в…

— Мочевую кислоту, — подсказал неистовый ирландский драматург.

— Нет, есть еще очень много прекрасных вещей, — продолжал Билл, и теперь слова нахлынули на него потоком. — Начиная от сочного филе и чудесного кофе, которым угощает миссис Холл, до… — он замялся в нерешительности, затем сразу выпалил: — … женщины, которую вы любите и которая любит вас. Смотрите хотя бы на Саксон, вон она сидит с укулеле на коленях. Это вам не медуза в тепленькой водице и не призовой боров, освежеванный мясником.

Женщины приветствовали его слова громкими возгласами и аплодисментами, и Билл

почувствовал мучительную неловкость.

— А представьте себе, что вы потеряете свою силу и будете скрипеть, как ржавая тачка? — продолжал Холл. — Допустите, хоть на минутку, что Саксон уйдет от вас к другому. Что тогда?

Билл на миг задумался.

— Пожалуй, тогда я тоже заговорю о тепленькой водице и медузе… — Он выпрямился, расправил плечи и невольно скользнул рукой по напрягшимся бицепсам. Затем снова взглянул на Саксон. — Но я слава Богу, еще сохранил силу в руках и любящую жену, которую эти руки могут обнять.

Женщины снова зааплодировали, а миссис Холл воскликнула:

— Посмотрите на Саксон! Она краснеет!.. Что вы по этому случаю можете сказать?

— Что нет на свете женщины счастливее меня, — пробормотала она срывающимся голосом, — и королевы более гордой. И что…

Она не докончила свою мысль и, ударив по струнам укулеле, запела:

Господь ведет его дорогою греха,

Чтоб спотыкался он и падал…

— Вы победили, — усмехнулся Холл, обращаясь к Биллу.

— О, я, право, не знаю, — скромно отозвался тот. — Вы столько читали и знаете гораздо больше, чем я.

— Вот предатель! Он берет свои слова обратно! — воскликнули женщины.

Билл набрался смелости и, успокаивая их, улыбнулся своей спокойной улыбкой:

— Все равно — я предпочитаю быть самим собой, чем забивать себе голову книгами. А что касается Саксон, то один ее поцелуй стоит больше, чем все библиотеки в мире.

Глава десятая

— Там должны быть холмы и долины, плодородная земля, чистые, прозрачные ручьи, хорошие проезжие дороги и не очень далеко — железная дорога; много солнца и настолько прохладные ночи, чтобы нужно было накрываться одеялом; не только сосны, но и другие деревья; широкие луга для скота и табунов Билла; олени и зайцы, чтобы он мог охотиться, и целые рощи секвой, и… и… там не должно быть туманов, — закончила Саксон описание фермы, которую она и Билл искали.

Марк Холл весело рассмеялся.

— И соловей на каждом дереве, — воскликнул он. — Цветы, которые не вянут и не опадают, нежалящие пчелы, по утрам медвяная роса, иногда дожди из манны, источники молодости и залежи философского камня. Что ж, я знаю такое место. Я сейчас его покажу вам.

Саксон ждала, пока он рылся в дорожных картах штата. Не найдя того, что он искал. Холл извлек большой атлас, но, хотя в нем были все страны света, нужного ему места и там не

оказалось.

— Не беда, — заявил он. — Зайдите сегодня вечерком, и я покажу вам вашу ферму.

Вечером он пригласил Саксон на веранду, подвел к телескопу и показал в нем полную луну.

— Вот, где-нибудь наверху, в одной из лунных долин, вы найдете то, что ищете, — поддразнил он ее.

Миссис Холл вопросительно посмотрела на них, когда они вернулись в комнату.

— Я показал Саксон долину на луне, где она предполагает обосноваться, — рассмеялся Холл.

— Когда мы двинулись в путь, мы готовы были пройти любое расстояние, — сказала Саксон. — И если даже нам придется добираться до луны, мы, вероятно, и тут не отступим.

— Но, дорогое дитя, вы же не можете рассчитывать, что найдете такой рай на земле, — продолжал Холл. — Вы, например, не встретите секвойю в местности, где не бывает тумана. Они неразлучны. Такие деревья растут только в полосе туманов.

Саксон задумалась.

— Что ж, небольшой туман — куда ни шло, — сказала она со вздохом,

— лишь бы там росли эти деревья. Я не знаю, что такое залежи философского камня, но если они похожи на мрамор мистера Хэфлера да поблизости есть железная дорога, то мы уж как-нибудь приладимся. И незачем отправляться за медвяной росой на луну. Такая роса бывает на кустарниках в Неваде. Это факт, отец рассказывал об этом матери, а она рассказала мне.

Обсуждение будущей фермы продолжалось и вечером. Холл разразился громовой речью против «рая игроков», как он называл Соединенные Штаты.

— Какие великие возможности были у этой страны, — говорил он. — Новая земля, окруженная океанами, прекрасные климатические условия, плодороднейшая почва, богатейшие источники сырья — им нет равных на всем земном шаре! И эта страна населена людьми, которые отбросили все предрассудки Старого Света и готовы установить у себя демократию. Только одно могло им помешать сделать ее еще более совершенной, это их жадность.

Они, как стадо свиней, пожирали все, что видели; а пока они жрали, демократия погибла. Это были игроки и обжоры. Если одна ставка была потеряна, тогдашнему фермеру стоило только перейти границу на несколько миль к западу и расположиться на новом месте. Они шли по стране, как саранча, они уничтожали все на своем пути — индейцев, почву, леса, так же как они уничтожали бизонов и голубей. Их мораль и в коммерции и в политике была моралью игроков. Их законы были законами игроков: лишь бы выиграть игру. Играли все. Итак, да здравствует игра! Никто не возражал, потому что игра была общедоступна. Как я уже говорил, проигравшие двигались на запад за новыми участками. Победивший сегодня — завтра терял все, а через день опять ходил с козырей.

Они только и делали, что жрали и предавались игре, от Атлантического океана и до Тихого, пока не загадили весь континент. Покончив с землей, лесами и ископаемыми богатствами, они повернули обратно, чтобы играть на те крохи, которые были упущены ими впопыхах, а также на привилегиях и монополиях; при этом они пользовались политикой как прикрытием для своих грязных сделок и плутней. А от демократии не осталось и следа.

Затем наступило самое забавное. Проигравшим уже не на что было ставить, и победители продолжали игру между собой. Остальные лишь толпились вокруг и, засунув руки в карманы, наблюдали за игрой. Когда у них подводило живот, они со шляпой в руке обходили удачливых игроков и выклянчивали себе местечко. Так побежденные стали работать на победителей и продолжают работать до сих пор, а демократия сдана в архив. Вам, Билл Роберте, ни разу не приходилось участвовать в игре. И это потому, что весь ваш род вышел из игры.

— А как обстоит дело с вами? — осведомился Билл. — Я что-то не замечал, чтобы вы играли!

— Да мне и не нужно было. Но я не в счет. Я же паразит.

— Это что такое?

— Блоха, древесный клещ — всякое существо, которое живет за счет других. Я присосался к облезлой шкуре рабочих. Мне не надо играть. Мне не надо работать. Мой отец оставил мне достаточно своих выигрышей. О-о!.. Не задирайте нос, мой мальчик! Ваши родичи стоили не больше моих! Но ваши проиграли, а мои выиграли, и вот теперь вы обрабатываете мое картофельное поле.

— Не понимаю, — упрямо заспорил Билл. — Если у человека есть смекалка, он и сегодня может выиграть...

— Это на казенной-то земле? — быстро спросил Холл.

Билл осекся, — удар попал в цель.

— И все-таки выиграть можно, — не сдавался он.

— Конечно, всегда можно отбить работу у другого. Молодой парень, да такой смышленый, как вы, всегда и везде раздобудет себе работу. Но подумайте о тех, кто не может с вами соперничать. Много вы встретили бродяг на дорогах, которые могли бы получить работу в кармелских конюшнях и править четверкой лошадей? А среди них, наверное, попадались и такие, которые были в молодые годы не хуже вас. Да и чему тут радоваться! Разве мы не низко пали? Когда-то у нас ставкой был весь континент, а теперь — жалкая работенка.

— Все равно… — начал Билл.

— Это у вас сидит в крови, — бесцеремонно прервал его Холл, — Да иначе и быть не может! В этой стране играло несколько поколений. Когда вы родились, зараза носилась в воздухе, вы всю жизнь ею дышали. Сами вы в этой игре не участвовали ни одной фишкой, а все-таки готовы драть горло во славу нее и стоите за нее горой.

— Но что же делать нам, проигравшим? — спросила Саксон.

— Зовите полицию и прекратите игру, — отозвался Холл. — Это игра нечестная.

Саксон нахмурилась.

— Сделайте то, чего не сделали ваши предки, — пояснил он. — Действуйте смело и добивайтесь подлинной демократии.

Она вспомнила слова Мерседес.

— Моя приятельница говорила, что демократия — это одна морока.

— Да, амулет в игорном притоне. В наших школах вы найдете миллионы мальчиков, которые готовы принять на веру дурацкую басню о мальчишке-рассыльном, который стал президентом; и миллионы достойных граждан безмятежно спят по ночам, воображая, что их голос тоже кое-что значит при управлении страной.

— Вы говорите совсем, как мой брат Том, — заметила Саксон, не уловившая хода его мыслей. — Если мы все займемся политикой и начнем бороться за лучшее будущее, может быть, мы его и добьемся так лет через тысячу. А я хочу быть счастливой сейчас… — Она пылко стиснула руки. — Я не могу ждать! Я хочу быть счастливой сейчас!

— Именно это я и имел в виду, дорогая моя. В том-то и беда всех проигравших: они не могут ждать! Им сейчас же подавай и место за игорным столом и кучу фишек. А этого они сейчас не получат. Так же обстоит дело и с вами, — вам подавай долину на луне. Так же обстоит дело и с Биллом — ему сейчас вот не терпится выиграть у меня десять центов в педро, и он, наверно, втихомолку проклинает наше с вами переливание из пустого в порожнее.

— Здорово! А из вас вышел бы хороший оратор на митингах, — заметил Билл.

— Я и стал бы оратором на митингах, если бы мне не надо было тратить грязные деньги, добытые моим отцом. Меня это не касается. И пусть побежденные гибнут. Будь они наверху, они оказались бы ничуть не лучше. Все они друг друга стоят — слепые совы, голодные свиньи, хищные коршуны…

Но тут вмешалась миссис Холл:

— Довольно, Марк, а то опять захандришь.

Он отбросил назад волосы и невесело засмеялся.

— Нет, хандрить я не буду. Лучше я выиграю у Билла десять центов в педро. Он и опомниться не успеет, как я его обставлю.

Саксон и Билл словно расцвели в живительной, сердечной атмосфере Кармела. Они выросли в собственных глазах. Саксон чувствовала, что она не просто бывшая гладильщица и жена возчика, ее уже не сковывали тесные рамки рабочего быта на Пайн-стрит. Жизнь обоих была теперь богата впечатлениями. Им стало легче и физически, и духовно, и материально; это отражалось и на их лицах и на их манере держаться. Саксон говорила себе, что Билл никогда не — был так красив, здоров и крепок. А он клялся, что у него гарем и что она — его вторая жена, вдвое красивее, чем была первая. Саксон застенчиво призналась ему, что миссис Холл и другие женщины любовались ее сложением, когда они все вместе купались в реке Кармел. Они окружили ее, сравнивали с Венерой, заставляли садиться на корточки и принимать позы других античных статуй.

Относительно Венеры Билл все понял, — он видел мраморную статую богини с отбитыми руками в комнате Холла, и поэт говорил ему, что мир поклонялся ей, как изображению совершенной женской красоты.

— Я всегда говорил, что Анетте Келлерман до тебя далеко, — сказал Билл; и при этом у него был такой гордый вид, что Саксон покраснела, затрепетала и спрятала вспыхнувшее лицо у него на груди.

Мужчины из их компании откровенно восхищались ею. Но она не сделала обычных в таких случаях ошибок, и это не вскружило ей голову. Да и понятно: ведь она с каждым днем все

сильнее любила мужа. Она не переоценивала его. Она знала, каков он, и любила таким, как он есть. Он неотесан и малоразвит, не то что эти мужчины; он говорит неправильно и вряд ли когда-нибудь будет говорить правильнее. И все-таки она не променяла бы его ни на кого, даже на честного и великодушного Марка Холла, которого любила такой же любовью, как и его жену.

В Билле она видела то здоровье, цельность и прямоту характера, ту непосредственность, которые были ей дороже всякой книжной премудрости и чековых книжек. Именно благодаря своему здоровью, прямоте и непосредственности он вышел победителем, когда они в тот вечер спорили с Холлом, на которого опять нашла безысходная хандра. Билл взял верх не благодаря своей учености, а потому, что остался верен себе и высказал ту правду, которая в нем жила. И лучше всего было то, что он даже не подозревал о своей победе и принял аплодисменты за добродушную насмешку… Но Саксон поняла, хотя едва ли могла бы объяснить, почему он победил. И она никогда не забудет, как жена «Шелли» шепнула ей потом, и глаза ее сияли: «О Саксон, какая вы счастливица!»

Если бы Саксон вынуждена была определить, чем для нее так дорог Билл, она сказала бы просто: он настоящий мужчина. И таким он всегда был в ее глазах. Она всегда видела его в ореоле мужской силы и доблести и временами готова была расплакаться от счастья, вспоминая манеру Билла заявлять какому-нибудь взбешенному парню: «Что ты стоишь? Иди, я тебя не держу!» В этом был весь Билл. Ее великолепный Билл! И он любит ее. Она знала это. Она знала это по биению его сердца, которое только женщина умеет расслышать. Правда, он любил ее не так страстно, как раньше, но его любовь стала более глубокой, более зрелой. Это прочная любовь, она выдержит любые испытания, если только они не вернутся в город, где все прекрасные черты человека гибнут, а таящийся в нем дикий зверь оскаливает клыки.

Ранней весной Марк Холл и его жена уехали в Нью-Йорк, двое слуг японцев были отпущены, и дом остался на попечении Саксон и Билла. Джим Хэзард тоже уехал в Париж, он ездил туда ежегодно; и хотя Биллу очень не хватало его, но он и один продолжал подолгу плавать в высокой волне. Две верховые лошади Холла были оставлены на его попечение, и Саксон сшила себе элегантный костюм для верховой езды из золотисто-коричневого вельвета, который так шел к ее волосам. Билл перестал брать поденную работу. Как сверхштатный кучер он зарабатывал больше, чем они проживали, и в свободное время предпочитал учить Саксон верховой езде и скакать с нею целыми днями по окрестностям Кармела. Больше всего они любили ездить вдоль побережья в Монтери, где он учил Саксон плавать в большом бассейне Дель-Монте. А вечером они возвращались через холмы. Она тоже ходила с ним ранним утром на охоту, и жизнь казалась им непрерывным праздником.

— Знаешь что, — обратился он однажды к Саксон, когда они, остановив лошадей, любовались сверху долиной Кармел. — Я ни за что больше не соглашусь постоянно работать за плату на других людей.

— Да, работа это еще не все, — согласилась она.

— Конечно. Представь себе, Саксон, что я бы работал в Окленде миллион лет, получал бы по миллиону долларов в день, но вынужден был бы безвыездно торчать там и жить так, как мы с тобой жили раньше, — три четверти дня работай, а для развлечения ходи в кинематограф! Кинематограф! Подумаешь! Да наша жизнь сейчас все равно что кинематограф! Я предпочел бы прожить один год, как мы живем здесь, в Кармеле, а затем умереть, чем жить тысячу миллионов лет, как на Пайн-стрит.

Саксон написала Холлам, что с наступлением лета они с Биллом собираются в путь — искать

лунную долину. К счастью, это не нарушало планов Холла, потому что Бидо. Железный Человек с глазами василиска, перестал мечтать о сане священника и решил сделаться актером. Он вернулся из католического колледжа в Кармел и взялся присматривать за домом Холла.

Саксон была очень растрогана тем, что колония никак не хотела отпускать их. Владелец кармелских конюшен предлагал Биллу девяносто долларов в месяц, лишь бы тот остался у него. Такое же предложение было сделано Биллу в соседнем приморском городке.

— Как, снова в путь? — окликнул их неистовый ирландский драматург на станции Монтери. Он возвращался из Нью-Йорка.

— А как же! Искать лунную долину! — весело отозвалась Саксон.

Он посмотрел на их дорожные тюки.

— Черт побери! — воскликнул он. — Я тоже хочу! Черт! Возьмите и меня с собой. — Затем лицо его омрачилось. — А я-то подписал контракт,

— простонал он. — Целых три акта!.. Вы счастливцы… Да еще в это время года…

Глава одиннадцатая

— Прошлой зимой мы притащились в Монтери, как бродяги, а теперь уезжаем отсюда с шиком, — заметил Билл, когда поезд тронулся и они откинулись на спинки сидений.

Они решили не возвращаться тем же путем и сели в поезд, идущий на Сан-Франциско. Марк Холл предупреждал их, что климат юга действует расслабляюще, и они двинулись к северу, в более умеренную полосу, где ночи были прохладны. Они решили переправиться через бухту Сан-Франциско в Сосалито и посмотреть побережье. Там, уверял Холл, и есть настоящая родина секвой. Однако когда Билл, взяв сигарету, зашел в курящий вагон, то оказался рядом с пассажиром, которому было суждено изменить их маршрут. У этого человека было энергичное лицо и темные глаза, — вероятнее всего, еврей. Билл вспомнив наставления Саксон, дождался подходящей минуты и завел разговор. Очень скоро выяснилось, что Ганстон — так звали незнакомца — комиссионер, и беседа с ним оказалась настолько поучительной, что и Саксон следовало принять в ней участие. Как только Билл увидел, что Ганстон докурил сигару, он пригласил его перейти в их вагон, чтобы познакомить с женой. До жизни в Кармеле Билл едва ли решился бы на это, но там он привык держаться с людьми более свободно.

— Он рассказывал мне о картофельных королях, и я решил, что и тебе следует послушать, — обратился Билл к жене, представляя ей Ганстона. — Валяйте дальше, мистер Ганстон, расскажите ей про того китайца-игрока, который нажил в прошлом году девятнадцать тысяч на сельдерее и спарже.

— Я объяснял вашему мужу, как китайцы ведут хозяйство на Сан-Хоакине. Вам бы следовало побывать там и поглядеть. Теперь самое время, — для москитов еще рано. Вы можете сойти в Блэк-Даймонде или Антиохе и поездить на катере или моторке — посмотреть, как обрабатывают землю на больших островах. Проезд там всюду недорог, и вы найдете поместительные моторные лодки — это скорее целые пароходы.

— Расскажите ей о Чжоу Лан, — сказал Билл.

Комиссионер прислонился к стенке.

— Несколько лет тому назад Чжоу Лан был совершенно опустившимся игроком. У него не осталось ни гроша, да и здоровье сильно сдало. Он проработал двадцать лет на золотых приисках, промывая отвалы, оставленные прежними старателями. И сколько бы он ни добыл, все спускалось в фан-тан. Кроме того, он задолжал триста долларов «Шести компаниям», — знаете, есть такая китайская фирма. Не забудьте, что это было всего каких-нибудь семь лет назад, — здоровье никуда, триста долларов долгу и никакой работы. Чжоу Лан поехал в Стоктон и поступил поденщиком на торфяные разработки китайской компании, которая разводила на Миддл-ривер сельдерей и спаржу. Здесь-то он опомнился и задумался: вот он уже четверть века живет в Соединенных Штатах, спина у него уже далеко не такая крепкая, как прежде, и ни одного пенни не отложено на возвращение в Китай. Он видел, как другие китайцы, работавшие в этой компании, копили деньги и покупали себе паи.

И он тоже решил откладывать и спустя два года приобрел пай в компании, где было всего тридцать паев. Это произошло около пяти лет тому назад. Он арендовал триста акров торфяной земли у американца, предпочитавшего слоняться по Европе. Из прибыли на свой пай за первый год Чжоу Лан купил два пая в другой компании, а год спустя — на доходы с трех паев — организовал собственную компанию. Один год был неурожайный, и он чуть не прогорел. Так обстояло дело три года тому назад. Но на следующий год урожай был отличный, и он получил четыре тысячи долларов чистого дохода. Еще через год — пять тысяч. А в прошлом году его доход составил девятнадцать тысяч. Правда, не плохо для старого, опустившегося Чжоу Лана?

— Господи! — невольно вырвалось у Саксон.

То жадное любопытство, с каким она слушала комиссионера, заставило его продолжать:

— А возьмите Син Цзи, стоктонского картофельного короля. Я его отлично знаю; ни с кем я не вел таких крупных дел и ни на ком так мало не заработал, как на нем. Он был простым кули и двадцать лет тому назад контрабандой пробрался в Соединенные Штаты. Начал поденщиком, потом торговал овощами, разнося их в корзинах, надетых на палку, потом открыл лавку в китайском квартале Сан-Франциско. Но он был парень с головой и скоро перенял всю науку у китайских фермеров, которые посещали его лавку. Лавка не давала ему возможности быстро разбогатеть. Тогда он отправился вверх по Сан-Хоакину. Два года он ничего не предпринимал, а только ко всему присматривался. Потом вдруг принялся за дело и арендовал тысячу двести акров по семи долларов за акр!..

— Вот это да! — воскликнул Билл, пораженный. — Заплатить восемь тысяч четыреста долларов за одну аренду, и в первый же год! Я знаю место, где можно купить пятьсот акров по три доллара за акр.

— А картофель там может расти? — спросил Ганстон.

Билл покачал головой.

— Там вообще ничего не может расти.

Все трое рассмеялись, и комиссионер продолжал:

— Семь долларов — это была только арендная плата за землю. Вы знаете, сколько стоит вспахать тысячу двести акров?

Бил с важным видом кивнул головой.

— В тот год он собрал по сто шестьдесят мешков с акра, — продолжал Ганстон. — Цена на

картофель была пятьдесят центов за мешок. Мой отец в то время стоял во главе нашего концерна, и я знаю все из первых рук. Син Цзи мог продать свой картофель по пятьдесят центов и уже на этом здорово нажиться. Что же он сделал? Кто-кто, а китайцы всегда отлично знают условия рынка, они любого комиссионера за пояс заткнут. Син Цзи попридержал свой картофель. Когда почти все распродали имевшиеся у них запасы, цена на картофель начала расти. Син Цзи только смеялся в лицо скупщикам, когда ему предлагали шестьдесят центов, семьдесят, наконец по целому доллару за мешок. И знаете, почем он, наконец, продал свой картофель? По доллару шестьдесят пять центов! Считайте, что мешок картофеля обошелся ему сорок центов. Сто шестьдесят мешков на тысячу двести… Подождите… двенадцать раз ноль-ноль, двенадцать раз шестнадцать будет сто девяносто два… Сто девяносто две тысячи мешков по доллару с четвертью… сто девяносто два на четыре будет сорок восемь плюс сто девяносто два, всего двести сорок… Ну да, двести сорок тысяч долларов чистого дохода за один год!

— Вот так китаец! — огорченно сказал Билл и повернулся к Саксон. — Нет, нам, белым, нужна какая-нибудь новая страна! Боже мой! Они же нас просто выгнали, выгнали из дому!

— Конечно, такие прибыли получают не каждый день, — поспешил оговориться Ганстон. — Дело в том, что в других районах картофель не уродился, и его скупали спекулянты. Какими-то таинственными путями Син Цзи обо всем узнал и участвовал в этих спекуляциях. Таких барышей он потом уже ни разу не получал. Но его дело расширялось. В прошлом году у него под картофелем было четыре тысячи акров, под спаржей — тысяча, пятьсот под сельдереем и пятьсот под бобами. А шестьсот акров он отвел под семена. Даже если одна-две культуры и не дадут большого урожая, на всех он потерять не может.

— Я видела двенадцать тысяч акров, засаженные яблонями, — сказала Саксон. — И мне хотелось бы видеть четыре тысячи акров под картофелем.

— Что ж, и увидим, — степенно заметил Билл. — Давай поедем на Сан-Хоакин. Мы ведь нашей страны совсем не знаем. Не мудрено, что мы чувствуем себя ее пасынками.

— Вы найдете там очень много королей, — продолжал Ганстон. — Я Хун-ли — по прозванию «Длинный Джим», А-пок и А-ван и, наконец, Сима — японский картофельный король. У него несколько миллионов. Живет роскошно.

— А почему американцы не могут добиться того же? — спросила Саксон.

— Видимо, не хотят… Ничто им не мешает, кроме самих себя. Скажу вам одно: я лично предпочитаю иметь дело с китайцами. Китаец честен, его слово — все равно что подпись на векселе, — как он скажет, так и сделает. И потом — белый человек не умеет хозяйничать на земле. Самый передовой хозяин-белый довольствуется одним урожаем и обычным севооборотом. А китаец далеко опередил его и получает с одного клочка земли одновременно два урожая. Я сам видел: редис и морковь, две культуры, были посажены одновременно на одной грядке.

— Но ведь это же бессмысленно, — заметил Билл. — Каждая даст тогда пол-урожая — вот и все.

— Выходит, что нет, — усмехнулся Ганстон. — Наступает время, когда морковь надо продергивать. Редис — тоже. Но морковь туго растет, а редис растет быстро, и морковь дает возможность поспевать редису. А когда редис готов и убран, это прореживает морковь, которая доходит позже. Да, нам далеко до китайцев!

— Не понимаю, почему белый не может сделать то же самое, что и китаец? — запротестовал

Билл.

— Вы совершенно правы, — ответил Ганстон. — Но факт тот, что белый этого не делает. Китаец работает без передышки и заставляет работать землю. У него все организовано, у него есть система. Слышали вы, чтобы белый хозяин вел книги? А китаец ведет. Он ничего не делает наудачу, он всегда знает, в точности до одного цента, какова цена на те или иные овощи. И знает рынок. Он берется за дело с обоих концов. Как он ухитряется — это выше моего понимания, но он знает рынок лучше, чем мы, комиссионеры.

— А кроме того, он очень терпелив, но не упрям. Предположим, он допустил ошибку — посадил какие-нибудь овощи, а затем узнал, что этот сорт не будет иметь сбыта, — в таких случаях белый обычно упрямится и не хочет признать свою ошибку, а китаец — признает. Он старается уменьшить потери. Земля должна работать и давать деньги. Как только он понял свою ошибку, он тут же, без всяких колебаний и сожалений, берется за плуг, перепахивает поле и сажает что-нибудь другое. У него есть смекалка. Китайцу достаточно взглянуть на побег, который чуть высунулся из земли, и он уже знает, вырастет этот побег или нет, и предскажет, какой он даст урожай — большой, средний или плохой. Это одно. А во-вторых, он регулирует созреванье овощей, — он ускоряет или задерживает его в зависимости от рынка. А когда настает подходящий момент, его урожай — пожалуйте — уже готов, и он выбрасывает его на рынок.

Они беседовали с Ганстоном несколько часов; и чем больше он рассказывал о китайцах и об их способах ведения хозяйства, тем сильнее росло в душе Саксон чувство досады. Она не сомневалась в фактах, которые приводил комиссионер, но эти факты не увлекали ее. Они не вязались с ее представлением о лунной долине. И лишь после того как их разговорчивый спутник сошел с поезда, Билл выразил словами волновавшие ее смутные мысли.

— Ну! Мы ведь с тобой не китайцы! Мы белые. Какому китайцу придет на ум носиться на лошади сломя голову ради своего удовольствия? Ты когда-нибудь видела, чтобы китаец проплывал через полосу прибоя в Кармеле? Или занимался боксом, борьбой, бегом, прыжками исключительно из любви к спорту? Ты когда-нибудь видела, чтобы китаец, взяв ружье, отмахал шесть миль и вернулся домой веселый и довольный с каким-нибудь тощим зайцем? Ведь что китаец делает? Работает до потери сознания. Ничего другого знать не хочет. Да к чертям всякую работу, если жить только ради этого! Я достаточно наработался в своей жизни и умею работать не хуже любого из них. Но какой в этом прок? С тех пор как мы с тобой странствуем, Саксон, я твердо понял одно: работа — далеко еще не все в жизни! Черт! Да если бы вся жизнь состояла только в работе, так нужно бы поскорее перерезать себе глотку, и прощайте. А я хочу, чтобы у меня был и дробовик, и ружье, и хорошая верховая лошадь, и я не желаю так изматываться, чтобы не иметь сил любить свою жену. Зачем это нужно — быть богатым, зарабатывать на картофеле двести сорок тысяч долларов?.. Смотри на Рокфеллера! Он вынужден сидеть на одном молоке. А мне подавай бифштекс и такой желудок, чтобы подошву переваривал! И мне нужна ты, и свободное время, и возможность вместе повеселиться. Зачем жизнь, если в ней нет радости?

— О Билл! — воскликнула Саксон. — Вот это я все время и чувствовала, только слов не находила, чтобы сказать. Именно это меня и мучило. Я уж решила, что мне, видно, чего-то не хватает и я не гожусь для деревни! Ни разу я не позавидовала этим португальцам в Сан-Леандро, я не хотела быть на их месте, и не хотела быть на месте далматинцев из Пахарской долины, и даже на месте миссис Мортимер. И ты тоже им не завидовал. Нам с тобой нужна лунная долина — не так уж много работы и чтобы можно было веселиться, сколько душа просит. И мы будем искать эту долину, пока не найдем. А если не найдем, так все равно будем жить интересно, как мы живем с самого ухода из Окленда. Знаешь, Билл... мы никогда, никогда не будем работать с тобой до потери сознания, правда?

— Никогда, — убежденно согласился Билл.

С вещами за спиной они вошли в Блэк Даймонд. Это была небольшая деревушка, состоявшая из разбросанных лачуг; на главной улице чернела непролазная грязь, еще не просохшая после весеннего дождя. Тротуары казались горбатыми из-за множества неровных ступенек и площадок. Ничто не напоминало Америку. Фамилии над темными грязными лавчонками были явно иностранные, американцу их и не выговорить. Единственную грязную гостиницу содержал грек. И греки сновали всюду — смуглые мужчины в высоких сапогах и беретах, пестро одетые простоволосые женщины, ватаги коренастых, крепких ребятишек. Все они говорили с чуждыми интонациями, перекликались резкими голосами и болтали с присущими жителям Средиземноморского побережья живостью и экспансивностью.

— Гм! Где же тут Соединенные Штаты? — пробормотал Билл.

По берегу стояли заводы рыбных и овощных консервов, и работа там кипела; но тщетно путники искали среди рабочих американские лица. Билл утверждал, что только счетоводы и мастера американцы; остальные — сплошь греки, итальянцы и китайцы.

Придя на пароходную пристань, они увидели, как подплывают ярко раскрашенные греческие лодки и, выгрузив груду сверкающего лосося, отходят от берега. Нью-Иоркский канал, — как называлась тинистая речка, на которой стояла пристань, — поворачивал на запад и на север, а затем терялся в общем русле двух слившихся рек — Сакраменто и Сан-Хоакин.

За пароходной пристанью тянулся ряд рыбачьих пристаней, а дальше шли мостки для сушки сетей; и здесь, вдали от шума и гама чужеземного поселка, Саксон и Билл сняли с плеч свою поклажу и расположились отдыхать. Высокий шуршащий камыш рос прямо из глубокой воды, у самых свай полусгнившей пристани. Против поселка лежал длинный плоский остров, и на фоне неба выступала зубчатая линия тополей.

— Совсем как на той голландской картине с ветряной мельницей, которая висит у Марка Холла, — заметила Саксон.

Билл показал рукой на устье речки и на белевшую за широкой водной поверхностью группу крошечных домиков, позади которых, подобно мерцающему миражу, развертывалась низкая гряда Монтезумских холмов.

— Вон те домики — это Коллинсвилл, — сказал он. — Сакраменто протекает мимо Коллинсвилла, оттуда можно подняться до Рио-Виста, Айлтона и Уолнот-Грова, да и вообще попасть во все те места, о которых нам рассказывал мистер Ганстон. Сакраменто отделен от Сан-Хоакина целой вереницей островов и узких рукавов.

— Хорошо на солнышке, — зевнула Саксон. — И как здесь тихо, хотя мы так близко от этих чудных иностранцев. Подумать только! В городах люди сейчас избивают и убивают друг друга из-за работы…

Время от времени вдали проносился пассажирский поезд, и на его грохот отзывались эхом отроги Чертовой горы, вздымавшей к небу свою грузную, покрытую лесом, раздвоенную вершину. И опять воцарилась сонная тишина, которую лишь изредка нарушал далекий возглас на чужом языке или постукивание моторного рыбачьего катера, медленно входившего в устье реки.

Шагах в ста от них, у самых тростников, стояла на якоре нарядная белая яхта. Несмотря на небольшие размеры, она казалась поместительной и удобной. Из трубы печурки поднимался

дым. На корме было выведено золотыми буквами название яхты — «Скиталец». На рубке, греясь в лучах солнца, лежали женщина в розовом шарфе и мужчина. Мужчина читал вслух, женщина шила. Рядом с ними растянулся фокстерьер.

— Да, им не нужно торчать в городах, чтобы быть счастливыми, — заметил Билл.

Из каюты на палубу вышел японец, сел на носу и принялся ощипывать курицу. Перья уплывали длинной вереницей к устью реки.

— Посмотри, Билл! Он ловит рыбу! Он привязал лесу к пальцу ноги! — удивленно воскликнула Саксон.

Мужчина отложил книгу и взялся за лесу, женщина подняла глаза, терьер залаял. Рыболов, перебирая руками, стал вытягивать лесу, и на крючке оказалась крупная рыба. Когда рыба была снята с крючка и леса с новой приманкой закинута в воду, мужчина снова обмотал ее вокруг пальца ноги и снова взялся за книгу.

С берега на мостки сошел другой японец, остановился рядом с Саксон и Биллом и окликнул людей на яхте. Он нес свертки с мясом и овощами; один карман его был набит письмами, другой — газетами. В ответ на его зов сидевший на носу японец встал, продолжая держать в руках полуощипанную курицу. Лежавший на крыше каюты человек сказал ему что-то, отложил книгу и, вскочив в привязанный к корме белый ялик, принялся грести к берегу. Подведя лодку к мосткам, он сложил весла, взялся за причал и приветливо поздоровался с Биллом и Саксон.

— О, я ведь вас знаю! — к немалому изумлению Билла воскликнула Саксон. — Вы…

Но тут она смутилась и смолкла.

— Что же вы? Продолжайте, — еще приветливее улыбнулся незнакомец.

— Вы — Джон Хастингс, я уверена. Я видела вашу фотографию в газетах, когда вы были корреспондентом во время русско-японской войны. Вы написали очень много книг, хотя я ни одной из них не читала.

— И хорошо сделали, — отозвался он. — А как вас зовут?

Саксон назвала себя и представила Билла; заметив, что писатель смотрит на их поклажу, она вкратце описала все их странствие. Ферма в лунной долине, видимо, пленила его воображение, и хотя японец со всеми пакетами уже благополучно сидел в ялике, Хастингс все еще медлил. Когда Саксон упомянула Кармел, то оказалось, что он знает всю компанию Холла, а услышав, что они собираются в Рио-Виста, немедленно пригласил их на яхту.

— Да ведь мы сами туда едем; мы отойдем через час, как только кончится отлив! — воскликнул он. — Вот и отлично! Едемте! Если будет хоть малейший ветерок, мы попадем туда к четырем. Садитесь в ялик. Моя жена там, на яхте; миссис Холл одна из ее самых близких подруг. Мы ездили в Южную Америку и только сейчас возвращаемся, а то бы мы встретились в Кармеле. Холл писал нам о вас обоих.

Итак, Саксон второй раз в жизни очутилась в ялике, а «Скиталец» был первой яхтой, на которую она вступила. Жена писателя, — он звал ее Клара, — сердечно встретила их; Саксон влюбилась в нее с первого взгляда, и эта влюбленность оказалась взаимной. Между обеими молодыми женщинами было такое поразительное сходство, что Хастингс сразу же обратил на него внимание. Он поставил их рядом и принялся сравнивать их глаза, рот, уши, внимательно

разглядывал руки, волосы и щиколотки, уверяя, что рухнула его самая заветная мечта, — он всегда считал, что природа, сотворив Клару, разбила форму, в которой она была отлита.

Клара высказала предположение, что природа отлила их обеих в одной и той же форме, и они принялись рассказывать друг другу свои биографии. Обе происходили от первых пионеров. Мать Клары, так же как и мать Саксон, ехала на волах через прерии и зимовала в Солт-Лейк-сити. Вместе со своими сестрами она открыла в этой твердыне мормонов первую школу для благородных девиц. И если отец Саксон участвовал в восстании на Сономе, то в той лее Сономе отец Клары в Гражданскую войну навербовал отряд и дошел с ним до Солт-Лейк-сити, а когда вспыхнуло восстание мормонов, был назначен начальником военной полиции. В довершение всего Клара принесла из каюты свое укулеле из дерева коа — это был близнец укулеле Саксон, — они вдвоем спели «Сорванец из Гонолулу».

Хастингс решил пообедать до того, как они снимутся с якоря, — он, по-старомодному, называл дневную трапезу обедом. Когда Саксон спустилась в крошечную каюту, царивший в ней комфорт восхитил ее. Билл только-только мог стоять здесь во весь рост. Каюту делила пополам перегородка, и к ней на петлях был приделан стол, за который они и уселись. Низкие койки, обитые веселенькой зеленой материей, тянулись во всю длину каюты и днем служили для сиденья. В потолок были вбиты крючки, на них висела занавеска, — на ночь она задергивалась и часть каюты превращалась в спальню миссис Хастингс. На другой стороне спали японцы, а на носу, под палубой, находился камбуз. Он был так тесен, что кок едва в нем помещался, да и то вынужден был готовить сидя на корточках. Второй японец, тот, который доставил на борт покупки, прислуживал за столом.

— И вот они ходят и ищут ферму в лунной долине, — объяснил Хастингс жене, заканчивая рассказ о странствиях своих гостей.

— О! Неужели вы не знаете… — воскликнула она, но муж не дал ей продолжать.

— Тсс! — повелительно прервал он ее, затем обратился к гостям. — Слушайте. В истории насчет лунной долины кое-что есть, но пока еще это тайна! У нас имеется ранчо в долине Сономы, милях в восьми от города Сономы, где когда-то сражались ваши отцы, Саксон и Клара; и если вы зайдете к нам на ранчо, вы узнаете эту тайну. Поверьте мне, она тесно связана с вашей лунной долиной… Разве не правда, дружок?

Так они с Кларой называли друг друга.

Она улыбнулась, потом рассмеялась и кивнула головой.

— Может быть, наша долина и окажется той самой, которую вы ищете,

— заметила она.

Но Хастингс укоризненно покачал головой, чтобы удержать ее от дальнейших объяснений. Она обратилась к фокстерьеру — пусть служит, если хочет получить кусочек мяса.

— Собаку зовут Пегги, — рассказала она Саксон. — Когда мы жили в Океании, у нас было два ирландских терьера, брат и сестра, но они околели. Мы звали их Пегги и Поссум. Эту собаку назвали Пегги в честь той.

Билл поражался, как несложно управлять яхтой и как она послушна. Пока они не спеша обедали, оба японца, по приказанию Хастингса, поднялись на палубу. Билл слышал, как они отпустили фалы, ослабили сезни и крохотным воротом подняли якорь. Через несколько минут

один из японцев крикнул вниз, что все готово, и хозяева с гостями вышли на палубу. Поднять паруса и тали было делом нескольких мгновений. Потом кок и слуга занялись якорем, и пока один закреплял его, другой поднял кливер. Хастингс, стоя у штурвала, поправил шкот. «Скиталец» слегка накренился, паруса его надулись, он легко и плавно скользнул по водной глади и понесся к устью реки. Японцы свернули фалы и пошли обедать.

— Прилив только начинается, — заметил Хастингс, указывая на полосатый буй около берега: буй слегка покачивался.

Беленькие домики Коллинсвилла, к которым они направлялись, исчезли за низким островом, но длинная спокойная гряда Монтезумских холмов дремала на горизонте в такой же недостижимой дали.

Когда «Скиталец» прошел мимо устья Монтезумы и вошел в Сакраменто, они оказались возле самого Коллинсвилла. Саксон захлопала в ладоши.

— Совсем как игрушечные домики, вырезанные из картона, — воскликнула она. — А эти холмистые склоны за ними точно нарисованы!

Они плыли мимо барок и пловучих домиков, причаленных среди камышей и служивших жильем для целых семейств; женщины, дети, мужчины были смуглые и темноглазые, видимо тоже иностранцы. Когда яхта поднималась вверх по течению, навстречу ей попадались землечерпалки; их ковши словно кусали дно реки и выбрасывали песок на громадные, тянущиеся вдоль берега дамбы. На откосы этих дамб длиною в сотни ярдов были наложены огромные щиты из ивовых прутьев; эти щиты закреплялись стальными тросами и тысячами кубометров бетона.

— Ивовые ветви очень скоро пускают корни, — пояснил Хастингс, — и к тому времени, когда щиты сгниют, корни деревьев будут удерживать песок и не дадут насыпи оползать.

— Это стоит, наверно, чертовых денег, — заметил Билл.

— Но расходы окупаются, — пояснил Хастингс. — Здешняя почва — самая плодородная в мире. Эта часть Калифорнии напоминает Голландию. Вы не поверите, но уровень воды, по которой мы плывем, выше уровня островов. Эти острова — вроде судов, давших течь; их постоянно приходится конопатить, чинить, выкачивать воду днем и ночью, беспрерывно. И все-таки это окупается. Да, окупается.

Кроме землечерпалок, наваленного горами песка, густой ивовой поросли и Чертвой горы на юге, ничего не было видно. Иногда проходил катер, между деревьями летали голубые цапли.

— Тут, верно, очень пустынное место, — заметила Саксон.

Хастингс рассмеялся и сказал, что она потом изменит свое мнение. Он хорошо знал все это поречье и вскоре заговорил о том, как здесь ведется хозяйство на арендованных участках. Саксон натолкнула его на эту тему своими разговорами о земельном голоде англосаксов.

— Дикие кабаны, — отрезал он, — вот какими мы себя показали в своей собственной стране! Один из местных стариков заявил профессору, работавшему на опытной агротехнической станции: «Нечего меня учить сельскому хозяйству. Я знаю его как свои пять пальцев. Недаром я за свой век на трех фермах землю истощил!» Именно такие люди и привели в упадок Новую Англию. Там огромные участки опять превращаются в пустыню. В одном штате развелось столько оленей, что они стали бичом для жителей. Вы найдете там десятки тысяч покинутых

ферм. Я как-то просматривал списки в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерсей, Массачусетс и Коннектикут — все они продаются на самых льготных условиях. Деньги, которые за них просят, не покрыли бы даже затрат, а земля идет просто так, впридачу.

— То же расхищение и истощение земли так или иначе продолжается и в остальных частях страны — в Техасе, Миссури, Канзасе и здесь, в Калифорнии. Возьмите фермы, сданные в аренду: в моем округе я знаю ранчо, где земля стоила когда-то сто двадцать пять долларов за акр и доходы с этой земли соответствовали цене. Когда старик хозяин умер, сын сдал ферму арендатору-португальцу, а сам укатил в город. За пять лет португалец снял сливки и выжал из земли все соки. При следующем арендаторе, взявшем землю на три года, она давала только одну четверть тех доходов, которые получал первый арендатор. Третьего португальца, охотника арендовать эту землю, не нашлось — там уже ничего не осталось. Когда старик умер, ферма стоила пятьдесят тысяч долларов. А сын в конце концов с большим трудом продал ее за одиннадцать. Да что говорить, я сам видел участки, приносившие вначале двенадцать процентов дохода, а после пятилетнего хозяйничанья арендаторов они давали всего один с четвертью процента.

— Ив нашей долине то же самое, — подхватила миссис Хастингс. — Все старые ранчо приходят в упадок. Помнишь ферму Эбела, дружок? — обратилась она к мужу; он выразительно кивнул, и она продолжала: — Когда мы там гостили, это была образцовая ферма, просто рай: плотины и озера, сочные луга, отличные покосы, холмы, покрытые виноградниками, сотни акров превосходных пастбищ, прелестные дубовые и сосновые рощи, каменная винодельня, каменные амбары, при доме сад, — словом, об этой ферме можно рассказывать часами. Когда миссис Эбел умерла, семья разъехалась кто куда, и ферму стали сдавать в аренду. Теперь все разорено; деревья срублены и проданы на топливо. Возделывается лишь небольшая часть виноградника — ровно столько, сколько нужно арендатору итальянцу для собственных нужд. На остатках земли он завел жалкую молочную ферму. В прошлом году я проезжала мимо — и расплакалась. Прекрасный фруктовый сад в ужасном виде, цветники заросли и одичали… А что они сделали с амбарами! Им было лень прочищать желоба — дождевая вода просачивалась внутрь, все балки прогнили, и в конце концов крыши провалились. Часть винодельни тоже рухнула, уцелевшую половину обратили в коровник. А дом! Словами не передашь, как он выглядит…

— Это стало прямо профессией, — продолжал Хастингс. — Таких арендаторов называют «перекати-поле». Они берут в аренду участок, за несколько лет выжимают из него все, а затем переходят на другой. Они действуют совсем иначе, чем китайцы, японцы и другие иностранцы. В большинстве случаев это просто ленивые, равнодушные лодыри. Такой тип делает одно: истощит почву — и пошел дальше, истощит — и пошел. А возьмите приезжих португальцев и итальянцев, как они относятся к земле? Совсем другие люди! Они приезжают к нам без гроша в кармане и работают на своих земляков до тех пор, пока не научатся языку и не освоятся. Они не «перекати-поле». Они мечтают о собственной земле, которую будут любить, холить и беречь. Но вопрос в том, как получить эту землю? Откладывать заработок? Это слишком долго. Есть более быстрый способ: они берут участок в аренду. За три года можно выжать достаточно из чужой земли, чтобы обосноваться на собственной. Это величайшее кощунство, настоящее ограбление земли! Но кому до этого дело? Так уж повелось в Соединенных Штатах.

Он вдруг обернулся к Биллу:

— Послушайте, Роберте. Вы с женой ищете себе хороший участок, он вам до смерти нужен. Хотите знать мой совет? Безжалостный, жестокий совет: станьте арендатором. Арендуйте какую-нибудь ферму, где старые хозяева умерли, а молодые не желают жить в деревне, выжмите из нее все до последнего доллара, ничего не ремонтируйте — и через три года у вас

будут деньги, чтобы купить собственную ферму. Тогда откройте новую страницу вашей жизни. Любите вашу землю, питайте ее хорошенько. Каждый доллар, который вы в нее вложите, она вернет вам сторицей. И не держите на своей ферме никакой дряни. Пусть лошади, коровы, свиньи, куры или там ягоды — пусть все будет у вас самый первый сорт.

— Но это же гадко! — вырвалось у Саксон. — Это гадкий совет!

— Что ж, мы живем в такое гадкое время, — продолжал Хастингс, угрюмо усмехаясь. — Повальное истощение земли — это — в наши дни — национальное преступление Соединенных Штатов. Я бы не дал вашему мужу такого совета, но я совершенно уверен, что, если он откажется истощать землю, это сделает за него какой-нибудь португалец или итальянец. Достаточно им приехать и устроиться, как они тут же выписывают всех своих сестер, двоюродных братьев, теток. Ну, а если бы вас мучила жажда и возле вас горел бы винный склад с запасами вина и превосходное рейнское вино лилось бы на землю — разве вы не протянули бы руку, чтобы зачерпнуть и выпить хоть глоток? Ну вот — наш национальный склад горит со всех концов, и бесконечно много всякого добра пропадает зря. Берите, хватайте! Не то все расхватают иностранцы.

— О, вы не знаете моего мужа, — поспешила вмешаться миссис Хастингс. — Он отдает все свое время заботам о нашем ранчо. Там больше тысячи акров леса, и он ходит за ним и постоянно очищает его, прямо как хирург, не даст срубить ни одного деревца без разрешения, он даже подсадил сто тысяч деревьев; вечно возится с осушением участка и рытьем канав, чтобы остановить эрозию почвы, и делает опыты с кормовыми травами. То и дело покупает он соседние истощенные фермы и принимается восстанавливать силы земли.

— Поэтому я знаю, о чем говорю, — прервал ее Хастингс. — И повторяю мой совет. Я люблю землю, но если я завтра окажусь на улице, то, при данных обстоятельствах, готов загубить пятьсот акров, чтобы приобрести двадцать пять. Когда вы будете в долине Сономы, загляните ко мне, и я познакомлю вас с положением вещей: вы увидите обе стороны медали. Я покажу вам и восстановление и разрушение. И если вам попадется участок, обреченный на гибель, хватайте его и спешите выжать из него все соки.

— Да, а кто по уши влез в долги, чтобы вырвать пятьсот акров леса из рук угольщиков? — засмеялась миссис Хастингс.

Впереди, на левом берегу Сакраменто, где таяла вдали гряда Монтезумских холмов, показался городок Рио-Виста. «Скиталец», легко скользя по спокойным водам реки, шел мимо верфей, пристаней, мостов и товарных складов. Оба японца вышли на палубу и стали на носу. По команде Хастингса кливер был спущен, и «Скиталец» пошел по ветру, пока Хастингс не крикнул: «Отдать якорь!» Якорь погрузился в воду, и яхта так близко подошла к берегу, что ялик оказался под ивами.

— Немного выше по течению мы пристаем прямо к берегу, — сказала миссис Хастингс, — и когда утром просыпаешься, видишь прежде всего ветви деревьев, которые тянутся в окна каюты.

— О! — пробормотала Саксон, показывая руку, на которой появилась маленькая опухоль. — Поглядите, москиты!

— Рановато для них, — заметил Хастингс. — Но позже они будут просто отравлять существование. Однажды их было в воздухе столько, что я не мог расправить кливер.

Саксон была слишком несведуща в морском деле, чтобы оценить гиперболу, но Билл понял и

ухмыльнулся.

— В лунной долине не бывает москитов, — сказала она.

— Никогда, — подтвердила миссис Хастингс, а ее муж принялся сетовать на размеры каюты, не позволявшие ему предложить гостям удобный ночлег на яхте.

По насыпи мчался автомобиль, и сидевшие в нем юноши и девушки приветствовали Саксон, Билла и Хастингса криками: «Эй, ребята!» Хастингс, который, сидя на веслах, вез их на берег в своем ялике, ответил таким же: «Эй, ребята!» И Саксон, любуясь выражением его загорелого лица, полного мальчишеского задора, вспоминала мальчишеские проказы Марка Холла и всей кармелской компании.

Глава двенадцатая

Перебравшись на каком-то допотопном пароме через Сакраменто несколько выше Рио-Виста, Саксон и Билл оказались в поречье. И то, что они увидели с верхней части дамбы, поразило их. Внизу, значительно ниже уровня реки, насколько хватал глаз, расстилалась равнина. По всем направлениям бежали дороги, и всюду были разбросаны бесчисленные фермы, о существовании которых Саксон и не подозревала, когда они проплывали по пустынной реке, за полосой ивовых зарослей, на расстоянии всего нескольких футов от берега.

Три недели они провели, странствуя по этим плодородным островам. Жители дни и ночи возводили плотины и выкачивали воду, чтобы их не затопило. Земля здесь была повсюду богатейшая, но пейзаж однообразен. Это однообразие нарушала только Чертова гора, — она была видна отовсюду, и ее зубчатая вершина то дремала в лучах полуденного солнца, то четко вырисовывалась на закатном небе, то возникала, как видение, в серебристой полумгле рассвета. Иногда пешком, чаще на моторках, они исходили и изъездили поречье во всех направлениях, вплоть до торфяных земель на Миддл-ривер, спускались по Сан-Хоакину до Антиоха и поднимались по Джорджиане до Уолнот-Гров на реке Сакраменто. Им казалось, что они попали в чужую страну. На полях работали тысячи людей, но Саксон и Билл знали, что можно пройти весь день и не встретить ни одного человека, который бы говорил по-английски. Иногда им попадались целые деревни, где жили только китайцы или японцы, итальянцы, португальцы, швейцарцы, индусы, корейцы, норвежцы, датчане, французы, армяне, словаки — любая национальность, но не американцы. Одного американца они встретили на нижнем плессе Джорджианы, где он кое-как перебивался, ловя рыбу запрещенными способами. Другой американец, метавший гром и молнию при любом разговоре о политике, был странствующим пчеловодом.

В кишевшем людьми Уолнот-Грове американцами оказались только лавочник, кабатчик, мясник, смотритель на подъемном мосту да паромщик. А между тем Уолнот-Гров состоял из двух процветающих городов — китайского и японского. Почти вся земля здесь принадлежала американцам, но они жили далеко отсюда и то и дело продавали отдельные участки иностранцам.

Когда Саксон и Билл сели на пароход «Апаш», который шел в Сакраменто, в японском городе происходило что-то необычайное, но был ли то бунт, или мирное празднество — они так и не поняли.

— Нас уже выставили за дверь, и мы сидим на крылечке, — возмущался Билл, — а скоро нас и отсюда выпрут.

— В лунной долине не будет никаких крылечек, — утешала его Саксон.

Но он не поддался утешениям и с горечью продолжал:

— А ведь ни один из этих окаянных чужаков не справится, как я с четверкой! — И добавил: — Но земледельцы они природные.

А Саксон, глядя на его помрачневшее лицо, вдруг вспомнила виденную ею в детстве литографию: индеец из прерий, с татуировкой и перьями, верхом на лошади, изумленно смотрит, как по только что проложенным рельсам несется поезд. Этот индеец растерялся перед волной новой жизни, принесшей с собой железную дорогу. И Саксон задумалась: неужели Билл и люди его склада тоже обречены отступить перед потоком невероятно деятельной и трудолюбивой новой жизни, которую здесь ведут люди, хлынувшие из Азии и Европы?

В Сакраменто они пробыли две недели. Билл нашел себе работу у одного извозопромышленника и получил достаточно денег, чтобы продолжать путешествие. Они привыкли к морю и в Окленде и в Кармеле, и жить вдали от него им было трудно. В Сакраменто слишком жарко, решили они, и двинулись вдоль железной дороги на запад, миновали область болот и добрались до Дэйвисвилла. Здесь они отклонились к северу от намеченного пути — их привлек прелестный Вудленд. Билл нанялся возить фрукты для одной большой фермы, а Саксон, с трудом добившись от него разрешения, проработала несколько дней на сборе фруктов. Она с важным и таинственным видом отказалась сообщить, что намерена сделать с заработанными деньгами, и Билл поддразнивал ее до тех пор, пока не забыл об этом. Умолчала она также о денежном переводе и синенькой квитанции, вложенных ею в письмо к Бэду Стродзерсу.

Жара начала донимать их. Билл заметил, что прохладные ночи, видно, остались позади.

— И тут нет моих любимых секвой, — отозвалась Саксон. — Надо идти на запад, к морю. Там мы найдем лунную долину.

Из Вудленда они проселочными дорогами двинулись на юго-запад, к фруктовому раю — Вэкевиллу. Здесь Билл стал работать по сбору фруктов и их перевозке; и здесь Саксон получила письмо и маленькую посылку от Бэда Стродзерса. Когда Билл в этот день вернулся с работы, она попросила его закрыть глаза и минутку постоять на месте. Несколько мгновений она с чем-то возилась, потом прикрепила что-то к его рабочей куртке. Он даже почувствовал легкий укол, словно от булавки, и заворчал, но она рассмеялась, — нет, нет, глаза еще нельзя открывать.

— Целуй меня и смотри вниз, — пропела она, — я покажу тебе сюрприз.

Она поцеловала его, а он посмотрел на свою грудь и увидел приколотые к куртке золотые медали, заложенные им в тот день, когда они были в кинематографе и в них проснулось желание вернуться к земле.

— Ах ты плутовка! — воскликнул он, привлекая ее к себе. — Так вот куда ты всадила те деньги! А я и не подозревал!.. Ну-ка, поди сюда!

Тут ей пришлось подчиниться милой ее сердцу силе его мышц, и она шутя отбивалась и боролась с ним до тех пор, пока кофе не убежало, и ей пришлось спасать драгоценный напиток.

— Я, по правде сказать, всегда ими чуть-чуть гордился, — признался он, свертывая после

ужина папиросу. — Они напоминают мне время, когда я был совсем молодым парнишкой и отчаянно увлекался боксом. Я был в те времена мальчик что надо, можешь мне поверить... Но знаешь, Саксон, они у меня из памяти вылетели. Ведь нас отделяют от Окленда десять тысяч миль и тысяча лет!

— Тогда вот это вновь вернет тебя в Окленд, — сказала Саксон и, развернув письмо Стродзерса, прочла его вслух.

Бэд был, видимо, уверен, что Билл знает об исходе забастовки; поэтому он ограничился подробностями, перечислил имена тех товарищей, которые приняты обратно на работу, и тех, кто попал в черные списки. К его удивлению, оказалось, что он сам принят обратно, и теперь ему дали упряжку Билла. Еще удивительнее другая новость, которую он должен сообщить Биллу: прежний старший кучер умер, а его преемники — и первый и второй — ничего не смыслят в лошадях и наделали черт знает что. Словом, хозяин говорил сегодня с Бэдом и выразил сожаление, что Билл исчез.

«И не воображай, пожалуйста, будто он ничего не знает, — писал Бэд. — Ему известны все твои похождения. Я уверен, что он знает даже имена всех штрейкбрехеров, которых ты изувечил. И все-таки он мне так прямо и заявил: „Стродзерс, говорит, если вам неудобно дать мне его адрес, напишите ему сами и скажите, пусть вернется ко мне. Я ему дам сто двадцать пять долларов в месяц, лишь бы взял на себя конюшни“.

Кончив чтение и всеми силами стараясь скрыть тревогу, Саксон ждала, что скажет Билл. Он лежал, растянувшись, на траве, опираясь на локоть, и задумчиво выпускал колечки дыма. Его дешевая рабочая куртка, на которой были как-то не к месту блестящие, освещенные пламенем костра золотые медали, была расстегнута, открывая гладкую кожу и великолепную мускулатуру груди. Вдруг, под влиянием какой-то мысли, Билл окинул взглядом одеяла, которые в данную минуту были развешаны кругом костра и исполняли роль ширм, закопченный, измятый кофейник, топорик, до половины всаженный в пень, и, наконец, Саксон... В его глазах засветилась ласка, потом появилось какое-то вопросительное выражение. Но Саксон молчала.

— Что ж, — наконец, проговорил он. — Тебе придется написать Стродзерсу одно, — пусть и не напоминает мне об этом мерзком типе. И раз уде ты напишешь, я пошлю ему немного денег, надо выкупить мои часы. Подсчитай-ка, сколько там выйдет с процентами. А пальто — черт с ним, пускай пропадает!

Зной континентального климата они переносили с трудом. И мозг и тело стали какими-то вялыми. Оба потеряли в весе. Как выражался Билл, «от них осталась половина». Поэтому, взвалив на плечи свои пожитки, они пустились в путь на запад, через пустынные горы. В долине Бериессы от мерцающих струй раскаленного воздуха у них заболели глаза и голова. Они шли теперь только в ранние утренние часы и вечером, но все-таки продолжали путь на запад и, перевалив через несколько горных кряжей, очутились в прелестной долине Напа. За нею лежала долина Сономы, — там находилось ранчо Хастингса, который приглашал их к себе в гости. Они бы и посетили его, если бы Билл не прочел случайно в газете об отъезде писателя в Мексику, где в это время вспыхнула очередная революция.

— Ну, увидимся с ним позднее, — сказал Билл, и они свернули на северо-запад, через покрытую виноградниками и фруктовыми садами долину Напа. — Мы с тобою вроде того миллионера, про которого пел Берт, только мы прожигаем не деньги, а время. Все направления для нас одинаково хороши, но лучше всего идти на запад.

В долине Напа Билл три раза отказывался от работы. Когда Санта-Элена осталась позади, Саксон с радостью приветствовала своих любимцев: да, перед нею, наконец, были секвой: они росли по склонам узких каньонов, прорезавших обращенный к долине западный склон горного кряжа. В Калистоге, где железная дорога кончалась, они увидели дилижансы, запряженные шестеркой лошадей и ходившие в Миддлтаун и Лоуэр-Лэйк. Путники обсудили дальнейший маршрут. Дорога вела к области озер, а не к морю, поэтому Билл и Саксон двинулись через горы на запад, к долине Рашн-ривер, и вышли у Хилдсберга. Здесь поля на плодородных землях были засажены хмелем, но Билл не пожелал собирать хмель рядом с индейцами, японцами и китайцами.

— Я бы и часу не проработал с ними. Непременно дал бы им по башке,

— объяснил он Саксон. — А потом — эта Рашн-ривер отличная река. Давай сделаем здесь привал и поплаваем.

Они не спеша двигались к северу по широкой цветущей долине; им было здесь так хорошо, что они совсем забыли о необходимости работать, а лунная долина казалась им далекой золотой грезой, которая непременно когда-нибудь да осуществится. В Кловердэйле Биллу повезло. Вследствие болезней и ряда случайностей в городских конюшнях не хватало кучера. Поезд ежедневно выбрасывал толпы туристов, желавших посмотреть гейзеры, и Билл, словно всю жизнь только это и делал, взялся править шестеркой и возил в горы набитые пассажирами дилижансы точно, по расписанию. Когда он поехал во второй раз, то рядом с ним на высоких козлах уселась и Саксон. Через две недели вернулся прежний кучер. Биллу предложили постоянное место, но он отказался, забрал свое жалованье, и они пустились дальше, на север.

Саксон где-то подобрала щенка-фокстерьера и назвала его Поссум — в честь собаки, о которой рассказывала ей миссис Хастингс. Он был так мал, что у него скоро разболелись лапки, и Саксон пришлось нести его на руках. Наконец, Билл взял у нее щенка и посадил его на тюк, который нес на спине, но тут же стал ворчать, что Поссум сжевал ему все волосы на затылке.

Они прошли через живописные виноградники Асти, когда сбор винограда уже кончался, и вошли в город Юкайа под первым зимним ливнем, промочившим их насквозь.

— Послушай, Саксон, — сказал Билл. — Помнишь, как легко «Скиталец» скользил по воде? Вот так прошло и лето — словно пронеслось. А теперь нам пора подумать о том, где мы будем зимовать. Кажется, Юкайа очень уютный городишко. Давай снимем на ночь комнату и хорошенько обсушимся. А завтра я потолкаюсь в конюшнях, и если найду что-нибудь подходящее, мы снимем себе хибарку; и у нас будет вся зима, чтобы решать, куда нам двинуться дальше.

Глава тринадцатая

Зима прошла далеко не так интересно и весело, как в Кармеле; и хотя Саксон и раньше высоко ставила кармелскую колонию, теперь эти люди стали ей еще милее и дороже. В Юкайе они завели только шапочные знакомства. Здешние жители напоминали рабочее население Окленда, а те, кто побогаче, держались отдельно от прочих и разъезжали на автомобилях. Тут не было ничего, напоминающего артистическую колонию, где все относились друг к другу как товарищи, независимо от того, были у человека деньги или нет.

И все-таки зима в Юкайе прошла приятнее, чем все зимы в Окленде. Биллу не удалось получить постоянную работу, но они кое-как перебивались, зато много бывали вместе и жили в своем крохотном домике без забот и тревог. Будучи запасным кучером в самой большой

конюшне города, Билл имел столько досуга, что занялся поставкой лошадей. Дело это было неверное, и он не раз попадал впросак, однако у них всегда бывал бифштекс и кофе, да и в одежде они себе не отказывали.

— Проклятые фермеры, они всякого надуют, — сказал Билл, усмехаясь, когда его особенно ловко обманули. — Вот сукины дети, они своего не упустят!.. Летом сдают дачи, а зимой наживаются на торговле лошадьми, и при этом обжуливают друг друга. И должен сказать тебе, Саксон, я многому у них научился. Мне теперь пальца в рот не клади. Уж я на их удочку не попадусь. Вот и еще одно ремесло у твоего благоверного. Теперь я везде заработаю на жизнь поставкой лошадок.

Билл не раз брал с собой Саксон, если надо было проезжать верховых лошадей. А его торговые дела заставили их побывать во многих окрестных селениях. Саксон сопровождала мужа и тогда, когда он ездил продавать лошадей по чьему-либо поручению. И вот у обоих, независимо друг от друга, появилась новая мысль относительно их дальнейших странствий. Билл первый высказал ее:

— Я тут на днях был в городе и наткнулся на замечательную штуку, — начал он. — Теперь я только о ней и думаю. Ты и не старайся — все равно не угадаешь. Я тебе сам скажу, что: самый чудесный фургон, какой только можно себе представить. Первый сорт! И прочный! Он сделан на заказ в Пюджет Саунде, и его прочность проверена на всем пути сюда. Выдержит любую нагрузку и любую дорогу. Парень, который его заказал, болел чахоткой. Он странствовал в этом фургоне с доктором и поваром, пока не помер здесь, в Юкайе, два года тому назад. Нет, если бы ты видела этот фургон! Все решительно в нем предусмотрено, у каждой вещи свое место, — ну прямо дом на колесах. Вот если бы нам удалось его купить да еще парочку лошадей впридачу, так мы бы с тобой путешествовали, как короли, и плевали бы на любую погоду.

— О Билл! Я же всю зиму мечтала как раз о таком фургоне! Это было бы замечательно. И… знаешь ли, я уверена… в дороге ты все-таки забываешь, какая у тебя красивая женушка, да иначе и быть не может… а в фургоне я все-таки могла бы следить за собой.

Голубые глаза Билла засветились лаской, затуманились теплом, и он спокойно сказал:

— Я и сам об этом думал.

— Ты можешь взять с собой и дробовик, и ружье, и рыболовные снасти, и все, что захочешь, — торопливо продолжала она. — И хороший большой топор вместо нашего топорика, на который ты постоянно жалуешься. Да и Поссум может сидеть и отдыхать. И… да разве мы можем купить его? Сколько за него просят?

— Полтораста долларов, — сказал он, — совсем даром. Они просто хотят от него избавиться. Поверь мне, он обошелся все четыреста, уж я в этом деле собаку съел. Только бы мне удалось обделать это дельце насчет шестерки Кэссуэла, — как раз сегодня я начал переговоры с одним покупателем. Если он их купит, — знаешь, кому он отправит их? Моему бывшему хозяину, прямо в оклендские конюшни. Прошу тебя, напиши ему. По пути мы можем устроить немало выгодных дел. Если старик захочет, я могу постоянно снабжать его лошадьми. Ему только придется меня снабдить деньгами — и немалыми — для оборотов, а он, по всей вероятности, побоится, — ведь ему известно, скольких штрейкбрехеров я обработал.

— Если он готов доверить тебе конюшни, то, думаю, он не побоится доверить тебе и свои деньги, — возразила Саксон.

Билл из скромности пожал плечами.

— Ладно! Как бы там ни было, продав шестерку Кэссуэла, мы отсрочим платежи по счетам за этот месяц и купим фургон.

— Ну а лошади? — нетерпеливо спросила Саксон.

— Лошади потом. Возьму постоянную работу месяца на два, на три. Меня смущает одно: придется проторчать — здесь чуть не до середины лета. Ну, да ладно, пойдем в город, я покажу тебе фургон.

Саксон осмотрела фургон, и он так поразил ее воображение, что она не спала целую ночь, рисуя себе будущие поездки. Лошадей Кэссуэла удалось продать, платежи по счетам отсрочить — и фургон перешел в их собственность. Недели две спустя, в одно дождливое утро, Билл вышел из дому с тем, чтобы поискать лошадей, но почти тут нее вернулся.

— Едем со мной! — крикнул он Саксон с улицы. — Надевай пальто и выходи. Я хочу тебе кое-что показать.

Он повез ее на окраину города, в конюшни, где лошади принимались на постой: они прошли на большой крытый двор за конюшнями, и Билл вывел пару крепких кобыл, гнедых в яблоках, со светлыми хвостами и гривами.

— Ах, какие красавицы! Какие красавицы! — воскликнула Саксон, прижимаясь щекой к бархатной морде одной из них, в то время как другая тыкалась носом в ее щеку, желая, чтобы и ее приласкали.

— Правда, хороши? — с торжеством воскликнул Билл, водя их по двору перед восхищенной Саксон. — Каждая весит тысячу триста пятьдесят фунтов, но им ни за что не дашь этот вес, так ладно они сложены. Я и сам не верил, пока не поставил их на весы. Они весят вместе две тысячи семьсот семь фунтов. Я испробовал их два дня назад: отличные, здоровые лошадки, работяги; автомобилей не боятся, и все такое… Пари держу, что они дадут сто очков вперед любой упряжке их веса. Скажи, а здорово было бы запрячь их в наш фургон?!

Саксон сейчас же нарисовала себе эту картину и огорченно покачала головой.

— За них просят триста долларов наличными, — продолжал Билл. — И это окончательная цена. Владельцу деньги нужны до зарезу. Ему главное

— скорее бы продать. А за эту пару в городе на аукционе дадут все пятьсот, честное слово! Обе кобылы — родные сестры, одной пять лет, другой — шесть; от премированного бельгийского производителя и лично мне известной племенной матки из тяжеловозов. Так вот — триста долларов, и ждать он согласен три дня.

Вместо сожаления Саксон почувствовала гнев.

— Зачем же ты их показал мне? Нам неоткуда взять такие деньги, и ты это прекрасно знаешь. У меня дома всего-навсего шесть долларов, а у тебя и того нет.

— Ты думаешь, я только за этим и привез тебя сюда? — проговорил он с загадочной улыбкой. — Ну, так ты ошибаешься.

Он помолчал, облизнул губы и смущенно переступил с ноги на ногу.

— Так вот, слушай и не перебивай меня, пока я не скажу все. Ладно?

Она кивнула.

— Рта не раскроешь? На этот раз она покорно покачала головой.

— Так вот как обстоит дело, — запинаясь, начал он. — Из Фриско сюда пожаловал один паренек по прозванию «Юный Сэндоу» и «Гордость Телеграф-Хилла». Он боксер в тяжелом весе и должен был в субботу вечером встретиться с Монтаной Редом. Но вчера Монтана Ред во время тренировки сломал себе руку. Устроители скрыли это от публики. Так дело, видишь ли, вот в чем... Билетов продано пропасть, и в субботу у них соберется очень много публики. А в последнюю минуту, чтобы публика не потребовала обратно свои деньги, они выпустят вместо Монтаны меня. Я вроде темной лошадки, — меня никто не знает, даже «Юный Сэндоу»; он пришел на ринг после меня. А я сделаю вид, будто я деревенщина-любитель, и могу выступить хоть под именем «Конь Роберте».

Нет, подожди, Саксон. Победитель получает чистоганом триста долларов... Да подожди ты, говорю тебе! Это легче легкого — все равно как очистить карманы покойника! Сэндоу классный боксер, ничего не скажешь, я следил за ним по газетам. Но он плохо соображает. Я, правда, копаюсь, это верно, зато у меня котелок хорошо варит и я работаю обеими руками одинаково. Сэндоу в моей власти, я это знаю твердо.

Теперь решай, слово за тобой. Если ты согласна — кобылки наши. Если нет — так и делу конец, — все в порядке, и я нанимаюсь конюхом в конюшню, чтобы заработать на пару кляч. Но не забудь, это будут клячи. Подумай хорошенько, а на меня тебе глядеть нечего, гляди лучше на лошадей.

С мучительным чувством нерешительности смотрела Саксон на стоявших перед ней красавиц.

— Их зовут Хазл и Хатти, — хитро ввернул Билл, — Когда они будут нашими, мы назовем их «Ха-ха».

Но Саксон забыла о лошадях, она видела перед собой только Билла, избитого и искалеченного, как в тот вечер, после схватки в Окленде с «Грозой Чикаго». Она только что хотела заговорить, но Билл, внимательно следивший за выражением ее лица, остановил ее:

— А ты только представь себе, что запрягла их в наш фургон, и посмотри, как будет красиво! Не скоро увидишь такой выезд.

— Но ведь ты не в форме. Билли, — невольно вырвалось у нее.

— Подумаешь! — фыркнул он. — Я в сущности весь этот год тренировался. У меня ноги — как железные. Они будут держать меня, пока в руках есть сила, а ее мне не занимать стать. И потом — я не буду с ним долго возиться. Сэндоу берет с наскока, а с такими я быстро справляюсь, я его мигом обработаю. Трудно иметь дело с выдержанным, хладнокровным боксером, а об этом «Юном Сэндоу» и говорить нечего: я покончу с ним на третьем или четвертом раунде, как только он на меня бросится. Это легче легкого, Саксон. Даю слово, даже брать деньги стыдно.

— Но я не могу и подумать о том, что у тебя опять все тело будет избито, — нерешительно возразила она. — Если бы я тебя не любила так сильно, я бы, может быть, согласилась. А вдруг он тебя изувечит?

Билл рассмеялся в горделивом сознании своей молодости и силы.

— Ты даже не узнаешь, что я был на ринге, — просто у нас окажутся Хазл и Хатти. И потом, Саксон, мне прямо необходимо время от времени поработать кулаками. Я не могу месяцами вести себя, как ягненок, у меня начинают чесаться суставы, так и хочется ими по чему-нибудь треснуть. Гораздо умнее победить Сэндоу и заработать триста долларов, чем подраться с каким-нибудь деревенским оболтусом да еще попасть под суд. Взгляни-ка еще раз на Хазл и Хатти. Настоящие лошади для сельских работ, и производители хорошие, — они очень пригодятся нам, когда мы попадем в эту лунную долину. И достаточно сильны — хоть сейчас в плуг запрягай!

Вечером перед матчем Саксон и Билл расстались в четверть девятого. Ровно через час, когда Саксон держала наготове горячую воду, лед и все, что может понадобиться, она услышала стук калитки и шаги Билла на крыльце. Против воли она все-таки согласилась, чтобы он участвовал в матче, и теперь каждую минуту упрекала себя за это. Открывая дверь, Саксон дрожала от страха, что перед ней снова предстанет изувеченный муж. Но этот Билл ничем не отличался от того, с которым она час тому назад простилась.

— Матч не состоялся? — воскликнула она с таким явным разочарованием, что он засмеялся.

— Когда я уходил, они все еще орали: «Обман! Обман!» — и требовали обратно свои деньги.

— Все равно я счастлива, что ты опять дома, — сказала она со смехом, входя с ним в комнату; но тайком она вздохнула, прощаясь с мечтой о Хазл и Хатти.

— Я тут по пути достал тебе кое-что, я знаю, тебе давно хотелось это иметь, — будто невзначай сказал Билл. — «Закрой глаза и протяни руку; а откроешь глаза — увидишь штуку», — пропел он.

На ее ладонь легло что-то тяжелое и холодное, и, открыв глаза, она увидела стопку двадцатидолларовых монет.

— Я говорил тебе, что это так же нетрудно, как ограбить мертвеца,

— усмехаясь, воскликнул он, стараясь увернуться от толчков, ударов и шлепков, которые посыпались на него. — Никакого боя и не было. Знаешь, сколько времени все продолжалось? Ровно двадцать семь секунд — меньше полминуты. А сколько было нанесено ударов?.. Один! И удар этот был мой… Сейчас я тебе покажу. Чистая умора!

Билл встал посреди комнаты, слегка согнув колени, прикрывая подбородок левым плечом, выставив вперед кулаки и защищая левый бок и живот локтями.

— Первый раунд, — начал он. — Ударили в гонг, и мы уже обменялись рукопожатием. Готовимся к продолжительному бою, — мы ведь ни разу не видели друг друга на ринге, поэтому не торопимся, присматриваемся и так — финтим. Проходит семнадцать секунд — ни одного удара. Ничего. И вот тут-то «Юному Сэндоу» сразу приходит конец. Рассказывать долго, а случилось все в один миг, я и сам не ожидал. Мы стояли лицом к лицу. Его левая перчатка была примерно в футе от моего подбородка, а моя перчатка — в футе от его. Он сделал правой рукой финту, — я вижу, что это финта, приподнимаю левое плечо и сам делаю финту правой. Мое движение чуть отвлекает его внимание, и это дает мне преимущество. Мне и на фут не пришлось вытянуть левую, и я ее даже назад не отвел. Я действую рукой прямо с места, просовываю ее под его правую защиту, а сам перегибаюсь туловищем вперед, чтобы ударить всем весом плеча. Ну и удар!.. Вот где он пришелся — сбоку в челюсть. Он так и рухнул! Я

возвращаюсь спокойненько в свой угол и, даю слово, Саксон, смеюсь втихомолку, — так это оказалось легко. Судья стоит над ним и считает. А он и не шевельнется. Зрители не знают, что и думать, — сидят, как будто их оглушили. Секунданты тащат его в угол и усаживают на стул; его все время приходится поддерживать. Через пять минут он открывает глаза, но ничего не видит: глаза словно стеклянные. Еще пять минут, и он поднимается. Но сам стоять не может, ноги точно ватные. Секунданты кой-как перетаскивают его через канаты и уводят в уборную. А толпа начинает бесноваться и требует свои деньги обратно. Подумай только: двадцать семь секунд, один удар — и лучшая из жен, какая когда-либо была у Билла Робертса за всю его долгую жизнь, получает пару отличных лошадок!

В душе Саксон с удесятеренной силой вспыхнуло прежнее восхищение мужеством, силой и красотой Билла. Да, он настоящий герой, достойный потомок тех викингов, которые в крылатых шлемах спрыгивали со своих крючконосых лодок на окровавленные пески Англии!

Наутро Билл проснулся оттого, что почувствовал прикосновение губ Саксон к своей левой руке.

— Эй! Что ты делаешь? — воскликнул он.

— Желаю доброго утра Хазл и Хатти, — серьезно сказала она. — А теперь я пожелаю доброго утра тебе… Куда ты его ударил? Покажи.

Билл выполнил просьбу Саксон и слегка коснулся ее подбородка костяшками пальцев. Она обеими руками обхватила его кулак, отвела назад и быстро потянула на себя, чтобы заставить Билла нанести ей подобие удара. Но он отстранил ее.

— Подожди, — сказал он. — Ты же не хочешь, чтобы я свернул тебе челюсть. Я сам покажу. Хватит и с расстояния в четверть дюйма.

И он нанес ей легчайший удар в подбородок с расстояния в четверть дюйма.

В мозгу Саксон точно вспыхнуло белое пламя, все ее тело обмякло и бессильно поникло, перед глазами пошли круги, и все застлало туманом. Через миг она оправилась, но на лице ее отразился ужас — она поняла.

— А ты ударил его с расстояния в фут! — дрожащим голосом прошептала она.

— Да еще изо всех сил налег плечом, — рассмеялся Билл. — О, это пустяки!.. Я тебе покажу кое-что получше!

Он отыскал ее солнечное сплетение и чуть-чуть ударил ее под ложечку средним пальцем. На этот раз у нее остановилось дыхание. Удар словно парализовал все тело, но сознание не померкло и в глазах не потемнело. Впрочем, и на этот раз все болезненные ощущения через секунду прошли.

— Это солнечное сплетение, — сказал Билл. — Представь себе, что делается с человеком, если ему наносят сюда удар снизу. Этим ударом Боб Фицсиммонс завоевал первенство мира.

Саксон со страхом уступила желанию мужа, который в шутку взялся показать ей все уязвимые точки человеческого тела. Он нажал кончиком пальца ее руку, повыше локтя, и оказалось, что это простое движение способно вызвать нестерпимую боль. Он слегка надавил большими пальцами с двух сторон на какие-то точки у основания шеи, и она почувствовала, что теряет сознание.

— Это одна из мертвых хваток японцев, — сказал он и продолжал, объясняя каждый прием и движение: — Вот захват ноги; этим приемом Гоч победил Хаккеншмидта. Меня научил ему Фармер Берне… Вот полунельсон… А вот ты — парень, который буянит на танцах, а я — распорядитель, и я выставлю тебя из зала таким манером, — одной рукой он схватил ее кисть, другую подсунул под ее локоть и сжал ею свою кисть.

При первом же легчайшем нажиме ей показалось, что ее рука стала необыкновенно хрупкой и вот-вот сломается.

— Это называется «пойдем отсюда»… А вот тебе «железная рука». А вот этим приемом мальчишка может одолеть взрослого мужчину. Если ты попала в переделку и противник вцепился тебе зубами в нос, — а человеку ведь жалко потерять нос, верно? — так вот что надо сделать, только мгновенно!

Глаза ее невольно закрылись, когда большие пальцы Билла надавили на них. Ей казалось, что она уже чувствует в глазных яблоках невыносимую тупую боль.

— А если он все-таки не выпустит твой нос, нажми еще сильнее и выдави ему к черту глаза, — он тогда до конца своих дней будет слепым, как летучая мышь. И он мигом разожмет зубы, можешь быть уверена… да, можешь.

Билл выпустил ее и, смеясь, откинулся на подушку.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Эти штуки при боксе не применяются, но могут пригодиться, если на тебя нападут хулиганы.

— А теперь я тебе отомщу, — заявила она, пытаясь применить к нему прием «пойдем со мной».

Она постаралась сжать его руку, но вскрикнула, ибо только самой себе причинила боль. Билл смеялся над ее тщетными усилиями. Она большими пальцами придавила ему шею, подражая мертвой хватке японцев, затем жалобно поглядела на погнувшиеся кончики ногтей. Наконец, она изловчилась и ударила его в подбородок — и снова вскрикнула, на этот раз она расшибла себе суставы пальцев.

— Ну, уж теперь-то мне не будет больно, — проговорила она сквозь зубы, ударив его обоими кулаками под ложечку.

Билл громко расхохотался. Роковой нервный центр был недоступен, защищенный броней мускулов.

— Валяй дальше, — настаивал он, когда она, тяжело дыша, наконец, отступилась. — Это очень приятно, ты меня как перышком щекочешь.

— Прекрасно, господин супруг, — сердито пригрозила она ему, — рассуждайте сколько угодно о всяких ударах, мертвых хватках и прочем — все это мужские выдумки. А вот я знаю такой фокус, перед которым все это — чепуха! Он превратит самого сильного мужчину в беспомощного младенца. Подождите минутку. Ну вот. Закройте глаза. Готово? Секундочку…

Закрыв глаза, он ждал, затем почувствовал на своих губах прикосновение ее губ, нежных, как лепестки розы.

— Ты победила! — признался он торжественно и обнял ее.

Глава четырнадцатая

Утром Билл отправился в город, чтобы внести деньги за Хазл и Хатти. Саксон не терпелось поскорее увидеть лошадок, и она не могла понять, почему он так долго мешкает с таким простым делом. Но она простила его, когда он подъехал к дому на запряженном парой фургоне.

— Сбрую мне пришлось занять, — сказал он. — Давай сюда Поссума и влезай сама. Я покажу тебе, что такое «выезд Ха-ха». А это первоклассный выезд, можешь мне поверить!

Восторг Саксон был безграничен, когда они выехали за город и гнедые лошадки со светлыми гривами и хвостами помчали их по дороге. Она не могла найти слов, чтобы выразить свою радость. Сиденье было с высокой спинкой, обитое кожей и очень удобное. Билл восхищался остроумным устройством тормоза. Он пустил лошадей по твердой мощеной дороге, чтобы похвастаться их ровной рысью, затем свернул на немощеную, круто поднимавшуюся в гору, где колеса увязали в грязи по ступицу, чтобы показать Саксон, что лошадки делают честь своим бельгийским предкам.

Когда Саксон окончательно выговорилась, Билл стал искоса поглядывать на нее, стараясь понять, о чем она думает. Наконец, она вздохнула и спросила:

— Как ты думаешь, когда мы сможем тронуться в путь?

— Может быть, недели через две, а может, и через два-три месяца. — Он озабоченно и неторопливо продолжал, точно обдумывая каждое слово: — Мы с тобой вроде того ирландца: сундук у него есть, а класть в сундук нечего. Вот и у нас — и фургон есть и лошади, а клади нет. Я видел на днях ружьишко — ну просто прелесть! Хотят за него восемнадцать долларов; конечно, подержанное. Но как вспомню обо всех наших счетах… Тебе я хотел бы купить маленькую автоматическую винтовку калибра двадцать два. А мне для охоты на оленей необходим тридцать — тридцать. Кроме того, тебе нужна складная удочка, да и мне тоже. Снасти стоят очень дорого. И упряжь, какая мне нравится, обойдется в пятьдесят долларов. Фургон надо выкрасить. А потом еще путы, чтобы связывать лошадям ноги, когда они пасутся, мешки для овса, кой-какой инструмент и прочее… Хазл и Хатти недешево нам станут, пока мы сидим на месте… Да я сам жду не дождусь, когда мы, наконец, тронемся…

Он вдруг смущенно замолчал.

— Ну-ка, Билл, что ты задумал? Не скрывай, я по глазам вижу.

— Что ж, Саксон дело вот в чем: Сэндоу страшно зол, он прямо на стену лезет, — ведь ему ни разу не пришлось меня ударить, не удалось показать свое искусство. Словом, он требует реванша, трезвонит по всему городу, что пусть, мол, ему руку привяжут за спину, так он одной рукой меня уничтожит, и прочий вздор. Но важно не это, важно, что публика рвется посмотреть на нас еще раз. Ведь в тот вечер они за свои деньги никакого удовольствия не получили. Народу будет пропасть. Устроители уже говорили со мною; поэтому-то я и задержался. Стоит тебе сказать словечко, и мы ровно через две недели получим еще триста долларов. Все будет, как и в первый раз. Сэндоу у меня в руках. А он все еще воображает, что я деревенщина и это был случайный удар.

— Но, Билл, ты ведь давно уверял меня, что бокс изматывает человека. Потому-то ты и бросил бокс и занялся лошадьми.

— Да, но не такой бокс, — возразил он, — У меня уже все обдумано. Я дам ему додержаться до седьмого раунда, — не потому, что не справлюсь с ним раньше, но пусть публика получит удовольствие за свои деньги. При таких условиях, я конечно, успею получить от него парочку-другую тумаков и ссадин. Но в нужную минуту я опять дам ему в челюсть, и мы будем в расчете. А потом мы с тобой уложим наши пожитки и на другое же утро двинемся в путь. Ну как? Твое мнение? Да соглашайся же, Саксон!

Две недели спустя, в субботу вечером, Саксон, услышав звяканье щеколды, бросилась к двери. Билл казался измученным; волосы слиплись, нос припух, одна щека раздулась, кожа на ушах местами была сорвана, глаза налились кровью.

— Вот черт, парень-то оказался не промах! — сказал Билл, вкладывая ей в руку стопку золотых; затем опустился на стул и посадил ее на колени. — Он, когда разойдется, прямо молодец. Я собирался покончить с ним на седьмом раунде, а провозился до четырнадцатого. Только тогда мне удалось сделать то, что я хотел. У него одна беда — слишком чувствительный подбородок. А так — он гораздо проворнее, чем я думал, и его удары внушили мне уважение со второго же раунда. У него прекрасный короткий удар, но вот подбородок!.. Он берег его, словно он стеклянный, до четырнадцатого раунда, а там уж я добрался до него…

И знаешь, Саксон? Я очень рад, что матч затянулся на четырнадцать раундов. Оказывается, я в полной форме. Я это сразу почувствовал. Нисколько не задыхался, и раунды проходили незаметно. Ноги мои были как железо. Я мог бы продержаться и сорок раундов. Видишь ли, я тебе ничего не говорил, но после трепки, которую мне задал «Гроза Чикаго», я начал сомневаться в себе.

— Глупости! Давно пора было опять поверить в свои силы, — воскликнула Саксон. — Вспомни, сколько ты в Кармеле занимался боксом, борьбой и бегом.

— Ну не-ет! — Билл покачал головой и убежденно добавил: — Это совсем другое, пока ничем не рискуешь. А вот когда идет настоящий бой не на жизнь, а на смерть и ты бьешься раунд за раундом с крепким, тренированным боксером — и у тебя все-таки не подгибаются ноги, и дышишь ты ровно, и сердце не хочет выскочить из груди, и голова твоя ясна, — значит, ты и сам в хорошей форме. Так было и со мной, я чувствовал себя в полной форме. И, слышишь, Саксон, я больше не хочу рисковать на ринге. Мое слово твердо. Легкие денежки, а даются тяжело. С этого дня я только торгую лошадьми. И мы с тобой странствуем по свету, пока не найдем нашу лунную долину.

На следующий день рано утром они выехали из Юкайи. Поссум сидел между ними на козлах, раскрыв от волнения розовую пасть. Они хотели было отправиться прямо на побережье, но весна еще только начиналась, и мягкие грунтовые дороги не успели просохнуть после зимних дождей; поэтому они свернули на восток, в область озер, чтобы затем держать путь на север, пересечь верхнюю часть долины Сакраменто и, перевалив через горы, спуститься в Орегон. Там они возьмут направление на запад, к морю; кстати, дороги на побережье к тому времени уже просохнут и можно будет вдоль моря добраться до Золотых ворот.

Все вокруг зеленело и цвело, и каждая лощинка в горах казалась цветущим садом.

— Н-да! — вдруг язвительно заметил Билл, неизвестно к кому обращаясь. — Говорят, камень катающийся мхом не обрастает. А мне вот кажется, что мы с тобой здорово обросли. У меня никогда в жизни не было столько имущества, — а я ведь сидел на месте. Даже мебель, черт ее побери, у нас с тобой была не своя. Только платье, да несколько пар старых носков, да кое-какая рухлядь.

Саксон нагнулась и тронула Билла за руку, — он знал, что это движение выражает любовь и ласку.

— Я только об одном жалею, — сказала она, — что все это куплено на твои деньги и я тут ничем не помогла.

— Ничего подобного! Ты во всем помогала. Ты для меня — все равно что секундант в боксе. Благодаря тебе я счастлив и в хорошей форме. Человек не может биться без дельного секунданта, который бы за ним ходил и... Да не будь тебя, я бы никаким чертом сюда не выбрался! Это ты стащила меня с места и увела из Окленда. Если бы не ты, я давно бы спился или болтался на виселице в Сен-Квентине за то, что слишком сильно стукнул штрейкбрехера или за что-нибудь еще. А посмотри на меня теперь, посмотри на эту пачку зелененьких кредиток, — он похлопал себя по нагрудному карману, — тут есть на что купить лошадок! У нас с тобой точно каникулы, которые тянутся без конца; да и заработок не плох. И я приобрел новую специальность — поставляю лошадей для Окленда. Когда они увидят, что я кое-что смыслю в этом деле, — а я смыслю, можешь мне поверить, — все владельцы конюшен во Фриско будут гоняться за мной со всякими комиссиями. И все это сделала ты. Ты — мой Жизненный Эликсир, да-да... и если бы Поссум не смотрел во все глаза, я бы... а впрочем, пусть смотрит, нам-то какое дело! — И Билл нагнулся к ней и поцеловал ее.

Чем выше, тем тяжелее и каменистее становилась дорога, но перевал они миновали легко и скоро стали спускаться в каньон Голубых Озер, лежавший среди полей, буйно заросших золотым маком. На дне каньона текла широкая полоса воды необыкновенно синего цвета. Вдали, за грядой холмов, выступала одинокая голубоватая вершина, служившая как бы центром всей картины.

Путешественники обратились к черноглазому человеку — у него было приятное лицо, вьющиеся седые волосы, и говорил он с немецким акцентом; в то время как он отвечал на их расспросы, женщина с приветливым лицом улыбалась им из высокого решетчатого окна швейцарского домика, прилепившегося над озером. Биллу удалось напоить лошадей во дворе красивой гостиницы, хозяин которой вышел к ним и рассказал, что выстроил гостиницу сам, по плану черноглазого человека с вьющимися седыми волосами, оказавшегося архитектором из Сан-Франциско.

— В люди выходим, в люди, — ликовал Билл, когда они проезжали извилистой дорогой мимо другого озера, столь же необычайного синего цвета. — Ты замечаешь, к нам обращаются теперь совсем иначе, чем когда мы тащились пешком с тюками за спиной? Видят Хазл и Хатти, Саксон и Поссума, вашего благоверного и этот великолепный фургон, и каждый думает, что мы вроде миллионеров и катаемся для собственного удовольствия.

Дорога становилась все шире. По обе стороны тянулись обсаженные дубами широкие пастбища, где бродил скот. Затем, словно внутреннее море, возникло Светлое озеро, на нем вздымались небольшие волны, поднятые порывами ветра, дувшего с высоких гор, на северных склонах которых еще лежал белыми пятнами снег.

— Я помню, миссис Хэзард восхищалась Женевским озером, — сказала Саксон, — не думаю, чтобы оно было лучше.

— Тот архитектор назвал эту местность Калифорнийскими Альпами, помнишь? — заметил Билл. — И если я не ошибаюсь, то там, впереди, виднеется Лэйкпорт. Страна совсем дикая и железных дорог нет.

— И лунных долин тоже нет, — добавила Саксон. — Но все-таки здесь очень красиво, удивительно красиво.

— А летом наверняка адское пекло, — заметил Билл. — Нет, те места, какие нам нужны, лежат ближе к побережью. Но все равно, здесь очень красиво… вроде как на картине… Знаешь что? Остановимся где-нибудь под вечер и поплаваем. Хочешь?

Десять дней спустя они въехали в городок Вильяме, где, наконец, опять увидели железную дорогу. Это было очень кстати, потому что за фургоном шли две отличные рабочие лошади, купленные для отправки в Окленд.

— Здесь слишком жарко, — решила Саксон, глядя на поблескивавшую в солнечных лучах долину Сакраменто, — и нет секвой. И гор нет и лесов. Нет мансанит, нет земляничных деревьев. Пустынно и уныло…

— Вроде тех речных островов, — добавил Билл. — Земля плодородная до черта, но требует невероятного труда. Это хорошо для тех, кому нравится работать, словно каторжным, — но я не вижу, чем тут человек может поразвлечься. Ни тебе рыбной ловли, ни охоты — ничего, знай, трудись. Я бы и сам стал гнуть спину, если бы мне пришлось тут жить.

Они повернули на север и продолжали свой путь среди нестерпимого зноя и пыли; всюду в Калифорнийской долине встречали они признаки так называемых «новых» методов сельского хозяйства: сложные оросительные системы, уже готовые или такие, над которыми еще работали; тянувшиеся с гор провода электрокабелей; множество новых ферм на недавно разгороженной земле. Крупные владения распадались. Все же оставалось немало поросших гигантскими дубами поместий, — от пяти до десяти тысяч акров каждое, — они начинались у берегов Сакраменто и тянулись к горизонту в струящемся мареве раскаленного воздуха.

— Только на богатой почве растут такие деревья, — сказал им фермер, владелец участка в десять акров.

Саксон и Билл свернули с дороги к его маленькой конюшне, чтобы напоить Хазл и Хатти. Большая часть земли была отведена фермером под молодой фруктовый сад с крепкими деревцами, хотя немало места занимали свежепобеленные птичники и обнесенные проволочной сеткой вольеры, где разгуливали сотни цыплят. Фермер только что приступил к постройке каркасного домика.

— Я купил этот участок и сразу же взял отпуск, — пояснил он, — чтобы посадить деревья. Потом вернулся в город и продолжал там работать, пока здесь все расчищали. Теперь-то я уж окончательно сюда переселился и, как только закончу дом, выпишу жену. Она у меня слабенькая, и здешний воздух будет ей полезен. Мы давно решили уехать из города и ради этого несколько лет трудились не покладая рук… — Он остановился и вздохнул полной грудью. — И вот, наконец, мы свободны.

Солнце нагрело воду в колоде.

— Постойте, — сказал фермер. — Не давайте лошадям эту бурду. Я сейчас напою их холодненькой водицей.

Он вошел под небольшой навес, повернул электрический выключатель, и сразу же зажужжал маленький мотор размером с ящик для фруктов. Пятидюймовая струя прозрачной, сверкающей воды потекла в неглубокий главный канал оросительной системы и разлилась по многочисленным канавам, питавшим весь сад.

— Правда, чудесно? Чудесно! Чудесно! — нараспев восхищался фермер.

— Вода — это почка и плод. Кровь и жизнь. Вы только посмотрите! По сравнению с этим золотые россыпи ничего не стоят, а пивнушка — кошмар. Я-то знаю. Я... я и сам был буфетчиком. Почти всю жизнь я был буфетчиком. Потому-то мне и удалось накопить денег и купить участок. Я всегда ненавидел свое занятие. Сам я вырос в деревне и всю жизнь только и мечтал туда вернуться. И вот, наконец, я здесь.

Он тщательно протер очки, чтобы лучше видеть свою драгоценную воду, затем схватил мотыгу и пошел вдоль главной канавы, открывая входы в боковые.

— Такого чудного буфетчика я в жизни не видел, — сказал Билл, — а я решил, что это делец. Он, должно быть, работал в какой-нибудь тихой, спокойной гостинице.

— Подождем уезжать, — попросила Саксон. — Мне бы хотелось еще поговорить с ним.

Фермер вернулся; протирая очки, он с сияющим лицом все глядел на воду, словно она заворожила его. Саксон так же легко было заставить его разговориться, как ему пустить свой мотор.

— Пионеры заселили этот край в начале пятидесятых годов, — начал он. — Мексиканцы так далеко не заходили, и вся земля здесь была казенная. Каждый получал участок в сто шестьдесят акров. А какая это была земля! Ушам своим не веришь, когда слышишь, сколько пшеницы удавалось взять с одного акра! Затем произошел целый ряд событий: самые дальновидные и упорные поселенцы удержали свои участки и прибавили к ним землю менее удачливых соседей. Ведь нужно соединить немало участков, чтобы образовались такие огромные фермы, какие вы увидите в наших местах. И скоро большая часть владений была поглощена крупными поместьями.

— Да, этим игрокам повезло, — заметила Саксон, вспомнив слова Марка Холла.

Фермер одобрительно кивнул и продолжал:

— Старики шевелили мозгами и собирали землю, создавая крупные поместья, строили конюшни и дома, сажали вокруг домов фруктовые сады, разбивали цветники. А молодежь, избалованная таким богатством, скоро разъехалась по городам, чтобы промотать его. Но в одном старики и молодежь сходились: и те и другие без зазрения совести истощали землю. Год за годом они собирали баснословные урожаи, но не заботились о том, чтобы сберечь силы земли, и после них она оставалась голой и нищей. Вы можете встретить громадные владенья, которые были хозяевами разорены, а потом заброшены и превратились прямо в пустыню.

Теперь, слава Богу, все крупные фермеры повывелись, и на их место пришли мы — скромная мелкота. Пройдет несколько лет, и вся долина будет поделена на небольшие цветущие участки вроде моего. Вы видите, что мы делаем? Мы берем обессиленную землю, на которой пшеница уже не может расти, орошаем ее, удобряем — и вот, поглядите на наши сады!

Мы провели воду с гор и из-под земли. Я читал на днях одну статью. Там говорится, что всякая жизнь зависит от питания, а всякое питание зависит от воды. Чтобы произвести один фунт растительной пищи, требуется тысяча фунтов воды, и нужно десять тысяч фунтов воды для одного фунта мяса. Сколько воды выпиваете в год? Около тонны. Но съедаете вы около двухсот фунтов овощей и около двухсот фунтов мяса, что составляет сто тонн воды в овощах и тысячу тонн в мясе. Итак, чтобы поддержать жизнь такой маленькой женщины, как вы, требуется тысяча сто одна тонна воды в год.

— Здорово! — только и мог вымолвить Билл.

— Теперь вы видите, до какой степени люди зависят от воды, — продолжал бывший буфетчик. — Мы нашли здесь неиссякаемые подземные запасы воды, и через несколько лет эта долина будет так же плотно заселена, как Бельгия.

Очарованный пятидюймовой струей воды, которую и вызвал из земли и возвращал ей жужжащий моторчик, фермер забыл о начатом разговоре и восхищенно созерцал свою воду, даже не заметив отъезда путешественников.

— Подумать только, что этот человек спаивал людей! — удивлялся Билл. — Да он всякого обратит в трезвенника!

— Душа радуется, как подумаешь обо всей этой воде и обо всех счастливых людях, которые поселятся здесь…

— Да, но это еще не лунная долина! — засмеялся Билл.

— Конечно, нет, — согласилась Саксон. — Лунную долину искусственно орошать не надо, разве только если посадишь люцерну и другие кормовые травы. Нам нужно, чтобы вода сама била из земли и ручьями текла по нашему участку, а на его границе должна быть красивая чистая речка…

— Где водились бы форели, — прервал ее Билл, — А по берегам речки должны расти ивы и другие деревья, а потом нужно, чтобы в этой речке было неглубокое каменистое местечко, где можно было бы ловить эту самую форель, и глубокие места, чтобы поплавать и понырять. И пусть на водопой прилетают зимородки, приходят зайцы и, может быть, олени…

— А над лугами должны петь жаворонки, — добавила Саксон. — На деревьях пусть воркуют голуби. У нас непременно должны быть голуби и большие серые, пушистые белочки…

— Да, наша лунная долина, пожалуй, будет недурная штука, — размышлял Билл вслух, сгоняя кнутом муху со спины Хатти. — Ты думаешь, мы ее все-таки найдем?

Саксон с полной уверенностью кивнула головой.

— Найдем так же, как евреи нашли обетованную землю, мормоны — Юту, а пионеры — Калифорнию. Помнишь последний совет, который мы получили, уходя из Окленда: «Кто ищет — тот находит».

Глава пятнадцатая

Все дальше к северу, плодородными и цветущими возрожденными долинами, останавливаясь в городах Виллоус, Рэд Блаф и Реддинг, через округа Колюза, Глен, Техама и Шаста, продолжал свой путь опрятный фургон, запряженный парой гнедых кобыл со светлыми хвостами и гривами. Хотя Билл побывал на многих фермах, ему удалось раздобыть для отправки в Окленд всего три хороших лошади. Пока он с мужчинами осматривал табуны, Саксон беседовала с женщинами. И постепенно в ней росла уверенность, что долина, которую она ищет, не в этих краях.

У Реддинга Саксон и Билл переправились на пароме через Сакраменто и после этого целый день тащились то по холмистым предгорьям, то плоскими равнинами. Жара становилась все мучительнее, деревья и кусты пожухли и казались мертвыми. Снова подъехав к Сакраменто,

они увидели громадные сталелитейные заводы Кеннетта и перестали удивляться виду растительности.

Они поспешили выбраться из заводского поселка, где крохотные домики лепились над пропастью, словно птичьи гнезда. Прекрасное шоссе поднималось на протяжении нескольких миль и затем ныряло в каньон Сакраменто. Здесь дорога, пробитая в скале, пошла ровнее, но стала настолько узкой, что Билл опасался столкновений со встречными экипажами. Далеко внизу, пенясь и бурля, река прыгала по каменистым отмелям или яростно разбивалась о крупные валуны и каскадами стремительно мчалась дальше, к оставленной ими широкой долине.

Временами, когда дорога расширялась, Саксон правила, а Билл шел рядом, чтобы лошадям было легче. Саксон настояла на том, чтобы идти пешком по очереди. Когда Билл на крутых подъемах останавливал запыхавшихся лошадей, давая им передохнуть, и Саксон стояла перед ними, лаская и подбадривая их, счастье Билла при виде этих прекрасных животных и этой разрумянившейся молодой женщины, его жены, такой изящной и заметной в ее золотисто-коричневом вельветовом костюме, из-под укороченной юбки которого вырисовывались стройные ноги, обтянутые коричневыми гетрами, — его счастье было столь глубоко, что он не мог бы этого выразить никакими словами. Но вот она ответила на его взгляд таким же счастливым взглядом, и словно дымка вдруг заволокла ее правдивые серые глаза; Билл почувствовал, что должен что-то сказать, иначе он задохнется.

— Ах ты детка моя! — воскликнул он.

Вся сияя, она ответила:

— Сам ты, детка моя! Одну ночь они провели в лощине, где притаилась деревушка и фабрика, на которой делали ящики. Беззубый старик, глядя выцветшими глазами на фургон, спросил:

— Вы что, представлять приехали? Они миновали Касл Крегс, чьи скалы казались мощными бастионами и пламенели, выступая на фоне как будто трепещущего голубого неба. В одном из лесистых каньонов перед ними впервые блеснул розовеющий снежный пик горы Шасты. Он мелькнул, как заревое виденье среди зеленеющих ущелий, но путникам было суждено видеть его перед собою еще в течение многих дней: после крутого подъема, на неожиданном повороте, перед ними вновь и вновь появлялась вдали вершина Шасты, но теперь виднелись оба пика и их сверкающие ледники. Путешественники поднимались миля за милей, день за днем, и Шаста принимала все новые формы, открывалась все с новых сторон, сияя убором летних снегов.

— Прямо кинематограф в небе, — заметил под конец Билл.

— Ах, все это очень красиво, — вздохнула Саксон. — Но лунных долин здесь все-таки нет.

Они попали в тучу бабочек, и фургон несколько дней двигался в густом рое этих крылатых созданий, покрывавших дорогу словно ковром коричневого бархата. Казалось, сама дорога взлетает кверху из-под копыт фыркающих лошадей, когда бабочки поднимались в воздух, наполняя его бесшумным трепетом своих крылышек, и ветерок уносил их тучами коричнево-желтых хлопьев. Их прибивало грудами к изгородям, уносило водой оросительных канав, вырытых вдоль дороги. Хазл и Хатти скоро к ним привыкли, но Поссум не переставал неистово на них лаять.

— Гм, я что-то не слышал, чтобы лошадей приучали к бабочкам, — посмеивался Билл. — Это поднимет их цену долларов на пятьдесят.

— Подождите, что вы скажете, когда через границу Орегона проедете в долину реки Роуг. Вот где земной рай! — говорили им местные жители.

— Там и климат исключительный, и живописные пейзажи, и фруктовые сады… Эти сады приносят двести процентов прибыли, а земля там стоит пятьсот долларов за акр.

— Ишь ты! — сказал Билл, когда они отъехали и собеседник уже не мог слышать его слов. — Нам это не по карману…

А Саксон ответила:

— Уж не знаю, как будет насчет яблок в лунной долине, но знаю, что мы получим десять тысяч процентов счастья на капитал, состоящий из одного Билла, одной Саксон и неких Хазл, Хатти и Поссума.

Проехав округ Сискиу и переправившись через высокий горный перевал, они добрались до Эшленда и Медфорда и остановились на берегу бурной реки Роуг.

— Это удивительно, великолепно, — заявила Саксон, — но это не лунная долина.

— Нет, это не лунная долина, — согласился Билл.

Разговор происходил вечером, вскоре после того, как Билл поймал чудовищную форель и, стоя по горло в ледяной воде горной реки, целых сорок минут силился намотать лесу на катушку; наконец, с победным кличем, достойным команчей, он выпрыгнул из воды, держа добычу за жабры.

— «Кто ищет — тот находит», — тоном предсказательницы изрекла Саксон, когда они свернули к северу от перевала Гранта и двинулись дальше, через горы и плодородные долины Орегона.

Однажды, на привале, сидя у реки Умпква, Билл принялся сдирать шкуру с первого убитого им оленя. Подняв глаза на Саксон, он заметил:

— Если бы я не побывал в Калифорнии, то, пожалуй, решил бы, что нет на свете ничего лучше Орегона.

А вечером, когда, поужинав олениной, Билл растянулся на траве и, опираясь на локоть, закурил папиросу, он сказал:

— Может быть, никакой лунной долины и нет. Но если и нет, то не все ли равно? Мы можем искать всю жизнь. Лучшего мне и не надо.

— Нет, лунная долина существует, — строго возразила Саксон. — И мы ее найдем. Мы должны ее найти. Подумай, Билл, это же невозможно — всегда бродить. Тогда у нас не будет ни маленьких Хазл, ни маленьких Хатти, ни маленьких… Билли…

— Ни маленьких Саксон, — вставил Билл.

— Ни маленьких Поссумов, — торопливо закончила она, кивая головой и протягивая руку, чтобы приласкать фоксика, с увлечением обгладывавшего оленье ребро. В ответ раздалось сердитое рычанье, и оскаленные зубы Поссума едва не вцепились ей в руку.

— Поссум! — воскликнула она с горьким упреком и снова протянула к нему руку.

— Оставь! — удержал ее Билл. — Это же инстинкт. Как бы он тебя в самом деле не хватил.

Рычание Поссума становилось все более грозным, его челюсти крепко стиснули кость, охраняя ее, глаза, засверкали яростью, шерсть на загривке встала дыбом.

— Хороший пес никогда не отдаст свою кость, — заступился за него Билл. — Я не стал бы держать собаку, у которой молено отнять кость.

— Но ведь это мой Поссум, — спорила Саксон, — и он меня любит. Я хочу, чтобы он любил меня больше, чем какую-то гадкую кость. И потом — он должен слушаться... Сюда, Поссум, отдай кость! Отдай сейчас же! Слышишь!

Она осторожно протянула руку, рычанье становилось грознее и громче, и фоке едва не цапнул ее за руку.

— Я же тебе говорю, что это инстинкт, — снова сказал Билл. — Он любит тебя, но пересилить себя не может.

— Он вправе защищать свою кость от чужих, но не от своей матери, — заявила Саксон. — И я заставлю его отдать ее!

— Фокстерьера очень легко разозлить, Саксон. Ты доведешь его до крайности.

Но Саксон упрямо настаивала на своем и подняла с земли хворостинку.

— А теперь отдай-ка мне кость.

Она погрозила собаке хворостиной, и рычанье Поссума стало свирепым. Он снова попытался куснуть ее и всем телом прикрыл кость. Саксон замахнулась, делая вид, что хочет его ударить, — и он вдруг выпустил кость, опрокинулся на спину у ее ног, задрав все четыре лапки кверху и покорно прижав к голове уши, а глаза, полные слез, явно молили о прощении.

— Здорово! Вот так штука! — прошептал Билл, пораженный. — Посмотри, Саксон! Он подставляет тебе грудь и брюшко — распоряжайся, мол, моей жизнью и смертью. Он словно хочет сказать: «Вот я тут весь. Наступи на меня. Убей, если хочешь. Я люблю тебя, я твой раб, но я не могу не защищать этой косточки. Инстинкт во мне сильнее меня. Убей меня, я ничего не могу поделать».

Весь гнев Саксон растаял, слезы выступили у нее на глазах; она нагнулась и взяла щенка на руки. Поссум был вне себя; он взвизгивал, дрожал, извивался, лизал ей лицо, вымаливал прощение.

— Золотое сердце, розовый язычок, — напевала Саксон, прикладывая щеку к мягкому, все еще дрожащему тельцу. — Мама просит прощения, мама никогда больше не будет тебя мучить. На, миленький, на! Видишь? Вот твоя косточка! Возьми ее!

Она спустила его на землю, но он еще долго не решался схватить кость, с явным недоумением смотрел на Саксон, словно желая увериться, что разрешение дано, и весь дрожал, точно раздираемый борьбой между долгом и желанием. Только когда она повторила: «Возьми, возьми» — и кивнула ему, он решился приблизиться к кости. Но через минуту песик внезапно вздрогнул, поднял голову и вопросительно посмотрел на нее. Саксон опять кивнула ему улыбаясь, — и Поссум, облегченно и радостно вздохнув, припал к драгоценному оленьему ребру.

— Твоя Мерседес была права, когда говорила, что люди дерутся из-за работы, как собаки из-за кости, — задумчиво начал Билл. — Это инстинкт. Я так же не мог удержаться, чтобы не дать штрейкбрехеру по скуле, как Поссум не мог удержаться, чтобы не кинуться на тебя. Это нельзя объяснить. Что человеку положено делать, то он и делает. И если он что-нибудь делает, значит так нужно, — все равно, способен он объяснить почему или не способен. Помнишь, Холл не мог объяснить, чего ради он бросил палку под ноги Мак-Манусу тогда, на состязании. Что человеку положено, то положено. Вот и все, что я знаю. У меня ведь не было решительно никаких причин, чтобы вздуть нашего жильца Джимми Гармона. Он славный парень, честный, порядочный. Но я просто чувствовал потребность отдубасить его: и забастовка провалилась, и на душе было так скверно, что все кругом казалось отвратительным. Я тебе не рассказывал, я ведь с ним виделся после тюрьмы, когда у меня заживали руки. Пошел к нему в депо, дождался его, — он куда-то отлучился, — и попросил прощенья. Что заставило меня просить прощенья? Не знаю. Вероятно, то же самое, что заставило раньше его избить. Видно, я не мог иначе.

Так Билл, ночуя на берегу реки Умпква, философствовал в реалистических терминах о жизни, меж тем как Поссум, подкрепляя его слова делом, жадно разгрызал ребро оленя крепкими зубами.

Глава шестнадцатая

Саксон и Билл добрались до Розбурга. Саксон правила, рядом с ней на козлах сидел Поссум. Въехав в город, она перевела лошадей на шаг. Сзади к фургону были привязаны две молодых рабочих лошади, за ними следовали еще шесть лошадей, а позади всех ехал Билл верхом на девятой. Из Розбурга ему предстояло отправить их всех в оклендские конюшни.

Притчу о белом воробье они впервые услышали в долине Умпквы. Рассказал ее пожилой крепыш-фермер. Его участок был образцом порядка и благоустройства. Уже потом Билл узнал от соседей этого фермера, что его состояние доходит до четверти миллиона долларов.

— Вы слышали историю про фермера и белого воробья? — спросил он Билла за обедом.

— Далее не подозревал, что есть на свете белые воробьи, — отозвался Билл.

— Да, они действительно очень редки, — согласился фермер. — Но вот что рассказывают: жил-был один фермер, у которого дела шли неважно. Он никак не мог наладить свое хозяйство. И вот в один прекрасный день он где-то услышал о чудесном белом воробье. Говорили, что белого воробья можно увидеть только на заре, при первых проблесках рассвета и что он приносит счастье и удачу тому, кто изловчится его поймать. На следующее утро наш фермер был на ногах чуть забрезжило и стал ждать воробья. Поверите ли, он день за днем, целые месяцы искал эту пичужку, но ему так и не удалось увидеть ее хотя бы мельком. — Фермер покачал головой. — Нет, он ее не увидел, но зато каждое утро видел на ферме многое, что требовало его внимания, и занимался этим до завтрака. Не успел он оглянуться, как его ферма начала процветать, он скоро все выплатил по закладной и завел себе текущий счет в банке.

Когда они в этот день двинулись дальше, Билл глубоко задумался.

— О, я отлично понял, куда он гнет, — сказал Билл, наконец, — и все-таки мне это дело не нравится. Конечно, никакого белого воробья не было, но благодаря тому, что фермер начал рано вставать, он замечал вещи, на которые раньше не обращал внимания... Ну, я все это отлично понял. И все-таки, Саксон, если в этом и состоит жизнь фермера, то я не желаю никакой лунной долины. Неужели на свете только и есть, что тяжелый труд? Гнуть спину от зари до зари можно и в городе. Зачем же тогда жить в деревне? Отдыхаешь только ночью, а

когда спишь, не можешь радоваться жизни. И где спать — все равно; спящий — что мертвый. Уж лучше умереть, чем работать как каторжный. Я бы предпочел странствовать: глядишь, и подстрелишь в лесу оленя или поймаешь в речке форель; валялся бы в тени на спине и смеялся и дурачился бы с тобой и… плавал бы сколько влезет. А я ведь хороший работник. Но в этом-то вся и разница между работой в меру и работой до потери сознания!

Саксон была с ним согласна. Она оглядывалась на свое прошлое, на годы изнуряющего труда и сравнивала их с той радостной жизнью, какую они вели в дороге.

— Нам богатство не нужно, — сказала она. — Пусть охотятся за белыми воробьями на островах Сакраменто и в долинах с искусственным орошением. Если мы в лунной долине встанем рано, то лишь для того, чтобы послушать пенье птиц и петь вместе с ними. А если подчас и приналяжем на работу, то только чтобы иметь потом больше досуга. Когда ты пойдешь купаться в море, я пойду с тобой. И мы будем так усердно бездельничать, что работа покажется нам приятным развлечением.

— Ну и жара, я весь мокрый! — воскликнул Билл, вытирая пот с загорелого лба. — Как ты думаешь, не двинуть ли нам к побережью?

Они повернули на запад и с высоких плоскогорий начали спускаться по диким ущельям. Дорога была очень опасная, — они увидели на протяжении семи миль десять разбитых автомашин. Не желая утомлять лошадей, Билл вскоре остановился на берегу бурной горной речки, в которой сразу же поймал двух форелей. Поймала и Саксон свою первую крупную форель. Она привыкла к форелям в девять-десять дюймов, и резкий скрип катушки, когда попалась крупная рыба, заставил ее вскрикнуть от удивления. Билл подошел к ней и стал учить, как вытаскивать рыбу. Через несколько мгновений Саксон, разрумянившаяся и блестя глазами, осторожно вытащила на песок огромную форель. Но тут рыба сорвалась с крючка и судорожно затрепетала, так что Саксон навалилась на нее всем телом и схватила ее руками.

— Шестнадцать дюймов! — сказал Билл, когда она гордо поднесла ему рыбу, чтобы он посмотрел, — Постой! Что ты хочешь с ней делать?

— Смыть песок, конечно, — последовал ответ.

— Положи ее лучше в корзинку, — посоветовал он и замолчал, спокойно выжидая, что будет дальше.

Она склонилась над речкой и опустила великолепную рыбину в воду. Рыба рванулась из рук Саксон и исчезла.

— Ой! — огорченно воскликнула Саксон.

— Если добыл — сумей и удержать, — нравоучительно изрек Билл.

— Ну и пусть! — отпарировала она, — Ты все равно ни разу такой не поймал!

— Да я и не отрицаю, что ты рыболов знаменитый, — насмешливо протянул он. — Поймала же ты меня, верно?

— Уж не знаю, как тебе сказать, — ответила она. — Может, это вышло, как с тем парнем; знаешь, его арестовали за то, что он ловил форелей, когда было запрещено, а он сказал, что делал это защищаясь.

Билл задумался, но не понял.

— Он уверял, что форель напала на него, — пояснила Саксон.

Билл усмехнулся. Спустя четверть часа он сказал:

— Здорово ты меня поддела! Небо было покрыто тучами, и когда они ехали вдоль берега реки Кокиль, их внезапно обступил туман.

— У-уф! — радостно воскликнул Билл. — Вот хорошо-то! Я впитываю эту влагу, как сухая губка. Никогда я не умел ценить туман, а вот теперь…

Саксон раскрыла объятья, как бы желая схватить клубы тумана в охапку, а затем стала делать плавательные движения, словно купаясь в его серых волнах.

— Вот не думала, что солнце может надоесть, — заявила она. — Но мы его порядком хватили за последнее время.

— Да, с тех пор как мы попали в долину Сакраменто, — согласился Билл. — А слишком много солнца тоже не годится. Теперь я это понимаю. Солнце — оно вроде вина. Ты замечала, как легко становится на душе, когда после целой недели пасмурной погоды выглянет солнышко? Оно тогда действует особенно. Чувствуешь себя так, словно сделал глоток виски, — по всему телу тепло разливается. Или когда наплаваешься… ты замечала, как чудесно, выйдя из воды, полежать на солнышке? А все потому, что выпиваешь рюмочку солнечного коктейля. Но представь себе, что ты провалялась на песке часа два, — ты уже не будешь чувствовать себя так хорошо. Движения станут вялыми и одеваться будешь еле-еле, и домой добредешь с трудом, словно из тебя ушла вся жизнь. Почему? А это вроде похмелья. Ты опилась солнцем, как виски, и приходится расплачиваться. Ясно! А потому лучше жить в таком климате, где бывают туманы.

— Значит, мы с тобой последние месяцы пили запоем, — сказала Саксон. — Зато теперь протрезвимся.

— Еще бы. И знаешь, Саксон, я тут в один день могу двухдневную работу сделать. Погляди на лошадей: будь я проклят, если они тоже не приободрились.

Но тщетно глаза Саксон блуждали по деревьям в поисках ее любимых секвой. «Вы их встретите в Калифорнии, — говорили им, — дальше, в Бендоне…»

— Выходит, мы забрались слишком далеко на север, — сказала Саксон.

— Лунную долину нужно искать южнее.

И они двинулись на юг; по дорогам, которые становились все хуже, они проехали скотоводческий район Ланглуа, затем густые сосновые леса и добрались до Порт-Орфорда, где Саксон набрала на берегу целую горсть агатов, а Билл поймал громадную треску. В этом диком крае еще не было железных дорог, и чем дальше к югу, тем страна казалась безлюдней. У Золотой бухты они снова встретили своего старого друга — реку Роуг и переправились через нее на пароме там, где она впадает в Тихий океан. Все более первобытной и дикой становилась природа, все хуже дороги, и все реже попадались одинокие фермы и вырубки.

Здесь уже не встретишь ни азиатов, ни европейцев. Редкое население состояло из первых поселенцев и их потомков. Немало стариков и старух вспоминали, беседуя с Саксон, о великом

переходе через прерии и о повозках, запряженных волами. Поселенцы шли все на запад, пока их не остановил Тихий океан. Тогда они расчистили себе участки, построили немудрящие дома и остались тут жить. Они достигли областей Крайнего Запада. За все эти годы жизнь их мало изменилась: железных дорог не было, и до сих пор ни один автомобиль не рискнул бы проехать по их невозможным дорогам. На восток, между их участками и густо населенными долинами, лежала цепь прибрежных диких гор — прямо рай для охотника, как слышал Билл; правда, он утверждал, что и в тех местах, по которым они ехали сюда, для него достаточно дичи. Разве не пришлось ему однажды, остановив лошадей и передав вожаки Саксон, прямо с козел подстрелить прекрасного оленя с ветвистыми рогами?

К югу от Золотого пляжа, поднимаясь по узкой дороге, которая вела через девственный лес, они услышали вдали звон колокольчиков. Через сотню ярдов Билл нашел достаточно широкое место, чтобы разъехаться. Здесь они остановились и стали ждать, а веселые колокольчики, спускаясь с горы, быстро приближались к ним. Потом донесся скрип тормоза, топот четырех лошадей по мягкому грунту, возглас кучера и женский смех.

— Ловко правит, ловко, ничего не скажешь! — пробормотал Билл. — Честь ему и слава... этаким аллюром да по такой дороге!.. Слышишь, какие у него замечательные тормоза?.. О! Вот так подскочили! Ну и рессоры у них, Саксон, вот это да!

Дорога, поднимаясь в гору, здесь сильно петляла.

И вот за поворотом мелькнула сквозь деревья четверка гнедых лошадей и высокие колеса маленькой светлокоричневой двуколки.

На повороте опять показались передние лошади, легкий экипаж описал широкую дугу, спицы колес блеснули, — и четверка с шумом помчалась прямо на них по шаткому дощатому мостику. Спереди сидели мужчина и женщина, за ними — японец, стиснутый чемоданами, удочками, ружьями, седлами и футляром с пишущей машинкой, а над ним и вокруг него высился целый лес оленьих рогов, прикрепленных к экипажу самым хитроумным способом.

— Это же Хастингсы! — воскликнула Саксон.

— О-го-го! — крикнул Хастингс, спуская тормоз и останавливая экипаж.

Все обменялись приветствиями, не был забыт и японец, которого они уже видели во время поездки в Рио-Виста на «Скитальце».

— Что, не похоже на острова Сакраменто? Верно? — обратился Хастингс к Саксон. — Да, в этих горах живет только старое племя американских пионеров. И люди ничуть не изменились. Недаром Джон Фокс-младший называет их «наши современные предки». Наверно, наши деды были именно такими.

Хастингсы рассказали о своей продолжительной поездке. Они странствуют вот уже два месяца и намерены двигаться дальше на север — через Орегон и Вашингтон к границам Канады.

— Оттуда мы лошадей отправим обратно, а сами вернемся поездом, — закончил Хастингс.

— Но при вашей скорости вы должны были быть сейчас гораздо дальше,

— критически заметил Билл.

— Мы везде останавливались, — пояснила миссис Хастингс.

— Мы добрались до Хоупского заповедника, потом спустились на лодке по рекам Троицы и Кламат до океана, — добавил Хастингс, — а сейчас возвращаемся, прожив две недели в дебрях округа Кэрри.

— Вам непременно надо побывать в тех местах, — посоветовал им Хастингс. — Сегодня вечером вы доберетесь до Горного ранчо. Оттуда можете свернуть к Кэрри. Правда, дорог там нет, и лошадей вам придется оставить на постое. Но охота замечательная! Я подстрелил пять горных львов и двух медведей, не говоря уж об оленях… Там даже бродят небольшие стада лосей. Нет, лосей я не стрелял. Лоси под запретом. Эти рога я купил у стариков охотников. Да я все расскажу вам по порядку.

Пока мужчины беседовали, Саксон и миссис Хастингс тоже не теряли времени.

— Ну как, нашли свою лунную долину? — спросила в заключение жена писателя, когда они уже прощались.

Саксон покачала головой.

— Вы найдете ее, если как следует поищете; и непременно приезжайте в долину Сономы, к нам на ранчо. Если вы до тех пор ее не найдете, мы подумаем, как быть.

Три недели спустя, убив еще больше горных львов и медведей, чем Хастингс, Билл выехал из округа Кэрри и пересек границу Калифорнии. Саксон снова увидела свои любимые секвойи. Но тут они были гигантских размеров. Билл придержал лошадей, соскочил с козел и принялся измерять шагами окружность одного из этих деревьев.

— Сорок пять футов, — объявил он. — Значит, пятнадцать в диаметре. И все они такие, есть даже толще… Нет, вот дерево потоньше, у него в диаметре всего девять футов. А высотой они все по нескольку сот футов.

— Когда я умру. Билли, похорони меня в роще из секвой, — попросила Саксон.

— Я не позволю тебе умирать до меня, — сказал Билл. — А потом, мы напишем в нашем завещании, чтобы нас обоих похоронили там, где ты хочешь.

Глава семнадцатая

Они держали путь к югу вдоль побережья, охотились, плавали, удили рыбу и покупали лошадей. Билл потом отправлял их на каботажных пароходах в Окленд. Они проехали Дель Норте и Гумбольдт, — каждый из этих округов был обширнее целого восточного штата, — миновали Мендосино; направляясь в Сономy, они прокладывали себе путь через исполинские леса, переправлялись через шумные горные речки, проезжали через бесчисленные цветущие долины. И Саксон всюду искала свою лунную долину. Временами, когда все как будто подходило, вдруг оказывалось, что нет железной дороги или ее любимых деревьев; кроме того, как правило, всюду было слишком много туманов.

— А нам с тобой иногда необходим солнечный коктейль, — говорила она Биллу.

— Верно, — соглашался он. — От постоянного тумана совсем размокнешь. Нужно найти какую-то середку на половинке, и, я думаю, придется немного отъехать от берега в глубь страны.

Уже надвигалась осень и темнело раньше; они свернули у старого Форта Росса в долину Рашн-ривер, значительно ниже Юкайи, и взяли дорогу на Касадеро и Герневилл. В Санта-Росе Билла

задержала отправка лошадей, и только после полудня им удалось двинуться дальше на юго-восток, в долину Сономы.

— Вероятно, нам удастся добраться туда только к ночи, — сказал Билл, посмотрев на солнце. — Это место называется долина Беннетт. За перевалом будет сейчас же Глен-Эллен. А правда, здесь здорово красиво? Да и гора очень хороша.

— Да, гора хороша, — согласилась Саксон. — Но кругом все холмы слишком голые. И я нигде не вижу больших деревьев. Большие деревья растут только на богатой почве.

— О, я не говорю, что это и есть лунная долина. Но все же, Саксон, гора мне очень нравится. Смотри, какой лес на ней. Пари держу, что там водятся и олени.

— Интересно, где мы будем зимовать, — задумчиво сказала Саксон.

— Знаешь, я сам об этом думал. Давай перезимуем в Кармеле. Сейчас там и Марк Холл и Джим Хэзард. Как ты на этот счет?

Саксон кивнула.

— Теперь тебе уже не придется ходить на поденную.

— Конечно. В хорошую погоду мы можем ездить покупать лошадей, — согласился Билл, и лицо его самодовольно засияло. — А если там окажется и этот скороход из мраморного дома, я вызову его на бокс в память той прогулки, когда он из меня всю душу вымотал…

— Посмотри, Билл! Нет, ты посмотри! — воскликнула Саксон.

На повороте дороги показалась одноместная двуколка, запряженная статным гнедым жеребцом, у которого были светлая грива и хвост. Хвост почти касался земли, а длинная густая грива лежала волнами. Он почуял кобыл, остановился и поднял голову; светлая грива развевалась по ветру. Затем он пригнул голову к самым коленям, и между острых ушей выступил изгиб его на диво мощной шеи. Когда он снова закинул голову, не желая покоряться узде, сидевший в двуколке человек сделал широкий круг, чтобы объехать Билла на безопасном расстоянии. Биллу и Саксон видна была блестящая голубизна больших, словно покрытых глазурью, горячих глаз жеребца. Билл крепко сжал вожжи и тоже отъехал подальше, потом поднял руку, сигнализируя человеку в двуколке; тот остановился и, повернув голову, заговорил с Биллом о тяжеловозах.

Из этого разговора Билл узнал, что жеребца зовут Барбаросса, что этот человек — его хозяин и постоянно живет в Санта-Росе.

— Отсюда в долину Сономы есть две дороги, — пояснил он. — Когда вы доедете до перекрестка, дорога налево приведет вас в Глен-Эллен, у пика Беннетт, — видите вон он.

Вздымаясь среди пологих убранных полей, пик Беннетт высился, как крепость в лучах солнца. У его подножия теснилась гряда скалистых, похожих на бастионы утесов. И горы и утесы были голые и выжженные, хотя и окрашены в обычные для Калифорнии мягкие золотисто-смуглые тона.

— А если вы повернете направо, то опять-таки попадете в Глен-Эллен, только дорога туда длиннее и круче. Но, видно, вашим кобылам это не страшно.

— А где красивее? — спросила Саксон.

— Конечно, если ехать направо: вы увидите гору Сономy, дорога огибает ее и проходит через Куперс-Гров.

Распрощавшись с ним, Билл и Саксон не сразу двинулись в путь и, пока можно было, провожали взглядом разгорячившегося Барбаросса, который мчался вперед к Санта-Росе.

— Здорово! — сказал Билл. — Хотел бы я побывать в этих местах весной!

Когда они увидели перекресток, Билл нерешительно посмотрел на Саксон.

— Зачем нам выбирать более короткую дорогу? — сказала она. — Посмотри, как тут красиво, все покрыто лесом; и я уверена, что в каньонах растут секвойи. Как знать, может быть, лунная долина находится именно где-нибудь здесь? Было бы слишком глупо упустить ее ради того, чтобы выгадать полчаса.

И они свернули направо. Дорога поднималась с одного крутого склона на другой. Приближаясь к горе, они заметили, что в этой местности много воды. Вдоль дороги бежала горная речка, и хотя виноградники на холмах пожелтели от летнего зноя, дома в лощинах и на ровных плато были окружены деревьями с пышной листвой.

— Может быть, это смешно, — заметила Саксон, — но я уже начинаю любить эту гору. Мне кажется, будто я ее где-то, когда-то видела. Она так хороша, что лучше и не придумаешь, — ах!

Они проехали по мосту и, сделав крутой поворот, неожиданно очутились среди таинственного прохладного полумрака. Вокруг них всюду высились мощные стволы секвой. Земля была покрыта розовым ковром опавшей листвы. Лучи солнца, местами пронизывавшие глубокую тень, оживляли сумрачный лес. Заманчивые тропинки вились среди стволов и приводили в уютные уголки, где стояли кругом красные колонны, поднявшиеся над прахом ушедших предков; огромность кругов свидетельствовала о том, каких гигантских размеров были эти предки.

Проехав рощу, они поднялись на крутой перевал, оказавшийся лишь одним из подступов к горе Сонома. Дорога шла по отлогим холмам и неглубоким ущельям; и холмы и расселины густо поросли лесом, всюду журчали ручьи. На дороге стояли лужи от родников, бьющих возле самой обочины.

— Эта гора — как губка, — сказал Билл. — Сейчас самый конец сухого лета, а тут везде мокро.

— Я же знаю, что никогда здесь не была, — размышляла вслух Саксон,

— но почему все кажется мне таким родным! Или я во сне это видела? А вот и земляничные деревья — целая роща! И мансаниты! Билл, у меня такое чувство, будто я возвращаюсь к себе домой… А вдруг это и есть наша долина?

— Вот эта, которая прилепилась к склону горы? — недоверчиво посмеиваясь, спросил он.

— Нет; может быть, и не она. Но мы приближаемся к нашей долине, потому что и дорога чудесная, — все дороги, которые ведут к ней, должны быть красивы. И еще… я наверное видела эти места раньше, во сне.

— Да, здесь замечательно, — согласился Билл. — Я не променял бы четверть мили такого леса

на всю долину Сакраменто со всеми ее островами и с Миддл-ривер в придачу. И черт бы меня взял, если здесь не водятся олени! Где много источников, там и реки, а значит, и форель.

Они миновали большой и удобный дом, окруженный амбарами и хлевами, проехали под сводами деревьев и выбрались на луговину, сразу пленившую Саксон. Она образовала легкую впадину, мягко поднимаясь от дороги в гору и кончаясь темной полосой строевого леса. Луговина горела золотом в лучах заката; посередине стояла одинокая секвойя с опаленной кроной

— настоящее орлиное гнездо, а дальше лес одевал зеленью гору до самой вершины, — так им по крайней мере казалось. Но когда они отъехали, Саксон, оглянувшись на то, что она назвала своей луговиной, увидела, что настоящая вершина Сономы вздымается гораздо дальше, а гора за ее луговиной — только небольшой отрог.

Впереди и справа, по ту сторону отвесных горных кряжей, отделенных глубокими зеленеющими ущельями и переходящих в холмы, покрытые садами и виноградниками, они впервые увидели долину Сономы и цепь суровых гор, окружающих ее с востока. Слева утопали в золоте заката небольшие возвышенности и расселины. Позади, с севера, открывалась другая часть долины, а за ней — скалистая горная гряда, в которую она упиралась, причем самая высокая из этих гор смело возносила в нежно розовеющее небо свою бурую зубчатую вершину с давно погасшим кратером. Горный кряж, тянувшийся с севера на юго-восток, был освещен последними лучами заходящего солнца, между тем как Билл и Саксон уже ехали в вечерней тени. Он взглянул на Саксон, увидел на ее лице восторг и остановил лошадей. Небо на востоке заалело, и горы вспыхнули всеми оттенками вина и рубинов. Долину Сономы начала заливать фиолетовая тень, она поднималась все выше, омывая подножия гор, и они тонули в этих лиловых волнах. Саксон молча указала на нее Биллу, — это была тень, которую отбрасывает гора Сонома в час заката. Билл кивнул, щелкнул языком, и фургон начал спускаться, погружаясь в теплые многокрасочные сумерки.

На более высоких участках дороги чувствовался прохладный живительный бриз, доносившийся за сорок миль с поверхности Тихого океана; а из каждой впадины, из каждой лощинки им в лицо веяло теплым дыханием осенней земли, полным пряными запахами сожженных солнцем трав, опавших листьев и увядающих цветов.

Они подъехали к краю глубокого ущелья, как бы уходящего в самые недра горы. И опять Билл, взглянув на Саксон, молча остановил лошадей. Ущелье поражало своей первобытной красотой. По его склонам всюду росли секвойи, а на дальнем конце виднелись три круглых холма, покрытые густым лесом из пихт и дубов. Отсюда, под прямым углом к главному ущелью, тянулось другое ущелье, менее глубокое, но также поросшее секвойями. Билл указал на небольшую луговину у подошвы трех холмов.

— Вот на таком именно лугу я представлял себе своих кобыл, — сказал он.

Они спустились в ущелье по дороге, которая шла вдоль речки, распевавшей свою песенку, пробегая под ольхами и кленами. Огни заката, отраженные плывущими в осеннем небе облаками, заливали каньон малиновым светом; земляничные деревья с их винно-красными стволами и мансаниты с шершавой корой, казалось, пылали и рдели в багряном воздухе. Благоухали лавры. Дикий виноград перебрасывал свои лозы с ветки на ветку через ручей, образуя воздушные мосты. Длинные пряди испанского мха свешивались с дубов. За речкой рос густой папоротник и мелкий кустарник. Откуда-то доносилось томное воркование голубей. На высоте пятидесяти футов над дорогой с ветки на ветку молнией перелетела серенькая белка; они следили за ее воздушным путем по движению ветвей.

— Мне пришла в голову одна мысль, — сказал Билл.

— Давай я первая выскажу ее, — остановила его Саксон.

Он ждал, не сводя с нее глаз, пока она восхищенно озиралась вокруг.

— Мы нашли нашу долину? — прошептала она. — Ты это хотел сказать?

Он кивнул, но ничего не ответил, так как увидел мальчугана, гнавшего по дороге корову. В одной руке у мальчугана был несообразно большой дробовик, в другой — столь же несообразно большой заяц.

— Сколько будет до Глен-Эллена? — окликнул его Билл.

— Полторы мили, — последовал ответ.

— А что это за речка? — осведомилась Саксон.

— Дикарка, она впадает в реку Соному за полмили отсюда.

— Форель есть? — вмешался Билл.

— Если вы умеете ее ловить, — усмехнулся мальчуган.

— А олени в горах?

Сейчас охота запрещена, — уклонился тот от прямого ответа.

— Ты, верно, еще ни разу не убил оленя? — поддел его Билл и получил в ответ:

— Могу рога показать.

— Да ведь олени меняют рога, — продолжал Билл поддразнивать мальчугана. — Всякий может подобрать их.

— На моих рогах мясо еще не засохло…

Мальчик умолк, испугавшись, что попался.

— Ничего, сынок, не бойся, — рассмеялся тот и тронул лошадей. — Я не лесничий, я комиссионер и покупаю лошадей.

Все больше белочек прыгало над ними, вдоль дороги росло все больше мощных дубов, красноватых мадроньо, а в стороне появлялось все больше стоявших кругом сказочных секвой. Продолжая путь вдоль поющей речки, они увидели возле самой дороги калитку. На калитке висел деревянный ящик для писем, где было написано: «Эдмунд Хэйл». Под простой сельской аркой стояли, прислонившись к калитке, мужчина и женщина, составлявшие столь прекрасную пару, что у Саксон захватило дыхание. Они стояли рядом, и неясная рука женщины доверчиво лежала в руке мужчины, казалось созданной, чтобы благословлять. Это впечатление еще усиливалось при взгляде на его лицо — чудесный лоб, большие серые добрые глаза и грива седых, сверкающих белизной волос. Он был крупен и красив; стоявшая же рядом с ним женщина выглядела хрупкой и неясной. Она была смугла, насколько может быть смуглой белая женщина, ее ярко-голубые глаза улыбались. В своем изящном, спадающем складками одеянии цвета травы она казалась Саксон весенним цветком.

Вероятно, Саксон и Билл, озаренные золотистым светом уходящего дня, представляли собой не менее красивую и привлекательную картину. Обе пары пристально посмотрели друг на друга. Лицо маленькой женщины засияло радостью, а лицо старика озарилось каким-то торжественным благожелательством. Эта чудесная пара показалась Саксон такой же знакомой, как и луговина возле горы и сама гора. Она уже успела полюбить их.

— Добрый вечер, — приветствовал их Билл.

— Да благословит вас Бог, милые дети, — отозвался старик. — Если бы вы знали, как вы славно выглядите, сидя вот так, рядышком!

И это было все. Фургон прокатил мимо, шурша опавшими листьями клена, дуба и ольхи, ковром устилающими дорогу. Вскоре они достигли слияния двух речек.

— Какое чудесное место, вот бы где жить! — воскликнула Саксон, указывая на противоположный берег Дикарки. — Видишь, Билл, вон на той террасе, над лугом.

— Почва тут богатая и под ней и на ней. Взгляни, Саксон, какие мощные деревья! Там, верно, и родники есть.

— Поедем туда, — предложила она.

Свернув с большой дороги, они по узкому мостику перебрались через Дикарку и покатили по старой, изрытой выбоинами дороге, вдоль которой тянулся не менее старый, полуразрушенный забор из досок секвойи. Затем они увидели открытые, снятые с петель ворота; дорога вела через них дальше, до террасы.

— Вот оно, я узнаю это место, — убежденно сказала Саксон. — Въезжай, Билли.

Между деревьями показался небольшой белый домик с выбитыми стеклами.

— Ну и мадроньо! Прямо гигант!

И Билл указал на росшее перед домом мощное земляничное дерево, ствол которого у основания имел в диаметре не меньше шести футов.

Переговариваясь шепотом, они объехали дом, осененный величественными дубами, и остановились перед небольшим амбаром. Чтобы не терять времени, они не распрягли лошадей, а только привязали и отправились осматривать участок. Крутой спуск к лужку густо порос дубами и мансанитами. Пробираясь сквозь кусты, они спугнули выводок куропаток.

— Что ты скажешь насчет дичи? — спросила Саксон.

Билл усмехнулся и принялся исследовать прозрачный ключ, который, булькая, протекал по лужку. Здесь почва была высушена солнцем и вся потрескалась.

Саксон, видимо, огорчилась, но Билл взял комок земли и растер между пальцами.

— Земля великолепная, — сказал он. — Самая лучшая и богатая почва; ее смывало сюда с гор десятки тысяч лет. Но…

Он остановился, посмотрел вокруг, поинтересовался местоположением луга, затем прошел до окаймлявших его секвой и вернулся обратно.

— В том виде, в каком он сейчас, луг никуда не годится, — заявил он. — И ему не будет цены, если им заняться как следует. А для этого нужно иметь только немного здравого смысла и много оросительных канав. Этот луг — естественный бассейн, только воду пустить. С той стороны, за секвойями, есть крутой спуск к реке. Идем, я тебе покажу.

Они прошли между секвойями и очутились на берегу Сономы. Здесь река уже не пела; она в этом месте образовала тихий плес. Плакучие ивы почти касались воды своими ветвями. Противоположный берег поднимался крутым обрывом. Билл измерил высоту обрыва на глаз, а глубину омута шестом.

— Пятнадцать футов, — объявил он. — Тут отлично нырять с обрыва, да и поплавать можно; вперед и назад будет сто ярдов.

Они пошли по берегу. Дно речки, протекавшей по каменистому ложу, постепенно мельчало, затем начинался другой плес. Вдруг в воздухе мелькнула форель и скрылась под водой; по спокойной глади пошли, расширяясь, круги.

— Кажется, мы не будем зимовать в Кармеле, — заметил Билл. — Это место прямо создано для нас. Утром я узнаю, кому оно принадлежит.

Полчаса спустя, подсыпая корм лошадям, Билл услышал свисток паровоза и обратил на него внимание Саксон.

— Вот тебе и железная дорога, — сказал он. — Это поезд, он идет в Глен-Эллен, который всего в одной миле отсюда.

Саксон уже засыпала, когда он спросил ее:

— А что, если владелец не захочет продать землю?

— На этот счет не беспокойся, — отвечала с невозмутимой уверенностью Саксон. — Участок наш. Я это знаю твердо.

Глава восемнадцатая

Их разбудил Поссум, который, негодуя, упрекал белку за то, что она не хочет спуститься с дерева и попасть к нему в зубы. Белка в свою очередь болтала такой вздор, что Поссум в бешенстве пытался вскочить на дерево. Билл и Саксон неудержимо хохотали, глядя на ярость терьера.

— Если этот участок достанется нам, то никто здесь белок трогать не будет, — сказал Билл.

Саксон пожала ему руку и села. С луга донеслось пение жаворонка.

— Здесь все есть, и желать больше нечего, — с радостным вздохом сказала она.

— Кроме самой покупки, — поправил ее Билл.

Позавтракав на скорую руку, Саксон и Билл отправились на разведку. Они обошли весь участок, который имел неправильную форму, несколько раз пересекли его от изгороди до речки и обратно. У подножия террасы они насчитали семь родников.

— Воды достаточный запас, — сказал Билл. — Выроем канавы, вспашем землю, и при помощи

удобрений и всей этой воды можно будет круглый год собирать урожай, один за другим. Тут всего акров пять, но я бы не променял их на весь участок миссис Мортимер.

Они стояли на террасе, в прежнем фруктовом саду.

Здесь было двадцать семь деревьев, неухоженных, но необыкновенно крепких и полных жизни.

— Ас той стороны, за домом, мы посадим ягодные кусты.

Саксон умолкла, ей пришла в голову новая мысль:

— Вот если бы миссис Мортимер согласилась приехать и помочь нам своими советами! Как ты думаешь, Билл, она приедет?

— Конечно, приедет. Ведь отсюда не больше четырех часов до Сан-Хосе. Но сначала надо зацепиться за этот участок, а тогда уж и написать можно.

Границами маленькой фермы служила с одной, самой длинной, стороны река Сонома, с двух других — изгороди, а с четвертой — река Дикарка.

— Как хорошо, что нашими соседями будут эти милые люди, — сказала Саксон, вспомнив вчерашнюю встречу. — Их участок отделен от нашего только речкой.

— Но ведь ферма-то пока еще не наша, — заметил Билл. — Давай зайдем к ним. Они, наверно, расскажут нам все насчет участка.

— Да он все равно что наш, — заявила Саксон. — Главное было найти его. А кто владелец — не важно. Здесь давно уже не живут. Ты, Билл, скажи мне, тебе-то участок по душе?

— Да, мне все здесь нравится, — ответил он чистосердечно. — Беда только в том, что тут не развернешься.

Но, увидев ее огорченное лицо, он сейчас же решил отказаться от своей любимой мечты.

— Решено, мы его покупаем! — сказал он. — Правда, за лугом начинаются леса, и пасти скот негде — места хватит всего на парочку лошадей и на корову, — да не беда! Всего сразу иметь нельзя, а то, что есть, очень хорошо, и от добра добра не ищут.

— Будем считать, что это только начало, — утешала его Саксон. — Потом нам, может быть, удастся прикупить земли; хотя бы тот участок, который мы видели вчера. Помнишь, от Дикарки до трех холмов?

— Где я мечтал пасти моих лошадей? — вспомнил он, и глаза его блеснули. — А почему бы и нет? Столько наших желаний уже сбылось, с тех пор как мы пустились в путь, что может сбыться и это.

— Мы будем работать, Билл, и оно сбудется.

— Мы будем работать как черти, — решительно сказал он.

Они открыли калитку и пошли по тропинке, извивавшейся среди девственного леса. Издали не было видно дома, они увидели его вдруг, когда чуть не наткнулись на него. Он был восьмиугольный и так пропорционально построен, что, несмотря на свои два этажа, не казался высоким. Дом настолько подходил к окружающему пейзажу, что казалось — вырос из этой

почвы, как выросли обступившие его деревья. Перед домом ни палисадника, ни лужайки, лесная чаща подступала прямо к дверям. Крыльцо главного входа чуть возвышалось над землей, к нему вела всего одна ступенька. Над дверью они прочли вырезанную причудливыми буквами надпись «Тихий приют».

— Идите, милые, прямо наверх, — послышался голос, когда Саксон постучала.

Отступив назад и подняв глаза, они увидели маленькую женщину, улыбавшуюся им из окна. В легком розовом домашнем платье, она снова напомнила Саксон цветок.

— Толкните дверь, она не заперта, и вы увидите, куда идти, — продолжала хозяйка.

Саксон шла впереди, Билл следовал за ней. Они оказались в залитой светом комнате; целый ствол какого-то дерева тлел в камине из неотесанного камня. На каминной полке стоял большой мексиканский кувшин с осенними ветками и вьющимися усатыми лозами. Стены были обшиты мореным деревом, но неотполированным, воздух пропитан чистыми запахами леса. В этом восьмиугольном доме все углы были тупые. В одном из углов комнаты стояла фисгармония орехового дерева. В другом высились полки с множеством книг. В окна, под которыми стояла низенькая кушетка, была видна мирная картина осенних деревьев и желтеющей травы с протоптанными на ней дорожками, которые вели в разные концы этой крошечной усадьбы. Легкая витая лесенка поднималась во второй этаж. Там их встретила маленькая хозяйка и ввела в свою комнату, — Саксон сразу поняла, что это был ее уголок. Две наружные стены этой комнаты были целиком заняты окнами. От высоких подоконников до самого пола шли полки с книгами. Книги лежали всюду — на рабочем столике, на кушетке, на письменном столе, — в том беспорядке, который показывает, что их постоянно читают. На открытом окне стоял кувшин с осенними листьями, дополняя очарование прелестной смуглой женщины, усевшейся в крошечную, выкрашенную красной краской бамбуковую качалку, в каких любят качаться дети.

— Странный дом, правда? — засмеялась довольным девичьим смехом миссис Хэйл. — Но мы его очень любим. Эдмунд построил его собственными руками — все, вплоть до водопровода, хотя ему здорово пришлось поработать, пока, наконец, удалось навести окончательный порядок.

— Как, неужели и паркет внизу?.. И камин? — допытывался Билл.

— Все, решительно все! — с гордостью ответила она. — И чуть не половину мебели. Вон видите тот столик кедрового дерева и тот стол — все сделано его руками.

— Такие прекрасные руки… — невольно промолвила Саксон.

Миссис Хэйл бросила на нее быстрый взгляд, и ее оживленное лицо озарилось благодарностью.

— О да, они удивительные, я более прекрасных рук не видела, — мягко сказала она. — А какая вы милая, что заметили это, вы ведь их только мельком видели вчера.

— Они мне сразу бросились в глаза, — просто ответила Саксон.

Ее взгляд невольно скользнул мимо миссис Хэйл, привлеченный удивительно красивым рисунком на обоях, изображавшим соты, усеянные золотыми пчелами. На стенах висело всего несколько картин в рамках.

— У вас одни портреты, — заметила Саксон, вспоминая чудесные картины в бунгало Марка

Холла.

— Мои окна — вот рамки для моих пейзажей, — отозвалась миссис Хэйл, указывая на осенний лес за окном. — У себя в комнате я хочу иметь только тех, кто мне близок и с кем я не могу быть постоянно вместе. Некоторые мои друзья вечно где-то странствуют.

— О! — воскликнула Саксон, подбегая к одной из фотографий. — Вы знаете Клару Хастингс!

— Еще бы! Я только что не выкормила Клару, но я ее воспитала. Ее мать была моей сестрой. А вы знаете, как удивительно вы на нее похожи? Я уже вчера говорила об этом Эдмунду. Он и сам заметил сходство. Немудрено, что вы оба так понравились ему, когда проезжали мимо нас на ваших чудесных лошадках.

Итак, миссис Хэйл оказалась теткой Клары, — она была из того же племени пионеров, которые в свое время совершили переход через прерии. Теперь Саксон поняла, почему она так напомнила ей мать.

Билл только прислушивался к разговору обеих женщин, любуясь тщательной отделкой кедрового столика. Саксон рассказала о встрече с Кларой и Джеком Хастингсом, об их яхте и о поездке в Орегон. По словам миссис Хэйл, они опять путешествуют, отправили лошадей из Ванкувера домой, а сами сели на пароход, идущий в Англию. Миссис Хэйл знавала мать Саксон, вернее — ее стихи. Кроме сборника «Из архивов прошлого», у нее хранился еще объемистый альбом, где Саксон нашла много до сих пор ей неизвестных стихотворений своей матери.

— Талантливая поэтесса, — сказала миссис Хэйл, — но сколько было поэтов, воспевавших то золотое время, а теперь забыты и они и их песни. Ведь тогда не выходило такого множества журналов, как теперь, и отдельные стихотворения, напечатанные в местных газетах, утеряны.

— Джек Хастингс сначала влюбился в Клару, — продолжала свой рассказ миссис Хэйл, — а потом, когда приехал к нам сюда, влюбился в долину Сономы и купил здесь великолепное ранчо. Правда, он пользуется им очень мало, так как большую часть года скитается по свету.

Миссис Хэйл рассказала, что и она маленькой девочкой, в конце пятидесятых годов, переходила через прерии; как и миссис Мортимер, она знала все подробности битвы при Литтл Мэдоу, а также историю уничтожения той партии переселенцев, от которой в живых остался только отец Билла.

— Итак, — час спустя сказала в заключение Саксон, — мы три года искали нашу лунную долину — и вот нашли ее.

— Лунную долину? — удивилась миссис Хэйл. — Разве вы знали о ней и раньше? Чего же вы так долго мешкали?

— Нет, мы ничего не знали. Мы отправились искать ее наудачу. Марк Холл называл это паломничеством и в шутку советовал нам взять в руки длинные посохи. Он говорил: когда мы найдем лунную долину, то сразу узнаем ее, так как наши посохи зацветут. Он все смеялся над тем, сколько требований мы к ней предъявляем. Однажды вечером повел меня на балкон и показал луну в телескоп: «Только на луне, — заявил он, — можно найти такую волшебную долину». Он-то считал, что это фантазия, но нам понравилось название «лунная долина», и мы пошли на поиски.

— Какое поразительное совпадение! — воскликнула миссис Хэйл. — А ведь это и есть Лунная

долина.

— Я знаю, — сказала Саксон со спокойной уверенностью. — Здесь мы нашли все, о чем мечтали.

— Вы меня не поняли, дорогая. Это действительно Лунная долина — долина Сономы. Сонома — индейское слово, и оно значит: Лунная долина. Так называли ее индейцы с незапамятных времен, еще задолго до того, как здесь появился белый человек. И мы и те, кто любит это место, всегда называем его так.

Тут Саксон вспомнила таинственные намеки Джека Хастингса и его жены, и разговор продолжался, пока Билл не стал обнаруживать признаков нетерпения. Он многозначительно откашлялся и прервал беседу:

— Нам бы хотелось узнать насчет того участка у речки: кто владелец, согласится ли он продать его, где найти хозяина и прочее.

Миссис Хэйл встала.

— Пойдемте к Эдмунду, — сказала она и, взяв Саксон за руку, пошла вперед.

— Господи! — воскликнул Билл, глядя на нее с высоты своего роста.

— Я считал, что Саксон маленькая, а она, оказывается, вдвое выше вас.

— Это вы великан, — улыбнулась маленькая хозяйка. — Но Эдмунд все-таки выше вас и шире в плечах.

Они прошли большие светлые сени и увидели ее красавца мужа; он читал, сидя в огромной старинной качалке. Рядом с этой качалкой стояло еще одно крошечное детское бамбуковое креслице; на коленях хозяина растянулась, мордочкой к тлеющему в камине стволу, невероятно крупная полосатая кошка, — вслед за хозяином, приветствовавшим гостей, и она повернула голову. Саксон снова почувствовала ту особую благостную доброту, которая исходила от его лица, глаз и рук, на которые она невольно опять посмотрела. И она была вновь поражена красотой этих рук. Они как бы выражали любовь. Это были руки человека, принадлежавшего к какой-то еще неведомой породе людей. Ни один из членов веселой кармелской компании не походил на него. То были люди искусства. Здесь же перед ней был ученый, философ. Взамен страстей и безрассудной мятежности, присущей тем, кто молод, она видела благородную мудрость. Эти прекрасные руки много горького зачерпнули в жизни, а удержали только ее радость. При всей своей любви к друзьям-кармелитам Саксон содрогнулась, представив себе, как будут выглядеть некоторые из них, достигнув таких же преклонных лет, как этот старец, — особенно театральный критик и Железный Человек.

— Вот эти милые дети, Эдмунд, — начала миссис Хэйл. — Можешь себе представить, они хотят купить ранчо «Мадроньо». Три года они искали его. Я забыла сказать им, что мы искали наш «Тихий уголок» десять лет! Расскажи им все об этом ранчо. Мистер Нейсмит, наверное, еще не раздумал продавать его.

Они уселись в простые массивные кресла, а миссис Хэйл придвинула свое крошечное бамбуковое креслице к качалке мужа, и ее маленькая ручка доверчиво приютилась в его руке. Прислушиваясь к разговору, Саксон рассматривала строгую комнату и полки с бесчисленными книгами. Она начинала понимать, как простой дом из дерева и камня может передать дух человека, задумавшего и построившего его. «Эти прекрасные руки создали все тут, даже

мебель», — решила она, переводя взгляд с рабочего стола на кресло и с письменного стола на стоящий в другой комнате пюпитр у кровати, где виднелась лампа с зеленым абажуром и лежали сложенные аккуратными стопками журналы и книги.

Что касается ранчо «Мадроньо», то, по словам мистера Хэйла, дело обстояло весьма просто. Нейсмит охотно продаст его. Он уже пять лет продает свой участок — с тех пор как вошел компаньоном в предприятие по эксплуатации минерального источника, который находится ниже в долине. Им повезло, что владелец этого ранчо именно он, ибо все остальное здесь принадлежит французу, одному из первых поселенцев. Тот и пяди земли не отдаст. Он крестьянин, с характерной для крестьян любовью к земле, причем у него она стала болезнью, манией. Он дрожит над каждым клочком, но он не деловой человек; он стар и упрям, а земля у него скудная, и вопрос только в том, что постигнет его раньше — смерть или банкротство.

Что же касается ранчо «Мадроньо», то оно принадлежит Нейсмиту, и он просит по пятидесяти долларов за акр. Это составит всего тысячу долларов, так как земли там двадцать акров. При старых способах обработки земли эта ферма себя не окупит. Но с точки зрения деловой, приобрести ее очень выгодно: красоты долины приобретают все более широкую известность, и лучшее место для дачи трудно себе представить. Если же принять во внимание пейзаж и климат, то земля эта стоит в тысячу раз больше назначенной цены. Мистер Хэйл был, кроме того, уверен, что Нейсмит охотно согласится на рассрочку платежа. Он посоветовал взять участок на два года в аренду с правом купить его в любой момент и зачислением арендных денег в счет уплаты долга. Нейсмит как-то уже сдавал ранчо в аренду одному швейцарцу, вносившему ежемесячно по десять долларов. Жена швейцарца умерла, и он уехал.

Эдмунд скоро понял, что Билл отказывается от какой-то своей заветной мечты, но не мог понять, в чем тут дело, однако несколько умело поставленных вопросов открыли ему, что Билл во власти той самой давней мечты об обширных пространствах, которая владела первыми поселенцами: о стадах, пасущихся на десятках холмов, об участке по меньшей мере в сто шестьдесят акров...

— Вам совсем не нужно столько земли, милый мальчик, — мягко заметил Хэйл. — Я вижу, вы понимаете, что такое интенсивное земледелие. А вы не думали об интенсивном коневодстве?

Пораженный новизной этой мысли, Билл невольно открыл рот. Он всячески напрягал свой мозг, но не мог уловить никакого сходства между этими двумя отраслями хозяйства. В его глазах отразилось сомнение.

— Объясните, в чем тут соль? — воскликнул он.

Старик мягко улыбнулся.

— А вот смотрите: во-первых, вам эти двадцать акров не нужны, разве что для красоты. Луг занимает пять акров. Чтобы развести огород и жить за счет продажи овощей, вам вполне хватит и двух акров. А на деле, даже если вы и ваша жена будете трудиться от зари до зари, вам не обработать как следует и эти два акра. Остаются еще три акра. Ваши родники дадут вам воду в избытке. Не довольствуйтесь одним урожаем в год, как наши старозаветные фермеры здесь, в долине, обрабатывайте ваш луг так же, как ваш огород, засевайте его весь год кормовыми травами, орошайте, не жалейте удобрений и соблюдайте правильный севооборот. И тогда ваши три акра прокормят столько же лошадей, сколько огромная площадь незасеянного и неудобренного пастбища. Обдумайте это хорошенько. Я дам вам книги. Не знаю, какой вы соберете урожай и сколько съедает лошадь, — это уже ваше дело, — но я уверен, что если вы наймете работника, чтобы он освободил вас от работы на огороде, и всецело займетесь лугом,

то за кормами дело не станет: три акра с успехом прокормят столько лошадей, сколько вы на первых порах сможете купить. А уж затем вы подумаете о том, чтобы подкупить еще земли и еще лошадей, и вообще начнете богатеть, — если только вы в этом находите свое счастье.

Билл понял. В полном восторге он выпалил:

— Вы настоящий хозяин! Хэйл улыбнулся и бросил взгляд на жену.

— Скажи ему свое мнение на этот счет, Анетт.

Ее синие глаза блеснули:

— Да какой он хозяин! Он никогда в жизни не занимался сельским хозяйством, но он знает, — она показала рукой на стоявшие вдоль стен книжные полки, — он изучает все, что ему кажется дельным, правильным, он изучает все то хорошее, что создано в мире хорошими людьми. Ему доставляет радость только чтение да столярный станок.

— Ты забыла Дулси, — улыбаясь, запротестовал Хэйл.

— Да, конечно, и Дулси, — рассмеялась она. — Дулси — это наша корова. Джек Хастингс вечно шутит насчет того, кто кого больше любит: Эдмунд ли Дулси, или она его. Когда он уезжает в Сан-Франциско, Дулси грустит. И Эдмунд тоже грустит и торопится скорее вернуться домой. О, Дулси заставила меня испытать все муки ревности. Но я должна признаться: никто так не понимает Дулси, как он.

— Это единственная отрасль хозяйства, которую я изучил на практике, — подтвердил Хэйл. — Я теперь авторитет по уходу за джерсейскими коровами. Можете всегда обращаться ко мне за советом.

Он встал и подошел к книжным полкам; тут только они увидели, как он высок и как великолепно сложен. Держа книгу в руке, он отвлекся на миг, чтобы ответить на вопрос Саксон. Нет, москитов здесь нет, хотя было одно такое лето, когда южный ветер дул десять дней подряд, — небывалое в этих краях явление, — и занес к ним в долину немного москитов из бухты Сан-Пабло. Что касается туманов, то именно им долина и обязана своим плодородием. Там, где находятся их владения, защищенные горой Сономой, туман никогда не оседает особенно низко. Ветер приносит туманы с океанского побережья за сорок миль, а гора задерживает их и они плывут вверх. И важно еще вот что, добавил Эдмунд: его ранчо и ранчо «Мадроньо» удачно расположены на узкой полосе земли, где в морозные зимние утра температура всегда на несколько градусов выше, чем во всей долине. Да и вообще в этом поясе морозы большая редкость, это видно хотя бы из того, что здесь успешно произрастают некоторые сорта апельсинов и лимонов.

Хэйл продолжал читать заглавия и откладывать книги, их набралась уже порядочная груда. Он открыл лежавший сверху том «Три акра и свобода» Болтона Холла и прочел им о человеке, который в год делал пешком шестьсот пятьдесят миль, обрабатывая старозаветными способами свои двадцать акров и собирая с них три тысячи бушелей дрянного картофеля; и о другом, «современном» фермере, — этот обрабатывал всего пять акров, проходил в год лишь двести миль и выращивал три тысячи бушелей раннего отборного картофеля, который он продавал во много раз дороже, чем первый.

Саксон взяла у Хэйла книги и, передавая их одну за другой Биллу, читала названия. Здесь были: «Фрукты Калифорнии» Уиксона и «Овощи Калифорнии», «Удобрения» Брукса, «Домашняя птица» Уотсона, «Орошение и осушка» Кинга, «Поля, фабрики и мастерские»

Кропоткина, и «Земледельческий бюллетень N 22», посвященный вопросам кормления домашних животных.

— Приходите за книгами, как только они вам понадобятся, — приглашал их Хэйл. — У меня сотни книг по земледелию и все отчеты… И вы непременно должны познакомиться с Дулси, когда у вас будет свободное время, — крикнул он им вслед.

Глава девятнадцатая

Приехала миссис Мортимер и привезла с собой каталоги семян и руководства по земледелию. Саксон в это время была погружена в изучение книг, взятых у Хэйла. Она показала гостье усадьбу, и миссис Мортимер пришла в восторг от всего, что увидела, включая и условия арендного договора, предусматривавшие возможность последующей покупки этого ранчо арендаторами.

— А теперь, — сказала она, — посмотрим, с чего начать. Садитесь-ка вы оба. Это военный совет, а я — тот самый человек, который может вас научить, что нужно делать. Еще бы! Если человек реорганизовал большую городскую библиотеку и составил каталог, то он всегда сможет направить молодую пару по верному пути. Итак, с чего мы начнем?

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Во-первых, вы получили ранчо «Мадроньо» за бесценок. Я знаю толк и в почве, и в пейзажах, и в климате. Ранчо «Мадроньо» — золотое дно. Ваш луг — целое состояние. Насчет обработки речь будет впереди. Главноеземля. Она у вас есть. Второе — что вы с ней собираетесь делать? Жить на доход с этой земли? Да. Сажать овощи? Конечно. А как вы намерены поступить с вашими овощами, когда их вырастите? Продавать? А где? Вот послушайте. Вы должны делать то, что делала в свое время я. Никаких посредников! Продавайте овощи прямо потребителю. Сами создайте себе рынок. Знаете, что я видела из окна вагона, всего за несколько миль отсюда? Гостиницы, пансионы, летние и зимние курорты — словом, там есть все — многолюдное население, потребители, рынок. Как же снабжается этот рынок? Я напрасно искала по пути сюда огороды. Знаете что, Билл, запрягите-ка ваших лошадей и прокатите нас с Саксон после обеда. Бросьте все ваши дела. Плюньте на все остальное. Какой смысл ехать куда-нибудь, если у тебя нет адреса? Сегодня мы узнаем адрес. Тогда нам будет видно, что и как… — сказала она, улыбаясь, Биллу.

Но Саксон не поехала с ними. У нее было слишком много дел по уборке давно заброшенного дома, да и надо было приготовить комнату для гостьи. Время ужина давно прошло, когда они вернулись.

— Ну и везет вам, дети, — начала миссис Мортимер, сходя с фургона.

— В этой долине только-только пробуждается жизнь. Вот вам и рынок. У вас нет пока ни одного конкурента. Я сразу поняла, что все эти курорты возникли совсем недавно — Калиенте, Бойс Хот Спрингс, Эль Верано и другие. В Глен-Эллене также есть три небольшие гостиницы — это совсем рядом. О, я уже переговорила со всеми владельцами и управляющими.

— Она просто волшебница! — восторгался Билл. — Она к самому Господу Богу подъехала бы с деловым предложением. Ты бы видела ее!

Миссис Мортимер улыбнулась его комплименту и продолжала:

— Как вы думаете, откуда им доставляют овощи? Их привозят за двенадцать — пятнадцать

миль из Санта-Росы и с Сономы. Это ближайшие огороды, и когда они не в состоянии удовлетворить все растущий спрос,

— а я слышала, что это случается очень часто, — приходится посылать за овощами в Сан-Франциско. Я им представила Билла. Они охотно согласились поддержать местное огородничество. Да им это и гораздо выгоднее. Вы будете поставлять такие же овощи и по тем же ценам; но уж постарайтесь, чтобы они были лучше и свежее. И не забывайте, что доставка вам обойдется дешевле, здесь ведь рукой подать.

— Однодневными яйцами такого потребителя не прельстишь. Вареньями и джемами тоже. У вас здесь на террасе очень много места, непригодного для грядок. Завтра с утра я помогу вам устроить загородки для цыплят и птичник. Советую поставлять каплунов в Сан-Франциско. Начать надо с малого. Пусть это будет покамест вашим побочным занятием. Я вам все расскажу на этот счет и пришлю литературу. Но вы должны и сами думать. Пусть работают другие. Хорошенько запомните это. Управляющим всегда платят больше, чем рабочим. Вы должны вести приходо-расходные книги, вы всегда должны знать, в каком состоянии ваши дела, что выгодно, что нет и что приносит наибольший доход. По книгам это сразу будет видно, я уж: научу вас, как их вести.

— И подумать только, все это на двух акрах! — пробормотал Билл.

Миссис Мортимер строго посмотрела на него.

— Откуда же два акра? — резко спросила она, — Пять акров. И то вас не хватит, чтобы удовлетворить ваш рынок. Как только начнутся дожди, и вы, мой мальчик, и ваши лошади с ног собьетесь, осушая луг. Мы завтра разработаем план действий. А затем ягоды; здесь, на террасе, самое подходящее место для ягод и шпалерного столового винограда. За него платят бешеные цены. Мы посадим бербенксовскую черную смородину, — кстати, он живет в Санта-Росе, — и гибриды малины и куманики, это крупные ягоды. Но с клубникой не связывайтесь. Клубника совершенно особая статья, это вам не виноград. Фруктовый сад я уже осмотрела. В общем он хорош. За подчистку и прививку примемся позже.

— Но Билл предполагал взять три акра луга себе, — сказала Саксон, как только ей удалось вставить слово.

— Зачем?

— Он хочет засеять их кормовыми травами для лошадей, которых собирается завести.

— Пусть лучше покупает корм для лошадей из доходов с огорода, — немедленно решила миссис Мортимер.

И Биллу еще раз пришлось отказаться от своей мечты.

— Ну что ж! — сказал он, сделав усилие, чтобы казаться веселыми — Валяйте. Огород так огород.

Миссис Мортимер прожила у них несколько дней, и Билл предоставил обеим женщинам решать все по-своему. В Окленде начался период делового оживления, и Биллу пришло письмо с требованием срочно выслать еще партию лошадей. Он с утра до ночи ездил по окрестностям, отыскивая молодых рабочих лошадей. Благодаря этим поездкам он основательно изучил всю долину. С другой стороны, управляющий оклендскими конюшнями искал случая избавиться от нескольких кобыл, разбивших себе ноги на городских мостовых, и Биллу предложено было

приобрести их на выбор по дешевке. Это были отличные лошади. Билл знал это, так как имел с ними дело еще раньше, в Окленде. Мягкая деревенская земля могла быстро вылечить этих лошадей, нужно было только сперва расковать их и дать отдохнуть на пастбище. Для работы в городе на мостовой они уже не годились, но еще много лет могли служить в поле. К тому же они годились и как производители. Но Билл не мог решиться на эту покупку. Он бился над этим вопросом в одиночестве и ни слова не говорил Саксон.

Вечерами он обычно сидел в кухне, покуривая, и прислушивался к рассказам обеих женщин о том, что они сделали за день и что собирались делать дальше. Хороших лошадей раздобыть было трудно, из каждого фермера приходилось чуть не клещами вытягивать согласие на продажу лошади, хотя Биллу и предоставлено было право повысить среднюю цену долларов на пятьдесят. Несмотря на то, что автомобиль все больше входил в обращение, цена на тяжеловозов продолжала расти. С тех пор как Билл себя помнил, цены на них неуклонно повышались. После землетрясения они сразу подскочили и так и не снизились.

— Вы, Билл, гораздо больше заработаете, торгуя лошадьми, чем копаясь на огороде. Верно? — спросила миссис Мортимер. — И отлично. Я думаю, что вам незачем ни осушать ваш луг, ни пахать, ни вообще возиться с землей. Продолжайте покупать лошадей. Работайте головой. Но из ваших барышей вы должны оплачивать работника для огорода Саксон. Это будет выгодным помещением капитала, который даст большие проценты.

— Правильно, — согласился он. — Для того люди и нанимают других, чтобы за их счет наживаться. Но каким образом Саксон и один работник справятся с пятью акрами, это выше моего понимания: ведь мистер Хэйл уверял, что мы с ней не управимся и с двумя!

— Саксон работать и не придется, — возразила миссис Мортимер. — Разве вы видели, чтобы я работала в Сан-Хосе? Саксон будет руководить. Пора вам, наконец, понять это. Люди, которые не умеют шевелить мозгами, зарабатывают в день полтора доллара; а ее полтора доллара в день не устраивают. Теперь слушайте. Я сегодня имела долгий разговор с мистером Хэйлом. Он считает, что в долине невозможно найти хороших сельскохозяйственных рабочих.

— Я знаю, — прервал ее Билл. — Все хорошие работники уходят в город, остаются только плохие. А если хорошие и остаются, то не идут в батраки.

— Совершенно верно. Итак, слушайте, дети. Я знала это, и потому переговорила с мистером Хэйлом. Он берется вам помочь. Он знает, как что делается, и знаком с начальником тюрьмы. Словом, вы возьмете из Сен-Квентина на поруки двух заключенных. Вам пришлют людей тихих и к тому же умелых огородников. Там полным-полно китайцев и итальянцев, а это лучшие огородники в мире. Так вы одним ударом убьете двух зайцев: поможете несчастным арестантам и получите хороших рабочих.

Саксон была неприятно удивлена и заколебалась, но Билл отнесся серьезно к предложению миссис Мортимер.

— Вы ведь знаете Джона? — продолжала та. — Работника мистера Хэйла. Он вам нравится?

— Ох, я только сегодня мечтала о том, чтобы нам найти такого человека, — с жаром отозвалась Саксон. — Он такой добрый и преданный. Миссис Хэйл рассказала мне о нем очень много хорошего.

— Но об одном она умолчала, — заметила, улыбнувшись, миссис Мортимер: — Джон взят ими на поруки. Двадцать восемь лет тому назад он повздорил с одним человеком из-за шестидесяти пяти центов и в запальчивости убил его. И вот уже три года, как он живет у Хэйлов. А помните

Луи, старика француза у меня на ферме? Он тоже был взят мною из тюрьмы. Итак, решено. Когда ваши работники явятся, вы будете, понятно, платить им сколько полагается; нужно только, чтобы прислали людей одной национальности — либо китайцев, либо итальянцев… Так вот, когда они явятся, то под руководством мистера Хэйла, — да и Джон им поможет, — сколотят себе небольшую хижину. Место мы выберем сами. Когда работа у вас пойдет полным ходом, вам понадобятся еще работники со стороны. И вы, Билл, разъезжая по окрестностям, подыскивайте себе подходящих людей.

На следующий вечер Билл домой не вернулся, а в девять часов прискакал верхом мальчик из Глен-Эллена и привез телеграмму; Билл отправил ее из Озерной области, куда отправился искать лошадей для оклендских конюшен.

Он вернулся только на третий день к ночи, усталый до изнеможения, но с трудом скрывая чувство удовлетворенной гордости.

— Что вы делали все эти дни? — спросила миссис Мортимер.

— Работал головой, — спокойно заявил он. — Старался убить двух зайцев одним ударом. И, верьте мне, я убил не два, а целую кучу! Уф! Я узнал об этом в Лондэйле. И надо вам сказать, я зверски измотал Хазл и Хатти, прежде чем поставил их в конюшню в Калистоге, а сам в дилижансе поехал в Санта-Элена. Я попал туда как раз вовремя, и вся упряжка одного горного возчика — восемь здоровенных тяжеловозов — досталась мне. Лошади все молодые, крепкие; самая легкая весит не меньше полутора тысяч фунтов. Вчера вечером я отправил их из Калистоги. Но это не все. Еще до того, в первый день, когда я был в Лондэйле, я встретился с одним парнем; он подрядился вывозить камень из каменоломни для мостовых. Этот лошадей не продавал, — наоборот, сам был не прочь купить их, лошади ему были нужны до зарезу. Он сказал, что даже готов брать лошадей напрокат.

— И ты послал ему тех, которых ты купил? — перебила Саксон.

— Вот и не угадала! Я эту восьмерку приобрел на оклендские деньги

— в Окленд и отослал. Но я договорился с тем парнем на будущее, и он согласен платить полдоллара в день за прокат каждой лошади, а ему нужно шесть. Затем я телеграфировал старику хозяину в Окленд, чтобы мне выслали шесть кобыл с разбитыми ногами, по выбору Бэда Стродзерса, пусть вычтут из моих комиссионных. Бэд знает, что мне нужно. Как только лошади прибудут — долой подковы, недельки две пусть попасутся на воле, а потом я их отправлю в Лондэйл. С работой они справятся: им придется возить камень на станцию; это под гору по мягкой грунтовой дороге. Каждая из них будет мне давать полдоллара в день — то есть три доллара в неделю. И мне не придется ни кормить их, ни ковать, только присматривать, чтобы с ними хорошо обращались. Три доллара в день — вот это я понимаю! На эти деньги я спокойно могу нанять двух работников для Саксон, если только она не заставит их работать и по воскресеньям. Да, вот тебе и Лунная долина! Этак мы скоро начнем брильянты носить! Черт побери! В городе можно тысячу лет прожить, и тебе так не подвезет. Почище китайской лотереи!

Он встал.

— Пойду задам корму Хазл и Хатти и устрою их на ночь. Все сделаю, а тогда поужинаем.

Женщины смотрели друг на друга сияющими глазами и только собирались заговорить, как Билл вернулся и, просунув голову в дверь, сказал:

— Может, вы не все поняли, что я вам говорил? Я каждый день зарабатываю на них три доллара; но самое главное, эти шесть кобыл — мои. Они — моя собственность. Они принадлежат мне. Ясно?

Глава двадцатая

— Я еще наведаюсь к вам, детки, — сказала на прощание миссис Мортимер.

В течение зимы она приезжала несколько раз и объясняла Саксон, какие делать посадки для ежедневных потребностей рынка, какие — чтобы удовлетворять весною все растущий спрос на овощи, и, наконец, летом, в разгар сезона, когда будут раскупать все, что она вырастила, и все-таки будет не хватать. Хазл и Хатти каждую свободную минуту возили навоз из Глен-Эллена; тамошние скотные дворы еще не знали такой чистки. Приходилось также без конца доставлять со станции минеральные удобрения, которые закупались по указаниям миссис Мортимер.

Взятые на поруки заключенные оказались китайцами. Оба они долгие годы служили при тюрьме и были уже стариками; но та работа, которую они способны были выполнить за день, вполне удовлетворяла миссис Мортимер. Гоу Юм двадцать лет назад был старшим огородником в одном из крупных поместий Менло-парка. Причиной постигшей его катастрофы была драка, начавшаяся за игрой в фан-тан в китайском квартале Редвуд-сити. Его товарищ Чан Чи считался одним из самых отчаянных в те бурные годы, когда в Сан-Франциско еще существовали тайные китайские общества — тонги. Но четверть века сурового тюремного режима и работы на огородах охладили его пыл и приучили его руку вместо ножа к мотыге. Обоих помощников Саксон привезли в Глен-Эллен, как драгоценный груз, и сдали под расписку местному шерифу, который обязан был ежемесячно посылать тюремной администрации рапорт об их поведении. Саксон также должна была ежемесячно давать о них сведения.

От страха, что они зарежут ее, Саксон скоро, избавилась: бронированный кулак государства каждую минуту готов был обрушиться на них; достаточно было им один раз выпить глоток вина, и рука правосудия схватила бы их и бросила обратно в тюремную камеру. Не пользовались они также свободой передвижения. Когда старику Гоу Юму понадобилось ехать в Сан-Франциско, чтобы подписать некоторые документы у китайского консула, ему сначала пришлось просить в Сен-Квентине разрешения на эту поездку. Но главное — оба китайца были очень добродушны. Вначале Саксон угнетала мысль, что ей придется командовать двумя отчаянными каторжниками, но когда они приехали, оказалось, что работать с ними одно удовольствие. Достаточно было указать им, что надо сделать, — а как сделать, они знали лучше ее. От них она научилась всем приемам и ухваткам мастеров-садоводов и скоро поняла, что, работай у нее местные жители, она бы ни за что не управилась с фермой.

Не боялась она своих помощников еще и потому, что была с ними не одна. Саксон успешно шевелила мозгами. Так, вскоре выяснилось, что невозможно совмещать домашние дела с работой на огороде. Она написала в Юкайю той энергичной вдове, с которой они жили по соседству и которая занималась стиркой, и та сразу согласилась на предложение Саксон. Миссис Пауль было около сорока лет; низенькая и коренастая, она весила двести фунтов, но, несмотря на полноту, не знала, что такое усталость, не боялась никого на свете и, по мнению Билла, одной рукой справилась бы с обоими китайцами. Миссис Пауль привезла с собою сына, деревенского парня лет шестнадцати, — он ходил за лошадьми и доил Хильду, красивую джерсейскую корову, благополучно выдержавшую взыскательный осмотр мистера Хэйла. Хотя миссис Пауль отлично справлялась со всякой работой по дому, одного Саксон так ей и не доверила: она собственноручно стирала свое вышитое белье.

— Если я буду не в силах выстирать себе такой пустяк, — сказала она Биллу, — тащи лопату и вон под теми секвойями за речкой выкопай мне могилу. Значит, мне уж не жить на белом свете.

Как-то в первые дни жизни на ранчо «Мадроньо», во время второго посещения миссис Мортимер, Билл привез несколько водопроводных труб; из старого бака, поставленного под родничком, он провел воду в дом, курятник и конюшню.

— Уф, кажется, я научился шевелить мозгами! — сказал он. — Я тут видел, как одна женщина, по ту сторону долины, таскает воду из родника, футов за двести от дома; вот я и рассчитал: воду приходится брать три раза в день, а когда стирка — гораздо чаще. И представляете, сколько она отшагает за год? Сто двадцать две мили! Ясно? Сто двадцать две мили! Я спросил ее, давно ли она здесь живет. Оказывается, тридцать один год. Вот и помножьте! Выходит — три тысячи семьсот восемьдесят две мили, и все из-за отсутствия каких-то двухсот футов водопроводных труб. Какая нелепость!

— Но это еще не все. При первой возможности я добуду ванну и кадки. Скажи, Саксон, ты помнишь лужок — как раз где Дикарка впадает в Сономy? И земли-то там не больше акра… Заявляю тебе, что этот лужок теперь мой! Поняла? И прошу по траве не ходить. Это моя трава. Я поставлю там насос; я видел подержанный, его уступят за десять долларов, этим насосом можно накачать сколько угодно воды. А уж я выращу такую люцерну, что ты диву дашься. Мне ведь нужна еще лошадь для поездок. Ты наваливаешь на Хазл и Хатти такую пропасть работы, что мне уж не приходится ими пользоваться, а когда ты начнешь развозить овощи, я их и вовсе не увижу. Надеюсь, что моя люцерна прокормит еще одну лошадку.

Но Биллу пришлось забыть на время про люцерну и заняться более важными делами. Вначале его постигли неудачи. Те несколько сот долларов, которые он привез с собой в долину Сономы, и все его заработанные здесь комиссионные были истрачены на всякие улучшения и на жизнь. Восемнадцать долларов в неделю за прокат лошадей в Лондэйле уходили на уплату жалованья работникам, и оказалось, что купить верховую лошадь для разъездов Билла по окрестностям не на что. Но он снова призвал на помощь свою смекалку, обошел все препятствия и убил разом двух зайцев: теперь он брался объезжать молодых лошадей и пользовался ими, когда ему нужно было отправиться куда-нибудь по делам.

С этой стороны все уладилось. Но тут новое городское управление Сан-Франциско вздумало наводить экономию и остановило работы по мощению улиц. А это повлекло за собой закрытие лондэйлской каменоломни, поставлявшей в Сан-Франциско булыжник. Итак, шесть лошадей возвращались обратно к Биллу, и их надо было прокормить. Из чего теперь выплачивать жалованье миссис Пауль, Гоу Юму и Чан Чи, Билл не представлял себе.

— Боюсь, что мы гнем дерево не по себе, — признался он Саксон.

В тот вечер он вернулся поздно, но лицо его сияло. Саксон была не менее радостно настроена.

— Ну, все улажено, — сказала она, подходя к конюшне, где он расседлывал норовистого жеребенка. — Я переговорила со всеми тремя. Они отлично понимают наше положение и охотно соглашаются подождать. На той неделе Хазл и Хатти уже начнут развозить овощи; тогда деньги будут поступать от всех гостиниц и в моих книгах, наконец, появятся не только записи расходов, но и доходов. И знаешь. Билли, — вот уж не подумала бы, — оказывается, у нашего Гоу Юма есть текущий счет в банке. Он подошел ко мне спустя некоторое время — видно, обдумывал это дело, — и предложил занять у него четыреста долларов. Что ты на это скажешь?

— Скажу, что я не такой гордец, и не откажусь от денег только потому, что их предлагает китаец. Для меня он все равно что белый, а эти деньги могут очень и очень пригодиться. Ты даже не представляешь, сколько дел я переделал с сегодняшнего утра. Я был так занят, что не успел куска проглотить.

— Шевелил мозгами? — рассмеялась она.

— Да, конечно, — подтвердил он тоже со смехом, — и расшвырял пропасть денег.

— Но ведь у тебя нет ничего, — заметила она.

— В этой долине мне верят в кредит, имей в виду, — возразил он. — И сегодня я использовал его вовсю. Ну, угадай на что!

— На верховую лошадь? Он расхохотался так громко, что лошадь испугалась, взвилась на дыбы и подняла на воздух Билла, повисшего у нее на шее.

— Нет, ты гадай по-настоящему, — потребовал Билл, когда лошадь успокоилась, хотя все еще продолжала дрожать и подозрительно коситься на него.

— Две верховые лошади?

— Ничего ты не понимаешь! Ну, уж я скажу сам. Ты Тиркрофта знаешь? Так вот. Я купил его большую повозку за шестьдесят долларов. Потом я купил еще повозку у кенвудского кузнеца за сорок пять долларов, — она так себе, неважная, но сойдет. И еще повозку у Пинга — замечательную, за шестьдесят пять. Он уступил бы ее и за пятьдесят, но заметил, что она мне до зарезу нужна.

— А как же с деньгами? — робко спросила Саксон. — У тебя же и сотни долларов не было с собой!

— Разве я тебе не сказал, что у меня кредит? А коли он у меня есть, то я им и воспользовался. Я и цента наличными не выложил, заплатил только за два длинных кнута. Потом я купил три комплекта рабочей сбруи — подержанные, по двадцати долларов за комплект — у парня, который возил камень из каменоломни. Они ему больше не нужны. У него же я взял напрокат четыре повозки и четыре упряжки, из расчета полдоллара за день с каждого коня и полдоллара с каждой повозки. Всего мне придется платить ему в день шесть долларов. Три комплекта запасной сбруи — это для моих лошадей. Затем… Постой, дай вспомнить… Да! Еще я заарендовал две конюшни в Глен-Эллене и заказал пятьдесят тонн сена и вагон отрубей и ячменя в кенвудской лавке — мне ведь придется кормить четырнадцать лошадей, ковать их и все прочее… Ах, совсем забыл! Я нанял еще семь человек, по два доллара в день и… Ой! Черт! Что ты делаешь?

— Нет, — серьезно сказала Саксон, ущипнув его, — нет, ты не бредишь. — Она пощупала ему пульс и лоб. — Жара никакого нет. Дыхни на меня… Нет, и не пил ничего. Ладно, продолжай…

— Разве тебе этого мало?

— Мало. Я хочу услышать дальше. Я хочу знать все.

— Отлично. Но прежде всего имей в виду, что я ничуть не глупее моего бывшего хозяина в Окленде. И если кто-нибудь тебя спросит, ты так прямо и говори: мой муж — деловой человек. А теперь слушай, я тебе все расскажу, хотя я понять не могу, почему никто в Глен-Эллене не

опередил меня. Верно, просто проморгали! В настоящем городе этакой штуки ни за что бы не упустили! Видишь ли, дело обстояло так. Ты знаешь большой, только что выстроенный кирпичный завод, который должен выпускать особый огнеупорный кирпич для внутренних стен? Ну вот, ломаю я себе голову, как мне быть с этими шестью лошадьми, которые ко мне вернутся: зарабатывать они больше не зарабатывают, а из-за их кормов мне скоро придется по миру пойти; куда-нибудь их пристроить нужно. И тут я вспомнил про кирпичный завод. Поехал я туда и переговорил с их химиком, японцем, он у них в лаборатории работает. Гляжу, а на заводе уже все готово — и мастера тут, только начинай. Я хорошенько все разглядел, что и как. Потом присмотрелся к забою, откуда они будут глину брать, — помнишь, там такая рассыпчатая белая меловая земля, ее добывали как раз за тем участком в сто сорок акров, где три холма? От забоя до завода около мили, дорога ведет под гору, и пара лошадей легко справится с грузом. Право же, труднее будет подниматься наверх с пустыми повозками. Осмотрев все, я привязал лошадь и занялся расчетами.

— Профессор японец сообщил мне, что директор завода и члены правления приедут с утренним поездом. Я, конечно, никому ни слова не сказал, а сам решил единолично, собственной персоной, изобразить комиссию по встрече; только поезд подошел, я уж: тут как тут и приветствую их от имени города. Протянутая им для пожатия рука была одновременно и рукою некоего парня, которого ты знавала когда-то в Окленде, третьестепенного боксера… как его звали?.. да, вспомнил — Большой Билл Роберте. Под этим именем он выступал на ринге, а теперь, не шутите, он известен как мистер Уильям Роберте, эсквайр.

Так вот, говорю, я их приветствовал и отправился с ними на завод; и тут из разговоров увидел, что дело у них на мази. А затем, как подошел случай, я и ввернул им свое предложение. Я все время дрожал, — а вдруг у них подряд на подвоз глины уже сдан? Но когда они спросили мои условия, я понял, что это у них еще не налажено. Смету я выучил наизусть и тут же им все выложил, а главный их заправила все цифры записал себе в блокнот.

— Мы дело поставим сразу на широкую ногу, — говорит и этак пристально смотрит на меня. — Какой же транспорт вы можете предоставить нам, мистер Роберте? — А у меня только и есть, что Хазл и Хатти, да и те слишком молоды, чтобы справиться с таким грузом.

— Я могу поставить сразу четырнадцать лошадей и семь повозок, — говорю. — Если нужно будет, достану и больше, вот и все.

— Дайте нам четверть часа на размышление, мистер Роберте, — говорит.

— Конечно! Пожалуйста, — отвечаю и важничаю, прости Господи, как черт. — Но я сначала должен кое-что оговорить. Во-первых, я хочу, чтобы контракт был заключен на два года; и потом моя смета предусматривает одно условие, иначе дело не пойдет.

— Какое же это условие? — спрашивает.

— Дорога, — говорю я. — И раз уж мы здесь на месте, я вам сейчас все покажу.

Сказано — сделано. Я показал ему все и объяснил, как мне будет невыгодно, если они решат придерживаться своего первоначального плана, принимая во внимание спуск и подъем к месту выгрузки.

— Вам тогда придется сделать одно, — говорю, — провести дорогу вокруг холма, построить бункеры на пятьдесят футов выше и подъездной мост длиной футов в семьдесят — восемьдесят.

И знаешь, Саксон, мой прямой разговор подействовал на них. Ведь я говорил правду. И если

они заботились о кирпиче, то я заботился о своих лошадках.

Совещались они, по-моему, около получаса, а я волновался чуть ли не так же, как тогда, когда ждал, что ты мне скажешь: «да» или «нет». Пересмотрел смету, высчитал, сколько можно будет скинуть, если потребуют. Видишь ли, я дал им городские цены, поэтому я и готов был уступить. Потом они вернулись.

— Цены в деревне должны быть ниже, — сказал их главный.

— Вовсе нет, — говорю я. — Здесь вся земля под виноградниками. Сена и для своих лошадей не хватает, его приходится возить из долины Сан-Хоакин. В Сан-Франциско сено с доставкой дешевле обходится, а здесь я его еще и сам привезти должен.

Это здорово на них подействовало. Ведь я сказал истинную правду, и они знали это. Но была тут одна загвоздка. Если бы они догадались спросить про плату возчикам и цену за ковку лошадей, мне наверняка пришлось бы скинуть: ты ведь понимаешь, что здесь, в деревне, где нет ни союза возчиков, ни союза кузнецов и где плата за помещение ниже, чем в городе, все это обходится гораздо дешевле. Уф! А сегодня я сговорился с кузнецом, который живет против почты: он согласен подковать весь мой табун со скидкой в двадцать пять процентов на каждую подкову; но об этом я, конечно, ни звука. Впрочем, они были слишком заняты своим кирпичом, чтобы интересоваться этой стороной дела.

Билл вытащил из нагрудного кармана бумагу с печатями и протянул ее Саксон.

— Вот он, контракт со всеми условиями, ценами и неустойками, — сказал он. — Я встретил в городе мистера Хэйла и показал ему условие. Он говорит, что все в порядке. И тут я пустился во всю прыть; объехал весь город, побывал в Кенвуде, Лондэйле, был всюду, со всеми разговаривал, все обсудил. Работа на каменоломне заканчивается в эту пятницу. А в среду на той неделе я на всех моих лошадях начну возить лес для стройки, кирпич для печей и все, что понадобится. Когда же все будет готово и надо будет приниматься за глину, я окажусь тут как тут.

Но ты еще не знаешь главного! По дороге из Кенвуда в Лондэйл у меня вышла задержка пока я ждал у переезда, я пересмотрел свою смету. И знаешь что? Тебе и за тысячу лет не догадаться! Оказывается, я где-то ошибся в сложении и назначил им цены на десять процентов выше, чем предполагал. Вот так и находишь деньги! Если тебе теперь понадобится лишний рабочий для твоих овощей, скажи только слово… Хотя в ближайшие месяцы придется навести экономию. А теперь иди и спокойно занимай четыреста долларов у Гоу Юма. Скажи, что мы дадим ему восемь процентов и что деньги нам нужны месяца на три-четыре, самое большее.

Освободившись из объятий Саксон, Билл начал прогуливать жеребенка, чтобы тот остыл. Вдруг он остановился так неожиданно, что жеребенок ткнулся мордой ему в спину, с испугу взвился на дыбы, и пришлось снова его успокаивать. Саксон ждала: она догадалась, что Билла осенила какая-то новая мысль.

— Скажи, — спросил он, — ты что-нибудь понимаешь в таком деле, как банковые счета и чеки?

Глава двадцать первая

Ясным июньским утром Билл попросил Саксон надеть костюм для верховой езды, чтобы испытать новую верховую лошадь.

— Я освобожусь не раньше десяти, — отозвалась она, — когда отправлю повозку со второй

партией овощей.

Несмотря на то, что дело быстро развивалось, Саксон обнаружила неожиданные способности и так умело распределяла работу, что у нее оставалось много свободного времени. Она нередко забегала к миссис Хэйл, — теперь, когда Клара Хастингс вернулась и постоянно бывала у тетки, эти посещения доставляли Саксон особенное удовольствие. Молодая женщина расцвела в дружеской атмосфере этого дома. Она начала читать и старалась разбираться в прочитанном; выкраивала время для книг, для рукоделий и для Билла, которого нередко сопровождала в его разъездах.

Он был еще более занят, чем Саксон, ибо дела требовали его присутствия в самых разных местах, но он все-таки находил время следить за конюшней и за лошадьми жены. Билл стал настоящим деловым человеком, хотя зоркий взгляд миссис Мортимер при проверке его книг и обнаружил некоторые упущения в графе расходов. С помощью Саксон она в конце концов заставила его более тщательно вести записи, и теперь Билл и Саксон каждый вечер после ужина принимались за бухгалтерию. А потом, покончив с делами, Билл располагался в большом кресле, — он настоял на его покупке в первые же дни после заключения договора с кирпичным заводом, — Саксон усаживалась к нему на колени и тихонько перебирала струны укулеле. Иногда они подолгу беседовали о своих делах или строили планы на будущее. То Билл вдруг скажет:

— Знаешь, Саксон, я твердо решил заняться политикой. Стоит. Даю слово, стоит. И если на ту весну десяток моих упряжек не будет работать на постройке дорог и привозить мне денежки со всей округи, то я вернусь в Окленд и буду просить хозяина снова взять меня на работу.

То Саксон расскажет новости:

— Знаешь, между Калиенте и Элдриджем открывают первоклассную гостиницу; говорят, в горах хотят строить большой санаторий.

Или же:

— Вот ты провел воду на свой луг — теперь отдай его мне под овощи; я его арендую у тебя. Прикинь-ка, сколько ты мог бы вырастить на нем люцерны, и я заплачу тебе за нее по рыночной цене с вычетом расходов на выращивание.

— Ладно уж, бери, — Билл подавлял вздох. — Я так занят, что мне некогда заниматься пустяками.

Это была явная ложь: ведь нашел же он время поставить плотину и провести воду.

— Право, так будет лучше, Билл, — утешала его Саксон, зная, что тоска по широким пространствам владеет им сильнее, чем когда-либо. — Зачем тебе возиться с каким-то несчастным акром земли? Участок в сто сорок акров — другое дело! Мы непременно купим его, когда умрет старик Шэвон. Ведь этот участок на самом деле принадлежит к ранчо «Мадроньо»; когда-то они составляли одно целое.

— Я, конечно, никому не желаю смерти, — ворчливо заметил Билл, — но у него земля пропадает зря, и он только истощает ее своим непородным скотом. Я эту землю знаю всю, каждый дюйм. У него под лугами не меньше сорока акров, а воды в горах столько, что всю долину оросить молено. И кормов можно вырастить столько, что просто дух захватывает. Потом там есть по меньшей мере пятьдесят акров пастбища для моих племенных кобыл — и луга, и рощицы, и холмы… А еще пятьдесят акров у него под лесом — там и красивые уголки

есть и дичь водится. Да и та старая глинобитная конюшня пригодится: покрыть ее заново, и в плохую погоду туда всю скотину можно загонять. Посмотри, какое никудышное пастбище за Пингом мне приходится арендовать для моих лошадей! А ведь они могли бы пастись на этих ста сорока акрах, если бы земля принадлежала мне. Интересно, не согласится ли Шэвон сдать ее в аренду?

В другие вечера Билл не заносился так высоко.

— Придется махнуть завтра в Петалуму, Саксон. На ранчо Аткинсона будет аукцион; может, удастся что-нибудь подцепить стоящее.

— Тебе все еще мало лошадей?

— Разве ты не знаешь, что у меня две упряжки возят лес для новой винодельни? А Барней растянул себе связки. Чтобы поправиться, ему долго придется не работать. А Бриджет совсем выбыла из строя. Мне это совершенно ясно. Уде я ее лечил, лечил… она и ветеринара сбила с толку. Да и другим лошадям не мешает передохнуть маленько. Серые все время на тяжелой работе. А чалый, видно, этой проклятой травы наелся. Мы думали, у него зубы не в порядке, оказывается — нет. Беречь лошадей и вовремя лечить их — это верный способ сэкономить деньги, ведь лошади самые неясные создания на свете. Если я соберусь с деньгами, то выпишу из Колюзы партию мулов; знаешь — таких рослых, сильных. Их у нас здесь расхватают, как горячие пирожки; мне-то они ни к чему, я их выпишу только на продажу.

Иногда Билл, будучи в более веселом настроении, принимался шутить:

— Кстати, Саксон, если уж разговор зашел о расчетах, то сколько, по-твоему, стоят Хазл и Хатти? Ну, их рыночная цена?

— Зачем тебе?

— Я тебя спрашиваю.

— Ну… столько, сколько ты заплатил за них, — триста долларов.

— Так. — Билл погрузился в размышления. — Они, конечно, стоят гораздо больше, но пусть будет по-твоему. А теперь возвратимся к нашим расчетам: может, ты мне выдашь расписку на триста долларов?

— Вот грабитель!

— Нисколько. Разве ты не даешь мне расписки, когда я уступаю тебе корм и сено? Всем известно, как аккуратно ты ведешь книги и заносишь в них каждый пенни, — продолжал он дразнить ее. — А раз уж ты такая деловая женщина, то тебе придется рассчитаться со мной и за этих лошадок. Я ими не пользуюсь уж не помню сколько времени.

— Но ведь тебе достанутся жеребята, — возразила она. — А мне в моем хозяйстве племенные кобылы ни к чему. В ближайшие дни Хазл и Хатти перестанут возить овощи, да и вообще они слишком хороши для такой работы. Присмотри мне другую пару вместо них. Вот на ту пару я тебе дам расписку, только без комиссионных.

— Хорошо, — согласился Билл. — Значит, я получу обратно Хазл и Хатти. Но уде ты, пожалуйста, выплати мне все за прокат, — ведь ты долго ими пользовалась.

— Если ты заставишь меня платить за прокат Хазл и Хатти, я предъявлю тебе счет за стол, — грозно заявила она.

— А если ты предъявишь счет за стол, я потребую с тебя проценты с денег, которые я вложил в этот дом.

— Не можешь, — рассмеялась Саксон, — это наш дом, наша общая собственность.

Он свирепо зарычал и сделал вид, будто задыхается от негодования.

— Удар прямо под ложечку! — пояснил он. — Сбила с ног! Но как это хорошо звучит, а? Наш дом… — Он с восторгом повторял эти слова. — Когда мы с тобой поженились, верхом наших мечтаний была постоянная работа, кое-какие тряпки да немного жалкой мебели… как бы за нее выплатить, потертую да обшарпанную. Если бы не ты, у нас никогда не было бы никакой «общей собственности».

— Какие глупости! А что я бы без тебя делала? Ты прекрасно знаешь, что это ты заработал деньги на наше обзаведение. И ты платишь жалованье Гоу Юму, и Чан Чи, и старому Юхи, и миссис Пауль, и все это твоих рук дело, о чем тут говорить.

Она ласково погладила его по плечам и мощным бицепсам.

— Вот они все это сделали, Билл.

— Какого черта! Твоя голова — она все сделала. Какой прок в моих мускулах, если бы не было головы, чтобы управлять ими? Только лупить штрейкбрехеров, избивать жильцов да выпивать, привалившись к стойке бара. Единственная умная вещь, до которой додумалась моя голова, — это жениться на тебе. Честное слово, Саксон, без тебя я бы пропал.

— Какого черта, Билл, — передразнила она мужа, к его великому удовольствию. — Что ждало бы меня, если бы ты не избавил меня от прачечной? Я бы оттуда не вырвалась. Ведь я была совершенно беззащитной девчонкой. Если бы не ты, я бы и сейчас там торчала. У миссис Мортимер было пять тысяч долларов, а у меня — ты!

— Женщине в жизни пробиться труднее, чем мужчине, — заметил он в заключение. — А я тебе вот что скажу: мы оба были нужны друг другу. Мы работали, как пара лошадок. Мы все делали вместе. Если бы нам пришлось действовать порознь, ты и сейчас гнула бы спину в прачечной, а я, в лучшем случае, служил бы в оклендской конюшне и слонялся бы по танцулькам.

Саксон стояла под «отцом всех мадроньо», наблюдая, как Хазл и Хатти вывозят из ворот полную повозку овощей, когда во двор въехал Билл, ведя на поводу гнедую кобылу, шелковистая шерсть которой вспыхивала в солнечных лучах золотыми искрами.

— Четырехлетка, породистая. Озорница, но без коварных штучек, — нахваливал Билл, остановившись рядом с Саксон. — Кожа тонкая, как папиросная бумага, морда атласная, но эта лошадь перегонит любого мустанга. Погляди, какие легкие! А ноздри! Зовут ее Рамона, — испанское имя: ее мать «Мореллита» моргановских заводов.

— И ее продают? — прерывающимся голосом спросила Саксон, восхищенно сжимая руки.

— Потому-то я и привел ее, чтобы тебе показать.

— Но за нее, наверно, хотят очень дорого? — продолжала Саксон: ей казалось невероятным,

чтобы у нее могла быть такая изумительная лошадь.

— Это уже тебя не касается, — отрезал Билл. — Она будет куплена на деньги кирпичного завода, а не на деньги с твоих овощей. Скажи одно слово — и Рамона твоя. Ну как?

— Сейчас, подожди минутку.

Саксон попыталась вскочить в седло, но лошадь нервно под ней заплясала.

— Постой, сейчас я привяжу свою, — сказал Билл. — Она не приучена к женскому обществу, в этом все дело.

Саксон крепко сжала поводья, схватилась за гриву, поставила ногу в сапожке со шпорой на ладонь Билла и легко вскочила в седло.

— Она привыкла к шпорам, — крикнул ей вдогонку Билл, — испанская порода. Сразу не осаживай, обращайся спокойно. И поговори с ней. Она благородных кровей, сама понимаешь.

Саксон кивнула, стрелой вылетела за ворота и помчалась по дороге. Проезжая мимо калитки «Тихого уголка», она помахала рукой Кларе Хастингс и продолжала путь к ущелью Дикарки.

Когда Саксон вернулась, лошадь была вся в мыле.

Саксон обогнула дом, миновала вольеры, ягодные кусты и цветники и остановилась подле Билла, который, покуривая папироску, сидел верхом на своей лошади, у самой границы участка. Через просвет между деревьями они вместе взглянули на луг. Но это был уже не луг: он был разбит с математической точностью на квадраты, прямоугольники и узкие полоски, отливавшие всеми оттенками зеленого цвета. Гоу Юм и Чан Чи в широченных китайских соломенных шляпах сажали лук. Старый Юхи возился подле главной оросительной канавы, открывая мотыгой одни боковые канавы и закрывая другие. Под навесом, позади сарая, слышен был стук молотка, — это Карлсен, видимо, обвязывал проволокой ящики с овощами. Из дому доносилось сочное сопрано миссис Пауль, распевавшей псалмы, и жужжание сбивалки для яиц. Свирепый лай Поссума указывал, что пес где-то продолжает ожесточенную и безнадежную войну с белками. Билл затянулся и выпустил дым, не отрывая глаз от луга. Саксон почувствовала, что он чем-то встревожен. Его рука, державшая повод, лежала на луке седла, и Саксон мягко положила на нее свободную руку. Билл медленно перевел взгляд на взмыленную лошадь и, точно ничего не замечая, посмотрел на Саксон.

— Гм, — произнес он, словно просыпаясь. — Что касается интенсивного огородничества, то этим португальцам из Сан-Леандро теперь нечем хвастаться перед нами. Посмотри, сколько воды. Знаешь, эта вода кажется такой вкусной, что мне иногда хочется встать на четвереньки и всю ее вылакать.

— Еще бы! Это в таком-то климате и не нуждаться в воде! — воскликнула Саксон.

— И нечего бояться, что она убежит от нас. Если подведут дожди, под боком Сонома, она-то никуда не денется. Все, что нужно, — это поставить насос с мотором.

— Но ставить его и не понадобится, Билл. Я как-то спрашивала на этот счет старика Томсона. Он живет здесь с пятьдесят третьего года и уверяет, что в долине еще ни разу не было неурожая по случаю засухи. У нас дождь идет когда нужно.

— Давай покатаемся, — внезапно предложил он. — Ты ведь свободна?

— С удовольствием, но сперва расскажи мне, что случилось.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

— Ничего не случилось, — пробурчал он. — Впрочем, я вру. Да и не все ли равно? Рано или поздно ты узнаешь. Достаточно поглядеть на старика Шэвона: ходит как очумелый. Его золотые залежи иссякли.

— Какие золотые залежи?

— Ну, да его глина. Это то же самое. Он получал с кирпичного завода по двадцать центов за ярд.

— Значит, конец и твоему договору на доставку глины. — Саксон сразу поняла размеры постигшей их катастрофы. — А что говорят на заводе?

— Там совсем носы повесили. Хотя и держат все в секрете. Целую неделю они рыли и бурили землю в горах, а их химик японец ночами сидел над анализами всякого мусора, который они к нему волокли. Ведь им нужно совсем особую глину для их кирпича, такую не везде найдешь. Эксперты, которые исследовали глину Шэвона, сделали глупейшую ошибку, а может, им лень было поставить как следует земляные работы. Во всяком случае они здорово переоценили запасы этой глины. Да ты не расстраивайся. Как-нибудь выкрутимся. Все равно ты ничем помочь не можешь.

— Нет, могу, — сказала Саксон. — Мы не купим Рамону.

— Это тебя не касается, — ответил он. — Я покупаю ее, и цена не имеет никакого значения при той крупной игре, какую я веду. Продать лошадей я всегда успею. Но они приносили мне порядочный доход, а этот договор с кирпичным заводом был и вовсе прибыльным делом.

— Слушай, а что, если бы сдавать лошадей напрокат для работ по прокладке дорог в нашем округе? — спросила она.

— Об этом я уже думал. И я тут своего не упущу. Есть слухи, что работы в каменоломнях возобновятся, а тот парень, который возил им камень, подался куда-то к Пюджет-Саунду. Не такая уж беда, если мне даже придется продать большую часть моих лошадей. У нас остается твой огород; это дело верное. Просто мы не сможем идти вперед полным ходом, как до сих пор. Вот и все. Теперь я уже не боюсь деревни. Пока мы добирались сюда, я понял, как много тут можно сделать. Нет, кажется, камешка на дороге, который бы нам не пригодился. А теперь скажи, куда мы поедем?

Глава двадцать вторая

Легким галопом лошади выехали за ворота, грохоча копытами, промчались по мосту мимо ранчо Хэйлов и свернули к ущелью Дикарки: Саксон решила навестить «свою» луговину на уступе горы Сономы.

— Знаешь, Саксон, когда я сегодня ездил за Рамоной, мне сообщили интересную новость, — сказал Билл, решив на время забыть о неприятностях с глиной. — Дело идет о тех ста сорока акрах. Я по дороге встретил Шэвона-сына и, сам не знаю почему, — вернее всего, в шутку, — спросил его, не сдаст ли мне старик тот участок в аренду. И что же ты думаешь? Оказывается, эти сто сорок акров вовсе не принадлежат его отцу, он сам арендует их. Потому-то мы и видим там постоянно его скот. Этот участок вклинивается в землю старика, а вокруг вся земля

принадлежит ему.

— А потом я встретил Пинга, и он сказал, что участок принадлежит Хильярду и что Хильярд хочет продать его, но старик Шэвон не дает настоящей цены. На обратном пути я заглянул к Пэйну. Он бросил кузницу: его лягнула лошадь, у него спина болит; и он решил заняться перепродажей недвижимости. Он тоже подтвердил, что Хильярд действительно намерен продать эту землю и даже занес ее в списки. Шэвон истощает пастбища, и Хильярд решил арендного договора с ним не возобновлять.

Они выбрались из ущелья Дикарки, повернули лошадей, остановились у его края и стали смотреть на три поросшие лесом холма в середине желанного участка.

— И все-таки мы его получим, — сказала Саксон.

— Конечно, получим, — согласился Билл с небрежной уверенностью. — Я еще раз осмотрел большую глинобитную конюшню: там можно поставить целый табун, а новая крыша обойдется дешевле, чем я предполагал. Хотя теперь, после этой истории с глиной, ни Шэвон, ни я не сможем купить этот участок.

Доехав до «луговины Саксон», — теперь им было известно, что она принадлежит старожилу Томсону, — они привязали лошадей и пошли дальше пешком.

Томсон был на лугу и громко приветствовал их. Траву только что скосили, и Томсон сгребал ее. День был ясный, безветренный, и они в поисках тени углубились в лес по ту сторону луговины. Вскоре они набрели на едва приметную тропку.

— Это коровья тропа, — заметил Билл. — Пари держу, что где-нибудь здесь за деревьями скрыто маленькое пастбище. Пойдем по следу.

Пройдя несколько сот футов вверх по склону, они минут через пятнадцать увидели перед собой на обнаженном склоне горы поросшую травой поляну. Почти весь участок в сто сорок акров лежал под ними, в каких-нибудь двух милях от склона. А сами они находились на уровне трех холмов. Билл остановился, чтобы полюбоваться желанным участком. Саксон подошла к нему.

— Что это такое? — спросила она, указывая вдаль. — Видишь, в маленьком ущелье, слева, у самого отдаленного холма, как раз под склоненной елью?

Билл увидел на стене ущелья какую-то белую полосу.

— Вот так штука, — сказал он, вглядываясь. — Мне казалось, что я тут все наизусть знаю, но этой полосы я ни разу не видел. Я побывал в этих местах в начале зимы. Там непроходимые заросли, склоны ущелья отвесные, как стена.

— Что же это такое? — спросила она. — Оползень, что ли?

— Может быть... после сильных дождей. Если меня глаза не обманывают... — Билл смолк, напряженно рассматривая белую полосу.

— Хильярд продает по тридцати за акр, — продолжал он, как будто без всякой связи. — И хорошую землю и плохую — по тридцати на круг. Всего выходит четыре тысячи двести. Пэйн насчет недвижимости еще новичок, я предложу ему поделить со мной комиссионные и получу участок на самых льготных условиях. Мы опять займем четыреста долларов у Гоу Юма, и я еще достану денег под лошадей и повозки.

— Ты что, уже сегодня покупаешь эту землю? — засмеялась Саксон.

Билл едва расслышал ее слова. Он поглядел на жену, точно хотел ответить, и тут же позабыл о ней.

— Шевелить мозгами, — бормотал он, — шевелить мозгами… Ковать железо, пока горячо…

Вдруг он бросился вниз по тропе, потом вспомнил о Саксон и крикнул ей через плечо:

— Беги вниз! Скорее. Я хочу проехать туда и взглянуть, что это такое!

Он так быстро спустился по тропе и пересек луговину, что Саксон не успела ни о чем спросить. Она едва переводила дух, стараясь не отставать от него.

— Ну, что же это оказалось? — спросила она, когда он подсаживал ее в седло.

— Наверно, вздор. Я тебе потом скажу, — уклонился он от ответа.

Там, где дорога была ровной, они мчались галопом, по отлогим склонам горы спускались рысью и, только добравшись до крутого спуска в ущелье Дикарки, наконец поехали шагом. Билл как будто успокоился, и Саксон воспользовалась случаем, чтобы заговорить о предмете, занимавшем с некоторых пор ее мысли.

— Клара Хастингс говорила мне вчера, что к ним приезжают гости. Будут Хэзарды, Холлы и Рой Бланшар…

Она опасливо взглянула на Билла. При имени Бланшара он поднял голову, точно боевой конь при сигнале горниста. Постепенно сквозь туманную синеву в его глазах вспыхнули коварные искорки.

— Ты уде давно никому не говорил: «Проваливай, я тебя не держу…»

— осторожно начала она.

Билл ухмыльнулся.

— Ну что ж, пожалуйста, — сказал он с насмешливой снисходительностью. — Пусть Рой Бланшар приезжает. Я не возражаю. Все это быльем поросло. Да я и слишком занят, чтобы тратить время на такие пустяки.

Он заставил лошадь прибавить шагу и, как только дорога стала менее крутой, пустил ее рысью. Мимо усадьбы Хэйлов они опять промчались галопом.

— Заезжай домой пообедать, — сказала Саксон, когда они приближались к воротам ранчо «Мадроньо».

— Ты обедай, а я не стану.

— Но мне хочется побыть с тобой, — жалобно сказала она. — Скажи, в чем дело?

— А вот не скажу. Отправляйся домой и обедай без меня.

— Ну уж нет, — возмутилась она. — Я теперь непременно поеду с тобой.

Они проскакали по шоссе с полмили, потом свернули, миновали поставленные Биллом ворота, пересекли поля и пустились по дороге, покрытой густым слоем белой пыли. Эта дорога вела к забою Шэвона. Участок в сто сорок акров лежал к западу. В густом облаке пыли двигались навстречу две телеги.

— Смотри, твои лошади! — воскликнула Саксон. — Как удивительно! Стоило тебе хорошенько подумать — и вот они зарабатывают для тебя деньги, пока ты разъезжаешь со мной.

— Даже неловко вспомнить, сколько каждая из этих упряжек мне приносит в день, — признался он.

Они уже свернули с дороги к шлагбауму, преграждавшему въезд на участок в сто сорок акров, но тут возчик с передней телеги окликнул их и помахал рукой. Они осадили лошадей.

— Чалый чего-то испугался и понес, — заявил, поравнявшись с ними, возчик. — Совсем взбесился — кусает, визжит, брыкается. Упряжь разлетелась, как бумажная. Вырвал зубами у Болди клок мяса с целое блюдечко! А кончил тем, что сломал себе заднюю ногу. Я в жизни не видел, чтобы лошадь за пятнадцать минут натворила таких дел.

— А нога действительно сломана? — резко спросил Билл.

— Это уж точно.

— Ладно, выгружайтесь, затем поедете к другой конюшне и найдете Бена. Он в загоне. Скажите Мэтьюзу, пусть обращается с ним помягче. И достаньте винтовку; возьмите у Сэмми, у него есть. Придется вам присмотреть за чалым. Мне сейчас некогда. Почему Мэтьюз сам не поехал с вами за Беном? Вы бы этим сберегли немало времени.

— Он остался там и ждет меня, — отвечал возчик, — решил, что я и один найду Бена.

— А пока что сидит без дела? Ну, поторапливайтесь.

— Вот как они работают, — сердито пробормотал Билл, когда он и Саксон поехали дальше, — Никакой смекалки. Никакого соображения. Один сидит сложа руки и ждет, а другой едет вместо него туда, куда он должен был ехать. Вот чем плохи люди, которые получают два доллара в день.

— У них и головы двухдолларовые, — подхватила Саксон. — Что же ты рассчитывал получить за два доллара?

— И это правильно, — покорно согласился Билл. — Если бы головы у них были лучше, они жили бы в городе, как другие, более сообразительные люди. Но эти сообразительные люди тоже ужасные дураки: они и не догадываются, какие возможности есть в деревне, иначе их ничто не удержало бы в городе.

Билл слез с лошади, снял перекладины, закрывавшие вход на участок, провел лошадей и снова наложил перекладины.

— Когда я получу этот участок, я поставлю здесь ворота, — заявил он. — Они сразу окупят себя. Это, конечно, мелочь, но из тысячи таких мелочей и складывается настоящее хозяйство. — Он самодовольно вздохнул. — Я прежде и не думал о таких вещах, но с тех пор, как мы удрали из Окленда, я поумнел. Португальцы в Сан-Леандро первые открыли мне глаза на многое. А до того я спал.

Они объезжали нижнее из трех полей, где трава стояла еще не скошенная. Билл выразительно указал на кое-как залатанную ограду и на помятое скотом поле.

— В том-то все и дело, — насмешливо сказал он. — Старозаветный уклад! Погляди, какой жалкий урожай и какая плохая вспашка. Непородный скот, несортовые семена, плохое хозяйство. Шэвон обрабатывает это поле вот уже восемь лет, и ни разу он не оставил его под паром, ничем не возмещал того, что брал от земли, если не считать, что он пускает сюда скот после уборки урожая.

Проехав дальше, они увидели пасущееся на поляне стадо.

— Взгляни вон на этого быка, Саксон. Сказать, что это шваль, — мало. Надо бы законом запретить держать таких животных. Немудрено, что Шэвон никак не вылезет из бедности и все, что он зарабатывает на глине, уходит у него на проценты по закладным. Он не может заставить свою землю приносить доход. Возьми, к примеру, этот участок: человек со смекалкой лопатой загребал бы серебряные доллары… Вот я им покажу, как надо вести хозяйство.

Проезжая мимо, они увидели вдали огромную глинобитную конюшню.

— Если бы он вовремя не пожалел нескольких долларов на крышу, то сберег бы несколько сотен, — заметил Билл. — Ну да ладно, по крайней мере, при покупке мне не придется платить ни за какие ремонты. И скажу тебе еще одно: это ранчо очень богато водой; значит, если Глен-Эллен разрастется и городу понадобится вода — им придется обратиться ко мне.

Билл знал этот участок вдоль и поперек и, сокращая дорогу, ехал через лес по вытоптанным скотом тропам. Вдруг он натянул поводья, и оба остановились. Прямо против них, шагах в двенадцати, стояла молодая лиса. С полминуты хищный зверек рассматривал их своими глазами-бусинками и шевелил чуткими ноздрями, вдыхая запах незнакомых существ, затем он беззвучно метнулся в сторону и исчез между деревьями.

— Ах ты разбойница! — воскликнул Билл.

Приближаясь к Дикарке, они выехали на длинную узкую поляну, посреди которой блестел пруд.

— Естественное водохранилище, когда Глен-Эллен начнет интересоваться водой, — заметил Билл. — Посмотри на дальний конец пруда — ничего не стоит поставить там плотину. Можно будет провести воду куда угодно. Не за горами то время, когда вода в этой долине будет цениться на вес золота. А все эти идиоты, разини, олухи и сони оглохли, ослепли и ничего не понимают. Ты знаешь, сейчас инженеры исследуют эту долину, чтобы начать прокладку электрички из Сосалито, с веткой в долину Напа.

Билл и Саксон подъехали к краю ущелья Дикарки. Откинувшись в седле, они пустили лошадей вниз по крутому склону и через густой хвойный лес добрались до забытой, почти заросшей тропы.

— Эта тропа была проложена еще в пятидесятых годах, — сказал Билл.

— Я на нее наткнулся случайно. А вчера спросил Поппа, — он ведь родился здесь, в долине. Он сказал, что тропу проложили золотоискатели из Петалумы, когда сюда понаехали. На бирже пустили слух о новых месторождениях, и сюда устремились тысячи одураченных людей. Видишь, вон расчищенная площадка и старые пни. Здесь был их лагерь. Они ставили лотки под деревьями. Площадка в свое время была больше, но речка размыла ее. Попп уверяет, что тут

произошло несколько убийств и даже кого-то линчевали.

Пригнувшись к шеям лошадей, они узенькой обрывистой тропинкой выбрались из ущелья и начали продираться через чащу, держа путь к холмам.

— Ты всегда ищешь красивые виды, Саксон. А я тебе такую штуку покажу, что ты с ума сойдешь… Подожди, вот выберемся из этой рощи.

Никогда за все время их странствований Саксон не встречала такого чудесного уголка, какой представился им, едва они выехали из мансанитных зарослей. Чуть приметная тропка казалась трепещущей красной тенью, отброшенной на мягкую лесную землю гигантскими секвойями и дубами. Все эти местные породы деревьев и ползучих растений точно сговорились между собой и, сцепившись, образовали воздушный свод; клены, мадроньо, лавры, величественные смуглые дубы — все было увито и оплетено диким виноградом и лианами, которые перебрасывали свои извивающиеся стебли с дерева на дерево. Саксон обратила внимание Билла на мшистый берег ручейка, поросший громадными папоротниками. Можно было подумать, что склоны нарочно сдвинулись, чтобы создать это убежище, эту огромную беседку в глубине леса. Под ногами хлюпала вода. Между широколиственными папоротниками звенел невидимый родник. Со всех сторон виднелись очаровательные уголки. Молодые секвойи безмолвно и стройно толпились вокруг упавших гигантов, их поросшие мохом, рассыпающиеся в прах стволы достигали лошадям до шеи.

Еще через четверть часа они, наконец, привязали лошадей у края узкого ущелья, которое вело к трем лесистым холмам. Сквозь ветви деревьев Билл указал Саксон на верхушку склоненной ели.

— Это как раз под ней, — сказал он. — Нам придется подняться по руслу ручья. Здесь никаких троп нет, хотя ты увидишь множество оленьих следов, ведущих через ручей. Боюсь только, что ты промочишь ноги.

Саксон радостно рассмеялась. Стараясь держаться ближе к Биллу, она шлепала по лужам, руками и ногами цеплялась за скользкую поверхность влажных скал и проползала под стволами упавших деревьев.

— Здесь ты по всей горе не найдешь скалистого русла, — сказал Билл, — поэтому река уходит все глубже, а берега непрерывно оползают. Они совершенно отвесны, еще немного — и они обрушатся. Подальше ущелье уже не шире трещины, но страшно глубокое. Ты можешь шутя переплюнуть его, но и легко сломать себе шею.

Карабкаться вверх становилось все труднее. Когда они добрались до узкой расселины, им пришлось остановиться.

— Подожди меня здесь, — сказал Билл и уполз в кусты.

Саксон ждала, покамест вверху не замер треск ветвей, потом подождала еще десять минут и последовала за Биллом. Там, где уже невозможно было идти по руслу ручья, Саксон взбиралась по тропе, тянувшейся вдоль крутого склона, под зеленым сводом ветвей; она была уверена, что это оленья тропа. Над головой она увидела склоненную ель, росшую на противоположной стороне ущелья, и выбралась к глинистому водоему с прозрачной водой. Он, видимо, образовался недавно, при сползании земли и деревьев. Над ним возвышалась крутая белая стена. Саксон сразу поняла, что это и есть та белая полоса, и стала озираться, ища Билла. Он свистнул, и она подняла голову. Билл стоял на самом краю отвесной белой стены, футов на двести выше Саксон, и держался за ствол дерева. Склоненная ель была рядом.

— Отсюда видно маленькое пастбище на твоей луговине, — крикнул он.

— Неудивительно, что сюда до сих пор никто не забирался. Эту стену можно увидеть только оттуда. И ты первая увидела ее. Постой, я сейчас спущусь и все тебе расскажу. Раньше я не решался.

Не требовалось особой проницательности, чтобы отгадать истину. Саксон поняла, что это и есть та драгоценная глина, которая необходима кирпичному заводу. Билл обошел оползень и стал спускаться по стене ущелья, с дерева на дерево, как по ступеням лестницы.

— Разве это не чудо? — восторженно заявил он, спрыгнув к ней. — Подумай только! Сокровище было скрыто под слоем земли в четыре фута, где его никому не найти, и ждало, пока мы с тобой придем в Лунную долину. Тогда оно сбросило кусочек своей кожи, чтобы мы могли его увидеть.

— И это та самая глина? — робко спросила Саксон.

— Ручаюсь головой. Я так много возился с ней последнее время, что и в темноте узнаю. Возьми разотри кусочек пальцами… вот так. Я бы ее отличил даже по вкусу, — достаточно я наглотался пыли от повозок. Ничего, и на нашей улице будет праздник. С тех пор как мы в Лунной долине, мы только и думали, как бы извернуться. А теперь нам можно и передохнуть.

— Но ведь участок-то не наш, — возразила Саксон.

— Ладно, ты не успеешь дожить до ста лет, как я куплю его. Прямо отсюда я лечу к Пэйну и заключаю договор на право покупки. Пока они составят купчую, я поищу денег. Мы опять займем четыреста долларов у Гоу Юма, да я возьму денег под лошадей и повозки, под Хазл и Хатти и под все, что стоит хоть цент. Потом получу купчую и закладную под нее и рассчитаюсь с Хильярдом. А тогда это уже легче легкого, — я заключу договор с кирпичным заводом по двадцати центов за ярд; может быть, удастся получить и больше: они с ума сойдут от радости, когда увидят глину. Здесь, где обвал, и бурить не придется. Глина вся на поверхности — двести футов. Рой себе — и все. Эти холмы — сплошная глина, только сверху тонкий пласт земли.

— Но ведь когда вы начнете добывать глину, что станет с этим красивым ущельем, — с ужасом воскликнула Саксон.

— Ничего, пострадает только холм. Дорога пройдет с той стороны. Отсюда до забоя Шэвона не больше полумили. Я проложу дорогу и надбавлю цену за перевозку; или пусть завод сам строит дорогу, а я буду возить им глину за те же деньги, что и теперь. И с первой же минуты буду получать двадцать центов чистого дохода за ярд. Но придется подкупить еще лошадей, — этих не хватит.

Взявшись за руки, они уселись у водоема и принялись обсуждать все подробности своего открытия.

— Знаешь что, Саксон, — сказал Билл после недолгого молчания, — спой-ка мне «Когда кончится жатва», ладно?

Прослушав песню до конца, он сказал:

— Первый раз ты ее спела мне в поезде, когда мы возвращались домой после гулянья.

— Да, это было в день нашего знакомства, — вставила она. — А какое я на тебя тогда произвела

впечатление?

— Да такое же, как и теперь, — что ты создана для меня. Я это решил сразу, с первого же вальса. А ты?

— А я все старалась отгадать — еще до первого вальса, с той минуты, как нас познакомили и ты пожал мне руку, — я все спрашивала себя: неужели это он? Этими самыми словами: неужели это он?

— Выходит, я тебе понравился? — спросил он.

— Да, понравился, а мои глаза меня никогда не обманывают.

— Слушай, — Билл перевел разговор на другую тему, — зимой, когда у нас все будет налажено и пущено в ход, отчего бы нам не махнуть в Кармел? С овощами зимой тихо, а вместо себя я могу оставить помощника.

Но Саксон не пришла в восторг; и это удивило его.

— Ты не хочешь? — поспешно спросил он.

Опустив глаза и запинаясь, Саксон ответила:

— Вчера я сделала одну вещь, не спросив твоего согласия, Билл.

Он молча ждал.

— Я написала Тому, — добавила она виновато.

Он ждал, сам не зная чего.

— Я просила его прислать мой старый комод — помнишь, комод моей матери, мы его поставили к ним перед уходом из Окленда.

— Уф! — вздохнул с облегчением Билл. — Что же тут особенного? Комод нам всегда пригодится, верно? А расходы по доставке нас не разорят, верно ведь?

— Ты мой дорогой дуралей, Билл, — вот что! Разве ты не помнишь, что было в комоде?

Он покачал головой; и она прибавила чуть слышно, будто вздохнув:

— Все, что нужно… ребенку…

— Правда? — воскликнул он.

— Да.

— Ты уверена? Она кивнула, и щеки ее вспыхнули.

— Я так желал этого, Саксон! Больше всего на свете! Я много думал об этом с тех пор, как мы попали сюда, — продолжал он срывающимся голосом; и она впервые увидела слезы на его глазах. — Но после всех безобразий, которые я натворил, и всех неприятностей, я… я не смел просить тебя или хоть словом обмолвиться на этот счет… Но я хотел… я так хотел этого!.. Как я люблю тебя сейчас!..

Он крепко обнял ее, и у водоема, в глубине ущелья, наступила тишина.

Вдруг Саксон почувствовала, что Билл предостерегающе коснулся пальцем ее губ. Послушная движению его руки, она повернула голову, — и оба увидели далеко вверху, на склоне холма, лань и пятнистого оленя, которые смотрели на них сквозь густую листву.

[1] Так называют в Америке итальянцев, испанцев, португальцев.

[2] В этом состязании участники бегут парами, причем две ноги партнеров связаны между собой.

[3] Все стихи в романе «Лунная долина» даны а переводе С. Г. Марр.

[4] Американские президенты Мак-Кинли был убит анархистами в 1901 году, Гарфилд был тяжело ранен и вскоре умер.

[5] Кливленд Стивен Гровер (1837 — 1908), будучи президентом, восстановил золотую валюту в интересах крупных капиталистов и этим способствовал разорению мелких фермеров.

[6] Рип Ван Винкль — герой одноименного популярного рассказа Вашингтона Ирвинга (1783 — 1859). Рип Ван Винкль проспал двадцать лет в лесу, а когда вернулся в свою деревню, то ничего там уже не узнал.

[7] День возложения венков — 30 мая; был впервые установлен для украшения могил убитых в Гражданской войне 1861 — 1865 годов.

[8] Абелон (или Морское ухо) — одна из разновидностей жемчужницы, встречающаяся у берегов Мексики и Калифорнии.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch